ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРІИ

РУССКИХЪ МЕДИЦИНСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ

XVIII СТОЛѢТІЯ.

Я. Чистовича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ,
Разъѣзжая, № 51/33.
1870.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРІИ

РУССКИХЪ МЕДИЦИНСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ

XVIII СТОЛѢТІЯ.

Я. Чистовича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ,
Разъѣзжая, № 81/83.
1870.

Государственная
БИБЛИО ЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
10110-63

2007056338

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемые «Очерки изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учрежденій» были уже напечатаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Здѣсь они собраны въ одну книгу для удобства читателей, которые пожелали бы составить себѣ сколько нибудь цѣльное понятіе о нѣкоторыхъ медицинскихъ нашихъ учрежденіяхъ прошлаго столѣтія.

Лѣтъ шестнадцать тому назадъ авторъ предпринялъ собрать достовѣрные матеріалы для исторіи первой медицинской школы въ Россіи и для выполненія этой задачи получилъ позволеніе, благодаря просвѣщенному вниманію министерства внутреннихъ дѣлъ, пересмотрѣть архивъ старыхъ дѣлъ высшихъ медицинскихъ учрежденій прошлаго столѣтія. Этотъ пересмотръ вышелъ длительнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Онъ потребовалъ цѣлыхъ девяти лѣтъ почти ежедневныхъ занятій. Но какъ ни утомителенъ былъ трудъ, онъ въ себѣ самомъ заключалъ извѣстную долю вознагражденія. Матеріаловъ, совершенно не извѣстныхъ до того времени, оказалось такъ много, прожитое старое время обрисовывалось въ нихъ такъ ясно, что работа собирателя ихъ завлекала его все дальше и дальше. Въ ряду этихъ матеріаловъ, конечно, не всѣ относились къ главному

предмету изысканій. Попадались и отдѣльныя, какъ бы эпизодическія событія, біографическія указанія, частности и мелочи, характеризующія время и людей: ихъ тоже невозможно было оставить безъ вниманія. Нѣкоторыя части собранныхъ такимъ образомъ матеріаловъ, позволявшія выдѣлить ихъ изъ общей главной задачи, печатались по мѣрѣ того, какъ авторъ успѣвалъ обработать ихъ и теперь предлагаются читателямъ.

Печатая эти «Очерки», авторъ далекъ отъ мысли придавать имъ какое-либо преувеличенное значеніе. Но онъ позволяетъ себѣ надѣяться, что какъ самъ онъ, находя матеріалы для нихъ въ архивныхъ дѣлахъ, знакомился съ прошлымъ временемъ и это знакомство доставляло ему не малое удовольствіе, такъ можетъ быть и товарищи-врачи прочтутъ ихъ по крайней мѣрѣ не безъ любопытства и не безъ участія и уваженія къ тѣмъ давно минувшимъ дѣятелямъ на медицинскомъ поприщѣ, усиліями которыхъ подготовлено наше нынѣшнее спеціальное положеніе.

Я. Чистовичъ.

3 декабря 1870.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ

МЕДИЦИНСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ ВЪ РОССІИ

ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

I.

ДВА СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХЪ ДѢЛА

1739 ГОДА.

При разсмотрѣніи старыхъ дѣлъ Медицинской Канцеляріи, дозволенномъ мнѣ для нѣкоторыхъ ученыхъ цѣлей, я встрѣтилъ два судебно-медицинскихъ дѣла, замѣчательныхъ по полнотѣ своей относительно къ тогдашнему дѣлопроизводству, и считаю долгомъ довести ихъ до свѣдѣнія медицинской публики, какъ историческіе матеріалы, характеризующіе эпоху и существовавшія въ ней научныя начала. Въ обоихъ этихъ случаяхъ вопросъ идетъ о судебно-медицинской оцѣнкѣ наружныхъ травматическихъ поврежденій и вмѣненіи виновникамъ послѣдствій ихъ— вопросъ интересный въ томъ особенно отношеніи, что рѣшеніе его произнесено было въ духѣ позднѣйшаго нашего законодательства.

Но прежде изложенія самыхъ дѣлъ не безполезно будетъ сказать нѣсколько словъ о самомъ дѣлопроизводствѣ тогдашняго времени. Въ эпоху, къ которой относятся описываемыя дѣла, Медицинскою Канцеляріею управлялъ архіятеръ Іоганнъ Бернгардъ Фишеръ (Johann Bernhard von Fischer), называвшійся «Ея

Императорскаго Величества лейбъ-медикомъ и архіятеромъ [1]) и Медицинской Канцеляріи и всего медицинскаго факультета въ Россіи президентомъ», рижскій уроженецъ, опредѣленный въ это званіе именнымъ указомъ императрицы Анны Іоанновны 1 февраля 1735 года и особеннымъ патентомъ на его имя. Это былъ человѣкъ гордый, твердый и самовластный, но въ тоже время справедливый, любившій науку и ученыхъ и готовый на всякое добро для подчиненныхъ своихъ.

Всѣ его письменныя приказанія и распоряженія начинались обыкновенно словами: «такого-то мѣсяца и числа, Ея Императорскаго Величества лейбъ-медикъ и архіятеръ, Медицинской Канцеляріи и всего медицинскаго факультета президентъ, І. Б. фонъ-Фишеръ *приказалъ:* (Ihro Kayserlicher Majestät Archiater und Leib-Medicus, wie auch Präsident der Medicin. Cancelley und Facultät J. Br. von Fischer hat *befohlen)*» и затѣмъ уже слѣдовало самое изложеніе дѣла. Именнымъ высочайшимъ указомъ 25 октября 1736 года ему подчинена была вся медицинская часть въ имперіи и всѣ доктора, лѣкаря и подлѣкаря, «какой бы они команды ни были», обязаны были «находиться у него въ полномъ послушаніи». Предоставленной ему этимъ указомъ власти онъ ни съ кѣмъ не раздѣлялъ во все время своего управленія, да и вся Медицинская Канцелярія, кромѣ него, состояла изъ одного секретаря для русской переписки (не медика), секретаря для нѣмецкой переписки (онъ же и переводчикъ съ нѣмецкаго на русскій, тоже не медикъ), двухъ русскихъ канцеляристовъ и пяти копіистовъ, одного нѣмецкаго канцеляриста и одного писца и одного русскаго счетчика или бухгалтера. Сношенія Медицинской Канцеляріи производились съ другими подобными канцеляріями «промеморіями», а съ подвѣдомственными лицами и мѣстами «указами», если писались порусски, и «ордерами отъ нѣмецкихъ дѣлъ», если писались понѣмецки. Вся письменная часть въ Медицинской Канцеляріи велась на двухъ языкахъ: нѣмецкомъ и русскомъ, въ два параллельные столбца, причемъ каждое дѣло, бывъ рѣшено архіятеромъ, вписывалось въ родъ журнала на нѣ-

---

[1]) Четвертымъ со времени учрежденія этого званія. Оно учреждено было императоромъ Петромъ I и первымъ архіятеромъ былъ лейбъ-медикъ его Эрскинъ, вторымъ Іог.-Деодатъ (Иванъ Лаврентьевичъ) Блюментростъ, третьимъ Ригеръ, четвертымъ Фишеръ, пятымъ графъ Лестокъ.

мецкомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ и подписывалось архіятеромъ; а потомъ выпискою изъ этого журнала дѣлалось уже исполненіе на одномъ русскомъ языкѣ за подписью архіятера и русскаго секретаря. Если припомнить къ этому всѣ околичности, вводившіяся обыкновенно въ дѣловую переписку, многословныя (иногда отъ слова до слова) повторенія всѣхъ относившихся къ дѣлу бумагъ, вошедшихъ отъ разныхъ соприкосновенныхъ къ нему мѣстъ и лицъ, неизбѣжный переводъ ихъ на нѣмецкій языкъ, а потомъ съ нѣмецкаго опять на русскій, то увидимъ, что тогдашняя оффиціальная переписка была по меньшей мѣрѣ вдесятеро обширнѣе и многословнѣе нынѣшней, хотя самый кругъ оффиціальной дѣятельности мѣстъ и лицъ былъ на столько же меньше и тѣснѣе нынѣшняго.

Архіятеръ Фишеръ назывался также (какъ сказано выше) «президентомъ всего медицинскаго факультета». Титуломъ этимъ онъ очень дорожилъ, потому что подъ названіемъ «факультета» разумѣлось не то, что нынѣ у насъ подъ нимъ разумѣется. При архіятерахъ только начинало еще образоваться въ Россіи медицинское сословіе изъ людей исключительно пришлыхъ, изъ иностранцовъ, частію получившихъ все свое медицинское образованіе за границею, частію окончившихъ его въ русскихъ медицинскихъ школахъ, но вообще не легко сближавшихся съ окружавшею ихъ общественною средою. Въ матеріальномъ отношеніи они, конечно, должны были считать себя довольными, потому что русское правительство обезпечивало имъ такое содержаніе, какого они не могли получать въ своемъ отечествѣ; но не такъ легко приходило спокойствіе и довольство нравственное. Незнаніе русскаго языка, нашихъ нравовъ и обычаевъ, преувеличеніе собственнаго своего значенія, основанное иногда не на дѣйствительныхъ заслугахъ или желаніи оказать ихъ, а просто только на ласковомъ пріемѣ правительства, нуждавшагося въ образованныхъ медикахъ, и наконецъ столкновеніе интересовъ личныхъ и профессіональныхъ съ интересами членовъ другихъ сословій и особенно военнаго, ставили ихъ иногда въ очень затруднительное положеніе. Такъ въ началѣ 1737 года многіе иностранные медики въ арміи фельдмаршала Миниха, дѣйствовавшей противъ Турокъ, жаловались, что офицеры мѣшаютъ имъ исполнять свою долж-

ность, конфузятъ ихъ, дѣлаютъ имъ разныя умышленныя неприятности, вслѣдствіе чего и изданъ былъ имянной указъ императрицы Анны Іоанновны, распубликованный во всей арміи, которымъ положенъ былъ конецъ этимъ неприличнымъ и вреднымъ шуткамъ. При такомъ порядкѣ вещей нравственное значеніе каждаго отдѣльнаго медика было ничтожно и навсегда осталось бы ничтожнымъ, еслибъ медики не старались сблизиться между собою въ видѣ особой корпораціи, особаго сословія, члены котораго соединялись бы единствомъ образованія, научныхъ интересовъ и нравственнаго значенія въ обществѣ. Это сближеніе ихъ между собою, это слитіе частныхъ интересовъ въ одинъ общій профессіональный интересъ обозначалось однимъ словомъ «факультетъ», выражавшимъ слѣдовательно тоже самое, что теперь выражается словами «медицинскій корпусъ» или «медицинское сословіе». Когда это слово вошло въ оффиціальное употребленіе—достовѣрно неизвѣстно, но несомнѣнно то, что архіятеръ Фишеръ по справедливости придавалъ ему все то значеніе, какого оно заслуживало. Онъ гордился тѣмъ, что стоялъ во главѣ цѣлаго медицинскаго факультета, а члены этого послѣдняго были увѣрены, что всегда найдутъ въ немъ крѣпкую опору и твердаго защитника нравственныхъ ихъ интересовъ и ненарушимости ихъ привиллегій. И это взаимное довѣріе и уваженіе другъ къ другу и къ своему званію, эта безпрерывная заботливость объ общемъ благѣ, въ сохраненіи котораго лежало индивидуальное благо каждаго отдѣльнаго лица, это нравственное тяготѣніе къ одному общему центру было причиною, что медицинское сословіе въ Россіи, какъ оно въ началѣ ни было малочисленно, упрочило свое существованіе и заставило уважать себя.

При Медицинской Канцеляріи состояли также штадтъ-физикъ, операторъ и одинъ лѣкарь. Штадтъ-физикомъ при архіятерѣ Фишерѣ (въ Петербургѣ) былъ докторъ Матвѣй Минятъ или Минятти (Matthias Myniatti), операторомъ лѣкарь Гангартъ (Іог.-Балтазаръ von Hangart), а лѣкаремъ Гальтернъ (Jacob von Haltern). Въ случаѣ болѣзни или отлучки штадтъ-физика, его замѣнялъ докторъ шляхетнаго кадетскаго корпуса Санхесъ (Antonius Ribeyro Sanches) [1]; оператора замѣняли операторъ генераль-

[1]) Впослѣдствіи лейбъ-медикъ императрицы Анны Іоанновны.

наго сухопутнаго госпиталя Johann Guyon или генеральнаго адмиралтейскаго госпиталя главный лѣкарь Эйнбротъ, а лѣкаря Гальтерна замѣняли иногда лѣкарь генер. сухоп. госп. Jacob von Mellen, лѣкарь Вольфъ, лѣкарь C. Egidy, лѣкарь C. Wirgers и другіе, по назначенію архіятера. Эти медики производили также и всѣ судебно-медицинскія изслѣдованія (напримѣръ свидѣтельствованіе больныхъ, неспособныхъ къ службѣ, вскрытіе мертвыхъ человѣческихъ тѣлъ), равно какъ и экзаменовали вновь опредѣлявшихся на службу иностранныхъ врачей и ежегодно свидѣтельствовали аптеки и ботаническіе сады [1]). Однимъ словомъ, это

[1]) Свидѣтельствованіе (ревизія) аптекъ и аптекарскихъ садовъ въ Спб. и Москвѣ производилось однажды въ годъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ. Оно введено тѣмъ же указомъ, которымъ учреждена Медицинская Коллегія, т. е. указомъ 7 сентября 1721 года; этимъ же указомъ предписано учредить таксу для аптекъ и экзаменъ для врачей, желающихъ имѣть право свободной практики въ имперіи, «понеже иногда многіе неученые, скитающіеся, безъ всякаго наказанія дерзновенно лѣчать, въ чемъ великую вреду жителямъ учинить могутъ» и поручаемо было штадтъ-физикамъ, т. е. въ Спб. состоявшему при Медицинской Канцеляріи (при архіятерѣ Фишерѣ) доктору Матвею Миніатти, а въ Москвѣ состоявшему при тамошней Медицинской Конторѣ (которою управлялъ секретарь Василій Правдинъ) и главной аптекѣ доктору Демьяну Синопеусу (Damianus Synopaeus). Штадтъ-физики обязаны были извѣщать практикующихъ докторовъ въ обѣихъ столицахъ о днѣ и часѣ свидѣтельствованія, дабы и они могли, если бы хотѣли, при немъ присутствовать и объявлять свои претензіи или какія либо мѣры къ улучшенію аптекъ. Цѣль и объемъ подобнаго свидѣтельствованія видны изъ слѣдующихъ указовъ Медицинской Канцеляріи, данныхъ обоимъ столичнымъ штадтъ-физикамъ въ 1737 году.

«1737 года сентября въ 29 день, по указу Ея Императорскаго Величества, Ея Импер. Велич. архіятеръ и лейбъ-медикъ и президентъ Медицинской Канцеляріи и факультета Яганъ Бернгартъ фонъ-Фишеръ приказалъ къ физику доктору Миніату (Myniatti) послать указъ, по которому велѣть, понеже нынѣ первое число октября мѣсяца приближается, того ради оному доктору визитаціи въ аптекахъ нынѣ паки чинить, а имянно дабы оную визитацію исправлялъ со всякою прилежностью, употребляя къ тому надлежащее время и неослабно, и чтобъ порядочно пересмотрѣлъ, всѣ ли симплиціи оффиціальныя эксъ триплици натуре регно (simplicia officinalia ex triplici naturae regno), а именно каждая вещь настоящей ли доброты имѣютъ быть, также всѣ композита узуалія (composita usualia), какъ требуемые въ адмиралтейскіе корабельные и армейскіе полковые медикаментные сундуки (Artznei-Kessen), такожъ и прочіе произведенные композиціи (angeführte composita), сколько при таковыхъ визитаціяхъ освидѣтельствовать можно, подлинно освидѣтельствовать и дабы по наименьшей мѣрѣ въ надлежащемъ числѣ симплиціевъ и композитовъ, такожъ и добротою оныхъ въ казенныхъ Ея Императорскаго Величества аптекахъ недостатка не было: ибо въ противность того и въ происшедшей жалобѣ отъ практиковъ оной докторъ Миніатъ отвѣта понесть имѣетъ: И дабы оное наибольше отвращено

былъ настоящій физикатъ въ нынѣшнемъ значеніи этого мѣста, только безъ опредѣленнаго названія и безъ самостоятельнаго от-

---

было, то оному доктору здѣшнимъ практикамъ, какъ обрѣтающимся при Дворѣ и лейбъ-гвардіи Ея Императорскаго Величества, такожъ и протчимъ обрѣтающимся въ службѣ управляющимъ практику медическую докторамъ (doctoribus medicinae), число и часъ, въ которой аптекѣ онъ рецептую визитацію чинить будетъ, объявить, дабы по изволу ихъ при томъ могли присутствовать.»

Почти такого же содержанія указъ (20 октября 1737 года) данъ былъ доктору Д. Синопеусу касательно освидѣтельствованія московскихъ аптекъ, причемъ упомянута инструкція штадтъ-физикамъ, которою визитація аптекъ поставлена имъ въ обязанность, «съ присовокупленіемъ одного старшаго доктора (eines ältern doctoris)», приведенъ примѣръ прошлаго 1736 года и прибавлено, чтобы «такимъ же образомъ оные аптеки и впредь повсегодно визитовать не ожидая о томъ изъ Медицинской Канцеляріи указу.»

Въ отвѣтъ на этотъ указъ докторъ Моиатти донесъ, 17 октября 1737 года, что онъ все нашелъ въ казенныхъ аптекахъ въ исправности и въ достаточномъ количествѣ, «но только въ главной аптекѣ явилось послѣ пожару (бывшаго въ томъ же году) еще не совсѣмъ въ надлежащемъ порядкѣ разставлены и надлежащіе мѣста ко избереженію еще не въ готовности находятся, чего ради совѣтовалъ я аптекарю Лапену (David Lapehn), чтобъ онъ особливо препараты антимоніаліа и меркуріалисъ поставилъ къ себѣ въ покой, дабы отъ мокроты въ погребахъ не могли получить какую либо остроту и отъ того учинить вредъ. Такожъ и въ медицинскомъ огородѣ еще нѣкоторые зимплиціа находятся въ землѣ, которые нынѣ собираются». Касательно приглашенныхъ докторовъ онъ прибавилъ, что изъ нихъ явились немногіе, именно въ первый день визитаціи нижней аптеки и адмиралтейской аптеки были генеральнаго сухопутнаго госпиталя докторъ Энгелертъ и кадетскаго корпуса докторъ Санхесъ, да на другой день академіи наукъ докторъ Вейдебрехтъ, а при визитаціи главной аптеки никого изъ докторовъ не присутствовало, при визитаціи же въ медицинскомъ огородѣ былъ адмиралтейскаго госпиталя докторъ Сигезбекъ. Наконецъ онъ представилъ слѣдующую жалобу отъ практиковъ: «1) что нѣкоторые медикаменты дорого продаются; 2) что во отправленіи оныхъ въ аптекахъ иногда чинится продолженіе: и на первое объявлено имъ, что въ продажѣ медикаментовъ надлежитъ поступать по учиненной отъ Медицинской Канцеляріи таксѣ: а о другомъ пунктѣ, чтобъ они на рецептахъ, которые скораго отправленія требуютъ, о томъ приписали, дабы потомъ въ аптекахъ вѣдать, которыхъ медикаментовъ скоро отправлять надлежитъ: ибо во оныхъ аптекахъ отправленіе бываетъ вдругъ по разнымъ рецептамъ, а иногда и въ знатные домы и безъ извѣстія, что чего скорее отправлять надлежитъ, имъ знать не почемъ.»

Съ этого времени ведется у насъ и до сихъ поръ ускореніе приготовленія и отпуска лѣкарствъ изъ аптекъ не въ очередь, по особымъ предписаніямъ врачей, въ случаяхъ чрезвычайныхъ и не терпящихъ отлагательства.

Докторъ Синопеусъ донесъ, что онъ свидѣтельствовалъ, вмѣстѣ съ докторомъ Московскаго медицинскаго огорода Трауготомъ Герберомъ, какъ главную казенную аптеку въ Долгоруковскомъ домѣ, такъ и «прочіе партикулярные аптеки, а именно въ Новонѣмецкой слободѣ мейерову (Meyer), на Покровкѣ саут-

дѣльнаго существованія, причемъ ходомъ дѣлъ его распоряжался архіатеръ. Для присутствованія членовъ физиката, ихъ совѣща-

---

сову (Sanders), близь Каменнаго мосту орнакину (Ahrankiel)» и вездѣ нашли все въ исправности.

Рихтеръ, въ своей *Исторіи медицины въ Россіи* (ч. III, стр. 230), говоритъ, что физикатъ учрежденъ въ Москвѣ и Петербургѣ въ 1739 году и къ этому же времени относитъ составленіе инструкціи штадтъ-физикамъ. Что касается до учрежденія физиката, то можетъ-быть онъ и правъ, но штадтъ-физики существовали задолго до этого времени, какъ видно изъ сдѣланныхъ здѣсь выписокъ изъ оффиціальныхъ документовъ, равно какъ существовала уже въ 1736 году инструкція штадтъ-физикамъ, потому что иначе архіатеръ не сослался бы на нее въ указѣ своемъ доктору Синопеусу. Впрочемъ у Рихтера встрѣчаются нѣкоторыя хронологическія и біографическія невѣрности, которыя будутъ указаны въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же упомяну только, что у него вовсе даже не упоминается о службѣ Синопеуса при Московской Медицинской Конторѣ и главной аптекѣ, куда этотъ послѣдній переведенъ былъ изъ Кронштадта на мѣсто Детейльса, назначеннаго (послѣ вторичной службы штадтъ-физикомъ) главнымъ докторомъ Московскаго госпиталя по смерти Бидлоо. Дѣло въ томъ, что Рихтеръ смѣшиваетъ учрежденіе «физиката» съ учрежденіемъ «штадтъ-физиковъ», тогда какъ послѣдніе задолго предшествовали первому. Штадтъ-физики существовали при главной аптекѣ въ Москвѣ «у физическихъ дѣлъ» задолго до учрежденія первой Медицинской Коллегіи. Такъ докторъ Антоній Детельсъ принятъ въ русскую службу въ 1714 году и прямо опредѣленъ къ Московской главной аптекѣ (т. е. у физическихъ дѣлъ), съ жалованьемъ по 500 р. въ годъ и оставался въ должности штадтъ-физика до конца 1726 года, когда откомандированъ былъ на военное время въ армію (22 декабря 1726), въ Низовой корпусъ, штабъ-докторомъ, съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ. Онъ былъ, кажется, первымъ Московскимъ штадтъ-физикомъ и притомъ два раза, въ различное время. Что при главной аптекѣ, до учрежденія въ Москвѣ медицинской конторы и настоящаго физиката, сосредоточивались «физическія дѣла», т. е. разнаго рода свидѣтельствованія по судебнымъ и административнымъ вопросамъ, вотъ доказательство. 22 марта 1732 года, по порученію Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, лѣкари Иванъ Зуръ и Федоръ Карповъ свидѣтельствовали захворавшихъ въ Москвѣ, находившихся въ отпуску, одного узденя Кабардинскаго владѣльца Магомета Атажукина, да изъ Киргизъ-Кайсацкихъ посланцовъ двухъ. (Штадтъ-физикъ былъ тогда въ отсутствіи). Наконецъ что касается до инструкцій штадтъ-физикамъ, то онѣ повидимому повторялись и дополнялись при назначеніи каждаго новаго лица на эту должность. Такъ, напримѣръ въ 1735 дана она доктору Якову Миліусу, при назначеніи его штадтъ-физикомъ въ Москву, въ 1736 году опять повторена доктору Д. Синопеусу, а въ 1737 дана новая доктору Іог. Фридр. Шрейберу. Назначеніе послѣдняго штадтъ-физикомъ сопровождалось любопытнымъ обстоятельствомъ: ему приказано было, занявъ мѣсто Синопеуса (назначеннаго въ армію, въ Украинскій корпусъ), нанять непремѣнно и домъ Синопеуса въ Москвѣ, чтобы послѣдній не терпѣлъ убытковъ по дому во время отсутствія изъ Москвы.

Считаю долгомъ также присовокупить, что я имѣлъ передъ глазами многочисленные автографы иностранныхъ докторовъ въ русской службѣ описываемой

ній между собою и рѣшенія различныхъ, относившихся къ нимъ, дѣлъ при Медицинской Канцеляріи существовала особенная зала, но безъ особеннаго канцелярскаго штата. Входила ли въ кругъ дѣятельности этого физиката медицинская полиція столицы—неизвѣстно, потому что въ сохранившихся канцелярскихъ дѣлахъ этой эпохи очень немного указаній на этотъ предметъ [1]).

Предпославъ эти общія замѣчанія, приступаю къ изложенію самыхъ судебно-медицинскихъ дѣлъ.

Первое изъ нихъ возникло по поводу скоропостижной смерти копіиста Тайной Канцеляріи, Григорія Елисѣева. Копіистъ этотъ, 22 апрѣля 1739 года, получилъ нѣсколько ударовъ по головѣ, отъ которыхъ произошелъ проломъ черепа съ потерею самосознанія и параличемъ языка, окончившійся смертью 26 апрѣля того же года. На другой день послѣ этого, т. е. 27 апрѣля, по словесному требованію, переданному лично генералъ-адъютантомъ Андреемъ Ивановичемъ Ушаковымъ архіятеру Фишеру, этотъ послѣдній далъ приказъ оператору Гангарту (штадтъ-физикъ Миниатти уѣзжалъ куда-то изъ города) осмотрѣть и вскрыть тѣло умершаго копіиста и донести Медицин-

---

эпохи и въ правописаніи ихъ держался того, какъ они сами подписывались, а не современнаго или позднѣйшаго русскаго произношенія.

[1]) Однимъ изъ подобныхъ указаній служитъ распоряженіе архіятера Фишера о прекращеніи появившейся между простымъ народомъ въ С.-Петербургѣ эпидемической горячки (hitziges Fieber) весною 1737 года. При этомъ Ямская слобода, въ которой преимущественно свирѣпствовала горячка, раздѣлена была на четыре участка и въ каждый участокъ командировано было по одному лѣкарскому ученику изъ генеральныхъ Петербургскихъ госпиталей, гдѣ и отведены имъ были квартиры. Каждому лѣкарскому ученику данъ былъ одинъ сотскій и одинъ десятскій, съ которыми онъ обязанъ былъ всякое утро осматривать больныхъ «горячею лихорадкою» въ своемъ участкѣ и прописывать имъ лѣкарства изъ главной аптеки безденежно. Надзоръ за дѣйствіями лѣкарскихъ учениковъ порученъ былъ лѣкарямъ фонъ-Гальтерну и И. Паульсену (Paul Paulsen), а общій надзоръ за всѣми—штадтъ-физику Миниатти. Всѣмъ имъ даны были довольно подробныя и отдѣльныя инструкціи отъ архіятера. Этими инструкціями предписывалось, между прочимъ, окуриваніе обывательскихъ домовъ уксусомъ, «а которые изъ обывателей уксусу промыслить себѣ не могутъ, тѣмъ въ избахъ своихъ полпатрона фузейнаго пороху зажечь.» Лѣкарскимъ ученикамъ во все время этой командировки выдавалось изъ доходовъ Медицинской Канцеляріи ежедневно по 10 копѣекъ «на пропитаніе.» Эпидемія существовала не долго, какъ можно судить изъ того, что всѣ эти распоряженія сдѣланы 8 апрѣля 1737, а отмѣнены 16 числа того же мѣсяца.

ской Канцеляріи о результатахъ этого вскрытія [1]). Въ исполненіе этого приказанія Гангартъ представилъ въ Медицинскую Канцелярію слѣдующій рапортъ:

«Par ordre de la Chanceillerie de Médecine a été visité le corps du copiste Grégoire Elisseeff, mort le 26 avril après avoir reçu des coups sur la tête le 22 avril 1739 et (comme on a dit) que dès qu'il les avoit reçu il a cessé de parler et tenoit les paupières tousjours fermées, en touchant souvent avec la main la tempe gauche. Exterieurement il n'y avoit aucune marque de contusion. Sous la voute du crane il y avoit du sang extravasé et epanché sur tout le crane, presque sec, et les muscles temporales en étoient remplies. Le crane fut fendu depuis la suture coronale des deux cotés de la suture sagitale, de la longueur d'un travers de doigt, et la suture coronale s'écartoit de deux cotés. Entre le crane et la dure mère sur le lobe anterieur gauche du cerveau il y avoit du sang coagulé de la grosseur d'un oeuf de poule, qui faisoit une impression selon la grandeur sur le lobe anterieur gauche du cerveau et séparoit la dure mère du crane jusqu'au dessus la voute de l'orbite gauche. Le reste du cerveau fut en bon état et sans autre épanchements. St. Pétersbourg, ce 27 avril 1739. Hanhart.»

Этотъ рапортъ переведенъ былъ съ французскаго на нѣмецкій языкъ штатнымъ переводчикомъ Медицинской Канцеляріи Якобомъ-Амвросіемъ Лангомъ (Jacob-Ambrosius Lang), а потомъ съ нѣмецкаго на русскій штатнымъ же переводчикомъ той канцеляріи Иваномъ Варингомъ (Johann Waring).

Въ тотъ же день, 27 апрѣля, генералъ Ушаковъ письменно потребовалъ обстоятельнаго извѣстія о причинѣ смерти Григорія Елисѣева. Архіятеръ Фишеръ далъ резолюцію, что такъ какъ судебно-медицинскіе осмотры подлежатъ разсмотрѣнію штадтъ-физика (который былъ въ отлучкѣ), то русскую копію съ Гангар-

---

[1]) Судебно-медицинскія вскрытія производились или въ генеральныхъ госпиталяхъ—сухопутномъ и адмиралтейскомъ, или въ домахъ самихъ покойниковъ, если это признавалось удобнымъ. Такъ напр. въ описаніи одного судебно-медицинскаго вскрытія опившагося солдата (26 октября 1739 года) сказано: «по вскрытіи явились всѣ части въ груди и въ животѣ въ натуральномъ состояніи, кромѣ что въ селезенкѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горбы имѣлись (das Miltz knorplicht war), да уринной пузырь чрезнатурально надулся, но токмо не отъ того скоропостижная смерть учинилась, а причина той скоропостижной смерти разсуждается *апоплектическая болѣзнь*, ибо оной драгунъ повидимому былъ въ лѣтѣхъ и какъ слышно пьянству преданъ былъ, *а вскрытіе головы за неспособностію мѣста учинить было невозможно.*»

това рапорта послать къ доктору шляхетнаго кадетскаго корпуса Санхесу «....und zu befehlen, dass er darüber ob die Zerspaltung des Cranii dem Copiisten würklich von Tod absolute verursacht habe, oder selbigen durch eine zeitige Trepanirung und gehörige Besorgung vielleicht vermieden werden können Seine Beurtheilung der Medicinischen Cancelley einsenden möge.»

Это предписаніе было написано сперва на нѣмецкомъ языкѣ, потомъ переведено на русскій и уже въ русскомъ переводѣ передано доктору Санхесу.

Разсмотрѣвъ присланныя къ нему бумаги, докторъ Санхесъ представилъ слѣдующее собственноручное донесеніе:

«Ex mandato Cancellariae Medicae ut meam de renunciatione morbi, quo scriba Gregorius Elisseoff prope mortem laboravit, sententiam, loco absentis physici, dicerem, cognovi ex historia morbi a chirurgo Hanhart descripta quae sequuntur: «Illum Gregorium Elisseoff vel conto vel pertica aliove instrumento contundente fuisse in capite acriter percussum: quartaque die post acceptas plagas cadaver fuisse lustratum et apertum: in cujus capite sanguinis grumos inter cranium cutemque fuisse inventos. Cranium a sutura coronali versus suturam sagitalem latitudine duorum pollicum fuisse scissum et laceratum: Inter vero cranium et duram matrem supra anteriorem sinistrum cerebri lobum sanguinis grumum magnitudine ovi gallinacei fuisse factum, per cujus molem ipsemet lobus tantum praemebatur, quantum durities grumi resistebat: Duram vero matrem a cranii depressione ad fornicem orbitae sinistrae divulsam apparuisse. Cerebrum vero ad cetera sanum.»

«Ex his puto, chirurgus peritus ad dictum scribam Elisseoff decumbentem si acerssitus fuisset, qui largis sanguinis evacuationibus, incisione lata triangulari loco contuso, trepano ex arte applicato post decem a percussione horas, ossis divulsis fractisve composita vel elavata si fuissent, morbum in se susciperet tractandum, Divina favente gratia forsan in sanitatem potuisse restitui: Neglectis vere remediis dictis, quae ars sana per experimenta multoties salutaria vidit, necessariso mors plagas similes huic, quam dictus Gregorius Elisseoff passus fuit, neglectas sequi debuit. Haec mea sententia fidesque. Antonius Ribeyro Sanches, M. D.»

Это донесеніе доктора Санхеса переведено было на нѣмецкій языкъ, а съ нѣмецкаго на русскій и потомъ представлено уже, на русскомъ языкѣ, въ сокращеніи, генералу Ушакову, въ слѣдующемъ письмѣ отъ архіятера Фишера:

«Высокородный превосходительнѣйшій господинъ и кавалеръ и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка подполковникъ и Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютантъ,

Государь мой!

«Письмо Вашего Превосходительства, писанное минувшаго апрѣля 29, получено мною 30 числа исправно, и на оное В-му Пр-ству доношу, что операторъ Гангартъ тайной канцеляріи умершаго копіиста Григорья Елисѣева осматривалъ и нашелъ, что у онаго отъ удару черепъ былъ переломленъ, и подъ онымъ черепомъ крови явилось, какъ о томъ поданной въ Медицинскую Канцелярію отъ оного Гангарта репортъ свидѣтельствуетъ, и понеже оной репортъ въ небытности физика доктора Мніята Шляхетного Кадецкого корпуса доктору Санхесу, для важности оного дѣла, данъ въ разсужденіе, и оной докторъ поданнымъ сего маія 1-го дня мнѣніемъ своимъ разсудилъ, что ежелибъ показанной копіистъ Григорій Елисѣевъ нѣсколько часовъ послѣ того удару лекаремъ былъ пользованъ и трепанованъ, тобъ Божіимъ вспоможеніемъ Господа Бога иногда могъ при животѣ быть; но понеже оное, сколько извѣстно, не учинено, того ради показанной копіистъ Елисѣевъ отъ того удара и умре; и о томъ донесши со всякимъ почтеніемъ пребываю

В—го Пр—ства
Государя моего
всегдашній слуга
J. Br. Fischer.»

Санктъ Питеръ Бурхъ,
маія 2 дня 1739 года.

Въ этомъ дѣлѣ замѣчательны два обстоятельства. Первое то, что, назначая освидѣтельствованіе и вскрытіе мертваго тѣла, архіятеръ сперва поставилъ цѣлью его опредѣленіе причины смерти, а потомъ, при обсужденіи результатовъ вскрытія, когда первый вопросъ могъ считаться рѣшеннымъ, далъ другой вопросъ: было ли поврежденіе безусловно и неизбѣжно смертельно, или могли существовать условія его несмертельности? Такой порядокъ въ рѣшеніи судебно-медицинскихъ вопросовъ относительно поврежденій совершенно сходенъ съ тѣмъ, который существуетъ въ нынѣшнемъ нашемъ законодательствѣ, хотя описанный случай отдаленъ болѣе чѣмъ цѣлымъ столѣтіемъ отъ времени изданія нынѣшнихъ нашихъ законовъ о судебномъ изслѣдованіи поврежденій. Правда, въ подробностяхъ рѣшенія вопроса едва ли нынѣ можно согласиться съ мнѣніемъ доктора Санхеса:

но мысль, руководившая при рѣшеніи его, общій взглядъ на судебное значеніе поврежденій, остаются такими же, какими и тогда были.

Другое обстоятельство касается практической медицины, именно условій несмертельности описаннаго поврежденія. Санхесъ говоритъ, что еслибъ тотчасъ послѣ нанесенія поврежденія сдѣлано было паціенту обильное кровопусканіе и потомъ правильная трепанація черепа, то онъ можетъ быть и не умеръ бы. Оставивъ въ сторонѣ трепанацію, позволяемъ себѣ спросить: какой пользы можно было ожидать отъ обильнаго кровопусканія для мозга, со всѣхъ сторонъ сдавленнаго излившеюся кровью, когда притомъ на одномъ изъ полушарій его лежалъ сгустокъ съ куриное яйцо? А между тѣмъ нынѣшніе врачи при подаваніи первоначальныхъ пособій во всѣхъ чрезвычайныхъ или «казусныхъ» случаяхъ поступаютъ совершенно также, какъ совѣтовалъ поступить Санхесъ, т. е. пускаютъ кровь, безъ разбора, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно и гдѣ вовсе ненужно. Подобное «подаваніе помощи» вошло уже въ привычку и освящено обычаемъ, отчасти основаннымъ на страхѣ законной отвѣтственности, можетъ быть потому, что медикъ *обязанъ* подать помощь, а кровопускательная ранка, хотя бы сдѣланная въ послѣднія минуты агоніи, остается видимымъ свидѣтельствомъ того, что онъ *исполнилъ* свою обязанность. Изъ описаннаго случая видно, что это есть не что иное, какъ старинное преданіе, неизмѣнно сохранившееся до нашихъ временъ и имѣвшее основаніемъ своимъ крѣпкую вѣру старыхъ врачей во всеобщую цѣлебность кровопусканія, преданіе не стоющее того, чтобы такъ долго беречь его и безразборчиво руководиться имъ.

Другое судебно-медицинское дѣло возникло спустя нѣсколько дней послѣ предыдущаго и тоже по поводу смертельныхъ побоевъ. Оно представляется здѣсь въ юридическихъ формахъ тогдашняго времени, какъ найдено мною въ оригинальной переепискѣ.

«Промеморія изъ Канцеляріи Главной Артиллеріи въ Медицинскую Канцелярію.

«Понеже сего маія 11 дня въ донесеніи Канцеляріи Главной Артиллеріи щетныхъ дѣлъ канцеляриста Ивана Мальцова жены, вдовы Марфы Федо-

ровой-дочери, объявлено, что оной мужъ ея противъ означеннаго 11 числа по полуночи во 2-мъ часу волею Божіею умре, а въ поданномъ ево Мальцова отъ оногожъ маія 10 дня прошеніи написано, минувшаго де апрѣля 24 дня въ домѣ Канцеляріи Главной Артиллеріи канцеляриста Ивана Васильева били его Мальцова оной Васильевъ да щетныхъ дѣлъ канцеляристъ Иванъ, да копіистъ Алексѣй Дубинкины смертельно, да тогожъ маія 10 дня въ доношеніи отъ щетныхъ дѣлъ показано, что противъ словеснаго оного Мальцова жены Мароы объявленія объявленной Мальцовъ артиллеріи штапъ-лекаремъ Гакманомъ апрѣля 30 дня осматриванъ и по осмотру у него Мальцова явилось на груди въ одномъ мѣстѣ багрово, на спинѣ малые два знака синіе и оное де можетъ быть отъ побой, того ради по Ея Императорскаго Величества указу Канцелярія Главной Артиллеріи приказали, во оную Медицинскую Канцелярію послать промеморію и требовать, чтобъ оное канцеляриста Мальцова тѣло осмотрѣно было и учинена была анатомія и что по анатоміи явится сообщенобъ было въ Канцелярію Главной Артиллеріи въ непродолжительномъ времени извѣстіе, и Медицинская Канцелярія о вышеописанномъ да благоволитъ учинить по Ея Императорскаго Величества указу. G. W. de Hennin. Иванъ Унковской. Стефанъ Кошелевъ. Аудиторъ Иванъ Малыгинъ.»

Маія 11 дня 1739 года.

Медицинская Канцелярія, основываясь на этой промеморіи, предписала штабъ-лѣкарю главной артиллеріи Гакману (Stab-Chirurgus Hakmann) и оператору Гангарту осмотрѣть и вскрыть мертвое тѣло Мальцова и о результатахъ вскрытія представить свое донесеніе.

На другой день, 12-го мая, Гакманъ и Гангартъ представили слѣдующее донесеніе на нѣмецкомъ языкѣ, переведенное порусски И. Варингомъ:

«Высокоучрежденной Медицинской Канцеляріи репортъ.

«Понеже по указу Высокоучрежденной Медицинской Канцеляріи тѣло канцеляриста Ивана Мальцова осматривано: о которомъ сказываютъ, что минувшаго апрѣля 24 дня битъ былъ и отъ оныхъ побой жаловался грудью и нѣсколько де желтоватой матеріи харкалъ и отъ того по кровопусканіи и отъ употребленія медикаментовъ малое число стало ему лутче, а маія 8 дня сталъ онъ о великомъ лому въ головѣ жаловаться и сталъ безъ языка и глазные вѣки имѣлъ въ закрытіи и тогожъ маія 11 дня умре: и по осмотру явилось, что у его мозгъ былъ весьма блеклъ (gantz welk) и

сущимъ гноемъ наполненъ, а легкіе по обоимъ сторонамъ сильно заросли и надъ правою стороною легкого малое число вонючей матеріи имѣлось: во протчемъ же ничего чрезъъестественнаго не явилось: о чемъ высокоучрежденной Медицинской Канцеляріи репортовать долженствуемъ. Санктъ Питеръ бурхъ, маія 12 дня 1739 года. Гакманъ. Гангартъ.»

Получивъ это донесеніе, Медицинская Канцелярія передала (14 мая) копію съ него, на русскомъ языкѣ, доктору Санхесу (за отсутствіемъ штадтъ-физика Миниатти) съ ордеромъ, «дабы онъ изъ вышеписанныхъ обстоятельствъ имѣлъ разсужденіе, подлинноль оной канцеляристъ Мальцовъ отъ полученныхъ побой или отъ какой внутренной болѣзни, и какою болѣзнью именно, особливо же за тѣмъ, что штапъ-лекарь Гакманъ словесно объявилъ, что умершей и пьянству былъ преданъ, умре, и о томъ разсужденіе свое въ Медицинскую Канцелярію прислалъ письменно за своею рукою немедленно.»

Д-ръ Санхесъ разсмотрѣлъ доставленное ему visum repertum и представилъ слѣдующее донесеніе, на латинскомъ языкѣ, написанное его собственною рукою (которое было тотчасъ же переведено на нѣмецкій, а съ нѣмецкаго на русскій языкъ):

«Ex mandato Cancellariae Medicae ut sententiam de morbo, qui mortis caussa fuit scribae Ioanni Maltzoff, ex vi. q. renunciationis, quam chirurgus Hanhart ad me missam exaravit, certus tunc factus fui, anteadictum scribam Maltzoff plagis in dorso latereque dextro 24 die aprilis fuisse percussum: in morbum deinde pectoris incidisse, postea in carum soporemve profundum, aphonum et intra decimum septimum a morbi initio diem animam efflavisse. Cadavere externe lustrato nullas in eo vibices apparuisse, abscessum pusve acre larga copia ventriculis cerebri fuisse inventum, in pulmone dextro parum, pulmones utrosque costis adhaesisse, quod vitium potatoribus, qualis, dum in vivis erat, fuit dictus scriba.

Ex his signis morbique effectibus colligo indicoque abscessum in capite mortis fuisse tantum caussam intra tam breve tempus; minime vero acceptas plagas, quae tantum mortem accelerare potuerunt, et levem illam puris in pulmone dextero quantitatem inventam, quae facillime ubi adnati costis sunt pulmones, fieri potest, generare. Hae et vi renunciationis ad me missae sententia vera est. Dabam Petropoli, 16 maii 1739. R. Sanches, M. D.»

На основаніи этого донесенія, Медицинская Канцелярія увѣдомила (19 мая) Канцелярію Главной Артиллеріи промеморіею, «что показанному канцеляристу Мальцову, бывшей въ головѣ

ство чирей (Geschwür) смерть ему главнѣйше въ такомъ короткомъ времени произвелъ.»

Но послѣдняя этимъ не удовольствовалась и 27 мая прислала въ Медицинскую Канцелярію слѣдующіе новые запросы (выписавъ предварительно все дѣло, по тогдашнему обыкновенію): «а отчего мозгъ блеклъ и гноемъ наполненъ. И чирей въ головѣ явился отъ побой или натурально, — того въ той промеморіи не означено, и тако между тѣмъ находитца сумнѣніе, не отъ побой ли ему Мальцову (о которыхъ въ прежде посланной изъ Канцеляріи Главной Артиллеріи въ Медицинскую Канцелярію промеморіи показано) оное приключилось; и для того требуется симъ, дабы объ ономъ въ помянутую Канцелярію Главной Артиллеріи изъ означенной Медицинской Канцеляріи сообщено было извѣстіе.»

Медицинская Канцелярія отвѣчала на это (30 мая), послѣ длиннаго предисловія, слѣдующее:

«Въ преждепосланной изъ Медицинской Канцеляріи въ оную Канцелярію Главной Артиллеріи промеморіи объявлено точію, что показанному канцеляристу Мальцову бывшей въ головѣ его чирей смерть ему главнѣйше въ такомъ короткомъ времени произвелъ, для того, что изъ осмотру оному канцеляристу смерть главнѣйше ли отъ побой приключилась не усмотрѣно, чего хотя изслѣдовать главнѣйшее намѣреніе имѣется, и ежели бы въ Медицинской Канцеляріи усмотрѣно было, что оный чирей отъ побой учинился, тобъ оное яко касающееся къ главнѣйшему разсмотрѣнію дѣло во оной промеморіи и объявлено было и для того ко отнятію означеннаго въ вышеписанной Канцеляріи Главной Артиллеріи промеморіи сумнѣнія сіе ко изъясненію объявляется, что у оного умершаго канцеляриста Мальцова изъ внутренней причины и болѣзни чирей въ мозгу еще до побой приключился, и онъ отъ того главнѣйше смерть получилъ; оное же еще къ тому изъяснено быть имѣетъ, что хотя оной канцеляристъ отъ того чирья конечно смерть въ маломъ времени получилъ бы, то однакожъ быть можетъ, что отъ полученныхъ побой учинилось то, что онъ нѣсколько времени прежде умре, нежели тогда когдабъ битъ не былъ; и Канцелярія Главной Артиллеріи да благоволитъ о томъ быть извѣстна.»

Вопросъ о судебно-медицинскомъ значеніи поврежденій и здѣсь рѣшенъ въ томъ же духѣ, какъ въ предыдущемъ случаѣ, т. е. смертельность ихъ признана условною. Однакожъ этотъ случай замѣчателенъ тѣмъ еще, что нанесеніе поврежденій

совпадало съ давнимъ существованіемъ большаго нарыва въ мозговыхъ желудочкахъ, не обнаруживавшагося повидимому (до послѣдняго приключенія) никакими явственными мозговыми припадками. Къ сожалѣнію, этотъ нарывъ описанъ такъ неподробно, а смерть наступила такъ долго спустя послѣ побоевъ (черезъ 17 дней), и притомъ въ сопровожденіи спячки и параличныхъ припадковъ, что невольно возникаетъ сомнѣніе, не слишкомъ ли смѣло поступилъ Санхесъ, назвавъ этотъ нарывъ давнею и предшествовавшею побоямъ болѣзнью.

Другое обстоятельство, поражающее нынѣшняго читателя этихъ бумагъ, состоитъ въ отсутствіи формальностей, сопряженныхъ нынѣ съ подобнаго рода судебно-медицинскими изслѣдованіями.

Въ дѣлахъ представляется единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ медикъ, а ни слова не упомянуто о представительствѣ судебной власти и объ участіи ея при судебно-медицинскомъ изслѣдованіи. Это, впрочемъ, были не исключительные случаи, но такъ бывало постоянно. Доказательствомъ служитъ, между прочимъ, то, что въ длинномъ ряду медицинскихъ освидѣтельствованій живыхъ людей по разнымъ поводамъ никогда не упоминалось ни о какихъ депутатахъ отъ той стороны, отъ которой присылаемо было требованіе о назначеніи освидѣтельствованія.

II.

КИЗЛЯРЪ

И ЕГО МЕДИЦИНСКАЯ ТОПОГРАФІЯ

ЗА 100 ЛѢТЪ ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

Западный берегъ Каспійскаго моря со временъ Петра Великаго принадлежалъ Россіи и чрезъ него происходили торговыя сообщенія съ Закавказьемъ, Персіею и Арменіею. Но изъ числа приморскихъ городовъ, Кизляръ, причислявшійся къ Астраханской губерніи, считался едва ли не самымъ важнымъ, потому что былъ пограничнымъ пунктомъ, защищавшимъ южно-русскія степи отъ горскихъ набѣговъ и хищничества. Въ немъ была крѣпость, снабженная артиллеріею и имѣвшая довольно значительный гарнизонъ, состоявшій (въ началѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія) изъ трехъ полковъ пѣхоты, двухъ драгунскихъ ротъ и артиллерійской команды. Пѣхотные полки, въ немъ стоявшіе, смѣнялись чрезъ извѣстные промежутки времени и были неодинаковы: армейскіе были трехъ-батальонные, а гарнизонные двухъ-батальонные. Въ описываемую нами эпоху, т. е. съ 1750 по 1756 годъ, тамъ поочереди стояли полки Московской дивизіи генералъ-аншефа Василья Яковлевича Левашева: Навагинскій, Куринскій, Тенгинскій и Самарскій. Комендантомъ крѣпости былъ бригадиръ Иванъ Львовичъ фонъ-Фраусендорфъ, произведенный впослѣдствіи въ генералъ-маіоры, а всѣмъ отрядомъ командовалъ жившій въ Астрахани генералъ-лейтенантъ Анрей Петровичъ Девицъ (Heinrich Devitz), прежде служившій также комендантомъ Кизлярской крѣпости.

Полковая медицина въ Кизлярѣ находилась въ рукахъ лѣкаря Андреяна Сѣдова [1]), человѣка очень пожилаго и вскорѣ потомъ произведеннаго въ штабъ-лѣкари и переведеннаго въ Астрахань въ гражданскую службу, и двухъ подлѣкарей: Вейгнера и Штамма. Ихъ смѣнили потомъ лѣкарь Иванъ Лебедевъ, тоже вскорѣ за старостью и болѣзнями перемѣщенный (1755) въ городовые лѣкаря, лѣкарь Іоганнъ-Вильгельмъ Нагель и подлѣкарь Іоганнъ-Фердинандъ Богемель [2]). Въ помощь Лебедеву и подъ надзоръ къ нему назначенъ былъ, 14-го апрѣля 1755, разжалованный за пьянство изъ лѣкарей Сербскаго гусарскаго полка въ подлѣкари Христіанъ Леманъ, учившійся въ Кронштадтскомъ госпиталѣ и произведенный въ подлѣкари по экзамену 21-го марта 1741 года; но передъ отправленіемъ своимъ въ Кизляръ онъ опять уличенъ былъ въ Петербургѣ въ пьянствѣ и бродяжничествѣ и 31-го октября 1756 года выгнанъ изъ службы съ лишеніемъ права практики. Главный же надзоръ за состояніемъ лазаретовъ въ Кизлярѣ и лѣченіемъ болѣзней, равно какъ и заботливость о принятіи нужныхъ карантинныхъ мѣръ противъ чумы и другихъ «опасныхъ болѣзней» по кавказской линіи, въ особенности въ самомъ Кизлярѣ и въ Астраханскомъ портѣ, поручены были указомъ Медицинской Канцеляріи 15-го іюня 1748 года старшему лѣкарю Астрах. морскаго госпиталя, штабъ-лѣкарю Христофу Теод. Эллерту, который обязанъ былъ, вмѣстѣ съ старшимъ докторомъ того же госпиталя Андреемъ Севасто, снабжать кизлярскихъ лѣкарей надлежащими наставленіями. По обычаямъ того времени, этотъ надзоръ за лѣкарями въ Кизлярѣ долженъ бы былъ принадлежать доктору А. Севасто [3]): по послѣд-

---

[1]) Лѣкарь Андреянъ Сѣдовъ, изъ солдатскихъ дѣтей, принятъ ученикомъ въ Московскій генеральный госпиталь 2-го мая 1734 и произведенъ лѣкаремъ 11-го іюня 1741, съ назначеніемъ въ крѣпость св. Анны, въ Павловскій полкъ, гдѣ онакожъ исправлялъ обязанности и въ другихъ полкахъ (Козловскомъ и Тамбовскомъ, и по представленію коменданта крѣпости св. Анны, бригадира Сомова, чрезъ Госуд. Воен. Коллегію произведенъ, 8-го февраля 1761, въ *главные лѣкари* съ прежнимъ жалованьемъ.

[2]) Лѣкарь Иванъ Лебедевъ находился въ службѣ съ 14-го марта 1734 года, а лѣкаремъ съ 13-го марта 1751 года. Лѣкарь І. Нагель въ службѣ съ 1-го августа 1739 а лѣкаремъ съ 22-го февраля 1750. Подлѣкарь. І. Ф. Богемель въ службѣ съ 17-го іюля 1748 и прежде состоялъ въ Кронштадтскомъ госпиталѣ. Онъ умеръ въ Кизлярѣ 23-августа 1755 года.

[3]) Докторъ Андрей Антоновичъ Севасто (сынъ знаменитаго доктора Петров-

ній не пользовался репутаціею очень ревностнаго служаки, да и Астраханская Губернская Канцелярія просила уволить его отъ этой почетной должности, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему и безъ того много дѣла въ Астраханскомъ госпиталѣ и въ самой Астрахани.

Кизляръ постоянно считался мѣстностью гибельною для пришлыхъ жителей, и особенно для солдатъ, обремененныхъ, кромѣ тягостей климата, еще чрезмѣрными работами и безпрерывностью пограничной службы среди враждебныхъ горныхъ дикарей, готовыхъ воспользоваться малѣйшею оплошностью. Однакожъ болѣзненность и смертность солдатъ не всегда была одинакова. До 1749 года не было особыхъ жалобъ на климатъ, по крайней мѣрѣ между кизлярскими старожилами; но когда въ этомъ году дозволено было сѣять рисъ почти у самыхъ стѣнъ крѣпости, болѣзненность вдругъ увеличилась до того, что иногда не доставало людей для занятія всѣхъ караульныхъ постовъ. Особенно хворали молодые солдаты, и оттого на долю старыхъ солдатъ приходилась двойная и даже тройная, т. е. совершенно безсмѣнная, служба, чрезвычайно ихъ утомлявшая. Правда, пожилые солдаты были переносчивѣе молодыхъ; но между этими пожилыми большую часть составляли дряхлые старики, совсѣмъ неспособные къ дѣятельной полевой службѣ, а между тѣмъ считавшіеся по спискамъ на ряду съ строевыми солдатами. Въ донесеніяхъ изъ Кизляра, представленныхъ Военной Коллегіи въ 1755 году, говорится, что большая часть солдатъ совершенно неспособна къ службѣ по старости лѣтъ и должна быть удалена

скихъ временъ Антона Севасто, бывшаго первымъ старш. докторомъ С.-Петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя) вступилъ въ службу 13-го декабря 1749 года въ Астраханскій морской госпиталь старшимъ докторомъ и оставался въ немъ до 30-го марта 1753. Въ этомъ же году посланъ онъ былъ для пользованія намѣстника Калмыцкаго ханства Дундукъ-Даши отъ каменной болѣзни и кочевалъ съ нимъ по степямъ. Возвратившись изъ командировки, онъ переведенъ (въ томъ же году) въ Украинскій ландмилиціонный корпусъ, но не хотѣлъ остаться на этомъ мѣстѣ по трудности службы (Украинская линія простиралась на 360 верстъ и надобно было объѣзжать ее для осмотровъ) и опять возвращенъ въ Астрах. госпиталь, а оттуда 30-го іюля 1761 переведенъ въ Москву къ губер. канцеляріи и всѣмъ присутств. суд. мѣстамъ, съ жалов. по 600 р. и довольствіями наравнѣ съ дивизіонными докторами. Онъ умеръ въ Москвѣ 17-го іюля 1765 года.

*

и замѣнена болѣе молодыми людьми; но Военная Коллегія ничего не могла сдѣлать, потому что тогда существовалъ обычай не увольнять солдатъ въ отставку по одиночкѣ, по выслугѣ каждымъ изъ нихъ опредѣленнаго срока, а увольненіе производилось гуртомъ, чрезъ извѣстное число лѣтъ, одновременно во всей арміи, только по доказанной неспособности къ дальнѣйшему продолженію службы, и притомъ соединено было съ обременительными формальностями. Такой порядокъ вещей сохранялся впрочемъ до самаго наступленія нынѣшняго столѣтія. Еще въ 1798 году кизлярскій комендантъ бригадиръ Федоръ Федоровичъ Арбузовъ хвалился (въ оправдательной своей запискѣ по дѣлу штабъ-лѣкаря Бротеруса и лѣкаря Драпковскаго, жаловавшихся за злоупотребленіе имъ власти) тѣмъ, что онъ бережетъ своихъ солдатъ и не обращается съ ними жестоко, т. е. не часто гоняетъ ихъ сквозь строй и не за всякую вину безщадно бьетъ батогами, прибавляя впрочемъ оговорку, что у него большая часть солдатъ старики, состоящіе въ службѣ отъ 25 до 35-ти лѣтъ. Если припомнить при этомъ, что въ тѣ времена въ рекруты не брали такихъ молодыхъ людей, какъ нынѣ, то понятно будетъ, каковы были эти люди, прослужившіе 35 лѣтъ въ негостепріимномъ климатѣ.

Какъ бы то ни было, болѣзненность и смертность въ кизлярскомъ гарнизонѣ возрасла въ 1749 и 1750 годахъ до чрезмѣрныхъ размѣровъ. По донесенію штабъ-лѣкаря Х. Т. Эллерта Медицинской Канцеляріи отъ 20 октября 1750 года, въ лазаретахъ трехъ полковъ, стоявшихъ въ Кизлярѣ, въ сентябрѣ этого года было 1369 больныхъ лихорадкою и поносомъ, такъ что Навагинскій и Куринскій полки были (23 іюня 1751 года) выведены изъ Кизляра и замѣнены Тенгинскимъ и Самарскимъ. Но это не поправило дѣла: въ слѣдующемъ 1752 году въ Тенгинскомъ (трехъ-батальонномъ) полку умерло отъ эндемическихъ болѣзней 323, а въ Самарскомъ (двухъ-батальонномъ) 293 человѣка, и опять стало некому нести службу. Весною 1755 года въ эти два послѣдніе полка прибыло 875 человѣкъ рекрутъ, но они только увеличили болѣзненность и смертность: въ теченіе шести мѣсяцовъ, съ іюля 1755 по февраль 1756 изъ нихъ умерло 51 человѣкъ (большею частію отъ тяжкихъ работъ и употребленія овощей, какъ доносилъ Военной Коллегіи генералъ Фрауендорфъ),

а остальные безпрерывно хворали кровяным поносомъ и неспособны были нести службу, такъ что прежнія тягости опять падали на небольшую горсть старыхъ солдатъ. Это испугало мѣстныхъ начальниковъ. Генералъ-лейтенантъ А. П. Девицъ требовалъ изъ Астрахани присылки на время еще одного лѣкаря, намекая, что не худо бы пріѣхать въ Кизляръ и самому Севасто. Но Астраханская Губернская Канцелярія отвѣчала ему, что послать лѣкаря она не можетъ, потому что и въ Астрахани много больныхъ, и въ то же время потребовала мнѣнія отъ госпитальныхъ астраханскихъ врачей на счетъ тамошнихъ болѣзней и способовъ пресѣченія ихъ. Тогда Девицъ написалъ въ Медицинскую Канцелярію то же самое, что и Эллертъ, и просилъ ее принять свои мѣры, а на первый случай прислать по крайней мѣрѣ достаточное число лѣкарей съ подлѣкарями. Получивъ эти донесенія, директоръ Медицинской Канцеляріи Г. К. Бургаавъ (Hermann Kaau Boerhaave) написалъ 5 мая 1751 года въ Военную Коллегію, что хотя въ Кизлярѣ стоятъ только три полка, но «какъ тамошній воздухъ очень тяжелъ и больныхъ много горячками и поносами», то онъ считаетъ необходимымъ устроить тамъ госпиталь и опредѣлить въ него лѣкаря съ подлѣкарями, а при командующемъ генералъ-лейтенантѣ Девицѣ опредѣлить сверхъ штата одного доктора (потому *сверхъ штата*, что по существовавшему тогда военному штату положено было содержать во всей арміи только 6 докторовъ капитанскаго ранга, именно по одному доктору при генералъ-фельдмаршалахъ и полныхъ генералахъ, съ жалованьемъ по 600 р., 6-ю раціонами и 2 деньщиками, и, кромѣ того, одного доктора при ландмилиціонномъ корпусѣ съ жалованьемъ по 400 руб. въ годъ).

Военная Коллегія отвѣчала 17 сентября, что госпиталь уже строится отъ Коллегіи главной артиллеріи и фортификаціи, а докторъ можетъ быть опредѣленъ, но съ ландмилиціоннымъ жалованьемъ, т. е. по 400 руб. въ годъ; что же касается лѣкаря и подлѣкарей для госпиталя, то они могутъ быть взяты отъ тѣхъ полковъ, которые стоятъ въ Кизлярѣ, безъ новыхъ издержекъ. Бургаавъ настаивалъ, что по отдаленности мѣста онъ не опредѣлитъ въ Кизляръ доктора иначе, какъ съ жалованьемъ противъ армейскихъ докторовъ, т. е. по 600 руб. въ годъ. Тѣмъ переписка и кончилась. Прошелъ годъ, въ теченіе котораго болѣзни

и смерть дѣлали свое дѣло въ Кизлярѣ, какъ мы видѣли, а Военная Коллегія все торговалась. Наконецъ 11 сентября 1752 года Бургаавъ увѣдомилъ ее, что онъ согласенъ послать туда доктора даже за 400 руб. въ годъ, но только на время, потому что постоянно жить тамъ за это жалованье никто не захочетъ. Но теперь Военная Коллегія отказала даже и въ 400 р., а посовѣтовала послать туда, вмѣсто доктора, хорошаго лѣкаря. Вскорѣ послѣ того Бургаавъ умеръ. Вступившій на его мѣсто П. З. Кондоиди тотчасъ же принялся за это дѣло и написалъ Военной Коллегіи 11 декабря 1753 года, что оно безъ движенія остаться не можетъ, что смертность въ Кизлярѣ не уменьшается, такъ что прежніе полуопустошенные полки надобно было смѣнить новыми, и что если Военная Коллегія не хочетъ постоянно содержать тамъ доктора, то должна согласиться по крайней мѣрѣ на то, чтобы посланъ былъ докторъ на лѣтнее время для разсмотрѣнія дѣла и изслѣдованія причинъ болѣзненности на мѣстѣ. Военная Коллегія не могла дольше отказывать, но все-таки потянула дѣло изъ нежеланія давать собственныя деньги: она дотянула до весны и 18 мая 1754 года написала объ этомъ въ Сенатъ, прося у него разрѣшенія и денегъ изъ статсъ-конторы (государственнаго казначейства). Сенатъ тотчасъ согласился и тогда назначенъ былъ для этой поѣздки, по собственному желанію, жившій въ Петербургѣ безъ должности докторъ Вилліамъ Гевиттъ, называвшійся у русскихъ современниковъ Василіемъ Яковлевичемъ Гевитомъ [1]), съ тѣмъ впрочемъ, чтобы онъ ѣхалъ туда зимнимъ путемъ слѣдующаго года. Предъ отправленіемъ туда, онъ получилъ отъ директора Медицинской Канцеляріи П. З. Кондоиди слѣдующую, собственноручно имъ написанную, инструкцію:

ИНСТРУКЦІЯ ДОКТОРУ ГЕВИТТУ

ДЛЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПРИЧИНЫ УМНОЖАЮЩИХСЯ БОЛѢЗНЕЙ И КАЧЕСТВА ИХЪ ВЪ КИЗЛЯРѢ.

1) По прибытіи въ Кизляръ имѣете вы обстоятельно изслѣдовать и подробно описать, по физическому и медицинскому искусству и колико до того искусства токмо касается, слѣдующее:

---

[1]) Очеркъ жизни доктора В. Гевитта напечатанъ въ *Протоколахъ засѣданій Общества Русск. Врачей въ С.-Петербургѣ* 18⁵⁶/₅₇ года, стр. 552 и 554.

2) Положеніе Кизляра, высоко ли или низко лежитъ противъ которой стороны или вѣтра и что къ тому принадлежитъ.

3) Качество мѣста, на которомъ лежитъ Кизляръ, болотистое ли оно или сухое, и прочее что къ тому принадлежитъ.

4) По означеннымъ обоимъ онымъ обстоятельствамъ какіе могутъ быть пары, изъ той земли происходящіе.

5) Качество окружающихъ Кизляръ мѣстъ и нѣтъ ли въ близости горъ или густыхъ лѣсовъ, или большихъ болотъ и озеръ, и по которой сторонѣ наипаче.

6) Качество воды тамо употребляемой, откуда она происходитъ и въ какой дальности отъ Кизляра чрезъ какія мѣста теченіе свое имѣетъ, текущая ли или стоящая она, какіе берега и дно, и не бываетъ ли тамо осенью или весною наводненія и прочее что къ тому принадлежитъ.

7) Качество тамошнихъ съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ, коихъ какъ военно-служащіе, такъ и обыватели къ пропитанію своему употребляютъ, также оные къ житію надобные съѣстные и питейные припасы въ удовольствіи ли имѣются и военно-служащіе тѣмъ окладнымъ своимъ жалованьемъ удовольствоваться могутъ ли, взирая на цѣну ихъ.

8) Какіе когда наипаче бываютъ вѣтры и не наносятъ ли они иногда отъ ближайшихъ мѣстъ каковаго вреда, или тѣми вѣтрами не мѣшается ли иногда вода Каспійскаго моря съ водою въ Кизлярѣ употребляемою и тѣмъ дѣлается соленая.

9) Каковъ вообще тамошній воздухъ и какія въ немъ перемѣны бываютъ въ разныя времена года и отчего? Ежели изслѣдовать можно, каковы суть тамошнія работы, къ которымъ кизлярскаго гарнизона военно-служащіе, а иногда и обыватели употребляются, и не бываютъ ли онѣ сверхъ возможности въ которомъ-либо времени въ разсужденіи тамошняго климата.

10) Обстоятельства строеній, въ коихъ живутъ какъ военно-служащіе, такъ и обыватели въ Кизлярѣ, такоже качество положенія и учрежденія тамошнихъ полковыхъ лазаретовъ и наблюдается ли надлежащая чистота, къ содержанію чистоты воздуха надобная, и въ лазаретахъ больные какое получаютъ довольствіе.

11) Отъ всего вышеписаннаго по физическому и медицинскому искусству зрѣлымъ разсужденіемъ взыскать настоящую физическую причину бывающихъ и умножающихся въ Кизлярѣ болѣзней, и какой механическій или медицинскій способъ въ дѣйство можетъ быть произведенъ для от-

вращенія и прекращенія той вины, отъ которой означенная причина рождается, съ тамошними командующими имѣть разсужденіе.

12) Начало происхожденія и окончаніе тѣхъ болѣзней примѣтить и описать подробно.

13) Отъ тамошнихъ лѣкарей освѣдомиться, какими способами наипаче тѣ болѣзни излѣчимы бываютъ, по ихъ учиненнымъ примѣчаніямъ, причемъ не безъ пользы будетъ и самыхъ обывателей спрашивать, отчего, когда и въ какихъ обстоятельствахъ въ тѣхъ болѣзняхъ пользу получали, и по тому, тако же и по вышеписаннымъ изобрѣтеннымъ обстоятельствамъ, зрѣлое имѣть разсужденіе, и по основаніямъ медицинскимъ составить методъ, котораго сообщить тамошнимъ лѣкарямъ для пользованія тѣхъ больныхъ въ присутствіи вашемъ и смотрѣть успѣхъ.

14) По вышеписанному всему, что происходить будетъ, каждый мѣсяцъ присылать намъ рапортъ въ Медицинскую Канцелярію съ обстоятельнымъ описаніемъ и изложеніемъ всего того, что вами учинено и изобрѣтено будетъ, причемъ и мѣсячный о болѣзняхъ репортъ присылать же. По окончаніи же онаго дѣла имѣете вы, по возвращеніи вашемъ, подать въ Медиц. Канцелярію обстоятельное физическое описаніе Кизляра по всѣмъ вышеозначеннымъ свойствамъ на латинскомъ или на россійскомъ языкѣ.

15) О изысканныхъ и извѣстныхъ понынѣ въ тамошнихъ мѣстахъ растеніяхъ при семъ прилагается вамъ реэстръ; егда же сверхъ оныхъ и другія сыскаться могутъ понынѣ неизвѣстныя, о томъ имѣть вамъ стараніе и растущихъ какъ въ степи между Астраханью и Кизляромъ, также и въ окружности онаго по возможности и сколько то безъ опасности учинить будетъ возможно, травъ, кореньевъ, цвѣтовъ и прочихъ натуральныхъ вещей освидѣтельствовать, не найдутся ли иногда тамо растущія и находящіяся ко излѣченію тѣхъ болѣзней, противъ посылаемыхъ ординарныхъ лѣкарствъ полезнѣйшія, или къ приращенію исторіи натуральной куріозныя, и объ оныхъ въ Медиц. Канцелярію репортовать, а отъ куріозныхъ по нѣкоторой части для извѣстія присылать.

16) Не подалеку отъ Кизляра у горы Кавказа имѣются теплыя и кислыя воды, коихъ тамошніе татары, какъ слышно, съ плодомъ въ своихъ болѣзняхъ употребляютъ, и оныя воды отчасти тамъ на мѣстѣ, также и здѣсь при Медиц. Канцеляріи чрезъ химію освидѣтельствованы: того для съ того свидѣтельства при семъ пригагается вамъ достаточное

описаніе [1]), по которому ежели, по разсужденію вашему, на которыхъ-либо больныхъ тѣми водами опыты учинить заблагоразсудите и по тамошнимъ обстоятельствамъ таковыхъ больныхъ къ тѣмъ водамъ безопасно везти будетъ возможно, оное учинить и какой будетъ успѣхъ примѣчать и о томъ со обстоятельствомъ въ Медиц. Канцелярію представлять.

17) Сверхъ того, какія въ тамошнихъ мѣстахъ находиться могутъ натураліи, каменья, минералы и другое что достопамятное у тамошнихъ обывателей, съ прилежаніемъ навѣдываться, и что сыскано будетъ записывать и въ Медицинскую Канцелярію представлять.

18) По репортамъ, кои отъ васъ будутъ получены, смотря по обстоятельствамъ, что еще надлежать будетъ, сверхъ сея инструкціи приполнено и къ вамъ сообщено быть имѣетъ.

22-го сентября 1754 году.

Павелъ Кондоиди.

Докторъ В. Гевиттъ пробылъ въ Кизлярѣ полтора года, а именно прибылъ онъ туда 8 февраля 1755, а выѣхалъ въ іюлѣ 1756 года. Исполняя данную инструкцію, онъ вникнулъ въ бытъ кизлярской жизни и по истеченіи трехъ мѣсяцовъ послѣ пріѣзда началъ посылать въ Медиц. Канцелярію отрывки медицинской топографіи Кизляра, составленной весьма тщательно и написанной на русскомъ языкѣ. Первый подробный отрывокъ посланъ былъ имъ 15-го мая 1755, а послѣдній въ февралѣ 1756 года. Здѣсь представляется вполнѣ составленное имъ описаніе кизлярской мѣстности, и притомъ подлинными его словами.

«Кизляръ стоитъ на ровномъ и низкомъ мѣстѣ по сторону веста Каспійскаго моря, 70 верстъ отъ устья рѣки Терека по сторону норда, 81° 15′ долготы и 43° 38′ широты.

«Положеніе мѣста около Кизляра хотя и низко, однакожъ не тиновато и мало является болотъ, а самая земля многія селитренныя части въ себѣ имѣетъ, яко сіе послѣ дождя ежели случится быть солнечному сіянію, то поверхъ земли довольно себя оказываетъ.

«Пары, изъ земли происходящіе весною и осенью, а иногда и лѣтомъ, въ тѣ поры туманъ великъ бываетъ и по землѣ разстилается, который иногда до девятаго часа противъ полудни продолжается, и весною и осенью часто нѣсколько сутокъ безпрерывно простоитъ, отъ нихъ же народу какой бы вредъ былъ — не видно.

---

[1]) Ко сожалѣнію, это описаніе не сохранилось при дѣлахъ Медиц. Канцеляріи.

«Крѣпость Кизлярская прежь сего по сторонѣ нордъ и нордъ-веста отъ наводненія рѣки Бороздны нѣкоторыми стоящими озерами и болотами нѣсколько окружена была, а какъ въ прошломъ 1754 году устье помянутой рѣки, которая выше Кизляра 6 верстъ противъ веста отъ Терека отходитъ, запружена, оныя высохли и нынѣ по всѣмъ сторонамъ хотя не весьма въ ближнемъ разстояніи стоящія озера находятся, между которыми иныя соленую воду имѣютъ, въ коихъ лѣтнимъ временемъ натуральная соль дѣлается. По сторону оста отъ Кизляра къ морю Каспійскому сложеніе мѣста деклинуется и то далѣе, то ниже бываетъ и въ 50 верстъ отъ Кизляра до берега морскаго многія болота, въ коихъ одинъ камышъ растетъ. По обоимъ берегамъ рѣки Терека и въ нее впадающихъ рѣкъ, отъ 25 до 30 верстъ противъ веста отъ Кизляра, лѣса начинаются, въ нихъ разные дерева и кусты растутъ, яко то: виноградныя, армудныя, яблони, грушевыя, шишковыя, лычавыя, калиновыя, тутовыя, дубъ, карагачъ, тополь, ясень, терновыя, орѣшникъ, кизиловыя и проч. и оные лѣса рѣдко болѣе друхъ или трехъ верстъ отъ береговъ бываютъ, потому какъ тутъ положенія мѣста по малому зачинаются выше и песчаныя; однакожъ противъ норда по Тереку горъ не имѣется, а на другой сторонѣ противъ зюйда Кавказскія горы въ разстояніи 100 и болѣе верстахъ; отъ берега Каспійскаго моря зачинаются и продолжаются отъ зюйдъ-оста противъ нордъ-веста, потому возлѣ Терека и Малки рѣкъ къ весту до Чернаго моря; въ тѣхъ же горахъ находятся многіе луга, на которыхъ разнаго званія народы жительство свое имѣютъ.

«Вода какъ для кизлярскихъ жителей, такъ и для казаковъ по рѣкѣ Тереку живущихъ употребляемая, изъ Терека берется, особливо какъ колодезная вода, хотя и нѣсколько колодцовъ есть, но и въ нихъ вода всегда соленая и къ употребленію неспособна бываетъ. Помянутая рѣка свою вершину въ Кавказкихъ горахъ имѣетъ и течетъ чрезъ каменное дно къ норду и вышедъ соединяется съ Малкою рѣкою и потомъ помалу загибается въ ровномъ мѣстѣ, притомъ дно иловато разстояніемъ 300 верстъ противъ оста до устья его въ Каспійское море. По зюйду берега помянутой рѣки по большой части крутые и отъ той же стороны разныя рѣки съ Терекомъ соединяются, которыя всѣ въ Кавказскихъ горахъ свои вершины имѣютъ. А противъ норда сторона вездѣ низменная и въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ положеніе мѣста по обоимъ берегамъ ниже, особливо по берегу моря, при полой водѣ наводненіе бываетъ, что по большой части въ послѣднихъ числахъ мая или въ первыхъ іюня, когда снѣгъ на горахъ отъ пріумножающихся жаровъ таять будетъ, начало свое

и продожается полая вода, которая чрезъ быстрое свое теченіе въ разныхъ своихъ оборотахъ земли отъ береговъ, которые повыше лежатъ, отмываетъ и чрезъ то весьма мутна бываетъ до послѣднихъ чиселъ августа мѣсяца, съ котораго времени опять станетъ убывать до первыхъ чиселъ октября. Сіе затопленіе чтобы отвести въ селенныхъ нижнихъ рѣки береговъ мѣстахъ валомъ обведены, чрезъ что слѣдующее къ тому поврежденіе отвращаетъ, и хотя вода, какъ уже и выше упомянуто, въ то время весьма быстрое и мутное теченіе имѣетъ, однакожъ чрезъ ея употребленіе видно, лишь бы она отстоялась чтобъ земляныя части на дно пали, тѣмъ, которые ее употребляютъ, не вредимо, но здорово бываетъ.

«Орканы или штурмы въ Кизлярѣ рѣдкіе бываютъ и нѣтъ тѣхъ примѣровъ, чтобъ они великой вредъ учинили, и въ году по большой части вѣтры отъ оста и веста дуютъ, а отъ норда и зюйда рѣдко. Вѣтеръ отъ оста, когда оный сильный бываетъ и долго простоитъ, въ рѣкѣ Терекѣ воду нѣсколько придерживаетъ и тѣмъ не въ надлежащее время низкія мѣста около морскаго берега затопляетъ; однакоже въ рѣкѣ Терекѣ вода чрезъ быстрое свое теченіе никогда съ морскою водою не мѣшается, чтобъ она могла соленою быть.

«Для скудости въ матеріалахъ, къ строенію употребляемыхъ, какъ въ Кизлярской крѣпости, также и въ форштатѣ, немного деревянныхъ домовъ находится, и казармы офицерскія и солдатскія и прочихъ обывателей домы, яко то у Грузинъ и Армянъ и у Татаръ сдѣланы мазанки изъ глины и сыраго кирпича, который только на солнцѣ высушенъ. Оные жъ покои осенью и зимою по большой части бываютъ сыроваты и для того, разсуждается, не весьма здоровы, особливо какъ по объявленіямъ и по примѣчанію здѣшнихъ лѣкарей въ прошлые годы, а именно въ Тенгинскомъ полку, который въ лагерѣ за городомъ стоитъ и въ немъ для зимы солдатамъ казармы построены по большой части по самыя окна въ землѣ, притомъ же весьма низки, и окошки маленькія, отчего натурально въ нихъ чистота воздуха надлежащая быть не можетъ. Сверхъ того и въ нихъ, которые на низкихъ мѣстахъ построены, во время прибылой въ рѣкѣ Терекѣ воды, изъ земли на 5 вершковъ и болѣе вода выступаетъ, ими, лѣкарями, усмотрѣно, что въ тѣхъ ротахъ, которыя на низкихъ мѣстахъ въ состоящихъ казармахъ находились, всегда двойное число больныхъ противъ другихъ ротъ имѣлось. Однакожъ какъ въ прошломъ 1753 году, по представленію лѣкарскому, изъ помянутыхъ казармъ солдатство переведены были, то болѣзнь уменьшилась.

«Лазареты отъ двухъ находящихся здѣсь полковъ и прочихъ командъ стоятъ въ форштатѣ близъ съ версту отъ крѣпости, на высокомъ и песчаномъ мѣстѣ, на берегу рѣки Терека, и построены, какъ выше сего показано, изъ сыраго кирпичу. Напредь сего въ нихъ окошки невелики были, только въ 1753 году большими передѣланы, отчего нынѣ хотя покои не очень высоки, однакожъ противъ прежняго воздухъ въ нихъ посредственный; въ прочемъ же чистота въ нихъ по нуждѣ къ содержанію чистоты воздуха. А что о довольствіи касается, которое больные въ лазаретахъ получаютъ, оное весьма скудно и хотя отъ лѣкарей, что принадлежитъ къ ихъ довольствію, въ полки представляемо было, однакожъ потому болѣе въ отвѣтъ ничего не слѣдуетъ, какъ только что нѣтъ такой суммы денегъ, чѣмъ бы ихъ по надлежащему можно содержать было. Въ лазаретахъ какъ для трудно болящихъ, такъ и для прочихъ больныхъ, только изъ камыша сдѣланы тканныя рогожки, а подушекъ или войлоковъ никакихъ не имѣютъ и сплошь на нарахъ лежатъ, а кроватей ни одной нѣтъ. Порція жъ, больнымъ производящаяся, обстоитъ въ пивѣ, винѣ, въ калачахъ, въ мясѣ и маслѣ, которую немногіе и никогда болѣе 10 человѣкъ не получаютъ: сіе разумѣется о полевомъ Тенгинскомъ полку, а въ гарнизонномъ противъ показаннаго въ Тенгинскомъ полку весьма скуднѣе, а въ прочихъ командахъ никакой больнымъ не производится порціи. Сверхъ же сего, лазареты непорядочно построены, ибо они весьма малы и больнымъ всѣмъ помѣститься неможно, для чего всегда половинное число больныхъ въ полкахъ при своихъ ротахъ лежатъ, которыя отъ лазаретовъ разстояніемъ съ полторы версты, зачѣмъ тѣмъ больнымъ для принятія надлежащихъ медикаментовъ приходить каждый день въ лазаретъ невозможно, и тако безъ надлежащей пользы остаются, а лѣкарямъ ихъ за показанною причиною пользовать неможно и за тѣмъ болѣзнь въ нихъ коснѣетъ и въ тяжкую впадаютъ. Къ тому жъ лазареты дровами весьма недовольны, такъ что иногда больные чрезъ мѣсяцъ въ банѣ не бываютъ, а подлежало бы хотя въ недѣлю по нуждѣ одинъ разъ для чистоты про больныхъ баню изготовлять. Въ прочемъ же всякое надлежащее довольствіе больнымъ недостаточно.

«Что касается до здѣшняго воздуха, то въ немъ до сихъ поръ мною дальняя перемѣна не усмотрѣна и сколько видно отъ онаго ко умноженію болѣзней причины послѣдовать неможно; однакожъ, какъ по объявленіямъ и примѣчаніямъ здѣшнихъ лѣкарей и прежь сего въ своемъ описаніи упомянулъ, что часто великіе туманы бываютъ, и иногда не токмо до полудни, но и нѣсколько сутокъ весною и осенью безпрерывно простоятъ. То

разумѣется о прошлыхъ 1751, 1752 и 1753 годахъ, а въ 1754 и нынѣ въ 1755 годахъ туманы рѣдко бывали и по большой части дни ясные. Жары хотя здѣсь и бываютъ, однакожъ нельзя сказать, чтобы они чрезвычайны были, ибо въ прошломъ іюнѣ мѣсяцѣ, съ начала до половины, по фаренгейтову термометру выше какъ отъ 78° до 86° (т. е. отъ $20^1/_2$° до 24° Реом.) отъ самаго полудня до 3 или 4 часу не бывали, а въ послѣднихъ числахъ отъ 86° до 93° (т. е. отъ 24° до 27°,11 Реом.) хотя и произошли, однакожъ и то не каждый день, но рѣдко, притомъ же около полуденъ по большой части вѣтры происходили, и какъ нощію, такъ утренняя и вечерняя зори холодны бываютъ, отчего натурально слѣдуетъ, что воздухъ здѣшній не тяжкій и не вредительный, но легкій и здоровый и дальнихъ причинъ родить не можетъ, а какъ въ предыдущихъ годахъ великіе и частые туманы бывали, разсуждаю, что оные не безъ вреды и тягости народу быть могли. Сверхъ того здѣсь находящіеся какъ военнослужащіе, такъ и обыватели объявляютъ, что напредь сего, а именно до 1749 года, воздухъ весьма здоровой и больныхъ немного и никогда болѣе 40 или 50 человѣкъ въ одномъ полку не было, а съ того году воздухъ будто бы началъ тяжелѣе быть, чему сказываютъ причина была, что близь Кизлярской крѣпости во многихъ мѣстахъ сарачинскаго пшена посѣяли, ибо они объявляютъ, что въ Персіи хотя-де вышерѣченное пшено и сѣютъ, то всегда въ отдаленныхъ мѣстахъ, гдѣ уже и жительства никакого не имѣется, а по большой части какъ только по морскому берегу, и тѣ люди, которые въ такихъ пашняхъ работаютъ (и тому еще не обыкли), хотя и здоровы были, однакожъ во время какъ оно станетъ изъ земли выходить, то они исхудаютъ и въ лицѣ блѣдные становятся, пожелтѣютъ, въ лихорадкахъ, поносахъ и въ тяжкія болѣзни впадаютъ, для чего и въ 1751 году оное пшено близь Кизляра сѣять отъ главнокомандующаго запрещеніе учинено. Однакожъ отъ онаго или отъ чего другаго болѣзни уничтожиться могли, точно сказать нельзя, а по объявленію здѣшнихъ лѣкарей въ преждеписанномъ прошломъ 1751 году осенью лихорадки и по большой части tertiana бывали, а въ 1752 весною angina suffocativa многіе померли, а осенью тогожъ году немалое число людей febribus inflammatoriis et erysipelatibus одержимо было. А въ 1753, какъ весною, такъ и осенью часто pleuritide vera et peripneumonia впадали, отчего немалое число людей померло, то, по моему разсужденію мнится, какъ въ тѣхъ годахъ что нибудь эпидемическое въ воздухѣ было, отчего вышеописанныя болѣзни произойдти могли.

«А что касается до здѣшнихъ работъ, къ которымъ въ Кизлярѣ нахо-

дящіеся военнослужащіе употребляются, оныя сверхъ ординарныхъ, какъ въ прочихъ мѣстахъ (т. е. къ починкѣ крѣпостей, заготовленію фашинъ, кирпичей, дровъ и проч.), здѣсь наиболѣе работы всегда происходитъ, а именно начатіе бываетъ работамъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля или въ первыхъ мая, а продолжается до октября или и далѣе, а именно возкою изъ Фельшайской крѣпости до Кизляра провіанта, а оная Фельшайская крѣпость отстоитъ отъ Кизляра въ разстояніи около 60 верстъ, а отъ моря Каспійскаго или Ахайскаго устья, у котораго суда изъ Астрахани съ провіантомъ прибывающія стоять имѣютъ, около 20 верстъ. Въ упомянутомъ мѣстѣ провіантъ, солдатами изъ судовъ на барки выгрузя, въ Кизляръ перевозимъ бываетъ; а наипаче весьма тяжкій трудъ при выгрузкѣ провіанта съ судовъ въ помянутыя барки, ибо въ студеное осеннее время бываетъ, банокъ весьма мелокъ и должны оные солдаты нѣсколько часовъ по груди въ водѣ работать для перетаскиванія тѣхъ барокъ съ немалымъ трудомъ и временно оный провіантъ на себѣ изъ барки въ барку перегружать; притомъ же для быстроты рѣки на веслахъ ѣхать никогда не можно, но только, какъ завсегда, тянутъ бичевой, а въ пути ихъ болѣе какъ камыши и отъ полой воды по низости мѣста по берегу вода имѣется и многіе ерки, отчего они немалую нужду претерпѣваютъ и всегда босы до пояса и выше въ водѣ ходятъ, но и не токмо ноги камышемъ подкалываютъ, но и отъ лямокъ, въ которыхъ завсегда ходить принуждены, немало вреды получаютъ, отчего частыя приключаются грудныя и прочія болѣзни, ибо и по смерти, когда они анатомлены бываютъ, то въ нѣкоторыхъ явились хрящи, которые ребра съ грудною костью соединяютъ, повреждены и отъ ребръ нѣкоторыхъ кончики также съ ними отдѣлены, межъ pleura et musculos intercostales abscessus. Того ради разсуждаю, что вышеписанная работа возкою провіанта изъ Фельшайской крѣпости до Кизляра конечно сверхъ возможности, особенно въ осеннее время, ибо въ ту пору вода студеная бываетъ, а солдаты почти весь день босы въ воду ходить принуждены, и думаю, что коли оная работа бы не была, то совершенно по нынѣшнему доброму и легкому воздуху число больныхъ противъ другихъ мѣстъ не токмо равно, но можетъ и менѣе быть могло.

«Что же касается до здѣшнихъ съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ, кои какъ военнослужащіе, такъ и обыватели къ пропитанію употребляютъ, ибо мясо здѣсь противъ прочихъ мѣстъ Россійской имперіи въ равной цѣнѣ состоитъ и никогда дороже трехъ денегъ фунтъ не бываетъ; однакожъ какъ рыба отъ вскрытія льда рѣки Терека до мая мѣсяца пойдетъ, а именно осетръ, севрюга, сазаны, сомы, а съ ноября, когда начнутъ моро-

зы быть, пойдетъ лосось, лохъ и жерехи, и весьма множество и дешево бываетъ, притомъ и солдаты по большей части означенную рыбу и сами ловятъ, черезъ что они болѣе рыбу и икру къ пропитанію своему употребляютъ, а иногда временно свѣжая переморится, то для дешевизны болѣй же соленою рыбою и икрою довольствуются, а лѣтнею порою, т. е. съ іюля до сентября, овощемъ—огурцами, арбузами и дынями питаются. Но помянутой же рыбы хотя здѣсь временно и довольно бываетъ, однакожъ добротою не противъ другихъ мѣстъ, ибо слаботѣлая и иловатая, чрезъ что отъ ея частаго употребленія нерѣдко понос и лихорадки приключаются; тожъ и отъ овоща чрезъ непорядочное къ ѣдѣ, особливо военнослужащими, употребленіе, ибо прочіе по утрамъ рано натощакъ безъ хлѣба или другаго какого снадобья неумѣренно довольствуются, потому же воды или квасу напьются, а другихъ питейныхъ припасовъ при Кизлярѣ не имѣется. Но хотя помянутыхъ овощей по утрамъ и запрещено ѣсть и продавать, однакожъ по вечерамъ къ другому дню запасаютъ, и тако отъ нихъ часто поносы, также и горячки раждаются, и взирая на цѣну здѣшнихъ съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ, видно по ихъ дешевизнѣ, что военнослужащимъ окладнымъ своимъ жалованьемъ довольствоваться можно.

«Растенія при Кизлярской крѣпости имѣются, а чтобъ сверхъ онаго около крѣпости растущихъ кореньевъ, цвѣтовъ и прочихъ натуральныхъ вещей потребныхъ сверхъ ординарныхъ лѣкарствъ полезнѣйшими или къ приращенію исторіи натуральной нѣтъ, а хотябъ оныя вдали Кизляра найтиться могли, токмо по опасности тамошнихъ мѣстъ искать неможно; на степи же отъ Кизляра до Астрахани не токмо чтобъ вышеписанные коренья и цвѣты найтиться могли, но и никакой травы не бываетъ.

«Къ кавказскимъ къ теплымъ и кислымъ водамъ для опыту ѣхать мнѣ и съ собою везти больныхъ, по опасности тамошнихъ горскихъ и легкомысленныхъ татаръ, отъ г. бригадира Ивана Львовича фонъ-Фрауендорфа требовано было конвоя, токмо за раскомандированіемъ въ разныя при Кизлярѣ крѣпости полковыхъ служителей работы, а особливо посылкою къ Кабарду батальона, отказано, о чемъ въ Медицинскую Канцелярію репортовано. А чтобъ отъ тѣхъ водъ какая отъ болѣзней людямъ была польза, хотя эхо отъ людей здѣсь и носится, а чтобъ совершенно изъ оберъ-офицеровъ или солдатъ кто получилъ отъ тѣхъ водъ хотя малую пользу, здѣсь при Кизлярѣ не сыскано и по довольному моему спрашиванію кизлярскихъ жителей разнаго званія люди о вышеписанныхъ водахъ, чтобъ кто получилъ какую пользу, найтить не могъ, и видно

на ихъ легкомысленныхъ словахъ утвердиться не можно: однако по отъѣздѣ моемъ къ Кизляру для апробаціи къ тѣмъ теплымъ водамъ ѣхать приказано будетъ изъ полковыхъ лѣкарей.

«Обыватели здѣшніе хотя и бываютъ въ болѣзняхъ, но никакими медикаментами себя не пользуютъ, но воздержаніе имѣютъ въ пищѣ и надѣются на свою натуру и отъ того свободу получаютъ.»

Въ этомъ описаніи своемъ Гевиттъ два раза упомянулъ, что ему не удалось побывать на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ. И дѣйствительно, въ маѣ 1755 года онъ просилъ конвоя у коменданта Фрауендорфа, для осмотра минеральныхъ водъ и отправленія туда больныхъ; но послѣдній отказалъ, отговариваясь недостаткомъ людей для конвоя, по причинѣ раскомандированія ихъ по разнымъ форпостамъ. Однакожъ осенью того же года (именно 24 октября) ему удалось побывать на сѣрныхъ водахъ, и онъ пробылъ тамъ 8 дней и пилъ ихъ самъ отъ мучившей его arthritis vaga, но не получилъ никакого облегченія. Мѣстность, на которой нашелъ онъ воды, произвела на него, по своему уединенію и дикости, непріятное впечатлѣніе, чему, вѣроятно, содѣйствовало и осеннее время, въ горахъ очень непривѣтливое. Такъ какъ воды находятся среди пустынныхъ горъ, то онъ совѣтовалъ, если кто будетъ посланъ туда съ больными, запасаться провіантомъ и всѣми нужными вещами на цѣлое продолженіе курса лѣченія, потому что тамъ, на мѣстѣ, ничего достать невозможно. Въ водахъ нашелъ онъ сѣрныя коагуляціи, какъ во рву, такъ и по сторонамъ рва, и полагалъ, что онѣ могутъ быть полезны отъ цынги и ломотныхъ болѣзней. Но въ этотъ разъ онъ ѣздилъ къ водамъ одинъ, только съ конвоемъ для безопасности; а между тѣмъ ему хотѣлось отправить туда нѣсколькихъ больныхъ, для испытанія водъ въ большихъ размѣрахъ. Желаніе его исполнилось въ слѣдующемъ году: 9 мая 1756 года онъ выбралъ изъ лазаретовъ 10 больныхъ (arthritis, scabies, exanthemata venerea, morbus crinicus, contracturae, scorbutus) и отправилъ ихъ къ минеральнымъ водамъ; но результатовъ лѣченія ихъ не успѣлъ дождаться, потому что вскорѣ послѣ того уѣхалъ изъ Кизляра.

Директоръ Медицинской Канцеляріи П. З. Кондоиди, получивъ вышеприведенное описаніе Кизляра и условій, въ которыхъ находится тамошній гарнизонъ, послалъ 9 сентября 1755 года

копію съ него въ Военную Коллегію и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ слѣдующія мѣры (изложенныя въ опредѣленіи Медицинской Канцеляріи):

«1) Умноженіе больныхъ въ Кизлярской крѣпости военнослужащихъ отъ того приключается, понеже казармы строены мазанки, на низкихъ мѣстахъ, изъ глины и сыраго кирпича, по самыя окна въ землѣ; когда же изъ такихъ казармъ солдатство переведены были, то болѣзнь уменьшилась; а лазареты отъ двухъ полковъ и прочихъ командъ стоятъ въ форштатѣ близь сѣверу отъ крѣпости на высокомъ мѣстѣ, и какъ окошки въ нихъ большими передѣланы, то воздухъ въ нихъ предъ прежнимъ сталъ посредственный и для того онымъ казармамъ надлежитъ быть на тѣхъ же высокихъ мѣстахъ и прибавить ихъ въ вышину, а не глубоко въ землю строить, также окны выше дѣлать, чтобъ воздухъ былъ чище и отъ паровъ земныхъ и отъ сырости сколько возможно здоровые и больные отдаляемы были.

«2) Понеже упоминаемыя казармы состроены мазанки и изъ сырова кирпича, потому всегда сыры бываютъ, а докторъ Гевиттъ представляетъ, что отъ 25 до 30-ти верстъ противъ веста отъ Кизляра лѣса зачинаются и въ нихъ разныя дерева и кусты растутъ, которое разстояніе разсуждается быть невеликое для уповаемой людямъ пользы: того для надлежитъ способныя мѣры принять, чтобъ изъ тѣхъ лѣсовъ къ строенію годныя вырубя привесть въ Кизляръ и состроить жилые покои ради военнослужащихъ, здоровыхъ и больныхъ; а ежели тѣхъ лѣсовъ къ строенію годныхъ не имѣется, или не въ такомъ довольствіи, то хотя на сженіе кирпича привозить, къ чему всякое дерево годится, и построить каменное строеніе, которое тѣмъ и вѣчное будетъ, а лазареты надлежитъ построить въ такой величинѣ, чтобъ для каждаго полку отъ 150 до 200 больныхъ свободно умѣстить было возможно.

«3) Больные въ лазаретахъ получаютъ довольствіе пищи и прочаго весьма скудное и Военной Коллегіи надлежитъ учинить достаточное опредѣленіе, чтобъ тѣ больные содержаны были съ надлежащимъ удовольствіемъ въ пищѣ, питьѣ, покоѣ и прочемъ, ибо напрасно ожидается излѣченіе болѣзней отъ единыхъ лѣкарствъ, но необходимо потребно притомъ, чтобъ пища, питье и покой были по болѣзнямъ, а безъ того лѣкарства втунѣ употребляются и люди вмѣсто излѣченія помираютъ.

«4) Болѣзни сами по себѣ, показанныя въ репортахъ Гевитта ординарныя и смертность не велика, но числительность ихъ весьма значительна.

«5) Въ Кизлярѣ наибольшая работа всегда происходитъ отъ апрѣля или начала мая до октября и далѣе возкою изъ Фельшайской крѣпости до Кизляра около 60-ти верстъ, а отъ моря 20 верстъ провіанта; въ упомянутомъ же мѣстѣ провіантъ солдатами изъ прибывающихъ изъ Астрахани судовъ на барки выгружая въ Кизляръ привозятъ, при которой выгрузкѣ весьма тяжкій трудъ претерпѣваютъ, понеже въ студеное осеннее время банокъ оченъ мелокъ бываетъ и должны солдаты нѣсколько часовъ по груди въ водѣ работать, отчего приключаются грудныя и прочія болѣзни; потому надлежитъ учинить разсмотрѣніе, не можноль къ тому берегу, гдѣ суда съ провіантомъ пристаютъ, построить на водѣ мостъ до самого того мѣста, чтобъ уже провіантъ выгружать впредь на томъ мосту и людямъ опая работа была не въ водѣ; притомъ же, если возможно, такія мѣры принять, чтобъ работа возкою провіанта изъ Фельшайской крѣпости въ Кизляръ исправляема была лѣтними мѣсяцами, а не осенью.

«6) Изъ репорта доктора Гевитта о ѣздѣ его къ Кавказскимъ горамъ явствуетъ, какая нужда въ военнослужащихъ людяхъ въ Кизлярской крѣпости обстоитъ, такъ что по недостатку оныхъ безсмѣнно на караулахъ и форпостахъ находятся, изъ чего слѣдуетъ, что многіе находятся старые и дряхлые и оные числятся въ комплектѣ, а здоровые должны за нихъ службу отправлять, отчего, и для тяжкихъ тамо работъ, не иначе какъ больные умножаться имѣютъ; того для о разсмотрѣніи о тѣхъ старыхъ и дряхлыхъ по прежде посланной въ Военную Коллегію изъ Медицинской Канцеляріи промеморіи сего года мая 30-го дня, надлежитъ ли для выгоды тамошняго гарнизона еще прибавить числомъ людей, предается благоразсужденію оной Военной Коллегіи.

«7) Ежели докторъ Гевиттъ къ Кавказскимъ горамъ за неполученіемъ конвоя въ нынѣшнемъ году не отправится, то по разсужденію Медицинской Канцеляріи неотмѣнно надлежитъ еще на годъ его тамъ оставить и содержать для той поѣздки на будущее лѣто и ради лучшаго примѣчанія тамошнихъ обстоятельствъ.»

Кондоиди, очевидно, хотѣлось оставить Гевитта въ Кизлярѣ до приведенія въ исполненіе предложенныхъ имъ мѣръ. Онъ видѣлъ, что печальное состояніе тамошняго гарнизона зависитъ не столько отъ климата, сколько отъ нерадѣнія и злоупотребленій. Какая была нужда получать и выгружать провіантъ непремѣнно въ октябрѣ, а не въ іюлѣ, напримѣръ, или въ августѣ? Та

развѣ, что лѣтомъ рабочія руки нужны были для другаго употребленія въ пользу командировъ: луга, поля и виноградники не ждутъ, между тѣмъ какъ провіантъ можетъ подождать до самой глубокой осени. Съ другой стороны, очевидно было, что пребываніе Гевитта способно было хотя немножко улучшить положеніе вещей: его въ Кизлярѣ побаивались, по причинѣ прямыхъ его сношеній съ Медицинской Канцеляріею, чрезъ которую неприятныя свѣдѣнія могли, пожалуй, дойдти и до самой императрицы, а послѣ его отъѣзда остались бы опять одни несчастные и загнанные лѣкари, безсильные наблюдатели всѣхъ золъ бюрократическаго растлѣнія, и дѣла опять пошли бы по старому.

Не смотря однакожъ на все это, Военная Коллегія оставила бы, можетъ быть, представленіе Медицинской Канцеляріи безъ вниманія. Но почти въ то же самое время кизлярскій комендантъ Фрауендорфъ донесъ, что изъ числа прибывшихъ въ Тенгинскій и Самарскій полки 875 рекрутъ, многіе уже умерли (51 человѣкъ), а другіе хвораютъ отъ непривычки къ тамошнему воздуху; что лѣкарь Лебедевъ проситъ за старостію о переводѣ его въ городовые лѣкари и дѣйствительно очень старъ, а одинъ подлѣкарь умеръ, и что наконецъ по высочайшему повелѣнію слѣдуетъ имѣть въ полкахъ лѣкарей, а въ третьихъ батальонахъ подлѣкарей [1]), и потому онъ проситъ въ Кизляръ еще одного лѣкаря и двухъ подлѣкарей. Военная Коллегія сообщила все это Медицинской Канцеляріи и просила ее (19-го ноября 1755) послать туда требуемыхъ лѣкаря и подлѣкарей, а Гевитта оставить

[1]) Нѣсколько позднѣе, по указу Сената 10-го декабря 1757 года, основанному на распоряжении учрежденной при Дворѣ Конференціи, положено было (по военному времени) имѣть *въ каждомъ батальонѣ по одному лѣкарю*; только это положеніе, по недостатку лѣкарей, рѣдко было въ точности соблюдаемо. Въ мирное же время, по воинскому штату 1733 года, въ каждомъ полку положено было имѣть только 1 полковаго лѣкаря, да по резолюціи Кабинета при императрицѣ Аннѣ, 1735 года, *въ полевыхъ полкахъ* положено по 1 подлѣкарю, и наконецъ по именному указу 1755 года въ пѣхотные полки прибавлено еще по 1 подлѣкарю. *Въ гарнизонныхъ 50 полкахъ*, по вѣдомости Военной Коллегіи 21-го сентября 1737 года, назначено имѣть по одному лѣкарю, а когда эти полки, по штату 2-го марта 1764 переформированы *въ батальоны*, тогда положено содержать въ 65-ти пограничныхъ и 19-ти внутреннихъ батальонахъ по одному лѣкарю.

тамъ для наблюденій за медицинскою частью. Медицинская Канцелярія просила у Сената разрѣшенія (5-го декабря 1756) оставить Гевитта въ Кизлярѣ еще на годъ и 13-го февраля 1756 года получила его; но въ это время отъ Гевитта полученъ рапортъ объ увольненіи его по болѣзни отъ дальнѣйшаго пребыванія тамъ, съ увѣдомленіемъ, что онъ уже побывалъ и на минеральныхъ водахъ. Кондоиди не хотѣлъ удерживать его и 21-го февраля 1756 увѣдомилъ Военную Коллегію, что отсрочка пребыванія Гевитта отмѣнена, такъ какъ онъ по болѣзни просится оттуда, и что ему дано позволеніе возвратиться въ Петербургъ. Пока однакожъ продолжалась эта переписка, много прошло времени, и Гевиттъ могъ выѣхать изъ Кизляра только въ іюнѣ и пріѣхалъ въ Москву 14-го августа 1756 года.

Между тѣмъ, по промеморіи Медицинской Канцеляріи, Военная Коллегія 30-го апрѣля 1756 года постановила слѣдующее:

«1) Въ Кизлярѣ и въ форштатѣ офицерскія и солдатскія казармы, которыя весьма низки и окошки невелики, оныя въ вышину изъ кирпича дѣлающагося тамъ прибавить и малыя окна большими передѣлать, чтобъ въ нихъ чистой воздухъ и людямъ здоровый покой былъ, а лазаретамъ быть на тѣхъ высокихъ мѣстахъ, гдѣ и нынѣ, и старыя переправить или вновь построить противъ прежнихъ обширнѣе, дабы во оныя безнужно умѣститься могло отъ 150 до 200 человѣкъ, и прибавить оныя въ вышинужъ и окна большіяжъ, чтобъ воздухъ былъ чище и отъ паровъ земныхъ и отъ сырости больные отдаляемы были, и стараться все это строеніемъ въ окончаніе привесть тамошними полками самымъ лѣтнимъ временемъ до наступленія осени, дабы солдатство при стужѣ отъ ненастныхъ дней изнуренія понести и въ покояхъ сырости и отъ того въ болѣзни впадать не могли, а на строеніе потребный лѣсъ брать изъ ближнихъ къ Кизляру мѣстъ лѣтнимъ же благополучнымъ временемъ. А ежели, паче чаянія, къ строенію годнаго (лѣса) въ близости не сыщется или недовольно, въ такомъ случаѣ построить каменныя изъ жженаго кирпича, а въ случаѣ крайняго отъ малоимѣнія дровъ жженаго кирпича недостатка и изъ высушеннаго на солнцѣ кирпича, только оный просушивать накрѣпко, дабы во оныхъ ни малѣйшей сырости и тяжелаго воздуху быть отнюдь не могло, а негодный къ строенію лѣсъ употреблять на топленіе въ холодное время казармъ, лазаретъ и больнымъ бани на дрова, съ надлежащимъ присмотромъ.

«2) Будущихъ въ лазаретахъ и казармахъ полеваго и гарнизоннаго полковъ и другихъ командъ больныхъ, а особливо одержимыхъ тяжкими болѣзнями, которымъ, какъ выше показано, порція производится недовольная, а прочимъ и ничего, довольствовать пищею и питіемъ, какъ по регламенту о госпиталяхъ и по указамъ повелѣно, всѣхъ равною порціею, смотря по болѣзнямъ, съ добрымъ присмотромъ, и крайнее стараніе прилагать, чтобъ больные въ пищѣ и питіи ни малѣйшаго недостатка не имѣли и при добромъ покоѣ во всякой исправности для скорѣйшаго облегченія отъ болѣзней содержаны были, при чемъ и лѣкарства бъ не втунѣ употреблять, и надо всѣмъ тѣмъ особливое смотрѣніе и попеченіе имѣть генералъ-маіору Фрауендорфу, а на приготовленіе тѣмъ больнымъ пищи и питья и иныхъ потребностей, что больнымъ по регламенту положено, ассигновать Главному Коммисаріату довольную сумму немедленно, дабы, какъ явствуетъ, по тамошнему пограничному мѣсту впредь больные ни малѣйшей нужды и въ довольствіи своемъ недостатка не претерпѣли, а для лучшаго спокойства больныхъ, сверхъ наръ, подѣлать ради трудно болящихъ кровати и изъ камыша постели и подушки.

«3) Изъ Астрахани на довольствіе въ Кизлярѣ войскъ провіантъ и овесъ отправлять по вскрытіи льда первымъ водянымъ путемъ, чтобы оный по привозѣ съ того мѣста, гдѣ отправленныя изъ Астрахани суда пристаютъ, выгруженъ и въ Кизляръ солдатами перевезенъ былъ лѣтнимъ благополучнымъ временемъ, и конечно весь по октябрь мѣсяцъ, дабы людямъ, которые въ студеное осеннее время будучи въ водѣ, по тяжкимъ притомъ понесеннымъ трудамъ впадаютъ въ неизцѣльныя болѣзни, впредь такихъ тягчайшихъ болѣзней быть не могло, и для того Главной Провіантской Канцеляріи о таковомъ заблаговременномъ изъ Астрахани провіанта и овса отправленіи Астраханской губернской канцеляріи накрѣпчайше подтверждено, подъ опасеніемъ за упущеніе взысканія по указамъ: особливожъ для выгоды солдатству, на томъ мѣстѣ, гдѣ изъ прибывшихъ изъ Астрахани судовъ хлѣбъ выгружаютъ, построить пристань и мостъ, по разсмотрѣнію помянутаго генералъ-маіора Фрауендорфа, дабы какъ люди въ показанное студеное осеннее время трудной въ водѣ работы миновать могли, такъ и выгрузка на сухомъ пути провіанта съ лучшею казенною пользою быть могла.

«4) Что же касается до находящихся въ Кизлярѣ старыхъ и дряхлыхъ солдатъ, за которыхъ-де здоровые службу отправляютъ и отъ тяжкихъ-де тамо работъ не иначе какъ больные умножаются, то понеже по посланнымъ изъ Военной Коллегіи въ 1755 году сентября 30-го дня ко всѣм

воинскимъ командамъ указамъ велѣно всѣмъ воинскимъ чинамъ отставки отъ службы не чинить (по причинѣ начавшейся семилѣтней войны) и въ Военную Коллегію не представлять, и для того когда впредь отставка начнется и о неспособныхъ имянной списокъ пришлется, въ то время и объ нихъ безъ надлежащаго разсмотрѣнія оставлено не будетъ; а чтобъ для тамошняго въ Кизлярѣ гарнизона людей пріумножить, Военная Коллегія, въ разсужденіи что нынѣ тамъ полевой пѣхотный 3-хъ батальонный и Астраханскаго гарнизона 2-хъ батальонный полки, и двѣ тогоже гарнизона драгунскія роты, и сверхъ того не малое число нерегулярныхъ войскъ, прибавлять нынѣ за потребное нужды не находитъ.

«5) Чтоже касается до пшена, которое-де какъ станетъ изъ земли выходить, то работные люди исхудаютъ и въ лицѣ блѣдны становятся, пожелтѣютъ, въ лихорадкахъ и поносахъ и въ тяжкія болѣзни впадаютъ, для чего-де оное пшено и въ 1731 году близь Кизляра сѣять отъ главнокомандующаго запрещеніе учинено, почему въ томъ и въ 1732 и 1753 годахъ, какъ то въ докторскомъ описаніи явствуетъ, многіе въ Кизлярѣ болѣзнями одержимы были и померли: того ради и нынѣ, во избѣжаніе отъ того приключаемыхъ болѣзней, сарачинскаго пшена близь крѣпости Кизлярской сѣять отнюдь не допускать и накрѣпчайше того наблюдать, а дозволить оное сѣять въ отдаленныхъ отъ крѣпости, но въ безопасныхъ мѣстахъ, дабы людямъ ни малѣйшаго вреда приключаемо не было, и что гдѣ учинено будетъ, въ Коллегію репортовать, а Медицинская Канцелярія благоволитъ о семъ быть извѣстна. Апрѣля 30-го дня 1756 года.»

Главный Коммисаріатъ прислалъ съ своей стороны въ Медицинскую Канцелярію длинную промеморію отъ 5-го іюня 1756 года, въ которой написалъ множество неидущихъ къ дѣлу выписокъ изъ Воинскаго устава и Генеральнаго госпитальнаго регламента и заключилъ тѣмъ, что госпитали положено имѣть только въ резиденціяхъ и главныхъ портахъ, а какъ Кизляръ не резиденція и не портъ, то тамъ можно имѣть только полковые лазареты, въ которыхъ больные должны быть содержимы на счетъ вычета половины денежнаго жалованья съ солдатъ за все время пребыванія въ госпиталѣ и полнаго хлѣбнаго и мяснаго довольствія ихъ; если же этого мало, то изъ вычета всего ихъ жалованья, потому что они все это время довольствуются въ лазаретахъ.

Такимъ образомъ въ устройствѣ госпиталя было отказано [1]). Но Кондоиди уже предвидѣлъ это, и для усиленія медицинской части въ Кизлярѣ еще 29-го апрѣля 1756 года (въ тотъ самый день, какъ подписано было опредѣленіе Медицинской Канцеляріи о возвращеніи Гевитта въ С.-Петербургъ) послалъ указъ астраханскому губернатору, генералъ-маіору Жилину, о построеніи въ Кизлярѣ карантиннаго дома [2]) и вмѣстѣ планъ этого дома, разсмотрѣнный и одобренный Сенатомъ. Въ Кизлярскій карантинъ, вмѣстѣ съ этимъ, назначенъ былъ изъ Казани городовой лѣкарь Антонъ Экебрехтъ, съ жалованьемъ по 180 руб., 3 раціонами и платою за 1 денщика. Экебрехтъ прибылъ въ Кизляръ въ іюлѣ, при самомъ отъѣздѣ Гевитта.

При первомъ взглядѣ на картину кизлярской мѣстности, нарисованную докторомъ Гевиттомъ, невольно приходятъ на мысль тѣ рѣзкія и характеристическія отличія, изъ совокупности которыхъ составляется понятіе о жаркомъ климатѣ, со всѣми небла-

---

[1]) Двадцать лѣтъ спустя, по распоряженію князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, 22-го октября 1787, учрежденъ былъ для войскъ у Кавказа и Кубани, на счетъ экстраординарной суммы, *Георгіевскій корпусный госпиталь*, съ назначеніемъ въ него 1 доктора, 2 лѣкарей и 8 подлѣкарей. Первымъ докторомъ его былъ опредѣленъ (2-го декабря 1787) Іоганъ-Валентинъ Герике, а лѣкаремъ Іоганъ-Готлибъ Траутвейнъ (18-го ноября 1787). Послѣ Герике, докторомъ былъ тамъ Вильгельмъ Гирціусъ (съ 14-го іюня 1793), ѣздившій по повелѣнію императора Павла въ Тифлисъ лѣчить царя Ираклія отъ водяной болѣзни. Впослѣдствіи Гирціусъ былъ инспекторомъ Астраханской и послѣ того первымъ инспекторомъ Черноморской врачебной управы (или врачебной управы при Черноморскомъ флотѣ), учрежденной по докладу Медицинской Коллегіи, высочайше конфирмованному 16-го іюля 1799 г. По именному повелѣнію Павла 5-го іюня 1797 и Астраханская полевая аптека переведена была также въ крѣп. Георгіевскъ, сдѣлавшуюся какъ бы столицею Кавказа.

[2]) Карантины (равно и кабаки) содержались до 1755 года изъ суммъ Коммерцъ-Коллегіи, собираемыхъ съ продажи вина. Указами Сената 24-го февраля и 10-го іюня 1755 года назначено было выдавать жалованье карантиннымъ лѣкарямъ изъ мѣстныхъ таможенныхъ сборовъ, и всегда на мѣстѣ, т. е. въ таможняхъ, причемъ статсъ-конторѣ доставляемо было только свѣдѣніе о выданныхъ деньгахъ, для отчисленія ихъ изъ общаго сбора. Въ 1758 году положено было содержать карантины изъ собственныхъ ихъ откупныхъ взносовъ, т. е. карантины отдаваемы были на откупъ и изъ откупной платы удовлетворялось содержаніе ихъ. Въ этомъ году оберъ-инспекторомъ всѣхъ 11-ти карантиновъ былъ нѣкто Шемякинъ. По карантинному контракту, содержатель карантина долженъ былъ брать съ каждаго человѣка, находящагося въ карантинѣ, по копѣйкѣ въ сутки, а съ каждой лошади и вола по деньгѣ.

гопріятными, но естественными его принадлежностями. Вмѣстѣ съ тѣмъ возстаютъ передъ глазами и всѣ трудности, съ которыми должны бороться пришлые жители, для того чтобы освоиться съ этимъ негостепріимнымъ климатомъ и ужиться съ его губительными вліяніями.

Тутъ есть все, чѣмъ обыкновенно пугается воображеніе иностранцевъ: и болота съ ихъ туманами и міазмами, и дневные чрезмѣрные жары съ холодными ночами, и рисовыя поля съ ихъ неизбѣжными наводненіями, и смѣшеніе прѣсныхъ водъ съ солеными, удвояющее безпрерывный запасъ болотныхъ міазмъ, и обиліе фруктовъ и овощей, которымъ пришлые жители не даютъ дозрѣть, прельщаясь неиспытанными до того времени вкусомъ и ароматомъ ихъ, а рядомъ со всѣмъ этимъ идетъ безпрерывная хворость, болѣзненность и неизбѣжная смертность, падающая исключительно на пришлыхъ жителей. Неудивительно поэтому, что всякій, кого судьба посылала въ Кизляръ, считалъ себя обреченнымъ на преждевременную смерть; а еще менѣе удивительно то, что Кизляръ прослылъ гибельною мѣстностью, въ которой солдаты мрутъ какъ мухи, единственно отъ климатической отравы. Такъ и смотрѣли не него во всей Россіи, особенно въ правительственныхъ сферахъ; такъ, вѣроятно, смотрѣли бы на него и во всей Европѣ противники акклиматизаціи, еслибъ до Европы доходило тогда, что̀ дѣлается въ отдаленныхъ угла̀хъ Россіи. Мѣстные начальники и командиры изъ всѣхъ силъ старались поддержать и распространить это мнѣніе о Кизлярѣ, потому что оно было выгодно для нихъ: можно было морить солдатъ голодомъ, лишеніями и сверхсильными работами совершенно безнаказанно—гибельный климатъ покрывалъ собою всѣ личныя злоупотребленія; можно было совершенно избавить себя отъ заботъ и попеченій о солдатахъ, потому что—заботься или не заботься—все равно, климатъ сдѣлаетъ свое дѣло и противъ него безполезно бороться. Не то же ли повторяется во всѣхъ мѣстностяхъ жаркаго пояса и не въ этихъ ли данныхъ черпаются матеріалы противниками акклиматизаціи?

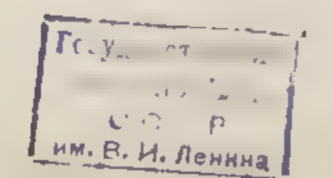
Но, отправляясь въ Кизляръ, докторъ В. Гевиттъ не взялъ, кажется, съ собою praeconceptam opinionem объ ужасахъ тамошняго климата, и это дало ему возможность взглянуть на при-

чины тамошней чрезмѣрной болѣзненности и смертности съ правильной точки зрѣнія. Онъ отдѣлилъ при этомъ все, что принадлежитъ исключительно климату, отъ того, что порождается безжалостнымъ пренебреженіемъ къ жизни человѣческой, и при разборѣ этихъ разнородныхъ вліяній оказалось, что кизлярскій климатъ былъ бы не хуже всякаго другаго, еслибъ не былъ чрезмѣрно ухудшаемъ непозволительнымъ своекорыстіемъ.

Въ донесеніи своемъ онъ окинулъ хотя быстрымъ, но пристальнымъ взглядомъ всѣ роды вліяній, содѣйствовавшихъ чрезмѣрной болѣзненности и смертности, и тѣмъ оказалъ важную услугу: мы видѣли, Медицинская Канцелярія настояла на устраненіи тѣхъ вредныхъ вліяній, которыя казались наиболѣе опасными и легко удалимыми. Исполнены ли были указанія ея или нѣтъ—теперь не имѣется свѣдѣній; но по крайней мѣрѣ на бумагѣ Военная Коллегія распорядилась исполнить ихъ и улучшить бытъ кизлярскаго гарнизона. Отъ точнаго же исполненія этихъ распоряженій могло зависѣть дѣйствительное улучшеніе тамошняго быта, какъ это можно видѣть частію изъ того, что въ томъ же Гевиттовомъ донесеніи говорится, что въ прежнія времена кизлярская мѣстность не производила такихъ, какъ теперь, ужасающихъ опустошеній въ гарнизонѣ, а частію и изъ того, что самъ этотъ внимательный наблюдатель ничего не говоритъ о чрезмѣрной болѣзненности между офицерами гарнизона (и невѣроятно, чтобъ онъ по забывчивости умолчалъ объ этомъ равенствѣ бѣдствія, стоящемъ всегда на первомѣ планѣ при оцѣнкѣ климатическихъ вліяній) и не жалуется, чтобъ и онъ самъ что-либо потерпѣлъ отъ вліянія мѣстнаго климата, хотя пробылъ тамъ около полутора года. Изъ этого позволительно заключить, что офицеры и вообще всѣ лица, болѣе или менѣе свободно распоряжавшіяся собою и пользовавшіяся бо́льшимъ или меньшимъ матеріальнымъ достаткомъ, далеко не такъ страдали, какъ простые солдаты; а слѣдовательно и наибольшая доля страданій этихъ послѣднихъ зависѣла вовсе не отъ климата.

Какъ бы то ни было, но, послѣ бумажныхъ распоряженій, въ Кизлярѣ все осталось по старому, а чрезмѣрная болѣзненность и смертность гарнизона, повидимому, нисколько не уменьшились.

Такъ прошло десять лѣтъ со времени Гевиттова отъѣзда. Полки смѣнялись очень часто, потому что не могли долго пере-



носить кизлярской службы и теряли половину людей своихъ отъ однѣхъ болѣзней [1]). И хотя пагубное вліяніе климата сдѣлалось на офиціальномъ языкѣ почти аксіомою, но все-таки коменданты не могли не тревожиться потерею людей и часто должны были отписываться, повторяя все одни и тѣ же объясненія, съ небольшими варіаціями. Варіаціи впрочемъ были неразнообразны и образчикъ ихъ мы видѣли еще въ началѣ царствованія Елизаветы Петровны при Бургаавѣ: «отъ того велика смертность, говорили военные, что мало лѣкарей.» Этотъ же аргументъ нерѣдко повторяется и въ наши дни, когда нужно объяснить чрезмѣрную болѣзненность и смертность въ войскахъ и когда притомъ объясненія чрезмѣрной болѣзненности и смертности посылаются куда слѣдуетъ помимо врачей. При такомъ маленькомъ гарнизонѣ, какъ кизлярскій, конечно, можно бы сдѣлать опытъ и послать по одному лѣкарю хоть на каждыхъ десятерыхъ солдатъ, а потомъ посмотрѣть, уменьшится ли черезъ то ихъ болѣзненность: но можно и безъ того сказать съ увѣренностію, что болѣзненность нисколько въ полку не уменьшится, сколько бъ въ немъ ни было лѣкарей, если лѣкаря эти подчинены полковому командиру, а полкъ служитъ рабочею машиною для выдѣлыванія возможно большаго годоваго дохода. Какъ бы то ни было, но аргументъ этотъ повторялся такъ часто, что Военная Коллегія принуж-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, въ четыре мѣсяца 1798 года умерло отъ болѣзней въ Кизлярскомъ гарнизонномъ князя Уракова полку 652 человѣка, а именно въ августѣ 108, сентябрѣ 205, октябрѣ 171 и ноябрѣ 172. Причинами такой смертности, по донесенію Астраханской врачебной управы отъ 24-го марта 1799 года, были: тѣсное помѣщеніе больныхъ и запущеніе болѣзней ихъ въ командахъ; гнилыя испаренія отъ окружныхъ болотъ; недостатокъ врачей; крайняя нечистота въ городѣ и пренебреженіе всѣхъ правилъ гигіены и мед. полиціи; приводъ большаго числа рекрутъ, уже больными прибывшихъ въ городъ, отъ недостатка на маршѣ свѣжихъ съѣстныхъ припасовъ и хорошей воды; прибыль солдатъ изъ другихъ мѣстъ на укомплектованіе кизлярскаго гарнизона съ неизлѣчимыми хронич. болѣзнями и хворыхъ; дурное содержаніе больныхъ и здоровыхъ пищею и недоставленіе имъ хорошей прѣсной воды. Операторъ врач. управы Шатиловичъ поѣхалъ въ Кизляръ и смѣнилъ город. штабъ-лѣкаря Перхимуса, «за слабость и неспособность къ должности», назначивъ на его мѣсто штабъ-лѣкаря Древерса, и сдѣлалъ распоряженіе о возможномъ устраненіи причинъ болѣзненности и смертности, а Медиц Коллегія отнеслась о томъ же къ инспектору Кавказской дивизіи, генералъ-лейтенанту Федору Ивановичу Киселеву.

дена наконецъ была обратить на него вниманіе, и 2-го марта 1767 года представила императрицѣ докладъ, съ объясненіемъ, что «Кизляръ отстоитъ отъ россійскихъ городовъ въ дальнемъ разстояніи, а по тамошнему климату больныхъ бываетъ всегда немалое число, какъ видно изъ рапорта тамошняго коменданта; а хотя при гарнизонныхъ батальонахъ лѣкаря и есть, по однимъ имъ за тѣми больными исправиться, а особливо тогда, когда они и сами нерѣдко больны бываютъ, не можно: то въ разсужденіи того и представляется, не соизволитъ ли Е. И. В. повелѣть въ тамошней командѣ опредѣлить *одного штабъ-лѣкаря и двухъ лѣкарей съ принадлежащею аптекою*, а жалованье имъ производить противъ прочихъ, находящихся при полевыхъ полкахъ, изъ воинской суммы, т. е. штабъ-лѣкарю по 400 руб. въ годъ, 4 раціона и на 1 деньщика, а лѣкарямъ по 180 рублей въ годъ.» Императрица утвердила этотъ докладъ 22-го марта 1767 года и вслѣдъ за тѣмъ опредѣлены туда (24-го апрѣля): штабъ-лѣкаремъ—лѣкарь Смоленскаго ландмиліціоннаго коннаго полка Ф. А. Крейцеръ (Ferdinand-August Kreutzer), который однакожъ не согласился ѣхать туда и замѣненъ былъ произведеннымъ въ штабъ-лѣкари лѣкаремъ Кіевскаго кирасирскаго полка Матвѣемъ Веккеромъ, а лѣкарями назначены—арзамасскій городовой лѣкарь Иванъ Федотовъ и Тобольскаго карабинернаго полка Козьма Содальскій, причемъ лѣкарства предписано получить изъ Астраханской аптеки. [1]).

---

[1]) Штабъ-лѣкарь Ф. А. Крейцеръ принятъ изъ иностранцовъ подлѣкаремъ въ С.-Петербургскій адмиралтейскій (морской) госпиталь въ 1753 году, продолжалъ здѣсь курсъ ученія и въ 1756 году произведенъ лѣкаремъ въ Рижскій драгунскій полкъ. При наступившей затѣмъ семилѣтней войнѣ отправленъ въ Пруссію съ полкомъ своимъ и причисленъ былъ къ русскому Кенигсбергскому госпиталю. Оттуда возвратился онъ съ ранеными, пріѣхалъ въ С.-Петербургъ и въ 1762 переведенъ былъ въ Смоленскій гарнизонный полкъ. Онъ обжился въ Смоленскѣ, и потому, получивъ назначеніе въ Кизляръ, поѣхалъ, но, доѣхавъ до Москвы, сказался тамъ больнымъ. Медиц. Коллегія приказала доктору Риндеру освидѣтельствовать его, что и было произведено; но въ то же время донесено въ Коллегію, что Крейцеръ можетъ еще продолжать службу, и именно при Смоленскомъ магистратѣ, а на Кавказъ ѣхать не можетъ. Эта просьба подкрѣплена была передъ Коллегіею ходатайствомъ графа В. Фермора, почему Крейцеръ и не отправленъ на Кавказъ, а на его мѣсто посланъ Веккеръ; на мѣсто же Веккера въ Кіевскій кирасирскій полкъ переведенъ изъ Муромскаго пѣхотнаго полка лѣкарь Иванъ Сергѣевичъ Воробьевъ. Однакожъ Медицинская Коллегія недовольна была Крейцеромъ и 15-го сентября 1767 запретила ему

Послѣ этого, казалось бы, чрезмѣрная болѣзненность и смертность въ Кизлярѣ должны были прекратиться или по крайней мѣрѣ уменьшиться, потому что лѣкарей было тамъ очень достаточно, а именно: при каждомъ батальонѣ по одному, при крѣпостномъ гарнизонѣ три и при карантинѣ одинъ, такъ что со всякимъ случайнымъ увеличеніемъ числа войскъ само собою увеличивалось и число лѣкарей, а между тѣмъ улучшенія ни въ чемъ не обнаруживалось. Какъ же объяснить это? Разумѣется, климатомъ и всѣми тѣми обстоятельствами, которыя имѣютъ прямое или косвенное отношеніе къ климату. Разъясненіе дѣла, представленное докторомъ Гевиттомъ и, какъ мы видѣли, не совсѣмъ пріятное для мѣстнаго начальства, уже забылось, да и самъ онъ сошелъ со сцены (уволенъ отъ службы 18 марта 1764), съ чѣмъ вмѣстѣ забылась и вся услуга, оказанная имъ Кизляру. Пусть бы такъ. Но, къ сожалѣнію, почтенное имя его иногда употребляемо было во зло, и если припоминалось въ Кизлярѣ, то развѣ только ко вреду этого несчастнаго города.

Съ перваго взгляда это можетъ показаться невѣроятнымъ, даже невозможнымъ, а между тѣмъ послѣдующая исторія Кизляра представляетъ неопровержимыя тому доказательства.

Извѣстно, что Кизляръ въ прошломъ столѣтіи былъ единственнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, нужныхъ для торговли съ Персіею и кавказскими народами. Главный источникъ богатства его состоялъ въ садоводствѣ (тамъ могутъ рости персики, абрикосы, грецкій орѣхъ и даже сахарный тростникъ и хлопчатая бумага) и винодѣліи, потому что кизлярскій виноградъ, не требуя большаго ухода, способенъ давать превосходное вино. Другіе источники богатства его: разведеніе риса, хлопчатой бумаги, шелководство и рыболовство. Произведенія этихъ разнообразныхъ даровъ природы, конечно, могли бы обогатить жителей и дать имъ средства бороться съ климатическими вліяніями, если дѣйствительно эти вліянія такъ неблагопріятны, какъ можно было думать, судя по результатамъ, имъ приписаннымъ. Кизлярскіе жители сами видѣли, что низменность мѣста, на которомъ стоитъ городъ, не совсѣмъ благопріятна для жизни, и легко

называться штабъ-лѣкаремъ; но 10-го декабря опять утвердила въ штабъ-лѣкарскомъ званіи, съ назначеніемъ къ Смоленскому магистрату.

могли бы помочь этому горю, исподоволь перенося дома свои на сосѣднія возвышенности; но городъ на 7 верстъ окруженъ садами и виноградниками, заставляющими мириться съ его низменностью. Притомъ же сырость въ Кизлярѣ зависитъ не столько отъ его природной низменности, сколько отъ неправильнаго и небрежнаго отвода избыточествующихъ въ Терекѣ водъ, поглотившаго уже многіе милліоны и все еще не приведеннаго къ концу. Но тутъ-то и употреблено было во зло имя Гевитта во вредъ мѣстнымъ жителямъ. Въ вышеприведенномъ донесеніи его Медицинской Канцеляріи говорится, между прочимъ, о распространенномъ въ Кизлярѣ мнѣніи, будто болѣзненность въ немъ увеличилась съ тѣхъ поръ, какъ стали вокругъ города сѣять сарачинское пшено, почему главнокомандующій кавказскою дивизіею и запретилъ этотъ родъ полеводства, а Военная Коллегія подтвердила это запрещеніе. Можетъ быть, что въ этомъ дѣлѣ поступлено было справедливо; гигіенисты всѣхъ странъ единогласно подтверждаютъ, что обработка рисовыхъ полей, требующихъ продолжительнаго наводненія, способна содѣйствовать порожденію болотныхъ міазмъ и болотныхъ болѣзней. Но военное кизлярское начальство, оставивъ въ сторонѣ всѣ другія вредныя вліянія, указанныя Гевиттомъ, воспользовалось именно этимъ фактомъ и, во имя гигіены, распространило запретительную систему отъ сарачинскаго пшена на всѣ роды кизлярской промышленности. Въ разныя времена и по различнымъ поводамъ оно запретило сперва разводить хлопчатую бумагу, потомъ заниматься по домамъ шелководствомъ, далѣе наложило запрещеніе на мелочную продажу виноградняго вина, фруктовъ и овощей. Правда, со времени всѣхъ этихъ запрещеній ни болѣзненность, ни смертность гарнизона не уменьшились, но за то жизнь его значительно вздорожала и развилась контрабанда, къ которой прибѣгали для удовлетворенія самымъ естественнымъ потребностямъ. Какую пользу извлекали себѣ кизлярскіе коменданты изъ этихъ запрещеній—трудно теперь представить, но весьма позволительно усомниться, чтобъ они руководились при этомъ одной только любовью къ солдатамъ.

Существуютъ, правда, факты, указывающіе на механизмъ этого эксплуатированія страны, но, по давности времени, ихъ очень немного. Такъ, напр. астраханскіе старожилы помнятъ

одинъ торговый домъ въ этомъ городѣ, пользовавшійся монополіею оптовой закупки винограднаго вина въ Кизлярѣ по гривнѣ за ведро и потомъ выдѣлывавшій изъ этого же вина спеціальныя водки и вина и продававшій ихъ по 1—1½ рубля за бутылку, что̀, конечно, не обходилось безъ особенной «благодарности» мѣстнымъ благодѣтелямъ оптовой монополіи. Но подобныхъ стародавнихъ разсказовъ сохранилось немного. За то очень многіе помнятъ еще, какъ Кизляръ постепенно падалъ и падалъ, пропорціонально этимъ успѣхамъ военной гигіены sui generis, пока низошелъ до того уровня, съ котораго уже некуда падать. И это паденіе его продолжалось болѣе 40 лѣтъ, пока судьба не сжалилась надъ нимъ и не послала ему помощь и поддержку въ Астраханской врачебной управѣ.

При учрежденіи врачебныхъ управъ въ губернскихъ городахъ, 19 января 1797, дана была имъ обширная инструкція. По этой инструкціи, старшій членъ управы, т. е. инспекторъ ея, обязанъ былъ наблюдать за состояніемъ всѣхъ медицинскихъ учрежденій въ губерніи (какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ), да и самыя лица врачебнаго сословія опредѣляемы и смѣняемы были, какъ въ городахъ, такъ и въ полкахъ, не иначе, какъ чрезъ посредство врачебныхъ управъ [1]). Ни одному медику или фармацевту не дозволено уже было обращаться съ своими представленіями прямо въ Медицинскую Коллегію мимо врачебныхъ управъ, а еслибъ какія-либо представленія отъ этихъ лицъ и дошли до Коллегіи, то возвращаемы были съ выговоромъ за то, что они присланы не черезъ управу, и по нимъ никогда не предпринималось никакого исполненія. Управы назначали и смѣняли врачей въ своей губерніи, онѣ же и экзаменовали учениковъ и подлѣкарей для производства въ лѣкари и, однимъ словомъ, сдѣлались провинціальными центрами медицинскаго управленія, и если этимъ центрамъ удавалось поладить съ губернскими правленіями, то кон-

---

[1]) Правда, дѣйствительное увольненіе медицинскихъ чиновъ не дозволено было управамъ, хотя все-таки производилось ими. Такъ, наприм., 16 ноября 1798, Астраханская Управа уволила отъ службы изъ Кизлярскаго гарнизоннаго князя Уракова полка подлѣкаря Еллиновскаго и опредѣлила на его мѣсто изъ Каспійскаго флота подлѣкаря Пантелея Дронина. Медиц. Коллегія утвердила это распоряженіе управы (20 декабря), но замѣтила ей, чтобы она сама собою не увольняла отъ службы медицинскихъ чиновъ безъ предварительнаго представленія въ Коллегію.

троль ихъ становился вовсе невозможнымъ и они плодили злоупотребленія, слухъ о которыхъ хоть и доходилъ до Медицинской Коллегіи, но безъ пользы: она не въ состояніи уже была ни обнаружить, ни исправить зло, въ особенности взяточничество управъ, развѣтвившееся по всей Россіи и впившееся въ нее своими когтями. Замѣчательно, что въ числѣ первыхъ порицателей управъ явился самъ императоръ Павелъ I, успѣвшій замѣтить печальное положеніе провинціальной и въ особенности армейской медицины въ поѣздку свою въ Казань [1]). Вотъ что писалъ онъ главному директору Медицинской Коллегіи, барону А. И. Васильеву, изъ Казани отъ 27 мая 1798 года:

«Г. дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ Васильевъ.

«Учрежденныя для преподаванія врачебной науки училища и знатныя суммы на то употребляемыя суть достаточные способы, посредствомъ коихъ не безъ основанія можно бы надѣяться имѣть искусныхъ лѣкарей, и нельзя, конечно, усумниться, чтобъ таковыхъ въ числѣ вольноопредѣляющихся и выпускаемыхъ изъ училищъ и не было. При всемъ томъ, по доходящимъ ко мнѣ отъ полковъ и изъ другихъ мѣстъ свѣдѣніямъ усматриваю я, что вмѣсто искусныхъ въ своемъ званіи людей, помѣщаются таковые, кои, занимая попапрасну мѣста, пользы ни мало не приносятъ. Ни къ чему иному сего не приписываю, какъ развѣ къ оплошности или къ личному со стороны членовъ Медицинской Коллегіи пристрастію, по которому размѣщеніе лѣкарей дѣлается съ наблюденіемъ отнюдь не общей пользы. Того ради за нужное признаю предписать Медицинской Коллегіи крайнее прилагать стараніе къ тому, чтобъ полки и города, не смотря на отдаленность ихъ отъ столицы, снабдѣваемы всегда были знающими во врачебной наукѣ людьми, въ размѣщеніи коихъ избѣгая всякаго лицепріятія, имѣть всегда въ виду единственно общую пользу, не подчиняя отнюдь оную никакой личности или чьей-либо частной выгодѣ.

«Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательный Павелъ.»

Казань,
мая 27 дня 1798 года.

Вслѣдствіе этого Медицинская Коллегія потребовала (14 іюня 1798) отъ всѣхъ врачебныхъ управъ «свѣдѣнія обо всѣхъ служащихъ въ воинскихъ и гражданскихъ командахъ медицинскихъ

---

[1]) *Дѣла Медицинской Коллегіи*, кн. 546.

чинахъ, которые по должности своей неисправны, съ показаніемъ, въ чемъ именно ихъ неисправность или упущеніе и какого кто поведенія, дабы Коллегія, смотря по тому, могла по возможности опредѣлять къ мѣстамъ достойныхъ, отрѣшая недостойныхъ, также и врачебнымъ управамъ строжайше наблюдать, чтобы недостойныхъ не назначать и не представлять къ утвержденію на мѣстахъ [1]).» Разумѣется, врачебныя управы отозвались въ отвѣтъ на это, что у нихъ всѣ исправны, а подчиненнымъ дали замѣтить, что они совершенно въ ихъ рукахъ, и еще крѣпче связали ихъ бюрократическими цѣпями. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Учрежденіе врачебныхъ управъ, по мысли, съ которою оно задумано, есть прекраснѣйшій памятникъ дѣятельности Медицинской Коллегіи въ послѣдній періодъ ея существованія. Оно имѣло цѣлью, во-первыхъ, снабдить губерніи знающими и опытными врачами, спеціально образованными каждый по своей части, которые могли бы, въ случаяхъ надобности, немедленно подавать больнымъ надлежащую помощь и пособіе; во-вторыхъ, снабдить губерніи спеціально образованнымъ коллегіальнымъ собраніемъ, которое бы заботилось объ охраненіи народнаго здо-

---

[1]) Какъ плодились тогда и умѣли прятаться подъ покровительствомъ врачебныхъ управъ иностранные шарлатаны, служитъ доказательствомъ другой рескриптъ на имя барона А. И. Васильева, отправленный изъ Казани черезъ день послѣ выше приведеннаго, слѣдующаго содержанія:

«Г. дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ Васильевъ.

«Иностранца Шмита, живущаго въ Черновскомъ заводѣ и желающаго имѣть дозволеніе въ свободной практикѣ медицины, я поручаю вамъ не допускать до того, не подчиняя его предварительно экзамену сообразно съ прочими врачами, пребывая вамъ благосклоннымъ. Павелъ.»

Въ Казани.
Мая 29 дня 1798 года.

По этому повелѣнію Коллегія отнеслась въ Казанское губернское правленіе; но оно увѣдомило отъ 12 іюля, что такого завода въ губерніи нѣтъ и, стало быть, до него это не относится. Тогда Коллегія спросила Бергъ-Коллегію, гдѣ такой заводъ. Послѣдняя отвѣчала, что такого вовсе нѣтъ, а есть Черепецкій партикулярный чугунно-литейный и желѣзоковательный заводъ, Калужской губерніи въ Лихвинской округѣ, заводчика Ивана Попова. Медицин. Коллегія отнеслась послѣ того въ Калужскую врачебную управу съ вопросомъ, есть ли какой-нибудь Шмитъ на этомъ заводѣ, и получила въ отвѣтъ, что тамъ нѣтъ никакого Шмита. Тѣмъ все и кончилось.

ровья и для того издавало бы надлежащія правила и постановленія, соотвѣтственныя мѣстнымъ условіямъ каждой губерніи, проводя здравыя гигіеническія понятія въ провинціальную жизнь; и въ-третьихъ помочь центральной власти (Медиц. Коллегіи) въ устройствѣ провинціальныхъ врачебныхъ заведеній и облегчить надзоръ за ними, т. е. поддержать ихъ существованіе соотвѣтственно мѣстнымъ надобностямъ и возможностямъ. Такимъ образомъ медицинское управленіе само собою должно бы было децентрализоваться и получить возможность не оставаться въ разладѣ съ дѣйствительностью, а напротивъ жить и развиваться на мѣстной почвѣ, насколько характеръ этой почвы нуждался въ его развитіи и давалъ необходимыя для того средства. Но цѣль учрежденія нескоро была достигнута, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и до сихъ поръ осталась недостигнутою. Во-первыхъ отъ того, что врачебныя управы, при самомъ открытіи ихъ, сдѣлались ничѣмъ инымъ, какъ лишь новыми инстанціями бюрократической централизаціи, безъ правъ собственной инициативы и безъ всякой собственной отвѣтственности. Вмѣсто того чтобы снабдить губерніи лицами, спеціально приготовленными для пособія въ обыденныхъ жизненныхъ нуждахъ губерній и устранить стародавнюю безпомощность провинціальныхъ жителей (искусными акушерами, искусными операторами и терапевтами), во врачебныхъ управахъ, напротивъ, даны имъ новые чиновники, съ новыми канцелярскими формальностями и цѣлыми пучинами письмоводства. Губерніи отъ этого почти ничего не выиграли, а проиграли много. Не выиграли потому, что, желая и ожидая *врачей*, которые были очевидно необходимы, онѣ получили *чиновниковъ*, въ которыхъ вовсе не нуждались. Отъ того и происходило, что врачебная управа иногда, бывало, цѣлые годы не имѣетъ ни малѣйшаго повода къ разсужденіямъ ни о хирургическихъ, ни объ акушерскихъ вопросахъ, хотя завалена дѣлами и ежедневно съѣзжается въ присутствіе. Проиграли губерніи и тѣмъ еще, что содержаніе новыхъ чиновниковъ потребовало новыхъ издержекъ изъ губернскаго бюджета, не говоря уже о томъ, что тайные доходы врачебныхъ управъ иногда вдесятеро превосходили казенное ихъ содержаніе, и чѣмъ же могли они удовлетворяться, какъ не поборами съ губерніи? По милости чиновническаго характера управъ, это были самыя

хлѣбныя мѣста провинціальной бюрократіи, что никогда и ни для кого не было тайною.

Во-вторыхъ, цѣль учрежденія врачебныхъ управъ не могла быть достигнута и потому, что безъ различія мѣстностей и потребностей ихъ, оно было слишкомъ однообразно, слишкомъ генерализировано, какъ сорокъ оттисковъ одной и той же неизмѣнной формы. Сравните губерніи напримѣръ Тульскую, Калужскую, Ярославскую съ Олонецкою, Вологодскою, Оренбургскою и Иркутскою, и вы увидите неизмѣримую разницу ихъ пространствъ, народонаселенія и быта, а между тѣмъ форма врачебныхъ управъ для всѣхъ нихъ была одна и та же. Но если предположить, что чины управъ рѣшились бы исполнять свой долгъ какъ врачи-спеціалисты, а не какъ чиновники, то какая должна быть несоразмѣрность дѣятельности, труда и заслугъ въ различныхъ губерніяхъ?

Наконецъ, въ-третьихъ, и отъ того, что при самомъ учрежденіи управъ заботились больше о формѣ, чѣмъ о сущности дѣла. Трудно было укомплектовать ихъ людьми дѣйствительно способными къ предназначаемому дѣлу: такъ способность вовсе и не требовалась для замѣщенія должности. Всѣ управы предписано было открыть въ одно и то же время [1]), и онѣ были открыты, но какъ? Какой-нибудь старый армейскій лѣкарь (молодыхъ не опредѣляли), всю жизнь ограничивавшійся лѣчебною практикою въ своемъ полку и не имѣвшій ни малѣйшаго понятія ни о медицинской администраціи, ни о потребностяхъ гражданскаго быта губерніи, ни даже о географіи ея, и къ тому же не знавшій русскаго языка, бывъ назначенъ единственнымъ членомъ управы (полный трехчленный комплектъ управъ во многихъ губерніяхъ не сформировался вполнѣ даже къ нынѣшнему столѣтію, и къ тому же всѣ инспекторы и операторы управъ, по опредѣленію Медицинской Коллегіи 17 августа 1799 года, обязывались быть совершенно готовыми къ отправленію въ армію по первому востребованію, подъ опасеніемъ, въ случаѣ отказа, лишиться мѣста или даже быть исключенными отъ службы), надписывалъ на

[1]) Медицинская Коллегія указомъ 26 мая 1797 предписала губернскимъ правленіямъ немедленно открыть врачебныя управы и начать ихъ дѣйствія, хотя бы прибылъ на мѣсто одинъ только изъ врачей, назначенныхъ къ присутствованію въ управѣ, и это предписаніе было буквально исполнено.

листѣ бумаги, что онъ—управа, и всѣ принуждены были признавать его управою и подчиняться всему, что бы онъ ни вздумалъ приказать. Нужды нѣтъ, что въ губерніи проживали доктора въ десять разъ умнѣе и образованнѣе его: онъ вертѣлъ ими, какъ вздумается, потому что онъ одинъ былъ—управа, а всѣ остальные—его подчиненные, потерявшіе право свободнаго голоса предъ Медицинскою Коллегіею, которая запретила имъ относиться прямо къ ней, помимо врачебныхъ управъ. Лѣтъ за 80 до учрежденія управъ, московскій докторъ Николай Бидлоо смѣялся надъ Блюментростомъ, который, получивъ указъ Петра I-го учредить Медицинскую Коллегію, самъ себя назвалъ Коллегіею и потребовалъ повиновенія отъ всѣхъ докторовъ, практиковавшихъ въ Россіи. Бидлоо никакъ не могъ понять, чтобъ Коллегія могла состоять изъ одного человѣка, и не хотѣлъ подчиниться такой одиночной quasi-коллегіи, какъ его ни принуждали къ тому въ теченіе двухъ царствованій. Не такъ же ли странна была врачебная управа, состоявшая изъ одного армейскаго лѣкаря, спѣсиво выдававшаго себя за полное коллегіальное собраніе?

Недостаточность одной и той же формы или состава врачебныхъ управъ для всѣхъ губерній, безъ различія ихъ обширности и народонаселенія, почувствована была вскорѣ послѣ учрежденія управъ. Обнаружилась она прежде всего въ Оренбургской губерніи, населенной кочевыми племенами киргизовъ и обнимавшей огромное пространство. Въ пограничныхъ кочевьяхъ ея безвыходно господствовала сибирская язва, и чтобъ остановить вторженіе ея внутрь Россіи, нужны были энергическія мѣры, которыя однакожъ не исполнялись по недостатку надзора. По инструкціи, данной управамъ, инспекторы ихъ должны были объѣзжать каждый свою губернію и заботиться объ общественной гигіенѣ: но еслибъ инспекторъ Оренбургской управы хотѣлъ точно исполнять инструкцію, то ни одного дня въ году онъ не могъ бы удѣлить другимъ дѣламъ и даже ни на одинъ день не могъ бы остаться въ губернскомъ городѣ. Для устраненія этого затрудненія, Медицинская Коллегія вынуждена была отдѣлить отъ Оренбургской Врачебной Управы одного члена и возложить на него исключительную обязанность заботиться о предотвращеніи развитія сибирской язвы и о принятіи гигіеническихъ мѣръ къ ея прекращенію на пограничной

линіи, съ тѣмъ, чтобъ онъ постоянно жилъ по ту сторону Урала, въ городѣ Челябѣ. Опредѣленіемъ Коллегіи 25-го октября 1798 года, эта обязанность возложена была на оператора Оренбургской управы, штабъ-лѣкаря Василія Жуковскаго [1]).

Вскорѣ подобныя же обстоятельства встрѣтились и въ другихъ пограничныхъ губерніяхъ, отличавшихся либо обширностью, либо особенностями пограничной медицинской службы [2]). Такъ Астраханская врачебная управа имѣла въ своемъ завѣдываніи, кромѣ гражданскихъ медицинскихъ учрежденій, всю карантинную службу и, кромѣ того, надзоръ за военно-медицинскою службою на флангахъ кавказской линіи и въ особенности въ пограничныхъ кавказскихъ крѣпостяхъ, Кизлярѣ и Георгіевскѣ. Членами этой управы съ самаго учрежденія ея (т. е. съ 23-го февраля 1797 года) были: инспекторомъ — бывшій докторъ Кавказскаго корпуса, надворный совѣтникъ Георгъ Раппе, операторомъ—штабъ-лѣкарь того-же корпуса Петръ Ивановичъ Шатиловичъ и акушеромъ—штабъ-лѣкарь 2-го Астраханскаго батальона Петръ Симонтовскій [3]). И докторъ Раппе и штабъ-

---

[1]) Штабъ-лѣкарь Василій Григорьевичъ Жуковскій, изъ Рѣшетиловки, сынъ священника, получилъ первоначальное образованіе въ Кіевской духовной академіи, а медицинѣ учился въ хирургическомъ училищѣ при Спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, куда поступилъ въ августѣ 1782 года. Онъ былъ первымъ операторомъ Оренбургской управы и опредѣленъ въ эту должность 25-го ноября 1797 года, а передъ тѣмъ состоялъ лѣкаремъ Челябинской округи и потому знакомъ былъ съ мѣстностью и ея патологіею. Впослѣдствіи, по уничтоженіи подлѣкарскаго званія (уничтожено оно по докладу Медицинской Коллегіи, высочайше утвержденному 16-го іюля 1799 г.), онъ назначенъ былъ экзаминаторомъ всѣхъ подлѣкарей Оренбургскаго края, для производства ихъ въ лѣкари. Первымъ инспекторомъ Оренбургской управы (съ 23-го февраля 1797 года) былъ докторъ надворный совѣтникъ Іоганнъ-Михаель Діобольдъ (служившій прежде докторомъ Сибирскаго корпуса), а первымъ акушеромъ (съ того же времени) штабъ-лѣкарь Генрихъ Авенаріусъ (состоявшій прежде штабъ-лѣкаремъ при Сибирскомъ корпусѣ), вскорѣ уволенный отъ службы (19-го іюля 1798 года).

[2]) Подобнымъ же образомъ и въ обѣихъ столицахъ признана была необходимость имѣть при физикатахъ особыхъ инспекторовъ, и въ эту должность опредѣленъ былъ (31-го августа 1797) въ Москвѣ штабъ-лѣкарь, надворный совѣтникъ Григорій Павловскій, а въ Петербургѣ докторъ баронъ Петръ фонъ-Беллингсгаузенъ, а послѣ него штабъ-лѣкарь, коллежскій ассесоръ Осипъ Кирилловичъ Каменецкій (28-го октября 1798), бывшій до того главнымъ лѣкаремъ Спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя, съ 20-го іюля 1797 года.

[3]) Докторъ Георгъ Раппе (Georg-Gottfried Rappe или Rapp), родомъ изъ города Витенбейна въ Римской Имперіи, учился въ Гантельбергѣ у лѣкаря Зелига

лѣкарь Шатиловичъ долго служили на Кавказѣ, а именно Раппе 15, а Шатиловичъ 27 лѣтъ; по первому кавказская служба надоѣла и онъ старался избавиться отъ нея, и дѣйствительно переведенъ былъ инспекторомъ въ Калужскую врачебную управу (въ декабрѣ 1797 года, на мѣсто уволеннаго отъ службы 24-го сентября 1797 года перваго инспектора этой управы доктора Ивана

и получилъ право лѣкарской практики въ Россіи 18-го іюня 1773 года, а потомъ принятъ въ русскую службу во время турецкой войны, лѣкаремъ въ 1-ю армію, которая расположена была въ Валахіи, и поступилъ въ Браиловскій госпиталь (1774). Оттуда онъ переведенъ былъ въ гренадерскіе баталіоны, стоявшіе за Дунаемъ (28-го іюня 1774), а девять мѣсяцовъ спустя причисленъ (17-го марта 1775) къ Сибирскому карабинерному полку; но, прослуживъ въ немъ около года, началъ просить увольненія отъ армейской службы, и 15-го февраля 1776 опредѣленъ въ городъ Сѣнно (Могилевской губерніи). Однакожъ и здѣсь служилъ онъ недолго. Чтобы сдѣлать себѣ карьеру въ то время, надобно было имѣть докторскій дипломъ, котораго у него не было. А чтобы получить его, надобно было ѣхать за границу, что онъ и сдѣлалъ: отправился въ Кёнигсбергъ и 3-го марта 1781 года получилъ тамъ докторскій дипломъ. Возвратившись въ Россію, онъ экзаменованъ былъ въ Медицинской Коллегіи 8-го августа 1782 года и получилъ право практики въ Россіи, а 20-го декабря того же года опредѣленъ докторомъ въ Украинскую дивизію, откуда 6-го февраля 1783 года переведенъ въ Кавказскій корпусъ, которымъ командовали одни послѣ другихъ генералы Текелли и Бибиковъ, графъ Гудовичъ 2-й, графъ Морковъ и Кноррингъ 2-й. Всѣ эти генералы отзывались о немъ съ большими похвалами. При учрежденіи врачебныхъ управъ, онъ назначенъ (23-го февраля 1797) инспекторомъ въ Астраханскую Управу, но долго задерживаемъ былъ графомъ Гудовичемъ на Кавказѣ, по причинѣ множества больныхъ въ войскахъ персидскаго экспедиціоннаго корпуса. 26-го іюня 1797 года произведенъ былъ въ надворные совѣтники со старшинствомъ съ 31-го декабря 1796 года и изъ Астрахани переведенъ въ Калугу инспекторомъ же, гдѣ и умеръ.

Штабъ-лѣкарь, коллежскій ассессоръ Петръ Ивановичъ Шатиловичъ (или Шателовичъ, какъ онъ самъ подписывался), сынъ ландсъ-комисара, вступилъ въ службу въ 1761 г. аптекарскимъ ученикомъ въ аптеку сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса, но, пробывъ здѣсь немного болѣе года, перешелъ лѣкарскимъ ученикомъ (16-го апрѣля 1763) въ Спб. генеральный сухопутный госпиталь, гдѣ 20-го іюня 1766 по экзамену произведенъ въ подлѣкари, и 7-го сентября того же года отправленъ въ Саратовъ для пользованія колонистовъ. Тамъ пробылъ онъ четыре года и 1-го марта 1770 года произведенъ въ лѣкари, съ назначеніемъ въ Моздокскій батальонъ, откуда 7-го декабря 1775 года переведенъ въ Кизляръ къ карантинному дому, гдѣ и имѣлъ возможность изучить медицинскую топографію этого города и эндемическія его болѣзни. 27-го августа 1780 года назначенъ былъ во второй Кизлярскій батальонъ, а 3-го октября 1784 года снова перечисленъ къ Кизлярскому гарнизону. 21-го декабря 1788 онъ произведенъ былъ въ штабъ-лѣкари и назначенъ корпуснымъ штабъ-лѣкаремъ въ Кавказскій корпусъ, откуда 23-го февраля 1797 года переведенъ операто-

Федоровича Реслейна [1]). Памятникомъ пребыванія его на Кавказѣ остались двѣ записки: одна съ медико-топографическимъ описаніемъ кавказской линіи (приводимая нами ниже), на

ромъ въ Астраханскую врачебную управу, а по отъѣздѣ доктора Раппе, съ начала 1798 года, исправлялъ должность и инспектора ея. Съ 1771 по 1791 годъ онъ безпрерывно участвовалъ въ кавказскихъ военныхъ дѣйствіяхъ, именно при усмиреніи Осетинъ и взятіи отъ нихъ аманатовъ, при чемъ войска доходили до самой Грузіи (1771); при дѣйствіи противъ Кубанскихъ народовъ (1772) и Кабардинцовъ (1772—1774), противъ хандагскаго и казикумыкскаго владѣльцовъ (1775—1786); участвовалъ въ персидскомъ походѣ (1790) и при штурмѣ Анапы (1796—1797) и во второмъ персидскомъ походѣ до города Дербента и Баку. Но въ особенности отличился онъ прекращеніемъ цынготной эпидеміи, бывшей во Владикавказѣ весною 1783 года. Эпидемія была такъ значительна, что изъ 1500 человѣкъ осталось въ живыхъ только 200, и Шатиловичу удалось прекратить ее въ самое короткое время. При штурмѣ Анапы онъ устроилъ полковые и батальонные лазареты и сопровождалъ отъ этой крѣпости до кавказской линіи транспортъ изъ 500 трудно больныхъ и раненыхъ, при чрезмѣрныхъ жарахъ (въ іюлѣ и августѣ), и изъ всего транспорта умерло только 13 человѣкъ. Въ персидскомъ походѣ онъ завѣдывалъ всей медицинской частью въ сухопутномъ лагерѣ и, не смотря на климатическія вліянія и тягости похода, не допустилъ въ войскахъ чрезмѣрной смертности. Всѣ эти факты засвидѣтельствованы формуляромъ его. 1-го мая 1798 года произведенъ въ коллежскіе ассесоры, на 54 году жизни.

Штабъ-лѣкарь Петръ Симонтовскій, акушеръ Астраханской врачебной управы, назначенъ былъ въ эту должность 23-го февраля 1797 года и только годъ оставался на этомъ мѣстѣ. Причиною удаленія его изъ Астрахани было слѣдующее обстоятельство. Въ Астрахани былъ городовымъ врачемъ докторъ Фридрихъ Пургольдъ (F. Puhrhold) и въ 1797 году лѣчилъ отъ горячки астраханскаго вице-губернатора Лаптева, который умеръ отъ этой болѣзни. Симонтовскій призналъ лѣченіе его неправильнымъ, основываясь на томъ, что за четыре часа до смерти Пургольдъ далъ больному своему рвотное. Приписывая этому рвотному дурной исходъ болѣзни, онъ написалъ въ этомъ смыслѣ о смерти Лаптева астраханскому губернатору Николаю Яковлевичу Арсеневскому и Медиц. Коллегіи. Назначено было формальное слѣдствіе, при которомъ вся врачебная управа заступилась за Пургольда: его оправдали и Медиц. Коллегія прислала ему успокоительный и очень ласковый указъ, а Симонтовскому приказала сдѣлать публичный строгій выговоръ и, чтобы больше наказать его, перевела акушеромъ же въ Симбирскую врачебную управу, а Пургольда опредѣлила на его мѣсто (8-го марта 1798 года). Еще служа во 2-мъ Астраханскомъ полку, Симонтовскій посланъ былъ въ концѣ 1795 года, вмѣстѣ съ штабъ-лѣкаремъ Михаиломъ Ниткачевымъ, по требованію графа Николая Ивановича Салтыкова, въ Уральское войско для опредѣленія и прекращенія появившейся тамъ *повальной болѣзни*, названной *черною* или *крымскою*, но о результатахъ этой командировки его не сохранилось оффиціальныхъ свѣдѣній.

[1]) Послѣ перевода его въ Калугу, дѣлами Астраханской управы завѣдывалъ почти исключительно одинъ Шатиловичъ, хотя бумаги подписывались иногда,

русскомъ языкѣ, а другая на латинскомъ, подъ заглавіемъ: *Nonnullae physiologico-pathologicae animadversiones ex metaphysica hauritae*. Обѣ онѣ присланы авторомъ въ маѣ 1797 года прямо на имя императора Павла I, по поводу дошедшаго на Кавказъ извѣстія о необыкновенной щедрости этого императора. Въ концѣ своего прошенія, отъ 18-го мая 1797 года, съ приложеніемъ этихъ записокъ, самъ Раппе говоритъ: «А какъ Ваше Императорское Величество изливаете отческія щедрыя милосердія на всѣхъ вѣрноподданныхъ, то и я осмѣливаюсь надѣяться, что и на меня изліется монаршеская Вашего Величества милость». Ожиданія Раппе не вполнѣ обманулись: черезъ мѣсяцъ послѣ присылки записокъ онъ получилъ чинъ надворнаго совѣтника и уѣхалъ изъ Астрахани.

Напротивъ, штабъ-лѣкарь Шатиловичъ очень любилъ кавказскую службу, сжился съ нею и заботливо старался объ улучшеніи быта кавказскихъ войскъ и о доставленіи имъ различныхъ мелкихъ удобствъ, которыми облегчается боевая жизнь и замѣняется комфортъ осѣдлыхъ жителей въ болѣе цивилизованныхъ и неграничныхъ городахъ. При учрежденіи Астраханской управы, на его долю достался надзоръ за медицинскою службою въ крѣпостяхъ Георгіевскѣ и Кизлярѣ, между тѣмъ какъ инспекторъ Раппе исключительно завѣдывалъ медицинскими учрежденіями (госпиталемъ и карантиномъ и проч.) въ самой Астрахани [1]. Часто посѣщая Кизляръ, онъ видѣлъ причины упадка этого

вмѣстѣ съ нимъ, и докторомъ Нургольдомъ, акушеромъ управы. Новый инспекторъ, докторъ, надворный совѣтникъ В. Г. Гирціусъ (Wilhelm Gottlieb Hirtzius), назначенъ въ Астраханскую управу только въ концѣ 1798 года.

[1]) Надзоръ Шатиловича за медицинскою службою на флангахъ кавказской линіи продолжался до тѣхъ поръ, пока онъ не принужденъ былъ, послѣ перемѣщенія Раппе, вступить въ должность инспектора Астраханской управы. Но его надзоромъ очень дорожили и видя невозможность его поспѣвать всюду, главнокомандовавшій кавказскою линіею, генералъ-лейтенантъ графъ Морковъ, написалъ къ барону А. И. Васильеву изъ Георгіевска отъ 12-го октября 1798 года, что войска Кавказской дивизіи, будучи далеко расположены отъ Астраханской врачебной управы, не могутъ въ нужныхъ случаяхъ получать скорой помощи и потому не лучше ль перевесть врачебную управу изъ Астрахани въ Георгіевскъ. Баронъ Васильевъ передалъ дѣло на обсужденіе Медиц. Коллегіи, которая и постановила (22-го ноября) опредѣлить особаго медицинскаго инспектора надъ госпиталями, лазаретами и медицинскими чинами Кавказской линіи, поручивъ эту должность штабъ-лѣкарю Георгіевскаго госпиталя Антону Левенцу, на та-

города, получившія свое существованіе неправильно во имя гигіены, и рѣшился устранить ихъ. Съ этой цѣлью онъ послалъ 23-го ноября 1797 къ главному директору Медицинской Коллегіи, барону А. И. Васильеву, слѣдующее письмо:

«Ваше высокопревосходительство,

Милостивый Государь.

«Ревностное вашего высокопревосходительства о благѣ общемъ попеченіе подало поводъ представить вашему благоусмотрѣнію, что въ городѣ Кизлярѣ изъ давнихъ временъ запрещено сѣять сарацынское пшено, хлопчатую бумагу, а послѣ и мелочную продажу вина въ погребахъ виноградняго вина, окромѣ какъ возятъ посуду, а новаго свѣжедавленнаго и вовсе нѣтъ, овощей и фруктовъ подъ видомъ неэрѣлыхъ ѣсть не позволено; и для того ежегодно на нѣсколько времени запечатываются въ погребахъ бочки съ новымъ виномъ, а нынѣшній годъ, по представленію г. городоваго штабъ-лѣкаря Перхимуса, и шелководство въ домахъ подъ видомъ тѣмъ, что будто отъ червяковъ пущенная мокрота можетъ производить болѣзни, уничтожено, по мнѣнію моему ненадлежаще и безъ всякаго основанія и вида справедливаго, какъ слѣдующія обстоятельства покажутъ тому противное:

1) Сарацынское пшено почтено въ окрестностяхъ Кизляра сѣять вреднымъ потому, что оно должно рости въ водѣ, и отъ того будто можетъ

комъ же основаніи, какъ, по высочайшему повелѣнію, опредѣленъ 11-го января 1798 года докторъ къ Сибирскому корпусу, съ тѣмъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ тѣмъ оставался и при управленіи госпиталемъ. Завѣдуя врачебною гражданскою и военною частью въ тамошнихъ мѣстахъ, Левенецъ долженъ былъ руководствоваться правилами инструкціи врачебныхъ управъ, данными инспектору ихъ (пунктъ 1, 2, 3, 4 и 5), и въ то же время самъ подчиненъ былъ Астраханской врачебной управѣ. Только въ важныхъ и не терпящихъ отлагательства случаяхъ могъ онъ относиться прямо отъ себя въ Медицинскую Коллегію, извѣщая въ то же время и врачебную управу. Съ другой стороны, ему вмѣнено въ обязанность исполнять предписанія врачебной управы, если они не будутъ противорѣчить законному положенію и мѣстнымъ пользамъ, которыя однакоже долженъ былъ изъяснить доводами, на истинѣ и существѣ дѣла основанными. За это къ получаемому имъ жалованью (400 руб.) прибавлено еще 100 рублей. Левенецъ около года исполнялъ эту должность и умеръ въ 1799 году.

[1]) Докторъ Андрей Реслейнъ, съ подчиненіемъ Тобольской врачебной управѣ, прежде находился въ Иркутскѣ и переведенъ въ Сибирскую дивизію по ходатайству командира ея, генералъ-лейтенанта Штрандмана.

гнилость происходитъ. Помянутое пшено хотя и должно въ водѣ рости, но въ свѣжей и навсегда изъ ящика въ ящикъ или изъ гряды въ гряду текущей водѣ; а посему не можетъ никакой гнилости быть отъ того, а навѣрное полагать можно, что свѣже текущая вода освѣжитъ жаркій и сухой по тамошнему климату воздухъ. Сверхъ того, близко города, который окруженъ на семь верстъ садами, хотя бы и позволено было, но сѣять негдѣ.

2) Хлопчатую бумагу, открыто цвѣтущее растеніе, которую ни почему нельзя причесть къ ядовитымъ классамъ. Г. коллежскій совѣтникъ Тарумовъ, въ своей деревнѣ на Бекетеѣ состоящей, ежегодно сѣетъ сарацынское пшено, хлопчатую бумагу и въ домахъ крестьянскихъ имѣетъ шелководство; но никакого вреда живущимъ въ деревнѣ людямъ то не производитъ.

3) Запрещеніе мелочной продажи въ погребахъ виноградного вина ни къ чему болѣе не служитъ, какъ къ отнятію у бѣднаго солдата способовъ къ его ободренію, и тѣмъ принудить его тайно и дорогою цѣною покупать такое пойло, которое ободряетъ его силы и сохраняетъ отъ цынготныхъ и прочихъ гнилостей кровь, ибо каждый обыватель имѣетъ довольный способъ виноградного вина имѣть въ своемъ домѣ безъ мелочной покупки и другимъ оное секретно ссужать и продавать.

4) Новое виноградное вино, имѣя въ себѣ много твердаго воздуха, ободряетъ кровь, удерживаетъ гнилость и слабитъ, что все въ желчныхъ болѣзняхъ нужно, и мною примѣчено, что въ Кизлярѣ лихорадки и желчныя разныя болѣзни между обывателей прекращаются, какъ скоро новое вино поспѣетъ. Сверхъ всего этого ни въ Кизлярѣ, ни въ окрестностяхъ онаго, гдѣ новаго вина пьютъ безмѣрно много, никакихъ хроническихъ болѣзней нѣтъ. А несчастный солдатъ, лишенъ будучи запрещеніемъ онымъ сего удовольствія, терпитъ вредъ и болѣзни переноситъ.

5) Г. штабъ-лѣкаря Перхимуса прожектъ къ запрещенію въ домахъ шелководства не инако можно почесть, какъ только къ отнятію промысла у бѣдныхъ людей, которые заводовъ имѣть не могутъ и отъ шолку свое пропитаніе имѣли. Сверхъ того кизлярскій шолкъ добротою всѣхъ иностранныхъ превосходитъ. Цѣлая Персія изъ давнихъ вѣковъ сѣетъ пшено, хлопчатую бумагу, а бѣдные люди водятъ шолкъ въ домахъ своихъ, не имѣвъ заводовъ, и отъ сихъ продуктовъ, продавая въ Россію на наличныя серебряныя деньги, великую себѣ прибыль получаютъ. А потому сдѣланное о шолкѣ запрещеніе не токмо общественной, но и государственной ущербъ производитъ.

«Въ гребенскихъ и семейныхъ станицахъ, въ окрестностяхъ Кизляра состоящихъ, на прежде бывшемъ материкѣ, называемомъ Паробочевомъ казенномъ заводѣ, видѣлъ я, что коллежскій ассесоръ Соколовъ не токмо во всѣхъ людскихъ покояхъ, но и въ своихъ на нѣсколькихъ ярусахъ до потолка кормилъ шелковыхъ червей, и хотя по незнанію своему не наблюдалъ такой чистоты около оныхъ, какъ должно и какъ наблюдаютъ обыватели, но никаковаго вреда людямъ и никакихъ болѣзней во время шелководства не было примѣчено, ибо свѣжій, приносимый каждый день въ домъ, шелковичнаго дерева листъ служитъ болѣе къ здоровью, нежели во вредъ, а ту малую часть мокроты, которую черви изъ себя пускаютъ, каждый день дважды и болѣе очищаютъ и выносятъ, то никаковаго вреда отъ шелководства въ домахъ быть не можетъ.

«Болѣзни по всей линіи желчныя разнаго рода начинаются уже два мѣсяца спустя послѣ окончанія шелководства, начиная отъ городовъ Астрахани и Кизляра до самой Тамани и съ начальныхъ чиселъ іюля мѣсяца уже весьма примѣтно увеличиваются, гдѣ окромѣ Кизляра и близлежащихъ станицъ шелководства и фруктовъ нѣтъ; на Кубанской же съ начатія оной й овощей никакихъ не было, но послѣ уже весьма обильно и счастливы болѣе будутъ, ежели могутъ виноградъ и фрукты заводить.

«Болѣзни сіи можно почесть эндемическими отъ множества горющихъ въ воздухѣ матеріи флогистонъ или особою міазмою, которая на желчь дѣйствуетъ; къ тому же помогаютъ частые холодные вѣтры отъ сѣвера или отъ Снѣговыхъ Горъ, затворяющіе потовыя скважины, которая (испарина), упадая на внутреннія части, умножаетъ остроту желчи и совокупно съ оной содѣлываютъ вышеупомянутыя болѣзни.

«Въ семъ 1797 году, въ которомъ, какъ и прежде, всѣ запрещенія въ Кизлярѣ наблюдаются свято, въ томъ числѣ и шелководство, больныхъ такое необычайное множество, что я, живучи двадцать семь лѣтъ на Кавказской линіи, не видѣлъ. У обывателей въ каждомъ домѣ по крайней мѣрѣ третья часть, а въ Кизлярскомъ мушкатерскомъ полку болѣе половины полка, и въ Кизлярскомъ гарнизонномъ Арбузова полку тожъ не малое число больныхъ. Слѣдовательно не вышеописанныя запрещенія шелководства, земледѣльства, продажи виноградного вина, овощей и фруктовъ и прочее производятъ болѣзни, но воздухъ, какъ прежде сказано, а къ тому еще можно почесть причиною въ Кизлярѣ нечистоту самаго города: навозомъ загажены низкія улицы и сей навозъ дѣлаетъ какъ на дворѣ, такъ и на улицахъ болоты, которыя не высыхаютъ до половины лѣта. Сверхъ того, обыватели кизлярскіе вырыли канавы изъ Терека для отводу

воды, чтобъ береговъ не рвалъ, выпустили посредствомъ сихъ каналовъ воду промежду рѣчки Каргина и рѣки Терека противъ Кизляра, не выведя сихъ каналовъ ни въ Терекъ, ни въ рѣку Каргинъ, потопили прекрасные луга, гдѣ Кизляръ пользовался сѣнокосами, сдѣлали непроходимое гнiющее болото. Изъ Борозды или называемой Бекетея выливается также вода изъ береговъ и остается, и такъ весь Кизляръ окруженъ болотами, которыя болѣзни умножаютъ.

«Общественная польза требуетъ вышеописанныя запрещенiя уничтожить и опять позволить возобновить земледѣльство, какъ-то: сѣянiе сарацынскаго пшена и хлопчатой бумаги, позволить быть въ домахъ шелководству и также не запрещать продажу какъ стараго, такъ и новаго виноградпаго вина, овощей и фруктовъ. А для общаго блага наистрожайше приказать наблюдать чистоту въ городѣ, засыпать низкiя мѣста и улицы глиною и пескомъ, за рѣкою Терекомъ рытые каналы вывести въ рѣку или засыпать, изъ Борозды выступившую воду, когда уже вода убывать станетъ, черезъ каналы выпустить обратно въ Борозду или прежде тѣ каналы приготовить, чтобъ вода, по уменьшенiи оной въ рѣкѣ, могла втекать обратно въ оную. Таковымъ поправленiемъ мѣсторасположенiя Кизляра и вольною продажею виноградныхъ винъ, овощей и разныхъ фруктовъ, могутъ болѣзни въ городѣ Кизлярѣ уменьшаться; ибо натура сама собою производитъ растенiя по климатамъ, въ жаркихъ виноградъ и фрукты, а въ холодныхъ травы цѣлительныя, въ уничтоженiе цынготныхъ болѣзней.

Е. И. В., всемилостивѣйшаго государя милосердное попеченiе о благѣ всѣхъ ему вѣрноподданныхъ, изъ чего и иновѣрные не исключены. Почему для кочующихъ въ Астраханской степи калмыкъ, въ которой, по недостатку хорошей воды и сухому корму, другими народами населять не можно, которые приносятъ великую пользу скотоводствомъ и конными заводами, да и болѣе пользы быть могло бы, еслибъ они не были раздроблены, ибо часть оныхъ отошла на Донъ, гдѣ находясь, какъ и около Астрахани, кочующiе по легкоправiю и суевѣрiю своему, бросаютъ во время оспы не токмо постороннихъ, но и своихъ дѣтей, имѣя безпримѣрное отвращенiе къ сей болѣзни. И потому нужно учредить основую гофшиталь и къ оному опредѣлить штабъ-лѣкаря и надлежащее число прочихъ чиновъ, для призрѣнiя ихъ во время оспы, ибо я видѣлъ при персидскомъ походѣ, что тѣ калмыки, которые одержимы были оспою и другими болѣзнями и кои призрѣны и выпользованы были, опять охотно и сами

во всякой болѣзни являлись въ учрежденный мною въ подвижномъ магазейнѣ гофшпиталь.

«Натура украсила кавказскую линію чисто по камнямъ текущими рѣками и растущими травами и цвѣтами, полезными сѣнокосными лугами и пахатными хлѣбородными землями, для скотоводства наиудобнѣйшими, такъ что ежели поселенные въ селахъ и деревняхъ обыватели не лѣнятся, то плоды земледѣлія получаютъ преизбыточные, въ томъ числѣ и цѣлительными водами. Умалчивая число и свойство, потому что описаны оныя профессорами Гильденстедтомъ, Гмелиномъ и Палласомъ, за нужное нахожу упомянуть о кисломъ колодцѣ, который находится въ 25 верстахъ разстояніемъ отъ укрѣпленія Константиногорскаго и столько же отъ кумскаго истерпшанца, у черкесскихъ жентомировыхъ селеній, что кислыя онаго воды весьма цѣлительны во всѣхъ желчныхъ, цынготныхъ, ослабленныхъ желудкомъ и всего корпуса болѣзняхъ, паипаче для пагубной роду человѣческаго называемой проказы арабской, которая просто называется въ здѣшнемъ краю, на Уралѣ и Юрьевѣ-городкѣ, крымскою болѣзнью, откуда она черезъ подвиги военные вкралась въ Россію, и какъ извѣстно, что сія пагубная болѣзнь неизлѣчима, но сколько я могъ примѣтить, то кислыхъ колодцовъ воды, имѣя въ себѣ много твердаго воздуха, употребленіе коихъ внутренно и наружно въ сей болѣзни великую пользу и совершенное выздоровленіе доставить можетъ. Почему весьма нужно близь оныхъ кислыхъ колодцовъ у Шентомировыхъ по-черкесски называемыхъ кабаковъ построить для безопасности тѣмъ, которымъ нужно будетъ пользоваться, необходимое укрѣпленіе изъ дикаго камня, котораго тамъ множество, съ известью, кое и для кордону отъ Константиногорска до рѣки Кумы и Кумскаго истерпшанца полезно.

«Сдѣланная отъ Е. И. В., всемилостивѣйшаго государя, по сей части в-му в-ству довѣренность побудила меня представить на благоусмотрѣніе ваше мои замѣчанія; пребывая съ моимъ искреннѣйшимъ высокопочитаніемъ и глубочайшею преданностью и проч.

Петръ Шателовичъ.»

23-го ноября 1797 года.
Астрахань.

Баронъ А. И. Васильевъ доложилъ письмо это въ подлинникѣ императору Павлу, который далъ повелѣніе (объявленное Медицинской Коллегіи предложеніемъ барона Васильева отъ

16-го декабря 1797 года), [1]) «дабы всѣ изъясненныя въ письмѣ оператора Шатиловича обстоятельства, подлежащія разсмотрѣнію со стороны хозяйства, препроводить для сего въ экспедицію государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства (состоявшую подъ управленіемъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, генералъ-прокурора князя Алексѣя Борисовича Куракина); чтожъ касается до тѣхъ обстоятельствъ, кои подлежатъ до физическаго изслѣдованія, а равномѣрно до учрежденія оспеннаго дома и сдѣланія укрѣпленія близъ Кислаго Колодца, то препроводить въ Гос. Мед. Коллегію, съ тѣмъ, чтобы оная разсмотрѣла, производятъ ли всѣ вышеизъясненныя заведенія произрастеній и употребленіе въ пищу и питіе овощей, фруктовъ и виноградпаго вина вредъ человѣческому здоровью и имѣютъ ли отношеніе къ существующимъ тамъ болѣзнямъ; оспенный же домъ нужно ли тамъ устроить и на какомъ основаніи?»

По этому предложенію Медицинская Коллегія истребовала изъ Астраханской управы послужной списокъ оператора Шатиловича съ аттестатами объ его прежней службѣ, и отнеслась въ Астраханское губернское правленіе и врачебную управу за свѣдѣніями относительно устройства оспеннаго дома для калмыцкихъ дѣтей, т. е. его величины и мѣста, на которомъ онъ долженъ быть построенъ, сама впрочемъ признавая необходимость устройства его, и наконецъ предписала находившимся въ Георгіевской крѣпости аптекарю Георгіевскаго полеваго госпиталя Іоганну Герперу и штабъ-лѣкарю того же госпиталя Антону Левенцу отправиться къ Кислому-Колодцу, химически изслѣдовать воду его и доставить ей результаты этаго изслѣдованія, для составленія заключеній о томъ, полезно или нѣтъ устроить особенное укрѣпленіе близъ этого колодца.

Послѣ этихъ распоряженій, Коллегія, опредѣленіемъ своимъ 8-го марта 1798 года, постановила, что

---

[1]) Замѣчательно, что письмо Шатиловича получено барономъ Васильевымъ 15-го декабря, какъ видно изъ помѣты его по входящему журналу, а 16-го числа, т. е. на другой день, оно уже доложено было императору и съ его резолюціею въ тотъ же день передано Медицинской Коллегіи и князю Куракину. Эта поспѣшность распоряженій странно противорѣчила медленной и вялой дѣятельности Коллегіи, которая составила свое опредѣленіе только 8-го марта 1798, а указъ къ аптекарю Герперу подписала 31 августа, отчего дѣло и затянулось на многіе годы.

«1) сѣяніе сарачинскаго пшена въ Кизлярскомъ уѣздѣ дозволено быть можетъ, съ тѣмъ однакожъ ограниченіемъ, чтобъ опредѣляемы были для разведенія онаго особенныя мѣста, отстоящія, по крайней мѣрѣ, на шесть верстъ отъ всякаго жилья, по той причинѣ, что сарачинское пшено, какъ всѣмъ извѣстно, ростетъ въ водѣ, которая, стоя чрезъ цѣлое лѣто на полтора фута вышины въ грядахъ и въ продолженіе всего того времени не болѣе бывъ какъ три раза спускомъ возобновляема, неминуемо подвергается порчѣ и слѣдственно испареніемъ своимъ соучаствовать можетъ въ произведеніи болѣзней, тому краю свойственныхъ, истина чего и самою опытностью совершенно уже дознана; ибо во всѣхъ тѣхъ полуденныхъ областяхъ, въ коихъ разведеніе сарачинскаго пшена составляетъ нарочитый предметъ земледѣльца и главнѣйшій его промыселъ, живущіе около оныхъ посѣвовъ ежегодно обременяемы бываютъ злаго свойства продолжительными лихорадками; 2) что разведеніе хлопчатой бумаги, какъ растенія вполнѣ безвреднаго, можетъ быть дозволено; 3) что должно быть позволено въ Кизлярскомъ уѣздѣ невозбранное производство, во всякое время года, какъ оптовой, такъ и мелочной продажи стараго и нововыдавленнаго винограднаго вина, по той причинѣ, что оныя вообще много содержатъ въ себѣ твердаго воздуха и слѣдственно одаренныя превосходнымъ гнилости противуборствующимъ качествомъ не только весьма способствовать могутъ къ сохраненію здравія жителей, но и нарочито предупреждать ихъ отъ различныхъ свойственныхъ тому краю болѣзней; 4) что можетъ быть позволена, по той же причинѣ, невозбранная продажа всѣхъ вообще фруктовъ и овощей, съ тою только предосторожностью, чтобы продажа таковыхъ ограничивалась единственно свѣжими и совершенно спѣлыми прозябеніями, строго же напротивъ запрещаема относительно незрѣлыхъ и попорченныхъ, неминуемо вредныя здравію человѣка послѣдствія за собою влекущихъ; 5) что запрещеніе шелководства въ домахъ основано на совершенно неубѣдительныхъ доводахъ и должно быть отмѣнено; 5) что касательно надобности особеннаго оспеннаго дома для кочующихъ по Астраханской степи калмыковъ Коллегія согласна съ предположеніемъ Шатиловича, но ожидаетъ подробныхъ объ этомъ соображеній отъ Астраханской врачебной управы и губернскаго правленія, а относительно необходимости устройства укрѣпленія близь Кислаго-Колодца представитъ свое мнѣніе, когда аптекарь Гернеръ доставитъ свѣдѣнія о химическомъ составѣ этой минеральной воды. Въ заключеніе этого опредѣленія Коллегія прибавила, что она почитаетъ долгомъ отдать справедливость штабъ-лѣкарю Шатиловичу, въ разсужденіи какъ его долговремен-

ной и усердной службы, такъ и по симъ полезнымъ его замѣчаніямъ, и предоставляетъ на благоусмотрѣніе главнаго директора, не соблаговолитъ ли онъ, донеся о томъ Е. В., испросить высокомонаршую милость пожалованіемъ его, Шатиловича, въ чинъ коллежскаго ассесора.»

Это опредѣленіе представлено было барону А. П. Васильеву, который увѣдомилъ Коллегію отъ 1-го мая 1798 года, что онъ докладывалъ его Государю и «Государь Императоръ, оказавъ на сіе свое благоволеніе, приказалъ, чтобы Медицинская Коллегія сдѣлала по тому надлежащее съ своей стороны исполненіе, о чемъ оной Коллегіи и предлагаю [1]), нужнымъ считая при томъ ее извѣстить, что Е. И. В. при семъ случаѣ оператора Шатиловича, какъ за сіи полезныя его замѣчанія, такъ и за прочія относящіяся къ хозяйственному разсмотрѣнію, которыя также удостоились высочайшей апробаціи, всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ въ коллежскіе ассесоры».

И такъ стѣсненіе кизлярской промышленности было устранено этимъ высочайшимъ повелѣніемъ, благодаря настойчивости П. И. Шатиловича. Но оставалось привести въ исполненіе еще два его предположенія, относившіяся уже не къ Кизляру: одно объ устройствѣ какого-либо пріюта для больныхъ, желающихъ лѣчиться минеральными водами у Кислаго-Колодца, и другое о постройкѣ осеннаго дома для калмыковъ.

Выше было сказано, что Медицинская Коллегія потребовала (указомъ 31-го августа 1798) соображеній отъ Астраханской врачебной управы на счетъ укрѣпленія и госпиталя у Кислаго-Колодца, а отъ аптекаря Гернера свѣдѣній о химическомъ составѣ этой минеральной воды. Въ отвѣтъ на это Гернеръ и Левенецъ представили, 14-го декабря 1798 года, слѣдующее донесеніе:

О свойствахъ кисловатой воды холоднаго минеральнаго источника (Парзана) и земли, его окружающей, съ пріобщеніемъ краткаго географическаго оныхъ положенія, и о началахъ, воду сего источника составляющихъ, съ объясненіемъ произведенныхъ химическихъ испытаній.

«Цѣлительныхъ холодныхъ минеральныхъ кисловатыхъ водъ источникъ находится въ горахъ Кавказа, нѣкоторымъ отрогомъ отъ снѣговыхъ

[1]) Медицинская Коллегія исполнила это, давъ въ сентябрѣ 1798 года указъ Астраханскому губернскому правленію о снятіи вышесказанныхъ запрещеній.

рѣкою Малкою отдѣленныхъ и потомъ разными рѣчками пересѣкаемыхъ, и что они безснѣжны, черными прозванныхъ, въ землѣ Большой Кабарды, отъ Константиногорской крѣпости къ юго-западу разстояніемъ на тридцать пять верстъ, который полагать можно между сорокъ четвертаго градуса сѣверныя широты.

«Онъ заключается между двухъ неглубокихъ и неширокихъ съ прѣсною водою рѣчекъ, изъ разныхъ двухъ ущельевъ каменныхъ горъ вытекающихъ, излучинами извивающихся, въ округлой ямѣ, на двадцать аршинъ пространства водою занимающей, въ коей вода всегда находится безъ возвышенія.

«Источникъ сей ни отколь наружнаго втеченія воды не имѣетъ, а въ настоящемъ его мѣстѣ безпрестанно съ шумомъ разнообразными фонтанами вода бьетъ изъ дна вверхъ, изображая видъ кипѣнія; и потомъ корытоватымъ истокомъ своимъ, простирающимся на восемнадцать аршинъ на сѣверъ, довольно быстро втекаетъ въ объемлющую его полукружіемъ рѣку, по которой свойство кисловатой воды на двѣнадцатомъ аршинѣ вовсе теряетъ. При солнечной теплотѣ фонтаны бьютъ возвышеннѣе.

«Въ источникѣ семъ опредѣлить можно главныхъ три отверстія: отъ юга, запада и сѣвера, глубина коихъ различна. Южный, какъ глубже двухъ прочихъ, имѣетъ три аршина, и всѣ они кончаются каменнымъ дномъ. Отъ стремительнаго изліянія изъ фонтановъ воды, въ глубину источника погрузиться не можетъ человѣкъ иначе, какъ съ насильнымъ давленіемъ.

«Вода, въ источникѣ клокочущая, безпрерывно испаряетъ отъ себя воздушную кислоту, въ видѣ тонкаго дыма; на ней по краямъ источника всегда плаваетъ тонкая плева, вкуса вяжущаго, желѣзнаго, отбрасывающая разные лучи, въ подобіе разлитому маслу. Въ истокѣ своемъ на оселки и другія тѣла, по дну лежащія, опускаетъ желѣзо, въ видѣ красноватой известки.

«Вода сія, крѣпко закупоренная, стекло рветъ; съ свѣжимъ молокомъ животныхъ входитъ въ связь; на огнѣ теряетъ свою кислоту; въ источникѣ лѣтомъ бываетъ холодна, а зимою ощутительно тепла и не замерзаетъ.

«Въ источникѣ самомъ съ нерастворенными тѣлами всегда мутящаяся вода, хотя цвѣтъ кажется черно-красноватымъ; но по извлеченіи мгновенно черноватый песокъ, упадая на дно сосуда, даетъ ей видъ весьма прозрачный, вкусъ которой безъ запаху, нѣсколько островатъ, вяжущъ,

съ ощутительною легкою кислотою. Изъ сосуда множество поднимается пузырьковъ, и иные на поверхности пропадаютъ, въ видѣ бѣло-синеватаго дыма, а другіе вверхъ выскакиваютъ. По принятіи сей воды скоропостижно производятся непротивныя отрыжки.

«Земля между двухъ рѣчекъ, въ ближайшемъ разстояніи на 160 аршинъ между собою отстоящихъ, источникъ объемлющихъ, какъ и въ истокѣ его самомъ, по стѣнамъ имѣетъ цвѣтъ темно-синій и желто-охряный, мало иловата, а большею частью песчана, на поверхности которой выходитъ бѣловатая соль, вкуса горькаго, соленаго и остраго отчасти. Бывши брошена въ источникъ, производитъ вскипѣніе.

«По разсмотрѣніи свойствъ таковыхъ воды и земли, чтобъ приступить къ выполненію повелѣнія Государственной Медицинской Коллегіи объ открытіи началъ, воду сію кисловатую составляющихъ, произведены химическія операціи первоначально надъ землею, изъ которой помощію выщелачиванія и выпариванія извлечены: слабая известковая земля и желѣзо въ известковомъ состояніи, въ весьма тонкихъ плоскихъ хрусталяхъ, расплывающихся на воздухѣ; удивительная глауберова соль, смѣшанная съ солянокислою магнезіею, и поваренная соль. А сіи откровенія и утверждаютъ, что, протекая такую землю, вода сего источника на пути своемъ принимаетъ поваренную и горькую слабительную соли, желѣзо, соединенное съ воздушною кислотою, и слабую известковую землю.

«Сіи тѣла содержитъ она въ распущеніи по обстоятельствамъ атмосферической теплоты, и трудно растворяющіяся, какъ-то: слабая известковая земля, желѣзо лишившееся воздушной кислоты и гипсъ, отдѣлившись отъ нея, перемѣшиваются съ песчаною землею и составляютъ крупно-черноватый тяжелый песокъ. Прочія соли, поваренная и горькая слабительная, по всеобщему закону химическаго сродства, себя раздѣляютъ и въ новомъ соединеніи производятъ особливыя соли: первую глауберову удивительную и вторую солянокислую магнезію.

«По испытаніи земли, къ открытію дѣйствующихъ началъ источника сей воды, употреблены химическіе противодѣйствующіе составы, съ которыми перемѣны оказываются слѣдующія:

«1) Съ тинктурою lacca musica получаетъ вода красно-фіолетовый цвѣтъ, который по времени дѣлается желтоватымъ.

«2) Съ тинктурою желтаго имбиря перемѣны никакой не показываетъ.

«3) Съ тинктурою чернильныхъ орѣшковъ производитъ вскипѣніе съ выпусканіемъ со дна маленькихъ пузырьковъ, принимаетъ цвѣтъ желто-

ватый, наконецъ желтовато-черный, непрозрачный, и весьма мутный черный даетъ осадокъ.

«4) Съ слабыми алкалическими солями, растительною и минеральною, получаетъ бѣлый молочный цвѣтъ безъ вскипѣнія и такой же даетъ осадокъ.

«5) Съ ѣдкою растительною алкалическою солью получаетъ бѣлый цвѣтъ и наклонность къ осадку, а чрезъ нѣкоторое время происходитъ осадокъ сѣроватый.

«6) Съ перегнаннымъ уксусомъ производитъ вскипѣніе, съ отдѣленіемъ бѣло-синеватаго дыма; цвѣта и прозрачности не теряетъ; вкусъ получаетъ уксусный.

«7) Съ минеральными кислотами, съ купоросною и селитряною, производитъ вскипѣніе сильнѣе; цвѣта и прозрачности не теряетъ же.

«Изъ таковыхъ явленій, противудѣйствующими составами произведенныхъ, опредѣлить можно, что вода сего источника содержитъ въ себѣ свободныя кислоты и связанныя со всасывающею землею и желѣзомъ.

«Свободныя кислоты открываютъ опыты первый и второй.

«Опытъ третій открываетъ присутствіе воздушной кислоты и желѣза.

«Четвертый и пятый опыты открываютъ основаніе кислотъ, магнезію, соединенную съ желѣзною известью, и особливую кислоту свободную. При сихъ опытахъ, основанія кислотъ, отъ малаго количества слабыхъ щелочныхъ солей отдѣлясь, опять растворяются, наконецъ отъ повторяемаго опыхъ солей прибавленія совершенно отдѣлясь, производятъ бѣлый и сѣроватый осадки.

«Опыты шестой и седьмой открываютъ присутствіе минеральныхъ кислотъ, купоросной, поваренной соли и воздушной.

«По сихъ испытаніяхъ употреблены химическіе опыты: выпариваніе, перегонка и хрусталеніе, для чего взято минеральной кисловатой воды 240 фунтовъ.

«При выпариваніи и перегонкѣ сначала отдѣляется слабая известковая земля, скопляющаяся на поверхности по всему сосуду протяженною бѣлою плевою, и упадаетъ потомъ на дно.

«Слабая известковая земля въ селитряной кислотѣ растворяется съ вскипѣніемъ и происходитъ отдѣленіе воздушной кислоты. Съ купоросною утонченною кислотою равное же происходитъ дѣйствіе и въ семъ случаѣ производитъ гипсъ. Помощію кальцинаціи съ слабою алкалическою минеральною солью оную же произвела въ мелкихъ разсыпающихся хрусталяхъ.

«Жидкость, лишенная слабой известковой земли, съ тинктурою lacca musica дѣлается красно-фіолетовою. Съ алкалическою минеральною солью производитъ сначала желтоватый осадокъ, который, какъ объяснено въ замѣчаніи четвертаго и пятаго опытовъ, опять растворяется, а наконецъ отъ дольшаго прибавленія сей соли совершенно отдѣляется осадокъ сначала желтоватый, а потомъ бѣлѣе и легче. Осадокъ сей растворялся въ сахарной кислотѣ, оставляя весьма мало желѣзныхъ частицъ, смѣшанныхъ съ известковою землею, и потомъ отъ прибавленія алкалической соли опять отдѣлялся, а жидкость помощію выпариванія и хрусталенія производила соль глауберову, поваренную и нѣсколько соленокислой магнезіи.

«По произведеніи выше писанныхъ химическихъ операцій, наконецъ для опредѣленія началъ, составляющихъ кисловатую воду, употреблено оной еще 110 фунтовъ, и помощію выпариванія и хрусталенія получено отъ сего количества слабой известковой земли одинъ унцъ, кристалловиднаго селенита два скрупула, глауберовой соли пять драхмъ пятнадцать гранъ, соленокислой магнезіи 4 драхмы. Селенитъ въ простой водѣ, въ соленой и селитряной кислотахъ не растворяется. Соленокислая магнезія, растительною алкалическою солью раздѣляясь, производила магнезію и лихорадку прогоняющую сильвіеву соль.

«Воздушную кислоту чтобъ отдѣлить чистую посредствомъ медленной перегонки въ ѣдкій растительный щелокъ, въ пріемникъ положенный, хотя и было производимо, но какъ она съ самаго начала, при соединеніи пріемника, стремительнымъ своимъ отдѣленіемъ, такъ и въ продолженіе времени уносила съ собою другія тѣла, какъ-то: воду, соленокислую магнезію и желѣзо, которыя, раздѣляясь ѣдкою щелочною солью, составляли въ маломъ количествѣ бѣло-желтоватый осадокъ, и слѣдовательно ѣдкій растительный щелокъ принималъ воздушную кислоту и поваренной соли, то и приращеніе вѣсу въ щолокѣ за подлинное принять нельзя. Также и количества желѣза опредѣлить неможно, по причинѣ, что оно находится въ маломъ количествѣ и связанное съ прочими тѣлами, какъ-то: съ соленокислою магнезіею, съ слабою известковою землею и даже съ гипсомъ. А что она находится въ тѣлахъ, воду кисловатую составляющихъ, доказательно ясно изъ опытовъ.

«И такъ въ заключеніе сего, изъ выше объясненныхъ испытаній явствуетъ, что вода холоднаго минеральнаго источника содержитъ въ себѣ большую часть воздушной кислоты, съ желѣзомъ соединенной, слабую известковую землю, глауберову соль, соленокислую магнезію и свободную

купоросную кислоту въ маломъ количествѣ, которая, соединяясь съ остающеюся известковою землею, производитъ селенитъ. Аптекарь Иванъ Гернеръ. Штабъ-лѣкарь Антонъ Левенецъ [1]).»

По этому донесенію не оставалось никакого сомнѣнія, что кислыя воды стоили особенной заботливости объ устройствѣ ихъ и о доставленіи желающимъ пользоваться ими какъ пріюта у самаго источника, такъ и безопасности отъ хищныхъ набѣговъ сосѣднихъ горцовъ. Шатиловичъ желалъ, повидимому, чтобъ, вмѣстѣ съ небольшимъ укрѣпленіемъ, у кислаго колодца устроенъ былъ какой-нибудь небольшой госпиталь или лазаретъ для пріѣзжихъ больныхъ, а если это невозможно, то чтобы онъ построенъ былъ хоть въ Константиногорскѣ, т. е. въ разстояніи 25-ти верстъ отъ этого колодца, для чего и представилъ въ Коллегію планъ госпиталя [2]); это мнѣніе раздѣляла и Медицинская Коллегія. Но приведеніе его въ исполненіе встрѣтило непредвидѣнныя затрудненія.

Самое важное затрудненіе состояло въ томъ, что Астраханская врачебная управа, 16-го ноября 1798 года, донесла Коллегіи, что при разсужденіи объ устройствѣ новаго госпиталя она считаетъ долгомъ представить, что Георгіевскій генеральный госпиталь находится нынѣ въ самомъ ветхомъ положеніи и неспособенъ къ содержанію больныхъ, такъ что и поправить его неможно. Вмѣстѣ съ тѣмъ управа просила снестись съ кѣмъ слѣдуетъ о построеніи новаго каменнаго госпиталя у теплыхъ колодцовъ въ Константиногорскѣ, гдѣ гораздо удобнѣе устроить его (чѣмъ въ Георгіевскѣ), по причинѣ изобилія въ той странѣ дикаго камня и прочихъ принадлежностей, тѣмъ болѣе, что на эту постройку и сумма отъ Его Императорскаго Величества уже ассигнована. Получивъ это донесеніе, Медицинская Коллегія не знала на что рѣшиться и гдѣ построить госпиталь: въ Георгіевскѣ, въ Константиногорскѣ (нынѣшнемъ Горячеводскѣ), или

---

[1]) Штабъ-лѣкарь А. Левенецъ и аптекарь I. Гернеръ умерли въ 1799 году, не дождавшись результатовъ произведеннаго ими изслѣдованія Нарзана.

[2]) При дѣлахъ имѣется этотъ «Планъ прожектированной для построенія вновь каменнаго генеральнаго госпиталя на Кавказской линіи близь Константиногорской крѣпости, при самородныхъ минеральныхъ теплыхъ колодцахъ, 1800», составленный въ Астрахани архитекторомъ Александромъ Лигбіемъ. Точный снимокъ его напечатанъ мною въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ» 1860, часть LXXVIII, отд. III, стр. 94.

у Кислаго Колодца (нынѣшнемъ Кисловодскѣ)? Для разрѣшенія этого сомнѣнія, она отнеслась въ Военную Коллегію съ вопросомъ: гдѣ больше расположено войскъ по кавказской линіи и гдѣ для нихъ было бы выгоднѣе имѣть большой госпиталь, причемъ прибавила просьбу и о томъ, чтобы Георгіевскій госпиталь былъ поправленъ и содержимъ въ исправности. Военная Коллегія собрала справки, изъ коихъ оказалось: 1) *По коммисаріатской экспедиціи*, что Георгіевскій гофшпиталь содержался прежде на счетъ экстраординарныхъ суммъ, но по отношенію главнаго директора Медицинской Коллегіи отъ 16-го февраля 1798 года на имя управлявшаго коммисаріатскою экспедиціею, генерала отъ инфантеріи Вязмитинова, Военная Коллегія предписала (15-го марта 1798 года) ассигновать, по сношенію съ главнокомандовавшимъ Кавказскою дивизіею графомъ Гудовичемъ, потребную сумму изъ общей воинской суммы, съ тѣмъ чтобы впредь содержать его изъ воинской суммы, вслѣдствіе чего коммисаріатскій комисіонеръ въ Екатериноградѣ 26-го августа 1798 года и выслалъ главнокомандовавшему Кавказскою дивизіею графу Моркову (смѣнившему Гудовича) единовременно 5411 руб. 61 коп., по примѣрной смѣтѣ, на приведеніе Георгіевскаго госпиталя въ надлежащій порядокъ [1]), а именно: на поправку строенія 700 руб., на заготовленіе бѣлья, одежды и прочаго для 100 человѣкъ больныхъ 3096 руб. 61 коп., на уплату прачкѣ за мытье бѣлья 100 руб., на покупку дровъ на семь мѣсяцовъ, считая съ 1-го октября по 1-е мая, 150 саженъ, 450 руб., на продовольствіе больныхъ 500 руб., да на разныя прежнія издержки по госпиталю, сдѣланныя съ 1-го января по 15-е августа изъ остатковъ экстраординарной суммы, состоявшей въ распоряженіи главнокомандовавшаго Кавказской дивизіею, 565 руб., въ возвратъ денегъ въ эту сумму. Военная Коллегія при этомъ не могла только дознаться, кѣмъ учрежденъ Георгіевскій госпиталь и на какое число больныхъ. 2) *По артиллерійской экспедиціи*, что по особому высочайшему повелѣнію 7 августа 1798 года, состоявшемуся на докладѣ генералъ-маіора Герарди, приказано вновь построить казармы въ крѣпостяхъ и редутахъ праваго фланга

[1]) Въ слѣдующемъ 1799 году Георгіевскій госпиталь получилъ деньги на содержанія свое уже не изъ Екатеринограда, а изъ Казанскаго коммисаріатскаго депо, которымъ управлялъ генералъ-маіоръ князь Ураковъ.

Кавказской линіи, вмѣсто прежнихъ обветшавшихъ; а какъ смѣтъ на эти постройки еще не доставлено было, то этотъ генералъ послалъ полковника Брюзгина осмотрѣть на мѣстѣ ветхія строенія и выдалъ ему примѣрно на постройки 15,000 руб. Брюзгинъ осмотрѣлъ всѣ офицерскія и солдатскія казармы на правомъ флангѣ Кавказской линіи и донесъ инженеръ-генералъ-лейтенанту Князеву, что на исправленіе ихъ потребуется всего 47,790 руб. 35 коп. Въ томъ числѣ были считаны въ Константиногорской крѣпости 3 штабъ и оберъ-офицерскихъ дома со службами, 8 солдатскихъ казармъ, 4 ротныхъ цейхгауза, кордегардія, полковая канцелярія и полковой лазаретъ, всего на сумму 6161 руб. 45 коп. Полковникъ Брюзгинъ передалъ 15,000 руб. графу Моркову, при чемъ послѣднему сообщено, что въ дополненіе къ этимъ деньгамъ, до суммы 47,790 руб., исчисленной Брюзгинымъ на починку и перестройку ветхостей въ казармахъ, онъ можетъ требовать изъ Астрахани отъ инженеръ-генералъ-лейтенанта Канавина. Графъ Морковъ дѣйствительно роздалъ деньги (15,000 руб.) по крѣпостямъ и въ томъ числѣ начальнику Константиногорской крѣпости ассигновалъ на починку казармъ 2,025 руб. и вскорѣ послѣ того былъ отозванъ съ Кавказа, передавъ свою должность генералъ-лейтенанту Кноррингу 2-му. 3) Что по именному повелѣнію 18 февраля 1798 года приказано при всѣхъ полкахъ учредить полковые лазареты, по особому *примѣрному положенію*, высочайше утвержденному 12 марта 1798 года [1]), и за тѣмъ многіе госпитали, сдѣлавшіеся ненужными, закрыть, какъ напримѣръ закрытъ былъ Омскій госпиталь.

Собравъ эти справки, Военная Коллегія отнеслась къ инспектору праваго фланга Кавказской линіи, генералъ-лейтенанту Карлу Федоровичу Кноррингу 2-му [2]), смѣнившему графа Моркова, спрашивая его мнѣнія: гдѣ лучше устроить госпиталь и нужно ли быть въ Георгіевскѣ генеральному госпиталю, или

---

[1]) *Примѣрное положеніе учреждаемаго при полевыхъ полкахъ лазарета*, утвержденное 12-го марта 1798 года, составлено было особымъ комитетомъ, подъ предсѣдательствомъ цесаревича Александра Павловича. Оно было напечатано и разослано всѣмъ врачебнымъ управамъ для руководства. Печатный экземпляръ его сохранился также въ дѣлахъ Медицинской Коллегіи.

[2]) Онъ же былъ и Астраханскимъ генералъ-губернаторомъ, управлявшимъ вмѣстѣ и гражданскою частью губерніи. На его мѣсто инспекторомъ Кавказской дивизіи поступилъ въ 1798 году генералъ-лейтенантъ Федоръ Ивановичъ Киселевъ.

можно его совсѣмъ упразднить и построить новый въ Констано-горскѣ, либо гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

Кнорингъ донесъ, 19 іюля 1799 года, Военной Коллегіи, что «Георгіевскій госпиталь учрежденъ, сколько извѣстно, около 1798 года, въ командованіе Кавказскою дивизіею генерала-аншефа Текелія [1], и что до 1798 года онъ содержанъ былъ на счетъ экстраординарной суммы, и только въ этомъ году, по представленію генерала отъ инфантеріи графа Гудовича, перешелъ на издержки общей воинской суммы. И хотя каждый полкъ, по апробованному положенію, имѣетъ свой лазаретъ, но какъ въ Георгіевскѣ стоятъ инженерныя и другія команды, также безпрестанно почти проходятъ чрезъ него отъ полковъ команды въ крѣпость Екатериноградъ для разныхъ отъ тамошняго коммисаріатскаго коммисіонера пріемовъ, а сверхъ того ежегодно приводятся въ Георгіевскъ, яко средоточіе Кавказской линіи, ко укомплектованію войскъ Кавказской дивизіи, рекруты, изъ коихъ въ прошедшемъ 1798 году набиралось въ Георгіевскомъ полевомъ госпиталѣ больныхъ до 150 человѣкъ: то, для таковыхъ и для другихъ непредвидимыхъ случаевъ движенія войскъ, мнѣніемъ своимъ полагаетъ не только не упразднять Георгіевскаго полеваго госпиталя, но на основаніи предположеній его предмѣстниковъ, а особливо графа Моркова, соорудить вновь, по ветхости существующаго, госпитальное строеніе и содержать всѣ госпитальныя принадлежности всегда на 100 человѣкъ. Сіе тѣмъ съ меньшими сопряжено неудобствами, что Екатериноградскій коммисіонеръ достаточное на то количество денегъ уже имѣетъ и что оныя госпитальныя принадлежности по предписаніямъ его предшественниковъ, а по поводу оныхъ и его подтвержденіямъ, имъ исправляются. Относительно же устроенія госпиталя, вмѣсто Георгіевска, у Константиногорской крѣпости на теплыхъ водахъ (какъ представляла Астраханская врачебная управа Медицинской Коллегіи), о семъ онъ имѣлъ мысль съ прибытія его на Кавказскую линію, и недавно, находясь въ Константиноградской крѣпости для инспекціи расположеннаго тамъ егерскаго Лихачева полка, нашелъ, что поелику теплыя воды отстоятъ отъ оной крѣпости верстахъ въ пяти и находятся на самой пограничной сухой чертѣ кордона, то не иначе можно поставить на мѣстѣ семъ госпиталь, какъ сдѣлавъ прежде нарочное укрѣпленіе и для защиты больныхъ отъ хищничествъ погранич-

[1]) Выше читатели видѣли, кѣмъ и когда учрежденъ этотъ госпиталь; но странно, что достаточно пройдти 12-ти годамъ, чтобъ мѣстное начальство успѣло забыть время и обстоятельства учрежденія его; или, по духу времени, не боялось ли оно назвать основателя этого госпиталя.

ныхъ народовъ содержать пристойную тамъ военную команду, а ежели поставить госпиталь въ самой крѣпости Константиногорской, то чрезъ сіе должно уже удалиться отъ тѣхъ пользъ, кои предполагается снискать чрезъ теплыя воды, какъ свойствомъ своимъ требующія того, чтобъ употреблять ихъ на мѣстѣ. Какъ же по опытамъ извѣстно, что сіи воды лѣчатъ наипаче разныя хроническія болѣзни, коими немалое число людей во всѣхъ полкахъ, на Кавказской линіи стоящихъ, страдаютъ, а полки тѣмъ менѣе имѣютъ средствъ къ возвращенію имъ здоровья, что по причинамъ, отъ самаго тамошняго климата происходящимъ, всегда въ лѣтніе мѣсяцы число больныхъ въ полкахъ, по кордону лежащихъ, весьма возвышается, и въ однихъ полевыхъ полкахъ, даже въ прошедшемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ, было на каждые 100 здоровыхъ по 12 больныхъ, то дабы практически всегда испытать пользу теплыхъ водъ, онъ позволилъ полкамъ ввѣренной ему инспекціи отправить на оныя самыхъ застарѣлыхъ хроническихъ больныхъ, каковые, набираясь нынѣ тамъ до 60-ти человѣкъ, обезопасены особеннымъ нарочито наряженнымъ воинскимъ прикрытіемъ. Однакожъ и по прежнимъ дѣйствіямъ теплыхъ водъ заслуживаютъ онѣ довольное на себя вниманіе. Почему и полагаетъ мнѣніемъ своимъ, чтобы для соблюденія людей, часто въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ своихъ дѣлающихся отъ болѣзней вовсе не только къ службѣ неспособными, но и для общества безполезными, имѣть всегда на лѣто у самыхъ теплыхъ водъ такой прочный сарай, въ коемъ бы свозимые туда отъ полковъ больные отъ жару и сырости могли быть защищены; содержаніемъ сихъ больныхъ, равно какъ и всѣ госпитальныя принадлежности, заимствовать отъ Георгіевскаго полеваго госпиталя.»

За тѣмъ, въ подтвержденіе необходимости одного большаго госпиталя на Кавказской линіи, и именно въ Георгіевскѣ, Кнорригъ исчисляетъ составъ регулярныхъ войскъ, входившихъ въ его инспекцію, за исключеніемъ артиллеріи и инженерныхъ командъ, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ и распредѣленіе ихъ по линіи. По его исчисленію, на всей Кавказской линіи было тогда 18 полковъ, а именно 4 драгунскихъ (каждый изъ пяти эскадроновъ), 1 гренадерскій (3-хъбаталіонный), 4 мушкетерскихъ (3-хъбаталіонныхъ), 2 егерскихъ (2-хъбаталіонныхъ), 3 гарнизонныхъ на полевомъ содержаніи (2 и 1 баталіонные) и 4 гарнизонныхъ на внутреннемъ содержаніи (4 и 2-хъбаталіонные) [1].

[1]) Расположеніе этихъ войскъ любопытно въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ недалеко были Русскіе на Кавказѣ 70 лѣтъ тому назадъ, а потому

Военная Коллегія одобрила всѣ предположенія генералъ-лейтенанта Кнорринга 2-го и предписала привести ихъ въ исполненіе, опредѣливъ внести необходимую на содержаніе Георгіевскаго госпиталя сумму въ бюджетъ воинскаго департамента и предписавъ генералу Вязмитинову содержать этотъ госпиталь совершенно такъ же, какъ содержался въ Петербургѣ генеральный сухопутный госпиталь, а на безотлагательную перестройку и снабженіе его всѣмъ необходимымъ предписала Кноррингу потребовать денегъ отъ Екатериноградскаго коммисаріатскаго коммисіонера. Въ то же время она сообщила это свое опредѣленіе Медицинской Коллегіи (28 сентября 1799), для снабженія Георгіевскаго госпиталя надлежащимъ числомъ медицинскихъ чиновъ. Медицинская Коллегія распорядилась (3 октября 1799), чтобы Астраханская врачебная управа каждое лѣто назначала лѣкаря съ больными, отправляемыми изъ полковъ къ теплымъ водамъ, а для лучшаго испытанія водъ предписала отправляться туда по временамъ и одному изъ членовъ врачебной управы.

мы здѣсь и представляемъ его изъ донесенія генерала Кнорринга 2-го. Ниже представляемъ мы другой документъ (записку доктора Раппе, присланную къ императору Павлу Петровичу), еще точнѣе обозначающій границы тогдашнихъ русскихъ владѣній на Кавказѣ.

Войска на правомъ флангѣ Кавказской линіи въ 1799 году распредѣлены были слѣдующимъ образомъ:

Драгунскіе полки:

Ланга—лейбъ-эскадронъ со штабомъ въ Ставрополѣ;
2 эскадрона въ селѣ Надеждѣ,
1 » » станицѣ Григоріопольской и
1 » при Прочноокопской крѣпости.

Грушецкаго—лейбъ-эскадронъ со штабомъ въ предмѣстіи Георгіевской крѣпости.
2 эскадрона въ станицѣ Екатериноградской крѣпости, и
2 » на рѣкѣ Кумѣ, въ селеніяхъ Обильномъ и Солдатскомъ.

Фриза—лейбъ-эскадронъ со штабомъ въ Александровѣ;
2 эскадрона въ Сѣверной крѣпости,
1 эскадронъ въ селѣ Калиновкѣ и
1 » въ Новоселицѣ.

Обрѣзкова 1-го—лейбъ-эскадронъ со штабомъ въ Московской крѣпости.
1 эскадронъ въ слободѣ Палагкодѣ,
1 » » Устьлабинской крѣпости,
1 » » Кавказской крѣпости и
1 » » Донск. ст. Хопер. казач. войска.

Надобно однакожъ прибавить, что хотя на бумагѣ и рѣшено было исполнить все то, что предположено генераломъ Кноррингомъ, но на дѣлѣ не скоро исполнилось: прошелъ цѣлый годъ, Георгіевскій госпиталь почти весь разрушился и сдѣлался необитаемымъ. Астраханская врачебная управа прислала въ Медицинскую Коллегію планъ новаго госпиталя у теплыхъ колодцовъ (22-го марта 1800), исчисливъ различныя выгоды построить его здѣсь, а не въ Георгіевскѣ (такъ какъ ей почему-то забыли сооб-

---

Гренадерскаго Тучкова *полка:*

2 баталіона расположены были въ предмѣстіяхъ Георгіевска и ближайшихъ селеніяхъ, а флигель-роты — въ Воровсколѣсской казачьей станицѣ.

Мушкетерскіе полки:

Арсеньева 1-го 9 ротъ въ Екатериноградской крѣпости, изъ коихъ одна на рѣкѣ Малкѣ, въ Солдатской слободѣ, содержала кордонную стражу, смѣняясь помѣсячно, а гренадерскія роты—въ Шелкозаводской крѣпости.

Кнорринга 2-го—шефскій баталіонъ въ станицахъ Бороздинской, Дубовской, Курдяновской и Старогладковской Семейнаго и Гребенскаго казачьихъ полковъ;

1 баталіонъ въ Кизлярѣ и гренадерскія роты—въ Шелкозаводской крѣпости.

Глазова 2-го—шефскій баталіонъ въ Черноморскихъ селеніяхъ, 1 баталіонъ въ Устьлабинской крѣпости и гренадерскія роты въ Григоріопольской станицѣ.

Стремоухова—шефскій баталіонъ въ Кавказской крѣпости, 1 баталіонъ въ Прочноокопской крѣпости и гренадерскія роты въ Темнолѣсскомъ ретраншаментѣ.

Егерскіе полки:

Лихачева—въ Константиногорской крѣпости и въ Кумскомъ штерншанцѣ.

Лазарева—1 баталіонъ въ Моздокѣ и 1 баталіонъ въ селеніи Наурядо въ станицахъ Гребенскаго войска, въ Червленной, и въ станицѣ Луковской Моздокскаго казачьяго полка, близь Моздока.

Гарнизонные полки на полевомъ содержаніи и съ гренадерскими ротами:

изъ 2-хъ баталіоновъ Комнучіи—въ Таганрогѣ.
» 2-хъ » Бреземана фонъ-Неттига—въ Кизлярѣ и
» 1 баталіона Юношевскаго—въ Моздокѣ.

Гарнизонные полки на внутреннемъ положеніи съ инвалидными ротами:

изъ 4-хъ баталіоновъ князя Урусова—въ Астрахани.
» 2-хъ » Іевлева—въ Царицынѣ,
» 3-хъ » Вырубова 1-го—въ крѣпости св. Димитрія Ростовскаго и
» 2-хъ » Олванцова—въ Азовѣ.

щить о рѣшеніи Военной Коллегіи), а къ перестройкѣ Георгіевскаго и не думали приступать, такъ что исполненіе этихъ добрыхъ предначертаній началось только въ царствованіе Александра I. Причиною замедленія было то, что Военная Коллегія не рѣшалась взять на свою отвѣтственность уполномочить Кноррінга давать конвой для прикрытія больныхъ въ Горячеводскѣ и содержать его тамъ цѣлое лѣто, безъ особаго высочайшаго разрѣшенія. Объ этомъ опять завязалась переписка съ Кноррингомъ. «Въ разсужденіи только командируемаго въ сіе мѣсто во всякое лѣто прикрытія, Военная Коллегія находитъ за нужное ему (Кноррингу 2-му) замѣтить, что не потребно ли будетъ донесть Е. И. В. и всеподданнѣйше испросить его повелѣнія; предаетъ сіе однакожъ его разсужденію въ томъ предположеніи, что не имѣетъ ли онъ уже и безъ того на подобные случаи высочайшаго разрѣшенія, и ожидая отъ него только надлежащаго обо всемъ томъ увѣдомленія.» Отвѣтъ на это Кнорринга не сохранился въ старыхъ дѣлахъ.

Наконецъ исполненіе третьяго предположенія П. И. Шатиловича, касательно устройства оспеннаго дома для калмыковъ, кочевавшихъ въ Астраханской степи, также нѣсколько замедлилось за различными справками и перепискою. Медицинская Коллегія отнеслась по этому предмету къ Астраханской врачебной управѣ и тамошнему губернскому правленію и послѣднее снеслось съ калмыцкимъ правленіемъ, чтобы приготовить калмыковъ и расположить въ пользу этой мѣры [1]). Калмыцкое правленіе отвѣчало вотъ что: пространство лѣтняго и зимняго кочевій калмыковъ можно полагать въ 3000 верстъ, и по этому пространству, если учреждать оспенные домы, то устроить ихъ четыре, а не одинъ, а именно: первый при рѣкѣ Сарпѣ, въ урочищѣ Хапатѣ, около котораго есть лѣтнее кочевье; другой при рѣкѣ Кумѣ, въ урочищѣ

---

[1]) Калмыцкіе владѣльцы, къ которымъ отнеслось калмыцкое правленіе (1-го ноября 1798 года) о выборѣ мѣста для оспеннаго дома, а именно маіоръ Тюмень, Убата, Цагалай и др. донесли, что подвластные имъ калмыки отдаютъ захворавшихъ оспою дѣтей своихъ для пользованія казакамъ, въ станицахъ живущимъ, а потому въ постройкѣ оспеннаго дома никакой надобности не имѣютъ. Они, очевидно, и не желали и боялись устройства этого дома. Тогда врачебная управа сама вошла въ сношеніе съ этими владѣльцами и получила отъ нихъ указаніе на мѣста для оспенныхъ домовъ, ниже означенныя. (Донесеніе Астрах. врач. управы 8-го марта 1800).

Когюнѣ-Аралѣ, гдѣ бываетъ зимнее кочевье; третій въ приморскихъ мѣстахъ, въ урочищѣ Зинзиляхъ, гдѣ постоянно кочуютъ бѣдные калмыки, и четвертый при Волгѣ, близь Землянской станицы, въ урочищѣ Шамбаѣ. Подъ вѣдомствомъ калмыцкаго правленія состояло всѣхъ калмыковъ, не исключая и духовенства, до 10,000 кибитокъ, а въ нихъ примѣрно мужескаго и женскаго пола до 50,000 душъ. Калмыцкое правленіе не могло дать никакого мнѣнія касательно величины оспенныхъ домовъ, потому что не было увѣрено въ готовности калмыковъ отдавать туда дѣтей своихъ.

Но врачебная управа не вполнѣ согласилась на предложеніе калмыцкаго правленія. Она предложила выстроить одинъ только оспенный домъ на рѣкѣ Волгѣ, между Астраханью и Енотаевскомъ, «потому что по Волгѣ до города Сарпы кочевье великое и способное къ первоначальному таковому учрежденію, по близости города Астрахани, гораздо больше; а какъ отъ удачнаго успѣха сначала зависитъ вся довѣренность, то при очевидной пользѣ таковаго заведенія и самые владѣльцы сего народа впредь о распространеніи таковыхъ стараніе свое прилагать будутъ.» При этомъ управа прислала и планъ оспеннаго дома, составленный архитекторомъ Александромъ Лигбіемъ, съ слѣдующимъ объясненіемъ: домъ долженъ быть деревянный, переднимъ фасадомъ, окнами и главнымъ входомъ обращенный къ востоку, а заднимъ фасадомъ, съ нѣсколькими отдѣльными покоями и съ особымъ входомъ для больныхъ, на мѣстѣ лежащихъ, къ западу. Весь домъ долженъ быть обнесенъ галлереею, для защиты отъ солнечнаго зноя, дабы тѣ, кому привита оспа, могли пользоваться открытымъ воздухомъ подъ тѣнью. При домѣ должны быть устроены: 1) русская баня съ переднею комнатою для помѣщенія ванны; 2) особенный домъ для медицинскихъ чиновъ и для аптеки; 3) кухня съ двумя людскими по обѣимъ сторонамъ ея, одною для мужской, а другою для женской прислуги; 4) ледникъ съ сараемъ надъ нимъ и амбаръ для съѣстныхъ припасовъ, равно какъ и конюшня; наконецъ 5) все строеніе должно быть обнесено частоколомъ. Въ этомъ домѣ предполагалось учредить какъ прививаніе оспы калмыцкимъ дѣтямъ, такъ и пріемъ тѣхъ изъ нихъ, у кого явилась бы натуральная оспа. Для этой послѣдней цѣли требовалось устроить нары и на первый случай 20 постелей изъ чакана,

столько же простынь изъ холста и подушекъ изъ холста же, набитыхъ сѣномъ, 20 холщевыхъ халатовъ и столько же двойныхъ одѣялъ. При этомъ предположено поступающимъ въ домъ больнымъ вовсе не носить въ немъ своего собственнаго платья. Для прислуги при больныхъ требовалось отъ 4 до 6-ти человѣкъ мужескаго и женскаго пола, и всего лучше — если можно изъ калмыковъ же, знающихъ русскій языкъ. Въ случаѣ тѣсноты (которая впрочемъ не предполагалась), привитыхъ больныхъ можно было помѣщать на открытомъ воздухѣ на галлереяхъ, причемъ для нихъ можно будетъ построить постели изъ камыша или устроить для нихъ особый сарай изъ камыша же, слѣдовательно безъ большихъ издержекъ.

За тѣмъ врачебная управа вошла въ подробности о прививаніи оспы, очень любопытныя по тогдашнему взгляду на этотъ предметъ. Она предполагала прививать оспу только одинъ разъ въ годъ, именно собирать для этого дѣтей въ январѣ мѣсяцѣ, весь февраль употреблять на приготовленіе ихъ къ этой операціи теплыми ваннами, для размягченія и расширенія кожи («дабы оспа лучше могла высыпать и острыя оспенныя испаренія теченіемъ болѣзни удобнѣе испускаться, ибо немалая часть изъ калмыковъ, натуральною оспою зараженныхъ, погибаютъ отъ воспрепятствуемой высыпки, поелику кожа, по причинѣ ихъ рода жизни, чрезмѣрно груба и по самой той причинѣ дѣлаются metastases ad viscera nobiliora»), а самую прививку начинать съ половины марта, смотря по состоянію воздуха и атмосферы; осенью же потому прививать нельзя, что въ здѣшнихъ мѣстахъ обыкновенно съ августа мѣсяца начинаются желчныя болѣзни, а также и потому, что отъ бывающей лѣтомъ оспы дѣти къ осени легко могутъ заражаться натуральною оспою. Управа полагала, что, касательно возраста, въ которомъ слѣдуетъ прививать оспу, чѣмъ дѣти ближе къ младенчеству, тѣмъ лучше, и старѣе десяти лѣтъ не хотѣла принимать. Но для взрослыхъ постановлено было исключеніе, если бы они сами желали привить себѣ оспу. А для излѣченія отъ натуральной оспы принимались во всякомъ возрастѣ и во всякое время года, и помѣщались въ отдѣльныхъ покояхъ (зимою) или въ камышевыхъ сараяхъ (лѣтомъ). Къ оспенному дому предполагалось назначить особыхъ медицинскихъ чиновъ, снабдивъ ихъ подробною инструкціею касательно содержа-

нія больныхъ и лѣченія ихъ, на основаніи правилъ, предложенныхъ Розенштейномъ, Фогелемъ и Димсдалемъ, сокращенно изложенныхъ на русскомъ языкѣ д-ромъ Яничемъ. Самое прививаніе оспы производилось чрезъ приподнятіе кожицы ланцетомъ между большимъ и указательнымъ пальцами обѣихъ рукъ, или въ ямкѣ образуемой дельтовидною мышцою, и натираніе обнаженныхъ мѣстъ кожи свѣжею оспенною матеріею или сухими струпьями ея, всегда имѣвшимися въ запасѣ. Все это сообщено было Медицинской Коллегіи въ рапортѣ Астраханской врачебной управы отъ 15 марта 1800 года, слѣдовательно черезъ три почти года послѣ первоначальнаго представленія Шатиловича объ этомъ предметѣ. А если припомнить притомъ, что оспенные домы въ описываемую эпоху вовсе не составляли новости, потому что существовали уже: въ Петербургѣ (на Петербургской сторонѣ, гдѣ нынѣ лицей), въ Царскомъ Селѣ, въ селеніи Ижорѣ (на берегу Невы), въ Москвѣ, въ Тобольскѣ и Иркутскѣ, въ Кіевѣ, то этой медленности въ устройствѣ подобнаго же дома для астраханскихъ калмыковъ нельзя ничѣмъ объяснить, кромѣ бюрократическаго вліянія, живущаго проволочками, которыя въ этомъ случаѣ охотно поддерживались самими калмыками.

Въ заключеніе представляемъ здѣсь въ оригиналѣ топографическое описаніе Кавказской линіи, д-ра Георга Раппе, представленное императору Павлу Петровичу и любопытное по географическому очерку русскихъ владѣній на Кавказѣ и по указанію причинъ болѣзненности на Кавказской линіи.

ФИЗИЧЕСКОЕ И ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ МЕДИЦИНСКОЕ ОПИСАНІЕ, КАСАЮЩЕЕСЯ ДО ПРИЧИНЪ И СВОЙСТВА БОЛЕЗНЕЙ НА КАВКАЗСКОЙ ЛИНІИ ПРИМѢЧАЕМЫХЪ, А ОСОБЛИВО НАДЪ ВОЕННОСЛУЖИТЕЛЯМИ; ТАКЪ ЖЕ О РОДѢ ИХЪ ЛѢЧЕНІЯ И О СРЕДСТВАХЪ ОТЪ ОНЫХЪ ПРЕДОХРАНЯЮЩИХЪ.

О причинахъ болѣзней.

§ 1. Причины болѣзней на линіи обитающихъ суть: частая перемѣна воздуха; строеніе домовъ; одежда до сихъ поръ во употребленіи бывшая; недостатокъ въ пищѣ для здѣшняго климата способной; чрезмѣрные труды, которыми по сіе время изнуряли военнослужителей; такъ же недостатки увеселяющихъ душевныхъ чувствъ, а особливо нужныхъ на линіи.

§ 2. Притчины производящія перемѣну воздуха суть: особливое расположеніе и положеніе линіи кавказской, распространяющейся болѣе нежели на 800 въ длинну, а въ ширину около 200 верстъ подъ 42 и 43 градусомъ, которая на подобіе острова кругомъ отдѣлена съ восточной стороны Каспійскимъ, съ западной Чернымъ и Азовскимъ моремъ, съ сѣверной степью на 400 верстъ въ ширину продолжающеюся, во многихъ мѣстахъ совсѣмъ безплодною, а гдѣ хотя и есть растенія, по оныя лѣтомъ изсыхаютъ; а съ южной стороны цѣпью снѣговыхъ горъ отъ Чернаго моря до Каспійскаго простирающеюся: сіи горы весьма многочисленны, разной высоты и многочисленныя дѣлаютъ между себя лощины не одинаковой глубины и ширины, представляя непролазимую стѣну, украшенную различными бѣлыми пирамидами.

§ 3. Сверхъ того можно сказать, что почти въ срединѣ линіи поперечная высота, называемая Свистунъ гора, простирающаяся нѣсколько отъ юга къ сѣверу, раздѣляетъ оную на двѣ части, то есть на восточную и западную. Оная высота можетъ быть есть причиною, что рѣки происходящія изъ горъ съ западной стороны втекаютъ въ Черное и Азовское, а съ восточной въ Каспійское море. Сіи рѣки, и особливо восточныя, при впаденіи своемъ въ моря, дѣлаютъ многочисленныя различныя болота и лужи. Изъ оныхъ двѣ главнѣйшія, всѣ прочія меньшія изъ кавказскихъ горъ текущія въ себѣ принимаютъ, а сами почти прямою линіею изъ кавказскихъ горъ въ низъ, одна называемая Кубань около 200, а другая именуемая Терекъ около 100 верстъ къ сѣверу стремятся, гдѣ онѣ почти прямымъ угломъ первая къ западу, а другая къ востоку откидываются. Между оными рѣками, щитая съ того мѣста гдѣ углы дѣлаются, и горами бываютъ разныя низкія мѣста до самыхъ морей, которыя притчиною почитаются различныхъ болотъ, въ лѣтнее время отъ приливу изъ горъ снѣговой воды умножающихся; съ западной стороны подлѣ разныхъ возвышенностей на сей сторонѣ Кубани находятся такъ же разныя болота, изъ которыхъ и имѣютъ свои источники различныя рѣчки текущія въ Азовское море. Сверхъ сего текутъ еще двѣ рѣчки пріемлющія свое начало не въ самыхъ снѣговыхъ горахъ, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ оныхъ, наклоняющемся къ восточной сторонѣ: сіи двѣ рѣчки, одна называемая Кума, а другая Подкумокъ, идутъ къ востоку около 100 верстъ и тутъ соединяются и одною рѣкою стремятся прямо почти къ сѣверу около 100 же верстъ, гдѣ оная вдругъ тупымъ угломъ къ востоку откидывается въ Каспійское море, въ которое однакожъ не впадаетъ по причинѣ высокаго пещанаго берега, а многочисленныя производя болота и лужи пропадаетъ.

§ 4. По вышесказанной различной высотѣ снѣговыхъ горъ и глубинѣ ихъ лощинъ, южный вѣтеръ проходящій чрезъ оныя разнымъ холодитъ образомъ, такъ что воздухъ нагрѣтый солнечными лучами, вразсужденіи 42 градуса, подъ которымъ находится линія, самъ перемѣняясь по перемѣнымъ свойствамъ сказанныхъ лощинъ и горъ, въ разстояніи 10-ти верстъ иногда разный производитъ климатъ.

§ 5. Притомъ сѣверной вѣтеръ не меньше снѣговаго въ разсужденіи охлажденія воздуха имѣетъ дѣйствія, хотя онъ и не такую во ономъ перемѣну причиняетъ.

§ 6. Такъ же вѣтеръ восточный, происходящій съ морской каспійской стороны, весною еще отъ находящагося въ морѣ льда, называемаго уральскимъ, воздухъ холодитъ; а особливо на мѣстахъ къ морю близкихъ, почему простуды случаются на линіи весною, а чрезъ все годовое время по сказаннымъ въ § 5-мъ притчинамъ.

§ 7. Вѣтеръ восточный лѣтомъ съ собою огненные пары несущій и проходящій чрезъ разные болота и солончаки получаетъ съ собою гнилыя, водяныя и соляныя частицы, воздухъ къ большому вреду заражающія, которыя однакожъ зимою по притчинѣ замерзанія не бываютъ; и потому какъ въ сіе время, такъ и весною вѣтеръ восточной менѣе опаснымъ будучи, лѣтомъ и осенью въ разсужденіи несомыхъ имъ сказанныхъ вредныхъ частицъ по всей линіи оказывается очень вреднымъ почти до самой Свиступъ горы, § 3, чрезъ которую оныя вредныя и тяжелыя частицы проходить не могутъ, а на сей сторонѣ оставаться долженствуютъ, и потому сей вѣтеръ на той сторонѣ бываетъ здоровъ; напротивъ же того на той сторонѣ западной вѣтеръ, проходящій такъ же чрезъ разныя болота, бываетъ (§ 4) вреденъ, а на сей сторонѣ къ востоку здоровъ.

§ 8. Сверхъ того воздухъ повреждается, когда сѣверной вѣтеръ снѣговыя приноситъ съ собою частицы, проходя чрезъ низкія мѣста близь линіи, гдѣ теплота оныя разжижваетъ; а какъ скоро они приближаются къ возвышеніямъ или горамъ, гдѣ холоднѣе, тамъ сгущаются, тяжелѣе дѣлаются и потому опускаются внизъ туманомъ.

§ 9. Съ солнечными лучами поднимаются еще разные пары изъ разныхъ болотъ и лужъ, соленыхъ и гнилыхъ озеръ, которые соединившись иногда производятъ туманъ еще вреднѣе прежняго.

§ 10. Притомъ по окончаніи лѣта и въ началѣ осени отъ чрезвычайныхъ жаровъ большая часть произрастеніевъ, а особливо на безлѣсныхъ степяхъ, находятся уже изсохшими и потому оные, вмѣсто паровъ

весною и въ началѣ лѣта воздухъ поправляющихъ, гнилыми и сѣрными его накопляютъ.

§ 11. Причиною здѣшнихъ болѣзней почесться такъ же можетъ строеніе домовъ, которое на линіи обыкновенно деревянное, низкое и изъ сыраго лѣса сдѣланное, а лѣсъ вообще здѣсь ноздреватъ, и потому покуда высохнетъ, дѣлаетъ въ комнатахъ сырость; а высохши всасываетъ въ себя всякіе гнилые пары, которые при теплотѣ опять выходятъ въ покояхъ и заражаютъ воздухъ; сверхъ сего вразсужденіи ноздреватости лѣса всякой вѣтеръ, особливо зимою, сквозь самыя стѣны проницаетъ.

§ 12. Одежда до сихъ поръ по здѣшнему климату, изъ жару въ холодъ перемѣняющемуся, для военныхъ людей не способная; ибо оная ни отъ зноя солнечнаго, ни отъ холода тѣла довольно не защищаетъ.

§ 13. Поелику на линіи не совершилось еще настоящее заведеніе садовъ, то во многихъ мѣстахъ въ хорошихъ плодахъ, огородинахъ и другихъ кровеждительныхъ и отъ гнилости предохраняющихъ растеніяхъ есть недостатокъ, которые здѣсь весьма нужны, а особливо лѣтомъ: ибо отъ чрезвычайнаго жара жидкости въ тѣлѣ высушиваются, кровь огустѣваетъ, силы истощеваются и дѣйствіе сердца ослабѣваетъ.

§ 14. Притомъ же почти безпрестанные походы и разное строеніе различныхъ казармъ и крѣпостей еще до сихъ поръ изнуряли военнослужителей.

§ 15. Душевныя чувства, будучи въ порядкѣ, какъ сердца нашего, такъ и всѣхъ жизненныхъ тѣла дѣйствій, суть нужная причина: доказательствомъ сего можетъ служить, что печаль лишаетъ позыва на пищу и истощаетъ тѣло, гнѣвъ портитъ желчь и проч., вразсужденіи чего видно, что отъ порядка душевныхъ движеній и порядокъ къ жизни принадлежащихъ тѣлесныхъ дѣйствій зависитъ; если же порядокъ отъ какой либо страсти въ душевныхъ движеніяхъ разстроился, то оной удовольствованными чувствами опять долженъ быть устроенъ, дабы вышесказанная пружина по прежнему пришла въ порядокъ. Къ сему особливо вспомоществуетъ надежда, основывающаяся на полученіи лучшаго: а сего то самаго жителямъ, а особливо военнымъ, на линіи недостаетъ: ибо когда они, а наипаче рекруты, которые оставивъ домъ родственниковъ и безъ того преданы уже грусти, чрезъ степь (§ 2) идутъ, то ихъ печальная дорога утомляетъ, тѣмъ болѣе что всякой на линію итить боится и пришедши сюда, будучи употреблены на труды и не находя такихъ квартиръ, къ какимъ они привыкли въ Россіи, еще больше печалятся, и потому раждается въ нихъ общее разслабленіе чувствительныхъ жилъ, которое

соединяясь съ вышесказанными притчинами производятъ всякаго рода злыя болѣзни, вразсужденіи уменьшенія порядочнаго дѣйствія сердца и біющихся жилъ на кровь, которой свойственное смѣшеніе зависитъ отъ онаго.

О свойствахъ болѣзней.

§ 16. Вразсужденіи холодности сѣвернаго и южнаго чрезъ снѣговыя горы идущаго, такъ же весною восточнаго вѣтра поры въ тѣлѣ нашемъ, отъ жестокихъ жаровъ открытыя, вдругъ сжимаются и простуды дѣлаются; тогда нечувствительной испарины матерія бросается назадъ, смѣшивается съ кровью, портитъ оную и по симъ притчинамъ въ маленькихъ жилкахъ, въ разныхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ легкихъ, печенкѣ и тому подобныхъ, остановляется и производитъ различныя воспаленія.

§ 17. Что касается до разныхъ вредныхъ паровъ воздуха, вѣтромъ ли оные принесены или туманомъ, то они, будучи чрезъ пищепріемное горло проглощены, пищу въ желудкѣ портятъ, или въ дыханіи затрудненіе производятъ вобравшись чрезъ дыхательный каналъ въ легкія, гдѣ всасывающими сосудами стягиваются они въ кровь, смѣшиваются съ нею, склоняютъ ее къ гнилости; и когда при семъ случаѣ присоединяется еще простуда, тогда раждаются гнилыя и злыя воспалительныя болѣзни, въ которыхъ всякое частное воспаленіе вскорости въ антоновъ огонь и поносъ превращается съ такимъ же дѣйствіемъ, какъ когда болѣзненная матерія откидывается на кишки.

§ 18. По притчинѣ же недостатка способной пищи, § 13, и душевныхъ увеселеній, § 15, такъ же чрезмѣрныхъ трудовъ, § 14, жизненныя силы истощеваются, нервы ослабѣваютъ, кровь наклоняется къ гнилости, а отъ того дѣлаются чувственно-жильныя и гнилыя съ пятнами горячки и цынготныя болѣзни.

§ 19. Наконецъ вообще всѣ сказанныя болѣзни тѣмъ злѣе бываютъ, поелику вразсужденіи нехорошаго строенія и въ самыхъ комнатахъ гнилой существуетъ воздухъ и по ноздреватости лѣса, стѣны составляющаго, сквозь идущій холодный вѣтеръ и въ самыхъ покояхъ простуды производитъ, § 10.

О родѣ лѣченія.

§ 20. Вразсужденіи простудныхъ болѣзней, гдѣ матерія нечувствительной испарины въ кровь назадъ отбросилась, за первый должно почитать предметъ производить натуральную испарину; а естьли гдѣ нибудь кровь остановилась, то оную разводить. Наконецъ когда уже вся натура отъ смѣшенія съ кровью сказанной нечувствительной испарины разстрои-

лась, тогда испортился и желудокъ, кишки и прочіе органы; и поелику отъ сего раждается въ первыхъ путяхъ нечистота, то оную истреблять должно такимъ образомъ, чтобъ къ сказаннымъ путямъ не притягивать матерію нечувствительной испарины, а иначе родился бы поносъ.

§ 21. По смѣшеніи съ кровью вредныхъ воздушныхъ паровъ, § 17, причиняющихъ гнилыя воспалительныя болѣзни, прежде всего стараться надобно разрѣшить частыя воспаленія, § 16, которыя скоро въ антоновъ огонь превратиться могутъ, что дѣлается кровопущаніемъ, пристойными внутрь даваемыми отъ гнилости предохраняющими и кровь разжижающими лѣкарствами; для открытія же поръ тереть и обмывать тѣло теплымъ уксусомъ, съ поправленіемъ въ комнатахъ воздуха куреніемъ уксуса же, селитры, бросаніемъ свѣжей травы и открытіемъ оконъ и отдушинъ.

§ 22. Въ случаѣ поноса еще болѣе стараться надобно производить нечувствительную испарину, дабы отвести болѣзненную отъ кишекъ матерію; къ тому особенно спомоществуютъ: припарка на животъ теплая и съ камфорою, шпанскія мухи на больное мѣсто и на руки приложенныя, а внутрь лѣкарства болѣзненную матерію не удерживающія, но оную поправляющія, такъ же слегка выводительныя, особливо уменьшающія слишкомъ внизъ дѣйствующія въ кишкахъ движенія.

§ 23. Чувственножильныя горячки со всѣми болѣзнями соединяться могутъ, только была бы причина особенно нервы разслабляющая: почему представляя вышесказанныя на линіи существующія причины само по себѣ разумѣется, сколь часто оныя здѣсь случаются. Великое разслабленіе тѣла, особливо нервовъ, такъ разстроиваетъ натуру, что иная и самую лучшую пищу въ хорошій сокъ переработать бываетъ невсостояніи, почему частицы, которыя должны быть отдѣлены и къ выбрасыванію приготовлены, въ желудкѣ и въ кишкахъ остаются, въ большой части соединены съ хорошимъ сокомъ и далѣе идутъ въ самую кровь; по симъ причинамъ разстроивается отправленіе питанія съ припадками еще хуже прежнихъ: въ такомъ случаѣ всего осторожнѣе употреблять надобно лѣкарства хотя отъ воспаленія, хотя отъ поноса, хотя для истребленія нечистотъ изъ желудка и кишекъ и проч. служащія, дабы отнюдь не разстроить нервы и безъ того уже разстроенные, а больше соединять такія, кои нервы ободряютъ, а не слишкомъ ихъ раздражаютъ.

О средствахъ предохраняющихъ.

§ 24. Простуда, смѣшеніе инородныхъ частей воздуха съ кровью, разслабленіе нервовъ составляютъ главную причину линѣйныхъ болѣзней, отъ которой раждаются простудныя, воспалительныя, желч-

ныя, гнилыя и чувствительно-жильныя горячки, иногда и домы а иногда безъ онаго, почему одежда и домы отъ простуды и гнилыхъ паровъ сохраняющіе очень надобны; а какъ на линіи по особливымъ обстоятельствамъ оні должны быть строены изъ поздреватаго лѣсу, то весьма нужно какъ можно больше ихъ намазать и бѣлить какъ внутрѣ такъ и снаружи, а въ недостаткѣ извести обмазывать внутрѣ нефтью, которой здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находится довольно; а если бы и оной не доставало, то наподобіе рускихъ черныхъ избъ пускать внутрь дымъ, чтобы сей своими солеными частицами притуплялъ частицы гнилыя, находящіяся въ скважинахъ поздреватаго дерева, а смоляными частицами затыкалъ оныя. Пищу употреблять такую, которая для варенія не требуетъ великаго затрудненія натуры, а особливо лѣтомъ, и которая не наклоняется къ гнилости; питье наипаче полезно, которое имѣетъ въ себѣ кровежидительныя, отъ гнилости предохраняющія и нервы возбуждающія частицы, какъ напр. здѣшнее виноградное вино и квасъ, а особливо съ мятою приготовленной, такъ же употребленіе произрастеніевъ, каковыми вопервыхъ суть разнаго рода салаты; весною же въ здѣшнемъ краю растущій дикой чеснокъ, называемый черемшою, отъ цынги предохраняющій или и совсѣмъ отъ оной избавляющій: сверхъ сего когда въ весеннее время отъ разныхъ произрастеній происходящіе полезные пары въ воздухѣ находящіяся вредныя частицы притупляютъ, тогда употребленіе сыворотки, желудокъ и кишки чистящей и кровь разводящей, очень спасительно; употреблять же оную такимъ образомъ потребно, чтобъ какъ можно притомъ находиться на воздухѣ, гдѣ много произрастеній; а лѣтомъ употреблять кизиль, которого здѣсь въ лѣсахъ растетъ довольно, такъ же всякаго рода ягоды и протчіе плоды, наприм. арбузы, дыни и тыквы, хотя и съ осторожностью; осенью виноградъ садовой, а гдѣ онаго нѣтъ дикой и тернъ, которымъ благодѣтельствующая природа здѣсь насъ со изобиліемъ снабдѣваетъ.

§. 25. Вразсужденіи же многочисленныхъ притчинъ, чувствительныя силы разслабляющихъ, весьма нужны душевныя увеселенія, ихъ ободряющія, а не слишкомъ возбуждающія; а болѣе всего въ такомъ случаѣ помогаетъ чувствованіе надежды, которая при нынѣшнемъ положеніи касательно до домоваго отпуска, гдѣ военнослужители могутъ увидѣться съ своими родственниками, къ величайшей пользѣ тѣла, душѣ ихъ ощутительно утѣшительное подаетъ питаніе. Д-ръ Егоръ Раппе.»

18 мая 1791 года,
Астрахань.

III.

КОНЧЕЗЕРСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ.

1752—1753.

Кончезерскія или Олонецкія желѣзныя (марціальныя) воды находятся въ Олонецкой губерніи, въ 50 верстахъ отъ Петрозаводска и въ 8 верстахъ отъ Кончезерскаго мѣднаго завода. Открыты онѣ случайно заводскимъ урядникомъ Иваномъ Рябовымъ зимою 1714 года, хотя это открытіе четыре года спустя присвоено было тогдашнимъ начальникомъ Олонецкихъ заводовъ полковникомъ Вильгельмомъ Геннинымъ (въ письмѣ его къ адмиралу графу Ѳ. М. Апраксину отъ 3 января 1718 года [1]). Рябовъ первый вылѣчился этими водами отъ тяжкой болѣзни и въ послѣдствіи подалъ объ этомъ донесеніе императору Петру Великому, съ просьбою наградить его за это открытіе, который и подписалъ собственноручно на его просьбѣ: «За объявленіе сего, что первый знакъ лѣченія на немъ означился, освобождается онъ и домъ его съ землею, чѣмъ владѣетъ, отъ всякихъ работъ и податей на мѣдныхъ заводахъ. Въ 22 марта 1720 года.

Петръ.»

Открытіе этихъ водъ надѣлало въ свое время много шуму и обѣщало блестящую будущность пустынной Олонецкой губерніи. Петръ Великій, нѣкогда лѣчившійся Пирмонтскими и Спаaскими водами и получившій облегченіе отъ болѣзни, съ восторгомъ выслушалъ извѣстіе объ открытіи Кончезерскихъ водъ, потому что оно осуществляло давнюю его мысль отыскать въ Россіи минеральные источники, чтобы подданные его не нуждались въ поѣздкахъ за границу для лѣченія. Поэтому онъ самъ желалъ

---

[1]) *Горный Журналъ*, 1826, кн. 2, стр. 151.

испытать Кончезерскую воду и 26 октября 1717 года послалъ лейбъ-медика своего Лаврентія Блюментроста изслѣдовать ее химически и терапевтически и, получивъ благопріятный отзывъ, самъ отправился туда 19 января 1719 года со всѣмъ дворомъ, предварительно приказавъ построить дворецъ у минеральнаго ключа по данному имъ плану. Онъ пилъ воду зимою, вмѣсто прогулокъ на воздухѣ, бывшихъ невозможными по причинѣ глубокихъ снѣговъ, играя на биліардѣ и работая за токарнымъ станкомъ. Въ мартѣ слѣдующаго 1720 года онъ опять лѣчился этими водами и былъ увѣренъ, что онѣ ничѣмъ не хуже Пирмонтскихъ и Спаа. Ими лѣчились также съ успѣхомъ архіатеръ Робертъ Эрскинъ, лейбъ-медикъ Л. Блюментростъ и многіе другіе въ теченіе послѣднихъ лѣтъ Петрова царствованія.

Еще при первомъ употребленіи Олонецкихъ минеральныхъ водъ Петръ Великій издалъ слѣдующій *указъ, 20 марта 1719 года*, на составленныя для употребленія ихъ докторскія правила:

«Понеже Господь Богъ по своей къ намъ милости здѣсь такую цѣлебную воду явить благоволилъ (которая прежде незнаема была), которую не только многіе больные исцѣленіемъ своимъ освидѣтельствовали, но и мы сами своею фамиліею и многихъ знатныхъ персонъ присутствіемъ и употребленіемъ оныхъ водъ всѣ пользу получили, и могу сказать, что паче другихъ водъ, которыя мы двои, а именно Пирмонтскія и Шпаданскія употребляли, отъ сихъ пользу получили, того рада повелѣли мы вышепомянутыя правила дохтурамъ написать, какъ оныя воды употреблять и какой порядокъ въ житьѣ и въ употребленіи пищи и питья содержать, дабы невѣдѣніемъ, вмѣсто пользы, паче траты здоровью своему кто не принесъ и тѣмъ бы сей отъ Бога дарованный даръ хулы отъ неразсужденія простыхъ людей не воспріялъ; буде же кто отъ упрямства своего сихъ регулъ хранить не станетъ, и такихъ до употребленія тѣхъ водъ допускать не велѣть».

«О марціальныхъ водахъ объявленіе.

О лечительныхъ водахъ сысканныхъ на Олонцѣ, а отъ какихъ болѣзней и какъ при томъ употребленіи поступать, тому дохтурское опредѣленіе, такъ же и указъ Его Царскаго Величества на оныя дохтурскія правила, и оное все слѣдуетъ ниже сего.

Понеже оныя воды исцѣляютъ различныя жестокія болѣзни, а именно цынготную, ипохондрію, желчь, безсильство желудка, рвоту, понось,

почечуйную, каменную, ежели песокъ или малые камни и оные изъ почекъ гонятъ, отъ водяной, когда оная зачинается, отъ запору мѣсячной крови у женъ, отъ излишняго кровотеченія у оныхъ, отъ эпилепсіи, выгоняютъ глисты, также лечатъ килы и отъ прочихъ болѣзней великую силу имѣютъ, и ежели кто добрымъ порядкомъ, съ воздержаніемъ въ пищѣ и питіи, будетъ ихъ употреблять, то совершенно можетъ исцѣленіе получить, а когда безъ порядка кто будетъ ихъ употреблять, съ худою пищею и питіемъ, также и не во время, то не токмо пользу какую получитъ, но еще вящшее поврежденіе здоровью своему и болѣзнь наведетъ. И для того Его Царское Величество, всемилостивѣйшій императоръ, милосердствуя къ своимъ подданнымъ яко отецъ, надлежащіе регулы о употребленіи оныхъ водъ доктурамъ при своемъ бытіи и употребленіи оныхъ написать всемилостивѣйше указалъ и объявить для свѣдѣнія въ народъ, чтобъ всякъ свѣдомъ былъ, какъ оныя воды употреблять, дабы непорядочнымъ употребленіемъ оныхъ не былъ никто своему здоровью повредитель».

«Правила дохтурскія: какъ при оныхъ водахъ поступать:

1. По пріѣздѣ къ тѣмъ водамъ надлежитъ нѣсколько дней отдохнуть, а паче когда кто изъ дальняго пути пріѣдетъ, и потомъ отъ пребывающаго тамъ придворнаго лекаря проносное лекарство повиненъ принять и впредь съ его совѣту во всемъ поступать.

2. По принятіи проноснаго лекарства надобно на другой день зачать пить воду такимъ образомъ, какъ отъ лекаря будетъ указано, и потомъ на всякій день ихъ пить, какъ лекарь разсудитъ, сколько надобно, усматривая по силѣ болѣзни каждаго человѣка.

3. Надлежитъ тѣ воды по утрамъ рано употреблять такимъ образомъ, чтобъ въ 2 или 3 часа опредѣленную мѣру, которую въ тотъ день выпить надлежитъ, скончать, и потомъ конечно еще 3 часа не обѣдать, а что болѣе кто не пообѣдаетъ, то лучше.

4. Въ то время когда тѣ воды кто пьетъ не надлежитъ лежать и сидѣть, но надобно сколько можно ходить, чтобъ движеніемъ хожденія дѣйству водъ вспомогать, однакожъ примѣчать, дабы отъ ходьбы не лишнее потѣть и для того не гораздо скоро ходить.

5. Послѣ окончанія питія водъ обѣдать (какъ выше помянуто), а предъ обѣдомъ чарку водки тѣмъ которые обыкли, или которымъ смутится, выпить позволяется, а особливо анисовой, а за обѣдомъ рюмки двѣ вина бургунскаго, или рейнвейну, или легкаго вина французскаго (которое на-

зывать обыкли рейнскимъ) мочно выпить; также отъ жажды полпива или легкаго самаго пива пить по малу не запрещается; а которые для скудости рейнвейну, бургунскаго, французскаго не имѣютъ, тѣмъ другую чарку водки выпить позволяется, а не больше; а квасу, кислыхъ щей, такожде браги весьма запрещается.

6. Равнымъ же образомъ надлежитъ себя хранить и въ пищѣ, а именно за обѣдомъ студенаго ничего не ѣсть, но надобно сперва похлебки ѣсть и потомъ жаркое, а именно употреблять баранину, телятину, говядину, куры, зайцы, оленина, что вольно въ ухѣ и въ жаркомъ употреблять, также яйца свѣжія въ смятку, а печеныхъ и которыя твердо варены запрещается.

7. Насупротивъ же того нижеписанныя непотребныя пищи весьма запрещается вкушать: всякое соленое, кислое и копченое мясо, такожде всякія, какъ соленыя, такъ и свѣжія рыбы, молоко, масляное кушанье, огурцы, капуста, рѣпа, чеснокъ, лукъ, рѣдька, грибы, грузди, которые въ употребленіи тѣхъ водъ дѣлаютъ великой вредъ, а наипаче лѣтомъ землянику, черницу и прочія ягоды, или горохъ, бобы, морковь и прочіе овощи ѣсть такожде весьма запрещается, какъ свѣжіе такъ и соленые.

8. По вечерамъ ужинать понемногу позволяется, однако такъ, чтобы послѣ ужина часа два или три еще не спать; а лучше тому воды будутъ дѣйствовать, кто не будетъ ужинать.

9. Послѣ обѣда вовсе спать запрещается. Промежъ обѣдомъ и ужиномъ отъ крайней жажды стакана два или три полпива или легкаго пива выпить можно; а ежели у кого полпива или легкаго пива нѣтъ, тому тоежъ лекарственную воду отъ жажды пить позволяется.

10. Буде у кого тѣ воды остановятся, что на низъ или мочею не будутъ дѣйствовать, то лекаря спроситься надобно и съ его позволенія и совѣту, что прикажетъ, или какое лекарство дастъ, такъ и дѣлать.

11. Когда окончается употребленіе водъ по совѣту лекареву, то проносное отъ него взять надлежитъ, и потомъ нѣсколько дней отдохнуть до отъѣзду надобно, а за лекарства настоящую цѣну платить помянутому лекарю, что надлежитъ.

12. Сіе все въ употребленіи тѣхъ водъ весьма хранить и ради своего здоровья по окончаніи питья тѣхъ водъ еще по послѣдней мѣрѣ три или четыре недѣли такимъ же образомъ въ пищѣ и питьѣ каждому себя содержать, ибо по отпитіи водъ болѣе дѣйство отъ оныхъ бываетъ и человѣку послышится, нежели во время питья, и для того зѣло вышеписанное время себя хранить надлежитъ, и почитай пуще.

13. Время питія водъ лѣтомъ въ іюнѣ и въ іюлѣ, а именно когда теплые дни; зимою съ половины января, февраль весь и мартъ до половины, когда морозы, ибо тѣ воды дѣйствительны суть въ жары и морозы, а весною и осенью не дѣйствительны, для того что отъ тали или отъ дождей другая вода примѣшается и оную испортитъ. Во время же питія водъ, также и по отпитіи оныхъ, зимою и осенью надобно отнюдь изъ избы не выходить и стужи весьма беречься, ибо уже нынѣ при присутствіи Его Царскаго Величества опытъ тому былъ, которые выходили, тѣ долго гортанью и грудью болѣли.»

Въ подтвержденіе полезнаго дѣйствія Кончезерскихъ водъ опубликованы были въ тоже время слѣдующія наблюденія хирурга Равенеля, сдѣланныя въ январѣ 1817 года:

«1. Барабанщикъ Нижегородскаго драгунскаго полка Иванъ Шараповъ, который имѣлъ кровавый поносъ шесть мѣсяцевъ, отъ чего зѣло изнемогъ и былъ безсиленъ, къ томужъ и цвѣтъ въ лицѣ измѣнился и сталъ блѣденъ и отъ 27 числа января тѣхъ водъ повседневно до 18 февраля пилъ и получилъ себѣ отъ того полное здравіе.

2. Еще нѣкая жена Елена Анцыферова, 50 лѣтъ, у которой была близь шести годовъ болѣзнь въ діафрагмѣ и въ непрестанномъ тоскованіи, у ней же была скорбь въ головѣ, такожъ и въ хребтѣ; къ тому же имѣла многія себѣ безпокойства; и когда помянутой воды нѣсколько дней пила и стало ей быть многимъ легче и получила доброе вкушеніе и желаніе къ ѣствѣ и ко сну, спокойство и умаленіе во всей болѣзни.

3. Семенъ Лихачевъ, солдатъ Олонецкаго батальона, имѣлъ шесть мѣсяцевъ зѣло изнемогущій стомахъ и болѣзнь въ утробѣ и удушье, и все тѣло его было желто, и когда 18 дней оной воды пилъ и получилъ себѣ совершенное здравіе.

4. Иванъ Корниловъ, солдатъ того же батальона, нѣсколько недѣль одержанъ былъ жестокою болѣзнью, и когда нѣсколько дней оной воды пилъ, и цвѣтъ отъ желтости премѣнился, и получилъ себѣ прежнее здравіе.

5. Иванъ Елисеевъ имѣлъ нѣкакую въ правомъ боку изнутри жестокость три года и не малое колотье въ лѣвомъ холкѣ, и когда оной воды нѣсколько дней пилъ и та жестокость изошла вся и не услышалъ болѣе болѣзни.

6. Леонтій Ларіоновъ Сапожниковъ, солдатъ того же батальона, вредимъ былъ не малое время проносомъ съ тяжелою болѣзнію въ утробѣ, и когда 10 дней помянутой воды пилъ и исцѣлился.

7. Ехомъ Фридрихъ Киріамъ, шпикарнаго дѣла мастеръ, не имѣлъ цѣлый годъ въ ѣствѣ вкусу и во всякихъ пищахъ противность, къ тому же была во всѣхъ составахъ тягость великая и нощныя безпокойства, и въ лицѣ цвѣтъ блѣдной, и когда нѣсколько дней оной воды пилъ, получилъ въ пищѣ вкушеніе и ко сну упокойство и сила повседневно стала умножаться.

8. Панфилъ Пономаревъ, Олонецкаго же батальона солдатъ, три недѣли скорбѣлъ кровавымъ поносомъ съ великою болѣзнью въ утробѣ, и когда нѣсколько дней оной воды пилъ, исцѣлился.

9. Къ тому же и иные многіе, которые имѣли малыя различныя болѣзни, оной воды по нѣскольку дней пили, получили здравіе.

10. Сила Царской, школьникъ изъ дворянскихъ дѣтей, изъ малыхъ лѣтъ имѣлъ запоръ въ уринѣ и болѣзнь въ подбрюшьѣ и въ почкахъ, а оная болѣзнь приходила во всякой мѣсяцъ и въ полтора мѣсяца и держала 10 и 12 и по 15 дней съ великою болѣзнію побужденъ былъ лежать по вся мѣсяцы; но понеже я ему далъ 5 гранъ въ первые, во второй день по 10 гранъ съ марціальною водою соли, которая соль сдѣлана изъ той марціальной воды, и отъ того съ помощію Божіею болѣзнь прошла.

Февраль 28 дня.»

Въ старыхъ дѣлахъ упоминается еще о благопріятныхъ наблюденіяхъ лѣкаря Ремуса, относящихся къ этому же времени: онѣ записаны, вмѣстѣ съ Блюментростовымъ изслѣдованіемъ Кончезерскихъ водъ, въ книгѣ бывшаго при Аннѣ Ивановнѣ архіятера Іог. Христ. Ригера: *Introductio in notitiam rerum naturalium et arte factarum, quarum in medicina usus est.* Hagae, 1743.

И такъ *первое изслѣдованіе* Кончезерскихъ желѣзныхъ водъ принадлежитъ Л. Блюментросту [1]), и его рекомендаціи, вмѣстѣ съ патріотическимъ желаніемъ Петра Великаго отыскать свои минеральныя воды, которыя могли бы избавлять русскихъ отъ поѣздокъ для лѣченія за границу, эти воды обязаны были временною, но громкою своею славою. Петръ Великій былъ увѣренъ въ ихъ будущности и всѣми мѣрами старался упрочить ихъ извѣстность и поддержать ее. Но по смерти его энтузіазмъ почитателей ихъ сталъ понемногу охладѣвать и наконецъ онѣ со-

[1]) Открытіе этихъ водъ и употребленіе ихъ Петромъ Великимъ описано г. Н. Самойловымъ, въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: *Петръ Великій на марціальныхъ водахъ.* Спб. 1852.

всѣмъ почти забылись. Лѣкарская вакансія тамъ упразднена; зданія разрушились и пріѣздъ туда какихъ либо больныхъ для лѣченія сдѣлался совершенною рѣдкостью. Такъ прошло 25 лѣтъ, уничтожившихъ всѣ надежды, возбужденныя нѣкогда въ Олонецкомъ краѣ покровительствомъ Петра Великаго.

Но эти надежды нѣсколько оживились-было (хотя не на долго, какъ увидимъ ниже) съ восшествіемъ на престолъ дочери Петра Великаго императрицы Елисаветы Петровны. Сознавая величіе генія отца своего, эта государыня поставила себѣ задачею царствованія возстановить порядокъ управленія, заведенный имъ во всѣхъ частяхъ и отмѣненный или забытый его преемниками. Она всѣми силами старалась поддержать и развить тѣ учрежденія, которыя оставлены были Петромъ только въ зачаткахъ или въ невыполненныхъ предположеніяхъ. Она также довѣряла силамъ и будущности Россіи, какъ и великій отецъ ея. Къ сожалѣнію у нея не было такихъ исполнителей, особенно въ началѣ ея царствованія, какіе были у Петра, а тѣ, которые были, не раздѣляли ея образа мыслей.

Медицинское управленіе съ ея воцареніемъ перешло въ руки любимца ея Германа Лестока. На другой день послѣ восшествія ея на престолъ, именнымъ указомъ 26 ноября 1741 года, Германъ Лестокъ, »за его особливыя оказанныя вѣрныя и давныя услуги и чрезвычайное искуство«, пожалованъ первымъ лейбъ-медикомъ въ рангѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и назначенъ главнымъ директоромъ надъ медицинскою канцеляріею и всѣмъ медицинскимъ факультетомъ, съ жалованьемъ по 7000 рублей въ годъ, а въ 1744 году возведенъ въ графское достоинство Римской Имперіи [1]). Можетъ быть личныя заслуги этого человѣка императрицѣ были дѣйствительно велики, потому что два года служилъ онъ ея матери и четырнадцать лѣтъ ей самой гофъ-хирургомъ съ скромнымъ жалованьемъ сперва по 144 рубля (въ 1717 году), потомъ по 240 рублей

---

[1]) Онъ подписывался сперва просто *Lèstocq*, потомъ *Graf Lèstocq* и только на контрактахъ, заключавшихся за границею и обыкновенно писавшихся по-французски—*Comte de Lèstocq*. Въ формальныхъ опредѣленіяхъ Медиц. Канцеляріи, писавшихся при немъ довольно часто на русскомъ языкѣ, титуловался онъ *рейхсъ графомъ господиномъ Германомъ Лестокомъ*.

(въ 1720 году) и наконецъ по 400 рублей (съ 1726 года) въ годъ и при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ за преданность цесаревнѣ всякій день рисковалъ прокатиться къ Уралу, ловко маскируясь необузданною вѣтренностію, картежною игрою и долгами: по возвышенія его въ первые лейбъ-медики съ 7 тысячнымъ жалованьемъ и даже пожалуй въ графы было совершенно достаточно для вознагражденія всѣхъ заслугъ его; назначеніе же его директоромъ «всего медицинскаго факультета въ Россіи» было большою ошибкою. Онъ былъ ловкій придворный, веселый собесѣдникъ, но едва ли знающій и искусный медикъ (сдѣлавшись первымъ лейбъ-медикомъ и графомъ онъ никогда уже не лѣчилъ императрицу), и вовсе неспособный правитель, не имѣвшій понятія о своей новой должности. Получивъ эту должность въ награду, онъ и считалъ ее наградою, не заботясь о налагаемыхъ ею обязанностяхъ. Правда, она льстила ему и онъ пользовался ею всякій разъ, когда имѣлъ случай высказать свое значеніе: такъ было, когда онъ гордо заступался передъ Адмиралтействъ-Коллегіею за морскаго медика въ Архангельскѣ Аренсона, обиженнаго портовымъ командиромъ, или въ дѣлѣ по доносамъ Шпекла на медиковъ генеральнаго Спб. сухопутнаго госпиталя; но въ сущности онъ скучалъ этими мелочами и старался отъ нихъ избавиться подъ разными благовидными предлогами. Съ этой цѣлью онъ вызвалъ изъ Переяславля въ Петербургъ генеральнаго штабъ-доктора Украинскаго корпуса Павла Захаровича Кондоиди и 21-го февраля 1742 года (т. е. черезъ три мѣсяца послѣ назначенія своего въ должность директора Медицинской Канцеляріи), уѣзжая въ Москву съ дворомъ на коронацію, формально поручилъ ему управленіе Конторою Медицинской Канцеляріи, съ тѣмъ чтобъ онъ представлялъ ему въ Москву на резолюцію тѣ только дѣла, рѣшенія которыхъ самъ произвести не возможетъ, о чемъ и сообщено было Сенату, Адмиралтейской и Военной Коллегіямъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ предоставилъ большую часть дѣлъ Медицинской Конторѣ, т. е. Кондоиди, запретивъ требовать всякій разъ особливыхъ указовъ. Да и когда ему было думать о медицинскихъ дѣлахъ, когда все его время поглощено было безпрерывными переѣздами изъ Петербурга въ Москву и обратно, заботами о сохраненіи своего положенія при дворѣ и запутываніемъ

и распутываніемъ придворныхъ интригъ, которыя наконецъ и погубили его.

Императрица Елисавета Петровна ненавидѣла все, что напоминало царствованіе Анны Ивановны и, смѣнивъ архіятера Бернгардта Фишера, уничтожила даже титулъ архіятера, чтобы изгладить всю память прошлаго, не смотря на то, что этотъ титулъ учрежденъ отцомъ ея: она не хотѣла поддерживать тѣхъ даже петровыхъ учрежденій, которыя не удостоились чести быть истребленными Бирономъ и его клевретами. Но съ отмѣною названія не измѣнилась сущность дѣла. Какъ архіятеры осуществляли понятіе центральныхъ и неограниченныхъ правителей всѣхъ медицинскихъ дѣлъ въ имперіи, медицинскихъ министровъ, такъ и деректоры Медицинской Канцеляріи (состоявшей изъ двухъ департаментовъ, подъ названіемъ Мед. Конторъ, въ Петербургѣ и Москвѣ) сохранили туже неограниченную и безконтрольную власть въ медицинскихъ дѣлахъ всей имперіи, хоть и не назывались уже архіятерами. Постъ этотъ былъ не по силамъ и главное не по наклонностямъ Лестока, и въ управленіе его ни что не улучшилось въ состояніи русскаго «медицинскаго факультета».

Преемникомъ Лестока въ управленіи медицинскою частію въ Россіи былъ Германъ Каау Бургаавъ (Herman Kaau Boerhaave), дѣйствительный лейбъ-медикъ императрицы Елисаветы Петровны, племянникъ знаменитаго голландскаго Германа Каау Бургаава, современника Петрова. Онъ вызванъ былъ къ русскому двору изъ уваженія къ дядѣ его, архіятеромъ Фишеромъ, въ правленіе принцессы Анны Леопольдовны (Брауншвейгъ-Люнебургской) по контракту, и 20-го августа 1741 года данъ былъ указъ выдать изъ соляной суммы Коммисаріата, впредь до разсчету, купцу Динглію на отправленіе въ Голландію 600 рублей. Эти деньги выговорены были по контракту [1]) на проѣздъ Г. К.

---

[1]) Въ указѣ, данномъ оберъ-гофмаршалу графу Левенвольду 18-го августа 1741 года, сказано, что Г. К. Бургааве вызванъ къ русскому двору гофъ-медикомъ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Онъ будетъ получать по 2000 р. ежегоднаго жалованья или 5000 гульд. голланд. монетою, считая со дня отъѣзда его къ русскому двору;

2) ему дана будетъ квартира съ дровами и свѣчами и карета съ лошадьми

3) имѣть будетъ вольность повсюду лѣчить, токмо исполняя безъ упущен-

Бургаава изъ Гаги въ С.-Петербургъ и въ послѣдствіи уплачены были Медицинскою Канцеляріею. Бургаавъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ апрѣлѣ 1742 года и тотчасъ же отправился въ Москву къ коронаціи императрицы [2]). Медленности выѣзда своего изъ Голландіи обязанъ онъ тѣмъ, что ни императрица Елисавета, ни Лестокъ, ни весь новый Дворъ не имѣли противъ него никакихъ предубѣжденій, хотя онъ вызванъ былъ въ Россію падшею правительницею. Вскорѣ онъ произведенъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а послѣ ареста Лестока назначенъ первымъ лейбъ-медикомъ императрицы Елисаветы Петровны и директоромъ Медицинской Канцеляріи, слѣдующимъ именнымъ указомъ 6-го декабря 1748 года:

Во всевысочайшемъ уваженіи искуства, прилежанія и трудовъ, съ каковыми дѣйствительный статскій совѣтникъ Германъ Каау Бургаавъ о Ея Императорскаго Величества и императорской Е. В. Фамиліи здравіи неутомленное вѣрно ревностное бдѣніе имѣлъ, Е. И. В. всемилостивѣйше жалуетъ его Е. И. В. тайнымъ совѣтникомъ и притомъ опредѣляетъ его Е. И. В. первымъ лейбъ-медикусомъ и главнымъ директоромъ надъ Медицинскою Канцеляріею и всѣмъ медицинскимъ факультетомъ въ Е. И. В. имперіи, съ обыкновеннымъ притомъ жалованьемъ по семи

должность свою при дворѣ всегда, когда присутствіе его потребуется и больныхъ въ призрѣніи своемъ имѣть будетъ;

4) столъ при дворѣ имѣть будетъ;

5) при отъѣздѣ изъ Голландіи получить имѣетъ 600 р. или 1500 гульд. голландскою монетою, на проѣздъ сухимъ путемъ и съ кондиціею чтобы онъ съ собою письма умершаго Германа Бургааве привезъ, которыя въ его рукахъ будутъ. Отъѣхать ему Бургааве сюда какъ скоро возможно, по большой мѣрѣ въ мѣсяцъ по полученіи оного контракта.

6) Оный контрактъ 4 года продолжаться имѣетъ.

[2]) Курьеромъ и проводникомъ ему туда, для русскаго языка, данъ солдатъ Медиц. Канцеляріи Илья Гавенскій. В. Рихтеръ, въ своей *Исторіи медицины въ Россіи* (ч. III, стр. 412), несправедливо говоритъ, будто Бургаавъ былъ вызванъ въ Россію въ 1740 году по одобренію лейбъ-медика Рибейро Санхеса; во первыхъ Рибейро Санхесъ въ 1740 году 3 марта былъ пожалованъ гофъ-медикомъ только (съ жалованьемъ не по 3000 р., какъ сказано у Рихтера (тамъ же стр. 263), а по 1500 р. и съ добавочными 500 р. вмѣсто стола, квартиры, дровъ и экипажа отъ Двора, оставаясь въ тоже время докторомъ Шляхетнаго кадет. корпуса, а въ лейбъ-медики пожалованъ уже послѣ вызова Бургаава, 5 ноября 1741 года, при чемъ на его мѣсто опредѣленъ въ Шляхетный кад. корпусъ докторъ Брухъ; во-вторыхъ это опровергается вышеприведеннымъ указомъ, даннымъ гофмаршалу Левенвольду, и всѣми оффиціальными бумагами.

тысячъ рублей на годъ, которое давать ему изъ Статсъ-Конторы, включая во оное получаемыя имъ нынѣ три тысячи рублей, при чемъ ему свободная квартира и отъ двора карета и лошади съ потребными къ тому служители давана быть имѣетъ, о чемъ Сенату куда надлежитъ потребные указы послать, а его Бургаава въ семъ новомъ чинѣ къ присягѣ привесть. Впрочемъ онъ въ единственномъ Е. И. В. вѣдѣніи состоять и прямо отъ Е. И. В. повелѣній зависѣть имѣетъ.»

Г. К. Бургаавъ представлялъ образецъ хитраго царедворца. скоро понимавшаго людей, съ которыми имѣлъ дѣло, и отлично умѣвшаго играть ихъ страстями для своихъ личныхъ цѣлей. Онъ льстилъ Лестоку, когда тотъ былъ въ силѣ, и умѣлъ дѣлать изъ него что угодно; въ тоже время онъ заискивалъ расположеніе приближенныхъ императрицы и пріобрѣлъ его безъ большаго труда. Достигнувъ высшей степени, на которую могъ только претендовать, Лестокъ пересталъ быть медикомъ и всѣ заботы о здоровьи императрицы и лѣченіи ея въ случаяхъ нездоровья предоставилъ Бургааву; чрезъ это онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе приближалъ его къ императрицѣ, между тѣмъ какъ самъ постепенно отъ нея отдалялся, безразсудно воображая себя призваннымъ къ политическимъ дѣламъ. Бургаавъ искусно воспользовался своимъ положеніемъ и наконецъ совершенно оттѣснилъ Лестока, такъ что приближенные къ императрицѣ задолго еще до паденія послѣдняго видѣли въ лукавомъ голландцѣ несомнѣннаго ему преемника.

Но занявъ этотъ высокій постъ, Г. К. Бургаавъ заботился о своихъ обязанностяхъ не болѣе Лестока. Можетъ быть даже, что онъ и не могъ объ нихъ заботиться, потому что безотлучно долженъ былъ находиться при дворѣ, куда бы онъ ни отправился. По этому чѐрезъ недѣлю послѣ вступленія въ должность (15 декабря 1748), Бургаавъ за отъѣздомъ въ Москву поручилъ Петербургскую Медицинскую Контору въ управленіе доктору Якову Гриву (Jacob Grieve), исправлявшему кромѣ того должность штадтъ-физика, а потомъ формально назначилъ его помощникомъ себѣ (medicus consiliarius) въ управленіи Медицинскою Канцеляріею, съ оставленіемъ въ должности штадтъ-физика, съ жалованьемъ по 1200 р. въ годъ. Въ слѣдующемъ году (13 августа 1751 года) онъ назначилъ себѣ другаго помощника въ управленіи дѣлами Медицинской Канцеляріи,

именно Московскаго штадтъ-физика д-ра Іоганна Якова Лерхе, тоже съ званіемъ medici consiliarii и съ такимъ же жалованьемъ, какъ и Гривъ, причемъ Лерхе переведенъ былъ въ С.-Петербургъ, а Гривъ въ Москву. Жалованье этимъ лицамъ положено было (кромѣ того, которое слѣдовало по должности штадтъ-физиковъ) изъ экстренныхъ суммъ, опредѣленныхъ по указу 11 декабря 1744 года на содержаніе при Медицинской Канцеляріи особаго доктора, знающаго канцелярскія дѣла, «въ помощь главному командиру.» Такимъ образомъ медицинское управленіе раздѣлилось между двумя лицами, которыя однакоже должны были дѣлать дѣла отъ имени главнаго директора. Но эти два дряхлые старика, въ свою очередь, предпочитали тоже ничего не дѣлать и предоставили все секретарямъ медицинскихъ конторъ: тогда-то начались блаженныя времена славы и самоуправства Василія Правдина въ Москвѣ, а въ С.-Петербургѣ Федора Голдобина, Ивана Варинга и Василья Богданова, времена лихоимства, продажности мѣстъ и званій и самаго невѣроятнаго подъячества.

Г. К. Бургаавъ мало заботился о существовавшемъ при немъ порядкѣ вещей и, кажется, даже потворствовалъ ему, потому что онъ не зналъ Россіи и не любилъ ея, а еще менѣе любилъ русскихъ. Пріѣхавъ въ Россію потому только, что надѣялся быстро обогатиться, онъ ни о чемъ больше не думалъ, кромѣ личныхъ выгодъ. Зная о высокомъ положеніи Лестока при русскомъ дворѣ, онъ сначала даже и не мечталъ о пріобрѣтеніи власти и политическаго значенія въ нашемъ отечествѣ; но когда по пріѣздѣ присмотрѣлся къ ходу дѣлъ, то не могъ уже не замѣтить, что при ловкости и отвагѣ здѣсь все возможно и что Лестокъ совсѣмъ не такъ крѣпокъ на своемъ мѣстѣ, какъ казалось прежде. Однакожъ есть историческія доказательства, что онъ добивался власти не для власти. Въ сношеніяхъ своихъ съ Сенатомъ и Военною Коллегіею онъ является уклончивымъ, терпѣливымъ и даже очень податливымъ, противоположно тому, какъ поступали предшественники его Фишеръ и Лестокъ. Къ какой же цѣли стремился онъ, добиваясь власти?—къ деньгамъ и скорому обогащенію, къ эксплуатированію архіатерской должности.

Самый первый шагъ на русскую землю сопровождался денежною претензіею: прибывъ изъ Гаги въ Москву, онъ подалъ запи-

скý, что курсъ русскихъ рублей ниже курса голландскихъ гульденовъ, а потому выданные ему на проѣздъ 600 рублей не соотвѣтствуютъ 1500 голл. гульденовъ: по этому и просилъ доплатить недочетъ. Къ этому онъ прибавилъ, что пріѣхавъ изъ Голландіи въ Петербургъ, онъ не обязанъ былъ тотчасъ же ѣхать въ Москву и просилъ также выдать ему вознагражденіе и за эту поѣздку. За тѣмъ, утвердившись самъ на мѣстѣ, онъ началъ думать о томъ, какъ бы надежнѣе окружить себя и принялся вызывать въ Россію и пристроивать своихъ родственниковъ и земляковъ-пріятелей. Такъ вскорѣ послѣ своего пріѣзда, онъ чрезъ Лестока выписалъ изъ Гаги своего роднаго брата Абрагама Каау Бургаава, и не смотря на то, что тотъ былъ совершенно глухъ, упросилъ Лестока опредѣлить его главнымъ докторомъ и професоромъ въ Спб. генеральный адмиралтейскій госпиталь (18 мая 1746) съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ, откуда онъ вскорѣ перечисленъ былъ, по представленію графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, въ Спб. Академію Наукъ, на мѣсто умершаго доктора Вейтбрехта, «для распространенія науки анатомической и физіологической, какъ по штату и регламенту Академіи положено» (7 ноября 1747 [1]), а на его мѣсто опредѣленъ

---

[1]) Графъ Лестокъ пригласилъ Каау Абрагама Бургаава въ русскую службу письмомъ отъ 21 декабря 1745 года, которое начиналось такъ: «L'éternelle renommée de feu Mr. Votre oncle et Vos propres mérites, que Vous avez fait si avantageusement connaitre au publique par les livres que Vous avez lui donnés, etc.» Онъ приглашался для исправленія должности профессора теоретической и практической медицины и фармаціи въ обоихъ столичныхъ госпиталяхъ для госпитальныхъ учениковъ, и для исправленія должности доктора въ Адмиралт. госпиталѣ, съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ, готовою квартирою и двумя служителями на казенномъ содержаніи, и наконецъ съ увѣреніемъ, что «la dite station sera stable et fixe sans qu'il sera obligé de changer la station ou de se transporter et employer ailleurs, à moins que ce soit avec son agrément et bonne volonté.» Контрактъ подписанъ 18 марта 1746 г. Лестокомъ и Г. К. Бургаавомъ (по довѣренности отъ брата) на 5 лѣтъ, считая со дня выѣзда его изъ Голландіи, и состоялъ изъ 12 пунктовъ. Получивъ на проѣздъ 100 рублей, Абр. К. Бургаавъ пріѣхалъ въ Спб. 14 апрѣля 1746 г. и 29 тогоже мѣсяца утвержденъ въ должностяхъ своихъ по контракту. Но оставалось устранить еще одно затрудненіе: онъ былъ глухъ, а между тѣмъ могъ быть призываемъ по дѣламъ въ Адмир. Коллегію. Для устраненія этого неудобства, подъ предлогомъ незнанія русскаго языка, его освободили отъ обязанности являться въ Адмир. Коллегію и для того 10 сентября прикомандировали къ нему собственно для этой цѣли, «пока россійскаго языка навыкнетъ», въ медицинѣ знающаго

докторомъ въ адмиралтейскій госпиталь докторъ Украинскаго корпуса Унгебауеръ. Въ послѣдствіи это мѣсто опять досталось родственнику Бургаава, именно зятю его доктору Карлу Фридриху Крузе (30 іюня 1750 года), при чемъ Унгебауеръ переведенъ тѣмъ же званіемъ въ генеральный сухопутный Спб. госпиталь [1]), а еще позже (1753) другому голландцу—Павлу Гіонгіосси де Петтени (Paulus Gyongyossi a Petteny), пріятелю Абр. Бургаава.

человѣка, младшаго доктора Спб. генер. сухоп. госпиталя Ивана Антоновича Де-Тейльса, московскаго уроженца и слѣдовательно знакомаго съ русскимъ языкомъ, но учившагося въ Голландіи; при этомъ послѣднему приказано и жить въ Адмир. госпиталѣ, съ тѣмъ, что если потребенъ будетъ для медицинскихъ дѣлъ докторъ въ Адмир. Коллегіи, то требовали бы Де-Тейльса, а не Бургаава. Вскорѣ однакожъ распоряженіе о прикомандированіи Де-Тейльса къ Бургааву было отмѣнено (12 января 1747), потому что исправленіе медицинскихъ дѣлъ въ Адмир. Коллегіи предоставлено было флотскому доктору Д. Синопеусу, жившему въ Петербургѣ, и Де-Тейльсъ возвращенъ въ генерал. сух. Спб. госпиталь на свое мѣсто.

[1]) Въ русской службѣ былъ еще третій Германъ Бургаавъ, не родственникъ, но землякъ этихъ двухъ братьевъ. Это былъ Германъ Бургаавъ Давидъ Гортеръ (H. Kaau Boerhaave de Gorter), третій лейбъ-медикъ императрицы Елисаветы Петровны, замѣчательный тѣмъ только, что по пріѣздѣ его въ Петербургъ дано ему право свободной практики въ Россіи особымъ именнымъ указомъ императрицы, безъ экзамена, противъ общаго закона. Дѣло было вотъ какъ. По именному указу императрицы Елисаветы Петровны, данному Прав. Сенату 8 сентября 1754, приняты въ русскую службу приглашенные посланникомъ нашимъ въ Голландіи графомъ Головкинымъ изъ Гардервикской Академіи, по контратку на 4 года, архіятеръ и профессоръ медицины Иванъ Гортеръ (Johann de Gorter) и сынъ его, докторъ медицины и философіи и профессоръ ботаники и медицины Германъ Бургаавъ Давидъ Гортеръ (H. B. David de Gorter), первый вторымъ лейбъ-медикомъ, съ жалованьемъ по 5000 рублей или 12500 голл. гульденовъ, а послѣдній третьимъ лейбъ-медикомъ съ жалованьемъ по 4000 р. или 10000 голл. гульденовъ въ годъ. Условія, на которыхъ они согласились поступить въ русскую службу, такъ притязательны и показываютъ такое корыстолюбіе и надменность, что кажутся нынѣ едва вѣроятными: однакоже графъ Головкинъ подписалъ ихъ въ Гагѣ 9 іюля 1754 года. Такъ въ контрактѣ съ Гортеромъ-отцомъ сказано, что 1) онъ будетъ получать жалованья по 5000 рублей или 125000 голл. гульденовъ въ годъ, а еслибъ онъ умеръ въ русской службѣ (ему тогда было около 65 лѣтъ), то женѣ его будетъ выдаваема пожизненная пенсія по 1200 руб. или по 3000 голл. гульденовъ въ годъ—все равно останется ли она жить въ Россіи, или возвратится въ Голландію. 2) Таже пенсія будетъ выдаваема женѣ его и въ томъ случаѣ, еслибъ онъ умеръ въ дорогѣ, не доѣхавъ до Россіи. 3) Ежели бы русскій воздухъ оказался ему вреденъ и онъ остаться въ Россіи не захотѣлъ, то ему вольно возвратиться домой или въ иное выѣхать

Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны употребленіе минеральныхъ водъ въ Россіи распространилось весьма значительно; но всѣ воды были привозныя и получались частію чрезъ Гамбургъ, а частію (въ директорство Бургаава) чрезъ Амстердамъ. Былъ даже особый медикъ, постоянно жившій въ чужихъ краяхъ и переѣзжавшій съ мѣста на мѣсто, который назначалъ къ привозу въ Россію тѣ или другія воды. 18 августа 1750 года принятъ для этого въ русскую службу, съ жалованьемъ

мѣсто, и въ такомъ случаѣ ему давана будетъ пожизненная пенсія по 2500 руб. или 6250 голл. гульденовъ. 4) Онъ будетъ безпошлинно выписывать нужные ему припасы изъ чужихъ краевъ до 1000 гульденовъ, или же ему будетъ ежегодно выдаваема эта сумма для платежа самому пошлинъ. 5) На проѣздъ въ Россію ему дано будетъ единовременно 600 червонцовъ, а равно и на обратный путь, еслибъ онъ не захотѣлъ остаться въ Россіи. 6) Ему дозволена будетъ свобода вѣроисповѣданія. 7) Каждый день ему будетъ присылаема изъ дворцовой конюшни карета съ парою лошадей, а когда поѣдетъ съ дворомъ въ какой-либо увеселительный домъ, то давать карету съ шестью лошадьми, смотря на разстояніе одного мѣста отъ другаго, и въ такомъ случаѣ давать пристойную квартиру и столъ при дворѣ; а что до стола и квартиры въ городѣ, то дозволить ему такія же выгоды, какъ и прочимъ лейбъ-медикамъ. 8) Ему можно будетъ обучать и содержать коллегію въ наукахъ своихъ, такожъ и пользовать людей въ городѣ, ибо въ томъ никогда запрещенія не бывало.

Контрактъ съ Гортеромъ сыномъ былъ такого же содержанія съ тою разницею, что жалованья ему назначалось 4000 рублей или 10000 гульденовъ въ годъ; если же онъ захочетъ выѣхать изъ Россіи, то пожизненная пенсія въ 2000 р. или 5000 гульденовъ, а въ случаѣ его смерти въ русской службѣ вдовѣ его пожизненно пенсія въ 1000 руб. или 2500 гульденовъ.

Послѣ пріѣзда ихъ въ Петербургъ первое затрудненіе было въ присягѣ: они не знали нѣмецкаго языка и потому отказались присягать по нѣмецкимъ присяжнымъ листамъ. Тогда въ Юстицъ-Коллегіи отысканы были два латинскихъ листа, на которыхъ они и присягнули въ своей квартирѣ 22 октября 1754 года, вычеркнувъ при подпискѣ ихъ въ началѣ слова: *ejus que sanctum evangelium*, а въ концѣ листа слова: *ita verbum Dei per Jesum Christum enunciatum me sospitat,* на томъ основаніи, что реформатское исповѣданіе не допускаетъ этихъ фразъ. Когда присяжные листы съ помарками представлены были въ Медицинскую Канцелярію, то директоръ ея, Кондоиди, не призналъ ихъ законными, а равно не призналъ и присяги, произведенной въ своей квартирѣ (реформатская церковь была тогда закрыта временно по какому-то судебному дѣлу). Гортеры заупрямились было: но Кондоиди пригласилъ ихъ къ себѣ и объявилъ, что если не желаютъ присягнуть какъ присягаютъ всѣ христіане и при томъ въ Медицинской Канцеляріи, то принуждать ихъ никто не будетъ; но только отказъ ихъ будетъ сочтенъ равносильнымъ уничтоженію заключеннаго съ ними контракта. Этотъ аргументъ подѣйствовалъ и они присягнули во второй разъ въ Меди-

по 300 р. въ годъ, находившійся въ Голландіи докторъ Георгъ Томасъ Ашъ (G. Th. Asch), петербургскій уроженецъ, сынъ С.-Петербургскаго почтдиректора Аша, имѣвшій обязаностью отъ Медицинской Канцеляріи «разъѣзжать по разнымъ мѣстамъ нѣмецкой имперіи, гдѣ открываются цѣлительные колодези минеральныхъ водъ,» покупать и пересылать эти воды въ С.-Петербургъ, а также ѣздить по минеральнымъ водамъ въ Англіи (напр. въ Бристоль) и Франціи и оттуда также покупать и пересылать

цинской Канцеляріи 31 октября, по нѣмецкому присяжному листу безъ всякихъ помарокъ его.

Другое затрудненіе состояло въ пріобрѣтеніи права медицинской практики въ Россіи посредствомъ предписаннаго для иностранцовъ экзамена въ Мед. Канцеляріи. Гортеръ-отецъ былъ освобожденъ отъ него, какъ архіатеръ и профессоръ Гардервикской Академіи; но Гортеръ-сынъ не имѣлъ этихъ правъ и потому подлежалъ общему закону. Ему однакожъ не хотѣлось экзаминоваться, такъ что онъ предпочиталъ даже возвратиться на родину, чѣмъ подвергаться случайностямъ экзамена. Въ этихъ-то обстоятельствахъ данъ былъ Мед. Канцеляріи слѣдующій именной указъ:

«Всемилостивѣйше указали Мы нашего втораго лейбъ-медика Іоганна де-Гортера сыну, медицины доктору Герману Бургааве де Гортеру позволить по наукѣ и желанію своему имѣть свободную практику медическую, увольняя притомъ подлежащаго отъ оной Канцеляріи докторскаго экзамена, въ разсужденіи что отецъ его, означенный нашъ второй лейбъ-медикусъ, ему Герману собственно учителемъ и въ чинъ докторскій въ Гардервикской Академіи производителемъ былъ; прочимъ же безъ выписыванія прибывающимъ въ имперію нашу изъ чужихъ краевъ докторамъ сіе не въ примѣръ, но всякъ желающій имѣть въ государствѣ нашемъ вольную практику или и принятіе службы нашей, въ силу прежнихъ указовъ неизъемлемо отъ Канцеляріи Медицинской въ искуствѣ ихъ по регуламъ экзаменованы да будутъ, а безъ такого экзамена, какъ позволенія вольной практики, такъ и принятія въ службу нашу не чинить, и повелѣваемъ нашей Медицинской Канцеляріи учинить по сему нашему указу. Марта 7 дня 1755 года. Елизаветъ.»

Указъ этотъ въ послѣдствіи имѣлъ весьма важное значеніе. Всѣ иностранцы, которые, бывъ *приглашены* въ Россію, имѣли докторскій дипломъ, были освобождены отъ экзамена на право медицинской практики въ Россіи, хотя бы выписываемы были и не для медицинскихъ наукъ. Примѣромъ можетъ служить, между прочимъ, первый профессоръ химіи и металлургіи въ Московскомъ университетѣ Іоганъ Христіанъ Керстенсъ, вызванный именно для этихъ предметовъ, но имѣвшій дипломъ доктора медицины Лейденскаго университета: по ходатайству куратора И. И. Шувалова, ему безъ экзамена дано было право практики отъ Медицинской Канцеляріи 27 января 1758 года. Точно такъ же получилъ это право 25 мая 1752 года профессоръ химіи въ Спб. Академіи наукъ, докторъ медицины Гальскаго университета Ульрихъ Христофъ Сальховъ, и многіе другіе.

воды въ С.-Петербургъ. Должность эта была не только пріятна, но и прибыльна [1]).

Надобно къ этому прибавить, что указомъ 27 іюня 1720 года привозъ заграничныхъ минеральныхъ водъ (Спаа, Зельцерской Пирмонтской и Бристольской) къ россійскимъ портамъ запрещенъ былъ частнымъ лицамъ, кромѣ иностранныхъ министровъ, а предписано получать ихъ изъ Медицинской Канцеляріи чрезъ главныя аптеки. Воды привозились десятками тысячъ бутылокъ или кружекъ (Спаа, Бристольская и Пирмонтская бутылками, а Зельцерская и Дукшейтская кувшинами или кружками). Такъ въ $2^1/_2$ года, 1750 — 1752, привезено было въ Спб. и Москву водъ, считая всѣ расходы, на 7189 р. 53 коп.,

а именно: Зельцерской воды		9280 кувш.
Пирмонтской	»	4358 бут.
Бристольской	»	4222 »
Шпавассеръ	»	4614 »
Дукшейтской	»	99 кувш.

Расходъ на воды былъ такъ великъ и торговля ими такъ выгодна, что изъ оборотнаго капитала аптекарь нижней аптеки въ Спб. Виль, за особые труды, получалъ по 100 р. прибавки въ годъ къ жалованью.

Лѣтомъ 1752 года императрица вспомнила о Кончезерскихъ минеральныхъ водахъ и о лѣченіи ими Петра Великаго. Она обратилась къ Бургааву съ вопросомъ объ нихъ и изъявила желаніе узнать, такъ ли онѣ хороши теперь, какъ были при покойномъ ея родителѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она поручила послать туда свѣдущихъ людей и доставить ей полное свѣдѣніе объ ихъ состояніи. Бургааву не понравилось, по видимому, это порученіе, и онъ не желалъ допустить, чтобы иностранныя минеральныя воды замѣнены были въ Россіи туземными: но онъ долженъ былъ исполнить его. Только при этомъ онъ впередъ рѣшилъ, что такъ

*) Докторъ Ашъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1752 году и подалъ прошеніе въ Медицинскую Канцелярію, жалуясь на малое жалованье и на то, что издержалъ въ поѣздкахъ по Европѣ свои собственныя деньги. Къ прошенію онъ приложилъ длинный реестръ городовъ цѣлой Европы, въ которыхъ онъ былъ, съ разсчетомъ стоимости переѣздовъ суммою на 1025 гульденовъ. Медицинская Канцелярія доплатила ему 299 рублей (а въ предыдущемъ году прибавила къ жалованью 200 рублей), но уже не послала назадъ, а прикомандировала къ себѣ для разныхъ порученій.

или иначе необходимо истребить эти воды изъ памяти императрицы и уничтожить то значеніе ихъ, которое онѣ имѣли при Петрѣ Великомъ. По сему 19 іюля того же года онъ командировалъ туда провизора Спб. главной аптеки Давида Бера (David Behr) [1]) съ аптекарскимъ ученикомъ Николаемъ Скудовымъ, а Кабинетъ съ своей стороны послалъ сопровождать ихъ кабинетъ-курьера Гаврилу Бухвостова. Беру дана инструкція отъ Медицинской Канцеляріи описать мѣстность, гдѣ находятся эти воды, собрать объ нихъ надлежащія свѣдѣнія, изслѣдовать ихъ «по регуламъ физической и химической наукъ» и кромѣ того привести съ собою достаточное количество воды для болѣе точнаго и подробнаго переизслѣдованія и испытанія въ Петербургѣ.

Беръ исполнилъ порученіе, т. е. произвелъ на мѣстѣ испытаніе Кончезерской воды, описалъ мѣстность, гдѣ находится минеральный ключъ и, возвратившись въ Петербургъ 27 августа, привезъ еще съ собою 27 кувшиновъ ея и 21 бутылку для переизслѣдованія въ Петербургѣ. Представленное имъ донесеніе отъ 4 сентября 1752 года выписываемъ здѣсь буквально:

«*An Ihro hochwohlgebohrene Excellence eine unterthänigste Relation.*

Da ich der, unter dem 19-ten July jetzlauffenden 1752-ten Jahres aus der Kayserl. Medicinischen Cancelley erhaltene Ordre eine schuldigste Gnuge gethan, mithin wegendes, hinter den Petrowskischen Wercken befindlichen Brunnen die anbefohlene Observation genommen habe und laut meiner bey der hochverordneten Medicinischen Cancelley angegebenen Rapport, an 26-ten Augusti revertiret bin, so habe von beregten Brunnen und dabey angetroffenen Umbständen folgendes in tiefester Unterthänigkeit zu unterlegen.

Von Petrowski bis zu denen Konschoserskischen Wercken, woselbst anjetzo die Eysen und Kupfferwercke befindlich seyn, ist eine Distance von 35 Wersten, der den von hier ab bis zu den Brunnen zwey Wege, wovon

---

[1]) Этотъ Давидъ Беръ, гамбургскій уроженецъ, вступилъ въ русскую службу въ 1729 году и оставался до 1737; потомъ поѣхалъ на родину и опять возвратился въ 1743 году и былъ принятъ въ Спб. главную аптеку съ тѣмъ, чтобы въ лѣтнее время заниматься въ медицинскомъ огородѣ. Въ 1752 году онъ опять просился на родину, но настоящая командировка задержала его. На его мѣсто къ аптекѣ переведенъ былъ дестилляторъ Московскаго медицинскаго огорода Лоренцъ Давидъ Фриче (L. D. Fritsche).

der eine zu Lande auff lauter steinigten Berge, und zwar sieben Werste extendiret; der andere aber um mehrere Bequemlichkeit Willen erstlich $7^1/_2$ Werst zu Lande, hernachmahls über eine kleine See Gab-Oser genannt 3 Werste, und als den wiederum $61^1/_2$ Werst auff dem Lande zu passiren stehet. Bey dieser Landstrasse ist ein Berg südlich zu sehen, welcher sich 35 bis 40 Schritte bis zu den Brunnen erstrecket, und woher das Wasser zu entspringen scheinet, da ich den auff seiner Höhe einige Schweffel-Kiese vermitterte, wie auch schwartzen Schiffer angetroffen habe; wohingegen an der Ost-und West-Seite noch mehrere Berge, die aber abgelegener seyn.

Der Brunnen an sich selbst liegt Süd-Oestlich im Thale auff einer Wiesen, deren obersten Erdlage am Tage Eysenhaltig ist. und wovon laut Nachrichten schon in vorigen Zeiten, vieles abgenommen worden, darüber nun mehro wiederumb Gras gewachsen ist. Es scheinet der Brunnen gegraben zu sein, welcher mit einem vom Holtze aufgebaueten erschteckichten Behältnis umbgeben, und bedecket, zugleich aber mit Fenstern versehen ist, da den seine Tieffe 8 Fuss, die Länge $6^1/_2$ Fuss und die Breite aber 6 Fuss austräget, und worinnen die oberste lage am Tage Eysen-Erde hält, worauff Fachweiss eben dergleichen al. Gestein folget, und man endlich unten Schwartz wilden Stein siehet der ausgehauen zu seyn scheinet, und durch welchen, an denen Seiten das Wasser aus fünff Orthen quillet, davon den sonderlich 2 stärckere Quellen in einen halben Triangel ein ander begegnen, angesehen die eine von Ost bey Süden, die anderen von Süden bey Osten gegen Norden in Vereinigung fliessen, und habe ich bey dem zuflusse des Wassers bemerckt, das selbiges bey heitern und klahren Wetter an dem Maasse 120 lb, bey trüben Wetter 126 lb, bey regen Wetter aber 128 bis 130 lb—und dieses zwar in einer Stunde differiret und ausgetragen hat, wobey mir auch die Nachricht ertheilet worden, dass dieses Wasser im Frühling bey Abgang des Schnees, wie auch im Herbste durch den vielen Regen und feuchten Wetter anwachsen, auch im Winter bey grosser Kälte oben etwas zufrieren sol.

Da nun der Brunnen voll war, und in langer Zeit nicht ausgepumpet, noch gereiniget war, fand ich über dem Wasser ein Eisenfarbiges häutlein mit einem darüber schwimenden Ocher und als ich von dem Wasser selbst mit dem Glase schöpffete, so war selbiges an Farbe hell und weis; am Geruch Schweffelhaft: am Geschmack Dintenhaft, und habe ich observiret, das nach hero, als das Wasser ausgepumpet, sich im Grunde und an denen Seiten des Steins eine Ocker gesetzet hatte.

Die Beschaffenheit des Wassers habe nach Reinigung des Brunnen folgender Gestalt befunden, dass selbiges wen es so wie es heraus quillet in einem crystallischen Glase aufgefangen wird.

1) Rein hell und klahr.

2) Kalt, welches daher obserwiret das ich noch des dlise Thermometr: welches damahls an der Lufft hieng, und auff 116 Gr. stand, ins Brunnen–Wasser gebracht zu 150 fiel.

3) Ist der Geruch säuerlich.

4) Am Geschmack Dintenhafft und habe überhaupt folgende Untersuchung damit angestellet.

1. Füllete ich hier mit eine Gläserne Retorte, in absicht solches auff eine zeitlang stehen zu lassen, wobey ich bemercket, dass anfänglich an denen Seiten des Glases viele kleine Lufftblässe entstunden, und nachdehm diese vergangen, so schienen mir die nechstfolgende grösser zu sein, welche einige Zeit daureten, und darauff sich auff der obersten Fläche ein vielfärbiges häute zeigete, jedoch behielt das Wasser seine Klarheit 8 bis 9 Stunden, worauf besagtes Häutlein in Eisen Farbe verfiel, das Waser auch trübete, und zu erst Opak, hernach gelblich schiene, mithin an denen Seiten des Glases sich subtil anlegte und das gröbere zu Boden sanck, wobey in dem Halse der Retorte ein vieles von ausgedünsteten Feichtigkeiten angeleget, auch der Geruch und Geschmack in etwas verlohr, da ich nach hero als ich dieses Wasser filtrirte wieder weis hell und klahr befunde; die im Filtro zurück gebliebene Ocker wog 10 Gran von 20 lb Wasser.

2. Nach diesem füllete eine andere Retorte mit 12 lb neuem Wasser, setzte selbige bey gelinden Feuer zur destillation im Fand, wobey sich anfänglich, da kaum die Wärme ansetzte, viele kleine Lufftbläse an der obern Fläche herauff stiegen, nechst dehm aber ein vielfärbiges Häutlein sich zeigte. Nachdem nun in der vorlage etliche Tropffen zu gehen anfiengen, verlohr sich allmählich das Häutchen, worauff das Wasser im gelinden Sieden sich trübete, und von der in demselben abgesonderten Erde rothgelbe schien, da nun etliche Drachma verhanden, folgten die nechstfolgende mit Fetten. Aber, der Geruch von diesem destillato kahm mir Kalckartig vor, und da es einige Stunden gestanden, hatte sich da es gegen der Sonne hielte, etwas schimmerndes gesetzet, an Farbe ins schwartze fällend, welche sub N 1 auffhob. Ich continuirete mit Destilliren, die sub n° 2 war ohne Geruch, und die sub n° 3 hatte weder Geschmack noch Geruch. Die in der Retorte überbliebene etliche Untzen filtrirte und lies gantz gelinde abrauchen, wovon ein weisse Sältz in reine feine crystallen welche 5 Gran aus-

machten. Und die letzten angeschossene war wie Trichit oder Haarvitriol, wog 3 Gran, und die im Filtro überbliebene Erde, welche an Farbe dem Lap. haematitid. beykahm, wog 6 Gran.

Das Destillat sub n° 1 versuchte mit 1. Liquor. sal tartari, 2. Syr. violar. 3 Sol. lunae. 4. Sol. sachari saturni, von welchen letztem es mir ein wenig getrübet wurde. 5. Acidum vitrioli wurde die erwehnte schimmernde Sediment aufgelöset.

Das Destillat sub n° 2 verhilte sich, wie vorhergehende.

Das Destillat sub n° 3 wurde die Sol. sachari saturni stärker getrübet.

4. Annoch eine Retorte mit 20 lb Wasser, welche im Sande bis auff etliche Untzen abdistillirte, das wenige in einem kleinern Retorte eingoss und von diesem das Destillat sub n° 4, worauff ferner bis zur Gruhung continuirte, da das letztere wenige welche am Geruch säuerlich sub n° 5 auffhob. Die in der Retorte übriggebliebene Materie ward schwartze, und wog 25 Gran, welche in reinem Wasser schlettete, das auffgelösete ewaporirte und erhielte ein Saltz, welche nicht in dergleichen Crystallen wie § 2 erwehnte, sondern wie fein Sand war am gewicht 14 Gr. Ich nahm ein weniges von diesem Saltz und tröpffelte etliche Tropffen Spiritu vitrioli hinein, es vereinigte sich damit ohne den geringsten Geräusch noch Dampffe zu zeigen. Mit dem übrigen Theil des Saltzes versuchte mit Liquor. sal. tartari, davon es weisgelbe Praecipit. die Infus. der Galläpffeln wurde zuerst dunkelbraun, hernachmahls ein wenig ins schwaertzliche fiel. Syr. violar. wurde tunkelroth, Sol. lunae wurd schwartz. Solutio sublimati blieb unveraend. eine Zeit darauff sich etwas weissgelbe gesetzet hatte.

Das Destillat sub n° 4 versuchte mit Liquor salis tartari, bemercket ein kleine Effervescentz. Syr. violarum wurde röthe; Sol. sachari saturni wurde starck getrübet und setzte sich weis. Sol. lunae blieb unverändert. Liquor salis ammoniaci fix wurde getrübet.

Das Destillat sub n° 5 mit Liquor salis tartari effervescirte merklicher. Syr. violarum wurde in etwas grüne. Sol. lunae wurde röthe, darauf sich schwartze trübte. Liquor salis ammoniaci fix wurde stärcker getrübet und setzte gelbe. Solut. sachari saturni wurde stärcker getrübt und setzte gelbe.

5. Füllete einen Kessel von dem Wasser, und lies ein wenig warm werden, streuete nach und nach ℥j vom reinen Sal tartari hinein, da bemerckete eine Effervescentz und gleich stärckere Pracipitation. Ich lies solche bis auff etliche Untzen einkochen, filtrirte, ewaporirte und lies crystallisiren: erhielte ℈j tartari vitriolati von 120 lb des Wasser.

6. Ferner gos ich 20 lb von diesem Wasser im türckischen Kessel abzusieden, da es im ersten grad der Werme ein Heutlein zeigete, im gelinden Sieden, starcke Lufftblasen aufwarf und prüdelte an denen Seiten des Gefässes, legte sich eine braune Erde, wie auch das Wasser davon getrübet wurde. Ich lies bis auf etliche Untzen einkochen, darauf es filtrirte, die im Filtro überbliebene Erde, welche an Farbe braun, wog 25 Gran, das klare lixivia; lies gelinde abrauchen, da es den ein weisgrüne Salz in länglichten Crystallen angeschossen hatte, welches 22 Gran schwehr war.

7. Durch starckes rütteln in einem vermachten Glase wurde nichts schaumendes bemercket, bei Eröffnung aber war etwas flüchtiges, hingegen trübete es sich balde, und im Grunde kahm die Erde gegen der im § 1 erwehnten gröber und dünchter vor.

8. Durch misciren und praecipitiren habe folgendes observiret:

1) Dieses Wasser vermischt mit etliche Tropffen infus. gallarum, so wurde es so gleich violet, worauff es allmählich immer schwärtzer und schwärtzer fält. Solches gleichfals mit Extrahirten Thee thut.

2) Vermischt mit Violensyrup wurde erst roth, worauff eine kleine Weile grassgrün wurde.

3) Mit Wein vermischt spürete keine Gährung noch Veränderung.

4) Kalte, warme oder kochend Milch gerinnet nicht davon, so bald aber kalte Milch etliche Minute damit gerütelt wird, so läufft sie zusammen.

5) Mit spirit. vitrioli, salis, nitri et aceto wurde keine Rührung oder Gährung, oder Aenderung an der Farbe bemercket.

6) Tröpffelt man etliche Tropffen liqu. salis tartari hinein, wird es ohne merckliche Effervescentz ruerst grünlich, darauff dunckel grün, zuletzt das praecipitat gew.

7) Mit Spir. salis ammoniaci wurde zuerst hellgrün, darauff dunckelgrün, zuletzt das praecipitat tunckelgelb, derdruber stehende liquor wurde weis, klahr und helle.

8) Mit Aqua calcis wurde braungelbe praecipitiret.

9) Mit Solut. sachari saturni wurde zuerst zart und weis, welche nach einer Zeit in tunckel gelb verfiel.

10) Mit Solut. salis ammoniaci fix wurde zuerst trübe, darauff es sich gelbegesetzet hatte.

11) Mit Solut. mercurii sublimati blieb viele Stunden klahr, darauff es sich gelbe gesetzet hatte.

12) Mit Solut. lunae wurde zuerst röthlich, nachmals trübte sich, und wurde schwartz glimmernd praecipitiret.

13) Mit Solut. mercurii vivi in aqua forti blieb viele Stunden unverändet, darauff sich ein hin und wieder befindliches Kugelein gelber Farbe gesetzet hatte.

14) Mit Solut. sulphur. in alcali wurde weis praecipitiret.

15) Mit Solut. vitrioli cupri wurde ein weniges weisgelb praecipitiret.

16) Mit Solut. boracis venetae blieb etliche Stunden klahr, darauff sich gelbe gesetzet hatte

17) Mit Solut. aluminis, vitriol. pulverati, liquor. stiptici, sol. ferri in aqua forti sind in geringst nicht mit dem Wasser verändert worden.

9. Bey dem in § 1 referirten abgestandenen und filtrirten Wasser habe durch misciren und praecipitiren eine grosse Veränderung, gegen das friesche geschöpffte Wasser verspüret, indehme erstere durch die Infus. gallarum nicht also fort, sondern einige Zeit dernach färbete, mit denen Alcali so wohl flüchtig, feuerbeständige salinische terra wurde nicht so schnell getrübet und praecipitirt, und fiel mehr ins weisse; mit Solut. lunae wurde das praepitat nicht glimmernd sondern dunckelschwartz, Sacharum saturni wurde nicht so zart und weis, sondern gelbe. Syrup. violarum wurde nur roth, wie es den auch mit denen an dem solitionibus in etwas differirte.

10. Das sub n⁰ 2 referirtes Saltz, welches in reinen Wasser wieder aufflösete.

Vermischte mit d. Infus. gallarum wurde schwartz.

Mit Liquore salis tartari ohne merckliche Effervescentz wurde praecipitirt weisse, welche eine Zeit darauff ins gelbe fiel.

Mit Spirit. sal. ammoniaci ohne Effervescentz praecipitirt, welche auch ins gelbe fiel.

Mit Solut. mercurii sublimati blieb viele Stunden klahr, hat sich ein weniges ins weisse fallende gesetzet.

Mit Solut. lunae wurde zuerst in etwas weisses, welche aber so gleich verschwunde, und darauff schwartze praecipitirt.

Mit Syrup. violar. wurde grün.

Mit Solut. sachari saturni wurde weis praecipitiret, der drüber stehende liquor wurde hell und gelb.

Mit Spirit. vitrioli nitr. acid. sal. und acid. bemerckete keine Reactiones.

11. Das sub § 8 referirten Saltz, welche in reinen Wasser wieder aufflösete, versuchte wie vorhergehende, es wurde nur eine kleiner unterscheid bemercket, in deme erstere mehr zarter und feiner, diese hingegen in etwas gröber praecipitirten, und die phoenomena zeigeten.

12. Hernächst habe auch, da in reine Gefässe eine gute Quantität Wasser hingesetzet hatte, umb das Sedimentum zu erhalten, volgende Untersuchung hiermit angestellet. Erstlich trieb ich dasselbe in einer kleinen Retorte im Sande, und zwar anfangs mit ganz gelinden Feuer, da das erstere Destillatum am Geruch flüchtig war, welches sub n° 1 auffhob. Ich kontinuirete mit Verstärckung des Feuers, darauf ein noch mehr flüchtigere sauere liquor erhielte sub n° 2, und da ich beinahe bis zur Glühung das Feuer vermehrte, erhielte sub n° 3, am Geschmack und Geruch sauere, da sich den im halse der Retorte einwenige sublimiret hatte. Bey Zerbrechung der Retorte empfand einen Schweffelhafften Geruch und dasjenige, was sich im dem Halse der Retorte gesetzet hatte, streuete ich auf glühende Kohlen, da solches einen Schweffelichten Geruch gab, und in einer blauen Flamme brante.

Mit dem Destillato sub n° 1 versuchte mit

Liquor sal. tartari bemerckete etwas gährendes.

Syr. violarum wurde röthlich.

Sol. lunae wurde erst röthlich, darauf sich nach und nach trübte schwärtze.

Sol. sachari saturni wurde sehr zart und weis präcipitiret.

Liquor sal. ammoniaci fix wurde nur getrübet.

Mit dem Destillat sub n° 2 wurde dieselbe phönomena bemercket, nur das mit der Sol. lunae etwas mehr praecipitiret hatte, und röthlich war.

Das Destillat sub n° 3 welche mit Syr. violarum grün wurde. Sol. mercurii sublimati wurde weis präcipitiret. Sol. lunae wurde schwartz. Sol. sachari saturni gelb. Sol. mercurii vivi präcipitirte es schwärtze.

13. Solwiret sich dasselb Sediment in Spiritu vitrioli am schnellschten, welches auch der Spiritus nitri thut, im gleichen Spiritus salis aber langsahm, und ein Theil in Aceto destillato dahingegen die destillirte und durch das Kochen separirte Erde es nicht so mercklich thut.

14. Durch Einrichtung im gleichgewichte habe folgendes annotiret:

Regen-Wasser wog 2094 Gran.

Destillirt Quellwasser 2095.

Robes Quellwasser 2096.

Mineralische Brunnenwasser 2006.

15. Das das mineralische Wasser 96 Stunden . . . . . 48 Gran.

» » reine Quell » 6 Tagen. . . . . . 30 »

» » destillirt Quell » ebensfiel Tagen . . . 38 »

ausgedünstet hat.

16. Durch die Versuche mit dem Magnet habe weder in denen von selbst gesetzten, wie auch kalcionirten und sowohl destillirten als gekochten Sediment nicht merklich was volkommenes Eysen entdeckt können.

Noch habe zu vermelden, dass bey mehr gedachten Brunnen ein ansehnliches Gebäude mit einem grossen Saal und vielen neben Zimmern zu finden, welches hat bauen lassen Peter der Grosse höchstseeligen und glorwürdigsten Andenkens, wornechst eine Kirche auch andere gute und mercklíche Bequehmlichkeiten, unter andern eine Badstube anzutreffen, in welcher durch eine höltzerne Rinne das Wasser aus offterwehnt Brunnen dahin geleitet wird. Hinter dieser Badstude findet sich noch ein Brunnen, der auch besondere Quellen hat, und zum besten des Publici gebraucht worden. Nunmehro aber verfallen, wonechst noch ein Brunnen südlicher Seite verhanden an dere Landstrasse welcher Fuss und in der Oeconomie starck gebraucht wird. Nicht weit von diesen Brunnen ab, etwas niedriger an der Oestlichen Seite, is eine Vitriol-Grube und Hütte, dessen Erde so reich von Vitriol, sogar das auch gediehene Stücken darun erzu finden, und worüber die oberste Lage Eysen-Erde, welche beynahe halb Manns hoch zuerst abgenommen, worunter hernach die schwartze Vitriol Erde ausgegraben, welche durch auslangen evaporiren und crystallisiren sie daselbst vieles verarbeiten.

St.-Petersbourg
den 4 September 1752. David Behr.»

Получивъ Берово донесеніе, Бургаавъ положилъ его подъ сукно. Но Кабинетъ императрицы не былъ доволенъ такимъ распоряженіемъ и 10 сентября баронъ Иванъ Антоновичь Черкасовъ написалъ въ Медицинскую Канцелярію, чтобы Кабинету прислано было извѣстіе: «были ли воды освидѣтельствованы, что въ нихъ есть, и какая отъ нихъ польза въ медицинѣ и отъ какихъ болѣзней быть можетъ, а такожъ при томъ колодезѣ, гдѣ тѣ воды взяты, не надлежитъ ли сдѣлать обруба или другихъ какихъ поправокъ.... дабы противъ употребленнаго на посылку по оную воду казеннаго кошту польза въ медицинѣ отъ оныхъ надѣемая была извѣстна въ Кабинетѣ Е. И. В.»

Бургаавъ приказалъ отвѣчать на это (11 сентября), что Берово донесеніе еще не повѣрено въ Петербургѣ и «привезенныя имъ воды надлежитъ освидѣтельствовать вновь, подлинно ли такое содержаніе имѣютъ, какъ отъ онаго Бера описано, а въ какомъ

качествѣ оная марціальная вода по свидѣтельствѣ отъ Канцеляріи заподлинно явится и какую пристройку для содержанія и употребленіе оной произвесть запотребно усмотрѣно будетъ, о томъ Кабинету Е. И. В. сообщено будетъ въ непродолжительномъ времени.»

Нѣчего дѣлать: надобно было назначить переизслѣдованіе воды по привезеннымъ образцамъ. Но хоть оно и было произведено аптекаремъ Спб. главной аптеки Моделемъ (Johann Georg Model), Бургаавъ все-таки не далъ Кабинету требованнаго извѣстія, а пропустивъ ровно два мѣсяца, 14 ноября написалъ туда, что извѣстія никакого дать невозможно и Берово изслѣдованіе совсѣмъ безполезно, потому что вода почерпнута имъ лѣтомъ и притомъ въ самое жаркое время, тогда какъ по «дохтурскимъ правиламъ» Петра Великаго ее слѣдуетъ употреблять и испытывать зимою, когда она должна несомнѣнно имѣть совсѣмъ другой составъ и свойства, чѣмъ лѣтомъ; потому что она тѣмъ именно разнится отъ всѣхъ европейскихъ минеральныхъ водъ, что зимою бываетъ изобильнѣе составными частями и дѣйствительнѣе, чѣмъ лѣтомъ. Поэтому слѣдуетъ опять послать тѣхъ же лицъ въ Олонецъ зимою и велѣть имъ привезти новый запасъ воды для изслѣдованія. Цѣлью всей этой переписки было, очевидно, протянуть дѣло и заставить забыть о немъ; если же это не удается, то придумать какой нибудь новый способъ отдѣлаться отъ этихъ минеральныхъ водъ. Напримѣръ нельзя ли будетъ сказать императрицѣ и кабинету ея, что Кончезерскія воды совсѣмъ пропали, не существуютъ и стало быть нечего и думать объ нихъ? Эта смѣлая ложь въ послѣдствіи дѣйствительно была сказана, но въ такой формѣ, что заставляетъ удивляться изобрѣтательности Бургаава и его сотрудниковъ. Любопытны при этомъ, какъ образъ воззрѣнія тогдашнихъ врачей на минеральныя воды, такъ и тѣ смѣлые пути, которыми Бургаавъ шелъ къ достиженію своей цѣли. Поэтому представляемъ здѣсь подлинное его донесеніе Кабинету отъ 14 ноября 1752 года, пропустивъ только введеніе:

«Понеже означенная марціальная вода въ Спб. главной аптекѣ по регуламъ физической и химической наукъ надлежащимъ порядкомъ освидѣтельствована, а потомъ въ присутствіи г. архіятера и призванныхъ къ тому прочихъ гг. докторовъ по тѣмъ же регуламъ вторично экзаминована и

изслѣдована, по которому свидѣтельству оказалось, что въ оной водѣ содержится соль, свойственная съ прочими цѣлительными колодезями, также желѣзная земля, по токмо спиритуальнаго нужнѣйшаго такъ называемаго колодезнаго духу (Brunnen-Spiritus) въ оной не явилось; почему естественное оной воды содержаніе съ учиненнымъ въ 1720 году отъ бывшаго тогда лейбъ-медикуса д. с. с. г-на Лаврентія Блюментроста той Олонецкой воды свидѣтельствомъ, которое отъ бывшаго напредь сего въ россійско-императорской службѣ доктора Ремуса (Remus) въ 1722 году въ печать издано, въ томъ сходствуетъ, но токмо число солянаго и металлическаго содержанія при нынѣшнемъ свидѣтельствѣ получено пятую часть менѣе того упомянутаго прежняго свидѣтельства. Воспріятое въ нынѣшнемъ году свидѣтельство и взятье воды учинено въ іюлѣ мѣсяцѣ въ самомъ жару, и въ такое лѣто, каковыхъ рѣдко здѣсь бываетъ, а въ такое время по всѣмъ физикальнымъ регуламъ сила въ минеральныхъ ключахъ обычайно умножается и какъ довольно извѣстно, при всѣхъ славнѣйшихъ колодезяхъ настоящее время для употребленія и пользованія, такъ и для наливанія къ отсылкѣ посуды послѣ дня Іоанна Крестителя, и тако въ началѣ іюля, когда земля суха и всѣ суровыя снѣжныя и льдиненыя части стекли, бываетъ. А понеже въ публикованныхъ въ прошломъ 1719 году по указу блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государя императора Петра Великаго правилахъ докторскихъ между прочимъ въ 13 пунктѣ напечатано, что питіе тѣхъ водъ лѣтомъ въ іюнѣ и въ іюлѣ, когда теплые дни, зимою съ половины генваря, февраль весь и мартъ до половины, когда морозы; такожъ изъ публикованнаго предъ тѣмъ въ 1718 году дознанія лекаря Равенеля (chirurgi Ravenels) о дѣйствѣ оной марціальной воды значится, что оная вода съ успѣхомъ нѣкоторымъ особамъ употреблена въ генварѣ и февралѣ мѣсяцахъ, почему оная отъ прочихъ европейскихъ водъ въ томъ разнствуетъ, что зимою, когда земля вся замерзала, качествомъ изобильнѣе и дѣйствительнѣе. Въ разсужденіи же описаннаго при Олонцѣ мѣстоположенія и здѣшняго климата вышеписанное объявленіе естественному состоянію не противно и вѣроятно быть видится, что вышеписанное въ прежнихъ годѣхъ отъ г. Блюментроста съ оною свидѣтельство учинено зимою, егда та вода была гуще и отъ втекающей рѣчной или ключевой сладкой воды свободна. И тако къ точному о подлинномъ оной воды содержаніи и пользы основанію, болѣе еще извѣстіи потребно; почему въ Медицинской Канцеляріи за необходимо разсуждено предбудущею зимою съ тою Олонецкою минеральною водою воспріять вторичное химическое свидѣтельство, чтобъ видѣть, разнствуетъ ли оная

вода по перемѣнѣ годоваго времени или нынѣ завсегда состоитъ въ одномъ качествѣ. Того ради Мед. Канцелярія Кабинету Е. И. В. о томъ сообщаетъ во извѣстіе и къ воспріятію предбудущею зимою съ упоминаемою Олонецкою марціальною водою вновь свидѣтельства отъ Кабинета Е. И. В. проситъ вспоможенія.»

Кабинетъ согласился на эту отсрочку и даже на новую посылку Бэра въ Олонецъ, но потребовалъ непремѣннаго сообщенія результатовъ, чтобы рѣшить: стоитъ ли заботиться о Кончезерскихъ водахъ или нѣтъ? Оставалось только повиноваться, и потому Бургаавъ 18 февраля 1753 года предписалъ Беру съ аптекарскимъ ученикомъ Сергѣемъ Ельшинымъ и солдатомъ Мед. Конторы Михайлою Заколюкинымъ немедленно на почтовыхъ лошадяхъ опять отправиться къ Кончезерскимъ водамъ, чтобы поспѣть туда къ первымъ числамъ марта, снова ихъ изслѣдовать на мѣстѣ и привезти достаточное количество ихъ въ Петербургъ. На путевыя издержки дано ему 25 рублей *).

Беръ исполнилъ порученіе и, возвратившись 16 марта, привезъ съ собою 33 кувшина воды и новое донесеніе объ изслѣдованіи ея (во всемъ почти сходное съ первымъ). Вотъ оно:

«*An das hochverordnete Comtoir der kayserlich. Medicinischen Cancelley*

ein gehorsahmster Rapport.

Da mir aus hochgedachten Comtoir eine Ordere unter dem 24 Februar a. c. ist urtheilet worden, eine abermahlige Reise zu dem Olonitschen Brunnen zu thun, und daselbst einen nochmahligen Versuch, mit dasiegen Wasser an zu stellen, wannenhero ich meine Reise an oben besachten dato, des abends fortgesetzet, und als ich den 28 ejusdem mensis in Petrowsky angekommen, mithin, zu unterthaenigster volge, nach allen in dieser hohen Ordre befindlichen Puncten, die behörige Untersuchung angestellet, und

*) Маршрутъ его и прогоны разсчитаны по слѣдующей справкѣ Ямской Канцеляріи:
Отъ С. Петербурга до Тосны — 58 верстъ, по 1 коп. на версту,
» Тосны до деревни Любани — 26 » » 2 » » »
» Любани до Новгорода — 102 » » 1 » » »
» Новгорода до села Грузина — 80 » » 3 » » кажд. 10 верстъ;
» Грузина до Олонца — 220 » » 1/2 » » версту, по плакату на уѣздныхъ подводахъ.
Ему даны прогоны туда на 6, а обратно на 8 подводъ, т. е. всего 48 руб. 44 к.

nachhero den 6-ten Märtz allhier retourniret bin, so habe folgendes hiervon in gehziemenden Respecte zu unterlegen: was massen bey meiner ankunfft den Brunnen eine halbe Elle tieff zu gefroren angetropffen, und das darunter befindliche Wasser, nach beschehener Untersuchung laut des vorgeschriebenen letztern und 6-ten Puncts, alsofort auspumpen lassen, wannenhero vermöge des vorgeschriebenen.

Ersten Puncts befunden, das durch Einrichtung eines gleichen Gewichtes gegen einander gewogen hat:

das	Alte, in Brunnen vorher gewesene Mineralische Wasser	℥iij ʒiij gr. xj
	Neue, ausquellende Mineralische Wasser. . .	℥iij ʒiij gr. xxxviij
	rohe à l'ordinaire Brunnen-Wasser	℥iij ʒiij gr. xxxiv
	destillirte Brunnen-Wasser	℥iij ʒiij gr. xxxiij.

Punct 2-tem. 1. In Miscirung und Praecipitirung das alte Brunnen-Wasser laut meiner vorigen in § 8 beschehenen Relation, und die darbey angeführte phoenomena in mehrsten ebenso wie damahls angetroffen, ausser mit der Unterscheid, das mit der Solut. lunae nicht zuerst röthe sondern, kirschfärbig, übrigen sich, das praecipitat schwartz schimmernde sich zeigte; mit Solut. ferri in aqua forti welches damahlen gemelldet, das solches mit dem Wasser nicht verändert worden, dieses mahl sich aber getrübet und präcipitiret habe, wie auch mit Solut. salis es in Zertheilung blaulich, und darauf an den Seiten des Glases und boden braunröthlich präcipitirt, welches letzter wohl daher rührt, das nicht goldt genug zu der Solution ist emploiret worden.

2. Bey dem frischen Quell-Wasser habe in dessen miscir und präcipitirung zu unterschiedenen wiederhohlten mahlen einerley Phönomena gefunden.

a. Mit infus: derer Galläpffel wurde desselbe Violet, worauff solches immer dunckler und dunckler fiel.—Infus. rad. tormentillae wurde dunckel-blau. Tinct. rosarum rubrarum verfiel in Violarum darauf Schwärtze.—Infus. rhabarbari wurde zuerst heller Violet und darauf roth-braun.

b. Mit Violen-Syrup vermischt wurde zuletzt grühn.

c. Mit Wein vermischt, konte man nichts spühren, wurde es aber geschüttelt, so schäumete solches, und zwar noch stärcker, wenn es mit Zucker vermischet, und in ein glass ausgegossen worden, da sich einige auffsteigende bläse, oder perlein zeigten, auch über dem aus dem Glase in etwas herab spiehlete.

d. Mit Spiritu vitrioli, nitri, salis et acidi wurde keine rührung, sondern eine aufklährung verspühret.

e. Mit Liquor salis tartari, Liquor nitri fix, Spiritus salis ammoniaci volatilis, Solut. Resin wurde zuerst grühnlich, hernach dunckel grühn, zuletzt aber das präcipitat gelb, wie es den auch mit Aqua calcis etwas heller gelb, doch langsahmer präcipitirte.

f. Mit Solut. sachari saturni zuerst zahrt und weis getrübt, welches nach weniger zeit in das gelbe verfiel.

g. Mit Liquor ammoniaci fix wurde erstlich eine kleine weile getrübet und kleine bullulas bemärket, worauf so balde diese vergingen es sich weisgelb, lockericht gesetzet hat.

h. Mit Solut. mercurii sublimati trübte, kaum mercklich auf dem Grunde, welches verschwand, sich aber nach vielen Stunden gelbe setzte.

i. Solut. lunae wurde zuerst Kirschfärbig, darauf trübte und endlich schwartz schimmerndes präcipitat setzte.

k. Mit Solut. mercurii vivi in aqua forti wurde sogleich weis getrübet, welche sich wieder aufklährte, und als ich noch etliche Tropfen zutröpffelte, so präcipitirte es sich, darauf nach einer zeit das Präcipitat Citron gelb ward.

l. Mit Solut. sulfuris in sale alcal. wurde sogleich mit einem suptilen Gestanck präcipitiret, welches verschwand das Präcipititat ward schwartzgrau. Mit Solut. Sulfuris in Calce viva wurde sogleich dunkelgrühn, zuletzt mit einem Gestanck, das Präcipitat ward schwärtze. Cum Solut. Scor. Regul. Antimonii wurde gelb darauf aber ohne mercklichen Gestanck grau präcipitiret.

m. Mit Solut. vitrioli martis setzte sich zuletzt hellgelb; mit Solut. vitrioli veneris trübe und praecipitirte weissgelb.

n. Solutio alcali volatilis wurde zu Zertheilung himmelblau, worauff sich im grunde, wie auch an denen Seiten, ein subtil braun röthliches praecipitat gesetzet hat.

o. Mit Color. violac. wurde dunckel roth, Bezetta coerulea roth uud mit Bezetta rubra dunckler.

p. Mit Solut. Stanni word weiss praecipitiret.

Punct. 3-te. Aus dem von der Quelle entsprungenen Wasser habe zu verschiedenen mahlen und zwar jedesmahl zu 15 lb im türckischen Kessel gelinde abgekochet, da ich den zum ersten mahl 34 gran, zum andern mahl 30 gran., zum dritten mahl 28 gran, zum vierten mahl 24 gran. Residuum erhalten. Sub n° 5.

Punct 4-te. Habe ich aus dem quanto des alten Wasser von 320 lb MP welches bis auf das trockene eingekochet worden, ein Residuum von ℥xiijβ erhalten. Sub n° 1.

Von dem frisch ausquellendem Wasser habe in dem quanto von 480 lb ℥xviij Residuum sub n° 2.

Ebener massen habe auch p. ppt. 180 bis 200 auf ½ lb eingekocht mit dem humido sub n° 3 eingekocht.

Wie ich den auch ferner der Retorte aus 20 lb das Residuum sub n° 4 in gran LXI erhalten habe.

Punct 5-te. Der ich das frische Quellewasser, in eine Boutelle mit einem engen Halse gefüllet, mit fingern zuhaltend, wie auch feste verpropffet, starck geschüttelt, so wohl kalt, als auch gewärmt, worauff sich zwar viel lufft blässlein gezeiget habe, aber wenig oder nichts lufftig elastisches bemercket, wie den auch die Lufft bläsl. mit keiner force ausgebrochen sind.

Schlüsslichen habe die Wärme, Kälte dieses Brunnen-Wassers mit dem Thermometro solchergestalt experimentiret, dass da solches erstlich an der freyen Lufft auf 153 Grad stand in dem mineralischen Quellwasser aber auf das 145 bis 146-te grad stieg, und als dieses zu einer andern Zeit wiederhohlete und auf 160 grad stand, so stieg solches wiederumb auf 146 bis 147 grad. dahingegen das al'ordinaire Wasser, das Thermometron fallend zeigte.

St.-Petersbourg,
d. 18 Mart. 1753. David Behr.»

Но и это Берово донесеніе отложено было въ сторону, а вмѣсто того поручено было (17 апрѣля 1753 года) аптекарю Спб. главной аптеки Моделю произвести разложеніе воды въ аптекѣ въ присутствіи петербургскихъ докторовъ и госпитальныхъ профессоровъ вѣдомства Мед. Канцеляріи, да сверхъ того приказано «опробовать оную въ госпиталяхъ употребленіемъ больнымъ, и о настоящемъ той воды содержаніи, такожъ въ чемъ нынѣ привезенная отъ свидѣтельствованной въ прошломъ году разнствуетъ и какой успѣхъ оная вода противъ оказующаго въ госпиталѣхъ дѣйствія больнымъ и противу какихъ болѣзней именно производить можетъ, имѣть разсужденіе, и на основаніи физическихъ и химическихъ регуловъ, такожъ медицинской науки мнѣніе ихъ съ надлежащимъ изъясненіемъ написавъ, за руками всѣхъ оныхъ

докторовъ и аптекаря прислать въ Мед. Канцелярію при рапортѣ безъ провожденія времени, чтобы въ Кабинетъ Е. И. В. объ оной марціальной водѣ съ обстоятельствомъ предложить было возможно.»

Распоряженіе это сдѣлано безъ всякаго опасенія: ни одинъ изъ докторовъ и профессоровъ не могъ быть судьею въ химическомъ дѣлѣ, а еслибъ и могъ, то изъ боязни всемогущаго директора готовъ былъ подписать что угодно.

Въ слѣдствіе этого приказанія, medicus-consiliarius Joh. Jac. Lerche письменно пригласилъ всѣхъ петербургскихъ докторовъ и аптекаря Моделя въ Мед. Канцелярію на 29 апрѣля, гдѣ имъ предъявленъ указъ Бургаава и при нихъ «освидѣтельствована» вода. Не доставало только доктора шляхет. кадетскаго корпуса Даніеля Бруха, бывшаго больнымъ и вскорѣ потомъ (8 октября 1753) умершаго [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ роздано нѣсколько кувшиновъ воды для испытанія надъ больными въ госпиталяхъ. Ровно черезъ мѣсяцъ, 29 мая, они опять были собраны туда для окончательнаго разсужденія и подписанія составленнаго Моделемъ изслѣдованія, равно какъ и для сообщенія результатовъ своихъ собственныхъ наблюденій надъ дѣйствіями воды въ госпиталяхъ. (Доктора Бруха опять не было по болѣзни). Вотъ это изслѣдованіе, составленное аптекаремъ Моделемъ на латинскомъ языкѣ:

§ 1. Aquae Olonicenses ad obtutum oculorum satis quidem pellucidae, excepto hoc, quod molleculae flavae hinc inde natantes, fundum vero satis cito petentes in iis visae sunt. Vas vero ante effusionem bene agitatum est, ut animadverteremus, nam multae aëreae bullulae ex iis erumpere conarentur. Hoc etiam in caussa molecularum flavarum natantium, quae vase quieto ima vasis occupaverant, liquore pellucido supernatante.

*) Aquae anno praeterito examinatae turbulentiores et plus in albedinem inclinantes visae sunt.

---

[1]) Въ опредѣленіи Мед. Канцеляріи 17 апрѣля 1753 г. сказано даже: «И онаго Бера, о чемъ вознадобится, призвать къ вышеобъявленному свидѣтельству»: но его вовсе не приглашали, можетъ быть потому, что онъ смѣлъ утверждать въ обоихъ своихъ доношеніяхъ совсѣмъ не то, что нужно было директору Медиц. Канцеляріи и притомъ въ это время собрался уѣхать на родину, въ Гамбургъ, бывъ уволенъ изъ русской службы и получивъ въ награду за поѣздку къ Кончезерскимъ водамъ 50 рублей (13 іюля 1753 года).

§ 2. Sapor parum adstringens.

*) Anno praeterito adstringentior animadversus est.

§ 3. Odor nullus.

§ 4. Gravitas ejus specifica, cubo argenteo purissimo, pollicem rheinlandicum exacte referente, dimidia granae parte aquae fluviali levior deprehensa est. Tota moles aquae vero, quam cubus extrudit, ad bilancem exacte referebat drachmas quinque grana duo.

*) Graviores exparte hoc anno inveniebantur. Sed anno praeterito, eo tempore et loco quo examini subjectae sunt, thermometron altitudine 64 grad. secundum Fahrenh., nunc vero 56 tenuit.

Reagentibus commixtis:

§ 5. Cum acidis, tum mineralibus quam vegetabilibus, i. e. acido vitrioli, nitri, salis, aceto destillato, commixta bullulas aëreas a fundo ad superficiem tendere solutionemque fieri, cum pellucidioris aquae aspectu, animadversa est. *).

*) a solutione molecularum flavarum § 1 innatantium.

§ 6. Cum alcalibus fixis facta commixtione nulla mutatio visa est, horis vero sex praeterlapsis tam in oleo tartari p. d., quam in spiritu salis armoniaci aquoso, parum terrae albescentis ad fundum dejectae visum est, immutato nitri fixi liquore.

*) Congruunt haec foenomena ex toto cum illis anno praeterito observatis.

§ 7. Sachari saturni solutionis admixtione statim color lacteus orivi, pulvis albus praecipitari, visus est.

*) Mutatio haec anno praeterito celerior fuit, eo tempore post breve intervallum hoc observare licuit.

§ 8. Lunae solutione vix ac ne vix quidem turbata est.

*) Uti anno praeterito.

§ 9. Solutionibus sulphuris tam cum calce viva, quam sale tartari factis, haec ab initio nihil, illa vero parum turbari inventae sunt; horis vero 6—8 praeterlapsis in viridem mutari sine aliquo odore putrido, ut alias illico oriri solet, si hae solutiones aquis Spadanis Pyrmontanisque misceantur.

*) Minoris ergo nunc virtutis in coloris tam quam odoris productione hae aquae illis prioribus sunt.

§ 10. Tincturae et syrupi violarum color vix sensibilem coloris mutationem aquarum admixtione extenderunt, quamvis 24 horas quieto traditae sunt loco.

*) Fere ut anno praeterito inventae sunt.

§ 11. Mercurii solutiones tam corrosivi in aqua, quam vivi in aqua forti soluti, neque in ipso commixtionis actu, neque tractu temporis ullam alterationem passae sunt.

*) Eadem foenomena in priori examine, anno 1752 suscepto, observata sunt.

§ 12. Commixtis infusionibus adstringentium adeo tarde et fere nullius momenti color earum turbatus fuit; ita ut in infusione gallarum, quae alias confestim mutatur, vix sensibilem mutationem ostendat; multo minus in tincturae rosarum commixtione mutatio coloris orta est; quin illud vitrum cujus superficies interna pulvere gallarum conspersa, parum in coeruleum, facta hujus aquae infusione, vergere, oculis se sistit.

*) Anno praeterito signa praesentiam ferri clarius praesentiusque ostendentia fuerunt.

§ 13. Solutionibus vitriolorum, i. e. albi, martialis, veneris, placide amiceque jungebatur, sine ullius coloris odorisque mutatione.

*) Hic eventus etiam in his solutionibus anno fuit praeterito.

§ 14. Sumsimus deinde residuum, post abstractionem 20 librarum aquarum in ipso fontis loco institutam relictum et a Behrio in relatione ejus sub nº 4 indicatum, solvimusque sal; liquorem ope filtri ab ochra separatum reagentibusque exploratum ita sequentia tulit phoenomena:

§ 15. Acidis commixta haec solutio omnis mutationis expers inventa est.

§ 16. Alcalia e contrario tam fixa, quam volatilia, facta commixtione illico turbarunt et albam dejecerunt terram ad fundum.

§ 17. Sachari saturni quam ipsae lunae solutio ab ejus admixtione illico lacteum acquisiverunt colorem.

Nota. Huc usque responderunt plane phoenomena illis, quae anno praeterito cum sale aquis hic abstractis et ex residuo extracto animadversa sunt; in quantum vero ab iis recendunt quae cum sale ex aquis nunc recenter abstractis observata sunt, postea redebimus.

§ 18. Infusionibus adstingentium commixtis color naturalis non mutatus est.

§ 19. Syrupo violarum diluto itemque tincturae adfuso nulla visa est coloris mutatio.

Nota. Plane contrarius anno praeterito evenit effectus, cum sale § 17 dicto. Nam eo tempore sal medium post abstractionem obtentum martialis fuit indolis et cum adstringentium infusione illico colorem produxit purpureum et syrupo violarum conciliavit viridem.

§ 20. Quo accuratius convenientiam experimentorum vel discrepantiam dijudicare possemus, sumsimus libras 12 hujus aquae et in duabus cornutis vitris mundis, singulas libras sex continentibus ad abstractionem tenui commisimus calori. Aqua jam incalescente animadvertimus, eam non adeo turbari (nam ochra maxima ex parte, uti § 1 diximus, ex interstitiis jam extrusa erat), bullulae quidem aëreae, sed non adeo multae, uti anno praeterito, visae sunt, multo minus vero, quam ignis in aquarum Spadanarum Pyrmontanarumque calefactione explodere solebat. Abstracta erat limpida, insipida, eo odore, qui aquis simplicibus abstractis solemnis esse solet, imbuta nullo acidi manifesti signo. Ignem continuavimus in una cornuta usque ad plenariam humiditatis abstractionem, in altera vero usque ad unciam unam cum semisseo residui. Refrigeratis cornutis liquorem superstitem ex ea, qua non ad siccitatem aqua abstracta erat, effudimus aquam relictam, agitata antea cornuta, filtri ope ochram separavimus. Liquorem filtratum cum sequentibus commiscuimus reagentibus.

Et quidem eo

1) Cum acidis commixto nulla mutatio orta est.

2) Oleum e contrario tartari p. d. ejus admixtione albescere incipiebat, temporis intervallo deposuit floccos ad fundum albescentes, ut fieri solet si alcali acido copulatur, quod etiam ex

3) Spiritus salis armoniaci commixtione visum est fieri.

4) Sachari saturni solutio ab ejus admixtione illico lacteum acquisivit colorem, quin

5) Lunae ipsae solutio ad albedinem vergens turbata est, facta ejus immixtione.

6) Infusiones adstringentes obscuriorem et praesertim infusio gallarum in purpureum vergentem acquisivit colorem.

7) Syrupo violarum diluto adfuso viridis mox producebatur color, qui pededentim viridior factus est.

8) Vitriolorum solutionibus amice junctus fuit sine ulla alteratone.

9) Sulphuris solutiones, tam cum calce quam sale alcalico factae, confestim odorem ovorum putridorum spargerunt cum coloris in viridem mutatione.

§ 21. Fracta altera cornuta, remanens ad fundum materia, omni cautione quo ne mica perderetur, exemta est. Erat massa salina citrino colore. Pondus totius materiae gr. xβ. Collum vero cornutae multis coloribus iridis forma lucebat, quod saepius in aquarum mineralium praesertim martialium abstractione observare mihi contigit.

§ 22. Materia aqua pura soluta et ab ochra separata, cujus posterioris pondus gr. ivβ fuit. Liquorem sale impregnatum ut in praecedente § prolixe diximus, iisdem reagentibus in examen vocavimus, sed plane eadem phoenomena in iisdem circumstantiis visa sunt.

§ 23. Ex dictis patet, Aquas Oloniccnses, quas nunc examini subjecimus, fluviali leviores esse. Ochram vero in se continere nemo negabit, quia nudo oculo aquae innatare videri potuit (§ 1). Sed solutam vel potius in subtilissimis moleculis discerptam adhuc interstitiis inhaerere vix ausi sumus asserere, saltim minimum et vix demonstrabilem esse ejus quantitatem solutiones et infusiones adstringentium docent, quarum color vix in sensibilem obscuriorem mutatus est (§ 18). Nam ochra quae jam jam interstitiis extrusa et fundum petere coacta est agere amplius non potuit. Paucissimam tamen remansisse ejus quantitatem ex eo concludendum, quia infusiones adstringentium obscuriores fieri incipiebant, ergo ad mutationem inclinabant. Porro lucidius hoc videndum ex salis solutione et cum reagentibus commixtione fuit (§ 20, n⁰ 6. 7). Nam concentratiora ibi in sale et in minorem aquae molem coacta ingredientia apertius certiusque ejus ostendunt naturam. Illud vero notatu dignum est, quod sal ex destillatione secundum relationem Behrii in ipso fontis loco obtentum (§ 14) et reagentibus nunc exploratum omni ochra privatum esse inventum est, ut ex §§ 18, 19 videndum est. Cum e contrario sal illud tam anno praeterito hic post destillationem acquisitum, quam illa duo (§ 20) ex duodecim libris, duabus diversis cornutis commissis, accepta salia martialem in se retinerunt indolem. Modo non tacendum, quod etiam et omnibus fere §§ elucet, quantitatem tam ochrae vel terrae martialis, quam salis medii nunc perexiguam fuisse et quidem minori in quantitate quam anno praeterito, ita ut in libra una vix gr. 1¹/₄ et gr. dimidium ochrae contineatur. Proprietas vel indoles salis patet ex § 20 n⁰ 2. 3. 4. 5., esse nempe ex genere mirabilium; quia cum alcalibus terram deponit albam (§§ 6; 20), sacharum saturni praecipitat (§§ 7. 20 n⁰ 4), quin ipsam lunae solutionem turbat (§ 8. 20 n⁰ 5). Paucissima vero, ut diximus, ejus in aquis quantitas in caussa est, quare in permistione aquarum Olonicensium cum reagentibus haec phoenomena vix sensibilia sunt. Sed solutio salis apertius hic loquitur. Neutrius vero esse generis, ex eo patet, quia cum acidis amice se jungit (§ 5. 20 n⁰ 1), cum vitriolorum solutione nulla oritur turbatio (§ 13. 20 n⁰ 8). Turbatio vero cum alcalibus, sacharo saturni et lunae solutione specifica est mirabilium salium proprietas (§§ 6. 7. 8. § 20 n⁰ 2. 3. 4. 5).

§ 24. De sulphuris praesentia vel fixi vel volatilis, quo modocunque alias nominare amant, nihil affirmare audemus, quia nullum se manifesta signum, ex quo vel minimum ejus praesentia suspicari liceat. Quin defectus illius *spiritus fontis elastici aërei*, qui aliis fontibus, e. g. Spadanis, Pyrmontanis, Selteranis, semper admixtus est et cujus praesentia sola in caussa est, quare has aquas jam utiles et incorruptas declaramus, nos sentire cogit, Aquas Olunicenses sulphure carere.

Huc usque nostra deduxeramus experimenta. Cum vero cum Behrii experimentis contulissemus, nostra illis ex parte contraria et quidem quibusdam in phoenomenis, quae maximi hac in re momenti sunt, deprehendimus. Nam ille tum in relatione anni praeteriti, tum in ea quam non ita pridem tradidit, vitriolum his aquis inesse non solum retulit, sed ex parte experimentis suis roboravit. Nos vero sal medium e genere mirabilium et ochram tantum invenimus. Nobiscum et cum nostris experimentis conspirant experimenta olim cum his aquis instituta et a cl. D. D. Remus publico communicata, quae in praecl. Riegeri *Introductione in notitiam rerum naturalium et arte factarum*, tom. I, pag. 162, legi possunt. Nos quidem non fugit, totam chemicorum cohortem in dispositione aquarum mineralium saepius vocabulo vitrioli uti et eum mox vitriolum «volatile, sulphureum, fugitivum, crassum» nominare aquisque eum attribuere; sed quum fere omnes hac in re verbis inhaereant, nullo experimento corroborent, potius, ut experimenta docent, eorum partem pro toto sumant, saltem nullus eorum phoenomenorum a Behrio relatorum, ne verbo quidem mentionem faciat, vestigiis eorum insistere non possumus, quin multa phoenomena in contrariam ere sententiam nobis persuadent. Experimenta vero Behrii, quae nostris fontraria sunt et quae praesentiam vitrioli extra dubitationis aleam ponunt, sunt:

1) Commixtio olei tartari p. d. idemque liquoris nitri fixi et spiritus salis armoniaci aquosus ex quorum cum his aquis commixtione indubia vitrioli praesentiae signa orta sunt. Sed tartari vitriolati, quem ostendit, cum his aquis apud fontem ope alcalici salis confectio nullam porro admittit contradictionem. Dubios ergo et ancipites nos haerere confitemur et quum, si fides, ut credimus, experimentis Behrii habenda sit, vitriolum negari non possit, quo modo vero tam fugax, volatile illud esse possit (praesertim cum omnes uno ore affirmant, has aquas spiritu elastico sulphureo volatili carere, qui alias ab omnibus, qui vitriolum aquis inesse dicunt, hunc primum adesse indicant) ut etiam in vasis optime clausis ex aquis sine ulla caloris accessione abire, vel in aliam mutari possit naturam, nulla nobis constat ra-

tio. Praesertim cum omnia ad illustrationem horum phoenomenorum a nobis instituta experimenta, tam cum Aquis Spadanis, Pyrmontanis itemque ex commixtione diversorum salium aqua solutorum votis nostris non responderunt.

Petropoli, ipsis Nonis Maji; MDCCLIII.

Joh. Georg. Model.

За нимъ подписали:

Frid. Nic. Marggraff (младшій докторъ генеральнаго сухопутнаго Спб. госпиталя).

Ge. Th. Asch (прикомандированный къ Мед. Канцеляріи, докторъ-коммиссіонеръ по доставкѣ заграничныхъ минеральныхъ водъ).

Dr. Kruse (главный докторъ генеральнаго адмиралтейскаго Спб. госпиталя, зять Бургаава).

North Vigor (докторъ С. Петербургской дивизіи).

Joannes Andreas Ungebauer (главный докторъ генеральнаго сухопутнаго Спб. госпиталя).

Jo. Jac. Lerche (medicus-consiliarius при Мед. Канцеляріи и Спб. штадтъ-физикъ).

J. F. Schreiber (профессоръ анатоміи въ обоихъ генеральныхъ Спб. госпиталяхъ.

D. Sinopeus (докторъ морскаго корабельнаго флота).

Выше было сказано, что въ петербургскіе госпитали дано было значительное количество воды для испытанія надъ больными и результаты этого испытанія представлены были въ тоже засѣданіе 29 мая и приложены къ моделеву изслѣдованію. Очевидно, что это испытаніе назначено было только для формы, съ подсказаннымъ впередъ заключеніемъ. Собственнаго независимаго мнѣнія, при всемогуществѣ Бургаава, нельзя было ни отъ кого ожидать, кромѣ развѣ профессора Шрейбера, рѣшавшагося иногда говорить правду даже Лестоку: но къ сожалѣнію этотъ энергическій ученый и до мелочности самолюбивый человѣкъ вовсе не занимался медицинской практикою и никогда не имѣлъ больныхъ въ госпиталяхъ, оставаясь только преподавателемъ.

Для вывода заключенiй о терапевтической пользѣ Кончезерской воды, докторъ Унгебауеръ давалъ ее двумъ больнымъ въ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ: одному страдавшему *желтухою* (an einen icterico) солдату Ингерманландскаго полка Игнатiю Васильеву (14 бутылокъ) и другому солдату Астраханскаго полка Елисею Карасеву, «welcher nach einer schweren Colic einen Schmertz in regione supra umbilicum nach dem tractu coli klaget» (5 бутылокъ) и обоимъ безъ успѣха, потому что первый изъ нихъ послѣ того «befindet sich noch in seinen vorigen kränklichen Umständen», а второй «beklaget sich nach, wie vor, über gedachte Schmerzen». И такъ не обозначивъ сущности болѣзненныхъ состоянiй у этихъ больныхъ, ни показанiй къ употребленiю воды, Унгебауеръ на основанiи своихъ опытовъ сдѣлалъ заключенiе, что «woraus also zu schliessen, dass gedachte Wässer nicht die gehörige Krafft besitzen und allzu schwach seyn müssen.»

Докторъ Крузе давалъ воду въ генеральномъ адмиралтейскомъ госпиталѣ одному матросу Андреяну Устинову, три года страдавшему цынгою и дошедшему уже до послѣдней степени истощенiя. Больной при употребленiи воды умеръ, и Крузе написалъ въ заключенiи исторiи его болѣзни: «Nullos effectus manifeste salutares aquis his juste adscribere possum. Illas tamen alvum solvere, aliquomodo dici potest, licet hac virtute minime emineant. Nec urinam, ullo modo, ab hac aqua auctam vel mutatam fuisse, observari licuit.

Но какъ ни плохи и недостаточны были эти (единственныя впрочемъ) наблюденiя, на нихъ основано заключенiе, рѣшавшее участь Кончезерскихъ водъ и приложенное къ моделеву зслѣдованiю. Вотъ это

Iudicium medicum de aquis Olonizensibus.

Nos, qui infra scripsimus, ex mandato Medicae Curiae convocati, attente vidimus et examinavimus experimenta accurate instituta a peritissimo apothecario D-no Model cum aquis Olonizensibus, eaque contulimus cum iis experimentis, quae provisor Behr in ipso fonte instituit cum iisdem aquis; in utrisque experimentis praeter vitriolum, quod in experimentis Behrii extractum esse dicitur, eadem principia elicita sunt, nempe exigua quantitate sal medium ad

Glauberianum ascendens et ochra, sed spirutuascentiam nullam; ex quibus judicamus, aquas istas Olonizenses pauperas esse principiis activis ad subigendos morbos. Petropoli, d. 2 Junii, 1753.

Frid. Nic. Marggraff.
G. Th. Asch.
F. G. Kruse, nosocom. marit. petropolit. Medic. ord. ac Professor.
North Vigor, M. D.
J. Andr. Ungebauer, Phil. et M. D.
Jo. Jac. Lerche.
D. Sinopeus.
J. F. Schreiber.»

Бургаавъ торжествовалъ. Имѣя въ рукахъ этотъ документъ, присланный къ нему при формальномъ рапортѣ Спб. Мед. Конторы отъ 3 іюня 1753 года, онъ уже не боялся, что императрица запретитъ привозъ заграничныхъ минеральныхъ водъ и велитъ замѣнять ихъ русскими, какъ этого желалъ Петръ Великій, не боялся, стало быть, лишиться и тѣхъ выгодъ, которыя приносили ему заграничныя воды. Смягченный этой мыслью, онъ рѣшился сдѣлать уступку въ пользу Кончезерскихъ водъ (оговоря однако, что онѣ уже не тѣ, что были при Петрѣ, вѣроятно потому, что *минеральный ключъ принялъ подъ землею другое направленіе и не даетъ уже такой воды, какую тогда давалъ*) и предложилъ Кабинету сдѣлать, если ему угодно, обрубъ около Кончезерскаго колодезя и даже опредѣлить туда постояннаго медика. При этомъ онъ забылъ даже, что противорѣчитъ самому себѣ, какъ противорѣчилъ и при второй посылкѣ Бера въ Олонецъ: потому что на чтоже нуженъ особый медикъ при такихъ водахъ, которыя ни къ чему негодны? Изложилъ онъ это въ слѣдующемъ (послѣднемъ) донесеніи своемъ Кабинету отъ 30 іюня 1753 года:

Прописавъ весь ходъ дѣла и то, что онъ посылалъ Бера зимою за Кончезерскою водою для новаго ея изслѣдованія, при которомъ присутствовали всѣ петербургскіе доктора, онъ продолжаетъ:

«Сегожъ іюня 9 дня въ Мед. Канцеляріи получены присланные при рапортѣ изъ Мед. Конторы о содержаніи и качествѣ намянутой привезенной зимою съ Олонецкихъ Кончезерскихъ заводовъ марціальной воды учиненное отъ аптекаря описаніе и поданные изъ гошпиталей рапорты и реляціи съ разсужденіемъ всѣхъ бывшихъ при томъ свидѣтельствѣ штадт-

физика, профессоровъ и докторовъ; но токмо изъ оныхъ описанія и реляцій усмотрѣно, что, паче чаянія, означенная марціальная вода меньшимъ содержаніемъ и дѣйствіи противъ освидѣтельствованной въ прошедшее лѣто явилась и хотя нѣколикое число марціальныхъ частицъ въ оной и оказалось, то однакожъ и нынѣ, какъ и освидѣтельствованной прошедшимъ лѣтомъ въ Кабинетъ Е. И. В. сообщено было, въ оной водѣ нужнѣйшаго и во всѣхъ прочихъ минеральныхъ ключахъ имѣющагося духу или колодезнаго спирту не усмотрѣно, а отъ минеральной соли въ оной едва самыя малыя частицы примѣчены, почему оная вода по налитіи въ сосуды скоро слабѣетъ и противный вкусъ и запахъ получаетъ, а затѣмъ къ вывозу и содержанію неспособна. Болѣежъ того, по употребленіи больнымъ надлежащія минеральныхъ водъ свойства не оказываетъ. А понеже блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государь Императоръ Петръ Великій тѣ Олонецкія марціальныя воды съ высочайшею Е. В. фамиліею присутствіемъ своимъ персонально употреблять и въ публикованномъ прошлаго 1719 году указѣ дѣйствіе оной воды опробовать и народу паче Пирмонтской и Шпаданской засвидѣтельствовать изволилъ; такожъ въ публикованномъ предъ симъ въ 1718 году дознаніи лекарскомъ дѣйствіе той марціальной Кончезерской воды въ употребленіи разнымъ страждущимъ тяжкими болѣзнями людѣмъ подлинно засвидѣтельствовано жъ; да и въ учиненномъ прошлаго 1720 году докторами надъ оною водою свидѣтельствѣ число солевого и марціальнаго содержанія отъ пяти до шести частицъ болѣе показано, нежели при нынѣшнихъ обоихъ свидѣтельствахъ явилось; и по такимъ обстоятельствамъ Мед. Канцелярія иное разсужденіе имѣть не можетъ, но что *настоящая жила дѣйствительной марціальной воды нынѣ какимъ либо приключеніемъ затворилась и теченіе свое не взялаль въ иное мѣсто*, какъ то и со многими иностранными колодезями часто случается, болѣежъ за тѣмъ, что Олонецкая вода въ многіе годы уже мало и почти ни отъ кого употреблена была, почему подземное притеканіе изъ дѣйствительной жилы легко запуститься могло. Изъ положеніяжъ тамошняго мѣста и естественнаго тамъ минеральной земли содержанія такой цѣлительной водѣ заподлинно заключать надлежитъ. А дабы такой полезной Россійской Имперіи отъ Бога дарованной даръ не могъ втунѣ остаться, но паки къ пользѣ бѣдныхъ страждущихъ много разнствующими болѣзньми людей изыскань былъ и въ дѣйство происходилъ, того ради Мед. Канцелярія, имѣя о томъ довольное разсужденіе, запотребно усмотрѣла къ тому намѣренію учинить слѣдующія учрежденія:

1) Колодезь тотъ, гдѣ нынѣ марціальная вода содержалась, вырыть глубже, чтобъ видѣть не можно ль опять до настоящей естественной жилы или ключа придти; а чтобъ не могло паки засыпаться, то бъ выложить дикими камнями и сдѣлать новой обрубъ съ крышкою, а для присмотру опредѣлить при ономъ до двухъ человѣкъ изъ отставныхъ солдатъ, что уповательно не много кошту стать можетъ.

2) Всѣхъ прочихъ находящихся въ близости отъ тамошняго мѣста ключей освидѣтельствовать, не взяла ли настоящая марціальная вода теченіе свое куды въ другое мѣсто.

3) Ежели сіе учрежденіе за благо принято и подлежащіе къ тому кошты опредѣлены будутъ, то отъ Мед. Канц. для подлиннаго и пространнаго о содержаніи и пользѣ всѣхъ тамошнихъ водъ свидѣтельства посланъ будетъ на время состоящій въ вѣдомствѣ оной Канцеляріи докторъ, который отъ оной Канцеляріи напредь сего и ко всѣмъ иностраннымъ славнѣйшимъ минеральнымъ водамъ для свидѣтельства и основательнаго онымъ описанія уже посыланъ былъ.

4) А чтобъ оную воду паки употребленіемъ больнымъ испробовать и о дѣйствіи оной подлежащія примѣчанія чинить, то надлежитъ при командѣ тамошнихъ заводовъ содержать достойнаго и особливо въ употребленіи минеральныхъ водъ искуснаго лекаря, съ полученіемъ отъ тѣхъ заводовъ жалованья, ибо та команда не малая и уповательно при тѣхъ заводахъ довольное число состоитъ служителей, а не безъизвѣстно, что при тѣхъ заводахъ обрѣтается точію лекарскій ученикъ, да и оной уже престарѣлъ, почему тамъ для пользованія больныхъ въ лекарѣ обстоитъ не безъ нужды, а такому лекарю денежнаго жалованья во-первыхъ опредѣлить разсуждается до двусотъ рублевъ, да притомъ имѣть бы ему свободную квартеру, дрова и человѣкъ одинъ для услуженія его; а впредь ежели по сысканіи вновь настоящей дѣйствующей марціальной воды какой успѣхъ послѣдуетъ и оному лекарю при смотрѣніи надъ больными, кои оную воду по медицинскимъ регуламъ употреблять имѣютъ, и въ управленіи званія должности его такожъ въ пользованіи потребными при томъ медикаментами труда прибудетъ, то за такой его особой трудъ по усмотрѣнію особливо удовольствованъ и награжденъ быть можетъ. И понеже при означенныхъ заводахъ лекарю необходимо быть потребно, кошту же къ вырытію колодезя и сдѣланію обруба съ прочими поправками немного стать можетъ, а къ содержанію и призиранію больныхъ подлежащіе покои тамъ уже имѣются и безъ дальняго затрудненія въ состояніе приведены быть могутъ; насупротивъ же сего для познанія пользы той марціальной

воды и приведенія оной по прежнему въ употребленіе и знатность, по усмотрѣнію Мед. Канцеляріи, инаго способу и успѣху въ томъ сыскать не можно.»

Въ этомъ донесеніи Бургаавъ былъ щедръ на предположенія, въ увѣренности, что они никогда не исполнятся, а также не заботился и о противорѣчіяхъ, въ которыя впадалъ этими распоряженіями, какъ и донесеніями своими. Но онъ достигъ своей цѣли: не только поколебалъ, но даже совершенно уничтожилъ довѣріе къ Кончезерскимъ минеральнымъ водамъ, поднятое и утвержденное Петромъ Великимъ, и отнялъ возможность употребленія ихъ для болѣе или менѣе достаточныхъ людей (которые одни только и лѣчатся минеральными водами), потому что доктора, подписавшіе выше приведенный приговоръ, конечно не рѣшились бы послать къ нимъ кого-либо изъ своихъ паціентовъ, а въ ихъ рукахъ держался весь медицинскій авторитетъ тогдашняго времени. Но судьба не дала Бургааву воспользоваться плодами этого торжества: черезъ три съ небольшимъ мѣсяца послѣ послѣдняго донесенія его Кабинету о Кончезерскихъ водахъ, бывши съ дворомъ въ Москвѣ, онъ умеръ скоропостижно (7 октября 1753 года), 48 лѣтъ отъ роду.

IV.

ПЕРВЫЯ АКУШЕРСКІЯ ШКОЛЫ

ВЪ РОССІИ.

1754 — 1785.

Систематическое преподаваніе медицинскихъ наукъ въ Россіи введено Петромъ Великимъ, одновременно съ учрежденіемъ большаго госпиталя, въ началѣ прошлаго столѣтія (въ 1706 году). Оно поручено было фанатику своего дѣла, какихъ умѣлъ находить только Петръ Великій, Николаю Бидлоо, голландцу, незадолго до того (въ 1704 году) пріѣхавшему въ Россію. Бидлоо честно исполнилъ свое дѣло около 30 лѣтъ, употреблялъ всѣ усилія образовать свою хирургическую школу и заслужилъ общее уваженіе современниковъ и потомства, но—надобно признаться—не достигъ очень значительныхъ результатовъ, потому что былъ одинъ и не имѣлъ хорошихъ помощниковъ. Можно положительно сказать, что въ его время только два лица заботились о заведенной въ Москвѣ хирургической школѣ: первое было — императоръ, а второе—самъ Бидлоо. Правда, интересовался еще ею св. Синодъ, въ вѣдѣніи котораго находилась она: но онъ могъ помогать ея успѣхамъ, и дѣйствительно помогалъ, только денежными средствами. Архіатеры-иностранцы едва знали объ ея существованіи, и освѣдомлялись объ ней тогда только, когда наступала какая либо война и для арміи вдругъ требовалось много подлѣкарей. Но даже и въ этихъ случаяхъ они предпочитали набирать въ русскую службу иностранцовъ, постоянно предпочитая ихъ русскимъ при одинаковомъ медицинскомъ образованіи. При такомъ недостаткѣ ободренія и поощренія дѣло не могло идти успѣшно. Но оно имѣло залогъ безуспѣшности и въ самомъ основаніи своемъ, во-первыхъ потому, что предоставлено было частному произволу и личной опытности,

честности и знаніямъ, а частію потому, что, по духу времени, было очень односторонне и не допускало никакого прогресса. И Бидлоо и его преемники учили, какъ могли и хотѣли, не имѣя никакихъ программъ и никому не давая отчета въ своемъ преподаваніи, даже могли вовсе ничему не учить, что иногда и случалось. Съ другой же стороны цѣлью ученія поставлена была «медическая и хирургическая практика», наглядная сторона медицины и хирургіи, безъ разъясненія основныхъ теоретическихъ началъ, которыя должны полагаться въ основаніе всякой практики. Слово «физіологія» не произносилось даже въ школахъ почти цѣлыя 50 лѣтъ перваго ихъ существованія, до самаго основанія Московскаго университета. Ученикъ умѣлъ кое-какъ перевязать рану, приложить пластырь или связать переломъ и— его дѣлали лѣкарскимъ «подмастерьемъ» и выпускали въ армію. Практичность и исключительная практичность школьнаго ученія сгубила самую школу и даже отразила свое вредное вліяніе на отдаленныхъ послѣдующихъ временахъ: еще и теперь русская медицина не можетъ высвободиться изъ подъ этой гнетущей ферулы «практическаго направленія». Въ тѣ времена это было, впрочемъ, явленіемъ самымъ естественнымъ и понятнымъ: сами учители знали немного болѣе того, что передавали ученикамъ, а можетъ быть были и такіе, которые не хотѣли передать всего, что знали. Чтобы хорошо и совѣстливо учить, надобно самому безпрерывно учиться и любить свое учительское призваніе: а могъ ли рѣшиться на это чужеземный искатель быстраго обогащенія и притомъ въ такой странѣ, которую, проживъ даже сто лѣтъ въ ней, не желалъ бы назвать своею? Ни одному архіятеру не могла прійдти въ голову мысль, чтобы какой либо русскій могъ назваться докторомъ и пріобрѣсти тѣ свѣдѣнія, какими отличались тогдашніе иностранные доктора, хотя множество молодыхъ иностранцовъ, родившихся въ Россіи, уѣзжали за границу и даже посылаемы были насчетъ русскаго правительства и скоро возвращались оттуда съ докторскими дипломами [1]). Да и

---

[1]) Такъ ѣздили въ ранней молодости изъ Москвы въ чужіе краи Лавр. Блюментрость, Анд. Севасто, П. Кондоиди, Ив. де-Тейльсъ, Фр. Кланке и многіе другіе, и возвратились съ докторскими дипломами. Кондоиди отправленъ былъ роднымъ дядею, суздальскимъ архіепископомъ Афанасіемъ. На счетъ правительства по-

не безопасно было для нихъ содѣйствовать этому, потому что тогда безконтрольный авторитетъ ихъ и вліяніе очень легко могли поколебаться и даже совершенно рухнуть. Отъ этого и происходило, что большая часть воспитанниковъ школы Бидлоо почти всю жизнь свою оставались въ званіи подлѣкарей (subchirurgus), только на старости достигая званія лѣкаря (chirurgus); но и это счастіе выпадало на долю тѣхъ немногихъ, которымъ или прилось служить въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи, или удалось дожить до царствованія Елисаветы Петровны [1]).

И такъ школьное преподаваніе медицины было въ то время исключительно практическое въ самомъ тѣсномъ и ограниченномъ смыслѣ этого слова. Но оно было притомъ и далеко не полное. Не преподавалось множество наукъ, которыя составляютъ теперь непремѣнную принадлежность медицинскаго образованія: о физикѣ, естественной исторіи, физіологіи и акушерствѣ даже и помину не было. Экзамены назначались также произвольно, какъ произвольно происходило и самое преподаваніе: одного экзаменовали черезъ три года школьной жизни, другаго черезъ семь, десять и даже черезъ двѣнадцать лѣтъ.

Такой порядокъ вещей продолжался почти цѣлыя пятдесятъ лѣтъ, до вступленія въ управленіе «всѣмъ медицинскимъ факультетомъ въ Россіи» доктора Павла Захаровича Кондоиди. Этотъ замѣчательный человѣкъ, по рожденію и религіи грекъ, въ ранней молодости пріѣхалъ въ Россію и полюбилъ новое свое отечество всѣми силами души своей. Обладая рѣдкимъ для того времени образованіемъ и опытностью, почерпнутою изъ продолжительныхъ путешествій по Европѣ, онъ съ самыхъ раннихъ

сланы были: въ 1721 году лѣкарь Богданъ Штелинъ, съ жалованьемъ по 200 р. въ годъ, которое въ 1727 году по именному повелѣнію Петра II увеличено до 300 р., въ 1727 году—аптек. гезель Эйхлеръ; въ 1731 году лѣкарь Андрей Мюнксъ.

[1]) Первымъ главнымъ лѣкаремъ (Ober-Chirurgus) изъ природныхъ русскихъ былъ Никита Григорьевичъ Ножевщиковъ, произведенный въ это званіе изъ лѣкарей московскаго госпиталя директоромъ медицинской канцеляріи П. З. Кондоиди 15 января 1758 года, «за отличныя знанія въ лѣкарскомъ искуствѣ при честномъ и трезвомъ состояніи», съ назначеніемъ на Колывановоскресенскіе заводы. Вторымъ по времени «главнымъ лѣкаремъ» изъ русскихъ, именно помощникомъ старшаго доктора въ большомъ госпиталѣ, былъ въ Московскомъ генеральномъ госпиталѣ Николай Чубенскій, утвержденный въ этой должности 1-го іюня 1758 года. Оба они были воспитанники Московскаго генеральнаго госпиталя и находились въ службѣ съ 1736 года.

лѣтъ началъ присматриваться къ ходу медицинскихъ нашихъ учрежденій въ рукахъ архіятеровъ и не могъ не замѣтить, что они не способны ни къ какимъ успѣхамъ и ни къ какому развитію, пока управленіе ими будетъ довольствоваться исключительно только формою, не снабженною ни малѣйшимъ содержаніемъ. Онъ видѣлъ, что существующія учрежденія существуютъ только по формѣ, безъ малѣйшей заботливости о цѣли, для которой они назначены. Много было школъ, но весьма мало образованія, много было лицъ съ большими прерогативами, но дѣло имъ порученное или совсѣмъ неисполнялось, или исполнялось очень плохо, т. е. только для соблюденія формы. Изъ множества примѣровъ въ подтвержденіе этого приведу два только. Такъ, при заведеніи множества медицинскихъ школъ во всѣхъ большихъ госпиталяхъ, натурально было думать о надлежащемъ преподаваніи анатоміи, а между тѣмъ анатомія преподавалась кое-какъ, даже въ лучшихъ изъ этихъ школъ. Доказательствомъ служитъ между прочимъ то, что профессоръ Шрейберъ, преподававшій анатомію въ двухъ Петербургскихъ генеральныхъ госпиталяхъ (сухопутномъ и адмиралтейскомъ), членъ Спб. Академіи Наукъ и человѣкъ весьма ученый, живя по собственному желанію на Аптекарскомъ острову (въ Ботаническомъ саду, гдѣ нынѣ живетъ директоръ этого сада) и не желая ѣздить на Выборгскую сторону читать лекціи, просилъ разрѣшенія (13 марта 1755) призывать всѣхъ госпитальныхъ учениковъ и подлѣкарей для слушанія лекцій анатоміи къ себѣ на квартиру и доказывалъ основательность этой просьбы тѣмъ, что курсъ его «только изъ однихъ рѣчей состоитъ». Другой примѣръ. Съ самой Турецкой войны 1738 года русскимъ границамъ начало грозить вторженіе чумы и опасенія были такъ велики, что Сенатъ предложилъ Медицинской Канцеляріи принять самыя дѣятельныя мѣры. Послѣдняя дѣйствительно приняла свои мѣры: учредила длинный рядъ карантиновъ (около 20), протянувъ его по всей юго-западной границѣ отъ Пскова черезъ Смоленскую, Кіевскую и Екатеринославскую губерніи до Астрахани, снабдила ихъ свѣдущими врачами, потребовала постройки карантинныхъ домовъ и форпостовъ для службы ихъ, а когда все было готово—правительство отдало ихъ на откупъ частнымъ лицамъ и тѣмъ подало поводъ къ неисправимой нравственной порчѣ учрежденія при самомъ основаніи его, а Россія принуж-

дена была принести за это въ послѣдствіи кровавую очистительную жертву.

Первымъ дѣломъ Кондоиди по вступленіи въ управленіе было—опредѣлить точный объемъ медицинскаго образованія, какое можетъ быть дано юности въ госпитальныхъ медицинскихъ школахъ, и затѣмъ самую программу школьнаго преподаванія. Въ слѣдствіе этого онъ собственноручно написалъ инструкцію для госпитальныхъ школъ (4 іюля 1754 года), въ которой опредѣлилъ сроки ученія, число и объемъ преподаваемыхъ предметовъ, сроки преподаванія каждаго изъ нихъ, съ указаніемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже учебниковъ, по которымъ оно можетъ быть производимо, и наконецъ установилъ недѣльныя репетиціи и третные экзамены.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обратилъ вниманіе на выборъ преподавателей и ихъ служебное обезпеченіе. Съ этой цѣлью онъ испросилъ у Сената разрѣшеніе (5 февраля 1754) опредѣлить въ каждый госпиталь по одному младшему доктору, исключительною обязанностью которыхъ (по данной Кондоиди инструкціи) было бы преподаваніе въ госпитальныхъ школахъ разныхъ медицинскихъ наукъ. Сумма, испрошенная на это у Сената, была ничтожна (только 2000 рублей), а польза, ею принесенная, неизмѣрима. Такъ опредѣлены были послѣдовательно доктора: Конрадъ Даль (C. Dahl) въ С.-Петербургскій адмиралтейскій госпиталь, Демьянъ Петаля а Бриль (Diamantes Petala a Bryll), а потомъ Иванъ Андреевичъ Полетика въ С. Петербургскій генеральный сухопутный, Христофоръ Кулеманъ (Joh. Ch. Kuhlemann), а потомъ Иванъ Штелинъ (J. Stachlin) въ кронштадтскій, А. Б. Винклеръ (Adolph Bernhardt Wincler), Гаэтано Мира и Іоакимъ Раушертъ (Joachim Rauschert) въ московскій и многіе другіе.

А чтобы не остановилось дѣло за учебными пособіями, онъ съ одной стороны озаботился доставленіемъ труповъ для демонстрацій и анатомохирургическихъ инструментовъ, а съ другой — завелъ при Медицинской Канцеляріи достаточную библіотеку по всѣмъ частямъ медицины и 21 марта 1754 года испросилъ у Сената 400 рублей на выписку изъ за границы классическихъ учебниковъ, съ тѣмъ чтобы послѣ продажи этихъ книгъ деньги опять возвращены были въ статсъ-контору. Библіотека медицинской канцеляріи, устроенная Кондоиди почти исключительно изъ

лично принадлежавшихъ ему книгъ, пожертвованныхъ въ пользу общую, была первою въ Россіи, открытою для медицинской публики, притомъ съ тѣмъ, что всякій, входя въ нее, долженъ былъ оставить за порогомъ свои чиновныя или служебныя претензіи и явиться уже простымъ любителемъ чтенія и просвѣщенія. Замѣчательная инструкція для посѣтителей этой библіотеки написана также собственноручно самимъ Кондоиди и разослана ко всѣмъ членамъ тогдашняго медицинскаго сословія.

Для полноты этой библіотеки и для сообщенія врачамъ всѣхъ извѣстій о движеніи науки, Медицинская Канцелярія начала выписывать два ученыхъ журнала, именно *Journal des savants* изъ Голландіи и *Commentaria de rebus in scientia naturali et medicina gestis* изъ Лейпцига (съ 1 января 1754), причемъ *Commentaria* выписаны были съ самаго начала изданія ихъ, т. е. съ 1752 года; кромѣ того позднѣе выписывались еще *Acta physico-medica Academiae naturae curiosorum* и *Göttingische gelehrte Zeitungen*.

Организовавъ ученье, Кондоиди не оставилъ безъ вниманія и служебной дѣятельности лицъ, окончившихъ первоначальное медицинское образованіе. Онъ потребовалъ точнаго исполненія обязанностей отъ всѣхъ тѣхъ, которые поставлены въ главѣ разныхъ отраслей управленія, особенно въ военной службѣ. Но при этомъ оказалось, что всѣ эти лица не знали за собою никакихъ другихъ обязанностей, кромѣ передачи бумагъ изъ низшей инстанціи въ высшую, отъ полковаго подлѣкаря черезъ рядъ посредниковъ къ главному директору Медицинской Канцеляріи. Дѣлать было нечего—надобно было начинать сначала: и Кондоиди написалъ подробныя инструкціи всѣмъ, начиная съ помощниковъ своихъ Лерхе и Грива (medici-consiliarii), потомъ генеральнымъ штабъ-докторамъ арміи, дивизіоннымъ докторамъ, штабъ-лѣкарямъ и оканчивая полевымъ аптекаремъ — инструкціи полныя смысла, начальнической предусмотрительности и отеческой любви. Въ этихъ инструкціяхъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда той невидимой, но чувствительной цѣпи, которою любитъ опутывать подчиненныхъ безконтрольная централизирующая власть, но за то вѣетъ тѣмъ обаяніемъ искренняго радушія, довѣрчивости и пріязни, которое невольно тянетъ всѣхъ членовъ одной семьи къ одному центру, указывая въ немъ необманчивый свѣтъ, надежное прибѣжище и защиту.

Кондоиди искренно любилъ свое званіе, любилъ и товарищей своихъ по званію. Пройдя самъ всѣ степени служебной іерархіи, онъ очень хорошо зналъ всѣ трудности и огорченія медицинской жизни и не безусловно осуждалъ тѣхъ, которые въ борьбѣ съ дѣйствительностью впадали въ малодушіе или апатію. Онъ зналъ, что если современникамъ и сослуживцамъ его недостаетъ многихъ еще идеальныхъ совершенствъ, то вносимыя ими въ служебную жизнь достоинства и заслуги все-таки не такъ незначительны, чтобы не заслуживать ободренія и поддержки. И онъ ободрялъ и поддерживалъ ихъ. Русскіе врачи не должны забывать, что ему обязаны они не только расширеніемъ круга образованія своего, но и расширеніемъ своей табели о рангахъ: съ его времени и по его представленію началось производство врачей въ чины соотвѣтственно заслугамъ и наровнѣ съ другими гражданскими чиновниками. Правда, по табели о рангахъ 24 декабря 1722 года, врачебнымъ должностямъ присвоены были чины, напр. доктору и штабъ-лѣкарю гвардейскаго полка рангъ армейскаго капитана, штабъ-лѣкарю рангъ капитанъ-поручика и т. д., что подтверждено воинскимъ штатомъ 1737 года: но такъ какъ медицинскія званія оставались неизмѣнными, то и соотвѣтствовавшіе имъ чины должны были оставаться неподвижными. Докторъ, вступая въ службу и получая капитанскій рангъ, оставался неизмѣнно въ этомъ чинѣ на всю жизнь свою, если только не попадалъ въ лейбъ-медики (рангъ полковника) или президенты Медицинской Канцеляріи (рангъ генералъ-маіора и даже тайнаго совѣтника [1]). Заставляя врачей образовать себя и

---

[1]) По воинскому штату и табели 1720 года, докторъ состоялъ въ капитанскомъ рангѣ, штабъ-лѣкарь въ рангѣ капитана-поручика, надворный лѣкарь—въ рангѣ лейтенанта. Эта табель распространена была въ 1722 году, въ которой поставлены:

Архіатеръ, яко президентъ Медицинской Канцеляріи, наровнѣ съ президентами коллегій и штабсъ-конторы, въ рангѣ генералъ-маіора, и какъ архіатеръ—бригадира; лейбъ-медикъ въ рангѣ полковника; штабъ-лѣкари гвардейскихъ полковъ—арміи капитана; армейскіе штабъ-лѣкари—капитана-поручика, надворные лѣкари—лейтенанта; надворные аптекари—фендриха, а прочимъ аптекарскимъ чинамъ ранга не опредѣлено.

Эта табель подтверждена была воинскимъ штатомъ медицинскихъ чиновъ 1737 года. Не надобно забывать, что тогда названія: «докторъ», «штабъ-лѣкарь» на служебномъ языкѣ значили не то, что нынѣ. Докторъ никогда не могъ занять должности ниже дивизіоннаго доктора, хотя бы ему было не болѣе

учиться, Кондоиди хотѣлъ дать имъ и награду за прилежаніе и энергію. Вслѣдствіе этого онъ представилъ Сенату донесеніе 16 марта 1758 года, съ изъясненіемъ непримѣнимости табели о рангахъ къ докторской службѣ. Указавъ, что докторъ положенъ по этой табели въ рангѣ капитана, онъ говоритъ, что «такое докторовъ въ одномъ рангѣ закоснѣніе должно слѣдствіе имѣть такое, что другіе, а особливо изъ своихъ природныхъ, не могутъ быть ободрены къ той наукѣ прилежать и оною полезныя услуги отечеству оказать, ибо всякій человѣкъ имѣя амбицію, сирѣчь чувствіе чести, съ хлѣбомъ желаетъ заслужить и честь, да такихъ служителей и желать надобно.» Сенатъ уважилъ это представленіе и 14 апрѣля 1758 года произвелъ въ надворные совѣтники шестерыхъ докторовъ (А. Тейльса, Я. Миліуса, Д. Синопеуса, И. Лерхе, И. Шиллинга и И. Унгебауера), изъ коихъ самый старшій былъ 44, а самый младшій 18 лѣтъ на службѣ. Съ того времени каждый докторъ могъ быть представленъ за дѣйствительныя заслуги къ слѣдующимъ чинамъ.

Но какъ ни заботился Кондоиди объ организаціи школьнаго преподаванія медицинскихъ наукъ въ госпиталяхъ, онъ не могъ устранить той односторонности медицинскаго образованія, которая неизбѣжна была по самой организаціи госпиталей. Онъ не могъ ввести въ нихъ преподаванія акушерства, потому что госпитальное ученіе имѣло почти исключительною цѣлью приготовленіе медицинскаго персонала для арміи, между тѣмъ какъ акушерство считалось чисто гражданскою потребностью.

Между тѣмъ потребность эта была очень велика и надобно только удивляться, какъ не замѣчали ея предшественники Кондоиди. Правда, Лестокъ не любилъ женатыхъ, а лѣкарскимъ и аптекарскимъ ученикамъ совсѣмъ не позволялъ жениться (указъ его 16 апрѣля 1742 года), можетъ быть отъ того, что жалобы и гореванье вдовъ и сиротъ тревожили его безпечную, но не злую душу. Чтоже касается до Бургаава, то ему мало было горя до другихъ, лишь бы самому было хорошо, и онъ такъ былъ равно-

---

20 лѣтъ отъ роду, а штабъ-лѣкарское званіе получалось чрезъ пожалованіе большею частію въ глубокой старости: такъ операторъ Спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя Яковъ фонъ-Мелленъ, болѣе 25 лѣтъ преподававшій демонстративную анатомію и отличавшійся чрезвычайнымъ трудолюбіемъ, пожалованъ штабъ-лѣкаремъ послѣ 25 лѣтъ службы.

душенъ къ этому дѣлу, что не поискалъ акушерки даже ко двору, хотя молодая цесаревна (будущая императрица Екатерина II) подавала добрыя надежды. Эту забывчивость поправилъ Кондоиди, опредѣливъ при самомъ вступленіи своемъ въ управленіе [1]) акушеркою ко двору голландку Адріану фанъ-деръ-Шааръ *(Adriana van-der-Schaar)*, которой и предписано безотлучно быть въ свитѣ цесаревны (9 мая 1754 года):

Обдумывая, какъ удовлетворить этой важной и не терпящей отлагательства потребности общества и откуда взять денегъ на учрежденіе «бабичьяго дѣла» (какъ тогда говорилось), онъ остановился на счастливой мысли взять ихъ отъ самаго общества, нуждающагося въ этомъ учрежденіи. Онъ разсуждалъ такъ: если общество сознаетъ эту потребность (а оно не можетъ не сознавать ея), то оно не затруднится содѣйствовать ея удовлетворенію для своей же собственной пользы, тѣмъ болѣе, что содѣйствіе должно ограничиться весьма небольшимъ пожертвованіемъ. По его разсчету нужно было денегъ не болѣе 3000 рублей — сумма ничтожная въ сравненіи съ благодѣяніемъ, которое можетъ быть ею куплено. Оставалось придумать средство или лучше сказать форму сбора этихъ денегъ. Но и въ этомъ не представлялось повидимому затрудненій: всякая роженица, благополучно разрѣшившаяся отъ бремени, должна будетъ вносить въ казну извѣстную небольшую сумму денегъ, смотря по рангу своему, и эти деньги составятъ капиталъ, котораго всегда достанетъ не только на учрежденіе, но и на поддержаніе и усовершенствованіе «бабичьяго дѣла». А такъ какъ этотъ сборъ не могъ однакожъ получиться тотчасъ и сполна, а могъ поступать только постепенно, то предположено взять заимообразно и единовременно изъ статсъ-конторы 3000 р. съ тѣмъ, чтобы потомъ собранными деньгами уплатить ихъ, и слѣдовательно приступить къ учрежденію «бабичьяго дѣла« тотчасъ же:

---

[1]) П. З. Кондоиди назначенъ директоромъ Медицинской Канцеляріи и первымъ лейбъ-медикомъ съ чиномъ тайнаго совѣтника, именнымъ указомъ Прав. Сенату 8 марта 1734 года. При этомъ положено ему 5000 р. жалованья, и назначено «быть въ единственномъ Е. И. В. вѣдѣніи и прямо отъ Е. И. В. зависѣть». Но онъ исправлялъ эту должность почти со дня смерти Бургаава, еще бывши гофъ-медикомъ, именно съ 16 декабря 1753 года.

Все это обсудивъ и передумавъ, Кондоиди составилъ 21 марта 1754 года слѣдующее опредѣленіе Медицинской Канцеляріи, которое и представилъ Прав. Сенату:

«Понеже не безъизвѣстно есть, сколько злыхъ слѣдствій рожаницамъ за неимѣніемъ ученыхъ и искусныхъ бабокъ ежедневно происходитъ, и нерѣдкоже бываетъ, что оныя бѣдныя рожаницы въ мукѣ своей, да и безгрѣшные младенцы за тѣмъ же имѣющихся бабокъ неискуствомъ не токмо на всю жизнь съ увѣчьемъ однимъ или другимъ остаются, но и самой жизни безвременно лишаются, такъ что ежелибъ въ томъ во всемъ вѣрныя содержалися записки, явственно бы оказалось, что слѣдующая отъ того народная гибель превосходитъ мнѣнія и упованія, какія въ томъ себѣ представить кто можетъ; слѣдственно самая крайняя нужда, польза общества и примѣръ другихъ государствъ необходимо требуютъ учинить и на добромъ и твердомъ основаніи для предку утвердить порядокъ и учрежденіе о бабкахъ, и Медицинская Канцелярія признаваетъ себѣ за должность о таковыхъ порядкахъ и учрежденіяхъ мнѣніе свое представить къ разсмотрѣнію, того ради сего 1754 года марта 21 дня, по указу Е. И. В., Медицинская Канцелярія п р и к а з а л и о учиненіи порядка и учрежденія о бабкахъ и о произвожденіи оныхъ впредь внутри государства съ надлежащимъ знаніемъ и искуствомъ въ пользу общества Прав. Сенату представить слѣдующее:

1) Надлежитъ нынѣ всѣхъ имѣющихся въ Москвѣ и С.-Петербургѣ бабокъ россійскихъ и иностранныхъ и кои понынѣ въ Медицинской Канцеляріи не освидѣтельствованы и не опробованы въ знаніи искуства ихъ, въ оной Канцеляріи и той Канцеляріи въ Конторѣ освидѣтельствовать искусными къ тому докторомъ и лѣкаремъ и засвидѣтельствованными и присяжными бабками, и кои по аттестатамъ явятся достойны, онымъ для отправленія бабичей должности давать отъ Медицинской Канцеляріи указы, и сообща въ полицію для народнаго извѣстія о таковыхъ публиковать и въ оной ихъ должности привесть ихъ къ присягѣ по приложенному при семъ формуляру и именоваться имъ присяжными бабками, чего для нынѣ вопервыхъ публиковать и куда надлежитъ послать указы, дабы всѣ тѣ бабки въ Медицинской Канцеляріи и Конторѣ явилися отъ публикацій того указа по прошествіи полугода, и неосвидѣтельствованныя и неопробованныя и къ присягѣ неприведенныя отъ Медицинской Канцеляріи и Конторы женщины бабичью должность отправлять не отваживались и партикулярные люди таковыхъ женщинъ къ тому употреблять не дерзали; а ежели по прошествіи того срока такая женщина не освидѣтельствованная и не опробо-

вавшая въ томъ изобличена будетъ, таковыхъ брать въ Медицинскую Канцелярію и допрашивать и по изобрѣтенію дѣла штрафовать или по усмотрѣнію той Канцеляріи опасности преступленія другимъ въ страхъ и на тѣлѣ наказывать плетьми публично, а съ такого партикулярнаго человѣка, который въ томъ такую не освидѣтельствованную женщину употребитъ и въ томъ изобличенъ будетъ, имать штрафъ съ каждаго и въ каждый разъ по 10 рублевъ, которые употреблять на содержаніе того бабичьяго дѣла. Изъемлется однако въ томъ самая крайнѣйшая нужда и когда настоящую бабку достать было невозможно.

2) Число присяжныхъ бабокъ да будетъ впредь въ Москвѣ до 15, а въ Спб. до 10, а не свыше того, понеже уповается, что тѣмъ числомъ народъ можетъ быть удовольствованъ и притомъ оныя бабки исправленіемъ своей должности въ довольствіи состоять могутъ, и для того Медицинская Канцелярія вопервыхъ старается тѣмъ положеннымъ числомъ бабокъ удовольствовать оные столичные города; а за тѣмъ когда будутъ излишнія опредѣлить по одной бабкѣ въ каждый губернскій городъ, а когда тѣ будутъ удовольствованы потомужъ опредѣлять и въ каждый провинціальный городъ, дабы современемъ ими все государство удовольствовать.

3) А понеже не уповательно, чтобы въ Москвѣ и въ Спб. столько имѣлось бабокъ, наукою и практикою достойныхъ, сколько по обширности оныхъ столичныхъ городовъ для удовольствія народнаго потребно по вышеписанному, того радя до совершеннаго и полнаго удовольствованія учеными бабками, таковыхъ бабокъ, которыя хотя науки и не имѣютъ, но при эмзаменѣ окажутся довольно практикованными, и тѣхъ принимать и опредѣлять съ такимъ точію обязательствомъ, чтобъ онѣ должны были въ случаѣ нужды у трудныхъ родинъ призывать находящуюся въ службѣ бабку или опредѣленнаго къ тому акушера или доктора, а не полагались бы однѣ на себя въ такихъ случаяхъ:

4) Какое чинить надлежитъ награжденіе бабкамъ за трудъ ихъ во освобожденіи рожаницъ, по мнѣнію Медицинской Канцеляріи при семъ для разсмотрѣнія представляется росписаніе; которое сочинено по рангамъ для того, чтобъ всѣмъ и каждому было безъ отягощенія, притомъ же всѣ и каждый могли пользоваться равно, а бабки въ пропитаніи и содержаніи своемъ могли же бы быть довольны, чрезъ что какъ онѣ сами, такъ и другія женщины впредь поощряемы быть могутъ къ прилежанію того дѣла, и для того что въ томъ по разсмотрѣнію Правительствующаго Сената положено будетъ опредѣлить надлежитъ точно, чтобы всѣ и каждый заплатить имѣли безъ отговорокъ, а ежели кто сверхъ положеннаго похочетъ ихъ чѣмъ

наградить, оставить на волѣ. А понеже въ родинахъ трудъ и искуство весьма разнствуютъ, когда они бываютъ легкія, сирѣчь натуральныя, или трудныя, сирѣчь ненатуральныя, потому и награжденіе чинить надлежитъ по справедливости и въ томъ полагаться на разсужденіе бываемыхъ въ таковыхъ случаяхъ докторовъ и лѣкарей. Да хотя рожаница въ мукѣ своей по волѣ Божіей умретъ, ежели бабка все возможное стараніе свое приложила и со усердіемъ и прилежаніемъ такой рожаницѣ служила, слѣдственно должность свою исполнила, и въ такомъ несчастіи винности ея состоять не будетъ, то и положенное награжденіе такой бабкѣ дать надлежитъ безъ изъятія, а ежелибъ кто въ томъ спорить сталъ или исполнить не хотѣлъ—доносить Медицинской Канцеляріи, которой что принадлежитъ до искуства въ томъ разбирать и рѣшать докторами и искусными въ томъ лѣкарями по справедливости и тому той Канцеляріи рѣшенію быть всѣмъ послушнымъ.

5) Должны да будутъ бабки съ своими ученицами въ родинахъ служить и младенцовъ принимать суще у бѣдныхъ и неимущихъ женщинъ безъ заплаты, христіанской ради любви и для приращенія и утвержденія своей въ наукѣ практики, и съ таковыми женщинами поступать съ равномѣрнымъ радѣніемъ и прилежаніемъ яко бы и съ знатнѣйшею особою, не взирая на то ежели иногда случиться имъ будетъ служить и такой, которая незаконная чья жена, понеже дѣло и должность ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ и страждущему человѣку учинить помощь и происходящаго на свѣтъ человѣка спасти, что единственно исполнять имѣютъ, а ежели и изъ таковыхъ изобрѣтается, что такая женщина принадлежитъ такому человѣку, который въ состояніи находится, то долженъ да будетъ по своему рангу бабкѣ и награжденіе учинить положенное.

6) Понеже въ тайной канцеляріи, въ полиціи и въ другихъ судебныхъ мѣстахъ бываютъ содержащіяся брюхатыя женщины, такожъ о насильствіи дѣвицъ бываютъ осмотры и для другихъ таковыхъ потребностей, по мнѣнію Медицинской Канцеляріи надлежитъ въ Москвѣ и въ Спб. содержать по двѣ бабки на казенномъ жалованьи и оное производить имъ отъ Медицинской Канцеляріи и по разсмотрѣнію оной, и изъ оныхъ быть одной старшей, другой младшей, и давать имъ, а именно въ Москвѣ старшей до 200 рублевъ въ годъ, младшей до 150 рублевъ въ годъ, а въ Спб. старшей до 300 рублевъ, младшей до 200 рублевъ въ годъ, которые производить имъ по третямъ года по указу, и для такого опредѣленія выбирать Медицинской Канцеляріи изъ имѣющихся россійскихъ и иностранныхъ являющихся наукою и практикою достойнѣйшихъ и оныхъ на жалованьи со-

держащимся бабкамъ сверхъ вышеписанныхъ потребностей наипаче надлежитъ за то суще бѣднымъ и неимущимъ женщинамъ въ родинахъ служить и помогать безплатно.

7) Бабка замужняя и дочерей имѣющая должна да будетъ хотя одну свою дочь воспитавъ произвесть въ томъ дѣлѣ, чтобъ она сама впредь бабкою быть могла и мѣсто матери своей заступить.

8) Имъ же бабкамъ должно навѣдываться, приискивать и промышлять кормилицъ для рожаницъ своихъ, кои отъ нихъ тѣхъ кормилицъ требовать будутъ, въ чемъ непремѣнно смотрѣть того, чтобъ были оныя женщины

a) Здоровыя, и для того прилежно осматривать ихъ нагихъ всюду, ибо неимовѣрно сколько невинныхъ младенцовъ по нестерпимомъ страданіи безвременно помираетъ за нездоровьемъ и нечистотою въ тѣлѣ непотребныхъ кормилицъ;

b) Постоянныя, егда и отъ того не малыя помѣшательства въ домашнемъ дѣлѣ и крайнія озлобленія и оскорбленія родителямъ отъ кормилицъ бываютъ;

c) Благонравныя, понеже нерѣдко случается, что злостію кормилицъ невинные младенцы не токмо увѣчены на вѣкъ бываютъ, но и самой жизни лишаются, и для того симъ случаемъ обществу и любящимъ своихъ дѣтей родителямъ прилежно напоминается въ выборѣ кормилицъ къ воспитанію своихъ дѣтей крайне прилагать осмотрѣніе и осторожность и больше нежели по сіе время чинимо бываетъ, ибо тѣмъ состоимъ чѣмъ питаемся, слѣдственно не токмо здравіе наше, но и душевныя качества наши отъ питанія и воспитанія нашего наипаче зависятъ; да сверхъ того чинъ отъ чина разнствуетъ природою, воспитаніемъ и положительнымъ дѣломъ въ общемъ житіи, слѣдственно очевидно есть, что напримѣръ сына благороднаго и въ прохладѣ живущаго человѣка сравнять никакъ невозможно съ сыномъ трудомъ и работою при бѣдномъ пропитаніи окостянившагося деревенскаго мужика, отчего слѣдуетъ ежели равное дается имъ питаніе, должно оно одному пользовать, а другому вредить, и сіе есть что непрестанно примѣчается и отъ чего благородныя новорожденныя дѣти всеконечно страждутъ и лѣкарствами мучимы бываютъ и множество ихъ помираетъ, ибо всевидящій Творецъ такъ сотворилъ женское тѣло, дабы каждая мать своего ребенка сама кормила и тѣмъ не токмо должность свою материнскую исполняла, но и многихъ болѣзней отбѣгала и избавлялась.

9) Каждая присяжная бабка должна да будетъ имѣть по меньшей мѣрѣ по двѣ ученицы, желающихъ къ тому дѣлу прилежать, и оныхъ имъ бабкамъ отъ себя промышлять, а когда промыслятъ — въ Медицинскую

Канцелярію и оной Канцеляріи въ Контору объявлять, гдѣ имена ихъ и чьи онѣ записывать, и что онѣ бабичьему дѣлу прилежать желаютъ сказки съ нихъ брать.

10) Тѣхъ учениць промышлять наипаче изъ замужнихъ или вдовствующихъ женщинъ и изъ незамужнихъ того желающихъ, изъ россійскихъ и изъ иностранныхъ въ Россіи родившихся, отъ 18 до 25 лѣтъ возраста ихъ, и ежели случится таковымъ быть изъ господскихъ людей, имѣть имъ на то отъ господъ своихъ позволеніе письменно, которое объявлять имъ въ Медицинскую Канцелярію или Контору и потому отъ оной Канцеляріи и Конторы для убѣжанія всякаго подлогу и фальши справливаться подлинно, что̀ ежели явится, учиня опредѣленіе и оставя при дѣлѣ съ того позволительнаго письма копію со свидѣтельствомъ подлинности о бытіи имъ въ ученицахъ при тѣхъ бабкахъ давать указъ.

11) Потомужъ поступать и съ другими россійскими и иностранными въ Россіи родившимися и справливаться подлинно и свидѣтельства брать отъ родителей ихъ и сродниковъ, дабы въ томъ никакого подлогу и фальши быть не могло, и оныя ученицы единожды въ томъ дѣлѣ опредѣленныя къ тому дѣлу прилежать могли и въ томъ же были и оставалися и отъ того дѣла отвращены быть не имѣли, ибо безъ того пріумножить искусныхъ бабокъ ко общенародному услуженію и пользѣ никакъ будетъ возможно. А знатному господству въ разсужденіи общей пользы хотя по одной такой женщинѣ для обученія бабичьяго дѣла увольнять уповается быть не трудно, ибо оная какъ обществу, такъ и имъ самимъ впредь съ наилучшимъ плодомъ служить можетъ.

12) Должны оныя бабки во всемъ надлежащемъ быть послушны и съ пристойностію покорны своимъ мастерицамъ, неусыпно и цѣлѣпостно трудиться и прилежать бабичьему дѣлу, такожъ въ житейскомъ поведеніи тихія, трезвыя и съ честію благонравныя быть, чего онымъ мастерицамъ непремѣнно наблюдать, и для того онымъ мастерицамъ чрезъ полгода въ Медицинскую Канцелярію или Контору объявлять письменно о понятности и успѣхахъ въ томъ дѣлѣ, такожъ и о вышеписанныхъ свойствахъ своихъ ученицъ, и ежели окажутся быть неприлежныя и непотребныя, оныхъ отрѣшать и до того дѣла не допускать, а ежели найдено будетъ, что въ вышеписанномъ въ чемъ нибудь мастерицы своимъ ученицамъ учинятъ потачку, то по важности той потачки мастерицъ штрафовать деньгами по усмотрѣнію или наказывать публично и отъ дѣла отрѣшать.

13) Должны оныя ученицы знать читать и писать порусски, понеже Медицинская Канцелярія имѣетъ стараться, какъ скоро будетъ возможно,

о переводѣ на россійскій діалектъ имѣющихся о бабичьемъ дѣлѣ наилучшихъ книгъ, въ пользу и приращеніе того искуства и науки и произвожденія достойныхъ россійскихъ бабокъ; точію нынѣ для новости дѣла хотя и не будутъ знать читать и писать, а въ прочемъ окажутся достойныя, принимать и обязывать ихъ подпискою, чтобы учились впредъ.

14) Ученическое ихъ время да будетъ противъ положенія въ другихъ государствахъ 6 лѣтъ, и во-первыхъ мастерицамъ учить ихъ женщинамъ ставить клистиры, припускать піявки и банки, животъ править и прочее т. п., понеже и въ томъ крайняя имѣется нужда, причемъ навыкать имъ ходить около больныхъ женщинъ, гдѣ потребуются для услуженія и порядочнаго подаванія лѣкарствъ и проч. по учрежденіямъ докторскимъ и лѣкарскимъ, точію за тѣмъ ихъ не удерживать, и имъ самимъ затѣмъ отъ ученія не отставать, но завсегда и неотмѣнно въ школу ходить въ положенные для ученія часы. Когда же онѣ будутъ знать клистиры ставить, піявки и банки припускать и прочее по вышеписанному, то мастерицамъ ихъ на то и употреблять, и что за то будутъ получать награжденія, такожъ и за услуженіе больнымъ у нихъ не отнимать, но оставлять имъ для ихъ пропитанія и содержанія. Какое же имъ за тотъ трудъ учинить награжденіе положить надлежитъ точно и для того при семъ представляется росписаніе съ тѣмъ, чтобы положенное каждый платить былъ бы повиненъ, а ежели сверхъ того ихъ наградитъ похочетъ—оставлять на волю.

15) Должна да будетъ каждая мастерица бабка своихъ учениць при родинахъ завсегда при томъ имѣть, сперва для своего вспоможенія, потомъ когда онѣ столько науки присовокупили и довольно тѣхъ случаевъ видѣли и не прежде же четвертаго года ученія ихъ, для употребленія ихъ самымъ дѣломъ и совокупленія самой практики, чего для во-первыхъ нижняго чина у людей и у бѣдныхъ заставлять ихъ тогда въ своемъ присутствіи младенцовъ принимать и рожаниць освобождать, показывая имъ руководство вѣрно и тщательно, а за трудъ получать имъ мастерицамъ что надлежитъ въ такомъ случаѣ, а имъ ученицамъ не претендовать и не получать.

16) Всѣмъ присяжнымъ бабкамъ и ученицамъ быть въ точномъ и непосредственномъ вѣдомствѣ Медицинской Канцеляріи и оной Канцеляріи Конторы.

17) Симъ представленнымъ учрежденіемъ и порядкомъ и надлежащею инструкціею о точномъ качествѣ, дѣлѣ и должности присяжныхъ бабокъ и ихъ учениць, которая сочинена и представлена быть имѣетъ, уповать надлежитъ, что впредь въ Россіи и изъ россійскихъ женщинъ будутъ

производиться бабки искусныя практикою, но не знающія теоріи, слѣдственно искусныя, но не ученыя. Извѣстно же есть, что во всякой наукѣ предходить должна теорія, а утверждать практика, ибо практикъ въ данномъ случаѣ по тому, что напредъ того видалъ, дѣйствуетъ, ежели же случай противъ того въ чемъ нибудь отмѣнный будетъ, то самъ въ конфузію приходитъ и не имѣя теоріи надлежащій способъ изобрѣсти не можетъ и отъ того въ самомъ дѣлѣ обыкновенно ошибаются, ошибки же въ бабичьемъ дѣлѣ крайней важности имѣютъ быть, егда не рѣдко отъ искуства бабки зависитъ самая жизнь рожаницъ и младенцевъ, и для того во всѣхъ почти государствахъ и знатныхъ городахъ въ Европѣ учреждены особливыя школы со опредѣленіемъ искусныхъ и прилежащихъ къ тому докторовъ и акушеровъ для порядочнаго и основательнаго самихъ бабокъ въ дѣлѣ ихъ утвержденія и учениць ихъ обученія, посему и въ Россіи, въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ, по одной такой школѣ порядочно учредить надлежитъ.

18) И для того изъ обрѣтающихся дѣйствительно въ службѣ или вольныхъ докторовъ и лѣкарей опредѣлить по одному доктору и по одному лѣкарю въ томъ дѣлѣ искусныхъ и особливо прилежныхъ на казенномъ жалованьи.

19) Онымъ докторамъ, пока въ томъ дѣлѣ обращаться будутъ, именоваться профессорами бабичьяго дѣла, а лѣкарямъ акушерами; въ Москвѣ и С.-Петербургѣ жалованье производить имъ докторамъ отъ 300 до 600 рублевъ, акушерамъ отъ 200 до 400 рублевъ въ годъ, и оное производить имъ отъ Медицинской Канцеляріи, по разсмотрѣнію ихъ трудовъ и прилежности.

20) Долженъ да будетъ докторъ каждый годъ порядочными лекціонами цѣлый колегіумъ о бабичьемъ дѣлѣ давать бабкамъ и ученицамъ ихъ тогожъ города, и нынѣ для новости дѣла употребляя россійскій и нѣмецкій языкъ вкупѣ и какъ лучше возможно, а впредь и какъ скоро возможно единственно россійскій языкъ со удержаніемъ только латынскихъ терминовъ, толковать анатомію частей до родинъ подлежащихъ и близь оныхъ лежащихъ, натуральное и ненатуральное ихъ положеніе и состояніе, болѣзни ихъ елико онѣ касаются до родинъ, разные случаи, припадки и обстоятельства въ родинахъ и что при томъ бабкѣ знать и дѣйствовать надлежитъ и прочее.

21) Тѣ лекціоны давать доктору въ домѣ своемъ и положить на то урочные часы, въ которые бабкамъ и ихъ ученицамъ собираться для слушанія, чего для безъ самой законной вины бабкамъ и ученицамъ ихъ ни

одного лекціону не пропускать, чего доктору смотрѣть накрѣпко и имена таковыхъ отъ лекціоновъ отлучающихся записыватъ безъ утайки и ихъ въ томъ спрашивать и увѣщевать, и буде найдется, что отлучаются безъ самой законной вины, о таковыхъ Медицинской Канцеляріи и Конторѣ доносить. почему имать съ нихъ штрафъ за каждую отлучку съ бабки по 2 рубли, съ учениць по 1 рублю, а въ третій разъ съ бабки по 10 рублей, съ учениць по 5 рублей, а ежели и послѣ того безъ самой законной вины отъ лекціоновъ отлучаться будутъ, таковыхъ отрѣшать, а взимаемыя съ нихъ штрафныя деньги собирать въ Медицинской Канцеляріи и Конторѣ, записывая особливо и употреблять единственно на содержаніе того бабичьяго дѣла.

22) Для показанной анатоміи въ удобное время, по требованію Медицинской Канцеляріи и Конторы, давать отъ полиціи или откуду достать возможно отъ одного до трехъ тѣлъ мертвыхъ женскихъ, въ томъ числѣ и дѣвическое, когда случится, для показанія тѣхъ частей въ натуральномъ ихъ состояніи, а по исправленіи надлежащаго тѣ тѣла погребать отъ Медицинской Канцеляріи и Конторы въ указныхъ мѣстахъ пристойнымъ образомъ.

23) Акушеру чинить всѣ анатомическія препараціи и употребляемыя въ родинахъ инструментальныя дѣйствія, подлежащія до тѣхъ лекціоновъ, по наставленію и требованію доктора въ присутствіи его, причемъ ежели россійскаго языка довольно знаетъ, тѣмъ діалектомъ помогать доктору въ толкованіи лекціоновъ для наилучшаго понятія россійскихъ бабокъ и учениць.

24) Особливо должны да будутъ какъ докторъ, такъ и лѣкарь бабкамъ во всякомъ случаѣ, до дѣла и должности ихъ касающемся, добрымъ и искуснымъ совѣтомъ вспомоществовать, открывая имъ всѣ понынѣ изобрѣтенные имъ извѣстные способы къ полезнѣйшему и исправнѣйшему ихъ дѣла и должности исполненію; чего для и имъ, бабкамъ, а въ случаѣ нужды особливо отъ нихъ, опредѣленныхъ на то докторовъ и лѣкарей, совѣтъ требовать и тѣмъ ихъ совѣтомъ прислушиваться; когда же оные докторы и лѣкари къ которой нибудь рожаницѣ призываны будутъ, ѣхать не взирая на персону, ниже на какія другія обстоятельства до службы не касающіяся, да будутъ должны безъ отрицанія и чинить возможную помощь, за что и получать имъ отъ имущихъ обыкновенное награжденіе, а отъ суще неимущихъ награжденія не требовать потомужъ, какъ и о бабкахъ выше положено.

25) Прочее что до должности оныхъ докторовъ и лѣкарей касается, особливою инструкціею изъяснено быть имѣетъ впредь.

26) Понеже сіе учрежденіе чинится въ пользу общества и по вышеписанному положенію въ 2850 рублей обойтиться можетъ на дачу жалованья докторамъ, лѣкарямъ и бабкамъ, а на покупку и переводъ книгъ и инструментовъ и на прочія бываемыя потребы, кои нынѣ предвидѣть и изъяснить невозможно, безъ расходу денежнаго обойтиться не возможно, того ради положить надлежитъ, что оное дѣло до 3000 рублевъ въ годъ коштовать имѣетъ; по справедливости же тотъ расходъ на общество и положить надлежитъ и тѣмъ казну Е. И. В. напрасно не отяготить, чего для Правительствующему Сенату Медицинская Канцелярія присемъ представляетъ росписаніе, по которому каждой рожаницѣ по рангу и достоинству своему или мужа ея платить положить, и ежели оное росписаніе разсмотрѣніемъ Правительствующаго Сената опробуется, надлежитъ указать, чтобы всѣ и каждый по тому положенію платить должны были безъ изъятія и не взирая на чинъ или на достоинство, куда отъ Правительствующаго Сената мимо Медицинской Канцеляріи опредѣлено будетъ, и ежели кто платить не будетъ, съ таковыми поступать по силѣ указовъ о недоимкѣ казенныхъ сборовъ, а ежели впредь окажется, что тотъ сборъ превосходить будетъ положенную сумму въ годъ, также ежели доставать не будетъ, о томъ Медицинской Канцеляріи представлять Правительствующему Сенату для прибавки или убавки того сбора по обстоятельствамъ.

27) Чего для каждая присяжная бабка, по присяжной должности должна да будетъ по прошествіи каждаго мѣсяца въ Медицинскую Канцелярію и Контору репортовать письменно и безъ утайки имена и достоинство рожаницъ, коимъ въ тотъ мѣсяцъ служила и освободилися, по чему отъ Медицинской Канцеляріи и Конторы сообщено будетъ въ то мѣсто, куда Правительствующій Сенатъ платежемъ тѣхъ денегъ опредѣлить соизволитъ, а ежели которая бабка учинитъ утайку и въ томъ изобличена будетъ, то подлежащее съ рожаницы число денегъ взыскать съ той рожаницы въ указанное мѣсто, а за утайку съ такой бабки взыскать втрое противъ тѣхъ денегъ въ штрафъ, и тѣ штрафныя деньги удерживать въ Медицинской Канцеляріи и Конторѣ для содержанія того же дѣла.

28) Нынѣ же и впредь за необходимо быть разсуждается, чтобы изъ казны Е. И. В., откуда Правительствующій Сенатъ опредѣлить соизволитъ, въ Медицинскую Канцелярію для содержанія и произведенія того дѣла отпускать по 3000 рублевъ въ годъ насчетъ того сбору, отъ кото-

раго не токмо тѣ деньги въ казну, откуду отданы, возвращены быть имѣютъ, но и то дѣло изъ того уже сбору впредь содержаться можетъ.

29) Всякое дѣло въ своемъ началѣ не можетъ быть совершенно, точію ежели начала не учинить и совершенства никогда не уповать. Дѣло о произвожденіи ученыхъ и искусныхъ бабокъ въ государствѣ Медицинская Канцелярія почитаетъ быть самой надобности и важности для общества, чего ради оная Канцелярія по должности и ревности своей нынѣ о томъ пространно представляетъ, впрочемъ совершенно оставляя высокому разсмотрѣнію Правительствующаго Сената, что по тому объ ономъ дѣлѣ учинить и узаконить для нынѣшняго и предбудущаго времени за благо и полезно разсуждено будетъ. Павелъ Кондоиди.»

Къ этому донесенію приложены были три слѣдующія «росписанія» и проэктъ «присяги повивальныхъ бабокъ», какую предполагалось брать съ нихъ при вступленія въ должность:

РОСПИСАНІЕ ПО РАНГАМЪ, КАКУЮ ЗАПЛАТУ РОЖАНИЦЫ ПРОИЗВОДИТЬ ИМѢЮТЪ ПРИСЯЖНЫМЪ БАБКАМЪ ЗА ТРУДЪ ИХЪ, А ИМЕННО ПО АРМЕЙСКИМЪ РАНГАМЪ.

	Легкія родины.	Трудныя родины.
Генеральша-фельдмаршальша	25 р.	35 р.
Генеральша-аншефша	20 »	30 »
Генеральша-поручица	15 »	25 »
Генеральша-маэорша	12 »	20 »
Бригадирша	10 »	18 »
Полковница	8 »	15 »
Подполковница и премьеръ-маэорша	8 »	12 »
Секундъ-маэорша и капитанша	6 »	10 »
Поручица, подпоручица и прапорщица	5 »	8 »

*) Состоящимъ въ тѣхъ рангахъ штатскимъ чинамъ по тому же платить.

**) Знатному дворянству, состоящимъ въ унтеръ-офицерскихъ рангахъ и въ солдатахъ (ибо въ гвардіи таковыхъ не мало чиновъ находится) платить противъ капитана.

***) Прочему дворянству, состоящимъ въ тѣхъ же унтеръ-офицерскихъ рангахъ, платить противъ поручика.

****) Купечеству 1-й гильдіи, въ томъ числѣ и иностран. 10—18 р.
» 2-й гильдіи, въ томъ числѣ иностранные маклеры, купоры и т. п. и художники 5— 8 »

А прочихъ чиновъ и состоянія людѣмъ по ихъ возможности, а ежели будетъ придворная бабка, оной платить по вышеписанному росписанію вполторы, а бѣднымъ и неимущимъ безъ заплаты.

РОСПИСАНІЕ, КАКУЮ ЗАПЛАТУ ПРОИЗВОДИТЬ НАДЛЕЖИТЪ БАБКАМЪ И ИХЪ УЧЕНИЦАМЪ ДЛЯ НИЖЕСЛѢДУЮЩИХЪ УСЛУЖЕНІЙ, А ИМЕННО:

За каждое ставленіе клистира	— р.	25 к.
За каждое припусканіе піявокъ	1 »	— »
За прикиданіе банокъ	1 »	— »
За услуженіе при больной на каждыя сутки и притомъ ихъ кормить	— »	50 »
За правленіе живота и т. п.	— »	25 »
За свидѣтельство брюхатой женщины	1 »	— »

(Бѣднымъ и суще неимущимъ безъ заплаты).

РОСПИСАНІЕ ПО РАНГАМЪ, СКОЛЬКО ОТЪ РОЖАНИЦЪ ИМАТЬ ВЪ КАЗНУ ДЛЯ СОДЕРЖАНІЯ БАБИЧЬЯГО ДѢЛА И ПРОИЗВОЖДЕНІЯ УЧЕНЫХЪ ИСКУСНЫХЪ БАБОКЪ,

а именно по армейскимъ рангамъ:

Генеральша-фельдмаршальша. . . .	25 р.
Генеральша-аншефша.	20 »
Генеральша-поручица	18 »
Генеральша-маэорша.	15 »
Бригадирша и полковница.	10 »
Подполковница и премьеръ-маэорша. .	8 »
Секундъ-маэорша и капитанша . . .	5 »
Поручица, подпоручица и прапорщица .	3 »

*) Состоящимъ въ тѣхъ рангахъ штатскимъ и прочимъ чинамъ платить по томуже.

Знатному дворянству, состоящимъ въ унтеръ-офицерскихъ рангахъ.	10 р.
Прочимъ дворянамъ, состоящимъ въ тѣхъ же унтеръ-офицерскихъ рангахъ.	5 »
Купечеству 1-й гильдіи, въ томъ числѣ и иностраннымъ.	10 »
» 2-й гильдіи, въ томъ числѣ маклеры, купоры, прикащики и художники	3 »

(Бѣдныя и суще неимущія да не платятъ).

ПРИСЯГА ПОВИВАЛЬНЫХЪ БАБОКЪ ПО ДОЛЖНОСТИ ЗВАНІЯ ИХЪ.

«Азъ нижеименованная обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ предъ святымъ его евангеліемъ, что я должность мою, къ которой по указу Е. И. В. и по опредѣленію Медицинской Канцеляріи опредѣлена, со всею ревностію и исправностію противъ предписаннаго мнѣ порядка и данной инструкціи управлять буду, къ рожаницамъ богатымъ и убогимъ, какого бы чина и достоинства ни были, когда востребована буду, днемъ и ночью, немедленно ходить, всякую возможную прилежность и усердіе имъ оказывать и ни которую злоумышленнымъ образомъ пропускать ниже пренебрегать. Ежели родины продолжительны будутъ, къ мукѣ напрасно не склонять и не принуждать, а буду споспѣшествовать ожидать настоящаго время, притомъ же бранливыхъ словъ, клятвъ, пьянства, непристойныхъ шутокъ, неучтивыхъ рѣчей и прочаго совершенно удерживаться; къ выкиданію младенца дачею проносныхъ и изгонительныхъ лѣкарствъ или какимъ либо другимъ образомъ ни съ кѣмъ и никогда соглашаться не буду и къ тому себя употреблять ни зачто не дамъ; ежели же случится противный и опасный случай у какой либо рожаницы, то не только заблаговременно болѣе градскихъ повивальныхъ бабокъ, но по требованію нужды доктора и акушера просить къ тому неотмѣнно востребовать имѣю; когда же въ равномѣрныхъ случаяхъ къ другимъ рожаницамъ призвана буду, то вѣрно и прилежно къ лучшему совѣтовать буду и ничего, что полезно, успѣшно и способно къ рожденію быть можетъ, ни отъ какой либо злости, зависти, ненависти и ниже другихъ причинъ ради скрывать не стану; когда же употреблена я буду къ такой рожаницѣ, о которой или по мѣсту гдѣ находится, или по другимъ обстоятельствамъ никому вѣдать ненадлежитъ, и о такой рожаницѣ не разглашать мнѣ и никому не сказывать; ежелиже приключится странный и необыкновенный какой уродъ, то того же часа Мед. Канц. и Конторѣ доносить буду, и ежели у которой либо рожаницы имѣется какое увѣчье или какая иная скорбь, тоже всего никому объявлять не буду, а содержать буду въ совершенной тайности, развѣ однимъ пользующимъ ту особу доктору или лѣкарю, ежели нужда востребуетъ, и то съ осторожностію объявлять буду. Сверхъ же сего надъ опредѣленными при мнѣ ученицами прилежно смотрѣть буду, чтобъ были поведенія тихаго и трезваго, да честнаго же и благоправнаго житія, притомъ же накрѣпко того наблюдать стану, чтобъ оныя ученицы къ ученію прилежно ходили и отъ себя ихъ со всякою ревностію и радѣніемъ обучать и къ тому побуждать буду, а о неприлежающихъ и непотребныхъ въ

Медицинскую Канцелярію и Контору представлять истину должна; по прошествіи каждаго мѣсяца въ оную же Канцелярію и Контору неотмѣнно должна рапортовать письменно и безъ утайки имена и достоинства рожаницъ, коимъ я въ тотъ мѣсяцъ служила и освободились или умерли, а ежели гдѣ увѣдаю, что не освидѣтельствованная и не опробованная въ Медицинской Канцеляріи женщина бабичье дѣло управляетъ, то тотчасъ о томъ въ оную Канцелярію и Контору съ точнымъ доказательствомъ доносить непремѣнно. Въ заключеніе же сей моей клятвы аще все вышеписанное ненарушимо сохраню, Господь Богъ да поможетъ мнѣ въ семъ и будущемъ вѣцѣ спасеніемъ и благополучіемъ и въ дѣлѣ званія моего успѣхомъ, буде же что нарушать буду умышленно да послѣдуютъ мнѣ противныя, и въ томъ цѣлую слова и крестъ Спасителя моего, Аминь.

5 мая 1754 года Правительствующій Сенатъ вполнѣ утвердилъ [1]) это представленіе Медицинской Канцеляріи со всѣми его приложеніями, съ тѣмъ однакожъ, чтобы сказанный сборъ съ роженицъ былъ производимъ непосредственно въ Медицинской Канцеляріи, такъ какъ все «бабичье дѣло» прямо до нея относится. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ассигновалъ кредитъ въ 3000 р. изъ статсъ-конторы на первоначальное учрежденіе «бабичьяго дѣла.»

Но 5 ноября Медицинская Канцелярія доносла Сенату, что сборъ денегъ для нея обременителенъ, потому что она не имѣетъ особыхъ служителей, которымъ поручить его, и просила поручить его кому-либо другому, и Сенатъ 7 апрѣля 1755 г. поручилъ этотъ сборъ губернскимъ канцеляріямъ, съ тѣмъ, чтобы эти послѣднія по третямъ присылали собранныя деньги и списки роженицъ въ Медицинскую Канцелярію.

Такимъ образомъ первая трудность была побѣждена и оставалось приступить къ исполненію самаго предположенія, т. е. пріискать учениц, которыя будутъ учиться, и учителей, которые бы учили. За ученицами, впрочемъ, на первый разъ остановки не могло быть, потому что Кондоиди хотѣлось, чтобы даже практикующія уже бабки правильно поучились нѣсколько времени, такъ какъ онъ зналъ, что право практики даваемо было имъ очень безразборчиво и совсѣмъ не по знаніямъ. По этому онъ началъ съ того, что написалъ для нихъ слѣдующую инструкцію,

---

[1]) А не императрица утвердила, какъ сказано у В. Рихтера *(Исторія Медицины,* ч. III, стр. 331), потому что это представленіе и не восходило до императрицы.

которою между прочимъ обязалъ ихъ не только учиться, но и пріискивать учениц:

«Изъ Медицинской Канцеляріи опредѣленнымъ присяжнымъ повивальнымъ бабкамъ

ИНСТРУКЦІЯ.

1.

Къ рожаницамъ богатымъ и убогимъ, какогобъ чина и достоинства ни были, ходить вамъ когда востребованы будете, днемъ и ночью, безъ всякаго замедленія и всякую возможную прилежность и усердіе имъ равномѣрно оказывать, и никоторую злоумышленнымъ образомъ не пропускать, ниже пренебрегать; ежели родины продолжительныя будутъ, то къ мукѣ напрасно не склонять и не принуждать, но съ терпѣливостію ожидать настоящее время, притомъ же бранливыхъ словъ, клятвъ, пьянства, непристойныхъ шутокъ, неучтивыхъ и суевѣрныхъ рѣчей и проч. совершенно удерживаться; къ выкидыванію младенца дачею проносныхъ и изгонительныхъ лѣкарствъ или какимъ либо другимъ образомъ ни съ кѣмъ и никогда не соглашаться и къ тому себя употреблять ни за что не давать.

2.

Когда вы призвана находиться при рожаницѣ, которая по обстоятельствамъ дѣйствительно въ мукѣ находится и скоро родить имѣетъ, хотябъ она и самая бѣдная была, оставить ее въ такомъ состояніи и къ другой ѣхать, хотябъ она и знатная была, не надлежитъ, пока или дѣйствительно освобождена, или другая присяжная бабка призванная къ такой рожаницѣ прибудетъ.

3.

Позволяется вамъ для находящихся въ мукѣ женщинъ выписывать розмаринъ, коричную воду, миндальное масло и т. п. легкихъ лѣкарствъ и вещей, тоже и для новорожденныхъ младенцовъ; изгонительныхъ же лѣкарствъ рожаницамъ давать, также въ случаѣ какихъ болѣзней послѣ родинъ, или въ другихъ случаяхъ женщинъ или младенцовъ въ болѣзняхъ лѣкарствами внутренними лѣчить точно и совершенно вамъ запрещается подъ штрафомъ, понеже лѣченіе болѣзней до вашего дѣла и должности не касается.

4.

Въ трудныхъ родинахъ и въ случаѣ трудныхъ и опасныхъ припадковъ у какой либо роженицы не только заблаговременно болѣе присяжныхъ повивальныхъ бабокъ, но по требованію нужды доктора и акушера испросить

имѣете и къ тому неотмѣнно востребовать, а отнюдь въ такихъ случаяхъ одной на себя не полагаться; когда же въ равномѣрныхъ случаяхъ къ другимъ рожаницамъ призывана будете, то идтить непрекословно, когда вамъ свободно и притомъ вѣрно и прилежно къ лучшему совѣтовать и ничего что полезно, успѣшно и свободно къ рожденію быть можетъ, ни отъ какой либо злости, зависти, ненависти, ниже другихъ причинъ ради не скрывать.

5.

Когда призвана будете къ такимъ родильницамъ, коихъ мужья никакихъ ранговъ не имѣютъ, также и къ купечеству не причислены, къ онымъ ходить и вспомоществовать имъ съ прилежаніемъ, а за трудъ свой имѣете получать, что отъ нихъ по возможности дано будетъ. Тожъ разумѣется и о господскихъ служанкахъ.

6.

Когда вы употреблены будете къ такой рожаницѣ, о которой или по мѣсту, гдѣ оная находится, или по другимъ обстоятельствамъ, никому вѣдать не надлежитъ, и о такой рожаницѣ вамъ не разглашать и никому не сказывать.

7.

Ежели приключится странный и необыкновенный какой уродъ, то вамъ тогоже часа Медицинской Канцеляріи или Конторѣ о томъ доносить.

8.

Ежели у которой либо рожаницы имѣется какое увѣчье или какая иная скорбь, того вамъ никому не объявлять, а содержать въ совершенной тайности, пользующимъ же ту особу доктору или лѣкарю, ежели нужда востребуетъ, съ надлежащею осторожностью вамъ объявлять должно.

9.

Должныжъ вы навѣдываться, приискивать и промышлять кормилицъ для рожаницъ своихъ, кои отъ васъ тѣхъ кормилицъ требовать будутъ; въ чемъ накрѣпко смотрѣть того, чтоб были онѣ женщины а) здоровыя, и для того прилежно осматривать ихъ нагихъ всюду, ибо неимовѣрно сколько невинныхъ младенцовъ по нестерпимомъ страданіи безвременно помираютъ за нездоровьемъ и нечистотою въ тѣлѣ непотребныхъ кормилицъ; б) постоянныя, егда и отъ того не малыя помѣшательства въ домашнемъ дѣлѣ и крайнія озлобленія и оскорбленія родителямъ отъ кормилицъ бываютъ; в) благонравныя, понеже нерѣдко случается, что злостію кормилицъ невинные младенцы не токмо увѣчные на вѣкъ бываютъ, но и самой жизни лишаются.

10.

Должны вы съ своими ученицами въ родинахъ служить и младенцовъ принимать, суще у бѣдныхъ и неимущихъ женщинъ безъ платы, христіанскія ради любви и для приращенія и утвержденія своей въ наукѣ практики, и съ таковыми женщинами поступать съ равномѣрнымъ радѣніемъ и прилежаніемъ, якобы съ знатнѣйшею особою, не взирая на то, ежели иногда случиться вамъ будетъ служить и такой которая незаконная чья жена, понеже дѣло и должность ваша состоитъ въ томъ, чтобъ страждущему человѣку учинить помощь и происходящаго на свѣтъ человѣка спасти, что единственно и исполнять имѣете, а ежели и изъ таковыхъ изобрѣтется, что такая женщина принадлежитъ такому человѣку, который въ состояніи находится, то долженъ да будетъ вамъ и награжденіе учинить.

11.

Когда школа будетъ учреждена для слушанія лекціоновъ, должны вы ходить къ опредѣленному доктору въ урочные часы, въ которые вамъ съ ученицами своими сбираться, и безъ самой законной вины ни одного лекціона не пропускать подъ опасеніемъ штрафа за каждую отлучку съ васъ бабки по два рубли, а съ ученицы по одному рублю, а въ третій разъ съ васъ, бабки, по 10, а съ учениць по 5 руб., а ежели и послѣ того безъ самой законной вины отъ лекціоновъ отлучаться будете, то и вовсе отъ дѣла вашего отрѣшены будете.

12.

Бабка замужняя, дочерей имѣющая, должна да будетъ хотя одну свою дочь воспитавъ произвести въ томъ дѣлѣ, чтобъ сама впредь бабкою быть могла и мѣсто матери своей заступить.

13.

Понеже опредѣлены быть имѣютъ особливые для бабичьяго дѣла докторъ и лѣкарь, которые должны будутъ бабкамъ во всякомъ случаѣ, до дѣла и должности ихъ касающемся, добрымъ и искуснымъ совѣтомъ вспомоществовать, открывая имъ всѣ нынѣ изобрѣтенные и имъ извѣстные способы къ полезнѣйшему и исправнѣйшему того дѣла и должности исполненію, того ради вамъ въ случаѣ нужды особливо отъ нихъ, на то опредѣленныхъ доктора и лѣкаря, совѣту требовать и тѣмъ ихъ совѣтомъ прислуживаться, а до опредѣленія тѣхъ доктора и лѣкаря совѣтоваться вамъ съ другими въ службѣ Е. И. В. состоящими и къ тому искусными.

14.

По прошествіи каждаго мѣсяца должны вы въ Медицинскую Канцелярію или Контору неотмѣнно репортовать письменно и безъ утайки имена и достоинство роженицъ, коимъ вы въ тотъ мѣсяцъ служили и освободились, или умерли, съ тѣмъ, что ежели учините утайку и въ томъ изобличена будете, штрафу подлежать имѣете по разсмотрѣнію Медицинской Канцеляріи.

15.

Ежели гдѣ увѣдаете, что неосвидѣтельствованная и неопробованная отъ Медицинской Канцеляріи женщина бабичье дѣло управляетъ, имѣете о томъ въ оную Канцелярію или Контору съ точнымъ доказательствомъ доносить.

16.

Должны вы имѣть по меньшей мѣрѣ двухъ ученицъ, желающихъ повивальному дѣлу прилежать, и оныхъ вамъ отъ себя промышлять, наипаче изъ замужнихъ или вдовствующихъ женщинъ, и изъ незамужнихъ, изъ россійскихъ и изъ иностранныхъ въ Россіи родившихся, отъ 18-ти до 25 лѣтняго возраста ихъ, и съ чистыми паспортами или позволительными отъ командъ или господскихъ домовъ письмами, а когда такихъ ученицъ промыслите, то оныхъ вамъ въ Медицинскую Канцелярію или Контору оной объявлять, гдѣ имена ихъ и чьи онѣ по свидѣтельствѣ паспортовъ и позволительныхъ писемъ записаны и что онѣ бабичьему дѣлу прилежать желаютъ сказки съ нихъ взяты, и о бытіи имъ при васъ указы даваны будутъ съ такимъ обязательствомъ, чтобъ оныя ученицы вамъ во всемъ были послушны и съ пристойностію покорны; также чтобъ неуступно и цѣлѣвостно трудились и прилежали бабичьему дѣлу, въ житейскомъ же поведеніи былибъ тихія, трезвыя и съ честію благонравныя.

17.

Ученическое ихъ время да будетъ противъ положенія въ другихъ государствахъ шесть лѣтъ; однакожъ которая какъ атестатомъ отъ своей мастерицы будетъ засвидѣтельствована, такъ и по экзамену въ Медицинской Канцеляріи или Конторѣ явится въ томъ дѣлѣ искусною и прежде онаго сроку, то въ произвожденіи ея оставлена не будетъ.

18.

Должны оныя ученицы знать читать и писать по русски россійскія, а иноземки по нѣмецки, также по русски хотя говорить. Точію нынѣ для новости дѣла хотя и не будутъ знать, а въ прочемъ окажутся достойными, такихъ принимать и обязывать ихъ подпискою чтобъ учились впредь.

19.

А вамъ надъ оными определенными при васъ ученицами въ томъ прилежно смотрѣть и накрѣпко притомъ наблюдать того, чтобъ оныя ученицы къ ученію прилежно ходили и вамъ отъ себя ихъ къ тому со всякою ревностію и радѣніемъ обучать и къ тому побуждать.

20.

И для того должны вы чрезъ каждые полгода въ Медицинскую Канцелярію или Контору объявлять письменно о понятности и успѣхахъ въ томъ дѣлѣ, такожъ и о вышеописанныхъ свойствахъ своихъ ученицъ, и ежели окажутся быть неприлежныя или непотребныя, представлять истину; а ежели найдено будетъ, что вы въ вышеписанномъ въ чемънибудь своимъ ученицамъ учините потачку, то по важности той потачки вы неотмѣнно штрафованы будете.

21.

Оныхъ ученицъ учить вамъ во первыхъ женщинамъ ставить клистиры, припускать піявки и банки, животъ править и проч. т. п., причемъ навыкать имъ ходить около больныхъ женщинъ, гдѣ потребуется, для услуженія ихъ и порядочнаго подаванія лѣкарствъ и проч. по учрежденіямъ докторскимъ и лѣкарскимъ, точію за тѣмъ ихъ не удерживать, а имъ самимъ за тѣмъ не отставать, но завсегда и неотмѣнно въ школу ходить въ положенные для ученія часы; когдаже онѣ будутъ знать клистиры ставить, піявки и банки припускать и проч. по вышеписанному, то вамъ ихъ на то и употреблять, и что за то получать будутъ награжденія за услуженіе больнымъ, у нихъ не отнимать, но оставлять имъ для ихъ пропитанія и содержанія.

22.

Должныжъ вы своихъ ученицъ при родинахъ завсегда имѣть, сперва для своего вспоможенія, потомъ когда онѣ столько науки присовокупили и довольно тѣхъ случаевъ видѣли, не прежде́жъ четвертаго года ученія ихъ, для употребленія ихъ самымъ дѣломъ и совокупленія самой практики, чего для во первыхъ нижняго чина у людей и у бѣдныхъ заставлять ихъ тогда въ своемъ присутствіи младенцовъ принимать и роженицъ освобождать, показывая имъ руководство вѣрно и тщательно, а за труды получать вамъ, какъ мастерицѣ, что надлежитъ въ такомъ случаѣ, а имъ ученицамъ того не претендовать и не получать.

23.

Въ прочемъ же быть вамъ съ ученицами вашими въ точномъ и непосредственномъ вѣдомствѣ Медицинской Канцеляріи и ея Конторы и во

всѣмъ содержать себя какъ честной, постоянной, богобоязливой, трезвой и благонравной женщинѣ надлежитъ и пристойно есть, и по обстоятельствамъ ежели къ сему впредь что прибавлено и отъ Медицинской Канцеляріи или ея Конторы къ исполненію предложено будетъ по тому и исполнять непрекословно.

Павелъ Кондоиди.»

17 ноября 1754 года.

Эта инструкція сообщена была 23 ноября 1754 для свѣдѣнія Правительствующему Сенату, а въ Медицинскую Контору данъ нѣмецкій переводъ ея [1]). Вслѣдъ за тѣмъ сообщено было въ Спб. и Московскую полиціймейстерскія канцеляріи 15 декабря для объявленія въ вѣдомостяхъ троекратно, черезъ каждыя двѣ недѣли, и въ Спб. Академію Наукъ для напечатанія объявленій на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, чтобы неэкзаминованныя бабки явились экзаминоваться. Экзаминаторами назначены въ Спб. д-ръ Лерхе, операторъ фонъ Мелленъ и штабъ-лѣкарь Польманъ, а въ Москвѣ д-ръ Гривъ, дивизіонный д-ръ Монзей и бывшій гофъ-хирургъ Пагенкампфъ.

Между тѣмъ для объявленія этой инструкціи собраны были особыми повѣстками всѣ наличныя повивальныя бабки въ Москвѣ—въ Медицинскую Контору, а въ Петербургѣ—въ Медицинскую Канцелярію. Ихъ оказалось очень немного: въ Москвѣ только 4, въ Петербургѣ 11, и кромѣ того имѣвшихъ позволеніе практиковать подъ чужимъ надзоромъ въ Москвѣ 1, въ Петербургѣ 3. Имъ объявили инструкцію, поручили пріискивать учениць и обязали подпискою явиться по востребованію къ доктору, который будетъ преподавать имъ полный курсъ акушерства или «бабичьяго дѣла» (что однакожъ случилось не скоро, какъ увидимъ ниже). Вскорѣ начали поступать просьбы о допущеніи къ экзамену и въ теченіе слѣдующаго года получили право практики по экзамену, въ Петербургѣ 9 (Шарлота Беата Дюваль, жена парусннаго мастера, Анна Маргарита Кристиньякъ, Анна Вильбрехтъ, жена пуговичнаго мастера, Анна Марія Моргенстернъ, вдова пушечнаго мастера, Анна Гертруда Гаусманъ, вдова фабриканта, Доротея Елисавета Ведель, жена столяра, Евва

---

[1]) Этотъ нѣмецкій переводъ напечатанъ въ *Исторіи медицины* В. Рихтера, ч. III, прилож. стр. 97—107.

Стробенъ, вдова кухмистера, Марія Ротгеръ, вдова молотоваго мастера, Елисавета Отто, вдова кухмистера), а въ Москвѣ 4 (Елисавета Иванова Таптева, вдова драгунскаго квартермистра, Ненила Михайлова, вдова армянскаго фабрикера, Софья Христофорова Рантъ, вдова шпажнаго мастера и теща оператора Елачича, и Маланья Афанасьева Щербакова, вдова солдата). Онѣ же въ послѣдствіи и были первыми ученицами въ акушерскихъ школахъ, вмѣстѣ съ прежде получившими право практики.

Прошелъ однакоже годъ, а преподаваніе акушерства все еще не начиналось и даже не избраны были лица, которымъ можно бы было поручить это преподаваніе, Кондоиди все медлилъ, ожидая результатовъ отъ обнародованныхъ сенатскихъ указовъ. Онъ хотѣлъ убѣдиться напередъ, можно ли разсчитывать на предполагавшійся сборъ съ родильницъ и обезпечитъ ли этотъ сборъ неизбѣжныя издержки при учрежденіи акушерскихъ школъ въ обѣихъ столицахъ. Но ожиданія его рѣшительно не оправдывались. И въ Москвѣ и въ Петербургѣ народонаселеніе быстро увеличивалось, дѣти родились ежедневно, а списки родильницъ, представляемые помѣсячно акушерками, были очень коротки, а иногда и совсѣмъ перемежались на нѣсколько мѣсяцовъ. Происходило это отъ того, что роженицы всѣхъ сословій, и особенно высшихъ и наиболѣе образованныхъ, узнавъ что приглашенная къ родамъ акушерка обязана присягою объявить о совершившихся родахъ, вслѣдствіе чего неминуемо послѣдуетъ денежное взысканіе въ казну, перестали приглашать къ себѣ присяжныхъ бабокъ и замѣняли ихъ простыми и невѣжественными повитухами. Тѣже изъ нихъ, которыя рѣшались пригласить присяжныхъ бабокъ, пытались скорѣе подкупить ихъ, чѣмъ платить въ казну закономъ установленный и вообще весьма умѣренный сборъ, хотя и тутъ впрочемъ платили акушеркамъ не по росписанію, а по произволу, торгуясь съ ними во всякой полтинѣ. Такимъ образомъ мѣра, обѣщавшая въ теоріи результаты самые благодѣтельные, на дѣлѣ разрѣшилась быстрымъ увеличеніемъ того самаго зла, противъ котораго она была направлена. Скорбѣлъ Кондоиди объ этой полной безуспѣшности дѣла, но не менѣе его горѣвали и акушерки, потому что несчастный законъ 5 мая 1754 г. съ своимъ обязательнымъ денежнымъ сборомъ затворилъ для нихъ всѣ двери и довелъ ихъ почти до нищенства. Бывъ спро-

тены въ апрѣлѣ 1756 года, почему онѣ не пріискиваютъ учениць по инструкціи, онѣ отвѣчали, что учениць нашлось бы очень много, но сами-то онѣ очень бѣдны и не могутъ содержать учениць на свой счетъ, а на практику разсчитывать нечего, потому что ихъ приглашаютъ теперь очень рѣдко къ родамъ, а если и приглашаютъ, то большею частью не даютъ за трудъ никакого вознагражденія.

Кондоиди подождалъ еще годъ, надѣясь, что время и размышленіе убѣдятъ общественное мнѣніе въ пользѣ предложенной имъ мѣры и въ ничтожности требуемаго пожертвованія: но ожиданія и тутъ остались безплодными.

Поэтому 15 января 1757 года онъ принужденъ былъ написать Правительствующему Сенату, что «положенный съ рожениць въ казну сборъ еще не начатъ, и понеже оное бабичья дѣла учрежденіе вновь установлено быть имѣетъ и въ обыкновенность народу, такъ какъ въ прочихъ европейскихъ государствахъ издревле есть, чрезъ краткое время, особливо при самомъ началѣ, вдругъ притти не можетъ, почему ежели начать нынѣ положенный съ рожаниць въ казну сборъ, то по новости сего дѣла, за необыкновенностію, роженицы мимо свидѣтельствованныхъ присяжныхъ бабокъ, убѣгая такой платы, по прежнему обыкновенію къ дѣйствію въ родахъ могутъ призывать другихъ неискусныхъ, слѣдственно вмѣсто желаемаго успѣху вредъ отъ таковыхъ послѣдовать имѣетъ, и въ разсужденіи тѣхъ обстоятельствъ, по мнѣнію Медицинской Канцеляріи, оный съ рожаниць сборъ, пока оное зачатое вновь учрежденіе въ обычай войдетъ, нынѣ оставить надлежитъ, для приведенія же того бабичьяго дѣла, по обычаю какъ въ прочихъ европейскихъ государствахъ, въ совершенный порядокъ ради обученія женщинъ повивальному искуству, по содержанію вышеупомянутаго учиненнаго Правительствующему Сенату отъ Медицинской Канцеляріи представленія, учреждены имѣютъ быть надлежащія школы, къ которымъ опредѣлятся на жалованье профессоры и акушеры, что нынѣ дѣйствительно въ дѣйствіе произвесть Медицинская Канцелярія имѣетъ, и содержать оное учрежденіе на казенномъ коштѣ изъ опредѣленной отпускомъ изъ Статсъ-Конторы суммы 3000 р., которую на прошлые годы въ Медицинскую Канцелярію отпустить и впредь отпускать безостановочно.»

По этому представленію Сенатъ отмѣнилъ, 7 февраля 1757 года, опредѣленный прежде сборъ съ рожениць, «для новости дѣла» впредь до указу, и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ отпускать Медицинской Канцеляріи изъ Статсъ-Конторы ежегодно по 3000 рублей «на бабичье дѣло.»

Тогда Кондоиди уже не медлилъ учрежденіемъ акушерскихъ школъ и почти въ одно время открылъ ихъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Для Московской школы онъ избралъ профессоромъ доктора Іоганна Фридриха Эразмуса, давъ ему титулъ «доктора бабичьяго дѣла», а въ помощь ему назначилъ «лѣкаремъ» въ туже школу, съ званіемъ «акушера», отставнаго гофъ-хирурга Ивана Пагенкампфа.

Докторъ Иванъ Эразмусъ *(Johann Friedrich Erastmus)* родился и учился въ Страсбургѣ, гдѣ въ особенности занимался акушерствомъ, а потомъ въ Іенѣ. Получивъ въ Страсбургѣ докторскій дипломъ, онъ выписанъ былъ въ Перновъ въ 1750 году и экзаминованъ былъ въ Ригѣ, причемъ ему данъ аттестатъ за подписью рижскаго штадтъ-физика І. Г. Гимзеля (I. Gebhard Himsel). Въ 1756 году лѣтомъ пріѣхалъ въ Петербургъ для опредѣленія въ государственную службу, экзаминованъ былъ въ Медицинской Канцеляріи Шрейберомъ, Г. Т. Ашемъ и Синопеусомъ, которые въ аттестатѣ отозвались «judicamus dominum d-rem Erasmum dignissimum, qui Facultati nostrae medicae adscribatur» и 22 августа получилъ право практики въ Россіи, но въ службу не былъ принятъ по неимѣнію вакансій, а потому опять уѣхалъ въ Перновъ. Когда Кондоиди рѣшился завести повивальныя школы, онъ вызвалъ Эразмуса изъ Пернова 25 февраля 1757 года [1]) и назначилъ профессоромъ и докторомъ акушерской школы въ Москвѣ, «для утвержденія повивальныхъ бабокъ и обученія учениць». Жалованья ему положено 600 рублей въ годъ, причемъ онъ обязанъ былъ, по пріѣздѣ въ Москву, отъ

---

[1]) В. Рихтеръ несправедливо говоритъ, будто «наставникомъ бабокъ опредѣленъ *профессоръ* Московскаго университета І. Ф. Эразмусъ» (тамъ же стр. 332). Когда Эразмусъ опредѣленъ въ повивальную школу, онъ не былъ еще професоромъ университета, какъ видно изъ вышеприведенныхъ оффиціальныхъ указаній, а также и изъ того, что въ 1757 году при университетѣ не былъ еще открытъ медицинскій факультетъ. Кромѣ того, у В. Рихтера невѣрны хронологическія указанія (стр. 333) какъ на опредѣленіе Эразмуса директоромъ школы, такъ и на время начатія акушерскихъ лекцій въ Москвѣ.

времени до времени представлять Медицинской Канцеляріи свое мнѣніе о лучшемъ учрежденіи бабичьяго дѣла.

Помощникомъ ему опредѣленъ въ туже школу «лѣкаремъ акушеромъ» жившій въ Москвѣ отставной гофъ-хирургъ и отставной операторъ Московскаго госп. Иванъ Пагенкампфъ (*Johann Pagenkampff*), учившійся въ Парижѣ и занимавшійся нѣкоторое время въ тамошнихъ госпиталяхъ. Онъ вступилъ въ русскую службу 27-го сентября 1721 года гофъ-хирургомъ и въ именномъ указѣ Анны Ивановны 14-го мая 1730 года сказано, что онъ служилъ при дворѣ покойныхъ «Ихъ Величествъ» (Екатерины I и Петра II) и въ награду за это быть ему при Спб. сухопутномъ госпиталѣ главнымъ лѣкаремъ съ прежнимъ придворнымъ жалованьемъ (т. е. по 600 рублей въ годъ). Но онъ не долго остался на этомъ мѣстѣ: 3-го іюля 1732 года состоялся другой указъ, которымъ приказывалось Пагенкампфу ѣхать въ Москву въ госпиталь и быть тамъ при обученіи лѣкарскихъ учениковъ анатоміи и хиругическимъ операціямъ. Московскимъ госпиталемъ, состоявшимъ въ вѣдѣніи и содержаніи Святѣйшаго Сѵнода, управлялъ докторъ Николай Бидлоо, тогда уже очень старый и пользовавшійся общимъ уваженіемъ. Сѵнодъ также очень любилъ старика за его ужпвчивость и старательность въ управленіи госпиталемъ и находившеюся при немъ школою. Но не любилъ его тогдашній архіятеръ Іоганнъ Христофъ Ригеръ (*J. Chr. Rieger*), человѣкъ ничтожный, себялюбивый и злой, получившій высокій постъ въ управленіи единственно по милости Бирона. Онъ не любилъ также и Пагенкампфа (чему можетъ быть и слѣдуетъ приписать то, что послѣдній безпрерывно переводимъ былъ съ мѣста на мѣсто) и при отправленіи его въ Москву поручилъ ему написать лично къ нему о состояніи Московскаго госпиталя и объ управленіи Бидлоо, питая можетъ быть низкую мысль воспользоваться этими письмами, какъ доносами, и надѣлать Бидлоо непріятностей или даже удалить его изъ службы. Какъ принялъ это порученіе Пагенкампфъ — неизвѣстно, но въ старыхъ дѣлахъ есть указаніе, что молодой хирургъ на первыхъ порахъ не поладилъ съ Бидлоо. Вступивъ въ должность 5-го августа 1732 года, Пагенкампфъ написалъ Ригеру одно за другимъ три письма съ недоброжелательными и не совсѣмъ справедливыми отзывами о Бидлоо, вѣроятно въ угодность Ригеру. Въ ноябрѣ 1733 года по-

слѣдній при свиданія съ однимъ изъ первенствующихъ членовъ Сvнода (кажется съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ) далъ ему замѣтить, ссылаясь на три письма изъ Москвы, что въ Московскомъ госпиталѣ существуютъ безпорядки и что посланный туда въ должность лѣкаря придворный медикъ Пагенкампфъ не вступилъ или не былъ главнымъ докторомъ допущенъ ко вступленію въ должность. 28-го ноября Сvнодъ спросилъ объ этомъ Бидлоо и тотъ отвѣчалъ, что это неправда и Пагенкампфъ вступилъ въ должность болѣе года назадъ (5 августа 1732), тотчасъ по прибытіи въ Москву, и что архіятеръ, сославшійся на письма Пагенкампфа по этому дѣлу, вѣроятно ошибся, потому что послѣдній отрицаетъ подобное извѣстіе въ своихъ письмахъ. Ѳеофанъ любилъ Бидлоо и эта клевета огорчила и разсердила его. Онъ потребовалъ у Ригера переписку его съ Пагенкампфомъ, изъ которой оказалось, что послѣдній дѣйствительно писалъ много лжи и жалобъ на Бидлоо и на Коллегію Экономіи Сvнодальнаго Правленія (завѣдывавшую хозяйственными дѣлами Святѣйшаго Сvнода и хозяйственными снабженіями Московскаго госпиталя), но не говорилъ прямо, чтобъ не былъ допущенъ къ должности. Переписка эта предъявлена была Сvноду, который также выслушалъ ее неблагосклонно и, возвращая ее Ригеру, довольно рѣзко замѣтилъ, что еслибъ все, написанное въ письмахъ, было и дѣйствительно справедливо, то Пагенкампфу слѣдовало обратиться съ жалобой къ Сvноду, а не къ архіятеру, не имѣющему никакого права мѣшаться въ чужія домашнія дѣла. Это недружелюбное вступленіе повредило больше всѣхъ самому Пагенкампфу. При отъѣздѣ изъ Петербурга онъ получилъ жалованье по 1-е сентября 1732 года, а за послѣдовавшую за тѣмъ службу въ Московскомъ госпиталѣ Коллегія Экономіи Сvнодальнаго Правленія не хотѣла выдавать ему отъ себя жалованья, ссылаясь на то, что онъ не былъ внесенъ въ бюджетъ опредѣленный для содержанія госпиталя (генеральное табельное опредѣленіе 1716 г. *)

---

*) *По генеральному табельному опредѣленію 1716 года* на содержаніе Московскаго госпиталя отпускалось изъ Коллегіи Экономіи денегъ 5351 р. и хлѣба 794 четверти въ годъ, а именно:

на жалованье доктору.	1500 р.
» » лѣкарю и аптекарю по	300 »
» » подлѣкарю и подаптекарю по	120 »

и изъ Сената, которому подвѣдомственна Коллегія Экономіи Синодальнаго Правленія, не имѣется никакого приказа выдавать ему жалованье [1]). Переписка объ этомъ тянулась очень долго, какъ можно видѣть изъ того, что 12 марта 1737 года состоялся именной указъ о выдачѣ Пагенкампфу жалованья изъ добавочныхъ суммъ, ассигнованныхъ изъ Статсъ-Конторы на содержаніе сверхштатныхъ медицинскихъ чиновъ. Тогда Бидлоо уже не было на свѣтѣ и мѣсто его въ Московскомъ госпиталѣ занималъ докторъ Антонъ де-Тейльсъ (Ant. de-Theyls), а Пагенкампфъ служилъ уже операторомъ въ этомъ госпиталѣ—званіе, которое онъ получилъ отъ Медицинской Канцеляріи въ 1737 году по представленію доктора де-Тейльса. Не долго однакожъ исправлялъ онъ эту должность: въ 1737 году понадобились врачи на югѣ (на Дону, въ арміи фельдмаршала Ласси, для предотвращенія вторженія «опасной болѣзни» (чумы), и онъ командированъ былъ туда вмѣстѣ съ Московскимъ штадтъ-физикомъ І. Ф. Шрейберомъ, а по прекращеніи военныхъ дѣйствій ѣздилъ съ докторомъ де-Тейльсомъ и подлѣкаремъ Субачевымъ въ Немировъ, въ свитѣ полномочныхъ русскихъ министровъ, отправлявшихся на конгрессъ для заключенія мира съ Турками. И не успѣлъ еще возвратиться оттуда, какъ снова назначенъ былъ (указомъ 21 марта 1738 года) ко двору гофъ-хирургомъ, съ прежнимъ жало-

---

на жалованье	лѣкарскихъ дѣлъ подмастерью	70 р.	
»	» 50 ученикамъ	894 »	
»	» этимъ же ученикамъ на сукно для мундировъ по.	120 »	75 к.
»	» попу при госпиталѣ	13 »	$33^1/_3$ к.
»	» дьячку.	6 »	$66^1/_3$ »
»	» комисару.	15 »	и по 15 четвертей ржи и овса;
»	» садовнику съ работниками	65 »	72 к. и кромѣ того ржи и овса по 64 четверти, ячменю 20 четвертей, всего 184 четверти.

На покупку въ госпиталь медикаментовъ и всякихъ матеріаловъ и принадлежностей 1862 руб. въ годъ.

Хлѣба лѣчащимся на повседневную пищу и на варенье квасовъ и пивъ и на прочіе расходы 616 четвертей въ годъ.

[1]) Указомъ 15-го іюля 1726 года Синодъ раздѣленъ былъ на два департамента, по примѣру прежде бывшаго Патріаршаго Разряда, при чемъ второму департаменту, названному *Коллегіею Экономіи Синодальнаго Правленія*, назначено завѣдывать сборами и экономіею и доносить о тѣхъ дѣлахъ Высокому Сенату.

ваньемъ, на мѣсто уволеннаго отъ двора гофъ-хирурга Льюиса Кальдервуда (Lewis Calderwood), переведеннаго операторомъ въ Московскій госпиталь. Такимъ образомъ учебная служба его, если исключить всѣ командировки, продолжалась не болѣе шести лѣтъ. Послѣ восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, онъ вовсе былъ уволенъ отъ службы (въ 1742 году) и жилъ въ Москвѣ, занимаясь частною практикою и имѣлъ собственный домъ. При назначеніи его «лѣкаремъ-акушеромъ» въ новоучрежденную акушерскую школу, Кондоиди имѣлъ въ виду то особенно, что Пагенкампфъ, кромѣ хирургической опытности, весьма хорошо владѣлъ русскимъ языкомъ и слѣдовательно могъ служить переводчикомъ для Эразмуса, совсѣмъ не знавшаго по-русски, и посредникомъ въ сношеніяхъ его какъ съ ученицами, такъ и съ судебными мѣстами, нуждавшимися иногда въ спеціальныхъ акушерскихъ указаніяхъ для рѣшенія различныхъ судебныхъ вопросовъ. Посему и въ указѣ объ его опредѣленіи на это мѣсто сказано, что онъ «всѣ анатомическіе препараты, употребляемые въ родинахъ, дѣлать и по наставленію и требованію доктора надлежащія при лекціонахъ инструментальныя дѣйствія повивальнымъ бабкамъ и ихъ ученицамъ съ лучшимъ успѣхомъ показывать, по знанію же россійскаго языка русскимъ бабкамъ и ученицамъ тѣ докторскіе лекціоны на россійскомъ діалектѣ истолковать можетъ». Жалованья ему положено по 400 руб. въ годъ [1]).

Въ указѣ Медицинской Канцеляріи 1 мая 1757 года слѣдующимъ образомъ опредѣлялись обязанности какъ преподавателей, такъ и ученицъ Московской акушерской школы: «По прибытіи въ Москву оному доктору (И. Эразмусу) явиться въ Медицинской Конторѣ и отъ оной конторы, назнача день, призвать опредѣленныхъ отъ Медицинской Канцеляріи въ Москвѣ присяжныхъ повивальныхъ бабокъ съ ихъ ученицами и о опредѣленіи его имъ объявить съ такимъ подтвержденіемъ, дабы оныя бабки, въ силу

---

[1]) Отецъ этого Пагенкампфа, *Іоганнъ Пагенкампфъ*, былъ также въ русской службѣ фельдмедикомъ въ арміи въ турецкую войну 1738 года и въ этомъ же году умеръ. Вдова его Эрминія Матвѣевна, т. е. мать акушера Пагенкампфа, получала пожизненную пенсію 200 руб. въ годъ и умерла въ Спб. въ Шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ 13-го апрѣля 1750 г., оставивъ сыну маленькое наслѣдство.

данной имъ инструкціи, для лучшаго въ ихъ дѣлѣ утвержденія, также и ученицы ихъ для обученія, къ оному доктору въ назначенные отъ него дни и часы являлись, подъ опасеніемъ положеннаго по той инструкціи за каждую безъ законной причины отлучку штрафа. Особливо же онымъ бабкамъ накрѣпчайше подтвердить, чтобъ въ нужныхъ случаяхъ и трудныхъ рожаницамъ припадкахъ оному доктору безъ всякаго времени продолженія заблаговременно объявляли и къ тѣмъ рожаницамъ его или, по приказу его, опредѣленнаго при немъ акушера для совѣту и вспоможенія неотмѣнно призывали. И для того, лучшаго порядка ради, какъ вышеобъявленному акушеру, такъ и бабкамъ съ ихъ ученицами, состоять въ командѣ и вѣдомствѣ онаго доктора, и сколько у кого рожаницъ имѣлось и отъ родовъ свободились мѣсячные или недѣльные репорты подавать имъ оному доктору, а ему присылать оные въ Медицинскую Контору помѣсячно же или по третямъ года. Оному жъ доктору и по приказанію его лѣкарю Пагенкампфу онымъ бабкамъ во всякомъ случаѣ, до дѣла и должности ихъ касающемся, добрымъ и искуснымъ совѣтомъ вспомоществовать, открывая имъ всѣ нынѣ изобрѣтенные и имъ извѣстные способы къ полезнѣйшему и исправнѣйшему ихъ дѣла и должности исполненію, и для того по усмотрѣнію нужды и по призыванію къ таковымъ рожаницамъ ѣздить имъ безъ отрицанія, и всякаго чина и достоинства персонамъ, какъ знатнымъ, такъ и неимущимъ бѣднымъ и убогимъ, по надобности всякое полезное вспоможеніе чинить, за что отъ знатныхъ и имущихъ получитъ имѣютъ награжденіе, а убогимъ и неимущимъ они тое вспоможеніе чинить должны безъ платы. Сверхъ же сего какъ оному доктору, такъ и акушеру чинимые въ Медицинской Конторѣ вновь являющимся повивальнымъ бабкамъ экзамены, въ присутствіи той Конторы штадтъ-физика производить, также по требованію надобности случающіеся при разныхъ командахъ надъ содержащимися подъ арестомъ женщинами и ежели по Медицинской Конторѣ отъ нихъ въ сумнительныхъ случаяхъ разсужденіе потребуется, съ опредѣленными къ тому присяжными бабками осмотры чинить и атестаты подписывать, и въ томъ какъ и въ прочемъ поступать по инструкціи, какова имъ о томъ изъ Медицинской Канцеляріи дана будетъ».

Преподаваніе въ Московской акушерской школѣ началось

осенью 1757 года. Оно происходило по назначенію Эразмуса, въ его квартирѣ[1]), два раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ, въ третьемъ часу по полудни. Надобно только признаться, что оно шло довольно лѣниво и неакуратно, а когда Кондоиди потребовалъ черезъ полгода (въ мартѣ 1758) отчета объ успѣхахъ ученія, то Эразмусъ не зналъ что отвѣтить и вмѣсто отчета представилъ жалобу, что многія бабки часто пропускаютъ его лекціи и предложилъ дѣлать за это большіе вычеты изъ ихъ жалованья. Наряжено было слѣдствіе и показало, что нѣкоторыя бабки дѣйствительно не приходили къ нему нѣсколько разъ, но не приходили по болѣзни, отъ которой Эразмусъ самъ же и лѣчилъ ихъ; а другія приходили на лекціи, но самъ онъ тотчасъ же отсылалъ ихъ домой, подъ предлогомъ, что ихъ немного (т. е. не всѣ онѣ собрались) и слѣдовательно въ этотъ день и лекціи читать не стоитъ; наконецъ нѣкоторыя бабки были такъ стары, что хотя и слушали лекціи, но онѣ едва ли шли имъ въ пользу.

Почти одновременно съ заведеніемъ акушерской школы въ Москвѣ, Кондоиди озаботился учрежденіемъ подобной же школы и въ Петербургѣ. Первыми преподавателями ея назначены (7 августа 1757 года) докторъ Андрей Линдеманъ, съ титуломъ «доктора и профессора бабичьяго дѣла», и въ помощь ему операторъ генеральнаго сухопутнаго и генеральнаго адмиралтейскаго Спб. госпиталя Христофоръ Яковъ фонъ-Меллепъ, съ званіемъ «городоваго акушера« и съ оставленіемъ въ тоже время по прежнему операторомъ въ обоихъ генеральныхъ петербургскихъ госпиталяхъ.

Докторъ Андрей Линдеманъ *(Andreas Lindemann)*, ревельскій уроженецъ, учился медицинѣ и получилъ докторскій дипломъ (1755) въ Геттингенѣ, напечатавъ диссертацію: *De partu praeternaturali, quem sine matris aut foetus sectione absolvere non licet operatori*. Оттуда онъ поѣхалъ въ Берлинъ и Страсбургъ для усовершенствованія въ акушерствѣ и въ концѣ 1756 года возвратился въ Россію и подалъ прошеніе Медицинской Канцеляріи (19 декабря) объ предѣленіи его на службу. По этому прошенію онъ

---

[1]) Жилъ онъ въ Новой Басманной улицѣ, въ домѣ бургомистра Ивана Вахляева.

экзаминован былъ въ Медицинской Канцеляріи 23-го декабря профессоромъ І. Ф. Шрейберомъ, генеральнымъ штабъ-докторомъ Г. Т. Ашемъ и дивизіоннымъ докторомъ Христіаномъ Пеккекомъ и 8-го января 1757 года получилъ право практики въ Россіи, но въ службу не опредѣленъ по неимѣнію вакансій, а потому и уѣхалъ опять въ Ревель. Вскорѣ однакожъ (въ маѣ того же года) Кондоиди велѣлъ написать къ нему, не желаетъ ли онъ быть опредѣленнымъ къ «бабичьему дѣлу» въ С.-Петербургѣ? Линдеманъ согласился и 7-го августа 1757 года опредѣленъ туда съ званіемъ доктора и профессора и съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ.

Помощникъ его Христофоръ Яковъ фонъ-Мелленъ (*Christopher Jacob von Mellen*) принятъ въ русскую службу въ сентябрѣ 1735 года лѣкаремъ въ генеральный Спб. сухопутный госпиталь, съ жалованьемъ по 180 руб. въ годъ. Онъ въ особенности любилъ анатомію и преимущественно занимался ею. Въ слѣдующемъ (1736) году назначенъ былъ учителемъ госпитальныхъ лѣкарскихъ учениковъ (chirurgus-informator), съ прибавкою жалованья по 20 р. въ треть. Въ 1737 году, кромѣ учительской должности, онъ принужденъ былъ исправлять (съ мая мѣсяца) и должность госпитальнаго оператора, потому что операторъ Іоганнъ Гюйонъ (*Johann Guyon*), по случаю военныхъ дѣйствій, командированъ въ армію къ Азову штабъ-лѣкаремъ (на мѣсто умершаго штабъ-лѣкаря Адамія). Представляя въ сентябрѣ этого года въ Медицинскую Канцелярію списки учениковъ своихъ съ отмѣтками объ ихъ успѣхахъ въ анатоміи, а также списокъ сдѣланныхъ имъ самимъ анатомическихъ препаратовъ [1]), онъ выставлялъ свои заслуги «во обученіи подлѣкарей и учениковъ и въ отправленіи операцій лѣкарскихъ и въ заготовленіи разныхъ

---

[1]) Вотъ представленная имъ
Specification derer Preparatorum anatomicorum in diesem Tertial auf die Anatomiae gebraucht worden:

1) Ein Kerl woran sich die Myologie das Cor
   Diaphragma
   die Renes
   Einiger Massen der Cursus vasorum befindet.
2) Die Haut von solchen Körper.
3) Einig zur Demonstration des Gehörs präparirte Knochen.

27 August 1737.

анатомическихъ препаратовъ со всякимъ прилежаніемъ», и просилъ, чтобы за исправленіе операторской должности прибавлено было ему жалованья, а за препараты выдано было единовременно 20 р. Архіятеръ І. Б. Фишеръ назначилъ, по этому прошенію, увеличить его жалованье 50-ю рублями въ годъ, а за препараты выдать 20 руб. и всегда выдавать таковую же сумму по третямъ, если фонъ-Мелленъ представитъ въ анатомическую камору госпиталя приготовленные имъ препараты. Это ободрило его и ровно черезъ годъ (въ маѣ 1738) онъ снова подалъ прошеніе объ опредѣленіи его операторомъ при госпиталѣ, съ жалованьемъ по 300 руб. Архіятеръ Фишеръ исполнилъ и эту просьбу и утвердилъ его операторомъ 19-го мая 1738 года съ означеннымъ жалованьемъ. Впрочемъ съ этимъ въ занятіяхъ его не произошло ни какихъ перемѣнъ: онъ уже и прежде исполнялъ ту должность, въ которой былъ теперь утвержденъ. Но такъ было не долго: 17-го ноября 1739 года умеръ операторъ генеральнаго адмиралтейскаго Спб. госпиталя І. Б. Гангартъ (*Johann Balthasar Hanhart*), исправлявшій въ тоже время операторскую должность и при Медицинской Канцеляріи. Замѣнить его было некѣмъ, а между тѣмъ подлѣкари и ученики этого госпиталя не могли остаться безъ учителя анатоміи, и потому архіятеръ Фишеръ далъ приказъ, чтобъ ученики адмиралтейскаго госпиталя

Specification derer Preparatorum anatomicorum, welche in dem Januari Tertiale auf die Anatomiae gelieffert worden.

1) Die Substantia renum injecirt und in Spiritum geleget, dabey aufgeschnitten und die innere Structur zu sehen.
2) Der Ventriculus benebst die Duplicatur des Omenti eines einjährigen Jungens schön injecirt und ausgetradnet.
3) Die Substantia hepatis, benebst die Vesica fellea in situ naturali injecirt und ausgetradnet.
4) Das Herz mit dem Vasis coronariis so injecirt, aufgeblasen und ausgetradnet, um die innere Stuctura inniger enszen sehen zu können.
5) Das Pericranium schön injecirt und ausgetradnet.
6) 2 Polypi cordis so considerable preparirt und in Spiritu verwaret sind.
7) Ein Penem injecirt und in die Mitten salva Urethra aufgeschnietten und die Structur der Corporum cavernosorum deuth. sehen zu können.

Es sind noch einige Theile von Thieren preparirt und hinauf gestelt worden, so alhino nicht benambset wird.

St. Petersburg, 11 April 1737.
J. von Mellen.

ходили слушать анатомическія лекціи въ генеральный сухопутный госпиталь къ оператору Х. Я. фонъ-Меллену. Лекціи были два раза въ недѣлю и ученики стали ходить къ нему, но главный докторъ адмиралтейскаго госпиталя І. Г. Сигезбекъ (*Johann Georg Sigesbeck*) не вполнѣ былъ доволенъ успѣхами учениковъ своего госпиталя: они больше тратили времени на ходьбу изъ одного госпиталя въ другой, чѣмъ на ученье. Спустя одну треть послѣ начала этого совмѣстнаго ученья, фонъ-Мелленъ (6-го іюня 1740) сталъ просить прибавки жалованья по 150 р. въ годъ за лишній трудъ при обученіи лишнихъ учениковъ. Архіятеръ Фишеръ призналъ просьбу его справедливою и потребовалъ (11 сентября) отъ Адмиралтейской Коллегіи назначить ему жалованье до опредѣленія въ адмиралтейскій госпиталь особаго оператора. Адмиралтейская Коллегія дала деньги, но спросила Сигезбека объ успѣхахъ учениковъ этого госпиталя въ анатоміи и послѣдній далъ отзывъ не совсѣмъ благопріятный. Черезъ годъ она опять спросила о томъ же и получила такой же отвѣтъ. Между тѣмъ въ это время (въ началѣ 1742 года) въ генеральный сухопутный госпиталь переведенъ былъ Московскій штадтъ-физикъ докторъ І. Ф. Шрейберъ «профессоромъ анатоміи» въ обоихъ госпиталяхъ [1]); стало быть въ одномъ госпиталѣ явился избытокъ

---

[1]) Докторъ Іог. Фр. Шрейберъ *(Johann Friedrich Schreiber)*, прусакъ, принятъ въ русскую службу въ 1731 г. въ армію генералъ-аншефа Леси по капитуляціи на 5 лѣтъ, но служилъ болѣе 25-ти лѣтъ. Въ 1733 году былъ съ войсками въ Польшѣ при избраніи короля Польскаго, въ 1734 при осадѣ Данцига, въ 1735 въ походѣ на Рейнъ и въ 1739 на почтовыхъ провожалъ генерала Леси чрезъ Богемію, Силезію, Польшу и Малороссію къ Азовъ и былъ при осадѣ этой крѣпости, управляя хирургическою практикою, гдѣ и получилъ званіе генеральнаго штабъ-доктора арміи, прибавку 100 р. жалованья, 5 раціоновъ, 2 денщиковъ, рангъ подполковника, послѣ чего въ этомъ званіи участвовалъ въ походѣ въ Крымъ черезъ Сивашъ. Оттуда переведенъ въ Москву штадтъ-физикомъ по контракту, но между тѣмъ остался при арміи и въ 1738 былъ при осадѣ Перекопа. Въ Москву возвратился только въ 1739 году, откуда переведенъ профессоромъ въ оба Петербургскіе госпитали. Замѣчательно, что въ послѣдствіи производство его въ рангъ подполковника забылось и 16-го ноября 1756 года онъ просилъ Медицинскую Канцелярію о производствѣ его въ слѣдующій чинъ и о прибавкѣ жалованья (котораго онъ получалъ по 1325 р. въ годъ). Кондоиди представилъ это Сенату, который 27-го мая 1757 года произвелъ Шрейбера въ надворные совѣтники и прибавилъ жалованья по 180 р. въ годъ изъ военныхъ суммъ. Умеръ 28-го января 1760 года, въ званіи члена Спб. Академіи Наукъ и профессора обоихъ петербургскихъ госпиталей.

въ учителяхъ, между тѣмъ какъ въ другомъ былъ недостатокъ въ нихъ. Поэтому Адмиралтейская Коллегія 13-го апрѣля 1742 года написала Медицинской Канцеляріи, что по объявленію доктора Сигезбека операторъ Я. фонъ-Меллень не такъ прилежно обучаетъ адмиралтейскихъ учениковъ, какъ сухопутныхъ, и что лучше было бы опредѣлить къ нимъ особаго оператора. Мѣсто архіятера Фишера занималъ тогда директоръ Медицинской Канцеляріи Арманъ Лестокъ: но его не было въ Петербургѣ, а дѣлами управляла Медицинская Контора. Послѣдняя произвела слѣдствіе, спросила Сигезбека (бывшаго тогда уже въ отставкѣ)[1], главнаго лѣкаря адмиралтейскаго госпиталя Зальцера и фонъ-Меллена и 28-го іюня опредѣлила перевесть Я. фонъ-Меллена операторомъ въ адмиралтейскій госпиталь съ жалованьемъ изъ Адмиралтейской Коллегіи по 306 рублей и съ прибавкою по 150 рублей въ годъ отъ Медицинской Канцеляріи за помощь его доктору Шрейберу въ обученіи лѣкарскихъ учениковъ и подлѣкарей генеральнаго сухопутнаго госпиталя, а равно за помощь при операціяхъ и за совѣщанія съ нимъ. Но Лестокъ не утвердилъ этого опредѣленія, а велѣлъ быть дѣлу по прежнему, т. е. фонъ-Меллену оставаться при генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ и получать оттуда по 306 р. въ годъ, а въ адмиралтейскомъ госпиталѣ обучать учениковъ вмѣстѣ съ Шрейберомъ, получая прибавочнаго жалованья по 150 р. отъ Адмиралтейской Коллегіи; къ должности же оператора въ адмиралтейскій госпиталь велѣлъ опредѣлить изъ генеральнаго сухопутнаго госпиталя лѣкаря І. Хр. Цубера[2]), лѣкаремъ же, впредь до пріисканія лучшаго, съ жа-

---

[1]) Онъ уволенъ въ отставку 14-го апрѣля 1742 года, а на его мѣсто переведенъ главнымъ докторомъ въ Адмиралтейскій генеральный госпиталь (22-го іюля 1742 года) докторъ І. Г. Грегори *(Johann Gottfried Gregory)* изъ Москвы.

[2]) Лѣкарь Іог. Хр. Цуберъ *(Johann Christian Zuber)*, уроженецъ изъ княжества Ангальтъ-Бернбургъ-Балленштата, учился медицинѣ въ Спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ и въ 1734 году произведенъ въ подлѣкари, а въ іюнѣ 1735 года въ лѣкари въ Спб. гарнизонъ, откуда переведенъ былъ въ Воронежскую губернію, въ крѣпость св. Анны; потомъ былъ въ военныхъ дѣйствіяхъ при драгунскомъ Азовскомъ полку въ Азовской атакѣ и въ 1738 году возвращенъ въ Спб. генеральный сухопутный госпиталь лѣкаремъ, послѣ чего опять командированъ по военному времени въ Кобелякскій госпиталь. Въ должности оператора при адмиралтейскомъ госпиталѣ оставался онъ не долго. Когда по указу Елизаветы Петровны 6-го сентября и 14-го октября 1742 года заведена

лованьемъ по 186 р. въ годъ, съ тѣмъ чтобы онъ обучалъ тамъ учениковъ подъ надзоромъ Шрейбера и Меллена. При опредѣленіи I. Шрейбера профессоромъ въ госпиталь, занятія Я. фонъ-Меллена нѣсколько измѣнились, но не сдѣлались легче, потому что онъ сдѣлался прозекторомъ его, хранителемъ анатомическихъ и хирургическихъ инструментовъ, препараторомъ и въ тоже время оставался операторомъ, т. е. производилъ операціи на живыхъ и мертвыхъ субъектахъ по указанію и приказанію Шрейбера. Главная же трудность состояла въ томъ, чтобъ угодить высокомѣрному, самолюбивому, капризному и чрезвычайно раздражительному и мелочному профессору, умѣвшему уживаться только съ тѣми, кого онъ боялся. Я. фонъ-Мелленъ старался уживаться съ нимъ, молча переносилъ всѣ огорченія и работалъ такъ, что трудолюбіе его было дѣйствительно неутомимое. Кажется, будто онъ усиленною и безпрерывною работою старался заглушать тѣ скорби, которыя причиняло ему грубое обращеніе и капризная мелочность Шрейбера.

Получивъ назначеніе преподавателя въ Спб. акушерской школѣ и городоваго петербургскаго акушера (съ жалованьемъ по 300 рублей въ годъ), при сохраненіи прежнихъ должностей своихъ, онъ внесъ и въ исполненіе этой должности то прилежаніе, какимъ отличался всю жизнь свою. Доказательствомъ служитъ то,

---

была семинарія при Троицко-Сергіевской лаврѣ и при ней положенъ лѣкарь «для пользованія при оной лаврѣ монашествующихъ и семинаристовъ медическими вспомогательствами,» то онъ изъявилъ желаніе поступить на это мѣсто по контракту на 4 года, съ тѣмъ, чтобы лѣкарства покупать насчетъ лавры, ему даваемо было жалованья по 400 р. въ годъ съ готовою квартирою, дровами и свѣчами и съ 2-мя работниками для прислуги, а въ случаѣ поѣздки по дѣламъ лавры съ готовою коляскою и лошадьми. Эти условія сообщены были Синоду и архіепископъ Арсеній переяславскій и дмитровскій и архимандритъ лавры согласился на нихъ; почему Цуберъ и опредѣленъ былъ туда 4-го ноября 1746 г. Контрактъ въ послѣдствіи продленъ еще на два года, причемъ прибавлено, чтобъ онъ обучалъ семинаристовъ лѣкарскому искуству. Въ февралѣ 1752 года Цуберъ пожелалъ ѣхать на родину, но не поѣхалъ, и только помѣнялся мѣстомъ съ главнымъ лѣкаремъ Спб. адмиралтейскаго госпиталя Иваномъ Савичемъ Роде *(Johann Georg Rodet)*, причемъ послѣдній опредѣленъ въ лавру (4-го марта 1752), а онъ въ адмиралтейскій госпиталь главнымъ лѣкаремъ. Но въ концѣ 1753 года онъ все-таки уѣзжалъ на полгода на родину, передавъ свое мѣсто лѣкарю тогоже госпиталя Мартыну Шеппу, а по возвращеніи въ Россію опредѣленъ при кабинетѣ Е. И. В. съ жалованьемъ по 400 руб., гдѣ онъ и оставался до смерти, бывъ въ послѣдствіи произведенъ въ штабъ-лѣкари

что ровно через годъ Кондоиди успѣлъ уже замѣтить успѣхъ у воспитанницъ акушерской школы и за эти успѣхи преподаванія произвелъ Я. фонъ-Меллена (31-го декабря 1758 года) въ штабъ-лѣкари съ рангомъ капитанъ-поручика арміи и съ соотвѣтственнымъ этому званію жалованьемъ [1]).

Когда началось преподаваніе акушерства въ петербургской повивальной школѣ и какъ происходило оно—съ точностью не извѣстно; но можно кажется предполагать, что оно было одновременно началію курсовъ въ Москвѣ. Какъ бы то ни было, но одновременно съ установленіемъ преподаванія акушерства введенъ былъ цѣлый рядъ прежде не существовавшихъ учрежденій, которыя сохранились и до настоящаго времени.

Когда преподаваніе въ повивальныхъ школахъ началось уже, Кондоиди озаботился снабженіемъ этихъ школъ необходимѣйшими учебными пособіями. Но выборъ книгъ предоставленъ былъ самимъ профессорамъ, причемъ Эразмусъ принялъ въ руководство учебникъ Тебезія, въ тоже время прося выписать нѣсколько экземпляровъ книги шведскаго профессора Горна, которая и выписана (по указу 20-го марта 1758 года [1]) въ числѣ 6 экземпляровъ, а въ послѣдствіи переведена на русскій языкъ Иваномъ Пагенкампфомъ [2]). Учебникъ Тебезія въ Московской школѣ замѣненъ потомъ книгою самого Ивана Эразмуса, напечатанною въ 1762 году. Кромѣ того, тѣмъ же указомъ предписано Мос-

---

[1]) Операторъ Я. фонъ-Мелленъ имѣлъ сына Х. А. фонъ-Меллена *(Christoph Andreas von Mellen)*, который въ ранней молодости уѣхалъ учиться (1752) въ Кенигсбергъ и Берлинъ для первоначальнаго воспитанія. Возвратившись оттуда черезъ пять лѣтъ, онъ у отца учился анатоміи и въ 1759 г. отправился въ Лейденъ, прослушалъ тамъ курсъ медицинскихъ наукъ и получилъ докторскій дипломъ. Возратившись въ Петербургъ въ 1761 г., онъ былъ экзаминованъ въ Медицинской Канцеляріи Синопеусомъ, Некеномъ и Яншемъ, которые нашли его «in theoria bene versatum» и 22-го ноября получилъ право практики въ Россіи и дозволеніе практиковать въ Спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, безъ правъ службы, а 20-го апрѣля 1762 года назначенъ былъ младшимъ докторомъ въ тотъ же госпиталь, на мѣсто уволеннаго изъ службы Іоганна Баптиста Вандини, съ жалованьемъ по 300 руб. въ годъ и казенною квартирою. Разумѣется, онъ долженъ былъ читать лекціи госпитальнымъ подлѣкарямъ и ученикамъ, между тѣмъ какъ старикъ отецъ, по должности своей, обязанъ былъ служить для него прозекторомъ.

[2]) Русскій переводъ книги Горна, сдѣланный Пагенкампфомъ, исправленъ былъ профессоромъ Московскаго университета Барсовымъ, отъ чего нѣсколько замедлилось печатанье его.

ковской Медицинской Конторѣ давать Эразмусу изъ Московской главной аптеки что нужно на приготовленіе препаратовъ къ демонстраціямъ бабичьяго дѣла, какъ-то воску, сала, киноварн спирту, посуды и наконецъ инструменты, какіе онъ потребуетъ; что все и было исполнено въ тоже лѣто. Докторъ Линдеманъ просилъ выписать для него нѣсколько акушерскихъ инструментовъ и 20-го апрѣля 1759 года Медицинская Канцелярія поручила ему самому выписать изъ Страсбурга (чрезъ посредство купца Вейпехта, имѣвшаго тамъ корреспондентовъ) отъ инструментальнаго мастера Фриде, по выбору и одобренію доктора Фриде, разные акушерскіе инструменты. Такимъ образомъ выписаны были слѣдующіе инструменты:

1) *Fride's* Troiscars ad craninm aperiendum,
2) *егоже* Pessarium ad prolapsum uteri;
3) *егоже* Säge und Löffel;
4) *егоже* Verborgene Nadel das Wasser zu sprengen;
5) *Petermann's* Instrument ad inguina;
6) Troiscars pro ano clauso aperiendo;
7) Pessarium ad coalitum vaginae exulceratae impediendum;
8) Die Muspel ad excipiendam urinam involuntarie effluentem in casu colli vesicae sub partu dilacerati;
9) Das *Floret* seiden Band um die Füsse anzusplingen;
10) Des Herrn *May* Zungenlöser.

Что же касается до снабженія трупами для демонстративнаго преподаванія анатоміи половыхъ женскихъ органовъ, то 9-го декабря 1757 Кондоиди потребовалъ изъ главной Полицеймейстерской Канцеляріи и изъ госпиталей въ столицахъ женскихъ мертвыхъ тѣлъ для бабичьяго дѣла, причемъ госпиталямъ предписано было давать по требованію профессоровъ повивальныхъ школъ только нужныя имъ анатомическія части, а помощникамъ профессоровъ или акушерамъ вмѣнено въ обязанность «анатомить и показывать анатомическое устройство этихъ частей бабкамъ». Требованіе на женскіе трупы было, впрочемъ, умѣренное, до 3-хъ тѣлъ въ годъ, такъ какъ въ тѣ времена и вообще препарованіе труповъ или операціи на нихъ производились не часто. А чтобы постановленіе это не осталось безъ исполненія, докторамъ и акушерамъ предписано самимъ навѣдываться въ

госпитали и узнавать нѣтъ ли тамъ женскихъ труповъ, и если есть, то брать себѣ что нужно.

Съ своей стороны Главная Полицеймейстерская Канцелярія охотно согласилась на требованіе Кондоиди и отдала соотвѣтственныя приказанія; но вмѣстѣ съ тѣмъ напомнила Медицинской Канцеляріи, что она давно уже нуждается въ пособіи спеціалистовъ по акушерской части, для освидѣтельствованія приводимыхъ въ полицію «пойманныхъ въ воровствахъ и разныхъ продерзостяхъ женокъ и дѣвокъ, которыя при распросахъ и пыткахъ объявляютъ себя беременными, стало быть пытокъ имъ и наказаній чинить нельзя, и держать ихъ очень долго, не давая хода дѣламъ, и было, что избѣгая пытокъ и наказаній и чтобъ протянуть время, объявляли себя беременными ложно». Объ этомъ писано было еще 3-го октября 1756 года, но только теперь настала возможность удовлетворить этому справедливому требованію. Правда, при самомъ учрежденіи повивальныхъ школъ помощники профессоровъ назначены *первыми городовыми акушерами*, Иванъ Пагенкампфъ въ Москвѣ и Яковъ фонъ-Мелленъ въ Петербургѣ: но при назначеніи ихъ сказано, что они должны быть призываемы только для важныхъ случаевъ, которыхъ сами повивальныя бабки рѣшить не могутъ. Да и общественное мнѣніе не совсѣмъ охотно мирилось съ мыслью о необходимости освидѣтельствованія женщинъ мужчинами. По этому съ установленіемъ преподаванія въ школахъ, когда профессора могли убѣдиться въ сравнительныхъ знаніяхъ и опытности повивальныхъ бабокъ, Кондоиди, по ихъ рекомендаціи, опредѣлилъ по двѣ присяжныхъ бабки въ Москву и Петербургъ для судебныхъ освидѣтельствованій женщинъ и дѣвокъ по требованіямъ присутственныхъ мѣстъ. Въ Москвѣ опредѣлена была 30-го сентября 1757 Анна Магдалина Штееге (*Anna Magdalena Steege*)[1], вдова служившаго при Московскомъ госпиталѣ оператора Штееге,

---

[1]) У В. Рихтера она неправильно названа Магдалиною Штенге. Она также называлась иногда *Билонъ*. Умерла 8-го сентября 1758 года въ Москвѣ. На ея мѣсто опредѣлена старшею городовою акушеркою въ Москву (26-го января 1759 года) Христина Елизавета Рейсъ *(Christina Elisabeth Reiss)*, жена таможеннаго безухера Нарвской таможни. Она получила право повивальной практики отъ Медицинской Канцеляріи 26-го февраля 1751 года и жила сперва въ Нарвѣ, а потомъ въ Петербургѣ.

старшею городовою бабкою, а Ненила Михайлова Петрова [1]), вдова армянина фабрикера—младшею городовою бабкою или помощницею первой. Въ Петербургѣ въ тотъ же день опредѣлены были: старшею городовою бабкою Шарлота Беата Дюваль и младшею Анна Гертруда Вальтеръ-Гаусманъ, вдова голландца-фабриканта, и подчинены доктору Линдеману. Это были *первыя городовыя акушерки* въ Россіи. О назначеніи ихъ Медицинская Канцелярія увѣдомила 17-го ноября 1757 года всѣ безъ исключенія высшія присутственныя мѣста, какъ гражданскія, такъ военныя и духовныя коллегіи, канцеляріи, конторы и пр., съ тѣмъ, что если понадобятся акушерки, то эти мѣста присылали бы запросныя письма въ Медицинскія Конторы къ штадтъ-физикамъ, которые по этимъ письмамъ и будутъ наряжать ихъ поочередно и безобидно. Къ этому прибавлено, что бабки обязаны подпискою являться по требованіямъ и свидѣтельствовать бабъ и дѣвокъ, а о результатахъ рапортовать штадтъ-физику; только «соблаговоленобъ было бабокъ тамъ лишнее время и напрасно не держать, дабы въ другихъ обязанностяхъ ихъ не послѣдовала остановка». Если же бы случилось дѣло важное, котораго бабки сами собою рѣшить не могли, то предлагалось сообщать о томъ Медицинской Канцеляріи или конторѣ, чтобы съ бабкою можно было послать для осмотра и свидѣтельствованія и доктора или хирурга (акушера), которые тоже обязаны подпискою не отказываться отъ подобныхъ посылокъ.

Жалованья положено городовымъ акушеркамъ, старшей отъ 200 до 300, а младшей отъ 150 до 200 р. въ годъ, смотря по усердію и исправности въ исполненіи ихъ обязанностей.

Надобно впрочемъ прибавить, что, не смотря на всѣ эти старанія, дѣло въ началѣ шло очень трудно. И главное затрудненіе состояло въ пріисканіи учениць для акушерскихъ школъ. По предложенію Медицинской Канцеляріи, утвержденному Сена-

---

[1]) Умерла 16-го сентября 1758 года. Сынъ ея Степанъ Алексѣевичъ Петровъ, служившій копистомъ въ Конторѣ Правительствующаго Сената, увѣдомилъ объ этомъ. На ея мѣсто назначена младшею акушеркою въ Москву (17-го марта 1759 года) изъ Петербурга Анна Розина Диппе (*Anna Rosina Dippe*, а по первому мужу *Hermann*, подъ каковымъ именемъ она и практиковала прежде). Она признана повивальною бабкою въ 1755 году и потомъ училась у Линдемана и Меллена.

томъ, въ Спб. надобно было содержать до 10, а въ Москвѣ до 15-ти присяжныхъ бабокъ; но въ половинѣ 1759 года ихъ было на жалованьѣ въ Петербургѣ и Москвѣ по 2, а безъ жалованья только: въ Спб. съ Кронштадтомъ 9, да въ должности ихъ 3, а въ Москвѣ настоящихъ бабокъ 4, да въ должности 1, и изъ этихъ еще, особенно въ Петербургѣ, многія были уже очень стары и едва способны по дряхлости къ своей должности. Наконецъ весьма немногія изъ нихъ имѣли ученицъ. Чему было приписать это? Кондоиди приписывалъ двумъ причинамъ: бѣдности и робости. Чтобъ устранить эти причины, онъ списался со всѣми нѣмецкими пасторами, чтобъ они узнавали, не желаетъ ли какая женщина иностранка учиться бабичьему дѣлу, и если найдется, то отсылать подобныхъ или въ Медицинскую Канцелярію или прямо къ докторамъ бабичьяго дѣла съ своими аттестатами, безъ всякихъ другихъ рекомендацій. Мѣра эта доставила нѣсколько ученицъ. Съ другой стороны, такъ какъ для поступленія въ акушерскія школы или для исходатайствованія экзамена надобно было подавать прошеніе на гербовой бумагѣ, а у бѣдной женщины иногда не было денегъ на гербовыя пошлины, то, чтобъ устранить и это затрудненіе, Кондоиди отмѣнилъ и это стѣсненіе и 10-го августа 1759 года постановилъ, чтобы желающіе учиться являлись прямо къ докторамъ бабичьяго дѣла, съ пасторскими аттестатами, а русскіе съ чистыми паспортами, а докторамъ вмѣнено въ обязанность принимать ихъ и присылать эти аттестаты или паспорты прямо въ Медицинскую Канцелярію или Контору, которыя и будутъ зачислять ихъ въ школы. Когда же онѣ кончатъ ученіе и будутъ признаны достойными къ производству въ повивальныя бабки или въ должность повивальныхъ бабокъ, тогда докторамъ рапортовать объ этомъ Медицинской Канцеляріи и поручать ихъ настоящимъ повивальнымъ бабкамъ для употребленія при родахъ и ежели эти послѣднія аттестуютъ ихъ исправными, то Медицинская Канцелярія признаетъ ихъ мастерицами и дастъ позволительный указъ для отправленія бабичьей должности съ приведеніемъ къ присягѣ и инструкцію на простой бумагѣ, на гербовой же бумагѣ будетъ писаться опредѣленіе для тѣхъ только, которыя поступятъ на казенное жалованье.

Наконецъ нельзя не упомянуть и еще объ одномъ распоряженіи Медицинской Канцеляріи, долженствовавшемъ имѣть большое

вліяніе на расположеніе умовъ въ пользу этого учрежденія. 24-го декабря 1758 года акушеръ фонъ-Меллевъ донесъ Кондоиди, что большинство родильницъ, къ которымъ приглашали его, были такъ бѣдны, что не имѣли возможности заплатить за самыя нужнѣйшія лѣкарства, и потому трудно и даже невозможно было помочь имъ въ тяжкихъ припадкахъ и назначить какія либо врачебныя средства. Вслѣдствіе этого Кондоиди постановилъ 9-го февраля 1759 года, по рецептамъ докторовъ бабичьяго дѣла и акушеровъ въ Петербургѣ изъ нижней, а въ Москвѣ изъ главной аптекъ отпускать безденежно для суще-неимущихъ родильницъ и для новорожденныхъ младенцовъ потребныя лѣкарства и нужныя вещи насчетъ остаточныхъ суммъ, опредѣленныхъ Сенатомъ для бабичьяго дѣла (т. е. на счетъ суммъ, остающихся за расходомъ по содержанію 2-хъ докторовъ, 2-хъ акушеровъ и 4-хъ повивальныхъ бабокъ), ведя только отпускаемымъ веществамъ особливый счетъ въ аптекахъ, который по прошествіи года и подавать въ Медицинскую Канцелярію, а докторамъ и акушерамъ вмѣнено въ обязанность подписывать на рецептахъ: «для суще-неимущей родильницы или новорожденнаго младенца», съ объявленіемъ имени, отчества и прозванія ихъ и съ разборчивостью касательно дѣйствительной скудости родильницъ. Мѣра эта доведена была даже до свѣдѣнія Сената, который 9-го іюня 1759 года вполнѣ утвердилъ ее.

Учрежденныя такимъ образомъ повивальныя школы, носившія характеръ нынѣшнихъ частныхъ учебныхъ заведеній, оставались въ такомъ видѣ до открытія Воспитательныхъ Домовъ въ обѣихъ столицахъ, но не смотря на ограниченность средствъ своихъ принесли несомнѣнную пользу: самая же мысль о «бабичьемъ дѣлѣ» и его учрежденіи, какъ первоначально понималъ его Кондоиди, опередила свое время многими столѣтіями и служитъ однимъ изъ яркихъ доказательствъ дальновидности и глубокомыслія этого величайшаго изъ русскихъ медицинскихъ администраторовъ, еще не вполнѣ до сихъ поръ оцѣненнаго потомствомъ.

Какъ ни были посредственны школы бабичьяго дѣла, заведенныя Кондоиди, но все-таки онѣ были единственными этого рода

учрежденіями, и такъ какъ на ту сумму, какая назначалась для нихъ, не возможно было устроить ничего лучшаго, то Медицинская Канцелярія рѣшилась воспользоваться по крайней мѣрѣ тѣмъ, что есть. Съ этою цѣлью она распорядилась (14-го февраля 1863 года), чтобы изъ Петербургскаго и Московскаго генеральныхъ госпиталей по 6 подлѣкарей ходили къ докторамъ бабичьяго дѣла слушать лекціоны и учиться акушерскимъ операціямъ. Линдеманъ и Эразмусъ потребовали за это прибавки жалованья, указывая на лишній трудъ, не обозначенный въ ихъ инструкціи, и Медицинская Канцелярія назначила (9-го октября 1763) прибавить Линдеману по 200, а Эразмусу по 100 р. въ годъ, вмѣнивъ имъ при этомъ въ обязанность читать бабкамъ «лекціоны» на русскомъ языкѣ и стараться о наборѣ большаго числа учениц, а подлѣкарямъ, кромѣ акушерства, читать «лекціоны о *женскихъ и дѣтскихъ* болѣзняхъ», но уже не у себя на квартирахъ, а въ госпитальныхъ училищахъ. Эразмусъ читалъ лекціи подлѣкарямъ по вторникамъ и пятницамъ, въ 3 часу по полудни, а руководствомъ для нихъ служили Рёдеровы *Elementa artis obstetriciae*, которыя и были выписаны для госпиталя въ числѣ 12 экземпляровъ. Линдеманъ читалъ по средамъ и субботамъ, тоже въ 3 часу по полудни, притомъ одинъ годъ на латинскомъ, а другой на нѣмецкомъ языкѣ, соотвѣтственно чему назначались къ нему слушателями то русскіе, то иностранцы. Въ числѣ первыхъ слушателей его были Илья Руцкій, который въ послѣдствіи самъ былъ профессоромъ акушерства въ Москвѣ, и Юрій Гаммепъ, бывшій впослѣдствіи городовымъ акушеромъ въ С.-Петербургѣ.

Можетъ быть, что слабое развитіе этихъ школъ въ первыя двадцать лѣтъ зависѣло и отъ лицъ, взявшихъ на себя обязанность исключительной заботливости объ нихъ. Такъ, въ Москвѣ докторъ Эразмусъ считалъ образованіе повивальныхъ бабокъ второстепеннымъ своимъ дѣломъ и нерѣдко, какъ монополистъ, совершенно пренебрегалъ имъ. До Медицинской Канцеляріи часто доходили жалобы, что онъ рѣдко читаетъ лекціи своимъ ученицамъ, отговариваясь разными предлогами (то будто онѣ къ нему не приходятъ, то приходятъ не всѣ, то нѣтъ анатомическихъ препаратовъ нужныхъ для лекцій), и что онъ грубо и высокомѣрно обращается съ ними и тѣмъ поселяетъ въ нихъ боязнь и отвра-

щеніе къ ученію. Очевидно было, что онъ или не понималъ своего профессорскаго призванія, или не дорожилъ имъ, лишь бы получать опредѣленное жалованье. Съ другой стороны, не проходило года, въ который бы онъ разъ или два не уѣзжалъ въ Нарву на долгіе сроки, то подъ предлогомъ болѣзни жены, то подъ предлогомъ устройства дѣлъ послѣ ея смерти и новой женитьбы [1]), а наконецъ много отнимала времени и частная городская практика, приносившая хорошіе доходы и полезныя связи и знакомства.

Но еще болѣе сталъ онъ пренебрагать акушерскою школою, когда открылась возможность занять профессорское мѣсто для анатоміи и хирургіи въ Московскомъ университетѣ. По чрезмѣрной заносчивости и высокомѣрію, онъ даже не попросилъ дозволенія Медицинской Коллегіи о поступленіи на службу въ университетъ и тѣмъ возбудилъ непріятную переписку, которая рѣзко характеризуетъ его личность [2]). Коллегія по неволѣ терпѣла всѣ его вы-

---

[1]) Эразмусъ былъ два раза женатъ. Въ первый разъ онъ женился въ Нарвѣ при первомъ опредѣленіи на службу, а во второй разъ женился въ Москвѣ на дочери старшаго доктора московскаго генеральнаго госпиталя Елисаветѣ Акимовнѣ Раушертъ. Послѣдняя жена пережила его. Онъ имѣлъ собственный домъ въ Москвѣ.

[2]) Докторъ Эразмусъ увѣдомилъ Медиц. Коллегію, между прочимъ, о поступленіи своемъ въ Московскій университетъ слѣдующимъ рапортомъ на нѣмецкомъ языкѣ (переведеннымъ въ Коллегіи переводчикомъ Я. Сигизбекомъ):

«Высокоучрежденной Медиц. Коллегіи извѣстно, что въ прошломъ году, по высочайшему Е. И. В. повелѣнію, отдана въ здѣшній университетъ сочиненная докторомъ фонъ-Горномъ книга, переведенная на россійскій языкъ, для напечатанія на счетъ кабинета. Понеже печатаніе оной книги окончится на будущей недѣлѣ, а Е. И. В. еще не изволила повелѣть кому экземпляры отданы быть имѣютъ, то не могу преминуть, чтобъ о томъ симъ не донесть. А какъ скоро можно будетъ получать экземпляры, то я намѣренъ объявить чрезъ здѣшнія вѣдомости, что я нынѣ по сей книгѣ стану производить лекціи и чтобъ россійскія и нѣмецкія женщины, желающія обучиться бабичьему искусству, у меня явились въ непродолжительномъ времени.

«Я же не могъ обойтиться высокоучрежденной Мед. Коллегіи симъ донесть, что я предоставленную мнѣ предъ недавнимъ временемъ отъ здѣшняго университета должность профессора анатоміи, хирургіи и бабичьяго искусства на себя принялъ третьяго дня, которую должность на себя принять тѣмъ меньше усумнѣлся, что разсудилъ, что мнѣ можно ее весьма способно отправлять и съ прежнею моею должностію: ибо назначенные къ лекціямъ часы не токмо разные, но сіе профессорское мѣсто мнѣ подастъ случаи учинить больше мое знаніе въ бабичьемъ искусствѣ анатомическимъ разобраніемъ большаго числа тѣлъ, и случаемъ даваемымъ студентамъ въ бабичьемъ искусствѣ наставленіемъ, да употребленіемъ находящихся въ университетской библіотекѣ изрядныхъ

ходки, по невозможности замѣнить его другимъ лицомъ, и даже не смѣнила отъ должности профессора акушерской школы, когда

книгъ; и тѣмъ могу себя учинить больше и больше удобнымъ къ тому, что касается къ славѣ высокоучрежденной Медицинской Коллегіи и къ моей собственной, и къ оказыванію полезныхъ услугъ всему россійскому государству. И такъ я нахожусь въ томъ уповаиіи, что сіе мое принятіе новой должности высокоучрежденной Мед. Коллегіи столь же не противно будетъ, сколько и его превосходительству университета г-ну куратору не противно, что останусь при своей прежней должности. Москва. 16-го августа 1764 года. Докторъ *Іог. Фр. Эразмусъ*».

Изъ высокомѣрія и хвастовства, Эразмусъ во первыхъ скрылъ въ этомъ рапортѣ, что онъ добивается профессорской должности въ университетѣ, а не университетъ приглашаетъ его, и во-вторыхъ изъ высокомѣрія же, вмѣсто того чтобъ просить дозволенія Коллегіи о принятіи новой должности внѣ ея вѣдомства, онъ полагалъ достаточнымъ вскользь увѣдомить ее о новомъ своемъ призваніи, чтобъ она съ восторгомъ отозвалась на это новое возвышеніе его; и въ третьихъ еще солгалъ, будто уже вступилъ въ должность профессора при университетѣ. Но не такъ случилось, какъ онъ ожидалъ: Коллегія промолчала на рапортъ его и тѣмъ поставила его въ очень затруднительное положеніе, какъ видно изъ слѣдующаго письма куратора В. Е. Ададурова къ директору Мед. Колл. барону А. И. Черкасову.

«Милостивой государь мой,

баронъ Александръ Ивановичъ.

Вашего превосходительства милостивое снисхожденіе на желаніе хирурга Керестури я ему объявилъ въ то же время, какъ имѣлъ честь получить ваше о томъ благосклонное письмо. Нынѣ же я отъ него увѣдомленъ, что онъ и прошеніе свое о требованіи увольненія изъ службы послалъ въ Медицинскую Коллегію минувшаго сентября 27 числа. А какъ и г-нъ докторъ Эразмусъ представляетъ себя въ должность публичнаго профессора анатоміи, хирургіи и повивальной науки, объявя что онъ на то *давно уже и позволенія просилъ* отъ вашего превосходительства, и что въ его службѣ при медицинскомъ корпусѣ отъ того никакого препятствія не можетъ послѣдовать. Но не имѣя отъ него надлежащаго засвидѣтельствованія, дозволено ли будетъ отъ вашего превосходительства оную профессію ему на себя принять при нынѣшней его должности, не могъ я съ нимъ входить ни въ какія обязательства; того ради, васъ, милостиваго государя моего, покорнѣйше прошу, какъ онаго Керестури резолюціею на его прошеніе снабдить, такъ и о г-нѣ докторѣ Эразмусѣ меня благосклонно увѣдомить, есть ли вашего превосходительства на то соизволеніе, чтобъ онъ, при нынѣшней его при медицинскомъ корпусѣ должности, купно и помянутую профессію при университетѣ, какъ сходственную съ его упражненіемъ, на себя принялъ, дабы я въ слѣдствіе того съ нимъ или контрактъ заключить, или же о другомъ къ тому способномъ учителѣ могъ стараться, что тѣмъ наипаче нужно, что медицинскій факультетъ безъ профессора анатоміи и хирургіи быть не можетъ.

Надѣясь на милость вашего превосходительства, ласкаю я себя получить на сіе ваше благосклонное изъясненіе, пребывая съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностію. Василей Ададуровъ.»

Въ Москвѣ,
11-го октября 1764 года.

ему пришла фантазія «желая оказать свое усердіе» напроситься въ должность генеральнаго штабъ-доктора въ армію графа П. П.

Второе письмоАдадурова къ барону Черкасову о томъ же.

«Я имѣю честь вашему превосходительству, какъ любителю благородныхъ наукъ, поднесть при семъ объявленіе о ученіи и упражненіяхъ учрежденныхъ при здѣшнемъ университетѣ гимназій. Объявленіе же преподаваемыхъ лекцій въ университетѣ остановилось нынѣ за анатомическою и хирургическою профессіею. Отъ 11-го сего мѣсяца я доносилъ вашему превосходительству, что къ сей должности представилъ себя намъ господинъ докторъ Эразмусъ; но не видя на то отъ вашего превосходительства ему дозволенія, не могу я съ нимъ заключить надлежащаго контракта, слѣдовательно ни въ университетскій каталогъ имени его включить. Того ради васъ, милостиваго государя моего, покорнѣйше прошу меня, по благосклонности вашей, увѣдомить, будетъ ли на то вашего превосходительства соизволеніе, чтобъ онъ, при настоящей его при медицинскомъ корпусѣ должности, и помянутую профессію при здѣшнемъ университетѣ на себя принялъ, дабы я университетскія лекціи могъ потому расположить и учинить о томъ печатными листами обыкновенное объявленіе. Что ученые люди, при своихъ обыкновенныхъ должностяхъ, бываютъ въ разныхъ академіяхъ членами и свои въ наукахъ труды и изобрѣтенія онымъ сообщаютъ, тому имѣемъ мы всегдашние примѣры. И такъ я могу надѣяться, что ваше превосходительство и г-ну Эразмусу дозволите принять при университетѣ помянутую профессію, которая не токмо въ отправленіи его должности не учинитъ никакого препятствія, но еще и способы подать можетъ къ нѣкоторымъ полезнымъ примѣчаніямъ. Ежели же ваше превосходительство изволите то почесть за неудобное, то прошу мнѣ объ ономъ дать знать, что за снисхожденіе къ себѣ почитать буду, пребывая съ особеннымъ высокопочитаніемъ и пр.

Василей Ададуровъ»

Въ Москвѣ.
21-го октября 1764 года.

«P. S. При семъ для свѣдѣнія вашему превосходительству прилагаю объявленіе о новосочиняемой здѣсь университетской исторіи, для полученія которой можно подписаться въ Петербургѣ, у университетскаго при продажѣ книгъ коммисіонера Сколарія.»

Третье письмо Ададурова къ барону Черкасову, о томъ же.

«Минувшаго октября 11 и 21-го чиселъ просилъ я ваше превосходительство о благосклонномъ меня увѣдомленіи, будетъ ли ваше на то соизволеніе, чтобы находящійся въ вѣдомствѣ Мед. Коллегіи при повивальномъ дѣлѣ господинъ докторъ Эразмусъ, при той его должности, могъ на себя принять и въ здѣшнемъ университетѣ публичную профессію анатоміи и хирургіи. И какъ оная профессія ни въ означенной его должности препятствовать, ни медицинскому корпусу предосудительна быть не можетъ, то ласкалъ я себя получить несомнительно ваше на то согласованіе, чего для и объявленіе въ народъ о преподаваемыхъ въ университетѣ профессорскихъ лекціяхъ на нѣкоторое время остановилъ, дабы получа вашего превосходительства помянутому Эразмусу на то повелѣніе, могъ съ нимъ заключить надлежащій контрактъ и имя

Панина, назначенную противъ самозванца Пугачева (16-го августа 1774 года [1]).

его внести въ каталогъ вмѣстѣ съ прочими университетскими профессорами. Такимъ образомъ оба для распространенія пользы и науки въ здѣшней имперіи учрежденные корпуса могли бы имѣть взаимное удовольствіе, когда бы г-нъ Эразмусъ, будучи при оной профессіи, нѣкоторыми своими примѣчаніями какъ университету, такъ и факультету медицинскому честь и пользу приносить получилъ большій случай. Но какъ понынѣ я еще не имѣлъ счастія удостоиться на тѣ мои письма вашего превосходительства отвѣта, то симъ паки услужнѣйше прошу меня о вашемъ на то изволеніи увѣдомить, дабы я свои каталоги о профессорскихъ при университетѣ лекціяхъ публиковать былъ въ состояніи, что за особливую вашего превосходительства благосклонность почитать буду,

пребывая съ должнымъ высокопочтаніемъ и преданностію и пр.

Василей Ададуровъ.»

Въ Москвѣ,
22-го ноября 1764 года.

Четвертое письмо Ададурова къ барону Черкасову, о томъ же.

«Прошедшаго октября 11 и 21 и ноября 22-го чиселъ имѣлъ я честь писать до вашего превосходительства съ просьбою о увѣдомлении меня, можетъ ли г-ну доктору Эразмусу, какъ состоящему въ вѣдомствѣ Медицинской Коллегіи, отъ вашего превосходительства дозволено быть, чтобъ онъ, при нынѣшней своей должности, могъ на себя принять и при университетѣ профессію анатоміи и хирургіи. И хотя я себя и ласкалъ, что ваше превосходительство, по склонности вашей къ распространенію въ здѣшней имперіи полезныхъ наукъ меня въ томъ безъ отвѣта оставить не изволите, почему и каталогъ университетскихъ лекцій по сіе время публикованіемъ въ народъ удержать принужденъ былъ, въ уповании томъ, что съ дозволенія вашего и рѣченнаго Эразмуса профессоромъ анатоміи и хирургіи принять и въ свой каталогъ вмѣстѣ съ прочими университетскими профессорами подъ тѣмъ званіемъ включить можно будетъ. Но какъ я и понынѣ на то не получилъ никакого увѣдомленія, то чрезъ сіе еще осмѣливаюсь ваше превосходительство утруждать моею просьбою, чтобъ меня приказать увѣдомить, можетъ ли оный г-нъ Эразмусъ въ число здѣшняго университета профессоровъ быть принятъ или нѣтъ, дабы я помянутые о лекціяхъ каталоги могъ окончить и оными вашему превосходи-

---

[1]) Графъ П. И. Панинъ, принявъ начальство надъ войсками, назначенными противъ Пугачева, получилъ разрѣшеніе брать къ себѣ въ коммисію и употреблять всѣхъ, кого заблагоразсудитъ, какъ изъ находившихся при должностяхъ и въ дѣйствительной службѣ, такъ и изъ отставныхъ всякихъ людей, военнаго и гражданскаго чина и званія. Но Эразмусъ самъ вызвался въ должность генералъ-штабъ-доктора къ нему, «желая оказать свое усердіе», и уѣзжая изъ Москвы просилъ выдавать слѣдующее ему жалованье, во все время его командировки, женѣ его, Елисаветѣ Акимовнѣ.

Личный характеръ Эразмуса, грубый, высокомѣрный и злобный, отталкивалъ отъ него всѣхъ, кому приходилось имѣть съ

тельству, для свѣдѣнія вашего такимъ же образомъ служить, какъ 21 минувшаго октября мѣсяца съ объявленіемъ о ученіи при здѣшнихъ гимназіяхъ учинено, въ случаѣ же каковаго либо въ томъ препятствія хотя о другомъ къ тѣмъ наукамъ способномъ профессорѣ стараться. Я тѣмъ больше буду почитать вашего превосходительства въ семъ случаѣ одолженіе, что большаго промедленія какъ въ изысканіи анатоміи и хирургіи способнаго профессора, такъ и въ публикованіи помянутыхъ каталоговъ, учинить невозможно.

Въ ожиданіи на сіе увѣдомленія, пребываю и пр.

Василей Ададуровъ.»

Въ Москвѣ,
6-го декабря 1764 года.

Но это послѣднее письмо было уже напрасно, потому что еще прежде полученія его баронъ Черкасовъ послалъ Ададурову слѣдующій отвѣтъ:

«Милостивый государь мой,
Василій Евдокимовичъ.

На письма вашего превосходительства отъ 11 и 21 октября, также и вчера полученное отъ 22-го ноября доношу: докторъ Эразмусъ въ рапортѣ своемъ въ Медиц. Коллегію отъ 16-го дня августа между прочемъ пишетъ:

«Ausserdem aber kann auch nicht umhin, Einem Hochverordneten Collegio Medico zu berichten, dass ich die mir vor kurzem angetragene Stelle eines Professoris anatomiae, chirurgiae und artis obstetriciae bey der hiesigen Universität vor 2 Tagen angenommen, und solches zu thun, um so weniger Anstand genommen habe, als ich geglaubet, dass ich ganz füglich diese Stelle bey meiner vorigen zugleich begleiten konnte, indem die Lections-Stunden nicht allein in keiner Collision kommen, sondern auch diese Professur mir die Gelegenheit verschafft, nicht allein durch die mehrere zu eröffnende Körper, sondern auch durch die denen studiosis medicinae zu gebende Unterweisung in der Hebammenkunst, und durch die Nützung derer in der Universitäts-Bibliothek befindlich kostbaren Bücher, meiner Erkänntniss in dem Accouschement zu vermehren und dadurch immer mehr und mehr geschickt zu werden, durch meine Unterweissungen einem Hochverordneten Collegio Medico und mir selbsten Ehre zu machen und dem ganzen Russischen Reiche nützliche Dienste zu leis en. Ich hoffe also zuversichtlich, dass einem Hochverordneten Collegio Medico so wenig dieses mein neues Engagement werde missfällig seyn, als es Seiner Excellenz dem Herrn Curator von der Universität ist, dass ich meinen vorigen Posten beybehalte.

Moscou, den 16-ten August 1764.»

Изъ сего ваше превосходительство изволите видѣть, что онъ уже на третій день по принятіи предложеннаго ему отъ университета профессорства анатоміи, хирургіи и повивальнаго дѣла о томъ Коллегію уже увѣдомилъ токмо, а не просилъ отъ оной позволенія; когда же онъ думалъ, что можетъ въ другой командѣ службою обязаться не спросясь съ тѣмъ мѣстомъ, отъ котораго зависитъ, то не вижу чтобы Медиц. Коллегіи нужно было не токмо ему теперь

нимъ дѣло. Неизгладимымъ пятномъ на его памяти лежитъ постыдный доносъ, сдѣланный имъ въ 1768 году на сотоварища

позволитъ на то, что уже и безъ ея позволенія сдѣлалъ, но ни же о томъ знать. Я буду радоваться, ежели ваше превосходительство будете довольны исправностію его въ порученномъ ему отъ университета дѣлѣ, а при томъ постараюсь, чтобы онъ неупустительно исправлялъ должность порученную ему отъ Мед. Коллегіи, за что онъ и не малое жалованье получаетъ. Опасаюсь однакожъ, чтобъ ему не быть въ случаѣ собаки, за многими зайцами вдругъ гоняющейся, не смотря на сходство профессіи, упоминаемое въ письмѣ вашего превосходительства отъ 14-го дня октября.

Простите мнѣ, что давно о семъ къ вашему превосходительству не написалъ: о непріятной матеріи и писать неохотно.

За приложенныя при письмѣ вашего превосходительства отъ 21 октября печатныя объявленія о ученіи и упражненіяхъ учрежденныхъ въ гимназіи и о новосоставляемой въ Московскомъ университетѣ исторіи всепокорно благодарствую. Надѣюсь въ скоромъ времени что ни есть къ вашему превосходительству взаимно прислать и пребываю съ отмѣннымъ высокопочитаніемъ и преданностію и пр.

баронъ Александръ Черкасовъ.»

От 2-го декабря 1764 года,
изъ С.-Петербурга.

Баронъ Черкасовъ не напрасно упоминалъ въ этомъ письмѣ о могущихъ встрѣтиться Эразмусу порученіяхъ отъ Мед. Коллегіи, потому что еще до начала этой переписки былъ случай убѣдиться въ ослушаніи Эразмуса, и именно вотъ по какому поводу. Генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбуа, ѣздившій въ Тулу осматривать оружейный заводъ, донесъ, что рѣка Упа запружается моченіемъ кожъ съ кожевенныхъ заводовъ, скорьемъ отъ дуба, золою, а также помоями съ свѣчныхъ заводовъ отъ мытья кожъ, шерсти, отъ чего осенью и весною бываютъ вредные пары отъ рѣки и вода становится негодною къ употребленію. Посланный туда для изслѣдованія дѣла полковникъ Губинъ подтвердилъ донесеніе Вильбуа. Но тульская губернская канцелярія отвергла все это, говоря, что вода отъ того не портится, вреда людямъ никакого нѣтъ и никто на существующій порядокъ вещей не жалуется. Для рѣшенія спора Сенатъ обратился къ Мед. Коллегіи и просилъ послать туда искуснаго доктора-физика разобрать дѣло (12-го августа 1764). Коллегія командировала Эразмуса, но онъ не хотѣлъ ѣхать, ссылаясь на то, что онъ опредѣленъ въ службу не для командировокъ и притомъ тульское порученіе не касается «бабичьяго дѣла» и препятствуетъ отправленію должности его при университетѣ. Но Коллегія настояла и онъ поѣхалъ, а въ октябрѣ донесъ, что вода въ Упѣ дѣйствительно не можетъ оставаться безвредною, если не будутъ приняты нужныя мѣры, что 22-го октября и представлено было Сенату.

Вслѣдъ за послѣднимъ письмомъ Ададурова къ барону Черкасову, канцелярія Московскаго университета формально обратилась (14 декабря 1764) въ Медицинскую Коллегію о дозволеніи Эразмусу занять кафедру въ университетѣ, слѣдующею промеморіею:

«Въ апробованномъ Е. И. В. блаженной и вѣчной славы достойной памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны о университетѣ штатѣ, между

своего, московскаго профессора П. И. Погорѣцкаго, по поводу предисловія къ шрейберову учебнику [1]), чуть было не погубив-

прочимъ положено въ медицинскомъ факультетѣ быть профессору и доктору анатоміи, и во исполненіе онаго тотъ факультетъ нынѣ при университетѣ и учреждается; къ чему за способнаго и знающаго университетъ признаваетъ состоящаго подъ вѣдомствомъ Медиц. Коллегіи доктора господина Эразмуса, который и самъ при университетѣ къ исправленію той должности желаніе свое объявилъ, съ тѣмъ чтобы онъ и подъ вѣдѣніемъ Медиц. Коллегіи при повивальномъ искусствѣ на докторскомъ мѣстѣ остался, о чемъ де онъ господинъ докторъ и самъ отъ Медиц. Коллегіи того повелѣнія уже требовалъ. И по указу Е. И. В. въ канцеляріи императорскаго Московскаго университета опредѣлено: въ государственную Медиц. Коллегію послать промеморію и требовать, чтобъ оная Коллегія о опредѣленіи онаго доктора Эразмуса въ университетъ профессоромъ анатоміи и хирургіи, со удержаніемъ имъ притомъ подъ вѣдѣніемъ Медицинской Коллегіи при повивальномъ искусствѣ докторскаго мѣста, соблаговолила объявить свое согласіе.

Антонъ Тейльсъ.»

Медиц. Коллегія, опредѣленіемъ 24 февраля 1765, позволила Эразмусу принять должность профессора въ университетѣ, но съ тѣмъ, чтобъ по должности его при повивальномъ дѣлѣ и прочемъ, что Коллегія заблагоразсудитъ ему приказать, ни малѣйшаго въ чемъ упущенія не было и въ томъ отъ Медицинской Конторы имѣть должное за нимъ смотрѣніе.»

Эразмусъ исправлялъ въ это время должность старшаго доктора Московскаго генеральнаго госпиталя (въ промежутокъ времени между отъѣздомъ доктора Владиміра Ломана въ С.-Петербургъ и прибытіемъ на его мѣсто доктора Конрада Даля), и ему данъ былъ, для свѣдѣнія, ордеръ, на который онъ отвѣчалъ Медицинской Коллегіи слѣдующимъ рапортомъ:

«An Ein Hochverordnetes Collegium Medicum

gehorsamster Rapport.

Die vermöge Einer hochverordneter Collegii Medici Ukase von 13-ten Januar a. c. mir aufgetragene Besorgung des hiesigen grossen Hospitals habe vorgesterd dem Herrn Doctor Dahl übertragen, welches Einem Hochverordneten Collegio Medico zusamt dem Empfang der den 24 Febr. mir zugesandten Ukase hiemit gehorsamst melden wollen, wobey zugleich vor die in letzteren Ukase mir gütigst ertheilte Erlaubniss zu dem Professorate bey der hiesigen Universität meinen schuldigsten Dank abstatte. Die solcher Erlaubniss angehänkte Clausel würde mich beunruhigen, wann ich nicht glauben müsste, dass Ein Hochverordnetes Collegium Medicum in Auflegung derer ausserordentlichen Bemühungen nach der Billigkeit verfahren werde, und solchemnach schmeichle ich mir, dass ich ins künftige von dergleichen extra Auflagen einige Zeit frey seyn werde, da ich

[1]) Учебникъ Шрейбера, знаменитый по своему предисловію, изданъ Погорѣцкимъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Jo. Fr. Schreiber*, doctoris medici, anatomiae et chirurgiae professoris, consiliarii aulici ac membri honorarii Academiae scientiarum petropolitanae, *Manuductio ad cognoscendos et curandos morbos*, cui accedit *Appendix de morbis sexus sequioris atque infantum*. Cura et sumptibus *Petri Pogoretsky*, M. D. Typis Universitatis caesareae Mosquensis, anno 1768. 8°.

шій этого мученика науки и просвѣщеннаго патріотизма. Какъ преподаватель, онъ могъ далеко выходить изъ общаго уровня своего времени: по этому мѣшало отчасти то, что, не смотря на двадцать лѣтъ учебной службы въ Москвѣ, онъ никогда не владѣлъ русскимъ языкомъ. Но какъ практикъ-акушеръ, онъ пользовался репутаціею и въ заслугу ему можно поставить то, что едва ли не онъ первый ввелъ въ употребленіе въ Россіи акушерскіе щипцы, какъ объ этомъ можно судить по одному случаю примѣненія ихъ въ практикѣ, описанному имъ въ XIV томѣ *Acta physico-medica Academiae caesareae naturae curiosorum* [1]).

Эразмусъ умеръ отъ апоплексіи 1-го іюня 1777 года. На его мѣсто при «бабичьемъ дѣлѣ» назначенъ былъ (6-го іюля 1777 года) докторъ Могилевской губерніи Мартынъ Масъ.

Докторъ *Мартынъ Масъ (M. Mahs)*, петербургскій уроженецъ, учился медицинѣ въ Парижѣ и Лондонѣ, а потомъ окончилъ курсъ въ Страсбургскомъ университетѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ. Возвратившись въ С.-Петербургъ, онъ экзаминованъ былъ въ Медицинской Коллегіи (Тихорскимъ, Линдеманомъ и фонъ-Мелленомъ) 31-го августа 1775 года и 14-го сентября тогоже года получилъ право практики въ Россіи и въ

---

seit 14 Monathen drey dergleichen Commissionen mit vieler Beschwerlichkeit, Verdruss und Zeitverlust, ohne die allergeringste Belohnung verrichtet habe, während welcher Zeit meine Mitbrüder von dergleichen extra Bemühungen frey gewesen sind.

D. Joh. Fried. Erasmus.»
Mosco den 10 Martii 1765.

Но этотъ урокъ, данный ему барономъ Черкасовымъ, пропалъ совершенно даромъ. Высокомѣріе Эразмуса не убавилось и въ сношеніяхъ съ университетомъ, но иногда не проходило безъ наказанія. Такъ въ іюнѣ 1766 года онъ просилъ у Медиц. Коллегіи отпуска въ Петербургъ на 29 дней и получилъ его, но уѣхалъ изъ Москвы не сказавшись въ университетѣ. Кураторъ В. Е. Ададуровъ пожаловался на это сенату, который и предписалъ выслать его изъ Петербурга и оштрафовать въ Москвѣ денежнымъ вычетомъ изъ жалованья. Коллегія увѣдомила его объ этомъ и предписала выѣхать; но онъ донесъ, что тайный совѣтникъ сенаторъ Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ приказалъ ему по высочайшему повелѣнію (ad hoc!), на нѣкоторое время остаться еще въ Петербургѣ. Сенату было донесено объ этомъ, но онъ все-таки приказалъ сдѣлать Эразмусу публичный выговоръ въ университетѣ за отъѣздъ безъ дозволенія куратора, хотя жалованья у него и не вычли.

[1]) См. В. Рихтера, *Исторія медицины въ Россіи*, ч. III, 1820, стр. 348.

тотъ же день, по прошенію, опредѣленъ на вакансію губернскаго доктора въ Могилевскую губернію, съ жалованьемъ по 500 р. въ годъ. Онъ очень недолго былъ профессоромъ акушерства и умеръ въ Москвѣ 9-го апрѣля 1782 года.

На его мѣсто опредѣленъ (въ маѣ 1782 года) докторъ *Илья Васильевичъ Руцкій*, уроженецъ изъ Кіевскаго намѣстничества. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ Кіевской духовной академіи, откуда 15-го ноября 1761 года поступилъ въ лѣкарскіе ученики С.-Петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя и прошелъ полный (по тогдашнему) курсъ медицины: 20 ноября 1762 года произведенъ въ подлѣкари и 15-го мая 1766 въ лѣкари. Бывши подлѣкаремъ, онъ слушалъ акушерскія лекціи Линдемана. По окончаніи курса, онъ бросилъ службу и 28-го декабря 1778 года отправился въ Страсбургъ для окончательнаго образованія и спеціальнаго изученія акушерства, гдѣ черезъ два года получилъ докторскій дипломъ. Возвратившись на родину, онъ былъ экзаменованъ въ Мед. Коллегіи 28-го августа 1781 года и, получивъ право практики, просился въ Курскъ, пока гдѣ нибудь откроется докторская вакансія. Но Коллегія не отпустила его, а опредѣлила (въ октябрѣ 1781 года) младшимъ докторомъ въ С.-Петербургскій адмиралтейскій (морской) госпиталь, съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ, а черезъ шесть мѣсяцовъ назначила профессоромъ въ Московскую акушерскую школу, съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ. Умеръ въ октябрѣ 1786 года.

Послѣ него профессоромъ акушерства опредѣленъ докторъ *Григорій Павловичъ Тимченко*, воспитывавшійся въ Кіевской духовной академіи и начавшій медицинское образованіе также въ Спб. госпитальномъ училищѣ, 6-го сентября 1772 года. Но онъ только восемь мѣсяцовъ оставался здѣсь лѣкарскимъ ученикомъ, а потомъ уѣхалъ (29-го апрѣля 1773 года) въ Кильскій университетъ и пробылъ тамъ $5^1/_2$ лѣтъ; оттуда отправился на полтора года въ Копенгагенъ и, возвратившись въ Киль, получилъ докторскій дипломъ 7-го октября 1780 года. По возвращеніи въ Россію, онъ экзаминованъ былъ въ Коллегіи (Ашемъ, Линдеманомъ и Тихорскимъ) 9-го января 1781 года, получилъ право практики (11-го января) и опредѣленъ (1-го февраля) въ Симбирскъ губернскимъ докторомъ, съ жалованьемъ по 300 р. по

штату и еще по 300 рублей отъ намѣстника князя Платона Мещерскаго. Оттуда онъ переведенъ былъ дивизіоннымъ докторомъ въ 3-ю дивизію и по смерти Руцкаго назначенъ (въ ноябрѣ 1786 года) профессоромъ въ Московскую акушерскую школу. Умеръ въ Москвѣ 21-го сентября 1793 года.

Еще за недѣлю до смерти Тимченко просился на его мѣсто находившійся въ Москвѣ безъ должности докторъ надворный совѣтникъ Матвѣй Пеккенъ: 15-го сентября 1793 писалъ онъ въ Медиц. Коллегію, что Тимченко уже умеръ, а для него, Пеккена, московскій климатъ такъ здоровъ, что онъ намѣренъ всю жизнь прожить въ Москвѣ, и просилъ опредѣлить его въ повивальную школу. Но Коллегія распорядилась иначе: 11-го ноября 1793 года она перевела въ акушерскую школу профессора Московскаго госпитальнаго училища Александра Шумлянскаго, съ жалованьемъ по 600 рублей въ годъ, а на мѣсто Шумлянскаго въ госпитальную школу, къ кафедрѣ «патологіи и медической практики»—М. Пеккена, съ жалованьемъ по 1000 р. въ годъ.

Докторъ *Александръ Михайловичъ Шумлянскій*, сынъ значковаго товарища въ селѣ Малыхъ Будищахъ Полтавскаго полка, учился первоначально въ Кіевской духовной академіи и оттуда поступилъ лѣкарскимъ ученикомъ (волонтеромъ) въ С.-Петербургскій адмиралтейскій госпиталь, 12-го марта 1773 года. Здѣсь онъ окончилъ полный курсъ госпитальнаго хирургическаго училища и 5-го сентября 1776 года, по экзамену, произведенъ въ лѣкари въ тотъ же госпиталь, но только одинъ годъ оставался на службѣ: 21-го августа 1777 года уволенъ былъ за границу и поѣхалъ въ Страсбургъ для окончательнаго образованія и въ особенности для изученія акушерства на счетъ стипендіи княгини Е. Д. Голицыной, пробылъ тамъ шесть лѣтъ и 27-го августа 1783 года получилъ докторскій дипломъ, защитивъ напечатанную имъ диссертацію *De structura renum* (Argentorati, 1782. 4°). По возвращеніи въ Петербургъ, онъ экзаминованъ былъ въ Мед. Коллегіи 5 іюня 1784 года (Ашемъ, Тихорскимъ и Горголи) и на другой день получилъ право практики въ Россіи и опредѣленъ профессоромъ въ императорскій хирургическій (Калинковскій) институтъ.

Въ это время поднятъ былъ вопросъ о преобразованіи госпитальныхъ врачебныхъ училищъ и объ учрежденіи въ Петербургѣ

новой хирургической школы, въ которой бы преподавались медицинскія науки въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ какъ это существовало въ госпиталяхъ, и не такъ односторонне, какъ въ недавно заведенномъ хирургическомъ (Калинковскомъ) институтѣ. А. М. Шумлянскій былъ дѣятельнымъ участникомъ въ разработкѣ этого вопроса и даже написалъ объ немъ небольшую брошюру подъ заглавіемъ: *Мнѣніе одного истинолюбца о поправленіи наиполезнѣйшей для людей науки. Спб. 1785. 8°.* Для составленія плана и проэкта новой врачебной школы предполагалось принять за образецъ иностранные медицинскіе факультеты и для этого посланы были за границу собрать нужныя свѣдѣнія о заграничныхъ университетахъ два петербургскихъ профессора, М. М. Тереховскій и А. М. Шумлянскій, на казенный счетъ [1]). Послѣднему при этомъ обѣщано, что по возвращеніи онъ займетъ кафедру физіологіи и повивальнаго искусства при хирургическомъ институтѣ или при петербургской хирургической школѣ. Возвратились они осенью 1786 года и профессоръ Тереховскій представилъ Мед. Коллегіи *Описаніе парижской хирургической школы, съ рисунками Гондоана*, и въ вознагражденіе за покупку его получилъ 35 рублей [1]). Не задолго до ихъ возвращенія (15-го іюля 1786 года) утверждены были генеральные штаты госпиталей съ состоявшими при нихъ врачебными училищами: но въ этихъ штатахъ пропущены были кафедры повивальнаго искусства, почему Медицинская Коллегія, по настоянію Шумлянскаго, принуждена была представить объ этомъ императрицѣ особый докладъ (31-го марта 1787).

А. М. Шумлянскій, по возвращеніи изъ путешествія, не получилъ однакоже обѣщанной ему кафедры въ Спб. хирургическомъ институтѣ, потому что Коллегія отдала это мѣсто (29

---

[1]) Объ этой командировкѣ профессоровъ объявлено было Мед. Коллегіи главнымъ директоромъ хирургическаго института, тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ П. В. Завадовскимъ, слѣдующею запискою:

«Е. И. В. высочайше указать мнѣ соизволила отправить въ чужіе краи по дѣламъ основываемой здѣсь школы хирургической докторовъ Мартына Тереховскаго и Александра Шумлянскаго, повелѣвая при томъ, дабы первому изъ нихъ сохранено было до возвращенія его занимаемое имъ при здѣшнемъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ мѣсто и съ получаемымъ за оное жалованьемъ безъ удержанія. О чемъ Государственной Медиц. Коллегіи чрезъ сіе и сообщаю. Тайный совѣтникъ, сенаторъ Петръ Заводовскій.»

1-го марта 1785 года.

апрѣля 1787) доктору Ивану Лобенвейну (*Johann Andreas Lobenwein*), изъ Риги, который впрочемъ не взялъ его и былъ замѣненъ докторомъ Томасомъ Гофманомъ (*Thomas Hoffmann*) изъ Полоцкаго намѣстничества (30 сентября 1787 года). Такимъ образомъ, по недоброжелательству Мед. Коллегіи, Шумлянскій долженъ былъ бы остаться вовсе безъ мѣста, еслибъ въ это время (29 апрѣля 1787) докторъ Генрихъ Фрезе, въ Москвѣ, не отказался по болѣзни отъ занимаемой имъ кафедры патологіи и терапіи въ московскомъ врачебномъ училищѣ: на его-то мѣсто и былъ опредѣленъ Шумлянскій, съ жалованьемъ по 1000 р. въ годъ.

А. М. Шумлянскій обладалъ всѣми качествами, необходимыми хорошему профессору: обширнымъ образованіемъ, любовью къ своему дѣлу и способностью яснаго изложенія предмета. При этомъ онъ былъ счастливымъ и опытнымъ практикомъ акушеромъ, отчего воспоминаніе о немъ сохранилось въ Москвѣ до настоящаго времени. Медиц. Коллегія также не могла не признать достоинствъ его и 16-го октября 1794 года, «за таланты его, трудолюбіе и ученость и нѣкоторыя прославившіяся сочиненія» избрала его въ свои почетные члены. Это была послѣдняя, оказанная ему, почесть. Онъ умеръ въ Москвѣ 25-го іюня 1795 года.

На его мѣсто къ акушерской школѣ опредѣленъ (4-го іюля 1795) докторъ Вильгельмъ Рихтеръ (*Wilhelm Michael Richter*), московскій уроженецъ, сынъ лютеранскаго пастора въ Москвѣ. Кончивъ курсъ медицинскихъ наукъ въ московскомъ университетѣ, онъ учился потомъ въ Геттингенскомъ, Берлинскомъ и Эрлангенскомъ университетахъ и въ послѣднемъ получилъ докторскій дипломъ. Возвратившись въ Россію, экзаминованъ въ Мед. Коллегіи 21-го февраля 1790 года и 25-го февраля получилъ право практики въ Россіи, а 26-го іюня 1790 года опредѣленъ экстраординарнымъ профессоромъ акушерства въ Московскомъ университетѣ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія онъ имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и званіе заслуженнаго профессора университета и лейбъ-медика высочайшаго двора. Въ его управленіе акушерская московская школа преобразована въ Повивальный институтъ при Московскомъ Воспитательномъ домѣ (1801), къ чему поводомъ служилъ большой

недостатокъ къ акушеркахъ въ Москвѣ. Такъ, въ январѣ 1799 года императрица Марія Θеодоровна нашла въ отчетахъ Моск. Воспит. Дома, что въ него поступаетъ много младенцовъ, изуродованныхъ и изувѣченныхъ при родахъ, и сказала объ этомъ государю, который и приказалъ генералъ-прокурору князю П. В. Лопухину доставить справку о числѣ повивальныхъ бабокъ въ Москвѣ. По справкѣ оказалось, что на службѣ въ Москвѣ состояло 20 бабокъ, а именно 2 при мед. конторѣ и 18 при городскихъ полицейскихъ частяхъ, а вольнопрактиковавшія были вовсе неизвѣстны. Въ это время при столичныхъ воспитательныхъ домахъ существовали уже деревенскія экспедиціи. Автобіографія В. Рихтера напечатана въ его *Исторіи медицины въ Россіи*, т. III, стр. 371—378.

Помощниками профессоровъ «бабичьяго дѣла» были «лѣкари-акушеры», служившіе въ тоже время городовыми акушерами въ Москвѣ. О первомъ изъ нихъ, отставномъ гофъ-хирургѣ Иванѣ Пагенкампфѣ, было уже прежде говорено. Онъ умеръ скоропостижно 17-го декабря 1765 года. Когда извѣстіе объ его смерти дошло въ Петербургъ, то членъ Медицинской Коллегіи штабъ-лѣкарь Іоганнъ Вульфъ (*Johann Georg Wulff*) предложилъ на это мѣсто лѣкаря Азовскаго пѣхотнаго полка Карла Густава Бергмана. Его вызвали въ Москву и поручили Эразмусу проэкзаминовать въ Московской медицинской конторѣ. Послѣдній далъ ему одобрительный аттестатъ и 6 іюня 1766 года Бергманъ утвержденъ акушеромъ при «бабичьемъ дѣлѣ» въ Москвѣ, съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ.

Карлъ Густавъ Бергманъ (*C. G. Bergmann*) принятъ въ русскую службу 5-го августа 1755 года, подлѣкаремъ въ Архангелогородскій пѣхотный полкъ и въ 1760 году переведенъ въ Азовскій пѣхотный полкъ лѣкаремъ. Въ бытность въ Москвѣ, при акушерской школѣ, онъ произведенъ, по представленію профессора И. В. Руцкаго, въ штабъ-лѣкари (8-го мая 1783 года) и 3-го іюня 1791 года, по прошенію, за слабостью здоровья, уволенъ отъ службы.

Послѣ него къ акушерской школѣ опредѣленъ (4-го августа 1791 года) состоявшій (съ 1789 года) при Московскомъ губернскомъ правленіи на докторской вакансіи штабъ-лѣкарь Іоганнъ Крейзель (*Johann Carl Kreusel*), съ жалованьемъ по 400 р. въ годъ.

Онъ былъ родомъ изъ Брандепбурга, учился въ Берлинѣ и, пріѣхавъ въ Россію, экзаминованъ въ Московской медицинской конторѣ и получилъ право лѣкарской практики 7-го декабря 1780 года. Но лѣкарское званіе не удовлетворяло его и потому, живя въ Москвѣ, онъ послалъ въ Страсбургъ статью подъ заглавіемъ: *Dissertatio inauguralis, meditationes ac nobiliora quaedam artis obstetriciae praecepta sistens,* за что и получилъ оттуда докторскій дипломъ. Съ этимъ дипломомъ онъ поѣхалъ въ Петербургъ, потребовалъ въ Медицинской Коллегіи докторскаго экзамена и получилъ его (23-го сентября 1786), но не выдержалъ, а потому не получилъ ни докторскаго титула, ни права докторской практики. Возвратившись въ Москву, онъ опять сталъ заниматься вольной практикою. Въ 1789 году, по распоряженію московскаго главнокомандующаго, генералъ-аншефа Петра Дмитріевича Еропкина, онъ опредѣленъ на службу къ Московскому губернскому правленію, гдѣ и оставался до поступленія акушеромъ въ повивальную школу. Но здѣсь мысль о докторскомъ званіи опять стала безпокоить его и не прошло полутора года, какъ онъ опять началъ просить (въ январѣ 1793 года) докторскаго экзамена. Въ прошеніи объ этомъ онъ между прочимъ говоритъ, что въ 1785 году посылалъ акушерскую диссертацію свою въ Берлинскую академію, которая передала ее въ Гельмштадтскій университетъ, который и прислалъ ему тогда докторскій дипломъ.

Фактъ этотъ явно противорѣчитъ тому извѣстію о происхожденіи докторскаго его диплома, которое приведено выше; а между тѣмъ оба эти извѣстія объ его дипломѣ взяты изъ прошеній, собственноручно имъ подписанныхъ, въ обоихъ случаяхъ по поводу просьбъ о допущеніи къ докторскому экзамену, и нынѣ невозможно рѣшить, откуда присланъ ему дипломъ— изъ Страсбурга или изъ Гельмштадта—потому что ни самаго диплома, ни копіи съ него въ дѣлахъ не сохранилось. Какъ бы то ни было, но Московская медицинская контора, по прошенію его, назначила докторскій экзаменъ въ своемъ присутствіи, на латинскомъ языкѣ. Экзаминаторами избраны: штадтъ-физикъ докторъ Альфонсъ Франсія, профессора московскаго госпитальнаго училища Павелъ Шумлянскій, Іоганнъ Гильдебрандтъ и Фридрихъ Стефанъ и операторъ Григоровскій. Но когда все было готово и

Крейзеля увѣдомили о днѣ, въ который онъ долженъ былъ явиться, тогда онъ прислалъ (21 февраля) въ медицинскую контору рапортъ съ увѣдомленіемъ, что онъ отказывается отъ экзамена, сознаваясь, что «въ разсужденіи долговременнаго моего пребыванія въ Россіи и упражненія во всегдашней практикѣ, нѣкоторые термины латынскаго языка уже и позабыты'и за симъ теперь къ экзамену приступить не могу». Этой горькой, но полусознательной насмѣшкою надъ притупляющими «упражненіями во всегдашней практикѣ» окончательно разсѣялись всѣ мечты его о докторскомъ дипломѣ.

Крейзель оставался акушеромъ до 1802 года, т. е. до преобразованія акушерской школы въ повивальный институтъ, и памятникомъ его преподавательской дѣятельности осталась для потомства книга подъ заглавіемъ: *Наставленіе начинающимъ упражняться въ повивальномъ искусствѣ*: соч. *Іоганна Крейзеля. Москва, 1792. Въ типографіи Компаніи типографической.* 2 *части. 12.* Послѣ него занялъ это мѣсто докторъ Антонъ Маркусъ (*Anton Marcus*), принятый въ русскую службу, по высочайшему повелѣнію, по рекомендаціи ганноверскаго лейбъ-медика Іоганна Циммерманна, и первоначально опредѣленный (въ 1787 году) лѣкаремъ въ Курскую губернію, съ жалованьемъ по 500 р. въ годъ. Онъ учился въ Берлинѣ и вѣроятно получилъ тамъ докторскій дипломъ, но не представилъ его по пріѣздѣ въ Россію и не держалъ въ Мед. Коллегіи экзамена, а потому и зачисленъ на службу лѣкаремъ, хотя въ послѣдствіи назывался докторомъ. Біографія его весьма замѣчательна, но не относится къ нашему предмету, а потому представлена будетъ въ другомъ мѣстѣ.

Въ петербургской акушерской школѣ, до учрежденія повивальнаго института, преподаватели не смѣнялись такъ часто, какъ въ Москвѣ, но дѣло преподаванія не много было успѣшнѣе, не смотря на личныя достоинства врачей, стоявшихъ во главѣ «бабичьяго дѣла». Выше говорено уже, что первымъ профессоромъ былъ докторъ Андрей Линдеманъ, вовсе не знавшій порусски и не научившійся этому языку до самаго конца своей карьеры, продолжавшейся 24 года. Русскимъ репетиторомъ его служилъ штабъ-лѣкарь Яковъ фонъ-Мелленъ, очень этимъ затруднявшійся, потому что и самъ плохо зналъ порусски. Дошло до

того, что онъ началъ даже отказываться отъ мѣста, лишь бы уволили его отъ чтенія лекцій русскимъ бабкамъ на русскомъ языкѣ (9-го сентября 1763): но управлявшій Медицинскою Канцеляріею докторъ Лерхе отвѣтилъ на эту просьбу (20-го октября 1763), что такъ какъ г. Линдеманъ вовсе не знаетъ по-русски, то онъ (фонъ-Меллепъ) за тѣмъ и опредѣленъ, чтобы толковать его лекціи на русскомъ языкѣ, а въ заключеніе подтвердилъ, чтобы онъ и самъ читалъ и изъяснялъ линдемановы лекціи повивальнымъ бабкамъ на русскомъ языкѣ безъ отговорокъ и съ крайнѣйшимъ радѣніемъ. При такомъ порядкѣ дѣлъ трудно было ожидать усердія къ дѣлу и успѣха въ немъ. Но къ этому вскорѣ присоединилось и другое важное обстоятельство, послужившее помѣхою серьознымъ школьнымъ занятіямъ Линдемана: при учрежденіи Государственной Медицинской Коллегіи онъ представленъ былъ барономъ А. И. Черкасовымъ въ число кандидатовъ въ члены ея и 27-го ноября 1763 года императрица утвердила это представленіе, такъ что съ этихъ поръ Линдеманъ сталъ еще меньше имѣть времени для занятій съ акушерками, но за то гораздо болѣе надежды на безконтрольность при всѣхъ учебныхъ съ своей стороны упущеніяхъ. Еще болѣе: какъ членъ коллегіи по акушерской части, онъ былъ единственнымъ экзаминаторомъ акушерокъ при поступленіи ихъ на службу и слѣдовательно простою поблажкою или личными видами могъ прикрывать всякое невѣжество и спасать свою преподавательскую несостоятельность. Это присутствіе Линдемана въ Медицинской Коллегіи было главною причиною, что петербургская акушерская школа не подвинулась ни на шагъ впередъ во все время его профессорства. Оно давало ему возможность пренебрегать своею должностью въ школѣ, и авторитетъ коллегіи прикрывалъ всѣ эти вольности сочлена своего. Такъ, напримѣръ, лѣтомъ 1778 года ему вздумалось ѣхать на годъ въ чужіе края лѣчиться: онъ и поѣхалъ 3-го августа, испросивъ высочайшее повелѣніе оставить за собою всѣ мѣста службы, а въ томъ числѣ и профессорское, съ сохраненіемъ всего содержанія. Но этого мало: поѣхавъ на годъ за границу, онъ пробылъ тамъ два года (возвратился только 16 октября 1780 года), вовсе не заботясь объ участи ввѣренной ему школы и получивъ даромъ двухгодовое полное жалованье. Въ отсутствіе его

акушерскія лекціи читались операторомъ Спб. адмир. госпиталя, лѣкаремъ Георгомъ Гамсномъ, въ послѣдствіи также сдѣлавшимся членомъ Коллегіи, а въ отсутствіе Линдемана занимавшимъ въ ней его мѣсто. Вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы Линдеманъ произведенъ, 3 апрѣля 1781 года, въ статскіе совѣтники, но съ увольненіемъ отъ прежнихъ должностей и съ опредѣленіемъ докторомъ къ оспенному дому на Петербургской сторонѣ (стоявшему на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Александровскій лицей [1]).

Мѣсто Линдемана при С.-Петербургской акушерской школѣ занялъ послѣ него профессоръ Несторъ Максимовичъ Максимовичъ-Амбодикъ, заслуженная слава котораго не померкла до настоящаго времени.

Несторъ Максимовичъ Максимовичъ-Амбодикъ (назвавшій самъ себя *Амбодикъ*, *ambo dic*, отъ двукратнаго повторенія въ его имени слова «Максимовичъ»), сынъ священника при церкви Успенія Богородицы въ Гадячскомъ полку (въ селѣ Веприкѣ) Максима Максимовича, первоначально учился (съ 1757 по 1768 годъ) въ Кіевской духовной академіи. Оттуда онъ поступилъ волонтеромъ (14 декабря 1769 года) во врачебное училище при С.-Петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, но пробылъ въ немъ только одну зиму и 20-го мая 1770 года уволенъ по собственной просьбѣ для отъѣзда за границу, на свой счетъ [2]). Онъ прямо поѣхалъ въ Страсбургъ и пробылъ въ тамошнемъ университетѣ $4^1/_2$ года (одновременно съ М. М. Тереховскимъ), послѣ чего, напечатавъ и защитивъ диссертацію *De hepate humano*, получилъ докторскій дипломъ (26-го

---

[1]) Въ именномъ указѣ, данномъ сенату 3-го апрѣля 1781 года, сказано: всемилостивѣйше пожаловали Мы Медиц. Коллегіи члена и доктора Андрея Линдемана въ статскіе совѣтники и повелѣваемъ ему быть при оспенномъ домѣ, на Петербургской сторонѣ заведенномъ подъ вѣдѣніемъ Приказа Общественнаго Призрѣнія здѣшней губерніи, отъ присутствія же въ Медиц. Коллегіи его увольняемъ.» На его мѣсто членомъ Мед. Коллегіи назначенъ, по указу сената 13-го августа 1781 года, состоявшій при артиллеріи докторъ Савва Дементьевичъ Горголи.

[2]) Въ послѣдствіи однакожъ ему назначена была стипендія изъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго княгинею Екатериною Дмитріевною Голицыною, урожденною Кантемиръ, «для безпрерывнаго природныхъ россіянъ акушерскому дѣлу обученія въ чужихъ краяхъ.»

сентября 1775 года) и чрезвычайно лестный аттестатъ отъ декана Страсбургскаго университета, профессора Шпильмана (J. R. Spielmann). По дорогѣ изъ Страсбурга въ Россію онъ объѣхалъ всю Германію и, возвратившись въ Петербургъ, экзаминованъ былъ въ Медиц. Коллегіи (6 сентября 1776 года) докторами Г. Аніемъ, Х. Пеккеномъ и А. Линдеманомъ, получилъ право практики (19-го сентября) и опредѣленъ младшимъ докторомъ въ С.-Петербургскій адмиралтейскій госпиталь, съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ. Онъ получилъ порученіе (19-го декабря 1776) преподавать здѣсь лекціи «о женскомъ повоѣ» или акушерскую науку, но съ условіемъ читать эту науку въ обоихъ петербургскихъ (т. е. генеральномъ сухопутномъ и адмиралтейскомъ) госпиталяхъ, для чего назначены были послѣобѣденные часы (отъ втораго до четвертаго) по средамъ и субботамъ [1]. Такъ продолжалось около $2^1/_2$ лѣтъ, когда умеръ (17 сентября 1778) докторъ Христофоръ фонъ Меллепъ, преподававшій анатомію въ петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ. Для замѣщенія открывшейся черезъ то вакансіи, переведенъ изъ Кронштадтскаго адмиралтейскаго госпиталя докторъ М. М. Тереховскій (30-го мая 1779 года), для чтенія анатоміи и хирургіи, а на его мѣсто въ Кронштадтъ, къ каѳедрѣ «матеріи медики, физіологіи и медико-хирургической практики», переведенъ Максимовичъ-Амбодикъ, причемъ обоимъ назначено жалованья по 600 р. въ годъ. Ему предписано было читать матерію медику по вновь сочиненной тогда «Россійской фармакопеѣ», физіологію по Галлеру, а медико-хирургическую практику по Шрейберу. Можетъ быть это было родомъ ссылки, потому что Кронштадтская школа всегда считалась отсталою, а госпиталь въ Кронштадтѣ былъ до конца прошлаго столѣтія образцомъ неустройства, безпорядковъ и злоупотребленій. Какъ бы то ни было, но года черезъ полтора Максимовичъ-Амбодикъ началъ проситься обратно въ Петербургъ, ссылаясь на то, что всегда приготовлялъ себя къ акушерству, составляющему спеціальность его, между тѣмъ какъ въ Кронштадтѣ

---

[1]) Въ этотъ періодъ службы, онъ командированъ былъ, по высочайшему повелѣнію (5-го іюля 1777), за границу съ капитаномъ л.-гв. Преображенскаго полка Давидомъ Неранжичемъ, съ сохраненіемъ содержанія и служебнаго мѣста въ Спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ. Возвратился 2 сентября 1778 года.

принужденъ заниматься самыми разнородными предметами. Медиц. Коллегія уважила его просьбу, потому что дѣйствительно нуждалась въ немъ — послѣ отставки Линдемана рѣшительно некому было поручить преподаваніе акушерства — и 10-го мая 1781 года перевела его въ Петербургъ къ «повивальному дѣлу», съ тѣмъ однакоже, чтобы кромѣ обученія акушерокъ, онъ преподавалъ еще подлѣкарямъ и ученикамъ въ обоихъ Петербургскихъ госпиталяхъ повивальное искусство по три раза въ недѣлю, за что и положила ему 600 р. жалованья въ годъ.

При самомъ вступленіи въ эту должность, онъ значительно видоизмѣнилъ и улучшилъ преподаваніе въ школѣ, введя не существовавшія до него демонстраціи на фантомѣ. Для этого, по собственнымъ моделямъ и рисункамъ, заказалъ онъ (19-го сентября 1782) инструментальному мастеру Василью Коженкову сдѣлать фантомъ женскаго таза съ деревяннымъ ребенкомъ, прямыя и кривыя стальныя клещи (forceps obstetricius) къ деревянными рукоятками и серебр. катетеръ и пр., всего на 150 р. И ему первому принадлежитъ въ Петербургѣ введеніе въ обыденную практику акушерскихъ щипцовъ. Мед. Коллегія оцѣнила его усилія и въ октябрѣ 1782 года наименовала его *профессоромъ повивальнаго искусства.*

Черезъ два года послѣ перевода въ Петербургъ (6-го іюля 1783) ему поручили еще читать въ госпиталяхъ матерію медику (по Блакввеллеву травнику), не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, съ прибавкою за это 200 р. къ его жалованью; но въ этотъ разъ онъ преподавалъ матерію медику только одинъ годъ (до 19-го апрѣля 1784 года), т. е. до назначенія его профессоромъ въ Повивальный институтъ. Акушерскія лекціи его были публичныя и о каждомъ открытіи курса его объявлялось въ русскихъ и нѣмецкихъ «Спб. Вѣдомостяхъ». Такимъ образомъ ему дано было столько работы, что надобно удивляться, гдѣ онъ находилъ время для многочисленныхъ своихъ сочиненій и переводовъ и въ особенности для занятій ботаникою, которую онъ очень любилъ и хорошо зналъ.

Впрочемъ продолжалось это не долго. Когда созрѣла мысль о преобразованіи повивальной школы въ Повивальный институтъ и Амбодикъ назначенъ туда преподавателемъ акушерства, со-

*

стоялось высочайшее повелѣніе (объявленное графомъ А. Безбородко 31-го декабря 1786 года) уволить его отъ преподаванія въ госпиталяхъ, съ получаемымъ имъ содержаніемъ, чтобы онъ могъ посвятить все свое время акушерству и преподаванію этой науки въ повивальномъ институтѣ, что и исполнено 11-го января 1787 года. Надобно прибавить при этомъ, что акушерскіе курсы въ госпиталяхъ были въ это время сверхштатные: при составленіи генеральныхъ штатовъ большихъ госпиталей и при нихъ врачебныхъ училищъ, высочайше утвержденныхъ 15-го іюля 1786 года, о кафедрѣ акушерства забыли и не внесли ее въ общее росписаніе госпитальныхъ школъ, такъ что предписаніе Амбодику читать въ госпиталяхъ акушерскія лекціи возобновляемо было ежегодно и въ послѣдній разъ дано 12-го ноября 1786 года. Только послѣ вышеприведеннаго увольненія его отъ госпитальной службы по высочайшему повелѣнію, Мед. Коллегія принуждена была войдти къ императрицѣ съ особымъ докладомъ (31-го марта 1787 года) объ учрежденіи особой акушерской кафедры при госпитальныхъ училищахъ.

Н. М. Максимовичъ-Амбодикъ оставался профессоромъ акушерства при повивальномъ институтѣ до начала нынѣшняго столѣтія и умеръ въ 1812 году. Онъ былъ однимъ изъ ученѣйшихъ врачей своего времени и издалъ много сочиненій, изъ коихъ извѣстнѣйшія суть слѣдующія:

1. *Руководство къ познанію и врачеванію болѣзней человѣческихъ наружныхъ и внутреннихъ, съ прибавленіемъ главныхъ немощей женскаго пола и малолѣтныхъ дѣтей*, соч. Соссрота, переводъ. 3 части, Спб. 1781. 8°.

2. *Краткое испытаніе многихъ закоснѣлыхъ мнѣній и употребленій, до беременныхъ женщинъ, родильницъ и новорожденныхъ младенцовъ относящихся и къ произведенію уродовъ въ человѣческомъ родѣ служащихъ, съ присоединеніемъ средствъ, коими такіе пороки отвратить можно*. Спб. 2 изданія: первое 1781 и второе, значительно исправленное, 1786 года. 8°. Содержаніе этой книги помѣщено также въ «Искуствѣ повиванія».

3. *Врачебное веществословіе или описаніе цѣлительныхъ растеній, во врачевствѣ употребляемыхъ, съ изъясненіемъ пользы и употребленія оныхъ и присоединеніемъ рисунковъ, природному виду*

каждаго растенія соотвѣтствующихъ, 4 части, съ 134 рисунками. Спб. 1783—1789. 8°.

4. *Анатомико-физіологическій словарь, въ коемъ всѣ наименованія частей тѣла человѣческого, до анатоміи и физіологіи принадлежащія, на россійскомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, съ краткимъ описаніемъ сихъ наукъ.* Спб. 1783. 8°.

5. *Искуство повиванія или наука о бабичьемъ дѣлѣ, въ коемъ кратко, но ясно толкуется, какое дѣтородныя женскія части строеніе имѣютъ, какимъ образомъ надлежитъ пособлять беременнымъ при родахъ, роженицамъ послѣ родовъ и новорожденнымъ ихъ младенцамъ во время младолѣтства; на шесть частей раздѣленная и многими рисунками снабденная.* Спб. 1784—1786. 8°.

6. *Начальныя основанія врачебныя науки*, соч. Гуме, *перев. съ латинскаго*. Три изданія: первое 1786, второе 1789 и третье 1790. На второмъ, исправленномъ, изданіи типографщикъ Вейгбрехтъ по ошибкѣ или съ намѣреніемъ—выставилъ годъ перваго изданія. На печатаніе третьяго изданія дано позволеніе отъ Мед. Коллегіи 11-го февраля 1790 года, при чемъ приказано назвать автора не Гуме или Гюме, а Гоме.

7. *Физіологія или естественная исторія о человѣкѣ, касательно его зачатія, рожденія, природы, строенія тѣла, различныхъ возрастовъ, дѣяніи, жизни, различій въ человѣческомъ родѣ примѣчаемыхъ, болѣзней, старости и смерти.* Спб. 1787. 8°.

8. *Эмблемы и символы избранные, на россійскомъ, латинскомъ, французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ объясненные, изданные прежде въ Амстердамѣ, а нынѣ умноженные и исправленные* Несторомъ М. Амбодикомъ; *съ виньетами и изображеніями*, Спб. 4°. Два изданія: первое 1788, второе 1811 года. Подлинникъ этого сочиненія (на латинскомъ, французскомъ, испанскомъ итальянскомъ, англійскомъ, голландскомъ и нѣмецкомъ языкахъ) изданъ Даніиломъ де ла Фейли въ Амстердамѣ, въ 1691 году in-4°. См. Сопикова, III, 11. Но было еще одно изданіе этой книги, 1705 года, неизвѣстное Сопикову и замѣчательное тѣмъ, что оно было напечатано на восьми языкахъ, а именно: *русскомъ (церковно-славянскомъ)*, латинскомъ, французскомъ, итальянскомъ, испанскомъ, голландскомъ и нѣмецкомъ. Оно было напечатано въ Амстердамѣ, по приказанію и на счетъ Петра I-го подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

SYMBOLA ET EMBLEMATA *jussu atque auspiciis* SACERRIMAE SUAE MAJESTATIS, *augustissimi ac serenissimi Imperatoris Moscoviae, Magni Domini Czaris et Magni Ducis* PETRI ALEXEIDIS, *totius Magnae, Parvae et Albae Rossiae, nec non aliarum multarum Potestatum atque Dominiorum orientalium, occidentalium aquilonariumque* SUPREMI MONARCHAE *excusa. Amstelaedami*, APUD HENRICUM WETSTENIUM ANNO 1705. 4°. Въ текстѣ 281 стран. и въ Index 10 стр. (безъ пагинаціи). На послѣдней страницѣ книги напечатано церковно-славянскимъ шрифтомъ: *Погрѣшеніе* (*errata*), въ которомъ указано 6 опечатокъ, сдѣланныхъ исключительно въ 6 русско-славянскихъ словахъ. Всѣ слова, напечатанныя здѣсь крупнымъ шрифтомъ, отпечатаны на заглавіи книги красными чернилами. Эмблемы, въ видѣ круглыхъ медалей, величиною съ нынѣшній серебряный рубль, гравированы (по видимому на мѣди) и оттиснуты такъ хорошо, что сдѣлали бы честь даже нынѣшнему времени. Полный экземпляръ этой книги находится у извѣстнаго нашего библіофила Н. А. Стрѣлковскаго, которому авторъ обязанъ искреннею благодарностью за знакомство съ этою рѣдкостью. Другой экземпляръ ея находится въ одной изъ витринъ Спб. Публичной Библіотеки.

9. ***Первоначальныя основанія ботаники, руководствующія къ познанію растеній***, съ раскрашенными рисунками. 2 части. Спб. 1796. 8°. Изданіе Медиц. Коллегіи.

10. ***Врачебныя наставленія о болѣзняхъ, наиболѣе изнуряющихъ здравіе человѣка и заражающихъ всѣ тѣлесныя части онаго.*** Перев. съ латинскаго со многими примѣчаніями. 3 части. Два изданія, 1798 и 1800. Спб. 8°.

11. ***Новый ботаническій словарь на россійскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.*** Два изданія: первое 1804, второе 1808 года. Спб. 4°. Оба изданы Имп. Вольнымъ Экономич. Обществомъ, съ эпиграфомъ изъ Аристотеля: *Nominum qui ignarus, ignarus etiam rerum est.*

12. ***Врачебныя наставленія о любострастныхъ болѣзняхъ, кои приключаются въ разныхъ частяхъ человѣческаго тѣла***, соч. Пленка, перев. съ латинскаго. Спб. 1790. 8°. Второе изданіе 1800.

Смотря на этотъ длинный перечень изданныхъ Максимовичемъ-Амбодикомъ сочиненій, нельзя не подивиться его трудолюбію и умѣнью найдти свободное время, среди многочисленныхъ профессорскихъ занятій, на составленіе ихъ. Но это удивленіе еще болѣе возрастаетъ, когда подумаемъ, что онъ одинъ изъ первыхъ началъ излагать научные предметы порусски и долженъ былъ самъ придумывать термины для выраженія понятій, не имѣвшихъ еще права гражданства въ русскомъ языкѣ. А какъ

велика была трудность этого дѣла, можно видѣть изъ того, что докторъ К. И. Щепинъ, преподававшій анатомію въ московскомъ госпитальномъ училищѣ за двадцать лѣтъ до Амбодика, торжественно сознавался, что ему гораздо легче было бы читать лекціи на латинскомъ или нѣмецкомъ языкахъ, чѣмъ на русскомъ. Амбодикъ положилъ основаніе русской медицинской номенклатуры и мы пользуемся плодами трудовъ его, не сознавая происхожденія ихъ. По обширной учености своей, онъ былъ извѣстенъ въ цѣлой Европѣ, а между тѣмъ русскій медицинскій историкъ, В. М. Рихтеръ, жившій въ одно съ нимъ время, принадлежавшій къ одной и той же профессіи (оба были профессорами акушерства въ повивальныхъ институтахъ, одинъ въ Москвѣ, другой въ Петербургѣ) и безъ сомнѣнія читавшій его сочиненія, не подарилъ ему ни одной строчки въ своей біографической *Исторіи медицины въ Россіи* и даже, по странной забывчивости, похожей на jalousie du métier, ни разу не упомянулъ его имени. Къ счастію, голосъ всесвѣтной славы былъ справедливѣе и, наперекоръ пристрастному историку, сохранилъ имя Амбодика отъ незаслуженнаго забвенія.

Первымъ городовымъ акушеромъ въ Петербургѣ и помощникомъ профессора акушерства, какъ выше говорено, былъ операторъ Спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя штабъ-лѣкарь Яковъ фонъ-Меллепъ, несчастный труженикъ, исполнявшій въ одно и тоже время множество должностей, и притомъ уже очень пожилой человѣкъ. Кромѣ должности по своему госпиталю и состоявшему при немъ училищу, гдѣ онъ былъ прозекторомъ [1]), онъ долженъ еще былъ до 1763 года исправлять должность оператора и въ адмиралтейскомъ петербургскомъ госпиталѣ, получая по ней отъ обоихъ госпиталей по 300 р. Только 13 марта 1763 года назначенъ въ адмиралтейскій госпиталь особый опера-

---

[1]) Въ 1764 году анатомія и хирургія читались въ генеральномъ петербургскомъ училищѣ ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 11-го часа утра до 4-го по полудни, но съ января 1765 года положено читать ихъ по вечерамъ, отъ 6-ти до 8-ми часовъ, при сальныхъ свѣчахъ, которыхъ отпускалось по 5-ти на вечеръ. Только въ октябрѣ 1765 года сдѣлано въ анатомическомъ театрѣ одно «паникадило» о 15-ти свѣчахъ и 4 стѣнныхъ подсвѣчника съ сальными вологодскими свѣчами: но они, кажется, рѣдко зажигались. Разумѣется, что старику-прозектору приходилось много дѣла и труда для приготовленія ежедневныхъ лекцій, хотя профессоромъ анатоміи былъ родной сынъ его.

торъ Густавъ Орреусъ (*G. Orraeus*, въ послѣдствіи докторъ медицины), съ жалованьемъ по 300 р.; но за то фонъ-Мелленъ лишился прибавочнаго жалованья, которое получалъ изъ этого госпиталя и—при недостаткѣ частной практики — эта потеря была для него очень чувствительна. Чтобы вознаградить ее, временно управлявшій Медицинскою Канцеляріею докторъ Я. Лерхе сослался на *Планъ о рангахъ медицинскихъ чиновъ* [1]) и на основаніи 6 пункта его назначилъ фонъ-Меллену (6 октября 1763) высшій операторскій окладъ, по 600 р. въ годъ, отъ генеральнаго сухопутнаго госпиталя, «чтобы онъ на старости лѣтъ не получалъ меньше прежняго».

Само собою разумѣется, что жалованье по акушерской школѣ не зависѣло отъ госпитальной службы и составляло только дополненіе къ госпитальному жалованью. Но это дополненіе стоило фонъ-Меллену тяжелыхъ трудовъ: онъ обязанъ былъ не только читать въ акушерской школѣ свои собственныя лекціи на русскомъ языкѣ, но и передавать акушеркамъ на русскомъ же языкѣ то, что Линдеманъ говорилъ понѣмецки, потому что этотъ послѣдній вовсе не зналъ русскаго языка. Обязанность эта сильно затрудняла его, фонъ-Меллена, частію по причинѣ большой потери времени, истрачивавшейся на толкованіе чужихъ лекцій, а частію потому еще, что и самъ онъ, хоть говорилъ порусски, все же не такъ свободно владѣлъ имъ, чтобы объясняться безъ усиленнаго напряженія. Подъ бременемъ этихъ трудовъ (9-го сентября 1763 года) онъ рѣшился просить даже о полномъ увольненіи отъ акушерской школы, но не получилъ его: напротивъ, Лерхе приказалъ (20 октября 1763 года) подтвердить ему, что такъ какъ докторъ Линдеманъ вовсе не знаетъ порусски, то онъ обязанъ не только самъ читать, но и изъяснять линдемановы лекціи русскимъ бабкамъ на русскомъ языкѣ безъ всякихъ отговорокъ и съ крайнѣйшимъ раденіемъ.

Я. фонъ-Мелленъ повиновался, но не долго могъ выдержать усиленную работу: онъ умеръ 15 декабря 1765 года отъ грудной водянки, за день до смерти Пагенкампфа въ Москвѣ.

На его мѣсто операторомъ при Спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ опредѣленъ изъ Москвы штабъ-лѣкарь Францъ

---

[1]) Утвержденный императоромъ Петромъ III 28-го февраля 1762 года.

Лука Елачичъ (22 декабря 1765 года); но онъ не хотѣлъ уѣзжать изъ Москвы и просился къ тамошнему «бабичьему дѣлу» акушеромъ, на мѣсто умершаго Пагенкампфа, но Коллегія подтвердила (9 января 1766) не отговариваться отъ сдѣланнаго уже назначенія и ѣхать въ Петербургъ. И онъ дѣйствительно пріѣхалъ и вступилъ въ должность. Но 21-го февраля докторъ Христофъ фонъ-Меллепъ донесъ Коллегіи, что Елачичъ не способенъ къ должности прозектора и оператора, потому что очень старъ, а именно «глазами слабъ и разъ при обряженіи мертвыхъ тѣлъ обморокъ на него напалъ»; по этому онъ не долго оставался прозекторомъ и въ томъ же году былъ отрѣшенъ отъ должности [1]), а на его мѣсто опредѣленъ лѣкарь Моръ *(Wilhelm Mohr)*, произведенный 22 мая 1766 года по экзамену изъ подлѣкарей того же госпиталя.

---

[1]) Францъ Лука Елачичъ *(Franciscus Lucas Jaellatchitsch)*, венгерецъ, родившійся въ Вѣнѣ, прибылъ въ Россію скороходомъ и опредѣлился въ 1742 году лѣкарскимъ ученикомъ въ Спб. генеральный сухопутный госпиталь на своемъ коштѣ. Онъ говорилъ по-нѣмецки и по-латыни, какъ всѣ венгерцы, но вовсе не зналъ грамматики этихъ языковъ. Безграмотность его доходила до того, что разъ, когда онъ былъ уже операторомъ въ Московскомъ госпиталѣ и прислалъ въ Медиц. Канцелярію списокъ инструментовъ и перевязочныхъ вещей, необходимыхъ для преподаванія въ школѣ при госпиталѣ, Медицинская Канцелярія возвратила ему (9 мая 1759 года) этотъ списокъ, съ предложеніемъ исправить въ немъ латинскія названія, потому что иначе не возможно понять, чего онъ желаетъ. Въ бытность ученикомъ при петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ онъ позволялъ иногда себѣ маленькія буйства, которыя однакоже не всегда проходили даромъ. Такъ напримѣръ 14-го сентября 1763 года гезель госпитальной аптеки пожаловался на него за брань и неучтивые поступки въ аптекѣ и Елачича штрафовали лозами, по распоряженію старшаго госпитальнаго доктора. Черезъ годъ по поступленіи въ госпиталь, онъ произведенъ былъ по третному экзамену въ подлѣкари и назначенъ (18-го мая 1743) въ Выборгскій пѣхотный полкъ. Но здѣсь онъ оставался недолго. Въ 1744 году снаряженъ былъ караванъ для отправленія въ Китай и Елачичъ опредѣленъ при немъ лѣкаремъ, а въ помощь себѣ избралъ онъ волонтера Московскаго генеральнаго госпиталя Іоганна Рандта (*Johann Rudolph Randt*, сына шпажнаго мастера въ Москвѣ Каспара Рандта), на сестрѣ котораго по пріѣздѣ изъ Китая и женился въ Москвѣ. Это путешествіе продолжалось до 1747 года, и возвратившись изъ него Елачичъ оставался въ Москвѣ безъ должности. Но онъ пріобрѣлъ уже нѣкоторую извѣстность, благодаря которой графъ К. Г. Разумовскій просилъ опредѣлить его лѣкаремъ въ штатъ Спб. Академіи наукъ (утвержденный въ 1747 году), что и исполнено 23-го января 1748 года. Въ тоже время шуринъ его Рандтъ отправился къ зятю въ Петербургъ, помѣстился у него въ квартирѣ и ходилъ учиться въ Академическую гимназію, гдѣ слушалъ лекціи нѣмецкаго, латинскаго и русскаго языковъ.

Чтоже касается до акушерской вакансіи, открывшейся при Спб. школѣ со смертію фонъ-Меллена, то ее занялъ штабъ-лѣ-

---

Въ началѣ 1754 года снова снаряженъ былъ караванъ въ Китай подъ управленіемъ кол. ассесора Алексѣя Владыкина, и Елачичъ опять назначенъ сопровождать его въ качествѣ лѣкаря, съ жалованьемъ по 100 руб. въ годъ, а Рандтъ поѣхалъ съ нимъ приватнымъ подлѣкаремъ. При этомъ Елачичу поручено отъ Академіи наукъ привести курьозныя вещи и книги, а отъ Медиц. Канцеляріи привезти изъ Пекина ¼ фунта корня пинсенгъ или женсингъ, со свѣдѣніями о растеніи, отъ котораго онъ получается. О томъ же написано было аптекарю Павлу Руге, состоящему въ Кяхтѣ у брака ревеня. Въ сентябрѣ 1755 года Руге прислалъ мускусъ по 20 рублей за фунтъ и женсингъ по 192 р. за фунтъ. Послѣдній нашли въ Петербургѣ свѣжѣе и лучше полученнаго въ 1753 году изъ Амстердама по 78 гульденовъ за унцъ, что съ пересылкою и вычетомъ курса и комиссіи обходилось въ 34 р. 32 коп. за унцъ. Этотъ женсингъ причисленъ къ рѣдкостямъ, а не къ аптечнымъ матеріаламъ. Съ своей стороны Елачичъ пріискалъ въ Пекинѣ 25 золотниковъ женсинга, но ихъ отнялъ у него директоръ каравана Владыкинъ и потребовалъ за него 127 рублей 50 коп. (3 лана корня, по 25 ланъ серебра за каждый его ланъ, а всего 75 ланъ серебра). При этомъ Елачичъ доставилъ выписки изъ французскихъ и португальскихъ іезуитскихъ описаній его, напечатанныхъ впрочемъ въ актахъ Парижской академіи наукъ еще въ 1718 году. По этимъ описаніямъ, женсингъ получается отъ растенія abraliastrum и высокій сортъ корня (по-канчжурски орхода) стоитъ за ланъ отъ 40 до 45 и болѣе лановъ серебра, средній сортъ отъ 25 до 35 л. серебра за ланъ корня. Изъ этой поѣздки Елачичъ возвратился въ 1756 году и такъ какъ мѣсто его въ Академіи наукъ уже отдано было другому, то онъ поступилъ въ вѣдѣніе Медиц. Канцеляріи и по прошенію назначенъ исправляющимъ должность оператора въ Московскій госпиталь (25 января 1757 года), съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ, съ тѣмъ, что когда окажется способнымъ къ этой должности, то будетъ утвержденъ въ ней. Вмѣстѣ съ нимъ опредѣлился и Рандтъ волонтеромъ въ тотъ же госпиталь (22 мая 1757 года) доучиваться медицинѣ, которую совсѣмъ забылъ, живя въ Петербургѣ и Пекинѣ, и потомъ опредѣленъ подлѣкаремъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ. Съ нимъ ѣздилъ въ Китай студентъ Московской славяно-греко-латинской академіи Степанъ Соколовъ, который по возвращеніи въ Москву также опредѣлился лѣкарскимъ ученикомъ въ Московскій генеральный госпиталь (12 іюля 1757 года).

Вступивъ въ новую должность, Елачичъ отлично повелъ дѣла свои. Онъ подѣлался къ старшему доктору, доктору Анастасію Пика, и тотъ аттестовалъ его достойнымъ операторскаго званія, почему Мед. Канцелярія и утвердила его операторомъ (22-го ноября 1757), поручивъ въ особенности заботиться о составленіи анатомическаго кабинета: «отъ времени до времени стараться ему совокупить всякіе препараты внутреннихъ человѣческихъ частей чрезъ сприн-цованіе воскомъ, высушеніе и бальзамированіе, такожъ и скелетовъ человѣческихъ мужеска и женска пола и порозно выбѣленныхъ человѣческихъ костей.»

Въ октябрѣ того же 1757 года Сибирскій приказъ опять снарядилъ караванъ въ Китай и требовалъ отъ Мед. Канцеляріи лѣкаря для сопровожденія его. Послѣдняя предложила Елачичу опять ѣхать въ Пекинъ, но онъ отказался. Вмѣсто него вызвался-было ѣхать лѣкарь Московскаго госпиталя Иванъ Штелинъ

карь сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса Іоганнъ Вульфъ (*Johann Georg Wulff*), бывшій въ послѣдствіи членомъ

бывшій прежде на китайской границѣ [1]), но потомъ и онъ отказался отъ поѣздки по болѣзни. Наконецъ Мед. Канцелярія поручила предложить эту командировку лѣкарю тогоже госпиталя Федору Фигнеру; но и онъ отказался, ссылаясь на то, что имѣетъ въ Москвѣ собственный домъ и мать въ престарѣломъ возрастѣ. Кажется, однакоже, что Елачичъ ѣздилъ въ третій разъ въ Китай, потому что 30 мая 1764 года рекомендованъ былъ Коллегіею иностранныхъ дѣлъ къ наградѣ за эту поѣздку и 8 января 1765 года награжденъ чиномъ коллежскаго ассессора «за долговременную службу и троекратную бытность въ Китаѣ», и притомъ съ тѣмъ, чтобы Медиц. Коллегія опредѣлила его къ такому мѣсту, гдѣ бы онъ прежнюю должность исправлять могъ, съ жалованьемъ по старшему штабъ-лѣкарскому окладу (т. е. по 600 р.) и съ женою и дѣтьми своими спокойно жить (высочайшій указъ сенату 8 января 1765 года). Но такъ какъ свободной вакансіи не было, то Медицинская Коллегія и предписала ему жить въ Москвѣ и получать положенное жалованье изъ тамошней Медиц. Конторы (15 февраля 1795 года), а потомъ опредѣлила его операторомъ въ С.-Петербургскій генеральный сухопутный госпиталь, на мѣсто умершаго оператора и штабъ-лѣкаря Х. Я. фонъ-Меллена.

Выше было сказано, что Елачичу не понравилось это назначеніе и онъ предпочиталъ остаться въ Москвѣ при «бабичьемъ дѣлѣ», гдѣ жили притомъ родственники жены его. Онъ даже отказался ѣхать въ Петербургъ, требуя настоятельно Нагенкампфова мѣста. Коллегія однакоже подтвердила ему ѣхать въ Петербургъ, и онъ пріѣхалъ, но тотчасъ же (въ февралѣ 1766 года) подалъ въ отставку, ссылаясь на слабость зрѣнія и старость, а потомъ, не дождавшись отвѣта, въ мартѣ опять повторилъ свою просьбу объ увольненіи отъ оператор-

---

[1]) Лѣкарь Иванъ Штелинъ (*Johann Staehlin*) принятъ въ службу подлѣкаремъ въ Спб. генеральный сухопут. госпиталь въ 1741 году. Въ 1742 г., когда Выборгскій полевой госпиталь наполнялся ранеными послѣ Вильманстрандскаго сраженія, онъ командированъ туда съ штабъ-лѣкаремъ Паризіусомъ и черезъ годъ (1743) произведенъ лѣкаремъ въ Спб. гарнизонный полкъ. Въ 1748 году причисленъ къ секретной коммисіи полковника Вульфа, посланной по высочайшему повелѣнію для осмотра восточныхъ границъ Сибири и, доѣхавъ до Кяхтинскаго форпоста, остался тамъ (1752) и опредѣленъ на годъ при Якутскомъ пѣхотномъ полку. Вскорѣ однакожъ онъ соскучился тамъ, сталъ проситься внутрь Россіи и былъ переведенъ къ Мед. Канцеляріи «для пользованія ея служителей», куда и поѣхалъ на свой счетъ; но доѣхавъ до Москвы, командированъ (1754) на годъ въ Кронштадтскій морской госпиталь, а оттуда переведенъ (1755) въ Московскій генеральный госпиталь. Въ 1762 году ѣздилъ съ генераломъ Кисленскимъ въ Калугу, для свидѣтельствовованія и лѣченія польскихъ бѣглыхъ, и при отправленіи ихъ въ Казань на судахъ далъ на дорогу наставленіе полковымъ цирюльникамъ, сопровождавшимъ ихъ. Возвратившись изъ этой командировки, онъ просилъ себѣ званія штабъ-лѣкаря, но не получилъ его. Обидясь этимъ, онъ отказался ѣхать въ Астрахань, въ должность лѣкаря при иностранныхъ колонистахъ, куда назначенъ былъ 10-го декабря 1763 года. Но вскорѣ послѣ того (1770) командированъ былъ съ фельдмаршаломъ княземъ Петромъ Семеновичемъ Салтыковымъ и гвардіи поручикомъ Булгаковымъ въ Боровскъ, для принятія мѣръ по случаю появленія тамъ чумы и пробылъ въ этой командировкѣ $1\frac{1}{2}$ года, а потомъ опять возвратился въ Москву. Прослуживъ 39 лѣтъ, онъ наконецъ произведенъ (5-го марта 1780) въ штабъ-лѣкари и 4-го іюня того же года утвержденъ штатнымъ штабъ-лѣкаремъ при Московскомъ госпиталѣ, гдѣ и умеръ.

Медицинской Коллегіи. Онъ принятъ въ русскую службу лѣкаремъ въ Спб. адмиралтейскій госпиталь 1-го октября 1756 года,

---

ской должности, сославшись на то, что уже и докторъ фонъ Меллень представилъ въ Коллегію объ его неспособности къ этой должности. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прибавилъ просьбу объ опредѣленіи его акушеромъ въ Москву.

Тогда Коллегія согласилась исполнить его просьбу, но съ тѣмъ чтобъ Елачичъ былъ экзаминованъ изъ акушерства, какъ дѣлалось это со всѣми, искавшими акушерскихъ мѣстъ. Но тутъ-то и наступила бѣда, какой не ожидали ни Елачичъ, ни Коллегія: экзаменная коммисія, составленная изъ трехъ членовъ Медицинской Коллегіи, выдала ему слѣдующій аттестатъ:

«Мы нижеподписавшіеся члены Коллегіи, сего 29 числа марта, оператора и ассесора Елачича, по прошенію его, въ повивальномъ искуствѣ экзаминовали и усмотрѣли, что онъ ни же въ теоріи, ни же въ самыхъ операціяхъ того искусства ни малѣйшаго знанія не имѣетъ, какъ изъ приложеннаго письменнаго экзамена явствуетъ. А когда онъ при томъ же случаѣ по надобности и о анатоміи частей, къ повивальному искуству принадлежащихъ, спрашиванъ былъ, то такъ худо отвѣтствовалъ, что и послѣдній подлѣкарь пристыдить бы его могъ. С.-Петербургъ, марта 29 дня 1766 года. Подписали: Іог. Вульфъ, Анд. Линдеманъ и баронъ Георгъ Ашъ.»

Изъ этого несчастнаго экзамена возникло печальное дѣло, котораго подробности изложены въ слѣдующей запискѣ, представленной президентомъ Медиц. Коллегіи барономъ А. И. Черкасовымъ императрицѣ Екатеринѣ II:

«Венгерецъ Францъ Лука Елачичъ, пріѣхавъ въ Россію скороходомъ, принятъ въ службу лѣкарскимъ ученикомъ въ 1742 году, не имѣвъ къ тому иной способности, кромѣ что умѣлъ по латыни говорить, такъ какъ венгерцы обыкновенно по наслышкѣ, а безъ науки, онымъ языкомъ дурно говорятъ.»

«За какія онъ способности послѣ того черезъ годъ произведенъ подлѣкаремъ, потомъ еще черезъ годъ лѣкаремъ, опредѣленъ въ 1757 году въ Московскій генеральный госпиталь операторомъ, былъ три раза въ Пекинѣ, и по послѣднемъ его въ 1764 году оттуда возвращеніи именнымъ Е. И. В. указомъ въ 1765 году, за лѣкарское ли одно искусство, или за другія какія службы, пожалованъ коллежскимъ ассесоромъ, съ жалованьемъ по 600 рублевъ въ годъ и иными знатными выгодами, о томъ въ Коллегіи обстоятельно неизвѣстно. Слѣдующее его похожденіе покажетъ, каковъ онъ, а изъ того кажется, что безъ ошибки заключить можно, какими дорогами достигъ онъ и до нынѣшняго чина.»

«Когда въ 18 день генваря 1765 года Медицинской Коллегіи объявленъ былъ Е. И. В. указъ о пожалованіи его коллежскимъ ассесоромъ и производствіи ему по старшему штабъ-лѣкарскому окладу по 600 рублевъ въ годъ, и сверхъ того о опредѣленіи его къ такому мѣсту, гдѣбъ онъ по искусству своему потребенъ былъ, съ готовою квартирою, тогда операторскаго порожнаго мѣста нигдѣ не было и Елачичъ согласился ѣхать въ Москву съ вышеписаннымъ жалованьемъ и тамъ ожидать будущаго опредѣленія. Въ декабрѣ мѣсяцѣ тогожъ 1765 года бывшій при С.-Петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ операторъ фонъ Меллень умеръ. Коллегія на его мѣсто опредѣлила Елачича операторомъ и съ первою почтою указъ о томъ къ нему посланъ. Онъ, получа оный, присланнымъ изъ Москвы доношеніемъ просилъ Коллегію, чтобы его опредѣлить на мѣсто штабъ-лѣкаря Пагенкампфа (который около того же времени умеръ) въ Москвѣ при повивальномъ дѣлѣ. Но Коллегія, имѣя худое о

оттуда переведенъ въ Ингерманландскій пѣхотный полкъ, квартировавшій въ С.-Петербургѣ на Васильевскомъ острову, гдѣ

его искусствѣ предосужденіе, не хотѣла его заочно при такомъ важномъ мѣстѣ содержать, но вторично приказала ему ѣхать въ С.-Петербургъ. Во исполненіе чего онъ сюда пріѣхалъ. Но вскорѣ послѣ того, а именно въ 21 день февраля сего года, опредѣленный при Спб. генеральномъ госпиталѣ для чтенія анатомическихъ лекцій докторъ фонъ-Мелленъ въ Коллегію рапортовалъ, что Елачичъ, за слабымъ зрѣніемъ и случающимися ему при разрѣзываніи кадаверовъ обмороками, операторской должности исправлять не въ состояніи. Коллегія о семъ намѣрена была представить Е. И. В. и просить ея указа, а собою его отъ службы отставить не могла, потому что именнымъ указомъ къ оной опредѣленъ. Между тѣмъ случилось, что коллежскій совѣтникъ, Медицинской Коллегіи членъ и ученый секретарь докторъ Пеккенъ, будучи въ присутствіи, куда Елачичъ по сему дѣлу былъ допущенъ, спросилъ его о нѣкоторыхъ до науки его касающихся обстоятельствахъ. Елачичъ на оные вопросы (по видимому отъ незнанія) ничего не отвѣчалъ, а послѣ на сторонѣ жаловался, будто докторъ Пеккенъ его въ присутствіи обезчестить искалъ, спрашивая у него, оператора, о такихъ дѣлахъ, въ которыхъ токмо лѣкарскихъ учениковъ экзаминуютъ. Не удовольствовавшись тѣмъ, вознамѣрился г. Пеккену за оную обиду отмстить слѣдующимъ образомъ: пришедъ къ доктору фонъ-Меллену старался его уговорить, чтобъ онъ написалъ для него о чемъ-нибудь анатомическую обсервацію, которую онъ, Елачичъ, подъ своимъ именемъ въ Коллегію пришлетъ, и когда оная (какъ онъ не сомнѣвался) въ Коллегіи похвалена будетъ, тогда онъ будетъ на доктора Пеккена жаловаться президенту г. барону Черкасову и другимъ, а за такой трудъ доктора фонъ-Меллена обѣщалъ ему дать сто червонцевъ. Докторъ фонъ-Мелленъ, исполненный честностью, ужаснулся отъ такого предложенія и отказалъ ему на отрѣзъ, а пришедъ къ президенту, сказалъ ему о томъ. Сей, видя такое Елачича коварство и умыселъ на поврежденіе безвиннаго и незаслуженное прославленіе самого себя у людей невникающихъ въ подробности дѣлъ или отъ недосуговъ или отъ незнанія, подумалъ, что нельзя имѣть лучшаго способа къ опутанію злодѣя въ сѣтяхъ, которыя онъ разставить хотѣлъ на пагубу безвинныхъ, и въ томъ намѣреніи, похваливъ честность и вѣрность доктора фонъ-Меллена, приказалъ ему дѣлать все, что Елачичъ въ семъ дѣлѣ требовать будетъ и о всемъ увѣдомлять себя. Въ слѣдствіе чего докторъ фонъ-Мелленъ 14 марта принесъ къ президенту двѣ равногласныя копіи требованной Елачичемъ обсерваціи, съ приложенными къ каждой двумя рисунками. Президентъ, для вящшаго Елачича въ коварствѣ изобличенія, вырѣзалъ изъ одного рисунка лоскутокъ бумаги, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рисовальный мастеръ имя свое написалъ, и оный лоскутокъ оставилъ у себя, такъ какъ и одну копію обсерваціи съ двумя къ оной принадлежащими рисунками, а другую копію и два рисунка отдалъ доктору фонъ-Меллену для отдачи Елачичу. 15 марта д-ръ фонъ-Мелленъ принесъ къ президенту два свертка съ серебряными деньгами, о которыхъ сказалъ, что то были 100 рублевъ, данные ему отъ Елачича въ число обѣщанныхъ 100 червонцовъ. Президентъ приказалъ ему оные оба свертка съ деньгами запечатать своею печатью и оставилъ у себя до времени. На другой день по утру прислана въ Коллегію обсервація запечатанная, и притомъ большая хрустальная банка, содержащая въ спиртѣ части кадавера, которыя въ обсерваціи описа-

иногда исправлялъ кое-какія медицинскія обязанности въ кадетскомъ корпусѣ, за болѣзнію корпуснаго лѣкаря старика Лудвига

ны и на помянутыхъ обоихъ рисункахъ изображены. Президентъ, не распечатывая цыдулки, въ которой по учрежденному обряду имя сочинителево написано, приказалъ присутствовавшимъ тогда членамъ тотчасъ обсервацію прочесть и мнѣніе свое подъ нею подписать. По прочтеніи единогласно подписали, что обсервація хороша. Потомъ президентъ распечаталъ цыдулку и къ превеликому членовъ удивленію нашелъ имя ассесора оператора Елачича.»

«Спустя послѣ того нѣсколько дней, Елачичъ приходилъ къ президенту и просилъ, чтобъ въ разсужденіи его долговременной службы, немолодыхъ лѣтъ и слабаго зрѣнія, опредѣлилъ его на штабъ-лѣкарское мѣсто въ Московскомъ госпиталѣ, или въ Москвѣ же на мѣсто умершаго штабъ-лѣкаря Пагенкампфа при повивальномъ дѣлѣ, и притомъ прибавилъ, что по вступленіи вышеписанной его обсерваціи въ Коллегію, ему, президенту, должно быть достаточно увѣрену, сколь несправедливо было внушеніе отъ его неприятелей (а особливо отъ доктора Пеккена) о искусствѣ его, Елачича, и что онъ безвинно принужденъ былъ перенесть ихъ нареканія, доколѣ ясно не доказалъ присылкою той обсерваціи, сколь мало онъ заслужилъ худое о себѣ у людей мнѣніе, что онъ не знаетъ, чѣмъ онъ заслужилъ недружбу г-на Пеккена, который въ присутствіи въ Коллегіи дѣлалъ ему такіе вопросы, которые единственно дѣлаются начинающимъ учиться хирургіи и которые для него, какъ стараго и искуснаго лѣкаря, такъ чувствительны и обидны были, что онъ отъ горести ничего на нихъ отвѣтствовать не могъ. Президентъ, скрывая свѣдѣнія свои о коварствѣ его, сказалъ ему на сіе, что хотя онъ теперь и былъ о искусствѣ его другаго передъ прежнимъ мнѣнія, но со всѣмъ тѣмъ не можетъ ему дать штабъ-лѣкарскаго мѣста при Московскомъ госпиталѣ за тѣмъ, что Коллегія весьма довольна находящимся тамъ штабъ-лѣкаремъ; чтожъ касается до другаго мѣста, о томъ чтобъ онъ подалъ въ Коллегію доношеніе и просилъ экзамена въ повивальномъ искусствѣ. А какъ президенту извѣстно было, что до сего разговора дни за два Елачичева жена родила, то онъ, сожалѣя о безвинной, желалъ дать ей время оправиться и для того искалъ умедлить заслуженное мужемъ ея наказаніе. Въ томъ намѣреніи въ помянутомъ же разговорѣ подалъ онъ Елачичу надежду, что даны будутъ изъ Коллегіи ему на письмѣ вопросы въ повивальномъ искусствѣ, на которые ему письменно же отвѣтствовать должно, и въ томъ будетъ состоять его экзаменъ. Елачичъ, обрадовавшись сему, пишетъ 21 марта къ мнимому своему другу доктору фонъ-Меллену, а сей письмо оное принесъ къ президенту (переводъ его находится ниже, подъ литерою А) и притомъ сказалъ, что Елачичъ у него былъ и говорилъ, что остаточные 125 рублевъ въ число обѣщанныхъ 100 червонцовъ онъ ему безъ продолженія времени заплатитъ, а сверхъ того обѣщалъ ему еще 100 червонцовъ, ежели онъ на вопросы, которые Елачичъ изъ Коллегіи на письмѣ получить надѣялся, вмѣсто него отвѣты сочинить возмется. 23 марта Елачичъ подалъ доношеніе о экзаменѣ въ повивальномъ искусствѣ, на которое члены ему сказали, что въ будущемъ первомъ засѣданіи ему на то отвѣтъ сдѣлаютъ. И о семъ Елачичъ къ доктору фонъ-Меллену отписалъ и притомъ у него просилъ какую нибудь книгу о повивальномъ искусствѣ изъ новѣйшихъ авторовъ. Фонъ-Белленъ послалъ къ нему требованную книгу, а письмо принесъ къ президенту (переводъ его прилагается ниже, подъ литерою Б), Коллегія назначила Елачичу день экзаме-

Доровіуса. Это сдѣлало его извѣстнымъ наслѣднику престола Петру Ѳедоровичу (въ послѣдствіи Петру III), который 5-го іюля

на. Бывшіе при томъ члены вопросы свои по обряду записывали, такъ какъ и его на оные отвѣты, и потомъ дали ему оныя записки прочесть и подписать, что не выходя изъ присутствія учинено. 29 марта на сіе члены подписали аттестатъ, въ которомъ написано:

«АТТЕСТАТЪ.

«Мы нижеподписавшіеся члены Коллегіи, сего марта 29 числа, оператора и ассессора Елачича, по прошенію его, въ повивальномъ искуствѣ экзаминовали и усмотрѣли, что онъ ни же въ теоріи, ни же въ самыхъ операціяхъ того искусства ни малѣйшаго знанія не имѣетъ, какъ изъ приложеннаго письменнаго экзамена явствуетъ. А когда онъ при томъ же случаѣ по надобности и о анатоміи частей, къ повивальному искусству принадлежащихъ, спрашиванъ былъ, то такъ худо отвѣтствовалъ, что и послѣдній подлѣкарь пристыдить бы его могъ. С.-Петербургъ, марта 29 дня 1766 года. Іог. Вульфъ, Анд. Линдеманъ, баронъ Георгій Ашъ.»

А. Переводъ *письма Елачича къ фонъ-Меллену* отъ 21 марта 1766 года.

«Былъ я у нашего г. президента и больше часа съ нимъ разговаривалъ, прося о опредѣленіи въ Москвѣ при госпиталѣ или при повивальномъ дѣлѣ. На первое отказалъ, а на второе согласился, но съ тѣмъ, чтобъ мнѣ въ Коллегіи экзаминовану быть, и вмѣсто экзамена даны будутъ мнѣ изъ Коллегіи въ оной матеріи вопросы, на которые мнѣ письменно отвѣствовать можно будетъ. Говорено было и о васъ, и я между прочимъ сказалъ, что я просекторомъ для васъ не гожусь, не токмо по причинѣ слабыхъ глазъ моихъ, но и потому, что какъ ваше чтеніе пространное и ученіемъ преисполненное не уступаетъ ни въ чемъ покойнымъ Бургаву и Шрейберу, то приуготовленіе пристойное всего къ тому надлежащаго превосходитъ силы одного человѣка, и прочее къ вашей похвалѣ.

Пребываю вашъ покорный слуга

Ф. Л. Елачичъ, колл. ассессоръ.

P. S. Обсервація похвалена. Самъ г. президентъ мнѣ сказалъ.»

Б. *Письмо его же къ доктору фонъ-Меллену* отъ 23 марта 1766 года.

«Сегодня подалъ въ Коллегію доношеніе, на что въ отвѣтъ сказано, что въ будущемъ первомъ засѣданіи объ ономъ разсуждаемо будетъ. Едваль пробуду безъ экзамена. Словесной ли онъ будетъ или на письмѣ, о томъ не знаю. Ежели имѣете какого ни есть изъ новѣйшихъ авторовъ, писавшихъ о повивальномъ искусствѣ, прошу онаго ко мнѣ прислать, а я скоро вамъ возвращу. Что до кадавера касается, прошу оный вскрыть и по обычаю поступить, чрезъ что меня весьма обяжете. Ежели безъ меня обойтиться не можно, то завтра къ вашимъ услугамъ буду.

Вашъ покорный слуга

Ф. Л. Елачичъ, колл. ассессоръ.»

1759 года потребовалъ отъ Мед. Канцеляріи, чтобы Вульфъ совсѣмъ переведенъ былъ въ кадетскій корпусъ, такъ какъ Доро-

---

Прочитавъ эту записку, императрица дала слѣдующій указъ:

«Въ Коллегію Медицинскую.

Ежели ассессоръ Елачичъ, не учася хирургіи и не разумѣя операторства, практику въ томъ и другомъ отправляетъ, то Коллегія Медицинская сама долгъ имѣетъ осмотрѣть, чтобъ таковые вреда вящшаго не приносили тѣмъ, кого они пользуютъ; чего ради и поступокъ Елачичевъ, о которомъ президентъ баронъ Черкасовъ въ приложенномъ при семъ описаніи Намъ донесъ, предается на разсмотрѣніе самой Коллегіи Медицинской.

Екатерина.»

Октября 16 дня 1766 года.

Этотъ указъ развязалъ Коллегіи руки, касательно безсмѣнности Елачича на службѣ, на основаніи прежняго высочайшаго повелѣнія, и она тотчасъ же произвела формальное слѣдствіе и послѣ того постановленіемъ своимъ отрѣшила Елачича отъ должности, но о дальнѣйшей участи его представила императрицѣ по слѣдующему опредѣленію:

«1766 года декабря 18 дня Государст. Мед. Коллегія приказали: о учиненномъ по именному Е. И. В. указу разсмотрѣніи о дѣлѣ ассессора Елачича Е. И. В. взнесть всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ написать: 1) что ассессоръ Елачичъ купленною у доктора фонъ-Меллена и ложно подъ своимъ именемъ присланною хирургическою обсервацiею Коллегію обмануть, а себѣ за то хорошее мѣсто получить искалъ; 2) что докторъ фонъ-Мелленъ, по приказу г. президента и дѣйствительнаго камергера барона Черкасова, ассессору Елачичу способствовалъ выше упомянутый обманъ въ дѣйство произвести; 3) что при учиненномъ о томъ въ Коллегіи 18 числа октября слѣдствіи ассессоръ Елачичъ сперва во всемъ запирался, даже до того, что и присягою утверждать хотѣлъ, но по данной ему съ докторомъ фонъ-Мелленомъ очной ставкѣ въ семъ обманѣ признался.

«По понеже, по выше изображенному Е. И. В. именному указу, Мед. Коллегія права имѣть не надѣется въ семъ дѣлѣ какое либо рѣшеніе учинить, а особливо что сверхъ того и въ здѣшнихъ законахъ никакого предписанія на подобной случай не находится: то въ семъ разсужденіи Мед. Коллегія единственно долженствуетъ сіе дѣло Е. И. В. всенижайше представить. А впрочемъ какъ ассессоръ Елачичъ потребнаго оператору искусства не имѣетъ, слѣдовательно и учениковъ въ госпиталѣ сей наукѣ обучать не можетъ, то Мед. Коллегія разсуждаетъ его, Елачича, отъ должности оператора освободить.»

Составленный по этому опредѣленію докладъ былъ подписанъ всѣми членами Коллегіи, кромѣ президента барона Черкасова, и представленъ императрицѣ, а императрица передала его для обсужденія въ сенатъ. Отсутствіе подписи президента Коллегіи на этомъ докладѣ не было явленіемъ необыкновеннымъ. Въ первые годы царствованія Екатерины II и во время президентства барона Черкасова часто случалось, что члены Медиц. Коллегіи расходились въ мнѣніяхъ съ президентомъ своимъ, и такъ какъ подобное разногласіе не могло быть ничѣмъ примирено въ самой Коллегіи, состоявшей «въ особливомъ вѣдѣніи и протекціи Императорскаго Величества», то при подобныхъ случаяхъ и президентъ и остальные члены Коллегіи входили къ императрицѣ съ отдѣльными докладами, каждый защищая свое мнѣніе. Императрица прочитывали оба до-

віусъ по старости не можетъ уже дѣлать кровепускашй. А чтобы старику было не обидно, то жалованье его раздѣлено пополамъ и одна половина (200 р.) оставлена ему до прінсканія мѣста, а другая половина (200 р.) назначена Вульфу. Впрочемъ Доровіусъ вскорѣ опредѣленъ былъ (25 января 1760) въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, а на мѣсто Вульфа въ Ингерманландскій полкъ переведенъ изъ Спб. гарнизоннаго полка лѣкарь Михайло Монзей (*M. Mounsey*).

Объ его акушерской дѣятельности не сохранилось никакихъ свѣдѣній, хотя нельзя не предполагать, что присутствіе его въ Коллегіи, какъ члена ея, легко могло покрывать самое лѣнивое бездѣйствіе. Притомъ же онъ имѣлъ въ одно и тоже время три должности: лѣкаря въ кадетскомъ корпусѣ (съ жалованьемъ по 450 р.), городоваго акушера и учителя повивальныхъ бабокъ (жалов. 300 р.) и члена Медиц. Коллегіи (жалов. 250 р.). Онъ умеръ 22 января 1776 года.

Послѣ него акушеромъ при петербургской повивальной школѣ назначенъ (16 мая 1776 года) операторъ С.-Петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя, бывшій воспитанникъ Спб. госпитальнаго училища, а въ послѣдствіи членъ Медицинской Коллегіи, штабъ-лѣкарь, надворн. совѣтникъ Юрій Даниловичъ

доклада и утверждала тотъ изъ нихъ, который признавала болѣе справедливымъ. Такъ было, напримѣръ, въ дѣлѣ о службѣ доктора II. А. Полетики въ Васильковскомъ карантинѣ 1767 года и въ дѣлѣ объ опредѣленіи лѣкаря Гозенфельдера, въ 1765 году, штабъ-лѣкаремъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ императрица утвердила мнѣніе членовъ Коллегіи. Въ дѣлѣ Елачича она не утвердила ни чьего мнѣнія, можетъ быть по неопредѣлительности заключеній обѣихъ сторонъ, предоставивъ сенату разобрать дѣло. Сенатъ приступилъ къ разсмотрѣнію его, и наконецъ, черезъ десять лѣтъ, когда баронъ Черкасовъ не былъ уже президентомъ Мед. Коллегіи (уволенъ отъ этой должности 10-го іюля 1775 года), оправдалъ Елачича. Къ сожалѣнію, сенатскій докладъ императрицѣ по этому дѣлу не сохранился въ архивѣ Мед. Коллегіи и въ настоящее время не возможно судить о доводахъ, приведенныхъ въ пользу Елачича въ столь ясномъ по видимому дѣлѣ: но сохранилось слѣдующее высочайшее повелѣніе, состоявшееся по докладу сената:

«Коллежскому ассессору Елачичу производить по 600 руб. въ годъ жалованья по смерть его, вмѣсто пенсіона, изъ статсъ-конторы, и недоданное за прошедшее время, со дня отрѣшенія его Медицинскою Коллегіею по нынѣ жалованье, что причтется, выдать изъ статсъ-конторы же. Декабря 15 дня 1776 года.»

14

Гаммень, съ жалованьемъ, сверхъ получаемаго отъ госпиталя, по 400 р.

Юрій Гамменъ *(Georg Daniel Hammen)*, сынъ аптекаря Юрія Гаммена, умершаго въ Москвѣ въ 1756 году, первоначально учился аптекарскому искусству у партикулярнаго московскаго аптекаря Казимира Готфрида Мейера и получилъ отъ него званіе аптекарскаго гезеля; но въ іюнѣ 1761 года отказался отъ аптечной службы и по прошенію принятъ волонтеромъ въ хирургическое училище при Московскомъ госпиталѣ. Пробывъ тамъ одинъ годъ, онъ по собственному желанію переведенъ подлѣкаремъ (30-го марта 1762 г.) въ Спб. генеральный сухопутный госпиталь, гдѣ продолжалъ учиться и 14-го мая 1764 года произведенъ лѣкаремъ, съ оставленіемъ при томъ же госпиталѣ. Эта служба вблизи врачебнаго училища и въ большомъ госпиталѣ развила въ немъ любовь къ ученію и доставила возможность пріобрѣсти извѣстность, по которой онъ, послѣ отъѣзда Орреуса въ армію, и назначенъ былъ (5-го іюня 1769 года) операторомъ въ петербургскій адмиралтейскій госпиталь, для преподаванія подлѣкарямъ и ученикамъ госпитальнаго училища анатоміи и хирургіи. Онъ очень высоко ставилъ свою операторскую профессію [1]), а

---

[1]) Изъ за этого чрезмѣрнаго уваженія къ своей личности и должности онъ поднялъ вопросъ о мѣстничествѣ въ госпитальной служебной сферѣ. Лѣтомъ 1778 года, послѣ третныхъ экзаменовъ въ госпитальномъ училищѣ, онъ отказался подписать экзаменные списки подлѣкарей, потому что штабъ-лѣкарь Геблеръ подписался выше его. Напрасно госпитальная контора уговаривала его не придавать важности ничтожному дѣлу: онъ ничего не хотѣлъ слышать, такъ что дѣло дошло до Мед. Коллегіи, которая и предписала (въ октябрѣ 1778 года) «наблюдать въ подписаніи субординацію по госпитальному регламенту.» Но Гамменъ на это не согласился и прислалъ въ Мед. Коллегію слѣдующее доношеніе:

«Сего февраля 1-го дня присланъ ко мнѣ былъ для подписанія о удостоенныхъ при учиненномъ въ санктпетербургскихъ госпиталяхъ генеральномъ экзаменѣ оной госпиталя нѣкоторыхъ изъ подлѣкарей въ лѣкари, и изъ учениковъ въ подлѣкари аттестатъ, съ тѣмъ, чтобъ подписаться ниже штабъ-лѣкаря Геблера; но оной аттестатъ мною не подписанъ за тѣмъ, что какъ я въ ту госпиталь опредѣленъ операторомъ для обученія анатоміи и хирургическихъ операціевъ подлѣкарей и лѣкарскихъ учениковъ, и по моему обученію выходятъ въ лѣкарскіе чины; а 1746 года марта 22 посланными изъ Медицинской тогда Канцеляріи во всѣ госпитали указами предписано, что какъ при госпиталяхъ находятся операторы для обученія анатоміи и хирургическихъ операціевъ подлѣкарямъ и ученикамъ въ силѣ генеральнаго о госпиталяхъ регламента, и для того велѣно операторамъ имѣть преимущество и предпочтеніе предъ главными

счастливый случай помогъ еще болѣе его возвышенію: когда членъ Мед. Коллегія докторъ Линдеманъ уѣхалъ за границу, акушерская вакансія въ школѣ осталась незанятою и Линдеманъ рекомендовалъ на свое мѣсто Гаммена, съ тѣмъ чтобы онъ при этомъ засѣдалъ и въ Коллегіи для совѣщанія по акушерскимъ дѣламъ. Коллегія согласилась допустить его къ присутствію въ своихъ засѣданіяхъ, но безъ жалованья, такъ какъ, по высочайшему повелѣнію, всѣ линдемановы оклады остались за нимъ на все время заграничнаго путешествія. Такимъ образомъ послѣ смерти Вульфа онъ былъ самымъ естественнымъ его преемникомъ. Черезъ два года послѣ вступленія въ должность петербургскаго городоваго акушера, онъ произведенъ сенатомъ, «за добропорядочную службу и дабы онъ противу прочихъ его сверстниковъ не оставался безкуражнымъ», въ кол-

---

и прочими госпитальными лѣкарями. 1762 года февраля 28 дня, по конфирмованному о медицинскихъ чинахъ «Плану о рангахъ», операторы положены въ рангѣ штабъ-лѣкарскомъ. Но какъ я при томъ госпиталѣ нахожусь операторомъ десять лѣтъ, а оной Геблеръ штабъ-лѣкаремъ произведенъ 4-й годъ; при здѣшнемъ же генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ штабъ-лѣкарь Хемпицеръ состоитъ въономъ чинѣ старѣе меня, почему мною о удостоенныхъ при томъ госпиталѣ въ лѣкари аттестатъ подписанъ ниже его. Я же сверхъ операторской должности обязанъ другими должностями, для которыхъ неотмѣнно надобно быть мнѣ денно и нощно во всякой готовности и безпокойствіи, при томъ же отправляю должность со всевозможнымъ усердіемъ. А какъ можетъ статься, что изъ бывшихъ моихъ учениковъ опредѣлятся въ госпиталь штабъ-лѣкарями и противъ меня брать преимущество будутъ, что для меня весьма прискорбно быть должно, ибо я сего моего званія съ самаго малолѣтства старался достигнуть, съ тѣмъ, чтобы впредь за толь мои особые къ симъ нынѣ возложеннымъ на меня должностямъ труды и прилежаніе могъ со временемъ быть окураженъ; но при всемъ томъ теперь не только какого другаго отмѣннаго награжденія надѣюсь получить, но сверхъ того еще и преимущества предъ штабъ-лѣкаремъ, который меня моложе, не заслуживаю; изъ чего я чрезвычайно обиженнымъ себя считать долженъ.

«Того ради Государственную Мед. Коллегію покорнѣйше прошу, въ разсужденіи показанныхъ обстоятельствъ, дать мнѣ къ пресѣченію впредь таковыхъ несогласій противъ штабъ-лѣкаря Геблера преимущество, также ежели и впредь моложе меня изъ штабъ-лѣкарей во оную госпиталь кто опредѣленъ будетъ, противъ ихъ мнѣ старшинство имѣть въ подпискѣ вышеписанныхъ аттестатовъ.

Георге Гамменъ.»

4-го февраля 1779 года.

Въ отвѣтъ на это Мед. Коллегія опредѣлила (18 февраля 1779), чтобы аттестаты объ экзаминованныхъ ученикахъ и подлѣкаряхъ подаваемы были въ Мед. Коллегію особливо за подписаніемъ госпитальныхъ конторъ (въ обо-

*

лежскіе ассессоры (20-го апрѣля 1778 года), а 13-го мая 1780 года назначенъ членомъ Медицинской Коллегіи. Казалось бы, что эта высокая почесть должна была удовлетворить его; а между тѣмъ исторія съ Геблеромъ не выходила изъ памяти и штабъ-лѣкарское званіе казалось ему самою завидною наградою. Наконецъ и это желаніе его удовлетворено было: въ январѣ 1782 года Медицинская Коллегія, на основаніи *Плана о рангахъ медицинскихъ чиновъ, 28-го февраля 1762 года*, произвела его въ рангъ штабъ-лѣкаря. Послѣ утвержденія штата Медиц. Коллегіи 15 іюля 1786 года, Гамменъ, уже въ чинѣ надворнаго совѣтника, отказался отъ операторской должности въ госпиталѣ (21-го декабря 1786 года) и черезъ два дня на его мѣсто назначенъ (23 декабря тогоже года) операторомъ лѣкарь Спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя (въ послѣдствіи профессоръ хирургіи)

ихъ госпиталяхъ), и особливо отъ лекціонныхъ докторовъ и оператора, о чемъ для вѣдома и посланы указы къ доктору Григорію Соболевскому и оператору Юрію Гаммену.

Впрочемъ Гамменъ въ этомъ дѣлѣ не чистосердечно отзывался о званіи штабъ-лѣкаря, противопоставляя его своему операторству. Оскорблялся онъ тѣмъ, что младшій службою сталъ выше его, а не тѣмъ собственно, что штабъ-лѣкарское званіе стоитъ выше операторскаго, и доказательствомъ служила уступка его Хемницеру. Штабъ-лѣкарское званіе всегда цѣнилось выше операторскаго, потому что оно было чиномъ, а операторство—должностью; оно приносило увеличеніе жалованья и высшій штатъ должностей, а операторство опредѣляло родъ службы, безъ опредѣленныхъ привилегій и даже безъ увеличенія лѣкарскаго жалованья. И самъ Гамменъ въ послѣдствіи очень добивался штабъ-лѣкарскаго званія и радъ былъ полученію его. Двадцать лѣтъ спустя, даже адъюнкты вновь учрежденныхъ медико-хирургическихъ академій съ удовольствіемъ принимали производство ихъ въ штабъ-лѣкари (какъ напр. П. А. Загорскій, П. Ѳ. Бушъ, оба Смѣловскіе, Поповъ и др.).

Упоминаемый здѣсь штабъ-лѣкарь Спб. адмиралтейскаго госпиталя Михайло Геблеръ, желая можетъ бѣть избѣгнуть непріятностей, послѣ какъ Гамменъ сдѣлался членомъ Коллегіи, началъ искать другаго мѣста и по высочайшему повелѣнію, объявленному генералъ-прокуроромъ княземъ А. А. Вяземскимъ (16-го сентября 1780), переведенъ въ Спб. городскую больницу. На его мѣсто опредѣленъ состоявшій при св. сунодѣ штабъ-лѣкарь колл. асс. Johann Fuchs, но на операторскую ваканцію, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ исправлять штабъ-лѣкарскую должность за П. Хемницера, который былъ уже очень старъ и слабъ, между тѣмъ какъ числившійся при госпиталѣ штабъ-лѣкарь Гриневскій состоялъ при Мед. Коллегіи. На мѣсто Фукса къ суноду опредѣленъ отставной лѣкарь колл. ассесоръ Іоганнъ Ладетъ (октября 1780), а по смерти его (умеръ 30 января 1782) лѣкарь партикулярной петербургской верфи Фикъ, котораго требовалъ себѣ самъ сунодъ (февраль 1782).

Яковъ Осиповичъ Саполовичъ, съ жалов. по 320 р. въ годъ. Однакоже Ю. Д. Гамменъ гораздо болѣе славился хирургическою, чѣмъ акушерскою практикою.

Средствъ, данныхъ сенатомъ по ходатайству П. З. Кондоиди на учрежденіе и содержаніе акушерскихъ школъ, было очевидно недостаточно, еслибъ даже и явилось желаніе улучшить эти школы. Уже одно то, что преподаваніе акушерства должно было происходить въ квартирѣ частнаго человѣка, составляло важное препятствіе къ развитію ихъ. Кромѣ того, Кондоиди съ большимъ трудомъ нашелъ преподавателей акушерства; но эти преподаватели могли выбыть, могли оказаться нерадивыми или неспособными къ своему дѣлу, а замѣнить ихъ было некѣмъ и стало-быть вся участь школъ въ будущемъ поневолѣ предоставлялась случаю, всегда очень ненадежному.

Кондоиди скорбѣлъ о неудачѣ разумной мѣры, предложенной имъ для организаціи акушерскихъ школъ и умеръ безъ увѣренности въ осуществимости ея. Но, къ счастію, мысль его не погибла вмѣстѣ съ его смертью; она осуществилась, хотя и не въ той формѣ, какую онъ предполагалъ. Сознаніе необходимости акушерскихъ школъ и дѣльнаго преподаванія акушерства хотя медленно, но все-таки прояснялось въ общественномъ мнѣніи. Образованныя русскія женщины начали понимать опасность своего положенія отъ недостатка ученыхъ акушеровъ и княгиня Екатерина Дмитріевна Голицына, урожденная княжна Кантемиръ, явилась истолковательницею пробудившагося общественнаго сознанія. Духовнымъ завѣщаніемъ своимъ (1769) она назначила капиталъ, на проценты съ котораго чрезъ каждыя шесть лѣтъ должны были быть отправляемы трое изъ природныхъ русскихъ въ Страсбургскій университетъ (славившійся въ ту пору лучшимъ преподаваніемъ акушерства) для обученія медицинскимъ наукамъ и въ особенности акушерству. На эти деньги получили образованіе доктора Н. М. Максимовичъ-Амбодикъ, А. М. Шумлянскій и нѣкоторые другіе, бывшіе въ послѣдствіи преподавателями акушерства въ русскихъ школахъ.

Такимъ образомъ положено было первое начало правильнаго развитія этой отрасли медицинскихъ наукъ на русской почвѣ. Съ этого времени по крайней мѣрѣ замѣщеніе акушерскихъ каѳедръ въ русскихъ школахъ должно было считаться обезпечен-

нымъ, хотя самыя школы оставались въ прежнемъ положеніи. Такъ прошло еще около десяти лѣтъ. Съ учрежденіемъ воспитательныхъ домовъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, акушерскія школы причислены къ ихъ вѣдомству, частію для того, что эти учрежденія нуждались по временамъ въ повивальныхъ бабкахъ, а частію и для того, чтобы теоретическое ученіе этихъ послѣднихъ хоть сколько нибудь дополнить наглядными практическими занятіями.

Но тутъ-то и обнаружилось, какъ нуждаются акушерскія школы въ предметахъ самой первой необходимости и какъ мало достигаютъ онѣ предназначенной цѣли. Люди, имѣвшіе случай близко познакомиться съ ними, приходили къ убѣжденію, что безъ кореннаго преобразованія отъ нихъ невозможно ожидать пользы. Гдѣ же было взять средства къ преобразованію ихъ?

Этотъ вопросъ разрѣшенъ былъ самымъ неожиданнымъ и необыкновеннымъ образомъ—безъименнымъ письмомъ, адресованнымъ въ Спб. Опекунскій Совѣтъ отъ неизвѣстнаго лица, предлагавшаго неограниченный кредитъ на преобразованіе и улучшеніе акушерскихъ школъ. Чтобъ познакомить товарищей нашихъ съ этимъ событіемъ, представляемъ здѣсь буквальное изложеніе его, печатно опубликованное въ *Извѣстіяхъ Императорскаго Воспитательнаго Дома за 1784 годъ.*

«Сей (Императорскій Воспитательный) домъ, почитая должностію своею не умолчать о благодѣяніяхъ, приносящихъ честь человѣчеству, не можетъ преминуть, чтобы не представить къ извѣщенію въ печати тѣхъ дѣлъ, которыя достойны вниманія общества, тѣмъ паче, что оныя произведены истинною добродѣтелію, прямо къ пользѣ его, какъ то удобно усмотрѣть изъ слѣдующаго письма, вошедшаго въ Совѣтъ еще въ іюнѣ 1781 года:

«*Императорскаго Воспитательнаго Дома въ почтенный С.-Петербургскій Опекунскій Совѣтъ*

отъ неизвѣстнаго.

Милостивые государи мои!

«Примѣръ великихъ монарховъ возвышаетъ души. Свѣтъ мудрости милосердой, сіяющій нынѣ на россійскомъ престолѣ, повсюду человѣколюбіемъ воспламеняетъ сердца подданныхъ. Гдѣ и когда было столько произведеній полезныхъ человѣчеству, какъ подъ державою Екатерины Второй. Единое учрежденіе Воспитательнаго Дома, сія черта безсмертной картины

ея благотвореній народу, представляя человѣколюбію пространное поле, была бы достаточна царствованіе государя украсить славою. Въ сіе заведеніе отвсюда открыты двери всякому, кто восхищенный зиждительнымъ духомъ безпримѣрныя монархини, имѣетъ средства, подражая по силѣ своей ея намѣреніямъ, быть полезенъ отечеству. Почему и я, усердно желая сочувствовать въ приносимыхъ онымъ пользахъ, къ вамъ, Мм. Гг. мои, яко попечительнымъ хранителямъ залоговъ монаршаго милосердія, обращаюся съ представленіемъ новаго способа служить отечеству. А именно: основаніе вѣчнаго заведенія училища искуству повивальныхъ бабокъ и акушерству. При какомъ мѣстѣ оное удобнѣе учредить, какъ не при вашихъ родильныхъ госпиталяхъ, уже издавна приносящихъ пользу обществу съ удовольствіемъ, гдѣ преподаваемая теорія можетъ много практикою утверждаться и надежно производить искуство толь спасительное роду человѣческому? Почему покорно прошу васъ меня увѣдомить, сколько потребно для сего заведенія, во-первыхъ на покупку одиножды книгъ, инструментовъ, восковыхъ куколъ и прочаго касающагося до совершеннаго обученія; во-вторыхъ ежегодно на заплату искуснымъ людямъ за обученіе питомицъ числомъ сколько надлежитъ, какъ въ теоріи, такъ и практикѣ повивальнаго искуства и акушерства, съ другими къ тому принадлежащими частьми врачеванія родильницъ и новорожденныхъ и на прочее, что еще для усовершенствованія сего училища потребно будетъ. По доставленному отъ васъ мнѣ счисленію я не премину немедленно какъ заплатить за все единождыкупленное, такъ и положить капиталъ для ежегоднаго на вѣки содержанія.

«Ваше человѣколюбіе, Мм. Гг. мои, удобно можетъ вообразить, сколь сей предметъ важенъ; сколько отъ недостатка искусныхъ бабокъ и операторовъ, или лучше сказать, судя по весьма малому ихъ числу въ сравненіи съ обширностію нашего отечества, совсѣмъ за неимѣніемъ оныхъ погибало несчастныхъ матерей и младенцовъ, раждающихся быть нашими согражданами. Я удостовѣренъ, что вы, по расположенію вашихъ сердецъ, долженствующихъ по вашему священному и самоизвольно принятому долгу любить добродѣтель, употребите всевозможное стараніе привесть сіе заведеніе въ цвѣтущее состояніе, содержать его вѣчно въ равномъ и нерушимомъ совершенствѣ и сколько можно распространить, зная то, какую честь вамъ приносить можетъ человѣкоспасительное искуство людей, подъ вашимъ руководствомъ устроенныхъ толь полезными для общества, которое, видя отъ нихъ жизнетворные плоды, конечно за ваши попеченія вамъ останется благодарнымъ. Сіе будетъ новая для

васъ и вашихъ преемниковъ слава, отъ благотворенія проистекающая. Я же для себя наградою оставляю единую утѣшительную мысль, что могу учрежденіемъ на моемъ иждивеніи сего заведенія соучаствовать съ вами въ принесеніи существенной пользы обществу, пребывая на всегда съ почтеніемъ вамъ,

Мм. Гг. мои,

усерднымъ слугою.

Неизвѣстный.

Іюня числа
1781 года.

«На сіе, къ величайшему удовольствію Опекунскаго Совѣта такимъ добродѣтельнымъ намѣреніемъ наполненное письмо не было такъ долго [1]) отвѣтствовано по той причинѣ, что сверхъ исчисленія всего, что потребно на единовременную дачу для основанія училища и на ежегодное на всегда содержаніе онаго, еще надлежало имѣть переписку въ разныя иностранныя мѣста для доставленія сюда многихъ для того необходимо нужныхъ машинъ и другихъ вещей. По исполненіи чего писано къ помянутому неизвѣстному благодѣтелю слѣдующее:

«*Отъ Спб. Опекунскаго Совѣта.*

«Почтеннѣйшій другъ человѣчества!

«Подражаніе ваше благотворенію великой нашей монархини достойно сего вѣка, который украшается ея драгоцѣнною и утѣшительною роду человѣческому властію и который въ память наипозднѣйшихъ потомковъ вѣчно пребудетъ живъ ея безсмертными дѣлами, учинившими Россію вмѣстилищемъ всѣхъ благъ, каковыя разумъ человѣческій едва постигнуть можетъ. Съ нашей стороны все будетъ слабо къ изъясненію благодарности за такое ваше благотвореніе, которое столь полезно для цѣлаго общества и чему ваше заведеніе пребудетъ вѣчнымъ источникомъ. Въ нашихъ глазахъ живо воображаются обрадованныя своимъ и чадъ своихъ спасеніемъ матери, простирающія на небо руки за избавленіе ихъ искуствомъ, вашею добродѣтелію посѣяннымъ. Ихъ утѣшительныя восклицанія, сопровождаемыя гласомъ хвалы всего общества, вотъ вамъ достойнѣйшее благодареніе. Удостовѣреніе себя, таковаго добродѣтельнаго сердца, каково ваше, въ томъ, что Опекунскаго Совѣта стараніе о семъ заведеніи будетъ во всемъ

---

[1]) Болѣе трехъ лѣтъ!

соотвѣтствовать вашему желанію и существенной пользѣ общества, дѣлаетъ намъ и нашимъ преемникамъ величайшую честь. И кто изъ насъ или изъ нихъ, будучи удостоенъ вашего толь почтеннаго мнѣнія, возможетъ такъ быть духомъ малъ или развратенъ сердцемъ, чтобы не употребить всѣхъ силъ своихъ къ возведенію на высочайшую степень наиполезнѣйшаго человѣчеству искуства? Мы обнародованіемъ сего происшествія въ печати утвердимъ предъ очами цѣлаго общества нашъ обѣтъ о приведеніи заключающагося въ семъ заведеніи залога вашей любви къ отечеству въ цвѣтущее состояніе, о содержаніи его вѣчно въ равномъ и нерушимомъ совершенствѣ и о распространеніи сколько возможно онаго. Симъ должнымъ отвѣтомъ мы по той причинѣ такъ долгое время умедлили, что надлежало писать въ чужіе краи, дабы узнать цѣну вещей, потребныхъ для покупки единожды въ пользу сего училища, изъ коихъ многія уже и получены, и пріискать искуснаго профессора для порядочнаго обученія питомицъ. По совершенномъ окончаніи сего, при семъ препровождаемъ всему подробную роспись съ исчисленіемъ денегъ. Впрочемъ пребудемъ навсегда съ должнымъ вашимъ отмѣннымъ добродѣтелямъ почтеніемъ, вамъ,

М. Г.,

покорнѣйшіе слуги.»

Августа 9 дня
1784 года.

РОСПИСАНІЕ,

СКОЛЬКО ЧЕГО ПОТРЕБНО ДЛЯ ЗАВЕДЕНІЯ УЧИЛИЩА ПОВИВАЛЬНАГО ИСКУССТВА И АКУШЕРСТВА.

Единожды на всегда:

На постройку амфитеатра, на выкрашеніе онаго, на сдѣланіе большаго стола, которой бы вкругъ вертѣлся, на чашки оловянныя, тазы и доски анатомическія . .	115	руб.
Книги съ эстампами и прочимъ что къ тому потребно . .	200	»
На машины и стулья	400	»

За выписанныя изъ чужихъ краевъ вещи для обученія съ провозомъ досюда:

изъ Страсбурга:

Всѣ полезнѣйшіе славными акушерами изобрѣтенные акушерскіе инструменты и фантомы	500	»

изъ Вѣны:

Фантомъ, въ коемъ матка на пружинахъ сдѣлана . . .	400 руб.
изъ Франціи:	
Изъ воска нуссированныя до 60 куколъ, представляющія разные случаи тяжелыхъ родовъ и причины препятствующія благополучному разрѣшенію	3500 »
изъ Болоніи:	
Восковая кукла, изображающая анатомическія части . .	1000 »
Итого .	6115 руб.

Ежегодные расходы:

Профессору на жалованье и квартиру	1500 руб.
Повторителю читанныхъ профессоромъ лекцій. . . .	200 »
На ежегодное содержаніе выписанныхъ однажды навсегда купленныхъ вещей и на прочее.	100 »
Итого .	1800 руб.
По сему исчисленію, для полученія ежегодно процентами 1800 руб., потребно капитала	30000 руб.
да на покупку единожды	6115 »
а всего .	36115 руб.

«Все подлежащее отъ Неизвѣстнаго Благотворителя получено того же 1784 года октября 29 числа при пакетѣ, на которомъ надписано: «оный не прежде распечатать, какъ по прошествіи отъ вышеписаннаго числа десяти лѣтъ.» Каковая почтенная воля будетъ во всей точности исполнена. Помянутое же его толь полезное для общества учрежденіе уже начало свое съ успѣхомъ воспріяло.»

Чрезъ это неожиданное пожертвованіе неизвѣстнаго благотворителя петербургская акушерская школа преобразована была въ Училище акушерства для повивальныхъ бабокъ или Повивальный Институтъ при Воспитательномъ Домѣ (существующій и донынѣ) и первымъ директоромъ его назначенъ лѣкарь и операторъ австрійской службы Іосифъ Моренгеймъ (принятый въ русскую службу по именному указу Екатерины II отъ 1-го сентября 1783 года, съ чиномъ надворнаго совѣтника и съ званіемъ профессора акушерства при Калинкинскомъ Хирургическомъ Институтѣ,

еще за два мѣсяца до учрежденія самаго института), между тѣмъ какъ профессоромъ акушерства оставался по прежнему Н. М. Максимовичъ-Амбодикъ.

Опекунскій Совѣтъ, увѣдомивъ Медицинскую Коллегію (28 іюля 1785 года) объ этомъ новомъ учрежденіи, просилъ ее допускать воспитанницъ института къ экзаменамъ своимъ, при опредѣленіи на службу, наровнѣ съ другими повивальными бабками, являющимися въ Коллегію для экзамена. Это постановленіе—получать аттестатъ о выдержаніи экзамена не изъ того заведенія, гдѣ повивальная бабка училась—существуетъ въ Повивальномъ Институтѣ Спб. Воспитательнаго Дома и до настоящаго времени: воспитанницы его, выдержавъ въ немъ окончательный экзаменъ, получаютъ дипломы на свое званіе не отъ Института, а отъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, по сношенію институтскаго начальства съ конференціею академіи.

Что же касается до имени «неизвѣстнаго благотворителя», то оно никогда не было обнародовано; но современники описанныхъ здѣсь событій не безъ основанія полагали, что въ запечатанномъ пакетѣ не было никакого имени, а пожертвованіе сдѣлано самою императрицею Екатериною или по ея порученію чрезъ И. И. Бецкаго. Можно предполагать даже, что Опекунскій Совѣтъ зналъ о происхожденіи пожертвованія, но не долженъ былъ ни въ чемъ этого выказывать.

Московская акушерская школа преобразована была также въ Повивальный институтъ, но гораздо позднѣе петербургской (въ 1801 году), и этотъ институтъ существуетъ при тамошнемъ Воспитательномъ Домѣ до настоящаго времени.

V.

ГОСПИТАЛЬНЫЙ СПОРЪ

въ 1757 году.

Учрежденіе большихъ госпиталей имѣетъ тѣсную связь съ развитіемъ страны, потому что съ одной стороны выражаетъ потребности, сознаніе которыхъ проявляется не вездѣ въ одно время, а съ другой указываетъ возможность удовлетворенія этихъ потребностей, какъ признакъ извѣстнаго благосостоянія государства. Къ сожалѣнію, въ нашемъ отечествѣ исторія большихъ госпиталей никогда еще не была разработываема, хотя весьма многіе изъ нихъ существуютъ уже около 150 лѣтъ. Одно только извѣстно, что почти всѣ наши госпитали съ самаго начала имѣли характеръ военныхъ учрежденій (за исключеніемъ однакоже самаго перваго—Московскаго, по особымъ обстоятельствамъ, первоначально бывшаго гражданскимъ и только впослѣдствіи сдѣлавшагося военнымъ), между тѣмъ какъ большія гражданскія больницы явились гораздо позже. Этотъ хронологическій фактъ объясняется впрочемъ тѣмъ, что и вся исторія нашего отечества шла тѣмъ-же путемъ: усилія военнаго развитія всегда у насъ предшествовали ходу гражданскаго преуспѣянія.

Мысль объ учрежденіи большаго военнаго госпиталя въ С. Петербургѣ относится къ первымъ годамъ прошлаго столѣтія, слѣдовательно почти современна основанію этого города. Но она не могла быть приведена въ исполненіе частію потому, что новостроившійся городъ поглощалъ все вниманіе Петра Великаго и не позволялъ ему заниматься частностями, когда матеріальныя

средства его были небезграничны, а частію и потому, что въ началѣ стоявшіе тамъ полки довольствовались собственными своими маленькими лазаретами. Даже и въ то время, когда явилась мысль учредить центральный военный госпиталь, онъ могъ быть устроенъ только въ видѣ лазарета, въ пустой казармѣ, которая прежде занята была солдатами, а потомъ оставлена ими. Казарма эта была на Выборгской сторонѣ, а позади нея находилась другая казарма, въ которой помѣщались казаки. Кажется даже, что подобныхъ казармъ было нѣсколько, въ особенности на Петербургской сторонѣ. Первоначальное устройство этого госпиталя поручено было въ 1710 году стряпчему съ ключемъ Панкратію Богдановичу Сумарокову, сносившемуся по этому предмету съ только-что учрежденнымъ тогда Прав. Сенатомъ, и первымъ докторомъ въ немъ былъ, по избранію самого царя, Антоній Севасто, жившій въ самомъ госпиталѣ. Все это видно изъ слѣдующихъ оффиціальныхъ документовъ, относящихся къ учрежденію перваго С.-Петербургскаго госпиталя.

1. 1710 августа 2, по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержца, *стряпчему съ ключемъ Панкратію Богдановичу Сумарокову*.

Велѣно тебѣ быть для надсмотру и призрѣнія разныхъ полковъ у больныхъ солдатъ, которые были въ вѣдѣніи у подполковника Островскаго; оныхъ больныхъ солдатъ, также которымъ быть для зрѣнія и караула, взять у него именной списокъ и по списку пересмотрѣть и чинить по ниже писаннымъ пунктамъ:

1.

Какъ оные больные солдаты у подполковника Островскаго приняты будутъ, и тебѣ при тѣхъ больныхъ солдатѣхъ быть всегда самому неотлучно; да у тѣхъ же больныхъ солдатъ велѣно быть съ тобою для осмотру и лѣченія лѣкарю и велѣть ему лѣкарю при себѣ у тѣхъ солдатъ болѣзни ихъ осмотрѣть, и кто какими болѣзнями не могутъ оному лѣкарю лѣчить и по вся дни пластыри у нихъ перемѣнить со всякимъ прилежнымъ радѣтельствомъ неоплошно за досмотромъ твоимъ.

2.

А провіантъ и деньги на оныхъ больныхъ солдатъ принимать тебѣ по указу и приказать ихъ кормить, чтобъ у нихъ все было ѣсть варенное горячее безъ перемежку, а другихъ и соленыхъ ядей, которыя имъ не въ пользу будетъ, не давать и отъ того велѣть беречь, также и квасы бъ

были у нихъ для питья въ довольство и того осмотрѣть прилежножъ, а какая имъ въ провіантѣ будетъ нужда о томъ доносить.

3.

Въ казармахъ, гдѣ тѣ больные солдаты будутъ лежать, осматривать и очищать, чтобы всегда было чисто, а на нихъ солдатахъ черныя рубашки велѣть перемѣнять и перемывать, чтобъ были бѣлыя.

4.

А для нужниковъ велѣть выкопать ямы отъ тѣхъ казармъ въ пристойныхъ мѣстахъ одаль, и тѣ нужники огородить и подѣлать стольчаги.

5.

А для священныхъ потребъ у нихъ солдатъ велѣно съ тобою быть священнику, и которые изъ оныхъ солдатъ гораздо будутъ больны велѣть исповѣдываться, чтобъ безъ покаянія не померли.

6.

А ежели изъ нихъ солдатъ по волѣ Божіей кто умретъ, отправя надъ ними погребеніе, священнику велѣть тебѣ ихъ хоронить безъ замедленія въ полѣ, изобравъ мѣсто удобное отъ тѣхъ казармъ съ полверсты, и у того мѣста по ночамъ ставить караулъ, чтобъ звѣри тѣлъ ихъ не вырыли.

7.

А сверхъ сихъ вышеописанныхъ пунктовъ будучи тебѣ у оныхъ больныхъ солдатъ въ томъ надсмотрѣ и призрѣніи къ лучшему показать свое радѣніе со всякимъ усердіемъ, за что ожидать его государевой милости.

8.

А ежелибъ у оныхъ солдатъ будучи по вышеписаннымъ пунктамъ станешь ты чинить въ надсмотрѣ своемъ нерадѣніе и то взыскано будетъ на тебѣ подъ опасеніемъ его государева жестокаго штрафу. Подписалъ Денисъ Билсъ.

II. 1711 ноября дня, по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержца, *Панкратію Богдановичу Сумарокову*.

По его вел. госуд. указу и по приказу свѣтлѣйшаго римскаго и россійскаго государствъ князя и герцога ижорскаго, Е. Ц. В. верховнаго дѣйств. тайнаго совѣтника и надъ войски командующаго генералъ-фельдмаршала и губернатора губерніи С. Петербургской, кавалера св. Апостола Андрея, и Слона, Бѣлаго и Чернаго Орловъ, и подполковника Преображенскаго лейбъ-гвардіи и полковника надъ тремя полками, Александра Даниловича Менщикова, велѣно тебѣ въ С. Питербурхѣ призирать надъ больными

солдаты, а паче какою они нуждою одержимы исправлять по возможности и довольствовать тѣхъ солдатъ пищею, и того ради взять поваренной посуды, котловъ, горшковъ и ставцовъ и ложекъ деревянныхъ изъ Адмиралтейства и учредить для приготовленія имъ на пищу поваровъ на каждые 10 человѣкъ одного человѣка, которой бы могъ ихъ покоить, также и казармы осмотрѣть и вычистить, а гдѣ попортилось починить и сдѣлать окончины изъ тонкого холсту и прикрыть масломъ или инымъ чѣмъ пристойно, въ тѣхъ же казармахъ печи и трубы починить немедленно, и всякому солдату сдѣлать постели изъ холсту соломенныя, а въ тѣхъ казармахъ къ тѣмъ дѣлѣмъ поваровъ и хлѣбниковъ и столяровъ требовать у г. генерала-лейтенанта Бріа, а каменщиковъ отъ г. оберъ-комисара Синявина, а на покупку тѣхъ припасовъ взять у Спб. инспектора г. Гурьева денегъ 300 рублевъ, а о дачѣ тѣхъ денегъ указъ къ нему посланъ, и какъ тѣ деньги въ расходѣ и въ какія дачи будутъ подать въ канцелярію земскихъ дѣлъ вѣдѣніе за своею рукою. Подписалъ: Ландрихтеръ Корсаковъ.

III. ***Указъ стряпчему съ ключемъ Панкратію Богдановичу Сумарокову.***

Въ нынѣшнемъ 1716 году іюня въ 11 день, по его вел. гос. указу и по приказу Прав. Сената и по доношенію твоему, велѣно въ лазаретъ больныхъ и раненыхъ принимать тебѣ, а именно армейскихъ полковъ драгунъ, солдатъ и рекрутъ, изъ гарнизоновъ присланныхъ зачѣмъ ни есть въ Санктъ-Питербурхъ солдатъ-же, по присланнымъ указамъ изъ канцеляріи Сената и изъ военной канцеляріи, а лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго, Ингерманландскаго и Астраханскаго полковъ солдатъ по присланнымъ указамъ отъ командировъ тѣхъ полковъ, а гарнизонныхъ солдатъ Спб. губерніи по присланнымъ указамъ отъ свѣтлѣйшаго князя г. Меньшикова, а не въ бытности его по указамъ той губерніи отъ командировъ, и которые нынѣ есть въ лазаретахъ налицо и впредь присланы будутъ, какъ лейбъ-гвардіи, такъ и армейскихъ всѣхъ и гарнизонныхъ драгунъ, солдатъ и рекрутъ довольствовать пищею и на лѣкарство виномъ, уксусомъ, постели, дрова и прочимъ, какъ прежъ сего у тебя держано было, присланными деньгами изъ канцеляріи Сената, которыя положены съ епархій съ вѣнечныхъ памятей и дьяковъ, также и которыя будутъ къ тебѣ въ присылкѣ изъ церквей С. Петербургскихъ. А буде къ тебѣ особо деньги или какая пища на лейбъ-гвардію или на иные какіе полки именно присланы будутъ изъ кабинета Цар. Велич. или отъ другихъ командъ, и тѣми деньгами и пищею тѣхъ и довольствовать, на которыхъ будетъ въ

присылкѣ. А что у тебя присланныхъ изъ кабинета цар. вел., изъ канцеляріи Сената и другихъ какихъ мѣстъ денегъ или какая пища будетъ въ приходѣ и расходѣ, о томъ тебѣ велѣть записывать въ книгу подлинно и съ тѣхъ книгъ вѣдомости за своею рукою подать въ канцелярію Сената помѣсячно, а которые изъ тѣхъ драгунъ и солдатъ выздоровятъ и осмотря и о предѣленіи ихъ доносить противъ вышеписаннаго жъ въ военной канцеляріи, а лейбъ-гвардіи и Спб. губерніи командирамъ, и для того дать тебѣ въ помочь комисара изъ дворянъ, да для письма подъячаго, и о томъ въ Спб. губернію и въ военную канцелярію для вѣдома указы посланы.

Подписалъ Тихонъ Стрѣшневъ. Дьякъ Иванъ Молчановъ. Справилъ Дмитрій Окуньковъ. 1716 іюня въ 13.

IV. *Наказъ стряпчему съ ключемъ Панкратію Богдановичу Сумарокову.*

1.

Вѣдать ему Спб. губерніи всѣхъ гарнизонныхъ больныхъ солдатъ надзираніемъ, пропитаніемъ и всякимъ содержаніемъ.

2.

Опредѣлить на тѣхъ солдатъ половину лазарета, которой на малой Невѣ, а другую половину того лазарета оставить въ диспозицію военнаго коммисаріата.

3.

На содержаніе того лазарета имать отъ Спб. коммисаріата денежное жалованье тѣхъ больныхъ солдатъ, которые въ лазаретъ будутъ присылаться, за вычетомъ на мундиръ и на медикаменты, также которые сверхъ того и экстраординарные присылаться будутъ, и тѣмъ деньгамъ какъ приходъ, такъ и расходъ держать порядочно съ запискою. А по окончаніи года приходныя и расходныя книги для щету подавать въ Спб. губернскую канцелярію.

Подписалъ: Александръ Менщиковъ.

Данъ въ Спб. мая 26 дня 1716 года.

V. *Указъ стряпчему съ ключемъ Панкратію Богдановичу Сумарокову.*

Сего декабря въ 3 день, по указу вел. государя, по доношенію твоему, Правит. Сенатъ приказалъ въ лазаретѣ у письма всякихъ дѣлъ быть вмѣсто подъячихъ и писарей Якову Кузнецову, и Е. В. Государя денежное и хлѣбное жалованье давать ему противъ армейскаго солдата: въ годъ денегъ 10 рублей 18 алтынъ 4 деньги; провіанта: муки по полосминѣ, крупъ по осьмой долѣ четверика, соли по два фунта въ мѣсяцъ. Деньги изъ дохо-

довъ, которые бываютъ у тебя, а хлѣбъ изъ провіантской канцеляріи, соль изъ ратуши помѣсячно. И о томъ въ провіантскую канцелярію и въ ратушу е. ц. в. указы посланы.

Подписалъ: Михайло Самаринъ. Свидѣтельствовалъ дьякъ Семенъ Ивановъ. Справилъ Петръ Елесовъ. Декабря 11 дня 1716 году.

VI. *Указъ ему же.*

Прошедшаго марта мѣсяца 28 дня въ канцелярію Сената въ доношеніи твоемъ написано: повелѣно тебѣ вѣдать при Спб. въ госпитали больныхъ разныхъ полковъ солдатъ надзираніемъ и всякимъ довольствомъ по указу, а для посылокъ всякихъ государевыхъ дѣлъ и караулу денежной казны, которая на гошпитальныя расходы, о солдатѣхъ къ тебѣ указу не прислано. И дабы повелѣно было о помянутыхъ солдатѣхъ указъ учинить.

И сего апрѣля въ 5 день, по его вел. гос. указу, Прав. Сенатъ приказали у тебя въ лазаретѣ для караулу и охраненія вел. госуд. денежныя казны быть тремъ человѣкамъ солдатамъ, да ефрейтору, а для посылокъ всякихъ государевыхъ дѣлъ брать тебѣ четырехъ человѣкъ солдатъ же изъ лазарета, которые отъ болѣзней будутъ свободны, погодно.

Подписалъ: Графъ Петръ Апраксинъ. Съ приговоромъ свидѣтельствовалъ дьякъ Иванъ Молчановъ. Справилъ Петръ Елесовъ. 1718 году апрѣля въ 8 день.

VII. *Указъ ему же.*

Въ нынѣшнемъ 1718 году апрѣля 5 числа, въ канцелярію Сената въ доношеніи доктора Антонія Севастія написано: по его царск. вел. указу велѣно ему быть при С. Петербурхѣ въ госпитали для надзиранія и лѣченія у больныхъ и раненыхъ солдатъ, также и для осмотру всѣхъ офицеровъ и солдатъ же къ отставкѣ, и непрестанно бываютъ по нево по указамъ присылки на семъ, и на другіе островы и гошпитали не въ одномъ мѣстѣ, которые ему смотрѣть повелѣно, и на Малой Невѣ, и въ Питербурхской и въ Гранадерской слободахъ больные солдаты и къ лѣкаремъ въ лѣченія отъ него людей посылать надобно, и лѣтнимъ путемъ на другіе островы, гдѣ ему по указу царск. велич. смотрѣть повелятъ, въ гребцахъ нужду имѣетъ. И дабы повелѣно было ему дать отъ лазарету или откуда надлежитъ солдатъ для посылокъ трехъ и ради лѣтняго пути гребцовъ четырехъ человѣкъ и о томъ бы указъ учинить.

И тогоже апрѣля въ 10 день, по его Вел. Госуд. указу, Правит. Сенатъ приказали оному доктору для посылокъ трехъ, да для лѣтняго времени въ гребцы четырехъ человѣкъ дать изъ солдатъ, которые обрѣ-

таются въ лазаретахъ. И стряпчему съ ключемъ Панкратію Богдановичу Сумарокову учинить о томъ по сему его Вел. Госуд. указу.

Подписалъ: Графъ Петръ Апраксинъ. Свидѣтельствовалъ дьякъ Семенъ Ивановъ. Справилъ Петръ Елесовъ. 1718 году апрѣля въ 10 день.

Медицинскими дѣлами въ государствѣ при вступленіи Петра Великаго на престолъ завѣдывалъ *Ближній Государевъ Аптекарскій Приказъ* въ Москвѣ, съ присоединенною къ нему *Нижнею Новою Аптекою*, учрежденный, кажется, при Борисѣ Годуновѣ. 25 февраля 1697 года, указомъ трехъ соправительствовавшихъ самодержцевъ, назначенъ къ управленію имъ бояринъ князь Яковъ Никитичъ Одоевскій, и это былъ послѣдній бояринъ, завѣдывавшій Аптекарскимъ Приказомъ. Указомъ Петра Великаго 17 февраля 1714 года, скрѣпленнымъ царскимъ архіятеромъ Робертомъ Эрскиномъ (Robert Areskin), Аптекарскій Приказъ переименованъ въ *Канцелярію Главнѣйшей Аптеки*, а подъячимъ его приказано называться канцеляристами. Слѣдовательно съ этого времени должно считать замѣну боярина въ управленіи медицинской части государства врачемъ, хотя Эрскинъ утвержденъ архіятеромъ въ полномъ смыслѣ этого слова и президентомъ *Канцеляріи царской надворной всего медицинскаго факультета въ Имперіи* только указомъ 9 сентября 1716 года въ Гданскѣ (въ Данцигѣ), а съ другой стороны нижняя аптека подчинена была ему еще въ 1700 году. По указу 31 августа 1721 года учреждена была *Медицинская Коллегія*, которой подчинены были всѣ госпитали и аптеки въ имперіи; только коллегія эта состояла изъ одного лица—составившаго утвержденный Петромъ I проэктъ ея—царскаго лейбъ-медика, а съ 1722 года архіятера и президента мед. кол. Іоганна Деодата (Ивана Лаврентьевича) Блюментроста, что подало поводъ къ недоразумѣніямъ и даже насмѣшкамъ. Такъ напр. знаменитый профессоръ и главный докторъ Московскаго госпиталя Николай Бидлоо никакъ не хотѣлъ подчиниться коллегіисостоящей изъ одного лица, увѣряя, что никогда и нигдѣ не видано и не слыхано, чтобы одно лицо могло составить коллегію. Въ 1725 году эта коллегія переименована *Медицинскою Канцеляріею*, оставаясь подъ управленіемъ того же И. Л. Блюментроста и въ главномъ вѣдѣніи Прав. Сената. Но со вступленіемъ на престолъ императрицы

Анны Ивановны, архіятеръ Блюментростъ впалъ въ немилость, обвиненъ въ злоупотребленіяхъ и отставленъ отъ службы безъ пенсіи (указомъ 14 сентября 1730 года), должность архіятера уничтожена (не надолго), а вмѣсто нея составлена новая медиц. коллегія или *Докторское собраніе* изъ пяти докторовъ (Бидлоо, Шоберта, фанъ-деръ-Гульста, Ант. Севасто и А. Тейльса), которые обязаны были разъ въ недѣлю собираться въ Мед. Канцелярію «и все въ верхней аптекѣ и надлежащія дѣла основательно разсматривать и по обыкновенію коллежскому учреждать и во всемъ такъ поступать, какъ-бы они предъ Ея Величествомъ отвѣтствовать могли.» Такой порядокъ существовалъ однакожъ не долго. Бирону пришла мысль поставить шпіона своего во главѣ медицинскаго управленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ прибрать къ рукамъ довольно значительные доходы Медиц. Канцеляріи, и вслѣдствіе этого именнымъ указомъ 6 января 1732 года возстановлено архіятерство, съ отмѣною докторскаго собранія, и лейбъ-медикъ Христофоръ Ригеръ назначенъ архіятеромъ, съ тѣмъ, какъ сказано въ указѣ, чтобы онъ во всемъ управлялъ Мед. Канцеляріею, какъ управлялъ ею бывшій докторъ Блюментростъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, именнымъ указомъ 13 февраля 1732 года, Мед. Канцелярія взята изъ вѣдомства сената и передана въ вѣдомство Кабинета Ея Величества, подобно соляной конторѣ, съ тѣмъ чтобы въ оную ни откуда повелительныхъ указовъ не посылать и никакихъ рапортовъ не требовать. Въ этомъ вѣдомствѣ оставалась она до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны, когда опять передана была Сенату.

Медиц. Канцелярія существовала до восшествія на престолъ Екатерины II и преобразована именнымъ указомъ 12 ноября 1763 года въ *Государственную Коллегію медицинскаго факультета*, раздѣленную на два департамента, изъ коихъ одинъ назывался *Коллегіею докторскаго и лѣкарскаго искусства*, а другой *Канцеляріею отправляющею всю экономію мед. факультета.* Коллегіи повелѣно быть «въ особливомъ Имп. Величества вѣдѣніи и протекціи.» Въ тотъ же день Госуд. Мед. Коллегіи дана инструкція, въ 10 пунктѣ которой сказано слѣдующее:

«Исторія сей Мед. Коллегіи сбираема изъ всей имперіи будетъ и по разности климатовъ и пространству земель много заключать новаго въ откровеніи натуры для врачеванія рода человѣческаго,

а уповательно, что и лѣкарства изъ произрастеній откроются новыя. Коллегія изъ собранія таковыхъ журналовъ негодное исключа, полезное издавать должна въ печать на латинскомъ языкѣ особливою книгою подъ именемъ: *Записки докторовъ россійскихъ*, которыя хотя для однихъ только докторовъ и физиковъ издаваться будутъ во всю Европу, а матерія оныхъ имъ однимъ вразумительна будетъ, однакожъ экстрактомъ надобно прилагать при томъ и переводъ на россійскій языкъ.»

Но возвратимся къ Петербургскому госпиталю.

Учреждая свою резиденцію въ Петербургѣ, Петръ Великій еще прежде большаго госпиталя приказалъ перевести въ Петербургъ аптеку: въ указѣ его 1710 года, посланномъ изъ походной канцеляріи въ Московскій Губернскій Разрядъ за подписью А. Д. Меншикова, приказано «аптеку вѣдать въ Спб. губерніи, а на аптекарскіе расходы присылать изъ Московской губерніи въ Спб. Канцелярію по вся годы по 50 тысячь рублевъ.» Другимъ указомъ отъ 11 марта 1710 года, онъ приказалъ аптеку вѣдать въ Ижорской губерніи и дворцовое село Измайлово съ приписною Игжельскою волостью «для дѣла алхимической посуды и иныхъ работъ, и всѣми вѣдать въ аптекѣ, а въ Московской губерніи аптеки и села Измайлова и вышеписанныхъ волостей ни чѣмъ не вѣдать, а которые съ тѣхъ волостей положенные доходы напередъ сего иманы во дворецъ, и тѣ доходы имать въ аптеку и посылать въ Московскую губернію.» Указъ этотъ подписанъ также Меншиковымъ и подъ нимъ помѣта Павла Яковлевича Веселовскаго: 1710 апрѣля въ 25 день.

Итакъ съ 1717 года новый Петербургскій госпиталь считался учрежденнымъ и въ немъ происходили пріемъ и лѣченіе больныхъ; но онъ не имѣлъ еще ни названія, ни опредѣленнаго штата. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ нѣтъ въ дѣлахъ Мед. Канцеляріи до 1732 года, когда приступлено къ постройкѣ каменнаго зданія насчетъ коммисаріата подъ надзоромъ генералъ-фельдцейхмейстера графа Миниха. Онъ назывался уже тогда «санктпетербургскимъ госпиталемъ» и въ указѣ изъ Военной Коллегіи на имя Главнаго Коммисаріата отъ 24 и 31 марта 1732 года, предписывалось: «для работы въ с.-петербургской госпиталь къ достройкѣ фундамента и прочей подѣлки командировать мая къ первому числу изъ полевыхъ или гарнизонныхъ полковъ солдатъ

сколько надлежитъ, и при нихъ для присмотру оберъ-и унтеръ-офицеровъ по числу людей, по разсмотрѣнію генерала фельдцейхмейстера и кавалера графа фонъ-Миниха, и пока оные солдаты при той работѣ будутъ, за тѣ дни давать имъ изъ Городовой Канцелеріи заработныя деньги по указу, какъ и прежъ сего давано было.»

Въ указѣ оттуда же, отъ 22 апрѣля предписывалось «для достроенія и показыванія командированнымъ солдатамъ работы и опредѣленія къ тому подмастерьевъ, назначить инженеръ-полковника Трезина, а матеріалы къ тому строенію отпускать надлежащіе изъ Канцеляріи отъ Строеній» [1]).

Указомъ 22 мая предписывалось «имѣющіеся въ ономъ госпиталѣ недостроенные каменныя палаты достроить Канцеляріи отъ Строеній нынѣшнимъ лѣтомъ неотмѣнно изъ положенной на то строеніе суммы, дабы за неимуществомъ покоевъ больные и другіе служители не претерпѣли какой нужды.»

Указомъ 8 сентября предписывалось Канц. отъ Строеній, въ подтвержденіе прежнихъ указовъ, непремѣнно достроить каменныя палаты этимъ лѣтомъ, дабы за неимѣніемъ покоевъ больные и прочіе служители не претерпѣли какой нужды, что взыщется на той Канцеляріи, также и о командированіи для достройки при томъ госпиталѣ фундамента и прочихъ подѣлокъ изъ здѣшней команды изъ полевыхъ или гарнизонныхъ полковъ солдатъ и къ нимъ для присмотру пристойнаго числа оберъ-и унтеръ-офицеровъ, сколько надлежитъ по разсмотрѣнію генерала-фельдмаршала и кавалера графа фонъ-Миниха.»

9 ноября этотъ указъ опять повторенъ.

9 января 1733 утвержденъ штатъ Мед. Канцеляріи, а съ нимъ и штатъ Спб. сухопутнаго госпиталя, названнаго «генеральнымъ сухопутнымъ госпиталемъ.» По этому штату положено содержать въ немъ: 1 доктора, 1 главнаго лѣкаря (въ послѣд-

---

[1]) Канцелярія отъ Строеній соотвѣтствовала нынѣшнему Главному Управленію Публичными зданіями съ частію вѣдомства Инженернаго Департамента, хотя собственно для военныхъ сооруженій существовала особая Канцелярія Главной Артиллеріи и Фортификаціи. Въ 1737 году учреждена въ Спб. Строительная Коммисія, въ которой первыми членами были: Минихъ, Александръ Нарышкинъ, Өедоръ Соймоновъ, Петръ Еропкинъ, Иванъ Унковскій и Андрей Рухъ. Он начала выпрямлять улицы и на Адмиралт. острову сломала дворъ Мед. Канцеляріи, выходившій на Греческую улицу (гдѣ нынѣ Морскія улицы).

ствіи прибавленъ былъ еще, какъ во всѣхъ генерал. госпиталяхъ; 1 младшій докторъ), 5 лѣкарей, 10 подлѣкарей, 20 лѣкарскихъ учениковъ, 1 аптекарскаго гезеля и 1 работника, и всѣмъ этимъ чинамъ положено давать денежное жалованье по окладамъ ихъ изъ суммъ Мед. Канцеляріи, а ученикамъ пищу по регламенту отъ госпиталя, т. е. на счетъ Коммисаріата. Кромѣ того всѣмъ чинамъ предписано дать въ госпиталѣ квартиры, и всѣ эти распоряженія приведены въ исполненіе 28 мая 1733 года.

Военная Коллегія торопила Канцелярію отъ Строеній достроивать госпиталь осенью 1732 года и отъ того многія работы исполнены было кое-какъ. Слѣдствіемъ было то, что весною 1733 года, т. е. въ первый же годъ своего существованія, госпиталь сгорѣлъ, и тогда опять началась переписка о поправкѣ и починкѣ погорѣлыхъ палатъ и строеній. Военная Коллегія присылала указъ за указомъ (7 іюня, 25 іюля, 10 августа, 15 и 20 декабря), но дѣло шло очень медленно. Комиссаріатъ приставилъ смотрѣть за скоростью и тщательностью работъ майора Кобылина, предписавъ ему еженедѣльно рапортовать о нихъ; но это ничему не помогло. Канцелярія отъ Строеній прислала подрядчиковъ производить работы: спб. купеческаго человѣка Григорья Икорникова, крестьянъ капрала лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Петра Голохвастова и майора Василья Сумарокова, изъ Галицкаго уѣзда Никифора Астафьева и Григорья Гаврилова, а комисаріатъ предписывалъ «свидѣтельствовать противъ ихъ договоровъ, вѣрить изъ нихъ кому будетъ можно»? 15 декабря даже Сенатъ вмѣшался въ дѣло объ ускореніи построекъ, но онѣ все-таки не были въ этомъ году кончены и Канцелерія отъ Строеній осталась вѣрна самой-себѣ: больше отписывалась, чѣмъ дѣлала.

Главными докторами С. Петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя (что потомъ 2 военно-сухопутный, а нынѣ Клиническій военный) въ первыя 47 лѣтъ его существованія были послѣдовательно: Антонъ Филиппович Севасто, Схендо фанъ-деръ-Бехъ, Николай Энгеллертъ, Яковъ Гривъ, Абрагамъ Ничъ, Андрей Унгебауеръ и Иванъ Андреевичъ Полетика.

Антонъ Филипповичъ Севасто (Antonius Sevasto), родомъ грекъ изъ Венеціи, получившій медицинское образованіе и докторскій дипломъ въ Падуѣ, пріѣхалъ въ Москву 6 октября 1708 года по приглашенію русскаго посланника въ Польшѣ князя Григорія

Өедоровича Долгорукова. Онъ не долго управлялъ госпиталемъ и вышедши въ отставку жилъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ 20 августа 1754 года. У него было два сына, Антонъ и Андрей, и дочь Анна. О первомъ сынѣ его ничего неизвѣстно; но второй сынъ Андрей Антоновичъ былъ докторомъ Астраханскаго морскаго госпиталя (при Елисаветѣ Петровнѣ), а потомъ докторомъ Украинскаго ландмилиціоннаго корпуса (въ Бѣлевской крѣпости), подъ командою генералъ-аншефа и дѣйствительнаго камергера графа Петра Семеновича Салтыкова. Въ Астрахани онъ женился на дочери астрах. солянаго комисара Алексѣя Васильевича Богданова, Настасьѣ Алексѣевнѣ Богдановой. Сестра его Анна была замужемъ въ Москвѣ за секретаремъ Булгаковымъ.

Схендо фанъ-деръ-Бехъ (Schendo van der Bech), грекъ изъ Македоніи, учившійся въ Падуѣ. Онъ управлялъ госпиталемъ до 1725 года и біографія его напечатана у В. Рихтера.

Николай Энгеллертъ (Nicolaus Engellert) вступилъ въ русскую службу въ 1714 году и опредѣленъ докторомъ въ Низовый корпусъ (въ Астрахани), которымъ командовалъ генералъ-лейтенантъ Матюшкинъ. Оттуда, съ дозволенія этого генерала, уѣхалъ онъ въ 1724 году за болѣзнію въ Москву, а потомъ въ Петербургъ (передавъ свою должность штабъ-лѣкарю Бримо), гдѣ въ 1725 году опредѣленъ главнымъ докторомъ Спб. сухопутнаго госпиталя, которымъ управлялъ до 1742 года. 3 іюня этого года онъ уволенъ отъ службы за старостью, съ пенсіею на основаніи штата Мед. Канц. 9 января 1733 года, т. е. одной трети полнаго его жалованья, поселился въ Москвѣ съ женой своей, но послѣ возвратился въ Петербургъ и умеръ 15 ноября 1753 года.

На его мѣсто главнымъ докторомъ госпиталя опредѣленъ англичанинъ *Яковъ Гривъ* (*Jacob Grieve*), принятый въ русскую службу 19 мая 1734 года по контракту къ канцеляріи главнаго правленія Сибирскихъ и Казанскихъ заводовъ, гдѣ и оставался до 1737 года, а потомъ перечисленъ по новому контракту къ Оренбургской Коммисіи, которою управлялъ сперва тайный совѣтникъ Василій Татищевъ, а потомъ тайный совѣтникъ Неплюевъ. Соскучившись жить въ этомъ отдаленномъ краю, хотя получалъ жалованья по 800 рублей въ годъ, онъ началъ проситься въ отставку, но вмѣсто того получилъ предложеніе занять мѣсто глав. доктора въ генер. Спб. госпиталѣ и, принявъ это

предложеніе, опредѣленъ туда 3 іюня 1742 года, съ жалованьемъ по 650 р. въ годъ. Онъ однакожъ только полтора года управлялъ госпиталемъ и потомъ переведенъ былъ (5 декабря 1744) докторомъ къ Спб. дивизіи, а оттуда назначенъ (12 октября 1747 года) штадтъ-физикомъ сперва въ С. петербургской Мед. Конторѣ, на мѣсто умершаго Матвѣя Миилта, а потомъ (13 августа 1751 года) къ Московской Медицинской Конторѣ, откуда черезъ шесть лѣтъ, по собственному прошенію, за старостью и домашними обстоятельствами вовсе уволенъ отъ службы (17 апрѣля 1757 года) и уѣхалъ въ Англію, съ женою Елисаветою и сыномъ Яковомъ (хотя, по словамъ В. Рихтера, послѣ опять возвратился въ Россію).

Мѣсто его въ Московской Медицинской Конторѣ занялъ д-ръ Антонъ де-Тейльсъ (A. de Theyls), бывшій нѣкогда главнымъ докторомъ Московскаго госпиталя, преемникомъ Бидлоо, а въ С. Петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ (съ 5 декабря 1743 года) докторъ *Абрагамъ Ничъ* (*Abraham Nitsch*). Онъ принятъ въ русскую службу 16 мая 1731 года, по контракту на 5 лѣтъ, дивизіоннымъ докторомъ Спб. дивизіи, съ жалов. по 600 р. въ годъ, послѣ того долго служилъ въ Украинскомъ корпусѣ, затѣмъ нѣкоторое время былъ Спб. штадтъ-физикомъ и при опредѣленіи въ госпиталь былъ уже очень старъ. Умеръ 19 октября 1749 года.

Преемникомъ его былъ молодой докторъ *Иванъ Андрей Унгебауеръ* (*Johann Andreas Ungebauer*), родомъ изъ Лейпцига, вступившій въ службу по капитуляціи на три года, 1 іюня 1741 года, младшимъ докторомъ въ Спб. генеральный сухопутный госпиталь, съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ. По окончаніи контрактнаго срока онъ просилъ объ увольненіи его на родину, но вмѣсто того опредѣленъ былъ дивизіоннымъ докторомъ въ Украинскую дивизію, въ Лубны, въ команду генерала фонъ-Штафеля, съ жалованьемъ по 600 р. и 10 раціонами, куда и прибылъ 30 апрѣля 1745 года. Тамъ онъ пробылъ, впрочемъ, недолго и опять возвращенъ былъ младшимъ докторомъ въ Петербургъ, но не въ сухопутный, а въ адмиралтейскій госпиталь (7 ноября 1747 года, на мѣсто перечисленнаго къ академіи наукъ Абрагама Каау Бургаава), откуда по смерти Ничa назначенъ (30 іюня 1750 года) главнымъ докторомъ въ генеральный сухопутный госпиталь, съ

При вступленіи П. А. Полетики въ управленіе Спб. генеральнымъ сухопутнымъ госпиталемъ, находились въ немъ слѣдующія лица: младшимъ докторомъ Христіанъ Пеккенъ, вскорѣ смѣненный Петромъ-Эрнстомъ Ашемъ; главнымъ лѣкаремъ Н. М. Линдвурмъ (Nicolaus Martin Lindwurm), переведенный въ эту должность 28 августа 1750 г. изъ лѣкарей лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка; операторомъ Яковъ фонъ-Меллепъ; аптекаремъ Христофоръ Георгъ Гебгардтъ; лѣкарями Иванъ Хемницеръ и Генрихъ Вейтбрехтъ; коммисарами поручикъ Чернавскій и прапорщикъ Иванъ Большой Львовъ. Въ госпитальной конторѣ присутствовали старшій докторъ, главный лѣкарь (какъ помощникъ его) и коммисаръ, а письменными дѣлами завѣдывалъ главный писарь. Кромѣ того три раза въ недѣлю въ конторѣ присутствовалъ военный инспекторъ госпиталя, генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Вертернъ.

Состояніе госпиталей того времени было вообще довольно печально. Правда, *Генеральнымъ Регламентомъ о госпиталяхъ* точно опредѣлялись обязанности каждаго изъ госпитальныхъ чиновъ и старшій докторъ поставленъ былъ во главѣ госпитальнаго управленія: но законъ оставался мертвою буквою во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ невыгодно было точное разграниченіе взаимныхъ отношеній и строгое исполненіе обязанностей, а невыгодно это было всякій день и всякую минуту. Поэтому самымъ обыкновеннымъ и повсемѣстнымъ правиломъ, которымъ руководствовались всѣ госпитальные чины, было—жить въ возможно тѣсномъ взаимномъ согласіи и при его пособіи возможно скорѣе набивать себѣ карманы. При томъ же это согласіе было и нетрудно: госпиталями управляли безъ исключенія иностранные доктора и чужая сторона быстро сдружала людей, а мысль о далекой родинѣ безпрерывно напоминала, что надобно торопиться въ достиженіи цѣли, для которой они разстались съ нею. Наконецъ не надобно забывать и того, что контроль былъ вообще или весьма слабъ или даже совсѣмъ не существовалъ, частію по новости дѣла, а частію по взаимности выгодъ, ни для кого не обидной. Слѣдовательно весьма было естественно, что госпитальною службою очень дорожили даже такіе доктора, которые занимали прежде гораздо высшія должности, а тѣ, которые однажды испытали ее, очень неохотно разставались съ нею. Этимъ между

прочимъ объясняется и то, почему докторъ Унгебауеръ, получивъ весьма лестное назначеніе въ генеральные штабъ-доктора съ жалованьемъ вдвое большимъ того, какое получалъ въ госпиталѣ, принялъ эту должность съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ по минованіи войны опять возвратили его къ прежней госпитальной службѣ, а въ залогъ исполненія этого обѣщанія оставилъ при госпиталѣ семью свою.

Итакъ госпитальною службою всѣ были довольны, кромѣ, разумѣется, больныхъ, да еще тѣхъ, кто, не участвуя самъ въ общей поживѣ, видѣлъ зло, но по его всеобщности не зналъ какъ за него приняться, чтобъ если не искоренить, то хоть ослабить его.

Къ числу послѣднихъ принадлежалъ въ описываемую эпоху директоръ Медиц. Канцеляріи, тайный совѣтникъ и первый лейбъ-медикъ императрицы Павелъ Захаровичъ Кондоиди.

Еще бывши генеральнымъ штабъ-докторомъ арміи при архіятерѣ Фишерѣ, этотъ величайшій администраторъ своего времени видѣлъ тоже самое зло въ полковыхъ лазаретахъ и заботился о мѣрахъ къ его истребленію. Если въ полкахъ увеличивалась болѣзненность, а въ полковыхъ лазаретахъ смертность, то обвиняли лѣкарей, какъ-будто они изнуряютъ солдатъ и подвергаютъ ихъ всѣмъ возможнымъ лишеніямъ. Полковые командиры принимали полки свои за даровой капиталъ, который долженъ приносить возможно большіе проценты, а полковые лѣкари терпѣли нареканіе и несли всю тяжесть отвѣтственности за постепенное изнываніе и исчезаніе этого ходячаго капитала [1]). Терпѣло вмѣстѣ съ ними и медицинское высшее управленіе. Болѣзненность и смертность велики, значитъ мало лѣкарей или они неспособны къ службѣ,—вотъ аргументъ, который постоянно вертѣлся на языкѣ у всѣхъ, желавшихъ оправдать имъ свою собственную недобросовѣстность и злоупотребленія. Кондоиди видѣлъ все это и пытался разъяснить дѣло.

---

[1]) До чего доходила болѣзненность въ полкахъ, стоявшихъ на спокойныхъ квартирахъ, и слѣдовательно единственно отъ нерадѣнія и злоупотребленій полковыхъ командировъ, можетъ показать слѣдующій примѣръ. Въ 1756 году фельдмаршалъ Бутурлинъ писалъ, что въ Ярославскомъ и Куринскомъ пѣхотныхъ (3-батальйонныхъ) полкахъ, стоявшихъ въ Казани, было въ сентябрѣ этого года въ первомъ 960, а въ послѣднемъ 1028 человѣкъ больныхъ. Послали туда лѣкарей: но что они могли сдѣлать, когда людей негдѣ было помѣстить, нечѣмъ одѣть и нечѣмъ кормить?

«Понеже отъ однихъ лѣкарствъ (писалъ онъ 13 іюня 1738 года къ генералъ-адъютанту фонъ-Бирону, командовавшему первою дивизіей) и едино отъ призрѣнія докторовъ и лѣкарей отнюдь уповать не возможно вылѣченія больныхъ, ежели притомъ надлежащее попеченіе около оныхъ не будетъ въ пищѣ и питіи, покоѣ и проч., что до выгоды больныхъ надлежитъ и отъ чего наипаче уповать можно вылѣченія оныхъ [1]), и которое имѣется ли для больныхъ—надсматривать и вѣдать до должности докторовъ и лѣкарей не касается, которые должны токмо представлять о чемъ надлежитъ, и дѣлается-ли по тому или нѣтъ — о томъ

[1]) Эта-же самая мысль недавно высказана была, можетъ-быть въ тысячу-первый разъ, по поводу неустройствъ французскихъ военныхъ госпиталей въ Крымскую войну, въ Константинополѣ, однимъ изъ медицинскихъ инспекторовъ французской арміи, и слова его повторены цѣлою Европою какъ-будто великая и никогда неслыханная новость. Не то-же ли случается иногда и со множествомъ другихъ вещей, которыя выдаются за новыя потому только, что слишкомъ хорошо забылись. Такъ, напримѣръ, въ наше время считается новостью въ Россіи введеніе сестеръ милосердія въ военные госпитали, между-тѣмъ какъ мысль о женскомъ уходѣ за больными въ военныхъ госпиталяхъ существовала еще при Петрѣ Великомъ и даже приведена имъ была въ исполненіе. Указомъ этого императора, 1722 года, повелѣно было въ морскихъ госпиталяхъ, именно въ Санктпетербургскомъ, Котлинскомъ и Ревельскомъ, имѣть изъ дѣвичьихъ монастырей по одной старицѣ, и по одной помощницѣ ей, для надзора надъ бѣльемъ и госпитальными работницами (т. е., вѣроятно, прачками). Адмиралтействъ-Коллегія требовала ихъ въ госпитали 11 февраля 1723 года, но Сѵнодъ долго не рѣшался отпустить и наконецъ, на повторенное 29 іюня 1724 года требованіе, назначилъ (17 іюля 1724) двухъ старицъ изъ Новгородскаго Сыркова монастыря (монахинь Агафію и Пелагею) въ Санктпетербургскій и Котлинскій, и одну изъ Псковскаго Вознесенскаго монастыря въ Ревельскій госпиталь, съ жалованьемъ старицамъ по 7, а помощницамъ ихъ по 5 р. въ годъ. 10 іюня 1725 года монахиня Августина и помощница ея Евраксія жаловались Сѵноду изъ Ревельскаго госпиталя, что имъ негдѣ жить, потому-что квартиры назначены общія, въ каютѣ конторы генералъ-кригсъ-комисара, и что имъ не даютъ по деньгѣ въ день на рыбу, наравнѣ съ другими госпитальными служителями, получающими по деньгѣ въ день на мясо, прибавляя, что въ Ревелѣ даже пропитаться нельзя даваемымъ имъ жалованьемъ. Сѵнодъ хлопоталъ объ удовлетвореніи ихъ и Адмиралтействъ-Коллегія согласилась устроить въ Ревельскомъ госпиталѣ особый чуланъ для ихъ помѣщенія, а въ Спб. и Кронштадтѣ дать особыя квартиры при госпиталяхъ и помѣсячно выдавать деньги на рыбу.—Но тотчасъ послѣ смерти Петра Великаго, императрица Екатерина I (въ августѣ 1725) вовсе отмѣнила указъ своего супруга о назначеніи старицъ въ госпитали и велѣла всѣхъ возвратить въ дѣвичьи монастыри, а къ госпитальному бѣлью приставить особыхъ комисаровъ и опредѣлить добрыхъ и вѣрныхъ наемныхъ работницъ.

вѣдать не должны; также напоминать должны о чемъ надлежитъ полковымъ командирамъ, а принудить ихъ исполненіе учинить по тому—какъ докторамъ можно? доносить-же на нихъ оное не должности доктора и лѣкаря касается по силѣ Е. И. В. регламентовъ. А понеже отъ помянутаго призрѣнія полковыхъ командировъ наипаче зависитъ желаемый успѣхъ въ пользованіи больныхъ, нежели отъ чрезмѣрнаго употребленія лѣкарствъ, отъ котораго кромѣ вреды иное уповать не возможно, а паче въ таковыхъ людяхъ, которые принимать оныя не привыкли; и для того в-го выс-првства всепокорно прошу, дабы повелѣно было опредѣлить при первой дивизіи одного вѣрнаго и радѣтельнаго человѣка, которому незапно ходить по полковымъ лазаретамъ и надсматривать, въ какомъ призрѣніи имѣются больные и по присяжной должности безъ лицемѣрія и опасенія объявлять сущую правду, имѣютъ-ли больные все то, что по воинскому уставу и адмиралтейскому регламенту имъ имѣть положено, такожъ всякой должность свою исправляетъ-ли съ ревностію и прилежаніемъ, ибо по тому изыскивать будетъ возможно причину умноженія больныхъ и виноватыхъ къ тому, а безъ того напрасно обвинены будутъ докторы и лѣкари, также втунѣ употребляются лѣкарства и отъ оныхъ никакого плода уповать невозможно.»

Неизвѣстно, были-ль въ то время назначены просимые Кондоиди госпитальные инспекторы, отъ которыхъ онъ ожидалъ большой пользы, но несомнѣнно, что онъ сохранилъ мысль объ нихъ до вступленія своего въ управленіе Медицинскою Канцеляріею, когда и сообщилъ ее Военной Коллегіи. Послѣдняя обѣщала привести ее въ исполненіе при первомъ удобномъ случаѣ. Случай представился въ 1754 году. Зимою этого года въ Военной Коллегіи, въ присутствіи генералъ-аншефовъ Александра Борисовича Бутурлина и графовъ Александра Ивановича и Петра Ивановича Шуваловыхъ, было общее разсужденіе о производствѣ въ слѣдующіе чины разныхъ военныхъ и гражданскихъ лицъ и объ ихъ послѣдующемъ назначеніи — кого въ отставку, кого къ новымъ должностямъ. Въ спискахъ, при этомъ составленныхъ, включены были генералъ-маэоръ баронъ фонъ-Вертернъ къ производству въ генералъ-лейтенанты, и бригадиръ Данило Кумингъ въ генералъ-маэоры, съ назначеніемъ ихъ инспекторами госпиталей (такъ какъ въ арміи вакансій для нихъ не было),

перваго—въ Спб. генеральный сухопутный, а послѣдняго — въ генеральный Московскій. Списки представлены были императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ 14 декабря 1754 и утверждены ею черезъ годъ, 25 декабря 1755 года. Это были *первые военные инспекторы госпиталей* въ Россіи [1]). Сообщая объ ихъ назначеніи Медицинской Канцеляріи, Военная Коллегія писала 31 января 1756 года, что инспекторамъ госпиталей велѣно «повсядневно, а по-крайней-мѣрѣ три дни въ недѣлю въ генеральныхъ госпиталяхъ самимъ быть и всѣхъ больныхъ осматривать прилежно, наблюдая всѣ-ль они въ пристойномъ по болѣзнямъ ихъ призрѣніи и довольствіи пищею и прочимъ содержатся и отъ докторовъ, лѣкарей, подлѣкарей и прочихъ съ надлежащимъ рачениемъ пользуются, и буде усмотрятъ въ чемъ-либо чью изъ нихъ какую неприлежность, о томъ представлять имъ въ Военную Коллегію, а буде въ содержаніи больныхъ пищею и прочею выгодою какіе-либо окажутся недостатки, о таковыхъ имъ давать знать генералу-кригсъ-комисару и въ Главный Комисаріатъ, а въ отсутствіе Главнаго Комисаріата и генерала кригсъ-комисара и того комисаріата въ Контору, а между тѣмъ тогдажъ и въ Военную Коллегію доносить, и наиприлежнѣйше стараться, дабы какъ точно одержимые болѣзньми въ госпиталяхъ отъ времени до времени въ лучшемъ и безнедостаточномъ призрѣніи содержаны были, такъ и притворно болѣзни на себя вклепавшіе, напрасно на госпитальномъ довольствіи состоящіе, къ командамъ скорѣе отправлены быть могли; о чемъ о всемъ къ Мед. Канц. чрезъ сіе сообщается и требуется, чтобъ находящіеся при тѣхъ госпиталяхъ доктора и прочаго званія медиц. факультета чины имъ, генераламъ, были въ благопристойномъ послушаніи и яко о всеобщей пользѣ прилежный свой трудъ употребляли, и о томъ бы изъ той Канцеляріи съ надлежащимъ основаніемъ имъ накрѣпко подтверждено было».

---

[1]) *Вторымъ*, по времени, *инспекторомъ петербургскихъ госпиталей* (сухопутнаго и адмиралтейскаго вмѣстѣ) былъ генералъ-поручикъ *Карауловъ*, получившій этотъ чинъ и назначеніе, съ правомъ присутствовать въ Военной Коллегіи, 8 мая 1759 года. Въ докладѣ объ его производствѣ и назначеніи сказано, что онъ имѣлъ въ своемъ смотрѣніи заграничные русскіе госпитали въ Пруссіи, въ Кенигсбергѣ, Мемелѣ, Тильзитѣ и пр., во время семилѣтней войны, и такъ объ нихъ заботился, что изъ 12,000 больныхъ и раненыхъ умерло только 424 человѣка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Главному Комисаріату предложено было составить инструкцію для инспекторовъ госпиталей, которая, бывъ предварительно просмотрѣна Медицинскою Канцеляріею, была утверждена Военною Коллегіею 21 марта 1756 года. Вотъ эта

Инструкція опредѣленному къ С.-Петербургскому генеральному сухопутному госпиталю г. генералъ-лейтенанту фонъ-Вертерну.

1.

С. Петербургскій сухопутный госпиталь вамъ, генералъ-лейтенанту, имѣть въ полномъ своемъ вѣдѣніи и ѣздить въ оный повсядневно, а по-крайней-мѣрѣ три дни въ недѣлю, а именно по понедѣльникамъ, средамъ и субботамъ, и находящихся въономъ больныхъ спрашивать каждаго, всѣмъ-ли оные, въ силѣ Госпитальнаго Регламента и Е. И. В. указовъ, по приличности болѣзней, въ довольствіи содержатся, и всегда-ль въ надлежащія времена докторъ бываетъ, а лѣкари и подлѣкари, также и прочіе служители (кои должны для пользы отъ болѣзней и призрительнаго содержанія безотлучны быть) въ своихъ званіяхъ тщательны, и не терпятъ-ли больные отъ чьихъ небреженій всякихъ отягощеній или въ надлежащемъ содержаніи и довольствіи въ пищѣ и питіи недостатковъ; и надъ госпитальною конторою наблюдать, чтобъ въ оной служители, всякъ по своей должности, въ силѣ о госпиталяхъ Регламента, во всемъ неупустительно поступалъ.

2.

Опредѣленную по Госпитальному Регламенту онымъ больнымъ пищу и питіе осматривать, все-ль оное въ надлежащемъ качествѣ, изъ свѣжихъ припасовъ приготовляемое, и какъ пищу, такъ и питіе каждое отвѣдывать, не имѣютъ-ли оныя какого отъ гнилости или отъ неисправнаго приготовленія худаго и больнымъ неполезнаго вкусу.

3.

Наблюдать, дабы въ покояхъ больные безъ тѣсноты помѣщаемы и кровати-бъ и постели каждому, со всѣмъ надлежащимъ приборомъ, по пристойности, смотря по болѣзнямъ, къ лучшему успокоенію были, и чтобъ отъ жесткости матрацовъ и подушекъ или отъ прочихъ притомъ неисправностей какой тягости и безпокойства не терпѣли.

4.

Осматривать всѣ покои, въ коихъ больные содержатся, и подтверждать, дабы оные всегда были въ надлежащей чистотѣ съ пристойными по мѣстамъ душниками, чтобъ ни мало больнымъ вредительно не токмо въ ихъ

покояхъ, но и прочихъ внутрь и снаружи около того госпиталя мѣстахъ нигдѣ-бъ никакой отъ небрегомости, нечистоты и худыхъ запаховъ не было.

5.

Нерѣдко-же по бытности вашей осматривать имѣющіеся при томъ госпиталѣ въ магазейнахъ и погребахъ заготовляемые къ довольствію больныхъ съѣстные и питейные припасы и прочіе матеріалы, въ надлежащемъ-ли сохраненіи содержатся и чтобъ оные и впредь безъ всякаго вреда хранимы были, какъ о семъ въ Госпитальномъ Регламентѣ пространнѣе изъяснено.

6.

Ежели-же когда что изъ вышепрописаннаго въ пунктахъ или другое тому подобное къ содержанію и довольствію, въ силѣ Госпитальнаго Регламента и Е. И. В. указовъ, больныхъ и госпитальной экономіи, въ небреженіи и упущеніи усмотрѣно вами будетъ, и то все, сколько возможно по согласію съ докторомъ, безъ малѣйшаго промедленія и послабленія въ должную исправность съ надлежащимъ порядкомъ приводить, а о невозможномъ самимъ рѣшеніе учинить, а къ тому еще что къ вышеписанному въ пополненіе за наилучшую способность предусмотрите, должнымъ порядкомъ давать знать генералъ-кригсъ-коммисару и въ Главный Коммисаріатъ, а въ отсутствіе Главнаго Коммисаріата и генералъ-кригсъ-коммисара, сношеніе имѣть съ коммисаріатскою конторою и въ силу Воинскаго устава съ оберстеръ-кригсъ-коммисаромъ или у кого тотъ госпиталь подъ смотрѣніемъ состоять будетъ, и тогда-жъ въ Военную Коллегію немедленно доносить.

7.

Госпитальнаго доктора по регламенту начальственная должность смотрѣть, чтобъ какъ главный лѣкарь, такъ комисаръ и прочіе въ его командѣ обрѣтающіеся служители госпиталя должность свою исправляли нелѣпостно; однако-жъ вы, яко надъ всѣмъ госпиталемъ командиръ и надъ онымъ, для лучшаго надзиранія по именному Е. И. В. указу опредѣленъ, то гораздо должны вы оному доктору во всякихъ по госпиталю обстоятельствахъ, въ чемъ высочайшій Е. И. В. интересъ зависитъ, вспоможеніе подавать, и ежели медицинскаго факультета въ какихъ-либо чинахъ недостатокъ или иное что къ лучшей пользѣ усмотрите, о томъ вамъ съ требованіемъ сообщать въ Медицинскую Канцелярію и въ Коллегію рапортовать.

*

8.

Имѣть вамъ для караула, изъ госпитальнаго разводу, при одномъ капралѣ шесть человѣкъ рядовыхъ, да для проѣзду водянымъ путемъ рябитъ, а ежели нынѣ нѣтъ, вновь имѣете приказать построить и въ гребцахъ изъ такихъ-же, какъ до сего употреблялись.

9.

Для той порученной вамъ команды за адъютанта дать изъ полковъ Спб. гарнизона оберъ-офицера, кого вы къ тому за способнаго признаете, а письменныя дѣла исправлять госпитальной конторы служителями, а съ Генеральнаго о госпиталяхъ Регламента и къ тому съ воспослѣдовавшихъ указовъ копіи и что до того госпитальнаго смотрѣнія принадлежитъ, по требованію вашему даны будутъ изъ здѣшней комисаріатской конторы.

10.

Вамъ-же наблюдать, чтобъ въ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, въ принадлежащемъ къ тому жильѣ, никакого безчинія, пьянства, карточныхъ и иныхъ игръ, подозрительныхъ людей и прочаго, однимъ словомъ ничего того, что Е. И. В. указами запрещается, отнюдь-бы никогда не происходило.

11.

Ежели что въ государственныхъ дѣлахъ подлежать будетъ тайности, онаго отнюдь въ партикулярныхъ письмахъ ни къ кому не писать, ниже къ тому, отъ кого отправленъ, кромѣ настоящихъ реляцій; а ежели какое препятствіе отъ кого въ томъ или иномъ будетъ вашему дѣлу, то писать вольно куда заблагоразсудишь, только упоминая о врученномъ вамъ дѣлѣ генерально, отъ чего оному поврежденіе есть; такъ-же ежели случатся дѣла постороннія, тайнѣ подлежащія, и въ реляціяхъ къ тому, отъ кого отправленъ, писать будетъ за какимъ подозрѣніемъ невозможно, то вольно писать кому въ томъ повѣришь, а о врученномъ своемъ никакъ инакъ, только какъ выше писано, подъ жестокимъ наказаніемъ по винѣ преступленія, и сей указъ и посланнымъ отъ себя всякому писать въ инструкціяхъ *). Марта 21 дня 1756 года. Подписали: генералъ Степанъ Апраксинъ, оберъ-шталмейстеръ Петръ Сумароковъ, генералъ принцъ фонъ-

*) Послѣдній пунктъ (11) значительно разнится отъ прочихъ и своимъ содержаніемъ и формою изложенія. Это отъ того, что онъ цѣликомъ взятъ изъ указа Петра Великаго, 17 января 1724 года, касательно государственныхъ дѣлъ подлежащихъ тайнѣ, и обязательно присоединялся ко всѣмъ безъ исключенія административнымъ инструкціямъ, какъ объ этомъ, впрочемъ, упомянуто въ концѣ и въ немъ самомъ.

Голштейнъ, генералъ-лейтенантъ царевичъ Георгій Грузинскій, генералъ-лейтенантъ князь Өедоръ Мещерскій, генералъ-маэоръ Василій Суворовъ, оберъ-секретарь Сергѣй Поповъ, оберъ-аудиторъ Петръ Посниковъ.

Инструкція эта, какъ видятъ читатели, составлена была довольно легко и общими мѣстами, въ сущности ни къ чему не обязывая инспектора госпиталя. Составляя ее, комисаріатъ зналъ, что это лицо безполезно и злоупотребленій не истребитъ: но онъ очень охотно принялъ его, какъ еще одну лишнюю ширму, которою не слѣдуетъ пренебрегать въ случаѣ надобности поплотнѣе прикрыть кое-какія темныя дѣла. При этомъ не упущено изъ виду и то, что инспекторъ могъ, пожалуй, послужить помѣхою разнымъ quasi «блюстителямъ казеннаго интереса», точно такъ какъ иногда и госпитальный докторъ способенъ сдѣлаться подобною-же помѣхою. И чтобъ предотвратить всѣ подобныя случайности, постановили такъ, что госпитальный докторъ остается по прежнему полнымъ начальникомъ госпиталя, которому подчинены всѣ остальные чины (по регламенту) до тѣхъ поръ, пока онъ соглашается извѣстнымъ образомъ «блюсти казенный интересъ;» какъ же скоро попадетъ на его мѣсто такой, которому честь и правда дороже этихъ лицемѣрныхъ прибаутокъ, то госпитальному инспектору предоставлялось по 7 пункту выказать себя командиромъ и повернуть дѣла такъ, чтобъ «интересъ соблюдался» и безъ помощи госпитальнаго доктора. Слѣдовательно выписанная здѣсь инструкція служила только къ тому, чтобы покрѣпче прикрыть то, что иногда видпѣлось, особенно для неумѣренно зоркой Медиц. Канцеляріи, и чтобы получше перепутать интересы медицинскіе съ комисаріатскими и сдѣлать ихъ общими, т. е. ничьими въ особенности или такъ-называемыми «казенными».

Впрочемъ въ первый годъ послѣ составленія этой инструкціи все шло благополучно, т. е. совершено такъ, какъ будто инспектора госпиталя вовсе и не существовало. Онъ ѣздилъ въ госпиталь съ надлежащею начальническою важностью, только никогда не говорилъ съ больными о нуждахъ ихъ (какъ слѣдовало по 1 пункту инструкціи), по той простой причинѣ, что не зналъ ни одного слова по-русски, а докторъ Унгебауеръ умѣлъ убаюкивать его самолюбіе сладкими напѣвами на родномъ его языкѣ, и жили они въ добромъ согласіи. Но не такъ пошли дѣла, когда

Унгебауеръ уѣхалъ въ армію и на его мѣсто поступилъ честный, правдивый и немножко горячій Полетика.

Но для ясности дѣла необходимо возвратиться нѣсколько назадъ и упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, обрисовывающемъ роль госпитальнаго инспектора. Назначая это лицо, Военная Коллегія вмѣстѣ съ тѣмъ предложила Мед. Канцеляріи доставить ей свѣдѣніе: какія нужно сдѣлать улучшенія въ Спб. генеральномъ сухопут. госпиталѣ, какъ объ этомъ было прежде по частямъ представляемо. Мед. Канцелярія 30 апрѣля 1756 года отвѣчала слѣдующее: «Для лучшаго учрежденія помянутаго генеральнаго госпиталя не соблаговолено-ль будетъ учинить слѣдующее: 1) всѣмъ живущимъ въ томъ госпиталѣ медицинскаго чина служителямъ, кромѣ аптекаря съ подчиненными его, понеже безотлучно при аптекѣ жить должны, въ близости госпиталя построить особенные дворы, какъ и госпит. старшему доктору пристойный дворъ выстроенъ отъ комисаріата, для прочности и безопасности отъ пожарнаго страха каменные или на первый случай хотя деревянные, и тѣмъ госпитальные покои, въ коихъ живутъ оные служители, очистить и исправить для болящихъ; уповается же, что въ оныхъ покояхъ немалое число больныхъ умѣститься можетъ; а къ тому впредь построить сколько возпадобится для свободнаго умѣщенія двухъ тысячъ человѣкъ больныхъ. 2) Чрезъ весь госпитальный дворъ изъ большой въ малую Неву рѣку, снесшись съ Адмиралтейскою Коллегіею, одинъ ради обоихъ госпиталей, или уже особливо для того генеральнаго сухопутнаго, прорыть пристойный каналъ, чтобъ такою коммуникаціею гнилое во дворѣ болото высушить, а нужники съ берегу въ близости около госпитальнаго строенія, въ каковыхъ мѣстахъ весьма онымъ быть неприлично, перенесть въ особливыя пристойныя мѣста, дабы происходящій отъ тѣхъ болота и нужниковъ смрадный и вредный духъ очищенъ быть могъ, а для трудно-болящихъ, которыхъ на воздухъ выводить не должно, имѣть нѣсколько стульчаковъ. 3) При добрѣ учрежденныхъ госпиталяхъ имѣется всегда особенный покой для чиненія надъ живыми хирургическихъ важныхъ операцій, дабы крику и жалости другіе больные не слышали и не видѣли; такой покой особливой и въ ономъ госпиталѣ имѣть надлежитъ. 4) Понеже въ тотъ госпиталь и сумасшедшіе посылаются, иногда жъ и офицеры, и для

оныхъ имѣть надлежитъ особливый покой. 5) При всѣхъ госпиталяхъ кромѣ анатомическаго ѳеатра, въ которомъ ученіе единственно быть должно, имѣется особливый покой для положенія мертвыхъ тѣлъ и дѣйствій анатомическихъ, и хотя въ томъ госпиталѣ такой имѣется, но весьма малъ, и для того прибавить или къ тому придать надобно. 6) Понеже по госпитальному регламенту положено при генеральномъ госпиталѣ содержать одного старшаго, другого младшаго докторовъ, одного главнаго лѣкаря, 5 лѣкарей, 10 подлѣкарей, 20 учениковъ, и чтобъ на всякое двусотное число больныхъ было по лѣкарю да по два подлѣкаря и по четыре ученика; но токмо по умноженію больныхъ, какъ выше явствуетъ [1]), оныхъ недостаточно и бываетъ на одного лѣкаря тѣхъ больныхъ человѣкъ по 300, а иногда и болѣе, почему едва съ крайнею трудностію исправляются, а ежели по вышеписанному увеличится оный госпиталь, то и паипаче число медицинскихъ служителей прибавить будетъ нужно.»

На это Главный Комисаріатъ увѣдомилъ (11 іюня 1756), что Военная Коллегія разрѣшила исполнить все, о чемъ представляла Мед. Канцелярія, именно устроить нѣсколько деревянныхъ связей, покой для офицеровъ и караульныхъ, баню, конюшню и сарай особо, за госпитальнымъ садомъ (по согласію оберъ-кригсъ-комисара Мерлина съ старшимъ докторомъ госпиталя), такъ чтобы послѣ того можно было помѣстить въ госпиталѣ еще 300 больныхъ. Старшій докторъ предложилъ при этомъ построить 10 деревянныхъ связей на каменномъ фундаментѣ въ два ряда, одинъ противъ другого, въ видѣ казармъ, для того что если больныхъ прибавится, то они будутъ помѣщаться въ этихъ связяхъ, а если больныхъ будетъ мало, то половину ихъ будутъ занимать служащіе при госпиталѣ, получая на отопленіе казенныя дрова [2]).

---

[1]) Число больныхъ увеличилось отъ того, что во время послѣдней шведской войны чрезъ Петербургъ проходило много войскъ, въ Финляндіи расположенъ былъ цѣлый корпусъ, да и вокругъ Петербурга стояло много войска.

[2]) Это—нынѣшнее второе отдѣленіе госпиталя, состоявшее первоначально изъ 5-ти корпусовъ. Строилъ его Спб. купецъ и бумажный фабрикантъ Василій Ольхинъ, по подряду, въ теченіе 8-ми мѣсяцовъ (въ 1759 году), изъ своихъ матеріаловъ, на сумму 5500 руб., подъ смотрѣніемъ архитектора Васта. Назначеніе этихъ 5 корпусовъ было слѣдующее: *въ первымъ корпусѣ*: младшему доктору два покоя съ компатою для поклажи, чуланъ и очагъ; одному

Планъ и смѣта ихъ составлены оберъ-кригсъ-комисаромъ Даниломъ Мерлинымъ и сенатскимъ архитекторомъ Александромъ Вистомъ, а вмѣстѣ подписанъ и докторомъ Унгебауеромъ. Въ слѣдующемъ году разрѣшено прибавить въ госпиталь еще 30 лѣкарскихъ учениковъ и для нихъ построить особливую деревянную связь рядомъ съ госпитальнымъ огородомъ, противъ госпитальной конторы. Вообще госпитальныхъ построекъ и передѣлокъ было много и кому же было лучше наблюдать за исполненіемъ ихъ, какъ не инспектору госпиталя, не несшему на себѣ, кромѣ надзора за госпиталемъ, никакихъ другихъ обязанностей и имѣвшему гораздо больше досуга, чѣмъ служебныхъ занятій? Эта мысль весьма естественно могла прійдти Комисаріату, который 1 іюля 1756 года и представилъ се Военной Коллегіи, предлагая поручить надзоръ за постройками генералу фонъ Вертерну. Коллегія согласилась было: но 12 іюля этотъ генералъ самъ явился съ письменнымъ донесеніемъ въ ея присутствіе, что онъ не можетъ и не желаетъ взять на себя этого порученія, «ибо по его иностранству таковыя обстоятельства ему незнакомы, да и щеты о приходахъ и расходахъ при госпитальной конторѣ имѣются и чрезъ то воспослѣдовать можетъ, хотя бы онъ весьма старался оные подряды какъ должно отправлять, но токмо высочайшему интересу противно быть можетъ, а долженъ онъ непремѣнную должность всеточно впрочемъ на него положенную по возможности своей съ надлежащею прилежностію отправлять.» Дѣлать было нечего. Военная Коллегія должна была убѣдиться, что гене-

---

лѣкарю два покоя съ чуланомъ и малымъ очагомъ; двумъ подлѣкарямъ и 8-ми лѣкарскимъ ученикамъ два покоя съ однимъ очагомъ. *Во второмъ корпусѣ:* оператору два покоя съ комнатою для поклажи, чуланъ и очагъ, и сверхъ-того одинъ покой съ каминомъ для произведенія его искусства; одному лѣкарю два покоя съ чуланомъ и малымъ очагомъ; 2-мъ подлѣкарямъ и 8-ми лѣкарскимъ ученикамъ два покоя съ однимъ очагомъ. *Въ третьемъ корпусѣ:* главному лѣкарю два покоя съ комнатою для поклажи, чуланъ и очагъ; одному лѣкарю два покоя съ чуланомъ и малымъ очагомъ; двумъ подлѣкарямъ и 8-ми подлѣкарскимъ ученикамъ два покоя съ однимъ очагомъ. *Въ четвертомъ корпусѣ:* одному лѣкарю два покоя съ чуланомъ и очагомъ; учителю латинскаго языка одинъ покой съ каморкою; 3-мъ подлѣкарямъ и 12-ти лѣкарскимъ ученикамъ два покоя съ однимъ очагомъ. *Въ пятомъ корпусѣ:* одному лѣкарю два покоя съ чуланомъ и очагомъ; рисовальному мастеру одинъ покой съ каморкою; одному подлѣкарю и 14-ти подлѣкарскимъ ученикамъ два покоя съ очагомъ.

ралу не хочется дѣлать что-либо полезное для госпиталя, хотя онъ затѣмъ и опредѣленъ туда, чтобы наблюдать за хозяйственною частью, и 7 сентября опредѣлила всѣ подряды и покупки производить изъ госпитальной конторы при оберъ-кригсъ-комисарѣ Мерлинѣ и кому изъ подчиненныхъ отъ Комисаріата поручено будетъ, «а генерала фонъ-Вертерна къ тому не привлекать, ибо онъ по высочайшей Е. И. В. конфирмаціи опредѣленъ токмо *для одного смотрѣнія* надъ тѣмъ госпиталемъ и чтобъ тотъ госпиталь въ добромъ порядкѣ и болѣе въ надлежащемъ призрѣніи и довольствіи содержанъ былъ.» Этимъ опредѣленіемъ, очевидно, еще болѣе съуживалась инструкція, данная инспектору госпиталя, и онъ осуждался на бездѣйствіе, котораго самъ желалъ и слѣдовательно на совершенную безполезность для госпиталя.

Директоръ Мед. Канцеляріи П. З. Кондоиди съ сожалѣніемъ видѣлъ непониманіе его мысли объ инспекторахъ военныхъ госпиталей и лазаретовъ; однакожъ у него все еще была надежда, что инспекторы принесутъ пользу госпиталямъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ, своимъ безучастіемъ въ мелочныхъ ежедневныхъ разсчетахъ, слѣдовательно безпристрастнымъ различеніемъ истины отъ лжи, ошибокъ отъ злоупотребленій. Онъ надѣялся, что инспекторы будутъ живыми и мыслящими представителями закона, способными вникать во всѣ частности и направлять ихъ правдиво и неуклонно къ предположенной цѣли; поэтому отказъ генерала фонъ-Вертерна отъ хозяйственныхъ заботъ и распоряженій по госпиталю казался ему даже новымъ ручательствомъ истиннаго пониманія роли, какая предоставлена была ему въ госпиталѣ. Къ несчастію, послѣдствія не оправдали всѣхъ этихъ ожиданій.

Вмѣсто того чтобы быть въ госпиталѣ представителемъ закона и высшаго человѣколюбія, вмѣсто того, чтобъ смотрѣть за ходомъ госпитальнаго управленія и направлять его исключительно и неуклонно къ пользамъ больныхъ, генералъ-лейтенантъ фонъ-Вертернъ, съ самаго вступленія своего въ госпиталь, прежде всего выставилъ на видъ свое генеральство, свой личный произволъ поставилъ закономъ и потребовалъ отъ госпитальной конторы безусловнаго себѣ повиновенія. Далѣе, бывая почти ежедневно въ Конторѣ и видясь съ старшимъ докторомъ, онъ никогда не дѣлалъ ни одного личнаго распоряженія, не отдавалъ ни

одного словеснаго приказанія, но всегда выражалъ свою волю письменными ордерами, которые иногда самъ же и приносилъ въ контору. Наконецъ добровольно отказавшись при самомъ вступленіи въ должность отъ всякаго участія въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ, подъ предлогомъ лучше наблюдать за ними, онъ на дѣлѣ однакожъ не дозволялъ госпитальной конторѣ ни одного шагу безъ собственнаго своего разрѣшенія. Но и это было бы еще сносно, еслибъ не послужило ко вреду: но бѣда въ томъ, что все, что было въ госпиталѣ беззаконнаго и злоупотребительнаго, находило въ немъ при извѣстныхъ условіяхъ самаго горячаго и непреклоннаго защитника.

При такихъ-то обстоятельствахъ вступилъ докторъ П. А. Полетика въ управленіе госпиталемъ. Облеченный по Генеральному Регламенту полною властью въ госпиталѣ и полною же за него отвѣтственностью, честный по природѣ и по высокому образованію и немножко горячій по молодости и малороссійскому происхожденію, онъ долго терпѣлъ несправедливое и вредное притязаніе госпитальнаго инспектора, старался даже наединѣ разъяснить ему злоупотребленія, которымъ тотъ явственно, хоть можетъ быть и неумышленно, потакаетъ, но это ничему не помогло. Льстивыя внушенія людей, которымъ честность старшаго доктора грозила неминуемою опасностью, брали верхъ надъ жесткою правдою и простое упрямство превращали въ дѣйствительную вражду. Не было, конечно, недостатка и въ клеветахъ, которыя чернили доктора не щадя мрачныхъ красокъ и въ особенности направлялись противъ личнаго генеральскаго самолюбія и безконтрольности личнаго его произвола.

Такой порядокъ вещей не могъ продолжаться и Полетика невольно схватился за Регламентъ, чтобы разъяснить себѣ собственное свое положеніе въ госпиталѣ. А какъ Регламентъ ставилъ его единственнымъ и полнымъ начальникомъ госпиталя, то онъ рѣшился начать борьбу съ военнымъ деспотомъ за попранныя права свои, не хотѣлъ болѣе терпѣть злоупотребленій въ госпиталѣ, кѣмъ бы они уполномочиваемы и поддерживаемы ни были, и началъ съ того, что перестал принимать письменные ордеры инспектора. Взбѣшенный генералъ тотчасъ-же написалъ жалобу Медицинской Канцеляріи: но та ему отвѣчала, что можетъ-быть докторъ поступилъ и неучтиво, но тутъ ничего нѣтъ

противузаконнаго, да и не было надобности въ письменныхъ ордерахъ, когда генералъ, бывая въ госпитальной конторѣ, можетъ словесно сообщать ей всѣ свои замѣчанія.

Такой отвѣтъ, конечно, не могъ понравиться ему, и потому онъ обратился съ той же жалобою къ Военной Коллегіи, высказавъ только въ общихъ словахъ, что Полетика не признаетъ его за своего «главнаго командира»: но та ничего ему не отвѣтила. Это еще болѣе обидѣло его, и чтобы отомстить за все, онъ пожаловался Военной Коллегіи на словахъ, будто Полетика въ конторѣ бранится съ нимъ. Послѣдній узналъ объ этомъ и, чтобъ обезоружить своего притѣснителя и на этомъ пунктѣ, придумалъ весьма простое средство: говорить съ генераломъ въ госпитальной конторѣ исключительно только о служебныхъ дѣлахъ и притомъ такъ, чтобы всѣ лица, присутствующія при этихъ разговорахъ, во всякое время и хоть подъ присягою могли повторить слова его, т. е. говорить по-русски. Но вышло то, чего Полетика можетъ-быть и не ожидалъ: генералъ лейтенантъ баронъ фонъ-Вертернъ не зналъ ни одного слова по-русски и во всю свою долгую службу даже и не подозрѣвалъ, чтобы ему когда-нибудь въ Россіи понадобился русскій языкъ; поэтому онъ такъ обидѣлся выходкою Полетики, что тотчасъ-же вскочилъ съ мѣста и уѣхалъ изъ госпиталя, а черезъ часъ прислалъ ордеръ, запрещавшій старшему доктору являться въ госпитальную контору; и чтобъ этотъ ордеръ исполненъ былъ лучше, къ дверямъ конторы приставленъ военный часовой съ приказаніемъ ни подъ какимъ видомъ не пускать туда старшаго доктора. Это было на пятой или шестой недѣлѣ поста. Полетика, получивъ ордеръ, заперся дома и перестала посѣщать госпиталь, донеся о томъ Медицинской Канцеляріи. Госпитальныя дѣла остановились. Настала страстная недѣля, надобно было выписывать выздоровѣвшихъ больныхъ, выписывать ихъ было некому и многіе изъ нихъ потихоньку бѣжали изъ госпиталя. Дѣлать нечего: генералъ самъ принялся за выписку ихъ, и въ тоже время писалъ длинную жалобу въ Военную Коллегію, чтобы какъ-нибудь столкнуть этого ненавистнаго доктора и въ тоже время оправдать свое собственное немножко чрезмѣрное уже самоуправство.

Съ другой стороны, пока происходило это несогласіе генерала съ докторомъ, въ госпиталѣ поднялись мелочныя вражды.

Всякій крохоборъ и взяточникъ считалъ себя обиженнымъ честностью, прямотою и безкорыстіемъ старшаго доктора, хотя не имѣлъ никакихъ сношеній съ нимъ. Всѣ чины, начиная отъ комисара до послѣдняго водовоза, считали себя теперь въ правѣ и въ силахъ дѣлать непріятности Полетикѣ, частію изъ желанія угодить инспектору госпиталя, а частію въ отмщеніе за тѣ глухіе, но чувствительные укоры и безпокойства, которые дѣлалъ не докторъ, а собственная совѣсть. Безчестный всегда чувствуетъ себя не ловко предъ лицомъ честнаго человѣка и искуственно подогрѣтою и безпричинною злобою старается только заглушить вопли внутренняго своего голоса.

Дѣло было уже не шуточное и Военная Коллегія не могла не вступиться въ рѣшеніе его. Поэтому 7 марта 1857 года она сообщила Мед. Канцеляріи жалобы генералъ-лейтенанта барона фонъ-Вертерна въ слѣдующей промеморіи:

«Генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Вертернъ объявлялъ доношеніями: 1) что онъ хотѣлъ опредѣлить, по испрошенному имъ указу Военной Коллегіи, сержанта Московскаго 2-го полка Якова Степанова главнымъ писаремъ въ контору генеральнаго сухопутнаго Спб. госпиталя, и опредѣлилъ его и привелъ къ присягѣ, а докторъ Полетика (въ отсутствіе генералъ-лейтенанта фонъ-Вертерна по болѣзни) представилъ отъ себя въ коммисію оберъ-кригсъ-комисара Мерлина, чтобъ Степанову, «за несостояніе при томъ госпиталѣ и за незнаніемъ, можетъ ли онъ ту должность исправлять и какого онъ состоянія», было отказано и къ пріему письменныхъ дѣлъ не допустилъ, а вмѣсто него представилъ на это мѣсто писаря той-же госпитальной конторы Семена Малахова, между-тѣмъ какъ прежнимъ докторомъ Унгебауеромъ ни одинъ изъ госпитальныхъ писарей въ то званіе удостоенъ не былъ. Притомъ-же о представленіи писаря Малахова надлежало предварительно увѣдомить его, генералъ-лейтенанта. 2) Прежній докторъ Унгебауеръ всегда спрашивалъ у генералъ-лейтенанта фонъ-Вертерна, какъ госпитальные порядки содержать, что дѣлывалъ прежде и докторъ Полетика, а нынѣ послѣдній съ гордости неправильно почитаетъ, что будтобы онъ не обязанъ слушаться ордеровъ генералъ-лейтенанта и рапортовать ему, ссылаясь на Госпитальный Регламентъ и на то, что состоитъ единственно подъ дирекціею Мед. Канцеляріи и Пра-

вительствующаго Сената, не представляетъ ему 8-дневныхъ рапортовъ, не принимаетъ его ордеровъ и даже не уважаетъ Военной Коллегіи. Въ конторѣ госпиталя онъ явно говорилъ, будто онъ равнаго съ нимъ ранга и завелъ съ докторшею Унгебауеръ и съ аптекаремъ такія ссоры, которыя очевидно о безпокойствѣ его свидѣтельствуютъ. Генералъ-лейтенантъ фонъ-Вертернъ просилъ его въ повиновеніи быть, какъ былъ Унгебауеръ, но напрасно. 3) По указу Главнаго Комисаріата, бывшимъ генералъ-кригсъ-комисаромъ (что нынѣ фельдмаршалъ графъ Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ) велѣно лошадь госпитальнаго аптекаря Гебгардта довольствовать казеннымъ фуражемъ, а нынѣ докторъ Полетика воспретилъ выдавать раціонъ на эту лошадь аптекаря. Послѣдній жаловался генералъ-лейтенанту фонъ-Вертерну и онъ приказалъ выдавать фуражъ по прежнему, а Полетика не допустилъ этого, запечатавъ магазинъ казенною печатью, какъ доносилъ комисаръ-поручикъ Чернавскій. Кромѣ того, докторъ Полетика роздалъ больнымъ въ госпиталѣ полученныя къ празднику деньги, не увѣдомивъ генерала, и этимъ показалъ, что онъ себя одного считаетъ командиромъ въ госпиталѣ—между тѣмъ какъ пять лѣтъ только назадъ онъ былъ еще сверхкомплектнымъ подлѣкаремъ—не почитаетъ надлежащимъ образомъ всемилостивѣйше пожалованный ему чинъ генералъ-лейтенанта, почему послѣдній и проситъ въ этихъ обидахъ учинить ему надлежащую сатисфакцію, а до-тѣхъ-поръ онъ не будетъ ѣздить въ госпиталь. 4) Генералъ-лейтенантъ фонъ-Вертернъ 3-го минувшаго января приказалъ стоявшему на караулѣ при госпиталѣ поручику Копорскаго гарнизоннаго полка Марку Коптеву наказать денщика докторши Унгебауеръ Степана Казакова (изъ госпитальныхъ служителей) за неучтивость къ ней, и высѣчь его батогами, а докторъ Полетика запретилъ его наказывать, слѣдовательно опять показалъ, что считаетъ себя одного командиромъ въ госпиталѣ, а его, генералъ-лейтенанта, ни во что вмѣняетъ и оказываетъ себя противнымъ образомъ. Затѣмъ, сославшись на Воинскій Уставъ, гл. XIX, п. 1, Морской Регламентъ, гл. L, п. 12, на Генеральный Регламентъ о госпиталяхъ, гл. II, п. 1 и гл. XII, п. 10, и на инструкцію, данную изъ Военной Коллегіи генералъ-лейтенанту фонъ-Вертерну, а равно и на то, что Мед. Канцелярія сама предписала С. Петербургскому и Московскому

госпиталямъ быть въ благопристойномъ послушаніи военнымъ инспекторамъ госпиталей, Военная Коллегія увѣдомила Медицинскую Канцелярію, что она утвердила сержанта Степанова главнымъ писаремъ конторы генеральнаго сухопутнаго С. Петербургскаго госпиталя; а съ докторомъ Полетика «за прописанные несходствующіе съ артикуломъ поступки учинить съ нимъ по указамъ и онаго генералъ-лейтенанта фонъ-Вертерна, по его заслуженному характеру, удовольствовать надлежащею сатисфакціею и притомъ подтвердить, чтобы впредь какъ онъ, такъ и прочіе медицинскіе служители, въ сходство XLIX гл. п. 1 Воинскаго Устава, должное генералъ-лейтенанту послушаніе чинили, яко главному надъ тѣмъ госпиталемъ командиру надлежащимъ образомъ решпектовали, ибо онъ по высочайшему указу опредѣленъ»; однако генералъ-лейтенанту фонъ-Вертерну поставлено въ обязанность, если кто изъ медицинскихъ служителей окажется неисправенъ и нерадѣтеленъ, о тѣхъ доносить Медиц. Канцеляріи, самому же ими не распоряжаться, а надзирателей и прочихъ нижнихъ служителей можетъ наказывать самъ, по усмотрѣнію вины. Что же касается до раціона аптекаревой лошади, то это дѣло передается на разсмотрѣніе Главному Коммисаріату. А какія докторъ Полетика говорилъ дерзости комисару Чернавскому или при немъ, то послѣдняго приказано допросить оберъ-кригсъ-комисару Мерлину и представить въ Военную Коллегію. А если кого изъ нижнихъ чиновъ находящихся въ госпиталѣ надобно представлять къ отставкѣ по неспособности— что чинилъ докторъ чрезъ оберъ-кригсъ-коммисара Мерлина или чрезъ госпитальную контору въ Военную Коллегію, то на будущее время предписывается представлять свидѣтельства объ нихъ изъ госпитальной конторы генералъ-лейтенанту фонъ-Вертерну, а этотъ послѣдній будетъ уже представлять ихъ Военной Коллегіи. 7 марта 1857 года. Подписали: Принцъ фонъ-Гольштейнъ, секретарь Ларіонъ Украинцовъ.»

Полетика съ своей стороны тоже не остался въ долгу и 17 марта 1757 года представилъ Мед. Канцеляріи слѣдующее донесеніе: «1) Не имѣя четвертаго деньщика, на котораго по закону имѣлъ право, и замѣтивъ, что при госпитальной аптекѣ находятся четыре работника, тогда какъ по штату слѣдуетъ быть только двумъ, съ которыми по немножеству дѣлъ исправляться

можно, я взялъ къ себѣ одного изъ нихъ [1]). Аптекарь Гебгардтъ былъ этимъ недоволенъ и пожаловался генералу фонъ-Вертерну, который, пріѣхавъ въ контору и позвавъ аптекаря, спросилъ у него: находился ли взятый работникъ въ лабораторіи? и послѣ утвердительнаго отвѣта съ великимъ крикомъ приказалъ караульному офицеру взять насильно упомянутаго денщика изъ моей квартиры и по приводѣ въ контору отдалъ аптекарю [2]). 2) 13-го марта генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Вертернъ спросилъ

---

[1]) По законамъ того времени госпитальные чины должны были брать себѣ денщиковъ изъ госпитальной наличной прислуги.

[2]) Аптекарь Гебгардтъ (Georg Christoph Gebhardt), игравшій важную роль въ возбужденіи и поддержаніи раздора между генераломъ фонъ-Вертерномъ и докторомъ Полетикою, изъ своихъ корыстныхъ видовъ, былъ прусскій уроженецъ и съ 1736 года былъ гезелемъ при Лубенской полевой аптекѣ, изъ которой переведенъ въ 1742 году къ аптекѣ Спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя, откуда въ 1748 году назначенъ былъ въ армію, сдѣлалъ походъ въ Богемію и возвратившись опять опредѣленъ въ госпиталь. Онъ не отличался, повидимому, особенною уживчивостью характера. Въ офиціальныхъ бумагахъ есть нѣсколько указаній на его особенную наклонность къ ябедѣ и задору. Такъ еще въ ранней молодости онъ нерѣдко жаловался на товарищей и накликалъ на нихъ наказаніе. Между прочимъ разъ жаловался онъ (въ сентябрѣ 1742 года) на ученика лѣкарскаго (генеральнаго сухопутнаго Спб. госпиталя, гдѣ Гебгардтъ былъ аптекарскимъ гезелемъ) Франциска Луку Елачича, за то, что будто-бы тотъ «бранился и дѣлалъ неучтивые поступки въ аптекѣ», и бѣднаго Елачича высѣкли лозами. Въ послѣдствіи этотъ Елачичъ *(Franciscus Lucas Jaellatschitsch)*, вѣнскій уроженецъ, былъ замѣчательною личностью: три раза уѣздилъ въ Китай, былъ первымъ штатнымъ лѣкаремъ въ Спб. Академіи наукъ и наконецъ операторомъ въ Московскомъ госпиталѣ. Біографія его представлена въ предыдущей статьѣ, а теперь приведемъ еще одно указаніе на характеръ аптекаря Гебгардта. По закону описываемаго времени предписывалось не топить печей позже девяти часовъ вечера, а Гебгардтъ держалъ каждую ночь большой огонь въ госпитальной лабораторіи, не приставляя работника смотрѣть за нимъ и притомъ для частныхъ своихъ работъ. Докторъ Унгебауеръ, предмѣстникъ Полетики, просилъ его не дѣлать этого или приставлять работника, для избѣжанія пожара. Это было въ госпитальной конторѣ и въ присутствіи генерала фонъ-Вертерна, который тоже присоединилъ свою просьбу, не держать ночью огня, ссылаясь на то, что и старшій докторъ полагаетъ это возможнымъ. Но аптекарь разсердился и съ бранью отвѣчалъ, что «докторъ въ этомъ дѣлѣ ничего не разумѣетъ, а огню въ лабораторіи всегда надобно быть», и потомъ безцеремонно бранилъ доктора въ присутствіи конторы сколько хотѣлъ, а фонъ-Вертернъ молча слушалъ эту брань. Аптекарь Г. Х. Гебгардтъ умеръ 24 апрѣля 1758 года, а послѣ него госпитальною аптекою временно управлялъ гезель Спб. адмиралтейской аптеки Іоганнъ Фридрихъ Нилусъ *(J. F. Nilus)*, пока назначенъ былъ на это мѣсто изъ Спб. адмиралтейскаго госпиталя гезель Захаръ Цахертъ *(Zacharias Zachert)* аптекаремъ (8 мая 1758 года).

меня: нѣтъ ли какихъ дѣлъ къ его рѣшенію, а я, зная, что этотъ генералъ жаловался на меня Военной Коллегіи, будто бы я при разговорахъ пренебрегалъ честь его, и желая чтобъ предложенія мои ему могли быть засвидѣтельствованы и посторонними людьми (ибо въ госпитальной конторѣ по большой части такіе, которые нѣмецкаго языка не разумѣютъ, какъ-то: комисаръ, караульные офицеры и писаря), навѣдывался, гдѣ находится его адъютантъ, который бы служилъ переводчикомъ, но получивъ въ отвѣтъ, что онъ болѣнъ, сталъ представлять генералу свои предложенія чрезъ главнаго лѣкаря (Линдвурма) на россійскомъ діалектѣ. 3) Обидѣвшись этимъ, генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Вертернъ 14 марта прислалъ ко мнѣ открытый ордеръ не присутствовать въ конторѣ и туда не ходить, ибо вчерашній день не отвѣтствовалъ на его вопросы и въ томъ противъ чести его поступилъ. Правда, я не принялъ ордера и по осмотрѣ больныхъ пошелъ въ контору; но караульный солдатъ при дверяхъ конторы, перекинувъ шпагу, воспретилъ мнѣ входъ и объявилъ, чтобъ я въ контору не шелъ, а на вопросъ: по чьему это распоряженію — онъ отвѣчалъ, что распоряженіе сдѣлано генералъ-лейтенантомъ фонъ-Вертерномъ чрезъ караульнаго офицера. 4) А такъ какъ по Генеральному Регламенту дирекцію въ госпиталѣ и начальственное присутствіе въ госпитальной конторѣ велѣно имѣть старшему госпитальному доктору, то запретивъ мнѣ входъ туда генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Вертернъ подалъ поводъ къ остановкѣ дѣлъ и теперь мнѣ производить выписку больныхъ и представлять недѣльный рапортъ уже невозможно. Опредѣленъ же я въ госпиталь отъ Медиц. Канцеляріи, а не отъ онаго генералъ-лейтенанта фонъ-Вертерна, да и по данной ему изъ Военной Коллегіи инструкціи хотя и велѣно ему главное смотрѣніе имѣть надъ госпиталемъ, только ежели что будетъ касаться до медицинскихъ дѣлъ и до медицинскихъ служителей, въ случаѣ усмотрѣнной неисправности ихъ, велѣно сообщать Медиц. Канцеляріи, а не штрафовать самому. Что же касается до представленія моего о дѣлахъ на россійскомъ діалектѣ, то бывшіе въ конторѣ въ то время главный лѣкарь, комисаръ и караульный офицеръ могутъ засвидѣтельствовать, что я представлялъ ему о настоящихъ дѣлахъ со всякою чести его пристойностью, а что я говорилъ съ нимъ не на нѣмецкомъ языкѣ, а на россійскомъ, то

дѣлалъ это для предосторожности своей, вѣдая что въ судебныхъ мѣстахъ о государственныхъ дѣлахъ всегда представляется на россійскомъ діалектѣ, я же природы россійской и въ нѣмецкомъ языкѣ не такъ доволенъ, какъ въ россійскомъ; того ради оный генералъ-лейтенантъ не имѣетъ новаго случая пожаловаться на то, яко бы я въ рѣчахъ своихъ пренебрегалъ честь его и ему не отвѣтствовалъ, ибо какъ комисаръ, такъ и караульный офицеръ и прочіе служители нѣмецкаго языка не знаютъ, а дѣланныя мною на россійскомъ языкѣ предложенія засвидѣтельствовать могутъ. 5) Когда я хотѣлъ написать рапорты обо всемъ этомъ въ Военную Коллегію и въ Медицинскую Канцелярію, то ни одинъ писарь не сталъ ихъ писать, ссылаясь на запрещеніе генералъ-лейтенанта фонъ-Вертерна.»

Въ тотъ же день Полетика представилъ другое донесеніе въ Мед. Канцелярію о томъ, что, обходя госпиталь и зайдя въ аптеку, онъ нашелъ тамъ сороковую бочку съ ренсковыми дрождями, и на вопросъ: откуда она—получилъ отвѣтъ, что одинъ кожевникъ съ Выборгской стороны прислалъ ее къ аптекарю для перегонки изъ дрождей вина, и что подобная перегонка много разъ уже производилась казенными дровами, аппаратами и посудою. Домашнее изслѣдованіе подтвердило справедливость этихъ показаній.

Непріятна была Медицинской Канцеляріи промеморія Военной Коллегіи отъ 7 марта, но надобно было разобрать дѣло и она потребовала отъ Полетики объясненія на жалобы генералъ-лейтенанта фонъ-Вертерна. Къ сожалѣнію, эти жалобы были не послѣднія и ими только начинался цѣлый рядъ кляузъ и придирокъ. Такъ, 21 марта генералъ-лейтенантъ фонъ-Вертернъ формально пожаловался Мед. Канцеляріи на непослушаніе и непокорность Полетики, въ тоже время оправдываясь въ своихъ противъ него насиліяхъ. Онъ писалъ, что «докторъ Полетика не хотѣлъ ему подчиниться и не объявилъ по госпиталю указа о назначеніи его, генерала фонъ-Вертерна, госпитальнымъ инспекторомъ. Позволилъ лѣкарю Вейтбрехту взять къ себѣ въ казенную квартиру сестеръ своихъ, и когда генералъ велѣлъ выгнать ихъ, то онъ не позволилъ этого и даже разсердясь сказалъ, при выходѣ изъ конторы на нѣмецкомъ языкѣ, что генералъ-лейтенантъ фонъ-Вертернъ не годенъ присутствовать въ конторѣ. Въ

особенности же жаловался генералъ на то, что докторъ Полетика позволилъ себѣ говорить съ нимъ на русскомъ языкѣ, «и зная, что я по-россійски говорить не знаю, хотя онъ нѣмецкій діалектъ знаетъ какъ природный нѣмецъ, отвѣтствовалъ мнѣ въ насмѣшество на россійскомъ языкѣ, и какъ видно не иное что, только изъ злости своей онъ, Полетика, мнѣ ругается, кои рѣчи уже перевелъ мнѣ главный лѣкарь Линдвурмъ, что оныя касаются до строенія госпиталя, и тѣмъ онъ Полетика меня крайне обидѣлъ и по его противъ меня непристойнымъ поступкамъ и всемилостивѣйше пожалованный мой рангъ весьма не обсервуетъ, ибо съ начала службы моей еще я себѣ таковыхъ, какъ выше значитъ, противностей и обидъ не видѣлъ.» Далѣе генералъ приводитъ въ обвиненіе доктора то, что послѣдній ѣздилъ въ Кронштадтъ на день, не спросившись его и поручивъ госпиталь младшему доктору. «Чтобъ отъ суровыхъ непріятностей и непослушаній не претерпѣвать, продолжаетъ онъ, я запретилъ ему ходить въ контору къ отправленію письменныхъ дѣлъ, поручивъ ихъ главному лѣкарю, который однакоже сказался больнымъ, почему я и взялъ на себя подписывать всѣ дѣла по госпитальному расходу. Я не препятствовалъ, говоритъ онъ, доктору лѣчить больныхъ и даже послалъ къ нему для освидѣтельствованія двухъ нижнихъ служителей, но онъ изъ злости ихъ не освидѣтельствовалъ и отослалъ ко мнѣ обратно, и мои ордеры ни во что вмѣняетъ, а теперь сидитъ праздно и цѣлую недѣлю даромъ жалованье получаетъ.»

Это «сидѣнье праздно» продолжалось не недѣлю, а цѣлый мѣсяцъ, что и вынудило генерала фонъ-Вертерна снова пожаловаться Медиц. Канцеляріи на Полетику, что онъ не подписываетъ лѣкарскихъ рецептовъ.

Правду сказать, лѣкарскіе рецепты были тутъ только предлогомъ, а въ самомъ-то дѣлѣ генералъ начиналъ трусить: приближалась пасха, выздоровѣвшіе настойчиво просились на выписку, начались даже побѣги изъ госпиталя, а выписывать было некому, такъ что оставалось генералу самому приняться за это дѣло, что онъ наконецъ и дѣйствительно сдѣлалъ. Въ послѣдствіи это подтверждено формальнымъ донесеніемъ оберъ-кригсъ-коммисара Мерлина въ Медиц. Канцелярію отъ 7 апрѣля. Тамъ сказано, что «по донесенію комисара Спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя прапорщика Ивана Большаго Львова на 6 и 7 недѣляхъ

великаго поста и на свѣтлой недѣлѣ не было выписки больныхъ, хотя выздоровѣвшихъ было много, а бѣжало на свѣтлой недѣлѣ шесть человѣкъ, чего предупредить по малому караулу въ госпиталѣ невозможно.»

А чтобы цѣлый госпиталь не разбѣжался и вина въ томъ не пала на генерала фонъ-Вертерна, послѣдній еще разъ написалъ въ Военную Коллегію, не преминувъ повторить всѣ прежнія свои обвиненія противъ Полетики и прибавивъ, что онъ изъ упрямства не присутствуетъ въ госпитальной конторѣ и не освидѣтельствуетъ неспособныхъ, да видно и лѣкарямъ запретилъ ихъ свидѣтельствовать, потому что они начисто отказались, говоря, что это не ихъ дѣло, стало быть Полетика виноватъ и тѣмъ, что заставляетъ ихъ ослушаться приказаній генерала (особенно обвинялись лѣкари Иванъ Хемницеръ и Вейтбрехтъ). Разговоръ на русскомъ языкѣ такъ безпокоилъ его, что онъ снова вставилъ его въ свою жалобу. На Вейтбрехта, котораго теперь ненавидѣлъ генералъ-лейтенантъ фонъ-Вертернъ, прибавлено то, что когда то (по донесенію стоявшаго въ караулѣ при госпиталѣ подпоручика 4-го гренадерскаго пѣхотнаго полка Александра Сомова) онъ приказалъ деньщику своему топить печь въ своей квартирѣ въ половинѣ девятаго часа по полудни, и Полетика, бывшій въ гостяхъ у Вейтбрехта, дозволилъ топить, не смотря на запрещеніе караульнаго офицера, а когда деньщикъ не зналъ кого слушать и не рѣшался топить, то Полетика ударилъ его въ носъ до крови [1]).

---

[1]) Спрошенный объ этомъ Полетика отвѣчалъ, что онъ «дѣйствительно дозволилъ топить печь для больной Вейтбрехтовой матери, что и по Регламенту дозволено (гл. VIII, п. 6); а если денщикъ показалъ, будто я разбилъ ему носъ, то онъ могъ сдѣлать это по наущенію или съ сердцовъ самъ-себя окровавилъ, что какъ отъ здоровыхъ, такъ и отъ больныхъ много дѣлается. Генералъ-лейтенанту фонъ-Вертерну не слѣдовало этому и вѣрить, но онъ сдѣлалъ это, очевидно, чтобъ меня предъ подкомандными унизить и ихъ къ ослушанію привесть. Доказательствомъ служитъ то, что 27 мая одинъ госпитальный работникъ шелъ мимо моей квартиры, въ которой я у открытаго окна сидѣлъ, и оный предо мною съ крайнимъ непочтеніемъ и глядя на меня въ насмѣшество прошелъ и шляпы не поднялъ, за что я велѣлъ отвесть его въ контору подъ караулъ, а генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Вертернъ, бывъ въ то время въ госпиталѣ, не учиня мнѣ никакой сатисфакціи, въ насмѣшество мнѣ велѣлъ его освободить.

Жалобы эти и доносы переданы были Мед. Канцеляріи Военною Коллегіею 11 апрѣля, причемъ прибавлено, что она приказала допустить доктора Полетику къ должности по госпитальной конторѣ и сдѣлала замѣчаніе генералъ-лейтенанту фонъ-Вертерну, что ему и устранять его отъ должности не подлежало. Въ заключеніе она просила Мед. Канцелярію подтвердить Полетикѣ, чтобъ онъ былъ «въ благопристойномъ послушаніи у генералъ-лейтенанта фонъ-Вертерна, и по его характеру какъ главнаго командира решпектовалъ и на словесные для его иностранства вопросы отвѣтствовалъ съ почтеніемъ, потому что иначе госпиталь потеряетъ такого ревностнаго генерала. А по дѣлу аптекаря и перегонки дрождей Военная Коллегія увѣдомила, что при допросѣ аптекарь показалъ, что онъ дѣйствительно перегонялъ вино изъ дрождей, но единственно «для узнаванія химическихъ наукъ».

Медицинская Канцелярія препроводила и съ этой промеморіи Военной Коллегіи копію къ Полетикѣ, съ требованіемъ объясненія. Между тѣмъ 2-го мая генералъ-лейтенантъ фонъ-Вертернъ лично явился въ Военную Коллегію, снова пожаловался на старшаго госпитальнаго доктора и объявилъ, что ужиться съ нимъ не можетъ: почему Военная Коллегія 12-го мая опредѣлила просить Медицинскую Канцелярію смѣнить Полетику, въ особенности за то, будто онъ сказалъ комисару Чернавскому, что они поступаютъ «воровски и кормятъ лошадь аптекаря также», и назначить на его мѣсто другого знающаго и опытнаго доктора.

Медицинская Канцелярія отвѣтила на это 30-го мая, что на основаніи Воинскаго Устава гл. L, п. 1 и 2, «доктора и профессора Полетику безъ суда отрѣшить отъ должности невозможно. Въ формѣ же о судѣ, высочайше утвержденной, сказано: когда время суда придетъ, тогда изготовить двѣ тетради шнуровыя и запечатать, изъ которыхъ на одной писать отвѣтчикамъ отвѣтъ, а на другой истцовы или доносительныя улики. А такъ-какъ опредѣленіе Военной Коллегіи учинено по единымъ только онаго генералъ-лейтенанта барона фонъ-Вертерна представленіямъ и жалобамъ, а чтобъ отъ онаго доктора какія противъ тѣхъ его представленій и жалобъ объясненія были, того въ тѣхъ Военной Коллегіи промеморіяхъ не упомянуто: того ради отрѣшить его невозможно. При этомъ Медицинская Канцелярія спросила: съ

назначеніемъ генералъ-лейтенанта барона фонъ-Вертерна въ С.-Петербургскій и генералъ-майора Куминга въ Московскій госпитали отмѣненъ-ли Генеральный о госпиталяхъ Регламентъ, высочайше утвержденный, или состоитъ еще въ полной своей силѣ и дѣйствіи, «понеже Медицинская Канцелярія о томъ извѣстія не имѣетъ и буде въ Военной Коллегіи каковое извѣстіе о томъ имѣется, то благоволено бы было сообщить въ Медицинскую Канцелярію.»

Эта бумага сообщена была генералу фонъ-Вертерну и сильно озадачила его: онъ вовсе не желалъ суда и даже боялся его. Прямой судъ, да еще по Генеральному Регламенту, ни въ какомъ случаѣ не могъ оправдать его, а обвинилъ бы очень легко. По этому онъ предпочелъ лучше отказаться отъ своихъ притязаній, чѣмъ рисковать опасностью, которая была не маловажна. Обдумавъ дѣло, онъ сталъ просить мѣста въ арміи генералъ-фельдмаршала С. Ѳ. Апраксина, соглашаясь быть даже волонтеромъ, если тамъ нѣтъ генералъ-лейтенантской вакансіи, и въ половинѣ іюня пересталъ ѣздить въ госпиталь. Увѣдомляя объ этомъ Медицинскую Канцелярію, Военная Коллегія присовокупила, что за госпиталемъ поручено, вмѣсто него, смотрѣть оберъ-кригсъ комисару Мерлину.

И такъ виновникъ спора сошелъ со сцены, но съ его удаленіемъ не прекратились непріятности для доктора Полетики. Военная Коллегія не могла ему простить, что поддерживала неправыя притязанія удалившагося генерала и не въ силахъ была поддержать ихъ до конца, а Комисаріатъ еще менѣе могъ простить и ужиться съ тѣмъ, кто хоть разъ посмѣлъ сказать, что подчиненные его поступаютъ «воровски». По этому теперь начались преслѣдованія отъ Комисаріата и доносы его въ Военную Коллегію, которая принимала ихъ безъ особеннаго неудовольствія. Такъ въ началѣ іюня Мерлинъ донесъ Военной Коллегіи, что «докторъ Полетика 2-го іюля въ госпитальной конторѣ обидѣлъ госпитальнаго комисара Ивана Большаго Львова, назвавъ его бунтовщикомъ и возмутителемъ госпитальной команды и необычайно крича на него, что видѣли госпитальные служители и даже засвидѣтельствовали, но не могли подписаться за неумѣніемъ грамотѣ, а за нихъ подписался главный писарь (тотъ самый Степановъ, котораго Полетика не хотѣлъ допустить къ

должности). Комисаръ-же былъ ничѣмъ не виноватъ и наряжалъ служителей къ перевозкѣ на казенномъ щерботѣ пустыхъ бочекъ на Петровскій островъ на сохраненіе». Военная Коллегія передала эту жалобу въ Медицинскую Канцелярію, съ просьбою розобрать дѣло и если обвиненіе комисара окажется несправедливымъ, то заставить доктора дать ему сатисфакцію.

Другая жалоба представлена уже самою Военною Коллегіею за ослушаніе Полетики и также по донесенію Мерлина. Полетика освидѣтельствовалъ двухъ солдатъ, но не хотѣлъ представить свидѣтельства Мерлину, а прямо отъ конторы представилъ въ Военную Коллегію. Послѣдняя возвратила ему бумаги, приказывая представить оберъ-кригсъ-комисару: а упрямый докторъ настаивалъ на своемъ, что къ комисаріату не относится разборъ дѣлъ личности солдатъ. Разсерженная Военная Коллегія понимала, что онъ правъ, и тѣмъ настоятельнѣе стала требовать отъ Медицинской Канцеляріи, чтобъ она смѣнила его и опредѣлила въ госпиталь другаго доктора.

Но съ другой стороны и Медицинской Канцеляріи наскучили эти несправедливыя преслѣдованія честнаго человѣка, вся вина котораго состояла именно въ томъ, что онъ былъ чрезмѣрно честенъ и прямъ. Къ тому-же отъ него получено наконецъ было объясненіе на всѣ пункты, въ которыхъ обвиняли его. Вотъ это *объясненіе*:

1. О помянутомъ въ томъ указѣ Медицинской Канцеляріи писарѣ Малаховѣ и объ опредѣленіи его въ госпитальную контору въ писари, по способности его къ приказнымъ дѣламъ и знакомству съ ними, было отъ госпитальной конторы представляемо въ Коммисію Главнаго Комисаріата вѣдѣнія оберъ-кригсъ-комисара Мерлина: но это представленіе было сдѣлана гораздо прежде послѣдованія указа Военной Коллегіи о назначеніи главнымъ писаремъ сержанта 2-го Московскаго полка Якова Степанова, а именно 20-го ноября 1756 года. Сдѣлано оно потому, что Малаховъ состоитъ при госпитальной конторѣ немалое время и въ дѣлахъ имѣетъ заобыкновенность и знаніе. Въ отвѣтъ на это представленіе отъ Коммисіи послѣдовалъ указъ 27-го тогоже ноября, которымъ и велѣно писарю Малахову въ правленіи должности главнаго писаря быть и дѣла исправлять впредь до ре-

золюціи Главнаго Комисаріата. Послѣ-же того отъ генералъ-лейтенанта барона фонъ-Вертерна объявлена конторѣ копія съ указа Военный Коллегіи о назначеніи главнымъ писаремъ сержанта Якова Степанова, хотя по смыслу Генеральнаго о госпиталяхъ Регламента, въ которомъ о должности главныхъ писарей при госпиталяхъ означено, что они выбираться могутъ изъ канцеляристовъ и добрыхъ подканцеляристовъ, слѣдственно знающему канцелярскія дѣла быть должно, а не такому, какъ тотъ писарь Степановъ, который въ дѣлахъ по той конторѣ необыкновененъ, какъ и въ самомъ дѣлѣ немалая остановка во время надобности происходитъ, отъ чего я не такъ какъ командиръ, по власно помощникъ за нимъ въ дѣлахъ наблюдаю, черезъ что въ смотрѣніи больныхъ и въ упражненіи время къ разсмотрѣнію по моей наукѣ книгъ имѣю немалую остановку и упущеніе времени. Притомъ же генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ Вертернъ представлялъ Военной Коллегіи объ опредѣленіи Степанова главнымъ писаремъ при госпитальной конторѣ и требовалъ о томъ указа одинъ, отъ себя, безъ согласія госпитальной конторы, а мое замѣчаніе о способности Степанова принялъ за противность и удержалъ онаго писаря у себя и велѣлъ ему жить на дворѣ у себя; между-тѣмъ какъ по данной ему изъ Военной Коллегіи инструкціи (пунктъ 6) велѣно ему генералъ-лейтенанту барону фонъ-Вертерну въ смотрѣніи экономіи въ потребныхъ случаяхъ поступать съ общаго совѣту госпитальнаго доктора, слѣдовательно онъ въ томъ оказался не токмо той инструкціи, но и Генеральному Регламенту противнымъ. Когда-же объ опредѣленіи онаго Степанова указъ изъ Главнаго Комисаріата послѣдовалъ, то по требованію, какъ изъ Коммисіи, такъ и изъ госпитальной конторы о присылкѣ того писаря къ отправленію дѣлъ въ госпитальной конторѣ, г. генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Вертернъ не присылалъ его до-тѣхъ-поръ, пока не послѣдовалъ изъ Военной Коллегіи указъ о жалобахъ его на меня, т. е. до 7-го марта сего года; а приславъ его, онъ въ тоже время (10-го марта) ордеромъ, даннымъ въ контору—котораго ему въ контору и присылать не должно было, да и ни по какимъ правамъ не сходственно—запрещеніе учинилъ, чтобъ писарю Степанову никакого штрафу не чинить и никогда на него не представлять, изъ чего учинена явная потачка и способъ къ частому пренебреженію

дѣлъ, чего какъ командиру и чинить весьма не подлежало. Съ онаго ордера прилагаю при семъ копію [1]).

2. 10 іюля прошлаго 1756 года прислалъ онъ инструкцію или паче приказъ не ко мнѣ, но къ бывшему тогда старшему доктору Унгебауеру, а съ какого повелѣнія и имѣлъ-ли онъ на то резонъ—оставляется въ разсужденіе высокихъ командъ, потому-что изъ даваемыхъ отъ Медицинской Канцеляріи указовъ, при опредѣленіи докторовъ въ должность въ госпитали, не явствуетъ чтобъ они поступали въ силу другихъ какихъ инструкцій кромѣ Генеральнаго о госпиталяхъ Регламента и указовъ. Въ томъ его приказѣ, между прочимъ, въ 7-мъ пунктѣ написано, что касательно какихъ-либо по госпиталю требованій и другихъ нуждъ, безъ его позволенія ничего не чинить, а о случающейся постройкѣ чего вновь или къ заготовленію какихъ припасовъ и матеріаловъ о томъ обо всемъ доктору представлять къ нему письменно съ своимъ мнѣніемъ и резолюцій на то ожидать. Между тѣмъ изъ пунктовъ данной ему г. генералъ-лейтенанту инструкціи не значится чтобъ о потребностяхъ госпиталя ему представлять и на то отъ него резолюціи ожидать, да и Генеральному о госпиталяхъ Регламенту (гл. I, п. 7 и 30, гл. II, п. 2, 8 и 11, гл. VIII, п. 2, гл. XII, п. 10) это весьма противно. Что же до ордеровъ касается, которые онъ со вступленія своего въ смотрѣніе надъ госпиталемъ началъ многочисленные, какъ въ госпитальную контору, такъ и на имя докторское, насылать «то, усмотря это при вступленіи своемъ въ должность, я не могъ не замѣтить,

---

[1]) Вотъ этотъ ордеръ:

«Отъ генералъ-лейтенанта барона фонъ-Вертерна генеральнаго сухопутнаго госпиталя въ Контору.

Въ схоцственность полученнаго мною Е. И. В. изъ Государственной Военной Коллегіи указа госпитальной Конторѣ симъ предложить нахожу:

Главному писарю Степанову, по силѣ прежняго Военной Коллегіи опредѣленія, велѣно быть въ рѣченномъ госпиталѣ у правленія письменныхъ дѣлъ въ положенномъ по госпиталю числѣ, чего для оный при семъ посылается. Чтоже принадлежитъ до письменныхъ дѣлъ, то подканцеляристу Торопчининову, описавъ съ надлежащею акуратностью, сдавать и на первый случай всѣ госпитальные поведенія объявить пристойнымъ образомъ. Оному-же главному лѣкарю *штрафу никакова не чинить и никуды не представлять*, а объявлять мнѣ, ибо уже о главныхъ писаряхъ довольно высокой командѣ затрудненія учинено, и учинить ему опредѣленіе. Баронъ фонъ-Вертернъ.

10 марта 1757 года.»

что все это происходитъ отъ него, г. генералъ-лейтенанта, неправильно и прибавляетъ только лишнюю переписку въ немалое затрудненіе госпитальной конторѣ и мнѣ; потому что ни изъ инструкціи его, ни изъ указа даннаго мнѣ изъ Медицинской Канцеляріи не значится, чтобъ ему слѣдовало поступать такимъ порядкомъ и насылать ко мнѣ такіе ордеры, и мнѣ ихъ принимать, такъ какъ въ силу Генеральнаго о госпиталяхъ Регламента, гл. I, п. 13, указовъ въ госпиталь ни откуда присылать не велѣно кромѣ Государственной Военной Коллегіи и Медицинской Канцеляріи, а въ гл. II, п. 18 сказано: докторъ долженъ о всемъ состояніи госпиталя и аптеки и служителей репортовать архіятеру и все, что у него въ вѣдѣніи имѣетъ быть, требовать отъ него опредѣленія, тако-жъ и въ Государственную Военную Коллегію закрѣплять репорты, которые чинитъ комисаръ. Да и въ данной ему, г. генералъ-лейтенанту, изъ Военной Коллегіи инструкціи, въ 6-мъ пунктѣ, повелѣно, ежели какое небреженіе въ экономіи имъ, г. генералъ-лейтенантомъ, усмотрѣно будетъ, все, сколько возможно по согласію съ докторомъ, въ должную исправность съ надлежащимъ порядкомъ приводить; да и въ 7-мъ пунктѣ велѣно-жъ, по медицинскимъ дѣламъ, что къ лучшей пользѣ усмотритъ, о томъ ему съ требованіемъ сообщать въ Медицинскую Канцелярію и въ Коллегію репортовать. При томъ же медицинскіе чины при опредѣленіи посылаются не къ нему, а въ госпитальную контору. Изъ чего видно, что ему, г. генералъ-лейтенанту, ордировать какъ контору, такъ и меня не слѣдуетъ. Что-же надлежитъ до госпитальныхъ нуждъ, то велѣно ему, по силѣ инструкціи (п. 1) въ госпиталь ѣздить повседневно, а по крайней мѣрѣ три дни въ недѣлю, гдѣ ему отъ меня объ оныхъ представляется словесно, слѣдственно и ему можно-бы, безъ дальнихъ переписокъ, приказать тутъ-же въ конторѣ написать и представить куда надлежитъ; однако-жъ онъ, большею частію находясь дома, началъ насылать многочисленные ордеры, какъ въ контору, такъ и на мое имя о дѣлахъ, касающихся до всей конторы, а не до меня лично, и въ отвѣтъ на нихъ отъ меня требовать репортовъ. Видя такіе непорядки и остановку въ дѣлахъ, я, бывъ у него на дому, пристойнымъ образомъ и съ учтивостію, по чести его, а не за тѣмъ, чтобъ завести съ нимъ ссору, представлялъ; однако онъ, вмѣняя ни во что тѣ мои представленія,

съ того времени еще чаще сталъ посылать ко мнѣ такіе ордеры, въ которыхъ писаны разныя грубыя непристойности. Что-же принадлежитъ до 7-дневныхъ репортовъ, то г. генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Вертернъ, въ силѣ Генеральнаго Регламента, гл. VIII, п. 11, долженъ требовать ихъ отъ госпитальнаго комисара, а не отъ меня. О присылкѣ же ко мнѣ изъ Военной Коллегіи указовъ, которыми я будто-бы не весьма доволенъ и даже объявилъ это при г. докторѣ Лерхе, оное затѣяно имъ на меня напрасно, въ чемъ могу сослаться на того-же г. доктора Лерхе. Напрасно также выдумано имъ и то, будто я объявилъ, что безъ моего согласія ему неприлично никого штрафовать въ госпиталѣ, въ чемъ ссылаюсь на присутствующихъ въ госпитальной конторѣ, а въ особенности на главнаго лѣкаря, который во всей конторѣ одинъ только знаетъ понѣмецки. Можетъ быть онъ взялъ это изъ ошибочнаго толкованія словъ моихъ, сказанныхъ въ присутствіи конторы, а именно я говорилъ ему, что онъ противно Регламенту (гл. I, пп. 21 и 29) запретилъ конторѣ, минувшаго 20 ноября 1756 года, кого-либо самой собою штрафовать, и послалъ ордеръ съ инструкціею караульному офицеру, въ которой, въ 5-мъ пунктѣ, велѣно всѣхъ арестантовъ, которые изъ госпитальной конторы или изъ другихъ мѣстъ присылаемы будутъ, принимать тому офицеру и никого изъ нихъ, безъ дозволенія его, г. генералъ-лейтенанта, не освобождать и не штрафовать; въ то же время онъ приказалъ тому-же офицеру, госпитальному комисару и своему адъютанту, безъ вѣдома и присутствія конторы, только по личному своему разсужденію, арестантовъ тѣхъ штрафовать въ противность Генеральному Регламенту, чрезъ что происходятъ повседневные непорядки, какъ отъ больныхъ, такъ и отъ госпитальныхъ служителей, больные отъ своихъ мѣстъ отлучаются и внѣ госпиталя пьянствуютъ и дѣлаютъ всякія непотребства, а надзиратели, сверхъ помянутыхъ непристойностей, во всемъ медицинскимъ чинамъ ослушны, въ томъ уповаціи, что за неприсутствіемъ г. генералъ-лейтенанта барона фонъ-Вертерна въ конторѣ госпиталя и по его запрещеніямъ штрафу имъ никакого не бываетъ, а отъ долговременнаго сидѣнія подъ карауломъ (если-бъ я арестовалъ кого-либо изъ нихъ до его пріѣзда) можетъ произойдти недостатокъ въ людяхъ и остановка въ смотрѣніи за больными. Правда, инструкціею

Военной Коллегіи и указомъ 7 марта 1757 года, ему разрѣшено штрафовать надзирателей въ госпиталѣ, но этимъ не отнято и у конторы право штрафовать виновныхъ въ силу госпитальнаго Регламента. Касательно-же докторши Унгебауеръ, которой г. генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Вертернъ далъ третьяго денщика, мною представлено было ему только то, что назначеніе лишняго денщика противно указу Правительствующаго Сената 1756 года, по которому ей велѣно точно довольствоваться двумя денщиками; не смотря на то, г. генералъ-лейтенантъ, ордеромъ 6 ноября 1756 года въ контору госпиталя, приказалъ послать ей третьяго денщика. Изъ сего явствуетъ, что съ моей стороны не было оказано никакихъ особыхъ предпріятій противъ докторши, какъ ему угодно было представить. То-же самое и о госпитальномъ аптекарѣ, котораго непристойное поведеніе довольно Медицинской Канцеляріи извѣстно. Г. генералъ-лейтенанту, яко не знающему о состояніи аптеки и аптекаря, въ сіе и мѣшаться не подлежало, ибо изъ сего ничего больше не происходитъ, какъ возмущеніе медицинской команды.

3. Г. генералъ-лейтенантъ представляетъ о фуражѣ на лошадь аптекаря, но несправедливо. Комисаръ госпиталя поручикъ Чернавскій словесно объявилъ мнѣ, будто въ конторѣ имѣется указъ Главнаго Комисаріата 11 марта 1756 года, по которому слѣдуетъ отпускать фуражъ на ту лошадь, и опредѣленіе самой конторы объ этомъ отпускѣ фуража на основаніи указа. Но справясь въ конторѣ, я узналъ, что тамъ имѣется указъ не 1756, а 18 марта 1746 года, изъ чего явствуетъ фальшивый умыселъ и подлогъ комисара Чернавскаго объ ономъ указѣ. Указъ тотъ состоялся потому, что десять лѣтъ назадъ у аптекаря была собственная лошадь, на которой онъ будтобы посылалъ за лѣкарствами въ Мед. Канцелярію, а также собирать травы для госпитальной аптеки, не требуя на то казенной лошади, почему и просилъ, вмѣсто дачи ему казенной лошади, чтобы его собственную лошадь кормили обще съ казенными лошадьми и содержали ее на казенной конюшнѣ. Но какъ теперь у аптекаря давно уже нѣтъ собственной лошади, то я словесно объявилъ комисару, чтобъ онъ поступалъ по точной силѣ того указа и, за неимѣніемъ у аптекаря лошади, выдачу фуража ему не производилъ, а когда аптекарь опять будетъ содержать лошадь на лицо,

какъ по указу Главнаго Комисаріата велѣно, тогда будетъ производимъ ему и фуражъ на нее (что все послѣ комисаръ Чернавскій представилъ репортомъ въ госпитальную контору и на то составлено опредѣленіе оной конторы). Послѣ этого словеснаго объясненія съ Чернавскимъ, на другой день пришелъ я изъ конторы на комисарскій дворъ (въ которомъ жительство имѣю и гдѣ состоитъ также и казенная конюшня) и увидѣлъ, что госпитальные служители вѣсятъ казенное сѣно и кладутъ на возы. Спросивъ, куда сѣно отпускаютъ, я узналъ отъ магазейнъ-вахтера, что сѣно вѣсятъ въ отпускъ аптекарю по комисарскому приказу. Видя такіе непорядки и не знавъ еще, имѣетъ-ли комисаръ о томъ ордеръ отъ генералъ-лейтенанта барона фонъ-Вертерна, я не велѣлъ отпускать сѣна и притомъ сказалъ, что хорошіе люди безъ вѣдома команды того не дѣлаютъ. Потому-что комисаръ, получивъ сказанный ордеръ и не объявя его въ конторѣ, велѣлъ отпустить сѣно, а самъ уѣхалъ въ Комиссію Главнаго Комисаріата (комисаръ послѣ сказывалъ мнѣ, что онъ этотъ ордеръ о выдачѣ фуража показывалъ въ коммисіи и отъ оной коммисіи такое же учинено запрещеніе выдавать фуражъ). Когда комисаръ возвратился изъ комиссіи и объявилъ мнѣ присланный къ нему генеральскій ордеръ, то я приказалъ ему, чтобъ онъ объявилъ генералъ-лейтенанту помянутый указъ Главнаго Комисаріата 18 марта 1746 года: но исполнилъ-ли онъ это или нѣтъ, я незнаю, а только пріѣхавъ отъ генерала объявилъ мнѣ, что генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Вертернъ приказалъ фуражъ аптекарю выдать, а если выдача не будетъ произведена, то угрожалъ, что прикажетъ караульному офицеру произвесть выдачу его насильно. Итакъ видя неминуемый напрасный интересу ущербъ, потому что аптекарю назначался фуражъ за три мѣсяца, въ теченіе которыхъ у него не было на лицо лошади, а также зная, что генералъ-лейтенантъ, по его иностранству, отъ наблюденія госпитальной экономіи отказался, что и подтверждено указомъ Военной Коллегіи 19 сентября 1756 года, «чтобы быть для госпитальнаго лучшаго присмотру, ибо-де онъ генералъ-лейтенантъ по высочайшей конфирмаціи опредѣленъ токмо для одного надъ госпиталемъ лучшаго смотрѣнія», слѣдовательно и аптекарю надлежало просить объ отпускѣ фуража Комисаріатъ, а не г. генералъ-лейтенанта, которому въ это дѣло и вступаться

не слѣдовало, я взялъ казенную госпитальной конторы печать и запечаталъ ею конюшню, гдѣ хранилось сѣно. Еще генералъ-лейтенантъ доноситъ, будто на основаніи указа Коммисаріата 18 марта 1746 года аптекарю велѣно производить раціонъ: но сего изъ того указа не явствуетъ. Наконецъ генералъ-лейтенантъ доноситъ о выдачѣ госпитальнымъ больнымъ денегъ, которыя присланы были по высочайшему Е. И. В. соизволенію для наступившаго тогда торжественнаго праздника Рождества Христова: но деньги были присланы наканунѣ того праздника въ 10-мъ часу вечера, когда не репортовать слѣдовало, а исполнить высочайшее Е. И. В. повелѣніе, и деньги должно было выдать тогдаже, а не на другой день.

4. Г. генералъ-лейтенаетъ донесъ, будто бы я запретилъ минувшаго 3 января стоявшему на караулѣ при госпиталѣ поручику Копорскаго гарнизоннаго полка Марку Коптеву учинить штрафъ госпитальному денщику Степану Казакову, назначенный г. генералъ-лейтенантомъ за противные докторшѣ Унгебауеръ поступки этого денщика, и слѣдовательно почитаю себя одного командиромъ въ госпиталѣ, а его генерала не во что вмѣняю. Это написалъ онъ, г. генералъ-лейтенантъ, напрасно, въ чемъ свидѣтельствуюсь главнымъ лѣкаремъ и всею конторою, да и совѣстью подтвердить могу; ибо когда Коптеву присланъ былъ ордеръ мимо госпитальной конторы отъ г. генералъ-лейтенанта о штрафованіи того денщика, и оный Коптевъ пришелъ въ контору объявить мнѣ о томъ штрафѣ, то я сказалъ ему въ присутствіи конторы, что я ни запрещать, ни приказывать ему не могу, потому что въ конторѣ никакого не имѣется извѣстія отъ г. генералъ-лейтенанта о штрафованіи того денщика. Изъ чего слѣдуетъ, что поручикъ Коптевъ отрапортовалъ на меня г. генералъ-лейтенанту ложно.

5. Что-же касается до госпитальнаго работника, о которомъ прежде Медицинской Канцеляріи доносилъ, что по силѣ Госпитальнаго Регламента надлежало мнѣ имѣть четырехъ денщиковъ, за недостаткомъ же при госпиталѣ служителей и дабы къ призрѣнію больныхъ не учинить остановки, выбралъ я способныхъ только трехъ человѣкъ; но въ послѣдствіи я увидѣлъ, что при аптекѣ имѣется четыре работника, тогда какъ по Регламенту надлежитъ быть только двумъ, съ которыми по немножеству

дѣлъ при аптекѣ исправиться возможно, то я и взялъ къ себѣ изъ нихъ одного человѣка, оставивъ при аптекѣ еще трехъ, слѣдовательно одного лишняго противъ Регламента. На это аптекарь подалъ доношеніе г. генералъ-лейтенанту барону фонъ-Вертерну, который, бывъ въ конторѣ 10 сего марта, призвалъ аптекаря и спросивъ про того работника, котораго я взялъ въ денщики: находился-ли онъ въ лабораторіи, и получивъ утвердительный отвѣтъ, съ великимъ крикомъ приказалъ караульному офицеру взять онаго денщика изъ моей квартиры насильно и привести въ контору, а по приводѣ отдалъ его аптекарю, въ чемъ мнѣ оказана крайняя обида, а препятствія, какъ онъ г. генералъ-лейтенантъ показываетъ, чинимо ему отъ меня не было, въ чемъ я свидѣтельствуюсь госпитальною конторою.

6. Г. генералъ-лейтенантъ фонъ-Вертернъ показываетъ, будто я далъ позволеніе лѣкарю Вейтребхту содержать при себѣ въ госпиталѣ сестеръ своихъ: но упоминая объ однѣхъ только сестрахъ Вейтбрехта, г. генералъ-лейтенантъ очевидно намѣренъ былъ сдѣлать не иное что, какъ привести людей въ соблазнъ, а меня предъ оными въ худое мнѣніе, ибо иначе, говоря о сестрахъ, онъ не умолчалъ бы о матери, которая также живетъ съ ними. Что-же до того случая, при которомъ будто-бы, когда онъ тѣмъ лѣкарскимъ сестрамъ жить въ госпиталѣ не позволилъ, я, вышедъ изъ конторы, сказалъ, что онъ не годенъ присутствовать въ конторѣ, то и тутъ г. генералъ-лейтенантъ представилъ напрасно. Не въ этомъ случаѣ, но когда г. генералъ-лейтенантъ повѣрилъ аптекарю на счетъ работника—будто тотъ въ лабораторіи былъ, а не у аптекаря въ партикулярныхъ услугахъ, а мое представленіе, что у аптекаря находятся лишніе люди, которыхъ мнѣ, по силѣ Регламента гл. I, п. 18, распредѣлять къ работамъ позволено, пренебрегъ, такъ-какъ и другія мои представленія—то именно въ этомъ случаѣ, выходя изъ конторы, я сказалъ, что мнѣ въ ней больше дѣлать нечего, когда всѣ мои представленія остаются втунѣ.

7. Когда г. генералъ-лейтенантъ, пріѣхавъ въ контору 13-го марта, спросилъ у меня на нѣмецкомъ діалектѣ, не имѣется-ли дѣлъ къ его рѣшенію, то я, въ разсужденіи что онъ представилъ на меня въ Военную Коллегію въ пренебреженіи будто бы его чести и дабы о моихъ словесныхъ предложеніяхъ отъ посторон-

нихъ было засвидѣтельствовано (ибо въ конторѣ находятся по большой части люди россійскіе, каковы комисаръ, караульные офицеры и писари), слѣдовательно изъ предосторожности своей, а не въ посмѣшство ему изъ злости (какъ онъ показываетъ), и притомъ вѣдая, что въ судебныхъ мѣстахъ о государственныхъ дѣлахъ на россійскомъ діалектѣ представляется, навѣдывался объ адъютантѣ его, и узнавъ, что онъ болѣнъ, началъ на россійскомъ діалектѣ представлять мои предложенія чрезъ главнаго лѣкаря, а на нѣмецкомъ діалектѣ за такими обстоятельствами разговору имѣть уже не хотѣлъ. Отчего онъ 14 марта прислалъ ко мнѣ открытый ордеръ, чтобъ я въ конторѣ не присутствовалъ, потому что вчера на вопросы его не отвѣтствовалъ на нѣмецкомъ діалектѣ и въ томъ-де противъ чести его поступилъ. Однакожъ ордера этого я не принялъ и по осмотрѣ больныхъ въ госпиталѣ пошелъ въ контору, но стоящимъ на караулѣ солдатомъ въ оную не впущенъ. На вопросъ мой, по чьему это распоряженію—солдатъ указалъ на караульнаго офицера, а офицеръ объявилъ, что онъ имѣетъ на то ордеръ отъ г. генералъ-лейтенанта барона фонъ-Вертерна. Чрезъ это цѣлый мѣсяцъ продолжавшееся отсутствіе мое изъ конторы произошла не малая остановка въ понедѣльномъ выписываніи больныхъ и государственному интересу ущербъ. Правда, г. генералъ-лейтенантъ 11-го апрѣля приказывалъ больнымъ, кто желаетъ, выходить изъ госпиталя: но многіе изъ нихъ вышли не совершенно вылѣченные, а большое число здоровыхъ осталось въ госпиталѣ.

8. Я ѣздилъ въ Кронштадтъ 22 февраля сего года и именно для того, чтобы посмотрѣть устройство тамошняго госпиталя. Это было въ субботу, и въ этотъ день поутру я приказалъ главному лѣкарю отправлять должность въ силу Регламента до моего прибытія, которое и воспослѣдовало вечеромъ того-же дня, А на другой день, т. е. въ воскресенье, я не присутствовалъ въ конторѣ, потому что никакихъ нужнѣйшихъ дѣлъ въ конторѣ не случилось. Только напрасно говоритъ г. генералъ-лейтенантъ, будто онъ отказалъ мнѣ отъ письменныхъ дѣлъ въ конторѣ за то мое отлученіе отъ госпиталя: собственные его ордеры свидѣтельствуютъ, что причина была не та, но, какъ выше въ 7 пунктѣ изъяснено, именно то, что я заговорилъ съ нимъ на россійскомъ діалектѣ.

Да по полученному мною сего 2 іюня изъ Медиц. Канцеляріи указу съ копіею промеморіи изъ Военной Коллегіи, въ которой между прочимъ объявлено, что по доношенію комисара Чернявскаго я запретилъ отпускъ фуража на аптекареву лошадь, хотя этотъ отпускъ производился по указу Коммисаріата. Этотъ пунктъ объясненъ много выше, и при семъ съ означеннаго указа 18 марта 1746 года прилагается копія [1]). А что комисаръ Чернявскій показалъ, будто онъ послѣ вторичнаго ордера г. генералъ-лейтенанта фонъ Вертерна приказалъ магазейнъ-вахтеру отпустить тотъ фуражъ, то это ложно, ибо Чернявскій приказалъ отпустить его по первичному, а не по вторичному ордеру, и притомъ не объявя о томъ мнѣ. Да и въ письменномъ рапортѣ Чернявскаго въ контору отъ 27 декабря 1756 года ничего не упомянуто о вторичномъ ордерѣ. Чернявскій доноситъ еще, будто я ему сказалъ: вы-де фальшъ дѣлаете воровски, и отнесъ это не къ себѣ одному, но и къ генералъ-лейтенанту фонъ-Вертерну: но и это, по своимъ фальшивымъ опытамъ, онъ взвелъ на меня напрасно, ибо мною не было произносимо ничего кромѣ тѣхъ рѣчей, которыя приведены въ 3 пунктѣ о Чернявскомъ, а не о г. генералъ-лейтенантѣ, ибо этотъ Чернявскій показывалъ разныя фальши не только въ семъ случаѣ, какъ выше явствуетъ, но и прежде изобличенъ былъ. Такъ, ему дана шнуровая книга на записку остающихся послѣ умершихъ въ госпиталѣ денегъ и рухляди, на основаніи Регламента гл. VIII, п. 9, и приказано все вѣрно записывать и такія записки закрѣплять священнику, главному лѣкарю и комисару; только подъ этими записками никогда не было подписей ни главнаго лѣкаря, ни священника, и потому Чернявскій оказался подозрительнымъ (о чемъ было даже репортовано отъ конторы госпиталя 14 декабря 1756 года въ

---

[1]) Въ этомъ указѣ отъ 18 марта 1746 года сказано; что по объявленію аптекаря Георга Гебгардта потребна ему казенная лошадь для пріема лѣкарствъ изъ Медицинской Канцеляріи и также въ лѣтнее время ѣздить для сыску потребныхъ въ аптеку травъ, точію изъ находящихся при госпиталѣ лошадей, егда ему потребно, иногда лошади за госпитальными работами не отпускаютъ и отъ того случается остановка, и требовалъ, чтобъ на довольство его лошади отпускать сѣно и овесъ и прочій кормъ, какъ и казенныя лошади довольствуются, и содержать оную съ казенными лошадьми въ конюшнѣ, на которой де онъ всякія аптекарскія нужды исправлять можетъ и казенныхъ лошадей требовать не будетъ. Главный Комисаріатъ разрѣшилъ это.

Коммисію Главнаго Комисаріата вѣдомства оберъ-кригсъ-комисара Мерлина), каковымъ, какъ онъ, въ подобныхъ доносахъ и вѣрить не надлежитъ. Чтоже касается до объявленія Военной Коллегіи, будто отъ меня оказываемо было непочтеніе г. генералъ-лейтенанту барону фонъ-Вертерну, то оное написано несправедливо, что все изъ вышепомянутыхъ моихъ отвѣтныхъ пунктовъ довольно можно видѣть, развѣ онъ то себѣ въ непочтеніе представляетъ, что я ему въ разныхъ его претензіяхъ противныхъ Регламентамъ и указамъ силу оныхъ представлялъ. Профессоръ и докторъ Иванъ Полетика».

Недѣлю спустя Полетика представилъ въ Медицинскую Канцелярію объясненіе свое на жалобу другого госпитальнаго комисара Ивана Большаго Львова. Объясненіе это состояло въ слѣдующемъ:

«Съ самаго вступленія Львова въ комисарскую при госпиталѣ должность усмотрѣлъ я за нимъ непорядочные и противные Регламенту поступки: 1) Въ Регламентѣ, гл. I, п. 18, изображено: комисару госпитальныхъ работниковъ безъ докторскаго позволенія на другіе работы и потребы подъ жестокимъ штрафомъ никуда не употреблять и не перемѣнять; а Львовъ, въ противность сего пункта, людей изъ палатъ и отъ другихъ должностей по своимъ прихотямъ многократно перемѣнялъ, да и въ спискѣ госпитальныхъ служителей, въ которомъ я прежде своеручно отмѣчалъ перемѣнять людей отъ одной должности къ другой, когда потребно въ силу Регламента, онъ сталъ дѣлать тоже самое самовольно, чего ему чинить весьма не подлежало (каковой списокъ, если востребуется, показать могу). 2) Регламентомъ (гл. I, п. 21) повелѣвается всѣхъ госпитальныхъ служителей и мастеровыхъ людей штрафовать комисару по докторскому повелѣнію, не умѣшкавъ, при главномъ лѣкарѣ, подъ карауломъ публично, гдѣ стоитъ главный часовой, и комисаръ не по винѣ никого, ни больныхъ ни здоровыхъ штрафовать безъ докладу и приговора госпитальнаго доктора да не дерзаетъ, дабы никакой несправедливости не чинилось; между-тѣмъ Львовъ нарочно въ противность сему многократно какъ самъ собою, такъ и по приказанію г. генералъ-лейтенанта фонъ-Вертерна, ничего мнѣ не объявя, разныхъ чиновъ госпитальныхъ служителей штрафовалъ, что можно видѣть въ госпитальной конторѣ изъ журнальныхъ записокъ, дѣланныхъ самимъ Львовымъ. 3) По Регламенту (гл. VIII, п. 2) комисару Львову безъ моего вѣдома отлучаться не слѣдуетъ, ибо сказано

тамъ: «комисару при госпиталѣ жить и никогда безъ вѣдома докторскаго не отлучаться, а ежелибъ въ Комисаріатъ за какимъ дѣломъ позванъ былъ, то вмѣсто себя приказать главному писарю и старшему трезвому сержанту и по которое время докторъ въ госпиталѣ находится и дѣло управляетъ, ему изъ Конторы не отлучаться, дабы что отъ него приказано будетъ ему, немедленно исполнить можно было.» Но не смотря на это въ разныя времена, которыя и по журнальнымъ въ конторѣ запискамъ видѣть можно, а именно сего года апрѣля 18, мая 22 и іюня 4 чиселъ, въ присутствіе мое въ конторѣ Львовъ отъ госпиталя отлучался, чрезъ что происходила какъ въ пользованіи больныхъ, такъ и въ производеніи порцій великая остановка. 4) Въ I гл., 30 пунктѣ Регламента сказано: «по вся утра комисаръ о состояніи госпитальномъ репортуетъ доктору и принимаетъ вновь данный имъ ординарный приказъ,» но Львовъ, въ противность сего никогда мнѣ не репортуетъ, отъ чего и происходитъ, что я не могу знать, всѣ-ль при своихъ должностяхъ находятся или какіе отъ кого происходятъ непорядки, чрезъ что я самъ принужденъ за ними смотрѣть. 5) Комисаръ Львовъ былъ причиною многихъ возмущеній и несогласій, происшедшихъ по госпитальной командѣ между мною и г. генералъ-лейтенантомъ барономъ фонъ-Вертерномъ, а именно: у смотрѣнія въ палатахъ надъ надзирателями и за чистотою палатъ опредѣленъ былъ каптенармусъ Инфантій Рудаковъ, но вовсе не исполнялъ своей должности, и когда усмотря неисправность его, нечистоту палатъ и послабленіе надзирателямъ, представлялъ я его самому г. генералъ-лейтенанту барону фонъ-Вертерну и предлагалъ отставить отъ этой должности и перемѣстить къ другой, то помянутый комисаръ 14 сего мая, по прибытіи г. генералъ-лейтенанта, началъ въ противность представлять, чтобъ Рудаковъ оставленъ былъ въ прежней должности, а какъ оный г. генералъ-лейтенантъ всегда искалъ такихъ случаевъ, чтобъ мнѣ причинить въ чемъ-нибудь озлобленіе, то не разсмотря, справедливо-ли оно отъ меня сдѣлано или нѣтъ, не токмо велѣлъ Рудакову быть у той-же должности, но и пожаловалъ его въ сержанты. Между тѣмъ очевидцемъ нечистоты въ госпитальныхъ палатахъ былъ самъ его превосходительство г. генералъ-маіоръ и членъ Военной Коллегіи Василій Ивановичъ Суворовъ. 6) Въ минувшую страстную недѣлю нынѣшняго года принято было для употребленія въ госпиталѣ на пищу больнымъ къ празднику св. Пасхи говяжье мясо совсѣмъ негодное, протухлое и зимняго бою, которое въ то вешнее время растаяло и пришло въ негодность. Мы смотрѣли его вмѣстѣ съ главнымъ лѣкаремъ и я велѣлъ его отдать назадъ подрядчику, который ставитъ въ

госпиталь мясо, а въ силѣ его контракта принять отъ него годное. Тогда оный комисаръ, вступясь, началъ оное одобрять, доказывая что оно годно; а когда это мясо за негодностью все-таки въ госпиталь не принято, то оный Львовъ, пріійдя на другой день въ госпитальную палату, сталъ съ главнымъ лѣкаремъ ссориться, публично угрожая ему, что онъ о томъ будетъ доносить г. генералу-лейтенанту барону фонъ-Вертерну и оберъ-кригсъ-комисару Мерлину. Правда, онъ сего въ дѣйство не произвелъ и для свидѣтельствованія, какъ онъ хвалился, никуда не представлялъ, но изъ сего явствуетъ его лишняя претензія, да и явно онъ показался въ пренебреженіи интереса, потакая госпитальнымъ подрячикамъ въ поставкѣ негодныхъ припасовъ, что весьма противно Генеральному Регламенту, въ которомъ, гл. VIII, п. 2, изъяснено: «долженъ комисаръ все то, что докторъ отъ времени до времени въ ѣствѣ и питьѣ, въ рухлядяхъ, покояхъ и въ прочемъ перемѣнять или поправлять намѣренъ, оное немедленно исправлять и докторскому доброму намѣренію, подъ видомъ якобы чего и сберечь, никакъ не противиться, ибо въ томъ докторъ сам отвѣтъ дать можетъ.» И таковымъ же непорядочнымъ образомъ сего 2 іюня, пріѣхавъ невѣдомо откуда и не бывъ въ присутствіи моемъ въ госпитальной конторѣ, не знаю съ какого умысла, когда я хотѣлъ для нѣкоторыхъ по должности моей исправленій ѣхать въ опредѣленной указомъ Главнаго Комисаріата 1751 года для доктора шлюпкѣ, то Львовъ, призвавъ квартермистра той шлюпки Василія Малютина, началъ ему къ той шлюпкѣ гребцовъ наряжать на нѣсколько дней для перевоза изъ Комиссіи Главнаго Комисаріата на Петровскій островъ нѣкоторыхъ бочекъ. Малютинъ ему сказалъ, что-де надлежитъ прежде о томъ доктора увѣдомить, понеже-де онъ и самъ хотѣлъ послѣ обѣда ѣхать, но помянутый комисаръ сталъ онаго Малютина бранить и послѣ того палкою нещадно бить, приговаривая, чтобъ онъ то дѣлалъ, что онъ велитъ, а не докторскаго приказанія слушалъ. Квартирмейстеръ Малютинъ пришелъ ко мнѣ, жалуясь о безвинномъ его штрафѣ, и видя такіе непорядки, я пришелъ въ госпитальную контору и сталъ комисара спрашивать, для чего онъ самъ-собою, безъ вѣдома моего, людей наряжаетъ и штрафуетъ, въ противность Регламента, гл. I, п. 18 и 21, то оный комисаръ на то мнѣ съ презрѣніемъ отвѣчалъ, что онъ то знаетъ, что дѣлаетъ и тебѣ-де отвѣтствовать не буду—что всѣ бывшіе въ госпитальной конторѣ чины слышали, на которыхъ и оный комисаръ ссылается. Я сказалъ ему на это, чтобъ онъ таковаго въ командѣ смущенія и бунтовства не дѣлалъ, ослушаясь самъ и принуждая другихъ подкомандныхъ битьемъ и угрозами быть мнѣ ослуш-

ными и опровергая узаконенія упомянутаго Регламента. Изъ всего сего видны разныя его. комисара, повседневныя противности и пренебреженія моихъ приказаній съ крайнимъ мнѣ посмѣяніемъ. Чего ради покорнѣйше прошу Медицинскую Канцелярію онаго комисара Львова, за презрѣніе Регламента, ослушность и разныя мнѣ отъ него показанныя и нынѣ показуемыя грубости, также и о всемъ вышеписанномъ куда надлежитъ представить, чтобъ учинено было съ нимъ по указамъ и меня удовольствовать довольною сатисфакціею безъ упущенія, дабы оный комисаръ былъ всегда въ надлежащемъ послушаніи и исправлялъ бы свою должность добропорядочно и вѣрно, ибо иначе мнѣ въ таковыхъ смущеніяхъ, по силѣ Генеральнаго о госпиталяхъ Регламента гл. I, п. 7, все то, что къ пользѣ и здравію больныхъ, такожъ къ содержанію госпиталя принадлежитъ, наилучшимъ образомъ исправлять невозможно. Профессоръ и докторъ Іванъ Полетика.»

Разсмотрѣвъ эти объясненія, Медицинская Канцелярія не могла не видѣть, что здѣсь происходила борьба началъ, а не лицъ, и что лица служили въ этой борьбѣ только предлогомъ и видимымъ выраженіемъ. Честность, правота и законность порабощаемы были необузданнымъ произволомъ и грубымъ насиліемъ; законъ и совѣсть презирались, какъ вещи неудобныя и ненавистныя, а на ихъ мѣсто открыто ставили злоупотребленія, которыя водворялись и узаконялись насильно. Зло высоко поднимало голову опираясь на лица, единственнымъ авторитетомъ которыхъ служила матеріальная сила и впередъ извѣстная безнаказанность, происходившая отъ глубокаго укорененія зла, его общественности и безсилія закона. Кондоиди не могъ уже ни исправить, ни остановить зла, вкравшагося въ госпитальное управленіе при его предшественникахъ: но онъ сознавалъ необходимость протестовать противъ него со всею энергіею, къ какой только способна была его честная натура, и защитить отъ незаслуженныхъ гоненій честнаго человѣка, составлявшаго рѣдкій анахронизмъ своего времени. По этому онъ рѣшительно отказалъ въ требованіи Военной Коллегіи смѣнить Полетику и въ то же время энергически требовалъ, чтобъ она снова подтвердила госпитальнымъ конторамъ непремѣнно руководствоваться Госпитальнымъ Регламентомъ въ управленіи госпиталями. Вотъ то замѣчательное опредѣленіе Медицинской Канцеляріи, которымъ оконченъ былъ этотъ госпитальный споръ:

«Понеже присланными въ Медицинскую Канцелярію промеморіями Военная Коллегія, по представленіямъ въ оную отъ бывшаго усмотрѣнія надъ генеральнымъ Спб. сухопутнымъ госпиталемъ генералъ-лейтенанта барона фонъ Вертерна, того же госпиталя на профессора и доктора Полетика, о причиненныхъ имъ, Полетикомъ, помянутому генералъ-лейтенанту противныхъ поступкахъ, требовала, чтобъ за его Полетиковы много оказанные противъ помянутаго генералъ-лейтенанта противные поступки и непочтеніе учинить съ нимъ по указамъ, и посланными по онымъ промеморіямъ изъ Медицинской Канцеляріи къ нему Полетикѣ указами велѣно ему о тѣхъ противъ сообщенія Военной Коллегіи въ Медицинскую Канцелярію подать отвѣты немедленно, которые отъ него въ оную Канцелярію и поданы; того ради сего 1757 года іюня 28 дня, по указу Е. И. В. Медицинская Канцелярія приказали: объ оныхъ приключившихся между реченными генералъ-лейтенантомъ барономъ фонъ Вертерномъ и профессоромъ и докторомъ Полетикою ссорахъ отвѣта въ Военную Коллегію послать копіи при промеморіи и притомъ объявить той Коллегіи слѣдующее разсужденіе: 1) оный г. генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Вертернъ, по всѣмъ обстоятельствамъ, какъ изъ присланныхъ отъ Военной Коллегіи промеморій видно, почитаетъ себя главнымъ надъ онымъ госпиталемъ командиромъ и на томъ основаніи ведетъ порученное ему приономъ госпиталѣ дѣло, слѣдственно и требуетъ отъ всѣхъ подчиненныхъ совершеннаго послушанія, и то отъ большой части по своему разсужденію, что нижѐ съ его въ тотъ госпиталь опредѣленіемъ, нижѐ съ Генеральнымъ о госпиталяхъ Регламентомъ, нижѐ съ законами не сходственно, и потому ордеровъ насылать въ госпитальную контору и къ госпитальному доктору, и то отъ большой части по своему разсужденію и изволу, не слѣдовало, но единственно поступать по данной ему инструкціи, въ госпитальныя-же экономическія дѣла, егда онъ самъ отказался и сама Военная Коллегія, признавая, что онъ единственно для надзиранія приономъ госпиталѣ опредѣленъ, его отъ тѣхъ дѣлъ уволила, въ тѣ-жъ дѣла паки ему вступать и не подлежало, а полная команда надъ медицинскими служителями онаго госпиталя ему, г. генералъ-лейтенанту, не поручена и такую команду и требовать онъ не можетъ ни-же по своему чину, ни-же по его при томъ госпиталѣ опредѣленію. 2) Медицинская Канцелярія не оправдаетъ и доктора Полетика, но токмо изъ вышеписаннаго его отвѣта и Военная Коллегія усмотрѣть можетъ, что справедливой его вины не значится; но, однако-жъ, паче чаянія можетъ быть, что иногда какую предъ онымъ г. генералъ-лейтенантомъ барономъ фонъ-

Вертерномъ оказалъ неучтивость: но притомъ и подлинно, что и онъ, докторъ, много обидъ претерпѣлъ, а въ должности своей ему, г. генералъ-лейтенанту, не уступалъ съ законами сходственно; ибо хотя чинъ чина почитать законы повелѣваютъ, токмо когда какое дѣло поручается многимъ персонамъ согласно управлять, то въ томъ дѣлѣ тѣ персоны равный имѣютъ голосъ и силу, хотя и неравный имѣютъ чинъ, въ силу-же законовъ, какъ оное и слѣдуетъ изъ 6-го пункта данной ему, г. генералъ-лейтенанту фонъ-Вертерну, отъ Военной Коллегіи инструкціи. 3) Для прекращенія оныхъ всѣхъ ссоръ, порядочнаго при томъ и спокойнаго Спб. и Московскаго генеральныхъ сухопутныхъ госпиталей управленія и благосостоянія, Медицинская Канцелярія за необходимо надобно отъ Военной Коллегіи требуетъ, чтобъ оная благоволила въ оные госпитали и госпитальныя конторы накрѣпко подтвердить указами, чтобы во всемъ неотмѣнно поступаемо было въ силѣ Генеральнаго о госпиталяхъ Регламента и указовъ, безъ изъятія. 4) Что-же касается до женщинъ, живущихъ въ квартирѣ лѣкаря Вейтбрехта, оныя суть матъ его родная и двѣ сестры и братъ малолѣтный, которыя послѣ законнаго ихъ мужа о отца, бывшаго при здѣшней Императорской Академіи Наукъ профессора, осталися всѣ въ сиротствѣ и въ крайней бѣдности. Когда-же оный Вейтбрехтъ, въ слѣдствіе его трудовъ и искуства, удостоился и произведенъ лѣкаремъ, то онъ пожелалъ для ихъ призрѣнія, по сыновней и братней должности и для своей экономіи, ихъ къ себѣ взять, что ему, похваляя его достохвальное въ томъ намѣреніе, главный надъ Медицинскою Канцеляріею директоръ и позволилъ, приказывая притомъ, чтобъ онъ о томъ и его, г. генералъ-лейтенанта барона фонъ-Вертерна, просилъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ за то ниже къ житію лишняго покоя, нижѐ лишнихъ къ топленію дровъ, нижѐ лишняго ко услуженію человѣка требовать имѣлъ, отъ чего уповательно оному г. генералъ-лейтенанту никакая обида не послѣдовала; ибо и въ Генеральномъ о госпиталяхъ Регламентѣ для женатыхъ лѣкарей положенъ лишній покой противъ холостыхъ, котораго, однако-жъ, оный Вейтбрехтъ не требовалъ и не имѣлъ, а лѣкарямъ жениться позволяется, и имѣя жену могутъ имѣть и дѣтей, да и служанку одну или больше имѣть должны, оный-же лекарь Вейтбрехтъ, вмѣсто жены, дѣтей и служанокъ, взялъ къ себѣ родную свою мать и родныхъ своихъ сестеръ и брата, въ сиротствѣ и крайней бѣдности сущихъ, чего и возбранить безъ законной вины христіанству и человѣчеству видится противно. ***Павелъ Кондоиди.***»

VI.

УЧРЕЖДЕНІЕ КАЗЕННЫХЪ АПТЕКЪ

ВЪ ТОБОЛЬСКѢ И ИРКУТСКѢ.

1763—1799.

Сибирь еще и въ настоящее время поражаетъ европейца своимъ громаднымъ протяженіемъ, при малочисленности народонаселенія. Разстоянія между городами ея измѣряются не десятками, а сотнями и тысячами верстъ, и какъ бы ни хороши были пути сообщенія (а они далеко еще не хороши), все-таки переѣздъ отъ одного города до другаго составляетъ трудность, препятствующую правильнымъ сношеніямъ. Но никогда эта трудность такъ не чувствуется, какъ въ сношеніяхъ срочныхъ, которыя по громадности разстояній и безлюдью не могутъ быть тамъ разсчитываемы по европейскому образцу. Медики отдаленныхъ городовъ и военныхъ командъ, разсѣянныхъ по всей Сибири, испытывали это во всѣ времена, обнимаемыя исторіею колонизаціи сибирскаго края. Всѣ врачебныя пособія (лѣкарства, хирургическіе инструменты и т. п.) они должны выписывать по крайней мѣрѣ за годъ (а иногда и за два года) до срока, въ который понадобится расходовать и употреблять въ дѣло эти различныя пособія. И это еще тогда, когда съ транспортомъ, ихъ доставляющимъ, не случится никакого особеннаго приключенія—что вовсе не невозможно при степныхъ, одною только природою устроенныхъ и поддерживаемыхъ путяхъ сообщенія. Такъ напр. отъ Тобольска до Камчатки полагается около 9000 верстъ, а въ Тобольскѣ въ концѣ прош-

лаго столѣтія была единственная казенная аптека, снабжавшая цѣлую Сибирь медикаментами. Легко, конечно, выговорить цифру 9000 верстъ, но не легко оцѣнить значеніе этой цифры при европейскихъ представленіяхъ о разстояніяхъ и еще менѣе легко проѣхать это разстояніе съ тяжелымъ транспортомъ. Въ концѣ прошлаго вѣка употреблялось на это два года времени, не говоря уже объ издержкахъ транспортированія. Край былъ такъ отдаленъ, а разстоянія такъ велики, что по указу Сената 5 іюня 1762 приказано смѣнять тамъ (въ Сибири, Пермской и Оренбургской губ.) медицинскихъ чиновъ черезъ 6 лѣтъ, чтобы охотнѣе туда ѣхали. Мѣстные правители края нерѣдко входили съ представленіями о трудностяхъ снабженія квартировавшихъ въ восточной Сибири войскъ медикаментами; тоже повторяли ревизоры губерній (сенаторы): но безденежье, политическія заботы и частая смѣна лицъ препятствовали осуществленію дѣланныхъ предположеній. Такъ напр., по представленію иркутскаго губернатора Адама Бриля, Сенатъ приказалъ, 8 декабря 1774 года, завести въ Иркутскѣ казенную аптеку, ассигнововавъ на это деньги; вслѣдствіе чего назначенъ туда и аптекарь, Томасъ Брандтъ, состоявшій въ Кяхтѣ у брака ревеня и имѣвшій въ Иркутскѣ свой стеклянный заводъ [1]): но распоряженіе Сената не исполнилось.

Казенная аптека въ «Тобольскѣ, Сибирской губерніи» учреждена по указу сената, 26 ноября 1763 года, «по причинѣ часто случающихся въ тамошнихъ мѣстахъ, особливо по линіямъ, гдѣ воинскія команды расположены, опасныхъ и отмѣнныхъ болѣзней, а равно и для благосостоянія жителей». Въ тоже время приказано «опредѣлить и содержать при оной потребныхъ служителей, яко-то: аптекаря, гезелей и прочихъ чиновъ, также доктора и штабъ-лѣкаря». Первымъ губернскимъ докторомъ въ Тобольскъ опредѣленъ былъ 16 февраля 1764 года докторъ Фридрихъ Баадъ *(Friedrich Dethloff Baad)*, съ жалованьемъ по 750 р. и казенною квартирою, а штабъ-лѣкаремъ Иванъ Гибовскій, прежде служившій тѣмъ же званіемъ при Оренбургскомъ областномъ госпиталѣ; ему назначено 500 р. жалованья, 4 раціона и

---

[1]) Этотъ Томасъ Брандтъ Ѳома Петровичъ) былъ сынъ пріѣхавшаго въ Спб. Кенигсберскаго сапожника, родился въ Спб. и 12 іюля 1756 года поступилъ ученикомъ въ Московскую главную аптеку, гдѣ впослѣдствіи и получилъ всѣ высшія аптекарскія званія.

1 денщикъ. Но Баадъ не хотѣлъ-было ѣхать и потому 13 апрѣля уволенъ отъ службы; но потомъ образумился, 3 сентября опять вступилъ въ службу и отправился въ Тобольскъ. Докторъ Баадъ прожилъ 12 лѣтъ въ Тобольскѣ и наконецъ по жалобѣ, что ему тамъ «холодно и далеко», переведенъ 11 февраля 1776 дивизіоннымъ докторомъ въ финляндскую дивизію, гдѣ и умеръ 15 декабря 1782 года. Кажется, Сибирь обязана была учрежденіемъ аптеки губернатору своему, генералъ-майору и гвардіи премьеръ-майору, Денису Чичерину. Первымъ аптекаремъ въ Тобольской аптекѣ былъ нѣкто Scubovius, и при немъ гезелемъ Magnus Beckmann и ученикомъ Jacob Royan.

Почти въ одно время съ сенатскимъ распоряженіемъ объ учрежденіи Тобольской казенной аптеки, высочайше утвержденъ докладъ военной коллегіи объ учрежденіи новаго Сибирскаго корпуса (29 ноября 1763 года), составленнаго изъ 2 карабинерныхъ и 5 пѣхотныхъ полковъ, съ назначеніемъ въ этотъ корпусъ 1 доктора, 1 штабъ-лѣкаря и въ каждый полкъ по 1 лѣкарю и подлѣкарю. Всѣ чины, вновь назначенные въ этотъ корпусъ, направлены были въ Калугу, гдѣ генералъ-майоръ Киселевскій формировалъ команды и собиралъ бѣглыхъ, отправлявшихся въ Сибирь. Но формированіе этого корпуса вскорѣ пріостановлено было по недостатку денегъ въ казнѣ, и только по особой конфирмаціи 19 октября 1764 года сформированы были 1 карабинерный и 2 пѣхотныхъ полка, которые одни и велѣно содержать въ Сибири, а формированіе другихъ полковъ отложить на неопредѣленное время. Кромѣ того, въ Сибири находилось нѣсколько полевыхъ полковъ, при которыхъ былъ докторомъ Іог. Тиль *(Johann Sigismund Thiel)* (съ 21 октября 1763), а штабъ-лѣкаремъ (съ 10 ноября 1763) Фавасъ. Докторъ Тиль переведенъ изъ Тобольска, 21 іюня 1768 года, въ Ревельскій полевой госпиталь, а на мѣсто его назначенъ въ Тобольскъ изъ Москвы докторъ и профессоръ Петръ Ивановичъ Погорѣцкій, который однакоже не поѣхалъ туда.

Медицинскій штатъ этого корпуса опредѣленъ слѣдующій: корпусному доктору положено было 600 р. жалованья и 13 раціоновъ (или деньгами за нихъ 70 р. 20 к.); кромѣ того ему назначено 3 деньщика, съ жалованьемъ для всѣхъ по 18 р. 90 к. и на провіантъ по 20 р. 25 к. Штабъ-лѣкарю положено жало-

ванья 400 р. и 7 раціоновъ (деньгами 37 р. 80 к.); ему же 2 деньщика, съ жалованьемъ по 12 р. 60 к. для обоихъ и 13 р. 50 к. на провіантъ. Лѣкарямъ по 180 р. жалованья, съ прибавкою по 6 р. 30 к. за деньщика и по 6 р. 75 к. за провіантъ, но деньщиковъ натурою не положено. Подлѣкарю назначено 120 р. жалованья, безъ всякихъ другихъ довольствій. Такимъ образомъ весь медицинскій штатъ стоилъ 1951 р. 65 к. въ годъ.

Докторомъ въ этотъ корпусъ опредѣленъ былъ изъ отставныхъ докторъ Баптистъ Іоганнъ Вандини (уроженецъ изъ Болоньи, принятый въ русскую службу въ 1759 и уволенный въ 1762), человѣкъ мало свѣдущій, вздорный и пустой, перемѣнившій много мѣстъ службы и нигдѣ не ужившійся; штабъ-лѣкаремъ (26 февраля 1764) Петръ Ивановичъ Поморскій (учившійся въ госпитальной школѣ Спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя и сперва служившій въ лейбъ-компаніи, а потомъ въ штабѣ князя М. М. Голицына); лѣкарями Алексѣй Анискевичъ и Іоганнъ Рубнеръ изъ Рижскаго полеваго госпиталя, и 4 подлѣкаря изъ Риги же, по выбору доктора Бен. Граафа *(Benjamin Theophil Graaff)*.

Не всѣ однакожъ эти назначенія такъ состоялись, какъ было предположено. Именно, докторъ Вандини посланъ былъ въ военную коллегію для отправленія по назначенію 13 февраля 1764, получилъ тамъ отправленіе 11 марта, а третное жалованье впередъ и прогоны 17 марта, а потомъ цѣлый мѣсяцъ рыскалъ по Петербургу и возбудилъ непріятныя жалобы отъ военной коллегіи за медленность отправленія. Наконецъ 17 апрѣля его призвали въ Медицинскую Коллегію и баронъ А. И. Черкасовъ сдѣлалъ ему выговоръ за то, что «за своими пустыми происками» онъ до сихъ поръ не отправился на мѣсто, и приказалъ въ тотъ же день выѣхать изъ Петербурга, съ угрозою, что если онъ до полночи 17 апрѣля не выѣдетъ, то съ него будетъ вычтено жалованье со дня опредѣленія по сегодняшній день и признанъ будетъ къ службѣ ненадобнымъ и отрѣшенъ будетъ отъ нея безъ абшита. Угроза однакожъ не помогла; Вандини не выѣхалъ ни 17 апрѣля, ни въ слѣдующіе дни и 20 апрѣля отрѣшенъ отъ должности и исключенъ изъ службы, а выданныя ему деньги взысканы съ него обратно.

На его мѣсто назначенъ въ Сибирскій корпусъ (27 августа 1764 года) докторъ изъ Рижскаго полеваго госпиталя Вильгельмъ Рейхартъ (*Gotthelff Wilhelm Reichart*), впослѣдствіи запятнавшій себя недобросовѣстностью и даже выгнанный изъ службы. Но и этотъ 29 сентября отозвался, что по слабости здоровья онъ не можетъ и не желаетъ ѣхать такъ далеко. Однакожъ эта отговорка не была принята: во вниманіе къ тому, что онъ въ службѣ еще недавно (только съ 1762 года) и притомъ по собственному желанію; что ни разу ни куда не былъ командированъ, а постоянно жилъ въ Ригѣ и никогда на болѣзненные припадки не жаловался, Медицинская Коллегія подтвердила ему (15 октября) ѣхать въ Сибирь «съ поспѣшеніемъ и безъ всякихъ отговорокъ».

Онъ и поѣхалъ, но пробылъ тамъ не долго. На его мѣсто назначенъ былъ 23 января 1767 года докторъ Генрихъ Гермесъ (*H. Ludolph Hermes*), но не долго прожилъ въ Тобольскѣ. «По худому состоянію и незнанію своего искусства», онъ не поладилъ съ губернаторомъ Д. Чичеринымъ и—главное—запятналъ себя недостойною клеветою, которая обрушилась на его же голову. Дѣло было въ томъ, что онъ началъ сильно прижимать аптекаря Скубовіуса и выжимать изъ него взятки. Тотъ терпѣлъ и платилъ, сколько могъ. Но Гермесъ не удовольствовался этимъ и, взявъ у Скубовіуса порядочную сумму, донесъ Медицинской Коллегіи, что аптекарь сошелъ съ ума и къ исполненію должности своей сдѣлался неспособенъ, а въ доказательство привелъ то, что о сумашествіи Скубовіуса знаетъ пасторъ Лаксманъ, поѣхавшій недавно въ Петербургъ, отъ котораго Коллегія и можетъ узнать подробности дѣла. Клевета эта дошла до свѣдѣнія Чичерина и онъ съ своей стороны написалъ въ Коллегію (23 августа 1769), чтобъ она не вѣрила Гермесу, потому что онъ, не желая возвратить денегъ, взятыхъ у Скубовіуса, умышленно выдаетъ его за сумасшедшаго, чтобы сбыть его съ рукъ. Чичеринъ прибавилъ къ этому, что аптекарь дѣйствительно былъ боленъ горячкою и два или три дня бредилъ, но что вообще онъ человѣкъ достойный и знающій свое дѣло, а Гермесъ—клеветникъ, не заслуживающій довѣрія.

Медицинская Коллегія съ негодованіемъ и отвращеніемъ читала всю эту переписку и тотчасъ же отозвала Гермеса въ Пе-

тербургъ, приказавъ ему сдать свою должность штабъ-лѣкарю Поморскому. Напрасно Омскій оберъ-комендантъ, генералъ-поручикъ Шпрингеръ, писалъ Военной Коллегіи, что онъ желаетъ оставить Гермеса у себя: Медицинская Коллегія настояла на высылкѣ его въ Петербургъ, ссылаясь на государственную нужду и авторитетъ З. Г. Чернышева, и Гермесъ явился въ Петербургъ 28 апрѣля 1770 года.

На мѣсто Гермеса опредѣленъ (23 августа 1772) докторъ Рейнгольдъ Беренсъ (*Reinhold Berens*), рижскій уроженецъ, только что вступившій въ русскую службу и еще очень молодой человѣкъ. Въ это время, по докладу Военной Коллегіи, докторамъ и штабъ-лѣкарямъ Сибирскаго и Оренбургскаго корпусовъ, по дальности мѣста, прибавлено къ штатному жалованью, первымъ по 150, а послѣднимъ по 100 р. Беренсъ извѣстенъ тѣмъ, что первый въ этомъ отдаленномъ краю началъ входить въ нужды медиковъ и заботиться о нихъ. Такъ, между прочимъ, онъ писалъ Медицинской Коллегіи, 18 января 1774, что въ этомъ корпусѣ у лѣкарей примѣчаются междоусобныя съ командирами ссоры и оттого несогласія, заставляющія переводить лѣкарей съ мѣста на мѣсто. Въ отвѣтъ на это, Коллегія предписала ему, 20 марта того же года, «имѣть въ справедливости возможное защищеніе медицинскихъ чиновъ и отъ кого именно имъ обиды чинимы будутъ, въ Медицинскую Коллегію со обстоятельствомъ представлять, а если кто изъ лѣкарей сами пожелаютъ мѣстами помѣняться, то позволять имъ, а иначе самому не переводить съ мѣста на мѣсто безъ разрѣшенія Коллегіи». Беренсъ уволенъ отъ службы по прошенію, 4 іюня 1780 года и награжденъ потомъ чиномъ надворнаго совѣтника (9 августа 1782), а на его мѣсто въ Сибирскій корпусъ назначенъ младшій докторъ Московскаго генеральнаго госпиталя Леонъ Мендель. Но онъ пробылъ тамъ недолго: 24 мая 1783 года, съ разрѣшенія Сената и по представленію исправлявшаго должность Иркутскаго и Колыванскаго генералъ-губернатора Ивана Варфоломеевича Якоби, переведенъ въ Иркутскъ, въ распоряженіе послѣдняго, для пограничныхъ надобностей, докторъ Оренбургскаго пограничнаго корпуса и госпиталя Іог. Реслейнъ (*Joh. Rœslein*), съ чиномъ надворнаго совѣтника, а на его мѣсто въ Оренбургскій корпусъ переведенъ докторъ Леонъ

Мендель [1]), а въ Сибирскій корпусъ переведенъ изъ Казани докторъ Іог. Діобольдъ (*Johann Michael Diobold*), родомъ изъ Страсбурга, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ. Діобольдъ принятъ въ русскую службу, 11 января 1781, преподавателемъ анатоміи и хирургіи въ Спб. генеральный сухопутный госпиталь, гдѣ однакоже ни съ кѣмъ не ужился и переведенъ сперва въ Казанское намѣстничество, а оттуда въ Сибирскій корпусъ. Онъ былъ дерзокъ, заносчивъ и грубъ, не внушая никому довѣренности. Такъ напр., живя въ Омскѣ, онъ лѣчилъ генералъ-поручика Огарева отъ геморроидальныхъ головныхъ болей (1784), но не внушалъ паціенту никакого довѣрія. Доходило даже до того, что Огаревъ приказалъ ему написать исторію болѣзни своей, съ обозначеніемъ всего лѣченія, и послалъ ее въ Медицинскую Коллегію съ вопросомъ: такъ ли его лѣчатъ? Коллегія отвѣтила, что лѣченіе правильно, но не слѣдовало бы такъ часто дѣлать кровопусканія, какъ дѣлалъ Діобольдъ, а вмѣсто безпрерывныхъ ножныхъ ваннъ лучше было бы ставить піявки ad anum и дѣлать общія ванны. Впослѣдствіи Діобольдъ, уже въ чинѣ надворнаго совѣтника, былъ первымъ инспекторомъ Оренбургской врачебной управы. Послѣ Діобольда докторомъ Сибирской дивизіи былъ Іог. Реслейнъ, спившійся тутъ съ кругу и даже помѣшавшійся въ разумѣ, какъ доносили командовавшій дивизіею генералъ-лейтенантъ князь Горчаковъ и Омскій комендантъ полковникъ Врангель (19 ноября 1798). Но онъ скоро умеръ и на его мѣсто назначенъ тюменскій уѣздный докторъ, надворный совѣтникъ Иванъ Даниловичъ Линденбергъ (*Johann Lindenberg*, 10 января 1799).

Штабъ-лѣкаремъ Сибирскаго корпуса, послѣ Поморскаго, былъ (съ 20 декабря 1789) Иванъ Самойловичъ Пабстъ, польскій выходецъ, поступившій подлѣкаремъ (21 марта 1774) въ русскую службу, въ Воронежскій пѣхотный полкъ, съ которымъ тотчасъ же отправился въ кампанію противъ Пугачева, а въ 1776

---

[1]) Въ послѣдствіи Мендель, по представленію Спб. губернскаго правленія, возвращенъ въ Петербургъ и принятъ на службу въ Спб. губернію (1 января 1783), а потомъ былъ докторомъ морскаго шляхетнаго кадетскаго корпуса. Онъ былъ плохой медикъ и даже мало знакомъ съ анатоміею. На его мѣсто въ Оренбургскій госпиталь назначенъ докторъ Мартинъ Стиксъ (*Martin Styx*), послѣ него докторъ Оршаво-Чижевскій (1790), а потомъ (8 іюля 1797) докторъ Іог. Гайль (Иванъ Христіановичъ, *Johann Christopher Hail*).

въ Крымъ, противъ бунтовавшихъ татаръ. Въ 1778 онъ произведенъ лѣкаремъ въ Перекопскій полевой госпиталь, а оттуда, по производствѣ въ штабъ-лѣкари, назначенъ въ Сибирскій корпусъ.

Врачебныя учрежденія, которыя снабжаемы были въ то время изъ Сибирскихъ казенныхъ аптекъ различными врачебными потребностями, были довольно многочисленны. Сюда принадлежали, кромѣ войскъ и ихъ лазаретовъ, *Оренбургскій областной* госпиталь, учрежденный въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда весь край управлялся еще пограничною Оренбургскою коммисіею. Въ то время существовала тамъ и казенная полевая аптека, снабжавшая весь край медикаментами и хирургическими инструментами.

А именно, по штату 26 февраля 1736 года положено было имѣть четыре полевыхъ аптеки: въ Астрахани, Лубнахъ, Оренбургѣ и Ригѣ. Въ каждой изъ нихъ положено по 1 аптекарю (жал. 300 р.), 1 гезелю, а въ Лубенской 2 (съ жалов. по 120 р.), по 2 ученика (жалов. 24 р.), по 1 писарю (жал. 40 р.), по 6 фурлейтовъ, а въ Лубнахъ 8 (жал. 10 р. 75¼ к.) и по 1 вагенмейстеру (жал. 24 р.) и на канцелярскіе расходы для каждой по 10 р. въ годъ. А на военное время прибавлялось на каждую аптеку по 9 фурлейтовъ. 1 октября 1741 года отправленъ былъ изъ Москвы *въ Выборгъ*, съ медикаментами и инструментами, заготовленными въ Москвѣ, штабъ-лѣкарь Кларнеръ, для учрежденія тамъ новой *полевой аптеки*, которая бы снабжала лѣкарствами и инструментами находившіеся тамъ полки. Съ нимъ поѣхалъ аптекарь Фермеренъ (Vermehren), назначенный управлять этою аптекою, и въ помощь послѣднему ученикъ Московской главной аптеки Максимъ Брискорнъ (бывшій ученикомъ съ 16 декабря 1735 года, а впослѣдствіи управлявшій придворною аптекою). Рижская и Смоленская аптеки были часто переводимы одна на мѣсто другой; именно, до 9 марта 1736 она находилась въ Ригѣ, а въ это время, по докладу Медицинской Канцеляріи и опредѣленію Кабинета, переведена въ Смоленскъ и помѣщена въ старомъ губернаторскомъ домѣ; въ Ригѣ же всѣ полки стали довольствоваться медикаментами изъ частной аптеки аптекаря Фишера, съ тѣмъ, что послѣдняя получала изъ казны деньги за провозъ медикаментовъ изъ-за границы и потомъ за номинальную стоимость

ихъ. Но это признано неудобнымъ, и 30 сентября 1743 приказано перевести Смоленскую аптеку опять въ Ригу и помѣстить въ цитадели, противъ большаго провіантскаго магазина, у водяныхъ воротъ. Управлялъ ею въ это время аптекарь Peter Leffe. Для нея предположено отстроить зданіе, которое и окончено въ 1761 году. Въ 1744 году учреждена еще была *полевая аптека въ Воронежѣ*, подъ управленіемъ аптекаря Фрид. Ролофа и гезеля Іог. Катера (управлявшаго впослѣдствіи Московскимъ медицинскимъ огородомъ и Астраханскою аптекою), а отъ Выборгской отдѣлено походное отдѣленіе въ Швецію, подъ управленіемъ гезеля Макс. Брискорна, а потомъ (мартъ 1744) и вся Выборгская аптека переведена въ С.-Петербургъ, по близости этихъ городовъ между собою.

Казанскій морской госпиталь, учрежденный еще при Петрѣ I.

Екатеринбургскій госпиталь для заводовъ и монетной экспедиціи, учрежденный еще въ царствованіе Анны Петровны. По штату 1737 года въ немъ положено имѣть 1 доктора, 1 штабълѣкаря, 2 лѣкарей и 1 аптекаря, но штатный персоналъ никогда не былъ полонъ, по недостатку врачей. Такъ, до 1777 года въ немъ былъ только одинъ лѣкарь Дейкенъ и только въ сентябрѣ этого года главный командиръ заводовъ, статскій совѣтникъ Рычковъ, началъ просить себѣ особаго доктора и лѣкарей. По этой просьбѣ опредѣленъ туда (1 февраля 1778) вольнопрактиковавшій въ Екатеринбургѣ докторъ Карлъ Бюцовъ (*Carl Friedrich Bützow*); лѣкаремъ туда назначенъ изъ артилерійскаго фурштата подлѣкарь Михайло Леонтьевичъ Гамалѣя, а аптекаремъ гезель Спб. главной аптеки Яковъ Меркеръ (*Jacob Mercker*). Впослѣдствіи Бюцовъ не хотѣлъ оставаться въ Екатеринбургѣ, поѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ и опредѣленъ дивизіоннымъ докторомъ въ финляндскую дивизію (въ апрѣлѣ 1783), на мѣсто умершаго д-ра Баада (онъ послѣ былъ инспекторомъ финляндской врачебной управы), а на его мѣсто опредѣленъ, по просьбѣ Пермскаго и Тобольскаго генералъ-губернатора, генералъ-поручика Евгенія Петровича Кашкина, докторъ Іоганнъ Крокъ (*Joh. Friedrich Krock*), воспитанникъ Спб. госпитальной школы (29 мая 1783). Лѣкарь М. Гамалѣя также не долго оставался въ Екатеринбургѣ: по представленію того же генерала Кашкина онъ произведенъ въ штабъ-лѣкари и переведенъ въ городъ Пермь (въ февралѣ

1789) на докторскую вакансію, съ двойнымъ окладомъ жалованья. Впослѣдствіи онъ былъ операторомъ Пермской и инспекторомъ Тульской врачебныхъ управъ. Послѣ того назначенъ туда докторъ 7 класса Фелькнеръ (*Felkner*).

При госпиталѣ была своя аптека, которою въ концѣ прошлаго вѣка управлялъ аптекарь Д. Дрейеръ (*Diedrich Dreyer*), умершій 17 марта 1801 года. На его мѣсто опредѣленъ изъ Лубенской аптеки аптекарь Томсонъ, съ жалованьемъ по 400 р. въ годъ (29 апрѣля 1801). Заводская аптека снабжала лѣкарствами всѣ частные горные заводы, гдѣ считалось до 17 тысячъ мастеровыхъ (сверхъ горныхъ чиновниковъ) и болѣе 150,000 приписныхъ крестьянъ.

Госпиталь при Перчинскихъ серебряныхъ заводахъ, существовавшій со второй четверти прошлаго столѣтія и имѣвшій своихъ штабъ-лѣкаря и лѣкаря, воспитанныхъ на заводскій счетъ въ Московской госпитальной школѣ. Въ началѣ 1767 года главный начальникъ заводовъ генералъ-майоръ Василій Суворовъ просилъ разрѣшенія Сената объ устройствѣ при заводахъ особаго госпитальнаго отдѣленія, для лѣченія работниковъ отъ венерической болѣзни, и опредѣлить туда 1 лѣкаря и 2 подлѣкарей, ссылаясь на то, что цѣлыя семейства заражены этою болѣзнью и работники отъ застарѣлости ея приходятъ въ преждевременную дряхлость и негодность къ работамъ. Но Сенатъ отказалъ въ позволеніи устроить особый домъ для этихъ больныхъ, на томъ основаніи, что указомъ его 8 мая 1763 запрещено уже было строить отдѣльные дома для этихъ больныхъ, а лѣчить ихъ слѣдуетъ существующимъ лѣкарямъ или докторамъ, собирая больныхъ, если нужно, въ одинъ частный домъ, нанимаемый насчетъ провинціальныхъ суммъ. Поэтому и теперь Сенатъ согласился (14 мая 1767) опредѣлить туда одного лѣкаря или двухъ подлѣкарей на заводскія суммы, и туда опредѣленъ лѣкаремъ, произведенный въ это время по экзамену (сдѣланному докторомъ Тилемъ съ штабъ-лѣкаремъ Яковомъ Фавасомъ (Jacob Favaz) и лѣкаремъ Авенаріусомъ) подлѣкарь Олонецкаго драгунскаго полка Дмитрій Григорьевичъ.

Два *оспенные дома*, одинъ въ Тобольскѣ, а другой въ Иркутскѣ. Тобольскій оспенный домъ учрежденъ (1763) по представленію сибирскаго губернатора Чичерина и тайнаго совѣтника

Соймонова, «для отвращенія погибели отъ оспы», и, съ разрѣшенія Сената, туда назначены по штату 2 лѣкаря, 4 подлѣкаря и 1 аптекарь съ медикаментами, и съ ними нѣсколько отставныхъ оберъ-офицеровъ и рядовыхъ. Представленіе это высочайше утверждено 14 іюля 1763 года. Въ штатъ дома назначены были (8 октября 1764) рекомендованные штабъ-лѣкаремъ Екатеринбургскаго госпиталя Іог. Шнеезе, подлѣкари Эрнстъ-Августъ Гофманъ и Иванъ Папаевъ, которые и произведены лѣкарями (съ жалованьемъ по 300 р.); 4 подлѣкаря выбраны изъ Московскаго генеральнаго госпиталя (съ жалованьемъ по 150 р.), равно какъ оттуда же и аптекарь Іог. Тешнеръ *(Joh. Jacob Teschner)*, нѣкогда жившій уже въ Екатеринбургѣ и знакомый съ страною (съ жалованьемъ по 300 р.). Однако Тешнеръ туда не поѣхалъ, подавъ въ отставку, да и медикаменты отправлены не были, потому что въ это самое время учреждалась въ Тобольскѣ казенная аптека, подъ управленіемъ Скубовіуса, изъ которой и приказано брать лѣкарства для оспенныхъ больныхъ. Оспенный домъ въ Иркутскѣ учрежденъ нѣсколько позднѣе Тобольскаго.

Послѣ Скубовіуса, управлялъ Тобольскою казенною аптекою аптекарь Гаврило Петровъ. Какъ русскій, онъ не могъ нравиться и дѣйствительно не нравился ни командиру корпуса генералъ-маіору Штрандману, ни доктору Діобольду. Результатомъ было то, что послѣдній написалъ въ Медицинскую Коллегію, а Штрандманъ прямо на имя главнаго директора Коллегіи Фитингофа, что Петровъ неисправенъ по должности и не старателенъ. Фитингофъ приказалъ его смѣнить и опредѣлить другаго аптекаря. Тогда Коллегія опредѣлила (20 августа 1791) на его мѣсто аптекаря при Спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ Фридриха Тирфельдера *(Friedr. Thierfelder)*. Гезелемъ при немъ былъ провизоръ Фридрихъ Эвеніусъ *(Fr. Evenius)*, родомъ изъ Берлина, учившійся въ частной аптекѣ профессора Клапрота 5 лѣтъ и 9 мѣсяцовъ, а потомъ бывшій гезелемъ въ главной Потстдамской аптекѣ. Онъ пріѣхалъ въ Россію въ 1789 году и сперва служилъ въ частныхъ аптекахъ. Въ 1793 году 13 апрѣля онъ признанъ по экзамену провизоромъ и 3 ноября 1796 опредѣленъ на гезельскую вакансію въ Тобольскую казенную аптеку, съ жалованьемъ по 180 рублей въ годъ, куда и прибылъ 14 апрѣля 1797 года.

Учрежденіе казенной аптеки въ Иркутскѣ состоялось по слѣдующему повелѣнію императора Павла Петровича, сообщенному, 10 ноября 1798 года, генералъ-прокуроромъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Петромъ Лопухинымъ главному директору Медицинской Коллегіи и государственному казначею, дѣйствительному тайному совѣтнику барону А. М. Васильеву:

«Его Императорское Величество высочайше повелѣть соизволилъ, для снабдѣнія медикаментами городовъ Иркутской губерніи и кочующихъ въ Сибири разныхъ народовъ, учредить аптеку въ Иркутскѣ; о чемъ, для надлежащаго со стороны Медицинской Коллегіи распоряженія, сообщая вашему высокопревосходительству, есмь впрочемъ съ истиннымъ и неизмѣннымъ почтеніемъ и пр. *Петръ Лопухинъ.*»

Повелѣніе это сообщено было Медицинской Колегіи, которая 29 ноября представила барону Васильеву «каталогъ нужнымъ къ составленію аптеки матеріаламъ, припасамъ и разнаго рода посудѣ, съ примѣрнымъ на годовое продовольствіе количествомъ, который раздѣля на иностранныя и россійскія произведенія, долженствующія быть отправленными изъ столицъ, сдѣлала какъ на тѣ, такъ и на другія подробное исчисленіе, руководствуясь при ономъ цѣнами, извлеченными изъ подрядовъ и покупокъ, производимыхъ отъ Медицинской Коллегіи для главныхъ аптекъ, по коимъ для учиненія наряду потребовалось бы денежной суммы до 22,686 р. $9^3/_4$ к. сер. Послику же многіе припасы, мѣдную, желѣзную, деревянную и стеклянную посуду можно выгоднѣе искупить или сдѣлать на мѣстѣ и растенія для аптеки нужныя собирать въ окрестностяхъ города Иркутска, то по симъ причинамъ Мед. Коллегія, исключивъ таковыя изъ общаго каталога, доставляетъ при семъ подъ буквою *Б* роспись вещамъ, назначаемымъ къ заготовленію въ Иркутской губерніи, и дико растущимъ въ оной травамъ, полагая, что первая надобность исполниться можетъ на 3000 рублей. Но при учрежденіи аптеки Мед. Коллегія обязанностью считаетъ предварить, что прежде нежели назначаемые матеріалы и припасы доставляемы будутъ въ Иркутскъ, нужно приготовить съ надлежащими для аптеки выгодами домъ, при коемъ бы состроена была каменная химическая лабораторія, лѣтніе и зимніе погреба, ледникъ и въ смежности онаго дома находилось бы мѣсто для разведенія медицинскихъ растеній. Почему для расположенія всего соотвѣтственно сему предмету и произведеніе онаго въ дѣйство, подъ наблюденіемъ гражданскаго начальства, поручить можно тамошней врачебной управѣ. Для управленія же заводимой въ Иркутскѣ аптеки Медици-

ская Коллегія полагаетъ опредѣлить аптекаря или провизора, гезеля, старшаго и младшаго ученика и шесть работниковъ съ жалованьемъ первому по 500, второму по 300, послѣднимъ старшему по 100, младшему по 50 р. въ годъ. Медицинская Коллегія, исчисливъ въ приложеніяхъ всѣ надобности при единовременномъ заведеніи аптеки, на которыя немаловажная сумма потребуется, представляетъ къ разсмотрѣнію г. главнаго директора обязанность свою токмо въ томъ, чтобъ на отпускаемую въ ея вѣдѣніе сумму снабдѣваемы были медикаментами сухопутныя и морскія войска и штатныя по губерніямъ команды, и по мѣрѣ происходящихъ расходовъ и количества денежной суммы ежегодной и заготовленіе матеріаловъ производилось. Но при таковой ея обязанности, если учрежденіе аптеки и ежегодное оной содержаніе возложено будетъ на Коллегію, то въ первомъ случаѣ, имѣя при главныхъ аптекахъ многихъ матеріаловъ весьма ограниченный запасъ, назначенный уже большею частію въ отправленію въ отсутственныя аптеки, оный остановить будетъ должно; во второмъ же Коллегія почитаетъ излишнимъ распространяться въ своемъ донесеніи, поелику настоящее ея положеніе и денежные обороты во всей подробности извѣстны г. главному директору, и потому можетъ ли приступить къ учрежденію аптеки и содержанію оной безъ новаго ея въ томъ подкрѣпленіи? Уповая однакожъ, что, изъ уваженія къ исчисленнымъ выше сего нуждамъ и возвысившейся на всѣ вещи дороговизнѣ, исходатайствовано будетъ въ ея пользу высокомонаршее благоволеніе, представляетъ здѣсь подъ буквою *В* каталогъ иностраннымъ матеріаламъ, выбраннымъ изъ трехлѣтняго запаса казенныхъ аптекъ и растеніямъ собираемымъ въ медицинскихъ садахъ и въ южныхъ областяхъ Россійской имперіи, съ тѣмъ чтобъ оныя единовременно отпущены были отъ Коллегіи въ новозаводимую аптеку, когда назначеніе ихъ одобрено имъ будетъ. Слѣдовательно, за исключеніемъ предлагаемаго изъ казенныхъ аптекъ безденежнаго отпуска иноземныхъ и россійскихъ произведеній для отправленія въ Иркутскъ по прилагаемому подъ буквою *Г* каталогу, безъ провоза до Иркутска, простираться можетъ съ увязкою и укладкою до 11975 р. 92 к., а съ назначенными къ покупкѣ на мѣстѣ вещами составитъ 14375 р. 92 к. Впрочемъ, что касается до ежегодныхъ при аптекѣ денежныхъ издержекъ, необходимыхъ для выдачи жалованья аптекарскимъ чинамъ и служителямъ, на прибавку матеріаловъ и припасовъ, покупку дровъ, угля и прочихъ надобностей, Медицинская Коллегія почитаетъ достаточнымъ количествомъ, когда въ ежегодный отпускъ назначится по 5000 р. За всѣмъ симъ хотябы единовременное

аптеки заведеніе и ежегодное ея содержаніе и не состояло на суммѣ медицинской, но сверхъ зависящаго отъ гражданскаго начальства и врачебной управы наблюденія, Мед. Коллегія поставитъ себѣ правиломъ входить въ подробное разсмотрѣніе отчетовъ и новыхъ требованій, если воспослѣдуетъ на то всевысочайшая Е. И. В. воля.»

На это опредѣленіе Коллегіи главный директоръ увѣдомилъ, 16 декабря, что онъ согласенъ съ распоряженіемъ ея и не преминетъ относительно требующейся на учрежденіе аптеки суммы учинить докладъ Е. И. В., и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ Коллегіи сдѣлать всѣ нужныя заготовленія аптекарскихъ матеріаловъ и припасовъ, а также снестись съ иркутскимъ губернскимъ начальствомъ о пріисканіи дома для аптеки.

Вслѣдствіе этого Коллегія, 23 декабря 1798 года, 1) предписала экономической своей экспедиціи начать отпускъ изъ Москвы аптекарскихъ матеріаловъ и припасовъ для новоучреждаемой аптеки; 2) опредѣлила въ новую аптеку управляющимъ находившагося въ Лубенской аптекѣ на гезельской вакансіи провизора Льва Карлсона Зедерштета, приказавъ ему пріѣхать въ Москву; 6) предписала Московской Медицинской Конторѣ назначить отъ себя гезеля и двухъ учениковъ, коею и назначены изъ Московской главной аптеки на гезельскую вакансію провизоръ Бибо (*Johann Henrich Bibo*), старшимъ ученикомъ Карлъ Брунсъ, а младшимъ Василій Стряпчевскій; 4) написала иркутскому гражданскому губернатору дѣйствительному статскому совѣтнику Аршеневскому о пріисканіи удобнаго дома для аптеки.

Пока длилась эта переписка, въ Москвѣ приготовлены были назначенные для иркутской аптеки матеріалы и припасы, запакованы и увязаны въ 83 мѣстахъ, засвидѣтельствованы Зедерштетомъ и приняты имъ «по наружному виду»; въ тоже время провизоръ, гезель и ученики снабжены прогонными деньгами (первые на двѣ лошади каждый, а послѣдніе на одну каждый), жалованьемъ за треть впередъ и 100 рублями на разныя экстренныя дорожныя издержки, и весь этотъ транспортъ и персоналъ отправились изъ Москвы въ Иркутскъ 28 мая 1799 года.

Однакоже дѣло о пріисканіи дома для аптеки еще не было кончено. Промеморія Коллегіи на имя Аршеневскаго не застала уже послѣдняго въ Иркутскѣ. Ее получилъ военный губернаторъ, Управлявшій и гражданскою частію, генералъ-лейтенантъ Бо-

рисъ Борисовичъ Леццано, и поручилъ иркутскому городничему надворному совѣтнику Кондратову пріискать удобный для аптеки домъ, приказавъ ему соображаться съ указаніями врачебной управы [1]). Поиски городничаго были однакоже не совсѣмъ удачны, а врачебная управа никакъ не могла согласиться съ городничимъ и одобрить указанные имъ дома, пока не вмѣшался въ дѣло самъ губернаторъ. Вотъ что писалъ этотъ послѣдній на имя барона Васильева, въ частномъ письмѣ отъ 16 марта 1799 года:

«По поводу сообщенія Государственной Медицинской Коллегіи отъ 23 декабря 1798 года объ учрежденіи въ Иркутскѣ аптеки и пріисканіи для нея удобнаго дома, давъ я знать иркутской врачебной управѣ, предписывалъ объ отводѣ дома здѣшнему городничему. На сіе врачебная управа отозвалась, что инспекторъ оной, докторъ надворный совѣтникъ Реслейнъ, осматривая назначенные городничимъ для аптеки три дома, не нашелъ въ такомъ состояніи, чтобы назначенное количество аптекарскихъ матеріаловъ и припасовъ помѣстить было возможно, и притомъ въ ономъ строеніи имѣть какъ аптекарскимъ чинамъ жительство, такъ и самую аптеку, безъ употребленія не малой суммы какъ на переправку, такъ и за новую постройку. Я посему паки приказывалъ здѣшнему городничему приложить стараніе къ отысканію для помѣщенія аптеки въ покупку или въ наемъ удобнаго порожняго дома; но и затѣмъ не открылось желаемой надежды, кромѣ что статскій совѣтникъ Тунцельманъ изъявилъ желаніе продать свой деревянный домъ, въ которомъ по осмотру архитекторскому оказалось жилой корпусъ въ 6 комнатахъ, во дворѣ колодецъ, кухня, баня, изба для овощей, ледникъ, три амбара съ погребомъ, въ которомъ во время разлитія рѣки Ангары бываетъ вода, скотскихъ два хлѣва и сарай, мѣсто въ длину 42, въ ширину въ одномъ краю 23, въ другомъ 14 сажень, и притомъ нужно въ домѣ полы и кровли починить по высочайше конфирмованному плану выдаваться въ улицу чрезъ 8 сажень. По поелику и сей домъ къ всегдашнему занятію аптеки былъ бы неудобенъ, то приказалъ я осмотрѣть каменный домъ бывшаго заводчика Сибирякова, который за разныя вексельныя претензіи назначенъ къ продажѣ съ аукціоннаго торгу

---

[1]) Иркутскую врачебную управу составляли тогда: инспекторъ докторъ 7-го класса Ѳедоръ Реслейнъ, операторъ штабъ-лѣкарь 7-го класса Иванъ Шиллингъ и акушеръ штабъ-лѣкарь Андрей Козьмичъ Поддубный, вскорѣ по смерти Реслейна заступившій мѣсто инспектора, между тѣмъ какъ должность акушера замѣстилъ штабъ-лѣкарь Гаврило Лебедевъ.

и по вызовамъ желающіе покупщики сверхъ оцѣночной цѣны 1200 руб. наддаютъ только 300 р., да и при окончательномъ торгѣ не дороже, думаю, состоится ему послѣдняя цѣна около 2000 р., да и со всѣми нужными пристройками, можетъ быть, не дороже будетъ стоить 3000 р., подъ аптеку нахожу весьма способнымъ. Для того препровождая при семъ на разсмотрѣніе вашего высокопревосходительства показанному дому заводчика Сибирякова планъ и фасадъ, покорнѣйше прошу на покупку его подъ аптеку вашего дозволенія. Ибо удобнѣе его изъ порозжихъ домовъ въ Иркутскѣ совсѣмъ нѣтъ, кромѣ того что и ветхости должны въ немъ поправиться на счетъ городскаго общества за содержаніе въ немъ бывшей до сего банковой конторы. А до тѣхъ поръ можно будетъ взять для аптеки какой нибудь домъ изъ платы. Впрочемъ предоставляя все сіе соизволенію вашего высокопревосходительства, съ истиннымъ и непремѣннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть и пр.

Борисъ Леццано.

На приложенномъ къ этому письму фасадѣ и планѣ, нарисованномъ губернскимъ архитекторомъ титулярнымъ совѣтникомъ Антономъ Лосевымъ, домъ гитенфервалтера Сибирякова представленъ въ одинъ этажъ съ подваломъ. Онъ о девяти окнахъ съ полукруглымъ верхомъ; жилыхъ большихъ комнатъ въ немъ было 4, большая кухня и внутренній корридоръ съ двумя выходами. Въ подвальномъ этажѣ, съ 4 небольшими окнами на улицу и стрѣльчатыми коробовыми сводами, было 7 небольшихъ кладовыхъ и кухня. Къ дому принадлежали два двора, нѣсколько надворныхъ строеній и обширный огородъ.

Баронъ Васильевъ передалъ планъ и фасадъ на разсмотрѣніе Медицинской Коллегіи, которая 6 мая 1799 года представила ему, что «по соображенію настоящаго аптечныхъ матеріаловъ и припасовъ запаса, наряженнаго въ Москвѣ по ея назначенію для заведенія въ Иркутскѣ аптеки, хотя Коллегія съ своей стороны находитъ удобнымъ и соотвѣтственнымъ предположенію, особливо въ такомъ случаѣ, когда съ возобновленіемъ дома и нужными пристройками обезпечится внутреннимъ его расположеніемъ и въ будущее время запасъ. Но дабы отводимый подъ означенную аптеку домъ въ состояніи былъ удовлетворить всѣмъ нуждамъ, которыя паче всего извѣстны аптекарямъ, то Медицинская Коллегія нужнымъ считаетъ присовокупить, чтобъ какъ постройка-

каменной химической лабораторіи, такъ и внутренняя по тому дому поправка и перестройка производимы были подъ смотрѣніемъ тамошней врачебной управы, когда прибудетъ туда отправляемый изъ Москвы съ матеріалами провизоръ Зедерштетъ.»

Такимъ образомъ рѣшена была покупка дома Сибирякова и баронъ Васильевъ приказалъ губернатору Леццано о перекупѣ этого дома для аптеки. Въ тоже время (27 мая 1799) предложилъ онъ Коллегіи снестись съ генераломъ Леццано «о нужныхъ въ томъ домѣ постройкахъ, съ согласія опредѣленнаго къ вышеупомянутой аптекѣ аптекаря, употребя на покупку и поправку его потребную сумму изъ денегъ, опредѣленныхъ на заведеніе сей аптеки, а ежелибъ чего оной не доставало, то дополнить изъ собственныхъ своихъ доходовъ, и сколько дополнено будетъ, о томъ увѣдомить.»

Общій счетъ издержекъ на первоначальное учрежденіе Иркутской аптеки былъ слѣдующій:

1) На покупку иностранныхъ и россійскихъ матеріаловъ	11375 р. 92 коп.
2) На покупку на мѣстѣ деревянной, желѣзной, стеклянной и мѣдной посуды . . .	2000 »
3) На покупку дома для аптеки. . . .	3000 »
4) За провозъ матеріаловъ отъ Москвы до Иркутска	5518 » 4 »
5) На непредвидѣнныя надобности въ дорогѣ выдано провизору Зедерштету . . .	100 »
6) На прогоны провизору, гезелю и двумъ ученикамъ	637 » 44 »
7) Имъ же впередъ третное жалованье .	323 » 79¼ »
Итого.	22954 р. 79¼ к.
А за исключеніемъ выданнаго жалованья.	22631 р. 40 к.
На покрытіе этихъ издержекъ отпущено было изъ государственнаго казначейства .	14375 р. 92 к.
Изъ собственныхъ суммъ Коллегіи, отъ некомплекта медицинскихъ чиновъ за 1798 годъ (за исключеніемъ денегъ на жалованье).	8255 р. 48 к.

Коллегія тяготилась этой послѣдпею издержкою и, ссылаясь на то, что средства ея очень не велики и что въ послѣдніе годы

она должна была много истратить денегъ на строеніе медико-хирургической академіи и учебныхъ театровъ ея, а также аптечныхъ домовъ Рижской и Карасубазарской аптекъ, просила о возвратѣ ей этой послѣдней суммы изъ государственнаго казначейства (7 іюля 1799 года).

Между тѣмъ транспортъ съ аптечными припасами прибылъ въ Иркутскъ, домъ для аптеки купленъ и поправленъ, а аптека все не открывалась, подъ предлогомъ неустроенія еще лабораторіи, и даже не дѣлала отпуска матеріаловъ и припасовъ квартировавшимъ въ Восточной Сибири войскамъ [1]). Генералъ Леццано жаловался на эту медленность (21 декабря 1799), справедливо замѣчая, что не смотря на издержки, употребленныя для доставленія медикаментовъ и аптекарскихъ чиновъ въ Иркутскъ, они принуждены все-таки выписывать лѣкарства изъ Тобольской аптеки и снова тратить деньги за провозъ ихъ, не говоря уже о большой потерѣ времени въ ожиданіи ихъ доставленія. «Ежели бы гарнизонный Сомова полкъ, прибавлялъ онъ, захотѣлъ выписывать медикаменты изъ Тобольской аптеки, безъ чего ему и обойтиться нельзя, то безъ малаго черезъ 9000 верстъ не только будетъ стоить величайшихъ расходовъ, но и не можетъ ближе получить медикаментовъ, какъ чрезъ два года»; полку Панова пришлось бы перевозить медикаменты за 3000, а фонъ-Бушена за 4000 верстъ. «Извѣстно же, прибавляетъ онъ далѣе, и то, что на составленіе лѣкарствъ большею частію доставляются разныя растенія изъ здѣшняго края, а копытчатый ревень и сибирская соль непосредственно отсель; и такъ для одного составленія лѣкарствъ платится за провозъ ихъ до Тобольска не малая сумма, а послѣ тѣжъ лѣкарства доставляются сюда обратно съ новымъ провозомъ; слѣдовательно если исчислить всѣ сіи расходы, должна выходить изъ казны знатная сумма; но при всемъ томъ нерѣдко случается за отдаленностью мѣста нужный въ лѣкарствахъ недостатокъ».

Этотъ упрекъ въ двойномъ перевозѣ аптечныхъ матеріаловъ совершенно справедливъ и самымъ наглядным образомъ указы-

---

[1]) Тамъ находились тогда гарнизонные полки: генералъ-маіора Леццано въ Иркутскѣ, генералъ-маіора Панова на суконной фабрикѣ, генералъ-маіора фонъ-Бушена и генералъ-маіора Сомова въ Камчаткѣ. Всѣ эти полки составляли инспекцію иркутскаго военнаго губернатора Леццано.

ваетъ на близорукость бюрократической централизаціи; но, къ величайшему удивленію, онъ остается справедливымъ и въ наше время. Посмотрите на отпуски аптечныхъ матеріаловъ изъ петербургскаго запаснаго аптечнаго магазина въ южную и югозападную Россію, и увидите, что большая часть растеній проѣхалась сперва изъ Кіева и смежныхъ съ нимъ губерній въ Петербургъ, а потомъ опять отправляется въ полковыя и госпитальныя аптеки на мѣста своей родины. Зачѣмъ нужны эти повторительныя путешествія? не затѣмъ ли, чтобъ растенія выдохлись и, уже сдѣлавшись негодными, пошли въ употребленіе?

По жалобѣ Леццано, баронъ Васильевъ просилъ Коллегію ускорить распоряженіемъ объ открытіи Иркутской аптеки, и Коллегія предписала тамошней врачебной управѣ (1 февраля 1800 года) поторопиться открытіемъ аптеки и въ тоже время послала аптекарю инструкцію, таксу и другія нужныя наставленія. Аптека эта открыта въ апрѣлѣ или маѣ 1800 года.

Стоитъ замѣтить, что едва прошло около двухъ мѣсяцовъ со времени открытія аптеки, какъ провизоръ Зедерштетъ написалъ въ Коллегію представленіе о недостаточномъ штатѣ ея. «По открытіи сей казенной аптеки, писалъ онъ 4 іюля 1800 года, не токмо наивсегдашніе отпуски медикаментовъ бываютъ въ полки и въ разныя воинскія команды, но и обитающіе въ здѣшнихъ мѣстахъ народы требованія свои чрезъ штабъ-лѣкарей и лѣкарей къ освобожденію отъ болѣзней къ выполненію требуютъ, а по таковымъ многотрудностямъ въ сочиненіи лѣкарствъ едва нынѣ находящимися при аптекѣ служителями безъ прибавленія къ нимъ на будущее время обойтиться будетъ возможно». И въ предупрежденіе затрудненій просилъ опредѣлить въ Иркутскую аптеку еще одного гезеля. Но Коллегія не повѣрила, чтобъ «иркутскіе народы» вдругъ бросились на требованіе лѣкарствъ, которыхъ до этого времени вовсе не имѣли, и отказала въ увеличеніи штата (17 августа). Тогда Зедерштетъ вошелъ съ новымъ рапортомъ (12 февраля 1801) объ увеличеніи жалованья служащимъ при аптекѣ ученикамъ Брунсу и Стрябчевскому; но Коллегія и въ этомъ отказала (22 апрѣля 1801).

VII.

ПЕРВЫЙ МЕДИЦИНСКІЙ ШТАТЪ

СМОЛЬНАГО МОНАСТЫРЯ.

1764—1765.

Воспитательное Общество Благородныхъ Дѣвицъ (Communauté Impériale des Demoiselles nobles) учреждено въ 1764 году, по мысли И. И. Бецкаго, и уставъ его, составленный этимъ послѣднимъ и безусловно одобренный особою назначенною для разсмотрѣнія его комиссіею, подписанъ императрицею Екатериною II въ Царскомъ Селѣ 5 мая этого года и распубликованъ при слѣдующемъ указѣ:

Для пользы всего государства учреждены разныя воспитательныя училища благороднаго юношества на казенномъ иждивеніи. Равное имѣя попеченіе и о благородныхъ дѣвицахъ, восхотѣли мы учредить такое жъ воспитаніе, и потому назнача въ С.-Петербургѣ новостроющійся Воскресенскій монастырь, въ коемъ бы содержалось до двухъ сотъ благородныхъ дѣвицъ, повелѣли сочинить на то уставъ, и особой коммисіи препоручили разсмотрѣніе, которое, съ приложеннымъ докладомъ оной, намъ и представила. Мы, находя всѣ постановленныя въ томъ уставѣ учрежденія полезными, утвердили его высочайшимъ своимъ подписаніемъ, и при семъ прилагая, повелѣваемъ Сенату, напечатавъ сей уставъ, разослать по губерніямъ, провинціямъ и городамъ, дабы вѣдая о семъ новомъ учрежденіи, которое при освященіи монастыря дѣломъ самымъ начнется будущаго іюня 28 дня сего года, каждый изъ дворянъ могъ, ежели пожелаетъ, дочерей своихъ въ младенческихъ лѣтахъ [1]) препоручать сему отъ насъ

[1]) По первоначальному уставу предписано принимать въ Смольный монастырь дѣвочекъ *6 лѣтъ* отъ роду. Онѣ должны были оставаться тамъ 12 лѣтъ и пройдти *четыре возраста* или четыре класса, оставаясь въ каждомъ по три года. По цвѣтамъ платья онѣ раздѣлялись на кофейныхъ, голубыхъ, сѣ-

учрежденному воспитанію, такъ какъ въ уставѣ предписано. Начальницею же къ сему воспитанію опредѣлена уже нами княжна Анна Долгорукова, а правительницею—умершаго статскаго дѣйствительнаго совѣтника Де-ла-Фона вдова Софья Де-ла-Фонъ. Екатерина.»

5 мая 1764 года, въ Царскомъ Селѣ.

Управленіе Обществомъ ввѣрено совѣту, состоявшему подъ предсѣдательствомъ начальницы заведенія княжны Анны Сергѣевны Долгоруковой. Первоначально Воспитательное Общество было невелико (въ первый годъ принято, съ 7 августа 1764 по 26 іюня 1765 года, 57 воспитанницъ, а по уставу предположено было принимать чрезъ каждые три года по 60 шестилѣтнихъ дѣвочекъ) и помѣщалось въ упраздненномъ Новодѣвичьемъ Воскресенскомъ монастырѣ (нынѣшній Смольный [1]): но съ самого учрежденія Общества предположено перестроить зданія монастыря и увеличить его помѣстительность; притомъ же въ январѣ слѣдующаго 1765 года учреждено при этомъ Обществѣ заведеніе для воспитанія *мѣщанскихъ* дѣвушекъ (нынѣшнее Александровское училище).

По уставу Воспитательнаго Общества предположено имѣть въ немъ одного доктора и одного лѣкаря, и еще прежде, чѣмъ формально назначены были лица для занятія этихъ должностей,

---

рыхъ и бѣлыхъ. Тѣже правила предписаны къ руководству и на Александровской (мѣщанской) половинѣ. Но въ послѣдствіи (1797) постановлено было принимать въ Воспитательное Благородное Общество до 300 воспитанницъ и уже не 6, а на 8 или 9 году возраста, а въ мѣщанское отдѣленіе 200 воспитанницъ не моложе 10 лѣтъ, причемъ уменьшенъ и срокъ пребыванія дѣвицъ въ этихъ заведеніяхъ, именно въ первомъ ограниченъ 9-ю, а въ послѣднемъ— 6-ю годами.

[1]) Прежде былъ здѣсь *дегтярный заводъ* для адмиралтейства и слобода или деревня вокругъ него называлась *Смольною.* Петръ I въ послѣдствіи построилъ тамъ лѣтній дворецъ (дачу) для дочери своей Елисаветы Петровны, названный *Смольнымъ дворцомъ.* По вступленіи на престолъ Елисавета Петровна превратила этотъ свой дворецъ въ *Воскресенскій новодѣвичій монастырь* для 20 монахинь, кои и были тамъ помѣщены въ 1744 г. Это былъ большой четвероугольникъ съ небольшими церквами на четырехъ углахъ, кои сохранились и донынѣ, и съ большою церковью по срединѣ, постройки архитектора Растрелли (нынѣшнимъ соборомъ всѣхъ учебныхъ заведеній, выгравированнымъ на печатяхъ всѣхъ православныхъ церквей имперіи). Въ 1764 г. Екатерина II упразднила монастырь, превративъ его въ воспитательный закрытый дѣвичій институтъ, но первоначальнаго зданія не уничтожила, а только увеличила пристройками. См. *Описаніе россійско-императорскаго столичнаго города С.-Петербурга и достопамятностей въ окрестностяхъ онаго*, I. Г. Георги. Спб. 1794, стр. 117 и 118.

обязанности доктора, по словесному распоряженію Медицинской Коллегіи, исполнялъ, съ 15 іюля 1764, докторъ Іоганнъ Генрихъ Янишъ (J. H. Jaenisch), а обязанности лѣкаря—лѣкарь С.-Петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя Вильгельмъ Даніель Нагель (W. D. Nagel). Но въ именномъ указѣ, приложенномъ къ уставу, не опредѣлено было содержаніе этихъ лицъ, а сказано только: «выбрать искуснаго доктора и лѣкаря для Новодѣвичьяго монастыря и о содержаніи оныхъ снестись съ господиномъ Бецкимъ, дабы все готово было къ двадцать осьмому числу іюня нынѣшняго 1764 года». Эта неопредѣленность въ назначеніи содержанія врачамъ происходила оттого, что И. И. Бецкій спачала не хотѣлъ имѣть въ Смольномъ монастырѣ особливаго медицинскаго штата, для возможнаго сбереженія денегъ. Ему казалось возможнымъ не опредѣлять ни доктора, ни лѣкаря исключительно къ Смольному монастырю, а приглашать ихъ, въ случаяхъ надобности, отъ другихъ мѣстъ, платя только за временные визиты, а не полагая годоваго опредѣленнаго жалованья. Медицинская Коллегія, съ своей стороны, считала это хоть и возможнымъ, но вреднымъ, потому что, по ея мнѣнію, постоянный докторъ, не связанный ни какими другими обязанностями, долженъ и обязанъ будетъ наблюдать за здоровьемъ не только больныхъ, но и здоровыхъ дѣтей и слѣдить за ихъ физическимъ воспитаніемъ и заботиться о немъ, чего нельзя ни требовать, ни ожидать отъ такого доктора, который будетъ являться только по случайнымъ приглашеніямъ. Эта неопредѣленность перваго распоряженія послужила въ послѣдствіи поводомъ къ длинной перепискѣ и даже къ неудовольствіямъ, оттого что Медицинская Коллегія не съумѣла остеречься и нечаянно оскорбила самолюбіе начальницы Воспитательнаго Общества.

Для ясности дѣла, мы представляемъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ подлинную переписку лицъ, устроивавшихъ медицинскую часть въ Смольномъ монастырѣ. Изъ этой переписки видно, что хотя императрица и назначила срокъ полнаго устройства ея къ 28 іюня, однакожъ воля ея не была исполнена, и хотя докторъ съ лѣкаремъ и были назначены къ Смольному монастырю, но не были утверждены еще формальнымъ образомъ. Это видно изъ слѣдующаго собственноручнаго письма начальницы Воспитательнаго Общества княжны А. С. Долгоруко-

вой [1]) къ президенту Медицинской Коллегіи барону А. И. Черкасову, отъ 3 сентября 1764 года:

«Государь мой Александръ Ивановичъ.

По высочайше конфирмованному Ея Императорскимъ Величествомъ о воспитаніи благородныхъ дѣвицъ уставу, между прочими чинами приономъ воспитаніи положено быть доктору и лѣкарю, на которое мѣсто хотя по словесному Медицинской Коллегіи приказанію и вступилъ докторъ Эннштъ и лѣкарь Нагель, гдѣ и должность свою уже отправляютъ съ 15 іюля, но дѣйствительно при томъ монастырѣ еще не опредѣлены: того ради ваше превосходительство прошу оныхъ доктора Энниша и лѣкаря Нагеля къ тому Новодѣвичьему монастырю опредѣлить, назнача имъ при томъ окладъ годовато жалованья и сколько имѣетъ производиться на дрова денегъ. А какъ за отдаленіемъ отъ города монастыря потребно притомъ, чтобъ въ самомъ монастырѣ находилась небольшая аптека, то и реченною аптекою снабдить и опредѣлить ко оной исправнаго аптекарскаго гезеля.

При семъ остаюсь

вашего превосходительства,

государь мой,

покорная къ услугамъ вашимъ

княжна Анна Долгорукова.»

2 сентября 1764.

Баронъ А. И. Черкасовъ отвѣчалъ на это слѣдующимъ письмомъ:

Милостивая государыня моя,

Княжна Анна Сергіевна.

Письмомъ отъ 3 дня сего мѣсяца, на мое имя писаннымъ, ваше сіятельство требовать изволите дѣйствительнаго опредѣленія у воспитанія

---

[1]) Начальницами Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ послѣ А. С. Долгоруковой были въ послѣдовательномъ порядкѣ: статсъ-дама Софья Ивановна *де Лафонъ (Sophie de la Font)* (съ 1764 по 9 августа 1797); баронесса, вдова полковника, Елисавета Александровна *Пальменбахъ* (съ 11 августа 1767 по 21 апрѣля 1802), дочь барона А. И. Черкасова, учредителя перваго медицинскаго штата Смольнаго монастыря и по матери родная внука герцога курляндскаго и временщика Э. І. Бирона; она сама получила воспитаніе въ Смольномъ монастырѣ; умерла 23 іюня 1823 года; статсъ-дама, вдова полковника, Юлія Ѳедоровна *Адлербергъ* (съ 21 апрѣля 1802 по 20 сентября 1839), и статсъ-дама, вдова генералъ-маіора, Марья Павловна *Леонтьева* (съ 21 сентября 1839 г.), нынѣшняя начальница этого заведенія.

благородныхъ дѣвицъ доктора Яниша и лекаря Нагеля, которые въ отправленіе ихъ должности, по словесному приказанію Медицинской Коллегіи, съ 15 іюля уже вступили, и чтобъ назначено было по скольку жалованья имъ въ годъ производить, также и сколько денегъ на дрова давать; сверхъ того чтобъ, за отдаленіемъ Новодѣвичьяго монастыря отъ города, учреждена была въ самомъ монастырѣ небольшая аптека съ исправнымъ при оной гезелемъ.

На все сіе вашему сіятельству доношу, когда Е. И. В. въ указѣ собственною ея рукою писанномъ, а мною въ 6 день мая полученномъ, всемилостивѣйше повелѣла мнѣ «выбрать искуснаго доктора и лѣкаря для Новодѣвичьяго монастыря и о содержаніи оныхъ снестись съ господиномъ Бецкимъ, дабы все готово было къ двадцать осьмому числу іюня нынѣшняго 1764 года», то я немедленно предложилъ Медицинской Коллегіи, чтобъ назначили искусныхъ доктора и лѣкаря въ помянутый монастырь. Коллегія, по довольномъ разсужденіи, нашли доктора Яниша и лѣкаря Нагеля къ тому за наиспособнѣйшихъ. Скоро потомъ докладывалъ я словесно Е. И. В., не повелитъ ли опредѣляемымъ къ монастырю доктору и лѣкарю пожаловать содержаніе равное съ тѣмъ, какое докторъ и лѣкарь при Шляхетномъ Кадетскомъ Сухопутномъ корпусѣ имѣютъ, и какъ приономъ корпусѣ есть штабъ-лѣкарь, то чтобъ и при монастырѣ, гдѣ благороднымъ дѣвицамъ воспитаніе имѣть, опредѣленъ былъ штабъ-лѣкарь же. Докладъ мой полную отъ Е. И. В. апробацію получилъ. А какъ въ апробованномъ отъ Е. И. В. въ 29 день августа 1762 года о кадетскомъ корпусѣ штатѣ между прочимъ медицинскаго факультета чинамъ положено слѣдующее содержаніе, а имянно:

доктору жалованья въ годъ 700 рублей и
2 денщика съ жалованьемъ по 12 рублей каждому;
штабъ-лѣкарю жалованье въ годъ 400 рублей и
1 деньщикъ съ жалованьемъ по 12 рублей.

Сверхъ того какъ докторъ, такъ и штабъ-лѣкарь имѣютъ въономъ корпусѣ квартиры, а дровъ или за оныя денегъ не получаютъ [1]).

[1]) По *штату 1731 года* въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ положены были:

докторъ	1	съ жалованьемъ. . . .	по 500 р.
лѣкарь	1	» »	» 200 »

По *штату 2 декабря 1760 года* положены:

докторъ	1	съ жалованьемъ по. . . .	600 р.
лѣкарь	1	» » » . . .	300 »
подлѣкарь	1	» » » . . .	120 »
аптекарь	1	» » » . . .	240 »
лѣкар. учен.	2	» » » . . .	36 » каждому.

Для того и опредѣляемымъ нынѣ къ монастырю доктору Янишу и лѣкарю Нагелю (который, какъ для сего случая, такъ наипаче за искусство и долговременную его службу, произведенъ штабъ-лѣкаремъ) должно производить какъ жалованье, денщиковъ, такъ и квартиры во всемъ сходственно съ вышеписанными состоящими при шляхетномъ кадетскомъ сухопутномъ корпусѣ подобными чинами.

Чтоже до аптеки касается, которую ваше сіятельство занужно почитаете имѣть въ монастырѣ въ разсужденіи отдаленія онаго отъ города, о томъ всепокорно прошу мнѣ дать знать, какъ велика оная быть должна и какое жалованье аптекарскій гезель получить можетъ. Въ семъ случаѣ я не могъ пользоваться примѣромъ учрежденія кадетскаго корпуса. Приономъ положенъ аптекарь и четыре лѣкарскихъ и аптекарскихъ учениковъ, да сверхъ того еще одинъ лѣкарь и два подлѣкаря; но то по великому многолюдству надобно было, которое въ корпусѣ находится, а въ монастырѣ довольно будетъ упомянутыхъ чиновъ, доколѣ учрежденіе оное знатнаго умноженія во всѣхъ его частяхъ не получитъ.

Ожидая вашего на сіе соизволенія, съ непремѣннымъ высокопочитаніемъ пребываю

вашего сіятельства,

милостивой государыни моей,

всепокорный слуга

Баронъ Александръ Черкасовъ.»

10 сентября 1764.

Княжна А. С. Долгорукова отвѣтила 23 сентября, что пока монастырь еще не перестроенъ и воспитанницъ немного, то предполагается имѣть аптеку очень небольшую: «надлежитъ только имѣть ящикъ, а какіе медикаменты въ ономъ ящикѣ, на то роспись дастъ г. докторъ Янишъ гезелю, когда оный гезель отъ вашего превосходительства назначенъ и ко мнѣ присланъ будетъ;

По *штату 29 августа 1762 года:*

докторъ	1	съ жалованьемъ	по . . .	700 р.	
штабъ-лѣкарь	1	»	» . . .	400 »	
лѣкарь	1	»	» . . .	300 »	
подлѣкарей	2	»	» . . .	120 »	каждому.
аптекарь	1	»	» . . .	240 »	
лѣкарскій и аптек. учен.	4	»	» . . .	36 »	каждому.

а что касается до жалованья онаго гезеля, я надѣюсь, какъ труда его немного будетъ, то довольно ему въ годъ сто рублевъ.»

Не понравилось письмо это барону Черкасову; огорчило его то, что службу подчиненныхъ его цѣнятъ такъ легко и несправедливо и онъ не могъ скрыть своего неудовольствія, тѣмъ болѣе, что въ вѣдомствѣ Медицинской Коллегіи ни одинъ аптекарскій гезель не получалъ такъ мало жалованья, какъ назначалось въ Смольномъ монастырѣ, слѣдовательно едва ли кто добровольно пойдетъ туда. Неудовольствіе его выразилось и въ отвѣтномъ письмѣ его, писанномъ въ тотъ же день вечеромъ:

«Теперь получилъ я вашего сіятельства письмо, сегодня писанное, въ которомъ между прочимъ упоминаете, что аптекарскому гезелю, который къ Новодѣвичьему монастырю отъ Медицинской Коллегіи опредѣленъ будетъ въ разсужденіи невеликаго его при семъ мѣстѣ труда, довольно будетъ ста рублевъ жалованья въ годъ. На оное вашему сіятельству имѣю честь донесть, что состоящимъ въ вѣдомствѣ Медицинской Коллегіи аптекарскимъ гезелямъ такъ малыхъ окладовъ нѣтъ: самый низкій 120 рублевъ, а большій 200 рублевъ въ годъ. А какъ высочайшее Е. И. В. намѣреніе есть, чтобъ всѣ принадлежащіе къ сему монастырю служители были хорошіе и исправные, то вашему сіятельству предлагаю, что требуемому аптекарскому гезелю не можно меньше 180 рублевъ въ годъ жалованья положить; къ томужъ необходимо нужно для вспоможенія ему дать еще одного работника. А за 100 рублевъ въ годъ самаго младшаго аптекарскаго гезеля опредѣлить не могу.

Ожидая на сіе вашего соизволенія и проч.»

Княжна согласилась, но выразила свое согласіе, 24 сентября, очень сухо: «Ваше превосходительство изволите писать, что аптекарскому гезелю не можно меньше 180 рублевъ въ годъ положить, то ужъ какъ изволите, хотя мнѣ кажется, что лѣкарю и аптекарскому гезелю очень велико жалованье въ разсужденіи того, что труда ихъ немного будетъ. А что касается до работника для вспоможенія гезелю, оный получать будетъ здѣсь.»

Тѣмъ бы перепискѣ и кончиться. Но президентъ Медицинской Коллегіи предвидѣлъ, что въ оффиціальныхъ сношеніяхъ съ женщинами не довольно поступать законно и справедливо, но нужно еще и угождать, а во всякомъ случаѣ остерегаться и не упускать изъ виду ихъ перемѣнчивости и врожденной наклонности къ своеволію. Его безпокоило то особенно, что всѣ распоря-

женія по снабженію Смольнаго монастыря медицинскими чинами были хотя одобрены императрицею, но одобрены только на словахъ, между тѣмъ какъ ему не на что было бы опереться, еслибъ княжна А. С. Долгорукова вздумала отвергнуть или измѣнить ихъ. Вѣдь она спорила, что аптекарскому гезелю и лѣкарю велико жалованье: что какъ она заспоритъ и о жалованьи доктора, не повѣритъ основаніямъ, по которымъ оно ему положено, и даже совсѣмъ не захочетъ имѣть его въ службѣ при Смольномъ монастырѣ?

Волнуемый этими опасеніями, онъ представилъ императрицѣ 27 сентября 1764 года слѣдующій характеристическій докладъ:

«Указомъ В. И. В., высочайшею рукою въ Царскомъ Селѣ написаннымъ, а мною 6 сего мая полученнымъ, повелѣно мнѣ «выбрать искуснаго доктора и лѣкаря для Новодѣвичьяго монастыря и о содержаніи оныхъ спестись съ господиномъ Бецкимъ, дабы все готово было къ 28 числу іюня нынѣшняго 1764 года.» Оный указъ немедленно объявилъ я Коллегіи Медицинской, которая тотчасъ назначила доктора Яниша и лѣкаря Пагеля. О содержаніи оныхъ говорилъ я съ генераломъ-поручикомъ господиномъ Бецкимъ и представлялъ ему, что за отдаленіемъ монастыря отъ города необходимо нужно какъ доктора, такъ и лѣкаря имѣть нарочно къ тому опредѣленныхъ и близь монастыря живущихъ, а не такъ какъ онъ намѣренъ былъ, для сбереженія денегъ, имѣть доктора и лѣкаря отъ другихъ мѣстъ, которые бы по присылкамъ за ними въ случаѣ нужды пріѣзжали туда и за то бы получали умѣренное годовое жалованье. Скоро послѣ того В. И. В. словесно я докладывалъ о назначенныхъ Коллегіею докторѣ Янишѣ и лѣкарѣ Пагелѣ и притомъ всеподданнѣйше просилъ, «не повелите ли пожаловать онымъ доктору и лѣкарю такое жъ содержаніе, какое получаютъ докторъ и лѣкарь въ сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, по апробованному отъ В. И. В. въ 29 день августа 1762 года объ оном корпусѣ новому штату, и для вящшаго сравненія сего благородныхъ дѣвицъ воспитанія съ воспитаніемъ благородныхъ кадетовъ не благоволите ли опредѣляемаго лѣкаря Пагеля пожаловать штабъ-лѣкаремъ.» Докладъ мой угоденъ тогда показался В. И. В. Но какъ на сіе ничего на письмѣ не имѣю, для того всеподданнѣйше В. И. В. прошу противъ словъ, тогдашній мой докладъ содержащихъ, высочайшею рукою написать «*быть по сему*». Сіе будетъ неоспоримымъ доказательствомъ

вашей высочайшей воли въ случаѣ могущихъ быть впредь по сему дѣлу затрудненій.

В. И. В. всеподданнѣйшій рабъ
Баронъ Александръ Черкасовъ.»

Императрица исполнила его желаніе и тутъ же при немъ написала на докладѣ: «*быть по сему*».

Послѣ этого онъ уже немедленно (въ тотъ же день) составилъ и подписалъ коллежское опредѣленіе о назначеніи Яниша и Нагеля (послѣдняго съ производствомъ въ штабъ-лѣкари) въ Новодѣвичій монастырь, съ жалованьемъ первому по 700, а послѣднему по 400 р. въ годъ, съ денщиками по корпусному штату и съ казенною квартирою въ Смольномъ монастырѣ, считая ихъ новыя должности съ 15 іюля 1764 года.

За тѣмъ копіи съ своего доклада императрицѣ и съ коллежскаго опредѣленія о назначеніи медицинскихъ чиновниковъ препроводилъ къ начальницѣ Смольнаго монастыря княжнѣ А. С. Долгоруковой, при слѣдующемъ письмѣ, имѣвшемъ цѣлью какъ бы удостовѣрить ее, что все писанное и сдѣланное имъ прежде, дѣйствительно сдѣлано было съ одобренія императрицы:

Милостивая государыня моя
княжна Анна Сергіевна.

Каково о докторѣ Янишѣ и штабъ-лѣкарѣ Нагелѣ въ Государственной Медицинской Коллегіи опредѣленіе учинено, съ онаго точную копію вашему сіятельству при семъ прилагаю. И что я вашему сіятельству въ письмѣ моемъ отъ 10 дня сего мѣсяца писалъ, основуясь на имянномъ Е. И. В. изустномъ указѣ, оное въ 27-й день сего мѣсяца Е. И. В. высочайшимъ подписаніемъ утверждено. И для того вашему сіятельству при семъ включаю точную копію съ поднесеннаго мною того дня доклада и состоявшейся наономъ Е. И. В. апробаціи.

Впрочемъ пребываю съ отмѣннымъ высокопочтеніемъ и преданностію, и проч.

Баронъ Александръ Черкасовъ»

29 сентября 1764.

Докторъ І. Г. Енишъ или Янишъ (*Johann Heinrich Jaenisch*) [1],

---

[1]) Самъ онъ порусски подписывался *Янишъ*, равно и потомки его, нынѣ существующіе, называютъ себя также *Янишъ*.

о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, былъ одинъ изъ очень ученыхъ врачей своего времени, хотя В. Рихтеръ, къ удивленію, вовсе не упоминаетъ о немъ въ своей *Исторіи*. Онъ родился въ Выборгѣ отъ бѣдныхъ родителей и, получивъ тамъ же первоначальное образованіе, въ 1752 году поѣхалъ въ Германію учиться медицинѣ и остановившись въ Іенскомъ университетѣ, окончилъ тамъ курсъ и въ 1755 году получилъ докторскій дипломъ. Послѣ того онъ болѣе двухъ лѣтъ путешествовалъ по Германіи, Голландіи и Англіи и наконецъ въ іюнѣ 1758 пріѣхалъ въ С.-Петербургъ съ цѣлію опредѣлиться на службу. Явившись здѣсь въ Медицинскую Канцелярію, онъ экзаминованъ былъ (30 іюня) докторами J. I. Лерхе, J. Ф. Шрейберомъ и Д. Синопеусомъ въ присутствіи директора Медицинской Канцеляріи П. З. Кондоиди, и 4 іюля получилъ право медицинской практики въ Россіи, но въ службу однакоже не былъ опредѣленъ по неимѣнію вакансій. Не прошло однакожъ и двухъ недѣль, какъ вакансія открылась: младшій докторъ С.-Петербургскаго адмиралтейскаго (т. е. морскаго) госпиталя Конрадъ Даль (C. Dahl) назначенъ былъ старшимъ докторомъ того же госпиталя, а на его мѣсто опредѣленъ младшимъ докторомъ I. Г. Япишъ (18 іюля 1758), съ обязанностью преподавать разныя медицинскія науки подлѣкарямъ и ученикамъ морскаго госпиталя (на правахъ доцента, doctor legens s. docens), съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ. На этомъ мѣстѣ оставался онъ до назначенія своего въ Смольный монастырь и временно (около двухъ мѣсяцовъ) управлялъ генеральнымъ сухопутнымъ Спб. госпиталемъ, когда старшій докторъ его Павелъ Паульсонъ (Paul Paulsohn) переведенъ къ Малороссійской Коллегіи въ Глуховъ (13 декабря 1764), а назначенный на его мѣсто докторъ Вольдемаръ Ломанъ (Woldemar Lohmann) еще не пріѣхалъ изъ Москвы. Каково было преподаваніе его въ госпиталѣ—не осталось свѣдѣній; но есть указанія, что современное медицинское управленіе значительно цѣнило его. Такъ черезъ годъ послѣ опредѣленія его доцентомъ (младшій докторъ, doctor legens s. docens) въ госпиталь, именно въ 1759 году, за успѣхи преподаванія прибавлено ему 100 р. къ прежнему жалованью. Кромѣ того, докторъ Янишъ участвовалъ въ формальномъ соглашеніи всѣхъ петербургскихъ госпитальныхъ доцентовъ, постановленномъ 28 апрѣля 1764 г. касательно распредѣленія

предметовъ преподаванія на лѣтній семестръ этого года. Въ этомъ соглашеніи (представленномъ добровольно на утвержденіе Медицинской Коллегіи, которая 18 мая и утвердила его) доктору Янишу предоставлялось продолжать латинскій практическій курсъ (т. е. клиническое преподаваніе патологіи и практической хирургіи на латинскомъ языкѣ), пока окончитъ его. Но всего болѣе рекомендуетъ его то, что даже по поступленіи въ Смольный монастырь онъ не отказался отъ преподаванія въ госпиталѣ клиническихъ лекцій (только теперь уже исключительно на нѣмецкомъ языкѣ) и въ общемъ собраніи Медицинской Коллегіи и всѣхъ петербургскихъ госпитальныхъ доцентовъ 17 сентября 1764 года, принялъ на себя обязанность преподавать «collegium practicum» (клинику) на нѣмецкомъ языкѣ, за что и положено ему (24-го сентября) производить по 200 р. прибавочнаго жалованья въ годъ изъ суммъ Медицинской Коллегіи. Кажется, что его преподавательское поприще продолжалось послѣ того еще около пяти лѣтъ. Наконецъ въ самый годъ опредѣленія его въ Смольный монастырь Янишъ напечаталъ трактатъ *о прививаніи предохранительной коровьей оспы*, служившій руководствомъ для всѣхъ современныхъ русскихъ врачей. Прибавимъ къ этому, что съ 28 марта 1762 года Янишъ утвержденъ былъ и состоялъ въ рангѣ секундъ-майора (на основаніи «Плана о рангахъ» утвержденнаго Петромъ III, по представленію архіятера Я. Ѳ. Монзея, 28 февраля 1762 года).

Лѣкарь В. Д. Нагель (*Wilhelm Daniel Nagel*) поступилъ въ службу лѣкарскимъ ученикомъ въ С.-Петербургскій генеральный сухопутный госпиталь 1 августа 1739 года и оттуда, бывъ произведенъ въ подлѣкари, опредѣленъ въ армію, гдѣ 22 февраля 1750 произведенъ въ лѣкари съ назначеніемъ въ Самарскій пѣхотный полкъ (астраханскаго гарнизона). Съ этимъ полкомъ онъ отправленъ былъ въ крѣпость Кизляръ, въ пограничную службу, и пробылъ тамъ около трехъ лѣтъ. Возвратившись оттуда въ Астрахань, онъ въ октябрѣ 1754 года, по убѣжденію аптекаря астраханской морской аптеки Магдебурга, написалъ въ Медицинскую Канцелярію донесеніе, что около Кизляра есть два минеральныхъ колодезя съ горячими водами, которыми самъ онъ съ успѣхомъ лѣчился отъ ломоты (arthritis) и съ увѣреніемъ, что туземцы часто лѣчатся ими также съ пользою. Онъ ѣздилъ осма-

трпвать ихъ съ бригадиромъ фонъ-Фраусндорфомъ (комендантомъ Кизлярской крѣпости и командовавшимъ войсками, въ Кизлярѣ расположенными) и удостовѣрился, что оба источника—Щедрунскій и Червленскій—отстоятъ другъ отъ друга примѣрно на 25 верстъ. Ими лѣчился также генералъ-майоръ князь Эль-Мурза Бекичъ и вылѣчился отъ паралича. Въ заключеніе Нагель предложилъ Медицинской Канцеляріи свои услуги съѣздить туда еще разъ, если ему данъ будетъ конвой для безопасности отъ сосѣднихъ горцовъ, и свезти туда нѣсколькихъ больныхъ изъ Кизлярскаго госпиталя для практическаго испытанія минеральныхъ водъ. Въ то время изъ С.-Петербурга отправлялся въ Кизляръ, для изслѣдованія причинъ большой смертности въ войскахъ тамъ расположенныхъ [1]) и описанія мѣстности Кизляра, докторъ Вильямъ Гевитъ (William Hewitt [2]) и директоръ Меди-

[1]) Тамъ стояли Тенгинскій полевой и Самарскій и Навагинскій гарнизонные полки (т. е. первый трехъ-, а послѣдніе двухъ-батальонные), 2 драгунскія роты и артиллерійская команда. По донесенію главнаго лѣкаря Астраханскаго морскаго госпиталя, штабъ-лѣкаря Х. Т. Эллерта *(Christoph Theodor Ellert)* отъ 20 октября 1750 года, въ сентябрѣ въ лазаретахъ трехъ полковъ, стоявшихъ въ Кизлярѣ, было 1369 больныхъ лихорадкою и поносами, а въ теченіе 1752 года въ Тенгинскомъ полку умерло 323, а въ Самарскомъ 293 человѣка, такъ что въ началѣ слѣдующаго года полки эти необходимо было смѣнить, потому что отъ болѣзненности и смертности невозможно было содержать всѣхъ карауловъ, между тѣмъ какъ требовалось еще содержать постоянно одинъ батальонъ въ Кабардѣ. Причинами чрезмѣрной болѣзненности и смертности были болотныя болѣзни—лихорадки и поносы. Замѣчательно, что между располагавшими къ этимъ болѣзнямъ условіями указаны въ донесеніи Гевитта міазмы, развивающіяся на рисовыхъ поляхъ и хворость отъ употребленія осенью въ пищу рыбы изъ Терека (лосося, лоха и жерехи), которая хотя и изобильна бываетъ, но «слаботѣлая и иловатая, чрезъ что отъ ея частаго употребленія нерѣдко поносы и лихорадки приключаются.» Сѣяніе сарачинскаго пшена около Кизляра разрѣшено было въ 1749 г., а въ 1751 г., по явственному вреду отъ него, опять запрещено.

[2]) Докторъ В. Гевиттъ *(William Hewitt*, русскіе звали *Васильемъ Яковлевичемъ*, а самъ онъ подписывался порусски *Василей Гевиттъ)*, родомъ шотландецъ, принятъ въ русскую службу 17 февраля 1759 года и опредѣленъ въ Донское войско по контракту (капитуляціи) на 4 года, съ жалованьемъ по 700 р. въ годъ и казенною квартирою. Черезъ годъ послѣ того, по представленію барона фонъ-Вейделя, утвержденному Военной Коллегіею (21 марта 1751), ему поручено было смотрѣть за лѣкарями въ крѣпости Св. Анны и за добрымъ содержаніемъ тамъ лазаретовъ и лѣченіемъ больныхъ, за что прибавлено 100 р. жалованья (лѣкарями тамъ были Абрагамъ Миллеръ и Данило Пель). 17 февраля 1754 срокъ капитуляціи его кончился и онъ, не желая болѣе оста-

цинской Канцеляріи, П. З. Кондоиди, поручилъ ему, 7 декабря 1754 года, пріѣхавъ въ Астрахань, взять съ собою Нагеля въ Кизляръ и тамъ дать ему возможность снова осмотрѣть и испы-

---

ваться, былъ отпущенъ и жилъ сперва въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ, а на его мѣсто при Донскомъ войскѣ опредѣленъ докторъ Вильгельмъ Лаутербургъ *(W. von Lauterburg)*, богемецъ изъ Праги, имѣвшій случай предварительно познакомиться съ генераломъ Даниломъ Ефремовымъ—атаманомъ Донскаго войска.

Теперь, для разъясненія дальнѣйшей біографіи доктора Гевитта, надобно возвратиться нѣсколько назадъ. Еще три года назадъ, въ началѣ 1751 года, получено было въ Петербургѣ извѣстіе отъ генералъ-лейтенанта Андрея Петровича Девица (Heinrich Devitz) о чрезмѣрной болѣзненности и смертности между войсками составлявшими гарнизонъ Кизлярской крѣпости и о неимѣніи тамъ достаточнаго числа лѣкарей съ подлѣкарями. Директоръ Медицинской Канцеляріи Г. К. Бургаавъ (H. Kaau Boerhaave) написалъ 5 мая 1751 въ Военную Коллегію о необходимости устроить госпиталь въ Кизлярѣ и опредѣлить туда лѣкаря съ подлѣкарями, а при командующемъ генералъ-лейтенантѣ опредѣлить сверхъ штата одного доктора (потому *сверхъ штата*, что по тогдашнему военному штату положено было во всей арміи содержать только 6 докторовъ капитанскаго ранга, именно по одному доктору при генералъ-фельдмаршалахъ и полныхъ генералахъ, съ жалованьемъ по 600 р., 6 раціонами и 2 денщиками, и кромѣ того одного доктора при ландмиліціонномъ корпусѣ съ жалованьемъ по 400 р. въ годъ). Военная Коллегія отвѣчала 17 сентября, что госпиталь уже строится отъ Коллегіи Главной Артиллеріи и Фортификаціи, а докторъ можетъ быть опредѣленъ, но съ ландмиліціоннымъ жалованьемъ, т. е. по 400 р. въ годъ; что же касается лѣкаря и подлѣкарей для госпиталя, то они могутъ быть взяты отъ тѣхъ полковъ, которые стоятъ въ Кизлярѣ, безъ новыхъ издержекъ. Бургаавъ настаивалъ, что по отдаленности мѣста онъ не опредѣлитъ въ Кизляръ доктора иначе, какъ съ жалованьемъ противъ армейскихъ докторовъ, т. е. по 600 р. Тѣмъ переписка и кончилась. Прошелъ годъ, въ теченіе котораго болѣзни и смерть дѣлали свое дѣло въ Кизлярѣ, а Военная Коллегія все торговалась. Наконецъ 11 сентября 1752 года Бургаавъ увѣдомилъ ее, что онъ согласенъ послать туда доктора даже за 400 р. въ годъ, но только на время, потому что постоянно жить тамъ за это жалованье никто не захочетъ. Но теперь Военная Коллегія отказала даже и въ 400 р., а посовѣтовала послать туда, вмѣсто доктора, хорошаго лѣкаря. Вскорѣ послѣ того Бургаавъ умеръ. Вступившій на его мѣсто П. З. Кондоиди тотчасъ жа принялся за это дѣло и написалъ Военной Коллегіи 11 декабря 1753, что оно безъ движенія оставаться не можетъ, что смертность въ Кизлярѣ не уменьшается, такъ что прежніе полуопустошенные полки принуждены были смѣнить новыми, и что если Коллегія не хочетъ постоянно содержать тамъ доктора, то должна согласиться по крайней мѣрѣ на то, чтобы туда посланъ былъ докторъ на лѣтнее время для разсмотрѣнія дѣла и изслѣдованія причинъ болѣзненности на мѣстѣ. Военная Коллегія не могла уже отказать, но все-таки потянула дѣло изъ нежеланія давать собственныя деньги: она дотянула до весны и 18 мая 1754 написала объ этомъ въ Сенатъ, прося у него разрѣшенія и денегъ изъ статсъ-конторы (государственнаго казначейства). Сенатъ тотчасъ согласился и тогда назначенъ былъ

тать минеральные источники, соотвѣтственно его предложенію. Но о результатахъ этого дѣла не имѣется никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній, кромѣ донесенія доктора Гевитта, изъ котораго видно, что онъ самъ одинъ разъ (24 октября 1755 года) ѣздилъ къ сѣр-

---

для этой поѣздки, по собственному его желанію, жившій въ С.-Петербургѣ безъ должности докторъ В. Гевиттъ, съ тѣмъ впрочемъ, чтобы онъ ѣхалъ туда зимнимъ путемъ, прожилъ тамъ лѣто и осень и возвратился назадъ зимнимъ же путемъ слѣдующаго года. Передъ отправленіемъ туда, Кондоиди далъ ему превосходную инструкцію (22 сентября 1754), обнимавшую все, на что онъ долженъ былъ обратить преимущественное вниманіе, и въ отвѣтъ на эту инструкцію Гевиттъ прислалъ въ Медицинскую Канцелярію такую полную и дѣльную медицинскую топографію Кизляра, и еще на русскомъ языкѣ, какая сдѣлала бы честь любому доктору даже нынѣшняго времени. Донесенія его въ копіяхъ препровождаемы были въ Военную Коллегію и тамъ тотчасъ исполнялось почти все, что предлагалъ онъ для улучшенія быта Кизлярскаго гарнизона. Гевиттъ пробылъ въ Кизлярѣ полгора года (пріѣхалъ туда 8 февраля 1755, а выѣхалъ въ іюнѣ 1756 года), но польза, принесенная его поѣздкою, была весьма велика и по справедливости оцѣнена директоровъ Медицинской Канцеляріи. По предложенію Гевитта же Медицинская Канцелярія дала (29 апрѣля 1756) указъ астраханскому губернатору генералъ-майору Жилину о построеніи въ Кизлярѣ карантиннаго дома, пославъ къ нему планъ этого дома, одобренный Сенатомъ, и назначила къ этому карантину изъ Казани городоваго лѣкаря Антона Экебрехта. Наконецъ Гевиттъ первый послалъ (9 мая 1756) десятерыхъ больныхъ солдатъ изъ Кизляра для лѣченія къ минеральнымъ водамъ въ окрестностяхъ этой крѣпости, подъ прикрытіемъ конвоя, но результатовъ лѣченія не успѣлъ дождаться, потому что получилъ приказаніе возвратиться въ Москву.

По возвращеніи въ Москву (14 августа), онъ захворалъ и не могъ ѣхать въ Петербургъ, но Кондоиди не потерялъ его изъ виду. Еще до возвращенія его изъ Кизляра Кондоиди сдѣлалъ представленіе Сенату 9 февраля 1756 года, что въ Москвѣ, при ея многолюдствѣ, очень мало докторовъ и необходимо открыть двѣ новыя докторскія вакансіи: одну при *Губернской Канцеляріи* съ лѣкаремъ, для разныхъ освидѣтельствованій и для лѣченія губернскаго дворянства и обывателей, а другую при *Московскомъ Магистратѣ*, для разныхъ надобностей купечества. Сенатъ утвердилъ это представленіе 9 апрѣля и на эти вакансіи опредѣлены были: губернскимъ докторомъ—В. Гевиттъ (20 ноября 1756), съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ, 10 рціонами и 2 денщиками, и при немъ лѣкарь изъ Спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя Θедоръ Смирновъ или Смирной, съ жалованьемъ по 180 р., а при магистратѣ—докторъ Георгій Афонасьевичъ Схіаданъ (Georgius Schiadan), принятый въ русскую службу въ ноябрѣ 1748 г. и состоявшій прежде при Спб. и Московскомъ физикатахъ. Черезъ пять лѣтъ послѣ того, именно 30 іюня 1761 г., докторъ Гевиттъ назначенъ былъ Московскимъ штадтъ-физикомъ и предсѣдателемъ Московской Медицинской Конторы, съ жалованьемъ по 700 р., на мѣсто уволеннаго за старостью доктора Антона Тейльса, и исправлялъ эту должность до 18 марта 1764 года, когда былъ окончательно уволенъ отъ службы съ абшитомъ.

нымъ минеральнымъ водамъ и пробылъ тамъ 8 дней, при чемъ пилъ ихъ самъ отъ arthritis vaga, которою страдалъ тогда; но безъ пользы. По уединенію и дикости мѣста, въ которомъ находятся эти воды, онъ совѣтовалъ всѣмъ, кто посланъ туда будетъ съ больными, запасаться провіантомъ и всѣми нужными вещами, потому что тамъ ничего невозможно достать. Въ водахъ онъ нашелъ сѣрныя коагуляціи, какъ во рву, такъ и по сторонамъ рва, и думалъ, что, вообще говоря, воды эти могутъ быть полезны отъ цынги и ломотныхъ болѣзней, хотя въ самомъ Кизлярѣ ему не случалось слышать отъ туземцовъ, чтобы кто-нибудь вылѣчился ими. Въ 1758 году Пагель просился изъ Астрахани и изъ Кизляра по слабости здоровья и былъ переведенъ въ С.-Петербургскій генеральный сухопутный госпиталь, откуда и поступилъ штабъ-лѣкаремъ въ Смольный монастырь [1]).

Послѣ формальнаго назначенія въ Смольный институтъ доктора и штабъ-лѣкаря, оставалось опредѣлить туда аптекарскаго гезеля, и для этого избранъ Медицинскою Коллегіею гезель главной С.-Петербургской аптеки Э. Ф. Шмидтъ *(Ernst Friedrich Schmidt)*, «по его въ аптекарской наукѣ изрядному знанію и хорошему поведенію, который и при главной аптекѣ службу свою отправлялъ добровольно.» Онъ назначенъ туда опредѣленіемъ Медицинской Коллегіи 11 октября 1764 года, въ которомъ сказано, что жалованья будетъ ему производиться при Новодѣвичьемъ Воскресенскомъ монастырѣ по 180 рублей и притомъ отведена будетъ казенная квартира [2]). Копія съ этого опредѣленія Медицинской Коллегіи послана была, при письмѣ барона А. И. Черкасова отъ 12 октября, къ княжнѣ А. С. Долгоруковой.

Но какъ окладъ жалованья, положенный Медицинскою Коллегіею гезелю Шмидту, значительно превышалъ ту сумму, которая

---

[1]) Въ это время былъ въ русской службѣ другой лѣкарь Нагель (*Johann Nagel*), можетъ быть братъ или родственникъ предыдущаго, служившій также въ арміи: но при опредѣленіи послѣдняго въ Смольный монастырь онъ былъ уже въ отставкѣ.

[2]) Аптекарскій гезель Э. Ф. Шмидтъ принятъ въ русскую службу 1 февраля 1762 года въ Спб. главную аптеку гезелемъ изъ иностранцевъ. Послѣ его опредѣленія въ Смольный монастырь, на его мѣсто къ главной аптекѣ принятъ гезель *Carl Ludwig Bobrick*, маріенбургскій уроженецъ, учившійся въ Пруссіи въ частныхъ аптекахъ и по пріѣздѣ въ Россію находившійся по контракту у частнаго петербургскаго аптекаря Мартына Берндта.

назначалась ему начальницею Смольнаго монастыря, то бѣдный гезель при самомъ вступленіи въ новую службу встрѣченъ былъ очень неласково. Правда, ему отвели квартиру въ монастырѣ, но отказали въ казенномъ отопленіи и освѣщеніи ея, а также отказали и въ работникѣ для услугъ, котораго однакожъ обѣщали прежде, какъ видно изъ выше приведеннаго письма княжны Долгоруковой. Оставалось во всемъ этомъ обходиться съ однимъ своимъ жалованьемъ, что было довольно трудно. Шмидтъ три недѣли просилъ себѣ дровъ и работника, но просьбы его были отвергнуты. Тогда онъ обратился къ Медицинской Коллегіи съ просьбою—перевести его опять къ Главной Аптекѣ на прежнее мѣсто съ тѣмъ же содержаніемъ, потому что тутъ онъ не въ состояніи содержать себя.

Съ своей стороны Медицинская Коллегія не могла не видѣть, что гезель, принятый неохотно, не уживется въ Смольномъ монастырѣ и, страдая самъ, навлечетъ непріятности и на нее. Она не имѣла причинъ отказать ему въ послѣдней его просьбѣ и опредѣленіемъ своимъ 22 декабря того же года возвратила его къ прежнему его мѣсту, тѣмъ болѣе, что онъ «за неудовольствіемъ его дровами и свѣчами и потребнымъ служителемъ въ должность свою приономъ монастырѣ еще не вступилъ,» а можетъ быть считался и вовсе ненужнымъ.

Это было второе неудовольствіе, еще болѣе возстановившее начальницу Смольнаго монастыря противъ Медицинской Коллегіи. Но за нимъ не замедлило послѣдовать и третье, прекратившее между ними навсегда всякія отношенія.

Штабъ-лѣкарь Нагель 4 марта 1765 года умеръ. Извѣщая объ этомъ Медицинскую Коллегію, Совѣтъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ писалъ 12 марта, что «какъ въ штабъ-лѣкарѣ никакой нужды не состоитъ, то отъ оной Медицинской Коллегіи требуется, дабы благоволила на мѣсто онаго Нагеля, для пользованія при Воспитательномъ благородныхъ дѣвицъ Обществѣ больныхъ, опредѣлить состоящаго при той Коллегіи лѣкаря Шарфа [1]) съ нынѣшнимъ его чиномъ, который во время

---

[1]) Лѣкарь Иванъ Шарфъ *(Johann Gotthelf Scharff)*, уроженецъ изъ Саксонскаго города Гримма, гдѣ и учился медицинѣ у городоваго лѣкаря, а потомъ находился 4 года въ саксонской службѣ ротнымъ фельдшеромъ или подлѣкаремъ. Находясь въ Дрезденѣ въ этой должности, онъ старался докончить свое

болѣзни показаннаго Нагеля, исправляя при семъ Обществѣ съ нѣкотораго уже времени свою должность, оказалъ себя къ тому достойнымъ.

Этою бумагою Совѣтъ Общества требовалъ явнаго нарушенія двухъ законовъ. Во-первыхъ, онъ произвольно отмѣнялъ тотъ недавшій указъ императрицы, по которому въ Смольномъ монастырѣ долженъ былъ состоять при докторѣ не лѣкарь, а *штабъ-лѣкарь*, подобно тому какъ это существовало въ шляхетномъ

образованіе и произведенъ въ лѣкари. Въ 1755 году онъ прибылъ въ С.-Петербургъ съ англійскимъ посломъ Уильямсомъ, у котораго состоялъ потомъ три года въ частной службѣ домовымъ лѣкаремъ, а по отъѣздѣ его изъ Петербурга перешелъ въ частную службу къ англійскому консулу въ Петербургѣ барону Вольфу. Но послѣдній вскорѣ умеръ и тогда Шарфъ рѣшился вступить въ русскую службу, чтобы только не возвращаться на родину. Съ этой цѣлью онъ явился на экзаменъ въ Медицинскую Канцелярію и 7 апрѣля 1760 года получилъ право медико-хирургической практики въ Россіи, а потомъ вскорѣ опредѣленъ въ государственную службу при канцеляріи государственной лотереи къ пользованію больныхъ при инвалидномъ домѣ. Когда же эта канцелярія была упразднена, Шарфъ долженъ былъ остаться безъ мѣста, но судьба помогла ему: директоръ надъ всѣми полиціями, генералъ-аншефъ и сенаторъ Корфъ, въ началѣ 1764 года собрался ѣхать въ чужіе края лѣчиться и выпросилъ позволеніе взять съ собою штабъ-лѣкаря при полиціймейстерской канцеляріи Христіана Нилуса *(Chr. Nilus)*, такъ что лѣкарская должность при полиціймейстерской канцеляріи сдѣлалась вакантною, куда и опредѣленъ былъ Шарфъ (6 февраля 1764). Черезъ годъ Нилусъ возвратился къ своему мѣсту и опять вступилъ въ должность при полиціймейстерской канцеляріи (5 января 1765): тогда Шарфъ, по пріобрѣтенной имъ опытности въ разнаго рода медицинскихъ освидѣтельствованіяхъ, прикомандированъ былъ къ физикату, состоящему при Медицинской Коллегіи, откуда и былъ взятъ въ Смольный монастырь. В. Рихтеръ въ своей *Исторіи* вовсе не упоминаетъ о немъ. На мѣсто Шарфа при Медицинской Коллегіи опредѣленъ (20 апрѣля 1765) лѣкарь Иванъ Блокъ *(Johann Friedrich Block)*, уроженецъ изъ Мекленбургскаго города Демница. Онъ поступилъ въ русскую службу подлѣкаремъ (27 февраля 1757) въ Азовскій пѣхотный полкъ и 12 іюля 1763 произведенъ въ лѣкари въ Астраханскій драгунскій гарнизонный полкъ, а оттуда переведенъ въ Бомбардирскій артиллерійскій полкъ и за доставленныя въ Медицинскую Коллегію «обсерваціи» награжденъ отъ этой послѣдней (22 декабря 1664) пенсіономъ, на основаніи 12-го пункта «Инструкціи» ея. Это такъ ободрило его, что онъ тотчасъ же сталъ проситься за границу для окончанія своего образованія и полученія докторскаго диплома и былъ уволенъ на своемъ коштѣ (28 декабря 1764), съ паспортомъ и обязательствомъ возвратиться; однакожъ не поѣхалъ по домашнимъ обстоятельствамъ и опять былъ принятъ въ службу и опредѣленъ къ Медицинской Коллегіи (но не членомъ ея), только оставался здѣсь не долго, потому что 5 декабря 1765 переведенъ былъ лѣкаремъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, а на его мѣсто къ Коллегіи поступилъ штабъ-лѣкарь М. Тоде.

сухопутном кадетском корпусѣ. Во-вторыхъ онъ очевидно пренебрегалъ «Инструкціею», Высочайше утвержденною для руководства Медицинской Коллегіи 12 ноября 1763 года, въ 3-мъ пунктѣ которой сказано: «*Никакой иной въ государствѣ департаментъ, кромѣ сей Коллегіи, власти имѣть не долженъ ни рекомендовать, ниже требовать того или другаго себѣ на ваканцію доктора или лѣкаря имянно, но Коллегія, по усмотрѣнію своему достоинства и заслугъ ихъ, мѣста имъ опредѣлястъ.*»

Но всѣ члены Медицинской Коллегіи, кромѣ развѣ аптекаря Г. Моделя, были еще очень молоды и искренно желали честно и законно исполнять свои обязанности; всѣ они заботились о пріобрѣтеніи добраго о себѣ мнѣнія въ публикѣ, всѣ повидимому желали добра русскому медицинскому факультету и надѣялись достигнуть этого добра законными путями, и потому бумага Совѣта Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ показалась имъ беззаконною дерзостію или по крайней мѣрѣ необдуманнымъ поступкомъ, который, казалось имъ, слѣдовало исправить, не придавая ему никакого значенія. Подъ вліяніемъ этой мысли Медицинская Коллегія опредѣленіемъ своимъ 21 марта 1765 года, на мѣсто умершаго Нагеля, назначила въ Смольный монастырь штабъ-лѣкаря Матвѣя Тоде [1]), человѣка заслуженнаго

[1]) Штабъ-лѣкарь Матвѣй Тоде (Christian Mathias Thode) поступилъ въ русскую службу въ 1733 году подлѣкаремъ въ Смоленскій пѣхотный полкъ и въ 1736 произведенъ въ лѣкари въ Воронежскій госпиталь. При наступленіи семилѣтней войны онъ отправился въ Пруссію съ Воронежскимъ гарнизоннымъ пѣхотнымъ полкомъ и въ сраженіи при Цорндорфѣ, подъ командою генерала Брауна, взятъ былъ въ плѣнъ и оставался тамъ три года, исполняя лѣкарскую должность при прусскихъ войскахъ, вмѣстѣ со многими другими лѣкарями русской службы (напримѣръ Д. Г. Паризисомъ и Фоссомъ). Въ этомъ же сраженіи взятъ былъ въ плѣнъ раненый генералъ-поручикъ Иванъ Алексѣевичъ Салтыковъ, съ которымъ всѣ эти лѣкаря и обмѣнены были на прусскихъ плѣнныхъ 21 ноября 1759 года. Въ вознагражденіе за это онъ получилъ отъ русскаго правительства 500 рублей и оставленъ на службѣ при штабѣ графа П. С. Салтыкова, а послѣ причисленъ къ штабу графа Г. З. Чернышева за штабъ-лѣкаря. Въ 1756 году онъ переведенъ въ лейбъ-кирасирскій полкъ, откуда по именному повелѣнію прикомандированъ былъ къ свитѣ князя Долгорукова, отправлявшагося посланникомъ въ Константинополь. По возвращеніи оттуда онъ временно состоялъ при Медицинской Коллегіи, до вакансіи, и когда не состоялось опредѣленіе его въ Смольный монастырь, назначенъ былъ (5 декабря 1765 года) постоянно состоять при Коллегіи въ помощь штадтъ-физику Лерхе, съ жалованьемъ по 300 р. на мѣсто лѣкаря Іог. Фрид. Блока, переведеннаго въ

го, который только что возвратился изъ Константинополя, куда онъ ѣздилъ съ русскимъ посольствомъ, и никуда еще неопредѣленнаго.

Но не такъ думала о законахъ и значеніи ихъ начальница Смольнаго монастыря. Она, какъ и большая часть ея современниковъ, какъ большая часть даже и потомковъ ея современниковъ, думала, что законы писаны не для нея. Она думала, что всякій законъ также легко можетъ быть обойденъ и даже отмѣненъ, какъ легко и изданъ. По этому указаніе на законы, сдѣланное Медицинскою Коллегіею, показалось ей не только страннымъ, но и обиднымъ. Оно показалось ей до того обидно, что она не могла вынести этого и пожаловалась лично императрицѣ, прося избавить ее отъ подобныхъ обидъ и на будущее время.

Въ слѣдствіе этой жалобы, 30 марта состоялся именной указъ, освобождавшій начальницу Смольнаго монастыря отъ всякаго стѣсненія какими бы то ни было законами, слѣдующаго содержанія:

«Указъ нашей Коллегіи Медицинской.

Хотя «Инструкціею» Коллегіи и предписано, чтобъ ни въ какія мѣста не опредѣлять докторовъ и лѣкарей требуемыхъ именами, и тою же «Инструкціею» повелѣно изо всѣхъ мѣстъ присылать репорты въ Коллегію о больныхъ и болѣзняхъ ихъ; но понеже при Воспитательномъ въ Воскресенскомъ монастырѣ Благородныхъ Дѣвицъ Обществѣ препоручено отъ насъ совершенною довѣренностію учрежденному Совѣту обо всемъ, что до того воспитанія касается, прилежное попеченіе, то мы чрезъ сіе повелѣваемъ въ Воскресенскій монастырь къ сему воспитательному благородныхъ дѣвицъ учрежденію отпускать впредь докторовъ и лѣкарей тѣхъ именно, коихъ назначитъ того Общества Совѣтъ, ежели только сами они

Измайловскій полкъ. Въ заключеніе слѣдуетъ еще прибавить, что штабъ-лѣкарь Тоде находился въ числѣ 10 кандидатовъ, которые по приказанію императрицы представлены были 27 января 1767 года для выбора изъ нихъ одного въ лейбъ-хирурги, при чемъ выборъ палъ на артиллерійскаго штабъ-лѣкаря Ивана Кельхена *(Johann Heinrich Koelchen)*, въ послѣдствіи основателя хирургическаго института въ Петербургѣ.

Почти въ тоже время былъ въ русской службѣ другой (братъ предыдущаго?) Тоде *(Johann Heinrich Thode)*, уроженецъ изъ Мекленбурга, 3 года учившійся въ Ростокѣ, а потомъ 4 года служившій полковымъ лѣкаремъ въ прусской арміи; по пріѣздѣ въ Россію онъ принятъ былъ подлѣкаремъ въ Кронштадтскій морской госпиталь, 13 октября 1758 года.

пожелаютъ и экзаминованы будутъ; почему сего мѣста доктора и лѣкари въ отправленіи своей должности о состояніи больныхъ и болѣзней ихъ и репортовать Коллегіи не должны, но вѣдать то имѣетъ одна начальница сего благородныхъ дѣвицъ воспитанія.

Екатерина.»

Марта 30 дня 1765 года.

Медицинская Коллегія сообщила этотъ указъ въ копіи Совѣту Воспитательнаго Общества 5 апрѣля, и когда послѣдній 11 апрѣля опять потребовалъ опредѣленія лѣкаря Шарфа, вмѣсто Тоде, то безпрекословно исполнила его требованіе и 18 апрѣля назначила туда Шарфа, съ жалованьемъ по 300 руб. въ годъ, т. е. соотвѣтственно тому, сколько получалъ лѣкарь въ шляхетномъ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. И вообще съ этого времени она стала безпрекословно опредѣлять туда всякаго, кого ни потребуютъ — нужды нѣтъ, способенъ ли онъ къ предназначенному ему мѣсту, или нѣтъ. Такъ цѣлые первые три года не было въ Смольномъ ни аптекаря, ни аптекарскаго гезеля, но ровно два года спустя послѣ опредѣленія лѣкаря Шарфа, Совѣтъ потребовалъ себѣ (22 мая 1767 года) «для приготовленія лѣкарствъ *подлѣкаря* или гезеля, признавая за способнаго къ тому находящагося при генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ Іоганна Карла Бьюрберга», и Медицинская Коллегія 14 іюня назначила туда подлѣкаря Бьюрберга [1]), хотя знала въ тоже время, что *подлѣкарь* не то что аптекарскій гезель и лѣкарствъ приготовлять не умѣетъ и никогда приготовленію ихъ не учился. Результатъ, впрочемъ, не заставилъ ждать себя: не прошло трехъ мѣсяцовъ со времени опредѣленія Бьюрберга, какъ обнаружилась полная неспособность его къ аптечнымъ работамъ и Совѣтъ Воспитательнаго Общества принужденъ былъ отослать его (7 сентября 1767), подъ предлогомъ будто онъ «желаетъ продолжать службу при полевыхъ полкахъ», а на его мѣсто потребовалъ себѣ изъ

---

[1]) *Johann Carl Biurberg*, сынъ Вильманстрандскаго почтмейстера, 18 лѣтъ отъ роду, принятъ въ лѣкарскіе ученики въ Спб. генеральный сухопутный госпиталь 13 октября 1765 года; слѣдовательно учился только $1^1/_2$ года медицинскимъ наукамъ, въ числѣ которыхъ тогда не было практической фармаціи, а потому вовсе не умѣлъ приготовлять лѣкарствъ. Но онъ былъ землякъ доктору Янишу и очевидно по его протекціи попалъ на это несвойственное ему мѣсто. Въ послѣдствіи онъ былъ членомъ Медицинской Коллегіи.

Спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя только-что произведеннаго въ подлѣкари Готфрида Охерналя *(Gottfried Benjamin Ochernal)*. Этотъ выборъ былъ уже гораздо удачнѣе [1]).

Надобно отдать справедливость Медицинской Коллегіи, что она въ описываемую эпоху употребляла всѣ усилія къ поддержанію законности въ зависѣвшихъ отъ нея распоряженіяхъ, обуздать произволъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ и прекратить вкравшіяся въ медицинское управленіе злоупотребленія. И потому вышеописанное непріятное столкновеніе съ начальницею Смольнаго монастыря было не единственное въ своемъ родѣ: подобныя же столкновенія повторялись чуть не всякій день съ начальниками отдѣльныхъ управленій. Каждый изъ такихъ начальниковъ считалъ себя самовластнымъ господиномъ въ своемъ управленіи и очень мало или даже совсѣмъ не заботился о законности или беззаконности своихъ дѣйствій. Что подсказывалъ ему собственный произволъ, то онъ и дѣлалъ, а узды для ограниченія этого произвола никакой не существовало. Это никого даже и не удивляло и не печалило, потому что считалось привычнымъ явленіемъ. Еще напротивъ: чѣмъ произвольнѣе и самовластнѣе поступалъ начальникъ, тѣмъ болѣе его уважали, тѣмъ болѣе льстили ему и гордились имъ совѣтники его и подчиненные, потому что это самимъ имъ развязывало руки и покрывало всѣ ихъ злоупотребленія. Вѣдь начальникъ только распоряжался и отвѣчалъ за свои распоряженія (если только приходилось когда нибудь отвѣчать за нихъ), а приготовлялъ эти распоряженія всегда секретарь или другое подобное лицо, которому очень удобно было вертѣть дѣлами подъ покровительствомъ сильнаго авторитета не

---

[1]) Подлѣкарь Г. Б. Охерналь *(Gottfried Benjamin Ochernal)*, саксонецъ, родомъ изъ Дрездена, въ ранней молодости учился аптекарскому искусству въ родномъ своемъ городѣ въ аптекѣ доктора-фармацевта Сарторіуса 6 лѣтъ и получилъ отъ него аттестатъ на званіе аптекарскаго гезеля, съ которымъ и пріѣхалъ въ Петербургъ. Но здѣсь, вмѣсто того чтобъ продолжать идти по однажды принятому пути, онъ совсѣмъ бросилъ его и прямо опредѣлился лѣкарскимъ ученикомъ (30 октября 1766 года) въ Спб. генеральный сухопутный госпиталь, гдѣ безъ малаго черезъ годъ (2 августа 1767 года), послѣ третьяго экзамена произведенъ былъ въ подлѣкари, съ оставленіемъ, до вакансіи, при томъ же госпиталѣ. При опредѣленіи его въ Смольный монастырь къ аптечно-гезельской должности (15 октября 1767 года), Бюрберъ переведенъ былъ подлѣкаремъ въ Ингерманландскій карабинерный полкъ.

такъ какъ нужно было, а такъ, какъ наиболѣе выгодно. Отъ того взяточничество и непотизмъ развились до такой степени, что всѣ мѣры, принимавшіяся противъ нихъ въ царствованіе Екатерины II, не привели ни къ какимъ результатамъ. Причиною неуспѣха ихъ было то, что хотѣли уничтожить взяточничество въ чиновникахъ, не трогая беззаконнаго произвола въ начальникахъ ихъ, между тѣмъ какъ одно безъ другаго никогда существовать не можетъ.

Въ то самое время, какъ продолжалась переписка о назначеніи первыхъ врачей для Смольнаго монастыря, Медицинская Коллегія вела подобную же переписку и по совершенно такому же предмету съ другимъ важнымъ лицомъ, графомъ П. А. Румянцовымъ. И тутъ также законность и право съ одной стороны, а оскорбленное самолюбіе съ другой играли главныя роли. Дѣло вотъ въ чемъ.

На основаніи утвержденнаго императрицею доклада малороссійскаго губернатора, президента малороссійской коллегіи и главнаго командира украинскаго и малороссійскаго корпусовъ, графа П. А. Румянцова, положено имѣть въ Глуховѣ при Малороссійской Канцеляріи по одному доктору, штабъ-лѣкарю и лѣкарю, съ жалованьемъ и довольствіями изъ суммъ этой губерніи. По сношенію съ Медицинскою Коллегіею туда опредѣлены были (13 декабря 1764 года) докторомъ—старшій докторъ С.-Петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя Павелъ Паульсонъ [1]), штабъ-лѣкаремъ—состоявшій въ этомъ званіи при

---

[1]) Докторъ П. Паульсонъ *(Paul Paulsohn)*, дерптскій уроженецъ, учился въ Галле и, получивъ тамъ докторскій дипломъ 17 мая 1747 г., пріѣхалъ въ Петербургъ, экзаминованъ въ Медицинской Канцеляріи и 28 августа 1750 получилъ право практики въ Россіи, а черезъ пять лѣтъ (3 іюня 1755 года) принятъ въ службу и опредѣленъ дивизіоннымъ докторомъ въ финляндскую дивизію (которою командовалъ графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ), на мѣсто доктора барона Г. Т. Аша, переведеннаго въ шляхетный морской кадетскій корпусъ. Здѣсь онъ заботился, по ордеру Кондоиди, о прінсканіи мальчиковъ, желающихъ обучаться хирургіи, и по совѣту и рекомендаціи Выборгскаго домпробста Магнуса Алопеуса (archipraepositus Magnus Alopaeus) выслалъ въ Петербургъ лѣтомъ 1756 г. для опредѣленія лѣкарскими учениками въ Спб. генеральный сухопутный госпиталь двухъ братьевъ Валеріанъ *(Johann Valerian* и *Caspar Valerian)*, дѣтей состоявшаго въ русской службѣ шведа, досмотрщика при Выборгской портовой таможнѣ, изъ коихъ первый былъ въ послѣдствіи очень извѣстнымъ докторомъ. Но всего болѣе памятна служба его въ Финляндіи тѣмъ, что онъ

Рижскомъ полевомъ госпиталѣ Вильгельмъ Риттеръ и лѣкаремъ—одинъ изъ молодыхъ лѣкарей С.-Петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя Ѳома Даниловскій. Объ этомъ назначеніи тотчасъ же извѣщенъ былъ графъ Румянцовъ, находившійся тогда въ Петербургѣ. Но въ отвѣтъ на это извѣщеніе Румянцовъ прислалъ въ Медицинскую Коллегію промеморію съ увѣдомленіемъ, что Паульсона и Даниленскаго онъ охотно принимаетъ къ себѣ, а Риттера [1]) не приметъ, какъ человѣка

хоть сколько нибудь заботился о гигіенѣ солдатъ и писалъ въ Медицинскую Канцелярію (6 августа 1756) о чрезмѣрно-тѣсномъ помѣщеніи солдатъ Великолуцкаго и Кабардинскаго полковъ въ Кексгольмѣ, Выборгѣ и Вильманстрандѣ, объ изнуреніи ихъ безпрерывными и утомительными работами и о дурномъ продовольствіи ихъ (солдаты пили соленую воду, за нежеланіемъ вырыть колодцы или возить воду издалека, и повально получали цынгу), причемъ военные командиры, не заботясь о солдатахъ, напрасно обвиняли лѣкарей въ большой болѣзненности и смертности командъ своихъ, что подтвердилъ между прочимъ полковникъ Владимірскаго пѣхотнаго полка баронъ фонъ-Альбедиль. Кондоиди писалъ объ этомъ Военной Коллегіи 31 августа 1756 года: но дѣло, кажется, окончилось одной перепиской.—При наступленіи семилѣтней войны докторъ П. Паульсонъ переведенъ дивизіоннымъ же докторомъ въ армію графа Степана Ѳедоровича Апраксина (7 января 1757 г.) и оставался тамъ до назначенія его старшимъ докторомъ С.-Петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя, послѣдовавшаго 27 октября 1760 года, на мѣсто д-ра Хр. Пеккена, переведеннаго по волѣ цесаревича Петра Ѳедоровича (въ послѣдствіи Петра III) въ сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ. И такъ онъ управлялъ этимъ госпиталемъ почти четыре года, и въ это время, указомъ Сената 28 марта 1762 года, на основаніи «Плана о рангахъ», утвержденъ въ рангѣ подполковника. В. Рихтеръ въ своей *Исторіи* вовсе не упоминаетъ о немъ.

[1]) Штабъ-лѣкарь В. Риттеръ *(Wilhelm Ritter)* принятъ въ русскую службу 1726 года лѣкаремъ и участвовалъ въ Персидскомъ походѣ, Турецкой и Шведской войнахъ. Въ 1741 году онъ переведенъ, по собственной просьбѣ, лѣкаремъ же въ С.-Петербургскій генеральный сухопутный госпиталь, гдѣ исправлялъ нѣсколько времени должность главнаго лѣкаря (т. е. помощника старшаго доктора). Въ 1743 году переведенъ въ Москву къ Медицинской Конторѣ для различныхъ порученій (съ жалованьемъ по 180 руб., къ которымъ черезъ два года прибавлено на дрова 20 руб.), которыя и исполнялъ при Сенатѣ, военной, иностранной и раскольничьей конторахъ, при губернской и полиціймейстерской канцеляріяхъ, при розыскномъ приказѣ и пожарной коммисіи. Въ 1749 году командированъ былъ для нѣкоторыхъ надобностей въ Украйну, но скоро возвратился и былъ произведенъ въ штабъ-лѣкари; въ 1754 году вышелъ въ отставку по болѣзни. При наступленіи семилѣтней войны въ Москвѣ сформированъ былъ обсерваціонный корпусъ, въ которой онъ назначенъ (1756) штабъ-лѣкаремъ и участвовалъ съ этимъ корпусомъ въ Прусской войнѣ, въ теченіе которой въ 1760 году опредѣленъ былъ къ военно-временнымъ госпиталямъ русскимъ въ Пруссіи: Эльбингскому и Прейсишъ-Эйлаускому, а по возвращеніи от-

«суще престарѣлаго и неспособнаго.» Въ замѣнъ же его онъ требовалъ себѣ или служившаго при сунодѣ штабъ-лѣкаря Фукса, или штабъ-лѣкаря лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Гарлова, «какъ людей ему извѣстныхъ по искуству и способности.»

Требованіе это было очевидно противно тому пункту «Инструкціи, который приведенъ выше и потому противузаконно; во-вторыхъ оно было обидно для Риттера, и въ-третьихъ совершенно произвольно по отношенію къ Фуксу и Гарлову, которые къ тому же были еще и не штабъ-лѣкари.

Въ слѣдствіе этого баронъ Черкасовъ написалъ къ Румянцову слѣдующее довольно рѣзкое письмо:

«Милостивый государь мой
графъ Петръ Александровичъ.

На полученную сего дня отъ вашего сіятельства въ Государственную Медицинскую Коллегію промеморію, вчерашнимъ числомъ подписанную, подъ nº 41, чрезъ сіе имѣю честь отвѣтствовать.

туда русскихъ войскъ и переводѣ больныхъ изъ заграничныхъ госпиталей въ Митаву состоялъ при Митавскомъ полевомъ госпиталѣ. Но этотъ послѣдній госпиталь скоро былъ закрытъ и тогда Риттеръ былъ назначенъ къ Рижскому полевому госпиталю, сверхъ комплекта, откуда и назначенъ въ Малороссію. Вообще онъ былъ очень искателенъ не соотвѣтственно заслугамъ и надоѣдалъ архіятерамъ своими просьбами. Между прочимъ едва онъ успѣлъ выйдти въ отставку по болѣзни 1754 года, желая довольствоваться въ Москвѣ собственною частною практикою, какъ открылась ваканція главнаго лѣкаря въ Московскомъ госпиталѣ смертію занимавшаго эту должность Льюиса Кальдервуда (*Lewis Calderwood*). Риттеръ тотчасъ же послалъ одно за другимъ два прошенія въ Медицинскую Канцелярію объ опредѣленіи его на это мѣсто. Но Кондоиди велѣлъ отвѣчать ему, что такъ какъ онъ вышелъ въ отставку по болѣзни, какъ значится въ собственномъ его прошеніи отъ 31 декабря 1753 года, и желалъ жить въ Москвѣ собственною практикою, а штабъ-лѣкарскихъ ваканцій теперь не имѣется, то и объявить ему, что онъ можетъ жить медицинскою практикою до открытія штабъ-лѣкарской ваканціи, а въ Московскій госпиталь опредѣлить главнымъ лѣкаремъ Ивана Гольдмана (*Johann Goldmann*), лѣкаря С.-Петербургскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя. Назначеніе въ Малороссію не нравилось ему, потому что онъ обжился въ Ригѣ и какъ будто боялся ѣхать внутрь Россіи: если судить по тѣмъ отговоркамъ, по которымъ онъ почти цѣлый годъ откладывалъ переѣздъ свой туда, то можно подумать, что его назначили служить среди какихъ-нибудь краснокожихъ американскихъ дикарей, а не среди націи, въ службѣ которой онъ провелъ 38 лѣтъ жизни. Замѣчательно, что при опредѣленіи въ Малороссію Риттеръ такъ же мало умѣлъ говорить по-русски, какъ и въ первое опредѣленіе свое на службу; непонятно только, какъ онъ могъ исполнять тѣ порученія, которыя налагались на него въ Москвѣ при Медицинской Конторѣ. В. Рихтеръ въ своей *Исторіи* вовсе не упоминаетъ о немъ.

Ваше сіятельство въ оной изволите писать, что изъ опредѣленныхъ Государственною Медицинскою Коллегіею по промеморіи вашего сіятельства отъ 4 дня сего мѣсяца къ Малороссійской Коллегіи доктора, штабъ-лѣкаря и лѣкаря, докторъ Паульсонъ и лѣкарь Данилевскій, какъ люди вамъ вѣдомые въ ихъ искуствѣ и состояніи, приняты и будутъ; а штабъ-лѣкаря Риттера, какъ суще престарѣлаго и потому неспособнаго, Медицинская Коллегія можетъ по своему разсмотрѣнію опредѣлять къ другой службѣ, толикаго труда не требующей, гдѣ такого званія въ людяхъ недостатка нѣтъ, а въ Малороссію на мѣсто его благоволенобъ назначить либо обрѣтающагося при синодѣ штабъ-лѣкаря Фукса, либо лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка штабъ-лѣкаря Гарлова, какъ людей вамъ извѣстныхъ въ искуствѣ и способности.

Ея Императорское Величество въ данной Медицинской Коллегіи инструкціи, собственною Ея высочайшей рукою въ 12 день ноября 1763 года подписанной, 3 пунктомъ повелѣваетъ слѣдующее: ***Никакой иной въ государствѣ департаментъ, кромѣ сей Коллегіи, власти имѣть не долженъ ни рекомендовать того или другаго себѣ на вакансію доктора или лѣкаря имянно, но Коллегія по усмотрѣнію своему достоинства и заслугъ ихъ, мѣста имъ опредѣляетъ.***

Коллегія Медицинская, исполняя оное предписанное повелѣніе, по усмотрѣнію своему достоинства и заслугъ штабъ-лѣкаря Риттера, опредѣлила его къ Малороссійской Коллегіи по требованію вашего сіятельства отъ 4 дня сего мѣсяца, а чтобы онъ былъ суще престарѣлый и потому неспособный, о томъ Коллегія никакого свѣдѣнія до вчерашней вашего сіятельства промеморіи не имѣла. Съ моей стороны могу вашему сіятельству заподлинно донести, что я его въ іюлѣ мѣсяцѣ сего года видѣлъ въ Ригѣ, и тогда онъ былъ бодръ и не оказывалъ никакихъ знаковъ сущей престарѣлости. О искуствѣ его, какъ сіе до меня не слѣдуетъ, судить не могу, но оставляю на разсмотрѣніе Медицинской Коллегіи.

О требуемыхъ вчерашнею вашего сіятельства промеморіею штабъ-лѣкаряхъ Фуксѣ и Гарловѣ [1]) Медицинская Коллегія не извѣстна, чтобъ они

---

[1]) Лѣкарь И. Фуксъ (*Johann Fuchs*), лифляндецъ, поступилъ лѣкарскимъ ученикомъ въ Ревельскій морской госпиталь въ 1741 году и черезъ пять лѣтъ (4 ноября 1746) произведенъ подлѣкаремъ во флотъ, откуда по экзамену черезъ пять лѣтъ переведенъ лѣкаремъ (1751) въ Ростовскій драгунскій полкъ. Но ему не нравилась бродячая полевая служба и онъ просилъ, по слабости здоровья, опредѣлить его куда-либо къ постоянному мѣсту и 21 августа 1761 годъ переведенъ былъ въ Москву, гдѣ однакожъ оставался не долго и по

были штабъ-лѣкаря: они доселѣ въ спискѣ состоятъ лѣкарями, первый при св. сунодѣ, а второй при лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку, и потому къ опредѣленію въ Малороссійской Коллегіи на штабъ-лѣкарское мѣсто слѣдовать не могутъ, а когда будутъ штабъ-лѣкарями произведены, того не знаю.

собственной просьбѣ опредѣленъ въ Спб. генеральный сухопутный госпиталь (18 января 1762), откуда черезъ годъ и былъ взятъ (18 декабря 1763) лѣкаремъ къ Св. Суноду, съ жалованьемъ по 240 р. въ годъ (на основаніи сунодальнаго штата, утвержденнаго 1 октября 1763 года).

Лѣкарь Ѳедоръ Гарловъ *(Friedrich Garloff)* принятъ въ русскую службу подлѣкаремъ въ армію въ 1734 и потомъ произведенъ въ лѣкари въ Новотроицкій драгунскій полкъ, въ которомъ оставался очень долго. Когда по высочайшему повелѣнію, объявленному 6 мая 1753 года графомъ А. Г. Разумовскимъ, приказано было опредѣлить лѣкаря при оберъ-егермейстерской канцеляріи съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ, то на это мѣсто назначенъ былъ (15 января 1754) Ѳ. Гарловъ, а на его прежнее мѣсто переведенъ былъ изъ 1-го Московскаго пѣхотнаго полка лѣкарь Петръ Готфридъ Эйнбродтъ *(P. G. Einbrodt)*. Но Гарловъ велъ себя въ этой должности какъ вѣтренный мальчикъ, хотя былъ уже пожилымъ человѣкомъ: онъ не прилежно навѣщалъ больныхъ своихъ, никогда нельзя было застать его дома, а если кому и удавалось застать его, то онъ принималъ неучтиво и даже однажды прибилъ придворнаго лакея въ императорской ливреѣ. Жалобы на него вывели наконецъ изъ терпѣнія оберъ-егермейстерскую канцелярію и она предложила ему искать себѣ другаго мѣста: но онъ не обратилъ вниманія на это предложеніе и продолжалъ жить по прежнему. Тогда егермейстерская канцелярія написала обо всемъ этомъ въ Медицинскую Канцелярію (20 октября 1760), называя поведеніе его бездѣльнымъ и безпутнымъ, а его самого тунеядцемъ, который упражняется только въ гуляньи и шумствѣ, рѣдко бываетъ дома, вовсе не прилеженъ относительно своей должности, оказываетъ пренебреженіе императорской ливреѣ, подчиненныхъ подлѣкарей и цирюльниковъ по часту уязвляетъ разными побоями, а одного цирюльника сѣкъ плетьми до тяжкой болѣзни, однимъ словомъ такимъ, о которомъ не слѣдуетъ жалѣть, если бы, по недостатку вакансіи, онъ и совсѣмъ остался безъ мѣста. Удивительнѣе всего то, что эта оффиціальная и справедливая жалоба на Гарлова ни сколько не повредила, но даже послужила къ его возвышенію. Правда, будь это при Кондоиди, такъ «бездѣльство и безпутство» не прошло бы даромъ: но Кондоиди только что передъ этимъ умеръ и дѣлами управлялъ штадтъ-физикъ Лерхе, у котораго виноватый очень легко становился правымъ. Гарлова удалили изъ вѣдомства егермейстерской канцеляріи, опредѣливъ туда (28 ноября 1760) изъ Спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя И. Вейтбрехта *(Johann Heinrich Weitlbrecht)* и оставили до вакансіи безъ мѣста; но вакансія пришла очень скоро. Полковая канцелярія лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка написала Медицинской Канцеляріи, что лѣкарь этого полка Х. Минау *(Christian Minau)* хотя и хорошій человѣкъ, но страдаетъ падучей болѣзнью, стало быть не можетъ оставаться въ полку, потому что припадокъ болѣзни можетъ случиться даже во дворцѣ, когда ему придется быть тамъ въ караулѣ съ командою; поэтому она просила опредѣлить на его мѣсто другаго. Лерхе воспользовался этимъ

*

Прилагаю печатный экземпляръ «Инструкціи Медицинской Коллегіи». На страницѣ 4-й противъ 3-го пункта сдѣлалъ я замѣтку для скорѣйшаго пріисканія тѣхъ словъ, которыя служатъ оправданіемъ Медицинской Коллегіи въ настоящемъ дѣлѣ.

Пребываю съ отмѣннымъ высокопочитаніемъ вашего сіятельства,

милостиваго государя моего,

всепокорный слуга

Александръ Черкасовъ.»

Въ 22-й день декабря 1764 года
изъ Коллегіи.

Графъ П. А. Румянцовъ обидѣлся этимъ отказомъ, обидѣлся рѣзкостью письма, а еще болѣе присылкою экземпляра «Инструкціи». Еслибъ еще писалъ это какой-нибудь старый государственный человѣкъ или хоть и молодой, но «въ случаѣ»: а то отставной капитанъ, безъ всякихъ личныхъ заслугъ пожалованный въ дѣйствительные камергеры и президенты коллегіи! [1]) Гордость и са-

---

случаемъ: произвелъ Минау въ штабъ-лѣкари съ назначеніемъ къ Московской Медицинской Конторѣ «къ физическимъ дѣламъ», а на его мѣсто въ Семеновскій полкъ опредѣлилъ Гарлова. Здѣсь-то Гарловъ сдѣлался извѣстенъ графу П. А. Румянцову и заслужилъ его рекомендацію. Правда, рекомендація эта была косвенная, но все-таки не пропала даромъ, а послужила къ возвышенію Гарлова: ей обязанъ онъ тѣмъ, что когда умеръ младшій членъ Медицинской Коллегіи, лѣкарь Х. Блокъ *(Christian Ludwig Block)* и нужно было представить императрицѣ пять кандидатовъ изъ гвардейскихъ лѣкарей для замѣщенія этой вакансіи, то Гарловъ поставленъ былъ на первомъ мѣстѣ и императрица 24 іюля 1766 года избрала его въ члены Коллегіи и утвердила въ этомъ званіи. (Кандидатами были лѣкари полковъ лейбъ-гвардіи: Семеновскаго—Friedrich Garloff, Преображенскаго—Иванъ Владиміровъ, Измайловскаго—Johann Friedrich Block и сухопутнаго кадетскаго корпуса—Павелъ Кузьмичъ).

[1]) Баронъ Александръ Ивановичъ Черкасовъ, первый президентъ Государственной Медицинской Коллегіи, былъ сынъ кабинетъ-секретаря императрицы Елизаветы Петровны, барона Ивана Антоновича Черкасова, котораго она возвратила изъ ссылки (изъ Астрахани, куда онъ сосланъ былъ по дѣлу Долгорукихъ въ прошлое царствованіе), произвела въ тайные совѣтники и сдѣлала кабинетъ-секретаремъ. Онъ служилъ въ гвардіи, но при ссылкѣ отца въ Астрахань вышелъ въ отставку капитаномъ. Императрица Екатерина II указомъ 12 ноября 1763 произвела его въ дѣйствительные камергеры (съ увольненіемъ однакожъ отъ очереднаго дежурства при дворѣ) и назначила президентомъ Медицинской Коллегіи, съ тѣмъ чтобы самъ онъ на первый случай представилъ кандидатовъ въ члены Коллегіи. Представленные имъ 6 членовъ были утверждены Императрицею 27 ноября 1763 года. Медицинская Коллегія должна была состоять въ единственномъ вѣдѣніи и протекціи Императорскаго Величества.

молюбіе его были оскорблены и продиктовали ему слѣдующее запальчивое и гордое письмо:

«Милостивый государь мой Александръ Ивановичъ.

Я много сожалѣю, что первая моя съ Медицинскою Коллегіею переписка виною толикихъ вамъ безпокойствъ, а мнѣ непріятностей. Подобныя затрудненія между людьми нашихъ состояній не суть пользою службы, но вящшимъ вредомъ оной, не къ исправленію дѣлъ способствуютъ, но къ вящшему неустроенію и замѣшательству ихъ: вотъ каковы плоды раздоровъ между правительствъ. Что я требовалъ доктора Паульсона и лѣкаря Даниловскаго, въ томъ я уполномоченъ былъ соизволеніемъ Ея Величества и мнилъ, что требованіе мое и о штабъ-лѣкарѣ принято будетъ: но вижу теперь, что я въ надеждѣ своей обманулся. Дозвольте и о присланной вами мнѣ печатной «Инструкціи» упомянуть: она давно уже обнародована и слѣдственно, говоря объ ней, вы о извѣстномъ мнѣ говорили, а присылку я бы могъ за иное что почесть, ежелибъ почтеніе мое къ вамъ не такъ было велико, каково онъ есть.

Я всегда пребуду,

милостивый государь мой,

вашъ покорный слуга

Г. Румянцовъ.»

Декабря 29 дня 1764.

Очевидно, и здѣсь, какъ въ дѣлѣ Смольнаго монастыря, досада была велика, но Румянцовъ не пожаловался императрицѣ и только перестал обращать вниманіе на Риттера, когда тотъ 10 декабря 1765 года пріѣхалъ въ Глуховъ, что и заставило послѣдняго проситься въ отставку или переѣхать въ Донское войско (какъ предлагала ему Медицинская Коллегія). Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна; только самъ онъ въ просьбѣ объ отставкѣ изъ Глухова писалъ, что ему уже около 75 лѣтъ отъ роду.

VIII.

ПЕРВЫЙ ДОКТОРСКІЙ ДИПЛОМЪ,

ПОЛУЧЕННЫЙ ПО ЭКЗАМЕНУ ВЪ РОССІИ.

1765—1768.

Первый докторскій дипломъ или «грамота на докторскій чинъ» въ Россіи «пожалована» по приказанію царя Алексѣя Михайловича, въ 1669, баккалавру медицины Стефану Даніилу фонъ Гадену. В. Рихтеръ (*Исторія медицины въ Россіи*, I, 338) говоритъ, что Гаденъ изъ фельдшерскаго званія дошелъ долговременною службою до степени придворнаго медика; но это едва ли справедливо: въ дѣлахъ Аптекарскаго Приказа онъ называется «баккалавромъ медицины». Но здѣсь мы хотимъ говорить не о «пожалованныхъ» дипломахъ.

Когда Петромъ I положено было первое основаніе «медицинскому факультету» или правильно организованному медицинскому сословію въ Россіи, т. е. въ началѣ прошлаго столѣтія, тогда не только въ Россіи, но и въ чужихъ краяхъ существовала большая разница между докторскимъ и лѣкарскимъ званіями. Докторовъ медицины такъ было немного въ Россіи, что указъ Петра (31 августа 1721 года) объ учрежденіи медицинской коллегіи не могъ быть исполненъ по недостатку лицъ, изъ которыхъ можно бы было составить коллегію. Въ царствованіе Петра на всю Россію имѣлось не болѣе шести или семи докторовъ; въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны въ Петербургѣ съ Кронштадтомъ было только 7 докторовъ, и даже черезъ семнадцать лѣтъ

послѣ вступленія на престолъ Екатерины II во всей Россіи было только 47 практиковавшихъ докторовъ медицины. Замѣчательно, что слово «врачъ» не употреблялось въ оффиціальномъ русскомъ языкѣ до половины прошлаго столѣтія, точно такъ какъ не произносилось и слово «физіологія»: оба эти слова, вмѣстѣ съ соотвѣтствующими имъ понятіями, введены въ употребленіе директоромъ Медицинской Канцеляріи П. З. Кондоиди, который первый ввелъ въ госпитальное преподаваніе медицинскихъ наукъ курсъ физіологіи, и первый сталъ называть докторовъ медицины «врачами», между тѣмъ какъ лѣкарямъ въ теченіе всего прошлаго столѣтія никѣмъ и никогда не присвоивалось это названіе [1]).

Разница между докторами и лѣкарями основывалась на различіи ихъ образованія. Докторскій дипломъ считался свидѣтельствомъ оконченнаго университетскаго образованія, а въ университетскіе курсы входили тогда, кромѣ чисто-медицинскихъ наукъ, не только естественная исторія (ботаника, зоологія и отчасти минералогія), но и химія, физика, математика и изученіе классиковъ, и докторскія диссертаціи писались не объ однихъ только практическихъ медицинскихъ предметахъ. Лѣкарямъ (chirurgi) не преподавалось въ госпитальныхъ школахъ даже и десятой доли названныхъ выше наукъ, а если что и преподава-

[1]) Слово «врачъ» было синонимомъ также слову «medicus»; но медикусами назывались только доктора медицины. Однакоже иностранцы часто употребляли во зло это слово. По общности значенія, врачами или медиками стали называть себя и лѣкаря безъ различія ученыхъ степеней. Это вызвало запретительный указъ Медицинской Коллегіи, 11 мая 1762 года, подтвержденный въ 1766 году по слѣдующему случаю: пріѣзжій изъ Греціи лѣкарь Іоаннъ Михаилици Ксантопуло напечаталъ о себѣ объявленіе въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, въ которомъ назвалъ себя *докторомъ*. Коллегія, узнавъ объ этомъ, отнеслась въ Московскій университетъ, который отвѣтилъ, что «Ксантопуло напечатанъ отъ университета докторомъ по данному отъ него чрезъ служителя извѣстію, въ которомъ онъ наименовалъ себя медикусомъ греческой націи, а въ переводѣ разумѣлось это слово «лѣкарь» и «докторъ, почему онъ и внесенъ докторомъ въ «Вѣдомости». На это Медицинская Коллегія приказала Московской Медицинской Конторѣ, 23 іюня 1766 года, объявить Ксантопуло, при собраніи всѣхъ Московскихъ лѣкарей, подлѣкарей и учениковъ, чтобы онъ не смѣлъ называть себя *докторомъ* или *медикомъ*, въ противность указа Коллегіи 11 мая 1762 года, и взять отъ него въ этомъ росписку и подтвердить, что если до Коллегіи дойдетъ извѣстіе, что онъ опять называетъ такъ себя, то за каждый разъ съ него взыщется по 100 руб. штрафу. Но указъ Коллегіи опять по немногу забылся и это вызвало новый уже формальный запретительный законъ, вовсе не позволявшій самозванно употреблять слово «врачъ».

лось, то такъ кратко, поверхностно и недостаточно, что не приносило никакой пользы и по выходѣ изъ школы очень скоро исчезало изъ памяти. Чтобы быть лѣкаремъ, нужно было знать немного анатоміи и хирургіи, заучить названія болѣзней и лѣкарствъ противъ нихъ, прописанныхъ въ извѣстныхъ формахъ. О физіологіи никто не думалъ, акушерство не преподавалось почти до послѣдней четверти прошлаго столѣтія, а о судебной медицинѣ даже сами преподаватели имѣли очень смутныя понятія. Надобно, впрочемъ, прибавить, что такая недостаточность преподаванія въ госпитальныхъ школахъ происходила не отъ того, чтобы нельзя было найти способныхъ преподавателей: нѣтъ, иногда преподаватели являлись (изъ природныхъ русскихъ, получившихъ основательное образованіе за границею), но лишь только обнаруживали желаніе расширить преподаваніе, ихъ тотчасъ же удаляли отъ кафедръ и иногда губили всѣми неправдами. Такъ погибъ К. И. Щепинъ, пользовавшійся за любовь и знаніе ботаники дружескимъ расположеніемъ Линнея, и П. И. Погорѣцкій, осмѣлившійся просить у Медицинской Коллегіи позволенія расширить курсъ школьнаго преподаванія въ Москвѣ, безъ всякаго отъ казны вознагражденія за лишній трудъ свой.

Законъ этотъ выраженъ слѣдующимъ образомъ въ предложеніи главнаго директора Медицинской Коллегіи барона Васильева, данномъ на имя этой коллегіи 13 августа 1800 года:

«Государственной Медицинской Коллегіи.

Генералъ-адъютантъ графъ Ливенъ объявилъ мнѣ всевысочайшее повелѣніе, что Государь Императоръ, усмотря изъ рапорта Спб. военнаго губернатора показаннаго проѣхавшимъ въ Нейшлотъ уѣзднаго таможняго врача Винтера, указать соизволилъ: *запретить называться врачами*. Въ слѣдствіе чего и предлагаю Государственной Медицинской Коллегіи предписать немедленно всѣмъ подвѣдомственнымъ ей мѣстамъ, дабы медицинскіе чины *отнюдь врачами не назывались*, а именовались бы званіями, какое кто изъ нихъ несетъ, какъ-то: докторами, штабъ-лѣкарями, лѣкарями и т. п. Баронъ Алексѣй Васильевъ».

Августа 13 дня 1800.

Замѣчательно, что въ наше время на офиціальномъ языкѣ слова «врачъ» и «лѣкарь» стали синонимами; но въ гражданской и морской службѣ всѣ лѣкаря называются исключительно *врачами*, между тѣмъ какъ въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ слово «врачъ» вовсе не употреблялось до 1869 года и даже доктора медицины по занимаемымъ ими мѣстамъ назывались *лѣкарями* (напр. главный лѣкарь госпиталя). Другая странность нашего времени та, что въ гражданскомъ вѣдомствѣ вовсе нѣтъ госпиталей, а существуютъ только *больницы*, а въ военномъ нѣтъ ни одной больницы, а все *госпитали*.

Дѣло въ томъ, что иностранные администраторы медицинскаго дѣла въ Россіи были увѣрены и старались увѣрить кого слѣдуетъ, что русскіе не способны и не должны получать полнаго медицинскаго образованія (потому что иначе заняли бы высокія мѣста въ медицинской администраціи, чего никакъ не слѣдовало допускать). Для этого въ госпитальныхъ русскихъ школахъ учили медицинѣ настолько, чтобы только освоить воспитанниковъ съ практическою стороною ея, стоявшею почти что на степени ремесла, и держали школы въ этомъ неизмѣнномъ положеніи около восьмидесяти лѣтъ. Для этого же основали потомъ въ Петербургѣ Медико-Хирургическій (Калинковскій) Институтъ, съ университетскою программою, исключительно для иностранцовъ, и не щадили ни трудовъ, ни денегъ на его организацію, вполнѣ впрочемъ не удавшуюся. Послушайте Миндерера, когда онъ разсказываетъ о тяжеломъ гнетѣ, лежавшемъ въ прошломъ столѣтіи на всякомъ русскомъ человѣкѣ медицинскаго званія, и вы убѣдитесь, что нужна была необыкновенная живучесть, чтобы не погибнуть подъ ежедневными и многоразличными угнетеніями [1]. Исторія еще не раскрыла всѣхъ родовъ зла, принесеннаго иностранцами на нашу почву чрезъ госпитальныя двери; но когда придетъ время разъясненія добра и зла, ими намъ даннаго, тогда можетъ быть перестанемъ мы удивляться своему уродливо продолжительному дѣтству.

Но возвратимся къ различію докторовъ и лѣкарей въ половинѣ прошлаго столѣтія. Докторскіе дипломы не выдавались въ Россіи, и кто изъ русскихъ хотѣлъ получить эту ученую степень, тотъ долженъ былъ отправиться въ какой-либо заграничный университетъ, а именно въ началѣ прошлаго столѣтія въ Италію (въ Болонью, Неаполь, Павію и Флоренцію), въ срединѣ столѣтія— въ Лейденъ и Страсбургъ, а въ концѣ — въ Іену, Кенигсбергъ, Виттенбергъ и др. При университетѣ надобно было пробыть не менѣе двухъ семестровъ, а многіе искатели образованія и дипломовъ нерѣдко переходили изъ одного университета въ другой, кто—желая болѣе научиться, а кто—полегче получить дипломъ. Во многихъ мѣстахъ дипломы открыто продавались за деньги и

---

[1]) См. *Бесѣда И. Г. Миндерера о дѣловомъ врачебномъ радушіи,* Гавр. Михайлова, Москва. 1843.

въ архіятерство Лестока было два примѣра, въ которыхъ иностранные искатели русской службы прямо говорили въ своихъ просьбахъ, что дипломы куплены ими за деньги. Для обезпеченія себя противъ этого злоупотребленія, Медицинская Канцелярія и Медицинская Коллегія въ Петербургѣ дѣлали экзамены иностраннымъ докторамъ въ своемъ присутствіи, экзамены, впрочемъ, очень легкіе и короткіе, больше для формы, чѣмъ для дѣйствительнаго испытанія [1]), и по этимъ экзаменамъ утверждала въ докторскомъ званіи. Но и при этой легкости экзаменовъ, весьма нерѣдко случалось докторантамъ не выдерживать ихъ. Въ такомъ случаѣ не выдержавшіе экзамена либо утверждаемы были въ степени лѣкаря и принимались на службу; либо чрезъ извѣстный срокъ переэкзаминовывались, оставаясь до переэкзаминовки внѣ службы; либо отсылались въ госпитали на одинъ годъ «для усовершенствованія», на подлѣкарскій окладъ, съ обязанностью снова экзаминоваться по истеченіи года. Въ рѣдкихъ случаяхъ иностранные доктора утверждались въ этой степени безъ экзамена, и именно тогда, когда вызываемы были въ русскую службу самимъ русскимъ правительствомъ (по высочайшимъ повелѣніямъ).

Но кто выдержалъ экзаменъ, тотъ утверждаемъ былъ въ этомъ званіи Коллегіею и опредѣлялся на службу, съ циркулярнымъ объявленіемъ о томъ по всей Россіи. Но дѣло въ томъ — какъ опредѣлялся на службу: докторъ медицины ни подъ какимъ видомъ не могъ занять мѣста ниже должности «дивизіоннаго» доктора арміи, равнявшейся нынѣшней должности корпуснаго доктора въ арміи. А такъ какъ подобныхъ мѣстъ было немного (немного болѣе двадцати, а именно: 6 въ арміи, 4 въ отдѣльныхъ корпусахъ, 7 въ госпиталяхъ сухопутныхъ и морскихъ, 3 въ гражданской службѣ—штадтъ-физики въ столицахъ и карантинный докторъ въ Васильковѣ, 1 во флотѣ и 2 въ кадетскихъ корпусахъ), то понятно, что лица занимавшія ихъ ставились

[1]) Въ концѣ XVII столѣтія подобные экзамены производились въ Аптекарскомъ Приказѣ, иногда въ присутствіи царей. Такъ, въ дѣлахъ этого Приказа есть описаніе экзамена греческимъ докторамъ Іоанну Комнену и Якову Пеларію, произведеннаго въ 1691 году, въ присутствіи царей-соправителей Ивана и Петра Алексѣевичей, послѣ котораго эти доктора приняты въ русскую службу.

очень высоко. Въ военныя времена число докторскихъ вакансій увеличивалось, и лица, принятыя тогда въ службу, удерживались въ ней и по окончаніи войны. Наконецъ оно увеличено еще директоромъ Медицинской Канцеляріи П. З. Кондоиди, въ царствованіе Елисаветы Петровны, опредѣленіемъ въ госпитали младшихъ докторовъ (въ каждомъ по одному), а при госпитальныхъ школахъ доцентовъ (doctor legens), такъ что при вступленіи на престолъ Екатерины II въ русской службѣ находилось всего до 45 докторовъ медицины (не считая лейбъ-медиковъ, членовъ академіи наукъ и профессоровъ Московскаго университета). Докторъ на службѣ получалъ отъ 300 до 1200 рублей жалованья (которое постепенно увеличивалось черезъ годъ или два, по усмотрѣнію медицинскаго управленія) и черезъ извѣстный срокъ получалъ чинъ коллежскаго ассесора, а со времени «Плана о рангахъ»—черезъ 10 лѣтъ прямо чинъ надворнаго совѣтника. При Екатеринѣ эта привилегія ограничена тѣмъ только, что желавшій чина долженъ былъ принять русское подданство. Всѣ эти привилегіи дѣлали докторское званіе очень почтнымъ и важнымъ на службѣ, выше всякой возможности сравненія съ лѣкарскимъ званіемъ.

Лѣкарей было два рода: одни пріѣзжали изъ чужихъ краевъ съ званіемъ кандидатовъ медицины или подлѣкарей (лѣкарскихъ гезелей) и по экзамену въ Коллегіи утверждаемы были въ лѣкарскомъ званіи; другіе выходили изъ госпитальныхъ русскихъ школъ подлѣкарями и потомъ уже, черезъ нѣсколько лѣтъ службы (не менѣе шести), по новому экзамену у мѣстныхъ докторовъ или штабъ-лѣкарей, а въ послѣдствіи во врачебныхъ управахъ (т. е. всегда почти за деньги), производимы были въ лѣкари. Но въ подлѣкарскомъ званіи они не имѣли права свободной практики, а въ лѣкарскомъ хоть и имѣли его, но не вполнѣ имъ пользовались, по причинѣ недостаточности пріобрѣтенныхъ въ школахъ медицинскихъ знаній. Служебная карьера лѣкаря была не обширна; вся жизнь его проходила въ разныхъ полкахъ или на флотѣ, и когда уже старость и болѣзни ослабляли силы, тогда его переводили въ какой-нибудь уѣздный городъ, на «спокойное мѣсто». Лѣкарь могъ получать жалованья отъ 180 до 350 рублей. Черезъ десять, пятнадцать или даже двадцать лѣтъ службы его производили въ штабъ-лѣкари, и это повышеніе сперва имѣ-

ло большое значеніе, потому что давало прибавку жалованья; но впослѣдствіи значеніе это потерялось и штабъ-лѣкарство сдѣлалось только номинальнымъ повышеніемъ. Этимъ и заключалась вся карьера лѣкарей. Въ рѣдкихъ случаяхъ, и то не раньше царствованія Екатерины, штабъ-лѣкарямъ начали давать чины коллежскаго ассесора, безъ надежды на какое-либо дальнѣйшее повышеніе. Но никогда, до 1780 года, штабъ-лѣкарей не опредѣляли къ такимъ должностямъ, которыя исключительно предназначены были докторамъ медицины. Лѣкарямъ почти во все прошлое столѣтіе никакихъ чиновъ не давалось, хотя по «Плану о рангахъ» они состояли по званію своему въ рангѣ поручика, и никогда не поручалось должностей съ какою бы то ни было распорядительною властью.

Это относительное значеніе докторовъ и лѣкарей сохранилось до раздѣленія Россіи на намѣстничества (1780) и окончательно исчезло, по крайней мѣрѣ въ административномъ отношеніи, при учрежденіи врачебныхъ управъ (1797). При учрежденіи намѣстничествъ потребовалось 308 докторовъ медицины, когда на лицо ихъ было во всѣхъ родахъ службы только 47, и докторскія вакансіи по необходимости отданы штабъ-лѣкарямъ и лѣкарямъ. А при учрежденіи врачебныхъ управъ, Коллегія совершенно упустила изъ виду ученое значеніе врачей и назначила членами многихъ управъ штабъ-лѣкарей, подчинивъ имъ во многихъ мѣстахъ докторовъ медицины, не искавшихъ окольными путями административнаго повышенія. Съ этой именно поры появились въ медицинскомъ сословіи такъ-называемые «дѣловые люди», въ канцелярскомъ значеніи этого слова, и постепенно стало теряться прежнее значеніе докторскаго диплома, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрасло искательство чиновъ, уравнявшихъ самую глубокую ученость съ самымъ пошлымъ невѣжествомъ.

Но мы удалились отъ своего предмета. Въ половинѣ прошлаго столѣтія докторское званіе цѣнилось еще очень высоко, и иностранные доктора, пріѣзжая въ Россію для службы, принимаемы были на условіяхъ, иногда очень обременительныхъ для нашего правительства. Не соглашаться на эти условія было невозможно, потому что своихъ докторовъ было у насъ немного и посылка русскихъ за границу для усовершенствованія и для полученія докторскихъ дипломовъ подъ разными предлогами затруднялась

иностранцами, стоявшими во главѣ медицинскаго управленія въ Россіи. Съ другой стороны, въ русскихъ школахъ образованіе не дошло еще до той высоты, на которой докторскій дипломъ считался бы справедливымъ вознагражденіемъ труда и ручательствомъ образованія. Правда, Московскій медицинскій факультетъ долженъ былъ поднять уровень медицинскаго образованія въ Россіи; но онъ открылся очень поздно [1]) и сначала стоялъ не выше госпитальныхъ школъ, а вполнѣ сформировался только къ концу прошлаго столѣтія; поэтому, воспитанники его до самаго учрежденія медико-хирургической академіи, прослушавъ теоретическіе курсы наукъ въ университетѣ, доканчивали образованіе все-таки въ госпитальныхъ школахъ, замѣнявшихъ клиники. По этой можетъ быть причинѣ Московскій медицинскій факультетъ очень долго (до 1791 года) не имѣлъ права выдавать отъ себя докторскіе дипломы.

Когда барону А. П. Черкасову поручено было составить проэктъ Медицинской Коллегіи (утвержденный 12 ноября 1763 года) и избрать первыхъ членовъ ея, онъ съ жаромъ принялся за преобразованіе медицинскаго русскаго факультета. Идя по дорогѣ, указанной предшественникомъ его, П. З. Кондоиди, онъ не могъ не видѣть зла отъ иностраннаго преобладанія въ этомъ сословіи, и не видалъ другаго средства избавиться отъ тягостнаго чужестраннаго ига, какъ возвысивъ уровень медицинскаго образованія въ Россіи, чрезъ улучшеніе преподаванія въ госпитальныхъ школахъ. Ему хотѣлось на столько преобразовать и улучшить эти школы, чтобы не нуждаться въ иностранныхъ докторахъ, и планъ этого улучшенія сообщилъ онъ императрицѣ, которая вполнѣ его одобрила. Среди этихъ разговоровъ и мечтаній онъ такъ увлекся и увлекъ императрицу, что оба они вооб-

---

[1]) Въ *Исторіи Императорскаго Московскаго университета*, Ст. Шевырева, *Москва 1855*, не сказано ни одного слова о времени открытія при этомъ университесѣ медицинскаго факультета, какъ будто существованіе этого факультета современно учрежденію университета. Между тѣмъ медицинскій факультетъ открытъ только въ 1765 году, какъ это видно изъ переписки куратора В. Е.Ададурова съ президентомъ Медицинской Коллегіи барономъ А. И. Черкасовымъ, касательно опредѣленія профессора Эразмуса на кафедру анатоміи въ университетѣ (см. выше, стр. 178).

разилп, будто преобразованіе школъ уже исполнено и въ будущемъ ничего болѣе не остается, какъ наслаждаться плодами его. Подъ вліяніемъ этого увлеченія онъ поднесъ императрицѣ, 9 іюня 1764 года, подписать слѣдующій

«Указъ нашей Коллегіи Медицинской.

По установленію новому медицинскаго факультета, каковое состоитъ теперь въ государствѣ нашемъ, подъ правленіемъ Медицинской нашей Коллегіи, ни малая болѣе нужда не настоитъ, чтобы кандидаты медицины производимы были черезъ экзамены въ университетахъ чужестранныхъ въ докторы сего факультета. И сего ради повелѣваемъ нашей Коллегіи Медицинской по собственнымъ ея экзаменамъ всѣхъ обучившихся сей наукѣ производить въ докторы медицины и давать на то каждому патентъ на пергаментѣ, за рукою президента Коллегіи, съ приложеніемъ нашей печати.

Екатерина.»

Іюня 9 дня 1764 года.

Но когда этотъ указъ объявленъ былъ Медицинской Коллегіи, тогда иллюзіи Черкасова тотчасъ же разсѣялись. Члены коллегіи со стиснутыми зубами читали приговоръ о ненадобности для Россіи иностранныхъ докторовъ и о замѣнѣ ихъ русскими кандидатами медицины. Обидѣлись они также и тѣмъ, что указъ испрошенъ былъ безъ ихъ согласія. Съ этихъ поръ они возненавидѣли Черкасова и рѣшились во всемъ противорѣчить и мѣшать ему, начиная съ плана преобразованія госпитальныхъ школъ, а противъ указа составили протестъ и поднесли императрицѣ, прося отмѣнить его, на что однакоже императрица не согласилась, сказавъ будто бы, что члены Коллегіи могутъ поступать въ исполненіи его по собственному своему разумѣнію, и Коллегія почла это за дозволеніе не исполнять указа.

Какъ бы то ни было, однакожъ законъ былъ опубликованъ, и какъ только сдѣлался извѣстенъ, явилась надобность и примѣненія его. Первый врачъ, явившійся въ Коллегію для экзамена на докторскую степень, на основаніи новаго закона, былъ лѣкарь Густавъ Максимовичъ Оррсусъ. Онъ былъ родомъ финляндецъ, сынъ деревенскаго пастора въ Кюменегорскомъ уѣздѣ, и первоначально учился въ Абовскомъ университетѣ, а медицинское образованіе получилъ въ петербургской госпитальной школѣ, гдѣ былъ произведенъ въ лѣкари (въ январѣ 1757) и назначенъ въ

армію при начавшейся войнѣ съ Пруссіею. Оттуда опредѣленъ былъ въ 1762 году въ Медицинскую Канцелярію въ помощь штадтъ-физику и 13 марта 1763 года назначенъ операторомъ (т. е. преподавателемъ хирургіи и практической анатоміи) въ петербургскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ. Впослѣдствіи онъ былъ въ Москвѣ штадтъ-физикомъ, напечаталъ извѣстный трактатъ о московской чумѣ и вышелъ въ отставку (19 іюля 1776 года) въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

Въ 1765 году онъ подалъ въ Коллегію прошеніе о допущеніи его, на основаніи указа 1764 года, къ докторскому экзамену, съ тѣмъ, чтобы, по выдержаніи его, данъ былъ ему докторскій дипломъ и соотвѣтственное мѣсто на службѣ. Коллегія опредѣлила допустить его къ экзамену, предписавъ внести передъ тѣмъ 40 рублей, съ тѣмъ, что если онъ не выдержитъ экзамена, то эти деньги останутся въ пользу казны, а если выдержитъ, то онѣ будутъ возвращены ему. Онъ внесъ деньги и 27 октября былъ экзаминованъ. Въ чемъ состоялъ этотъ экзаменъ — не сохранилось свѣдѣній, но извѣстно то, что Орреусъ выдержалъ его и получилъ назадъ внесенныя въ Коллегію деньги. Затѣмъ оставалось только получить дипломъ; но тутъ-то и случилась неожиданность: Коллегія отказала ему въ дипломѣ, или лучше сказать не совсѣмъ отказала, а начала откладывать выдачу его подъ разными предлогами. Какъ онъ ни хлопоталъ, какъ ни упрашивалъ каждаго члена отдѣльно, но дипломъ все не давался въ руки.

Наконецъ ему надоѣло хлопотать и, по прошествіи около 10 мѣсяцовъ (въ августѣ 1766 года), онъ подалъ на Коллегію жалобу въ кабинетъ императрицы, съ просьбою истребовать слѣдовавшій ему докторскій дипломъ. Управлявшій дѣлами кабинета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Елагинъ, истребовалъ отъ Коллегіи свѣдѣнія о причинахъ, по которымъ не выдается Орреусу дипломъ, и когда этотъ запросъ былъ полученъ, то баронъ А. И. Черкасовъ поручилъ тремъ членамъ написать подробное объясненіе въ отвѣтъ на предложенные изъ кабинета вопросы, которое и представляется здѣсь въ подлинникѣ.

ОБЪЯСНЕНІЕ ЧЛЕНОВЪ КОЛЛЕГІИ ОБЪ ОРРЕУСѢ.

Da uns unterschriebenen Gliedern vom Collegio Medico aufgetragen worden auf folgende aus Ihro Kayserlichen Majestaet Cabinet von dem wirk-

lichen Etats-Rath und Ritter, Herrn Ivan von Jelagin, an das besagte Collegium ergangene Fragen zu antworten, als:

1) Ob der Operateur Gustav Orraeus auf seine Bitte, in der Medicinischen Wissenschaft examiniret worden?

2) Wenn er examiniret worden?

3) Ob er geschickt befunden worden?

4) Ob ihm ein Attestat gegeben worden, dass er geschickt, oder nicht geschickt sey?

5) Wenn ihm kein Attestat gegeben worden, aus welchen Ursachen es nicht geschehen?

So haben wir die vorgegebenen Fragen der Wahrheit gemäss folgendergestalt beantwortet:

1) Dass der Operateur Gustav Orraeus in der Medicinischen Wissenschaft ist examiniret worden.

2) Dass dieses den 7 Octobris 1765 geschehen.

3) Dass der Operateur Gustav Orraeus im Examine auf die vorgelegten Fragen sehr mittelmässig geantwortet.

4 und 5) Dass ofterwähntem Operateur Gustav Orraeus auf sein Verlangen hierüber kein Attestat hat ertheilet werden können, aus der Uhrsache, weil dieses nirgends üblich ist, und weder von der gewesenen Medicinischen Canzlei, noch von dem Collegio bisher jemanden ist gegeben worden.

Die Uhrsache aber warum die Glieder des Collegii das Privilegium Doctores in der Medicin zu creiren, bisher noch nicht haben ausüben können, sondern auf gehörige Gelegenheit warten müssen, Ihro Kayserl. Majestæt die Sache unterthänigst zu unterlegen, ist erstlich diese: weil der Herr Præsident und würkl. Kammerherr Baron Czercassow (wie Er es nachgehends selbst declariret hat) im Namen des Collegii bey Ihro Kayserlichen Majestæt um dieses Privilegium nichts davon gewusst hat, noch weniger überleget worden, dass ein solcher Vorschlag mehr zum Nachtheil als Vortheil des Medicinischen Wesens gereichen müsse; zu geschweigen, dass es in der von Ihro Kayserlichen Majestæt dem Medicinischen Collegio Allergnædigst ertheilten Instruction ausdrücklich anbefohlen worden, über dergleichen Sachen mit der Universitæt in Moscou zu correspondiren.

2) Hat der Herr Præsident und würkliche Kammerherr Baron Czerkassow, nach geschehener Vorstellung der Glieder, selbst eingesehen, dass das Collegium erst Schulen errichten und Anstalten machen müsste, die Wissenschaften zu erlernen, ehe es den Schrift thäte Doctores zu creiren, weferne man sich nicht der gegründeten Beurtheilung der Welt gleichsam mit

Fleiss aussetzen wolle, und diesewegen die Bedingung Selbst festgesetzet, dass keine Promotion vom Collegio eher vorgenommen werden sollte, bis der Medicinische Etat von Ihro Kayserlichen Majestæt unterschrieben worden, ob zwar durch diese Bedingung dennoch den künftig unvermeidlichen üblen Folgen nicht vorgebeuget werden wird.

Bey dieser Gelegenheit halten die Glieder des Collegii vor ihre Schuldigkeit Ihro Kayserlichen Majestæt allerunterthänigst vorzustellen, dass der Actus Doctores in der Medicinischen sowohl, als in den andern beiden Facultäten zu creiren, von den ältesten Zeiten her, nur auf Universitæten üblich ist, den Medicinischen Collegus aber überall eigentlich obliegет, die schon creirten Doctores noch nachhero zu examiniren, um selbige zu prüfen, ob ihnen die Praxis erlaubet werden könne. Der vielen Inconvenierien nicht zu gedenken, die daraus folgen würden, wenn das Collegium beyde Functiones zugleich zu verrichten hätte: so ist, ausser dem besonderen Umstande, dass der Herr Præsident und würkl. Kammerherr Baron Czercassow allhier just damit den Anfang gemacht haben will, womit man auf allen Universitæten endiget, dieses eine von den grössten Schwierigkeiten, dass hier noch keine Anstalten gemacht sind, um die erforderlichen Wissenschaften zu erlernen; woraus erfolgen muss, dass die allhier zu creirenden Doctores noch mittelmässiger sein werden, als die, welche von einigen auswärtigen Universitæten kommen. Wollte man durch Errichtung einer Universitæt allhier diesen Hindernissen abzuhelfen suchen: so würde es in diesem Falle die Universitæt sein, welche die Doctores creirte, und nicht das Collegium. Hierzu aber würde zu viel Zeit und Kosten erfordet werden, welche vors erste ersparet werden könnten, da bereits in Moscou eine Universitæt errichtet worden, vor deren Aufnahme und glücklichen Flör Ihro Kayserliche Majestæt so viele Sorgfalt Allergnädigst anzuwenden geruhen. St. Petersburg, den 9 Sept. 1766.

Baron Georg von Asch.
Christianus Paecken.
Andreas Lindemann.

Изъ этого объясненія видно, что Коллегія отказывала Орреусу въ дипломѣ, во-первыхъ потому, что онъ посредственно отвѣчалъ на экзаминаторскіе вопросы, и во-вторыхъ потому, что она не считала своимъ дѣломъ ни производства экзамена, ни выдачи диплома. Но первый предлогъ совершенно несправедливъ, потому что еслибъ Орреусъ не выдержалъ экзамена, то и не сталъ

бы просить диплома, а Коллегія не возвратила бы ему внесенныхъ 40 рублей. При этомъ ей и не нужно бы было входить ни въ какія объясненія, такъ какъ въ словахъ «не выдержалъ экзамена» все сказано. Второй предлогъ также несправедливъ, потому что если не ея дѣло экзаминовать, то зачѣмъ же она допустила его къ экзамену и приказала представить денежный залогъ? А если допустила, значитъ, считала себя въ правѣ допустить. И такъ какъ сама же она говоритъ, что ей принадлежитъ право экзаминовать пріѣзжихъ докторовъ для дозволенія имъ свободной практики, то спрашивается: чѣмъ же разнился одинъ докторскій экзаменъ отъ другаго докторскаго экзамена? Если для перваго она считала себя компетентною и полноправною, то почему теряла эти качества въ послѣднемъ? Въ послѣдствіи времени и она сама и замѣнившія ее медицинскія учрежденія (медицинскіе совѣты въ Петербургѣ и въ Варшавѣ и даже Московская медицинская контора) экзаминовали докторовъ и выдавали докторскіе дипломы: неужели же со временемъ компетентность и права ея увеличились?

Наконецъ Коллегія сослалась на «Инструкцію» свою, въ которой будто бы сказано, что объ экзаменахъ ей надобно сноситься съ Московскимъ университетомъ. Но и это несправедливо. Въ «Инструкціи» вотъ что сказано: «Та же Коллегія должна изобрѣсти способы, через сношеніе съ Московскимъ университетомъ, чтобъ изъ подданныхъ россійскихъ воспитывать и обучать какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ докторской. И сіе будетъ со временемъ сохраненіемъ излишнихъ денежныхъ расходовъ въ государствѣ, которые теперь издерживаются на тѣхъ, что посылаютъ на двойномъ и тройномъ коштѣ въ чужіе университеты, а притомъ и избѣжаніемъ, чтобы не принимать безъ разбору иностранцевъ достойныхъ и недостойныхъ, къ чему теперь нужда приводитъ.» Кромѣ этого пункта, въ «Инструкціи» нѣтъ ни слова объ университетѣ: какимъ же образомъ можно было сослаться на этотъ пунктъ въ вопросѣ объ экзаменахъ?

Итакъ изъ всего этого объясненія видно одно только, что Коллегія за приведенными въ немъ предлогами отказа скрывала черную заднюю мысль,—мысль, пугавшую ее больше гнѣва императрицы, мысль тяжелую, какъ кошмаръ, тѣмъ болѣе, что ея невозможно было высказать. Ей все мерещилось, что вотъ-вотъ

за дипломами придутъ къ ней русскіе «кандидаты медицины» и, получивъ ихъ, сбросятъ съ себя чужеземное ярмо и выживутъ изъ Россіи иностранныхъ паразитовъ. Стало быть, надо портить и разрушать все то, что можетъ развить, образовать и нравственно укрѣпить русскихъ, а тѣмъ болѣе надобно загораживать имъ всѣ пути къ самостоятельному развитію и образованію. Поэтому надо давить и душить, если можно, всякую туземную личность, которой удастся выскользнуть изъ-подъ общаго гнета, потому что невозможно предвидѣть всѣхъ бѣдъ, могущихъ произойти отъ каждой подобной личности. Эта же черная мысль мѣшала улучшенію госпитальныхъ школъ и продлила наше научное дѣтство на цѣлое столѣтіе, если не долѣе. Коллегія оберегала и втайнѣ лелеяла эту мысль, какъ величайшій свой догматъ, и только въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, когда бороться стало не подъ силу (т. е. когда Московскій университетъ получилъ уже право докторскаго экзамена), она передала ее своимъ наслѣдникамъ, а сама стала раздавать докторскіе дипломы щедрою рукою, забывъ что видимо противорѣчитъ самой себѣ.

Она постановила даже правиломъ, въ 1795 году, выдавать докторскій дипломъ всякому лѣкарю, представившему диссертацію черезъ 5 лѣтъ службы, но.... и тутъ съ извѣстною разборчивостью. Такъ, напримѣръ, профессоръ и операторъ Московской хирургической школы, коллежскій ассесоръ Іоганнъ Гильдебрандтъ, 13 февраля 1761 года, по приказанію главнаго директора медицинской коллегіи Фитингофа произведенъ безъ экзамена, а «по извѣстному отличному его знанію въ медицинѣ и по разнымъ полученнымъ отъ него обсерваціямъ», въ докторы медицины, а профессору и оператору Петербургской хирургической школы Якову Саполовичу, указомъ Коллегіи 20 марта тогожъ 1791 года запрещено входить съ прочими профессорами въ экзамены, такъ какъ онъ считается операторомъ и операторское получаетъ жалованье, хоть и называется профессоромъ; о производствѣ же его въ докторы медицины не могло и помину быть. Какая же могла быть разница между обоими операторами и въ тоже время профессорами одного и того же предмета? Разница національная, основанная лишь на задней мысли Коллегіи.

Орреусъ, видно, не зналъ этой тайной мысли или не относилъ ея къ себѣ и, стало быть, терпѣлъ напрасно. Потому что Ела-

гинъ, получивъ «объясненіе» Коллегіи, возвратилъ ему прошеніе съ слѣдующею надписью: «Какъ справкою изъ Медицинской Коллегіи показано, что челобитчиковы о докторскомъ званіи отвѣты были весьма посредственны, а изъ того и видно стало, что Коллегія его къ произведенію въ доктора признаетъ на нынѣшній разъ неспособнымъ и потому возвратила взятые отъ него сорокъ рублевъ, того ради и сія челобитная ему отдается, съ тѣмъ, дабы онъ на сей случай доволенъ былъ коллежскимъ опредѣленіемъ. Ноября 6 дня 1766 года. Иванъ Елагинъ.»

Рѣшеніе было не утѣшительно, а Орреусъ не такой человѣкъ, чтобы удовольствоваться имъ. Онъ переговорилъ съ барономъ Черкасовымъ, побывалъ у Елагина и снова подалъ просьбу прямо на имя императрицы, которая была уже предувѣдомлена объ его первой неудачѣ. Дѣло однакоже протянулось полтора года и кончилось тѣмъ, что императрица дала, 2 августа 1768 года, именной указъ признавать Орреуса докторомъ медицины и выдать ему изъ Коллегіи дипломъ на это званіе. И это былъ первый докторскій дипломъ, выданный по экзамену въ Россіи, а послѣдствія показали, что этотъ дипломъ попалъ въ самыя достойныя руки.

Медицинская Коллегія, какъ видно изъ предыдущаго, считала своею обязанностью экзаминовать всѣхъ докторовъ, пріѣзжавшихъ въ Россію съ иностранными дипломами, на право свободной практики въ Россіи и потомъ утверждать ихъ въ докторскомъ званіи, и никогда не отрицала этой обязанности своей. Еще болѣе: она оскорблялась, если какой нибудь докторъ уклонялся отъ ея экзамена, прикрываясь какимъ-нибудь высочайшимъ повелѣніемъ. И однакожъ бывали случаи, гдѣ она не допускала къ экзамену русскихъ врачей (но исключительно только русскихъ), получившихъ докторскій дипломъ за границею. Одинъ изъ подобныхъ случаевъ представился чрезъ тринадцать лѣтъ послѣ окончанія дѣла Орреуса, и вотъ какимъ образомъ:

Въ 1767 году въ гимназію при Петербургской академіи наукъ поступилъ молодой человѣкъ, Никита Петровичъ Соколовъ, для первоначальнаго образованія. Онъ былъ способный человѣкъ и учился прилежно, такъ что обратилъ на себя вниманіе Академіи, которая, по окончаніи гимназическаго курса, и отправила его на свой счетъ въ чужіе края для спеціальнаго изученія медицины.

Соколовъ поѣхалъ сперва въ Лейденъ, а оттуда въ Страсбургъ, и черезъ шесть лѣтъ ученія въ этихъ университетахъ получилъ въ послѣднемъ докторскій дипломъ. Возвратившись въ Петербургъ, онъ подалъ, 22 марта 1781 года, прошеніе въ Медицинскую Коллегію о допущеніи его къ докторскому экзамену на право свободной практики въ Россіи: но Коллегія положила на его прошеніи резолюцію, что сперва надобно снестись съ Академіею наукъ, желаетъ ли она, чтобы Соколовъ былъ допущенъ къ экзамену. Черезъ это дѣло пошло на проволочку, исхода которой нельзя было предвидѣть. Соколовъ узналъ о резолюціи Коллегіи и обратился къ президенту ея, Алексѣю Андреевичу Ржевскому, прося его о перемѣнѣ резолюціи, какъ совершено напрасной и никогда не бывалой. Но Ржевскій былъ уже не чета Черкасову. Онъ почти никогда не бывалъ въ Коллегіи, предоставляя ей проводить безъ помѣхи свои задушевныя мысли, и сносился съ нею, въ случаѣ надобности, письмами. Въ президенты Коллегіи попалъ онъ, кажется, только по своему происхожденію (онъ былъ сынъ отъ тайнаго брака графа Разумовскаго) и за неимѣніемъ лучшаго мѣста, а въ медицинскомъ вѣдомствѣ не оставилъ никакихъ слѣдовъ своего президентства. Однакожъ и ему показалась странною резолюція Коллегіи на прошеніи Соколова и онъ написалъ объ ней въ Коллегію слѣдующее письмо:

«На прошеніе медицины доктора Соколова положена резолюція совсѣмъ въ противность имянной Е. И. В. инструкціи, данной Медицинской Коллегіи, и того ради покорно прошу почтенныхъ гг. членовъ Медицинской Коллегіи оную резолюцію отмѣнить и доктору Соколову дать экзаменъ, не требуя на то позволенія отъ Академіи наукъ. Медицинская Коллегія не состоитъ подъ Академіею, слѣдовательно излишне будетъ и дожидаться ей въ своихъ дѣлахъ воли Академіи. Докторъ Соколовъ не въ службу проситъ Медицинскую Коллегію, а только экзамена, который не что иное, какъ засвидѣтельствованіе, что онъ подлинно докторъ и достоинъ своего званія. А въ имянной «Инструкціи» Коллегіи сказано, что никто въ Россійской имперіи безъ дозволенія Медицинской Коллегіи практики имѣть не можетъ; слѣдовательно сему Соколову или подобному не можно безъ того и для себя что либо выписать изъ аптеки. Но такъ какъ онъ докторъ, то сего права ему никакъ запретить не можно, и онъ, прося экзамена, не иное что проситъ, какъ позволенія пользоваться правомъ своимъ, котораго признать и утвердить, кромѣ Медицинской Коллегіи никто и никакое мѣсто

не можетъ. И такъ у доктора, ежели онъ достоинъ своего званія, права его по справедливости отнять не можно. Утвердить же его, т. е. позволить ему практику, кромѣ Медицинской Коллегіи никто не долженъ. А Медицинская Коллегія имѣетъ свои законы, безъ зависимости Академіи, и не имѣетъ нужды никакой испрашивать по своей должности позволенія отъ Академіи. А «Инструкціею» ей повелѣно экзаминовать всякаго просящаго экзамена, слѣдовательно никакъ не можно отказать въ экзаменѣ и доктору Соколову. А сверхъ всего и прежде никогда не требовано было ни отъ кого, чтобы желающіе доктора имѣть экзаменъ предъявляли на то позволеніе отъ Академіи; безъ сего позволенія были экзаминованы доктора Палласъ, Гинцельштетъ, Озерецковскій и всѣмъ имъ позволена практика. Того ради помянутую резолюцію докторъ Соколовъ не иначе, какъ за притѣсненіе себѣ отъ Коллегіи почесть долженъ.

И такъ я покорно прошу, перемѣня оную резолюцію, дать ему экзаменъ безъ всѣхъ затрудненій.

Алексѣй Ржевскій.»

Но письмо это опоздало. На запросъ Коллегіи, Академія наукъ—и теперь нѣмецкая, а тогда бывшая ультра-нѣмецкою, совершенно раздѣлявшая тайныя мысли Медицинской Коллегіи—отвѣтила, что Соколовъ посланъ ею учиться въ чужіе края не для практики и въ экзаменѣ не имѣетъ надобности. Поэтому Коллегія начисто отказала ему въ экзаменѣ.

При видѣ этого факта невозможно не спросить себя: что заставило Коллегію притѣснять Соколова подъ благовиднымъ предлогомъ, какъ не таже чорная задняя мысль, о которой говорено выше? Какую она имѣла надобность въ согласіи Академіи для допущенія его къ экзамену? Никакой; но утвержденіе его докторомъ противорѣчило ея догмату, и этого было болѣе чѣмъ достаточно для всякаго чернаго дѣла, лишь бы достигалась цѣль.

А потомъ—другой вопросъ объ Академіи наукъ. Чтобы лишить Соколова докторскаго диплома, Академія наукъ разсудила, что онъ не для того учился, чтобы практиковать въ медицинѣ. Но она не всегда такъ разсуждала. Когда дѣло касалось иностранцовъ въ русской службѣ, то она не только не мѣшала имъ получать право медицинской практики въ Россіи, но даже выпрашивала это право и даже безъ экзамена. Такъ напр. въ поло-

винѣ прошлаго столѣтія пріѣхалъ въ Россію и опредѣленъ профессоромъ химіи при Академіи наукъ докторъ Ульр. Зальховъ *(Urich Christopher Salchow)*, имѣвшій изъ Галле дипломъ доктора химіи и медицины. Будучи химикомъ, а не медикомъ, онъ не экзаминовался въ Петербургѣ и не имѣлъ права медицинской практики. Чтожъ сдѣлала Академія? Она обратилась въ Медицинскую Канцелярію съ жалобною просьбою, что этотъ бѣдный ученый, будучи иностраннымъ докторомъ медицины, въ случаѣ болѣзни самъ для себя или для своего семейства не можетъ выписать изъ аптеки лѣкарства и просила дать ему право практики безъ экзамена, по каковой просьбѣ Медицинская Канцелярія и дала ему это право 25 мая 1756 года, безъ экзамена, но съ обязательствомъ исполнять всѣ постановленія, относящіяся къ практикующимъ врачамъ. Отъ чего же Академія наукъ была къ нему такъ снисходительна, а къ Соколову такъ строга? Отъ того, что тотъ иностранецъ, а этотъ русскій.

Это, впрочемъ, не единственный примѣръ. Въ 1767 году вызванъ въ Россію и назначенъ профессоромъ естественной исторіи, экономіи и медицины при Спб. Академіи наукъ Ант. Гюльденштедтъ *(Anton Johann Güldenstædt)*, позаботившійся по дорогѣ въ Россію, въ Франкфуртѣ на Одерѣ, получить докторскій дипломъ (31 декабря 1767) и сейчасъ же, по пріѣздѣ въ Петербургъ, отправленный путешествовать по Россіи для изученія естественной ея исторіи. По возвращеніи изъ этого путешествія, онъ, по просьбѣ Академіи наукъ, получилъ безъ экзамена право медицинской практики въ Россіи. На что же было ему это право, когда онъ вовсе не намѣревался практиковать, и отчего Академія наукъ не помѣшала ему въ пріобрѣтеніи этого права даже безъ экзамена?

А вотъ и еще примѣръ. На каѳедру химіи и металлургіи въ Московскомъ университетѣ приглашенъ былъ изъ Лейпцига докторъ Іог. Керстенсъ *(Johann Christian Kerstens)* и преподавалъ эти предметы, очень далекіе отъ медицинской практики. Однакожъ кураторъ И. И. Шуваловъ не затруднился обратиться въ Медицинскую Канцелярію съ просьбою о разрѣшеніи ему права медицинской практики, какъ имѣющему докторскій дипломъ, и Кондоиди призналъ справедливою эту просьбу и 27 января 1758 года разрѣшилъ Керстенсу право медицинской практики.

Отъ чего же эти врачи, учившіеся хоть и не для того чтобы практиковать, не были однакоже лишены этого права, подобно Соколову? Отъ того что докторское званіе считалось тогда важнымъ и петербургская академія наукъ не любила допускать, чтобы кто нибудь изъ русскихъ возвышался черезъ это званіе.

Соколову не оставалось другихъ путей къ отысканію своего права, какъ пожаловаться императрицѣ и на Коллегію и на Академію. Онъ такъ и сдѣлалъ. Императрица передала просьбу его въ Сенатъ, который и рѣшилъ дѣло слѣдующимъ указомъ, 7 сентября 1781 года:

«Указъ Е. И. В. изъ Правительствующаго Сената Медицинской Коллегіи.

По имянному Е. И. В. указу, объявленному г. дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ генералъ-прокуроромъ сего сентября въ 1 день, коимъ Е. В., по поданному отъ доктора Никиты Соколова прошенію, высочайше повелѣть соизволила: «дать знать Академіи Наукъ о непрепятствіи помянутому Соколову просить экзамена въ Мед. Коллегіи, и если она найдетъ его знающимъ—отправлять медическую практику. А впрочемъ, буде онъ болѣе при Академіи быть не желаетъ, Е. В. повелѣваетъ его отпустить и по знанію и способности, сходно собственному его желанію, опредѣлить на докторское мѣсто въ здѣшнемъ губернскомъ штатѣ или иномъ департаментѣ, гдѣ есть ваканція. При чемъ угодно Е. В., чтобъ примѣтить Академіи, что Е. В. не пріемлетъ за благо подобное принужденіе человѣку, каковое описано въ просьбѣ означеннаго Соколова». Правительствующій Сенатъ приказали: о непремѣнномъ исполненіи по сему высочайшему Е. И. В. указу, съ приложеніемъ копіи съ поданнаго Е. И. В. отъ доктора Никиты Соколова прошенія, въ коммисію Академіи наукъ послать указъ, а для равномѣрнаго же исполненія по сему высочайшему указу дать знать и оной Коллегіи, предписавъ оной, чтобъ она въ опредѣленіи россійскихъ докторовъ, обучившихся какъ здѣсь, такъ и въ чужестранныхъ земляхъ и достигшихъ докторскаго званія, соразмѣрно каждаго успѣхамъ и искуству въ медическихъ наукахъ, преимущественно предъ выѣзжающими чужестранными, поступала на основаніи данной ей въ 1763 году инструкціи. Сентября 7 дня 1781 года».

Особенно замѣчателенъ въ этомъ указѣ послѣдній пунктъ. Сенатъ понялъ черную заднюю мысль Коллегіи и воспользовался случаемъ намекнуть послѣдней, что поведеніе ея относительно русскихъ врачей не только предосудительно, но и противозаконно.

Послѣ этого указа, Никита Петровичъ Соколовъ допущенъ былъ къ экзамену въ Коллегіи и 11 сентября 1781 года экзаминованъ членами ея Г. Ашемъ, Ѳ. Т. Тихорскимъ и С. Д. Горголи, а 16 сентября получилъ право докторской практики въ Россіи. Остался ли онъ послѣ того на службѣ при Академіи наукъ или нѣтъ—неизвѣстно; но подъ вѣдомствомъ Коллегіи онъ нигдѣ не значится. Въ учебной литературѣ извѣстна изданная имъ книга подъ заглавіемъ: *Начальныя основанія химіи*, соч. г. Эркслебена; *перевелъ съ нѣмецкаго* Никита Соколовъ. *С.-Петербургъ*, 1788, въ 8°.

IX.

МОСКОВСКІЕ

ОПЕРАТОРЫ КАМЕННОЙ БОЛѢЗНИ.

1767—1799.

Въ настоящее время у насъ слышится иногда упрекъ въ недостаткѣ медицинскихъ спеціалистовъ, упрекъ можетъ быть и справедливый, но никогда не подвергавшійся внимательному разбору и обсужденію. Возможны у насъ спеціалисты-практики или нѣтъ? Вопросъ этотъ, конечно, страненъ: но задавалъ ли его себѣ кто-нибудь и какъ рѣшилъ его тотъ, кто думалъ объ этомъ предметѣ? Спеціалисты есть—кто же не знаетъ глазныхъ врачей, ушныхъ врачей, акушеровъ и т. п.?—стало быть они возможны. Но если вы возьмете любаго спеціалиста и спросите: ограничивается ли онъ въ практикѣ одной своей спеціальностью, то онъ по правдѣ долженъ будетъ отвѣтить отрицательно. Отчего же это и зачѣмъ это недовольствованіе своей спеціальностью? Разобравъ эти *отчего* и *зачѣмъ*, вы убѣдитесь, что спеціалисты-врачи у насъ, до времени, еще невозможны.

Все это странно. Но еще страннѣе другое обстоятельство, представляемое нашею медицинскою исторіею. Чѣмъ дальше вы будете восходить назадъ по времени, тѣмъ больше встрѣтите спеціалистовъ, и притомъ оставившихъ по себѣ незабытыя имена. Бывали у насъ окулисты, бѣльмовые лѣкари (и между ними даже одна лѣкарка, еврейка, имѣвшая дозволеніе производить операціи катарактъ), кильные лѣкари, костоправы (изъ которыхъ одинъ

имѣлъ въ Московскомъ госпиталѣ нѣчто въ родѣ клиники для исключительнаго лѣченія переломовъ и вывиховъ), бадеры (лѣчившіе исключительно лѣкарственными ваннами), лѣкаря отъ подагры, зубные лѣкаря, операторы каменной болѣзни и проч. Всѣ они отличались тѣмъ, что пользовались большею частію ограниченнымъ правомъ практики. Съ развитіемъ преподаванія наукъ въ медицинскихъ школахъ и въ Московскомъ университетѣ, число ихъ стало постепенно уменьшаться и совсѣмъ исчезло (за исключеніемъ бадеровъ и дантистовъ) въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Изъ числа этихъ спеціалистовъ заслуживаютъ особенной памяти *операторы каменной болѣзни*, практиковавшіе исключительно въ Москвѣ и подмосковныхъ губерніяхъ.

Москва отличается отъ прочихъ городовъ Россіи особенною частостью каменной болѣзни, и этой, вѣроятно, причинѣ слѣдуетъ приписать, что въ прежнія времена репутація «операторовъ каменной болѣзни» всегда утверждалась въ Москвѣ, а потомъ они отправлялись уже въ Курскъ, Тулу и другія смежныя губерніи.

Замѣчательно, что большая часть операторовъ каменной болѣзни пріѣзжали въ Москву изъ Греціи и разсказывали, что они «промышляютъ» лѣченіемъ каменной болѣзни по наслѣдству цѣлыми семействами. Но письменныя свѣдѣнія изъ прежняго времени сохранились только о немногихъ изъ нихъ. Такъ, въ началѣ XVIII столѣтія въ Москвѣ извѣстенъ былъ операторъ «кильныя и каменныя болѣзни» Михаилъ Гравала (Michael Gravala, graecus Macedoniae, medicus lapideae herniosaeque affectionum). Онъ получилъ позволеніе лѣчить въ Москвѣ эти болѣзни 10 декабря 1721 года и практиковалъ около 20 лѣтъ (между прочимъ онъ въ 1738 году просилъ позволенія ѣхать въ С.-Петербургъ и получилъ его). Въ Петербургѣ современникомъ его былъ грекъ же Николай Ивановъ или Іоаннидесъ (Nicolaus Johannides), не пользовавшійся однако репутаціею Гравалы. Онъ называлъ себя «herniolithotomus» и, пріѣхавъ въ Петербургъ, просилъ формальнаго дозволенія (27 сентября 1737 года) лѣчить кильную и каменную болѣзни. Архіятеръ І. Б. Фишеръ приказалъ экзаминовать его въ С.-Петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ: но этотъ практическій экзаменъ, произве-

денный лѣкаремъ физическихъ дѣлъ при Медицинской Канцеляріи М. Минятомъ и госпитальнымъ операторомъ Гангартомъ, былъ не совсѣмъ удаченъ. Экзаминаторы донесли Медицинской Канцеляріи 17 января 1738 года, что они пригласили Н. Иванова, съ товарищемъ его Албаномъ Константиномъ, въ квартиру гренадера 4 роты лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Данилы Юдина, къ сыну его Андрею, 7 лѣтъ, и предложили вынуть камень у этого мальчика. Операторы дѣйствительно вынули два камня, величиною каждый въ мускатный орѣхъ, благополучно; «но оной мальчикъ на другой день умеръ, а передъ смертью имѣлъ рвоту желтою матеріею». По этому донесенію Фишеръ велѣлъ произвести слѣдствіе о причинѣ смерти мальчика, и по слѣдствію оказалось, что «у мальчика животъ болѣлъ послѣ операціи и рвота была, и послѣ операціи подъ вечеръ далъ ему выпить одну ложку тепловатой простой воды и около 20 капель простаго вина, также по ихъ методу и обыкновенію въ тотъ же вечеръ 20 гранъ пороху, а о настоящей причинѣ смерти того мальчика, за незнаніемъ его, объявить не могъ, но только по разсужденію нашему воспослѣдовала смерть отъ какого сверхнатуральнаго состоянія и поврежденія почекъ, а не отъ операціи его, понеже оную показанной лѣчитель Ивановъ въ присутствіи нашемъ учинилъ исправно (Myneatt. Hanhart).» Нынѣшній читатель улыбнется, читая такое донесеніе и объ экзаменѣ и о причинѣ смерти мальчика: но пусть же онъ припомнитъ, что съ тѣхъ поръ прошло уже 132 года.

Этимъ однакожъ не кончилось дѣло. Фишеръ хотѣлъ непремѣнно увѣриться въ искусствѣ этихъ лѣчителей и послалъ ихъ снова на экзаменъ въ тотъ же госпиталь, но уже устранилъ Минята отъ участія въ немъ, потому что тотъ самъ былъ грекъ и потакалъ землякамъ. Экзаминаторами назначены были: старшій докторъ госпиталя Н. Энгеллертъ, главный лѣкарь Бартизіусъ и операторъ Іог. Фонъ-Меллепъ. Они представили, 27 января 1738 года слѣдующее донесеніе въ Медицинскую Канцелярію: «....... Ивановъ, при помощи товарища А. Константина, надъ мертвымъ тѣломъ операцію чинилъ, какъ камня изъ пузыря вынимать. И хотя та операція онымъ Николаемъ со всякою смѣлостію и скоростію чинена, и было видно, что онъ такое дѣло неоднократно чинилъ и рука его къ такой операціи привыкла, токмо понеже явилось, какъ онъ и самъ въ томъ не

запирается, что онъ состановленіе частей тѣхъ, которыхъ онъ разрѣзываетъ и ближнихъ сосѣднихъ частей не знаетъ и легко незнаніемъ повредить можетъ, то, по мнѣнію нашему, ему, Николаю Иванову съ товарищемъ Алв. Константиномъ, до совершеннаго помянутыхъ частей, которыхъ онъ рѣжетъ, познанія, позволеніе свободное въ такой опасной операціи дать не можно. Тожъ и о килорѣзаніи разсуждается, хотя такое тѣло еще не случилось и доказательства въ дѣйство за тѣмъ произвести не могли».

По этому донесенію, архіятеръ Фишеръ, указомъ 14 февраля 1738 года, запретилъ этимъ грекамъ всякую врачебную и хирургическую практику въ Россіи.

Послѣ этого лѣтъ тридцать не слышно было въ Москвѣ ни объ одномъ операторѣ изъ грековъ, хотя ни госпитальная московская школа, ни университетъ не удовлетворяли потребности въ этого рода операторахъ, да и вообще въ хирургахъ былъ большой недостатокъ.

Хирургическою практикою въ Москвѣ занимались тогда преимущественно штабъ-лѣкарь Генрихъ Готлибъ Энгель, операторъ при Московскомъ госпиталѣ, и лѣкарь Францъ Керестури, прозекторъ анатоміи при медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета. Іоганнъ Гильтебрандтъ (въ послѣдствіи біографъ Венедиктова) еще не пріѣзжалъ въ Москву.

Въ это-то время явился въ Москву операторъ каменной болѣзни И. П. Венедиктовъ, образовавшій по своей спеціальности цѣлую школу, преданія которой сохранились до настоящаго времени. Прибытіе его пополнило недостатокъ, чувствовавшійся всѣми, начиная отъ Медицинской Коллегіи до бѣдняка-крестьянина, не знавшаго къ кому обратиться за помощью противъ гибельной болѣзни.

Иванъ Петровичъ Венедиктовъ, родомъ грекъ, пріѣхалъ въ Россію съ братомъ своимъ Антономъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. По пріѣздѣ въ Россію, братъ его Антонъ сталъ искать гражданской службы и опредѣлился въ Мглинѣ магистратскимъ секретаремъ, а онъ поѣхалъ въ С.-Петербургъ и опредѣлился ученикомъ (1765) въ тамошній генеральный адмиралтейскій госпиталь, окончилъ полный курсъ ученія и при выпускѣ получилъ право врачебной практики. Объ ученіи его въ Петербургѣ говоритъ и московскій біографъ его, профессоръ Іог. Конр. Гильте-

брандтъ [1]). Но Венедиктовъ научился производству литотоміи еще до пріѣзда въ Россію, въ 1763 году, отъ одного изъ своихъ родственниковъ, а поступилъ въ школу только «для большаго усовершенія на основаніяхъ анатоміи и хирургіи», какъ онъ самъ говоритъ въ письмѣ къ барону А. И. Васильеву отъ 11 іюля 1800 года. Но, не смотря на это, когда онъ сталъ просить позволенія жить постоянно въ Москвѣ и заниматься исключительно лѣченіемъ каменной болѣзни, Медицинская Коллегія предписала дать ему специальный экзаменъ въ Спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ.

Здѣсь онъ экзаминованъ былъ докторами фонъ-Мелленомъ, Тихорскимъ и операторомъ Орреусомъ (30 іюля 1767 года), и получилъ аттестатъ, въ которомъ сказано, что «онъ изъ ангіологіи и неврологіи отвѣчалъ худо, а изъ остеологіи, міологіи и спланхнологіи изрядно; о разныхъ способахъ, къ вырѣзыванію камня изобрѣтенныхъ, робко и нетвердо, а о способѣ, имъ употребляемомъ, который къ аппарату малому принадлежитъ, такъ, какъ хорошему практику должно, отвѣтствовалъ». Кромѣ того, онъ сдѣлалъ въ С.-Петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ двѣ операціи на трупахъ и одну на живомъ солдатскомъ сынѣ Семеновскаго полка. Операція кончилась благополучно, и описаніе ея, съ послѣдовательнымъ лѣченіемъ, представлено въ Коллегію, вмѣстѣ съ аттестатомъ. На основаніи этого аттестата ему дано было (9 августа) право литотомической практики, но съ тѣмъ, чтобы онъ употреблялъ исключительно тѣ только инструменты, какіе показаны ему въ госпиталѣ, подъ опасеніемъ штрафа и запрещенія практики. Вмѣстѣ съ правомъ практики, ему дано право учить другихъ въ госпиталѣ своему искусству; но онъ недолго пользовался послѣднимъ правомъ, потому что не желалъ оставаться въ Петербургѣ и въ томъ же году уѣхалъ обратно въ Москву. Полгода спустя (28 февраля 1768) онъ подалъ въ Москвѣ прошеніе, чтобъ ему позволено было лѣчить бѣдныхъ людей отъ каменной болѣзни безплатно,

---

[1]) См. *Observationes medico-chirurgorum Rutheni Imperii, collectae et in ordinem redactae* a I. M. Vien, *consiliario status, Imperiali Collegio Medico ab epistolis sodalique ejusdem emerito.* Vol. I. Petropoli MDCCCV. 4°. Статья подъ № 26: Joan. Conr. Hiltebrandt, M. D. etc. *De methodo secandi calculum Dom. Wenedictow*, стр. 151.

и чтобы для этого папятъ былъ отъ казны особенный небольшой домъ, а ему выдаваемо бы было казенное жалованье; но въ этомъ прошеніи отказано, а предложено лѣчить больныхъ безплатно въ Московскомъ госпиталѣ. Онъ принялъ это предложеніе, и въ теченіи слѣдующихъ пяти лѣтъ сдѣлалъ въ Москвѣ множество операцій. Между прочимъ, онъ вынулъ большой камень у надворнаго совѣтника Черткова. Слава его распространилась, и въ немъ принялъ участіе князь Михаилъ Никитичъ Волконскій, взявшій на себя хлопоты объ опредѣленіи его въ государственную службу. На основаніи представленія этого послѣдняго, Коллегія отнеслась въ Сенатъ (18 февраля 1776 года) о прикомандированіи Венедиктова къ Московскому генеральному госпиталю съ производствомъ жалованья и о награжденіи его оберъ-офицерскимъ чиномъ. При этомъ Коллегія отозвалась съ похвалою какъ о самомъ Венедиктовѣ, такъ и объ ожидаемой пользѣ отъ его знаній и опытности. По этому представленію, сенатскимъ докладомъ, Высочайше утвержденнымъ 15 апрѣля 1776 года, Венедиктову дано званіе полеваго лѣкаря, а другимъ Высочайше утвержденнымъ докладомъ (29 апрѣля того же года) назначено производить ему жалованье и опредѣлить къ нему учениковъ по усмотрѣнію Медицинской Коллегіи. Вслѣдъ за тѣмъ, послѣдняя назначила ему жалованья по 400 рублей въ годъ и опредѣлила къ нему двухъ учениковъ изъ Московской госпитальной школы, а именно *Михаила Садовскаго* и *Петра Горбатовскаго*, съ жалованьемъ каждому по 120 рублей въ годъ.

О способѣ преподаванія, который употреблялъ Венедиктовъ для своихъ учениковъ, не сохранилось свѣдѣній. Но особенность занятій ихъ состояли въ томъ, что онъ заставлялъ ихъ присутствовать при всѣхъ производившихся имъ операціяхъ. При этомъ встрѣтилось однакожъ обстоятельство, которое слѣдовало предвидѣть; а именно: Венедиктовъ часто приглашаемъ былъ изъ Москвы для производства операцій въ другіе города. Онъ желалъ брать съ собою въ эти поѣздки учениковъ своихъ и просилъ на то разрѣшенія Коллегіи, которое и было дано (25 августа 1776), съ тѣмъ однакожъ, чтобъ онъ о всякой отлучкѣ съ учениками объявлялъ Московской Медицинской Конторѣ, а по возвращеніи представлялъ ей журналъ своихъ операцій, съ подробнымъ опи-

саніемъ ихъ, послѣдовательнаго лѣченія и извлеченныхъ камней. Такъ онъ ѣздилъ съ ними, въ августѣ 1776, въ Курскъ, а черезъ годъ (въ августѣ 1777) въ Бѣлевъ и Болховъ.

Преподаваніе шло успѣшно. Доказательствомъ служитъ то, что въ концѣ 1779 года Венедиктовъ представилъ реестръ 11 операцій, сдѣланныхъ въ теченіи октября мѣсяца этого года въ Московскомъ госпиталѣ, большею частію надъ дѣтьми. Изъ числа этихъ операцій, 3 сдѣланы были имъ самимъ при помощи Горбатовскаго и 8—этимъ послѣднимъ, и всѣ кончились благополучно. Кромѣ того, онъ представилъ другой реестръ, въ которомъ значится, что въ бытность въ Курскѣ Горбатовскій сдѣлалъ, съ 28 августа 1778 по 25 сентября 1779 года, 15 операцій съ успѣхомъ, засвидѣтельствованныхъ журналами и мѣстнымъ начальствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Венедиктовъ рекомендовалъ этого ученика своего, какъ человѣка знающаго и опытнаго, и просилъ дать ему экзаменъ для производства въ лѣкари. Экзаменъ произведенъ былъ въ С.-Петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, въ присутствіи профессоровъ и членовъ Медицинской Коллегіи, и 2 января 1780 года Горбатовскій произведенъ въ лѣкари, съ правомъ свободной практики, а самъ Венедиктовъ представленъ былъ къ чину титулярнаго совѣтника и получилъ его (9 августа 1782).

Лѣкарь Петръ Горбатовскій вполнѣ наслѣдовалъ оперативные успѣхи своего учителя. Тотчасъ послѣ производства его въ лѣкари Медицинская Коллегія представила Сенату объ опредѣленіи его въ Курское намѣстничество къ лѣченію каменной болѣзни. Сенатъ утвердилъ это представленіе (25 февраля 1780), поручивъ Горбатовскаго въ особое покровительство правителю Курскаго намѣстничества, генералъ-поручику Петру Семеновичу Свистунову. Но пока тянулась эта переписка, Горбатовскій успѣлъ сдѣлать въ Петербургскомъ госпиталѣ (въ теченіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1780 года) 8 операцій съ полнымъ успѣхомъ, а проѣздомъ къ мѣсту назначенія своего, въ маѣ 1780 года, сдѣлалъ въ Вышнемъ Волочкѣ еще 2 успѣшныя операціи. Наконецъ въ Курскомъ намѣстничествѣ, со времени опредѣленія туда до августа 1782 года, сдѣлалъ съ успѣхомъ 44 операціи, правильно засвидѣтельствованныя на мѣстѣ, за что въ августѣ 1782 года и произведенъ былъ въ штабъ-лѣкари.

Цѣня его заслуги, Медицинская Коллегія возвратилась къ прежней мысли — воспользоваться его знаніями и опытностью, для образованія нѣсколькихъ спеціалистовъ по той именно медицинской отрасли, на которой самъ онъ принесъ такъ много очевидной пользы. Она желала видѣть въ немъ преемника Венедиктову, совѣстливо исполнившему долгъ свой и уже близившемуся къ старости, и 28 сентября 1782 года представила Сенату слѣдующее свое опредѣленіе:

«По именному Е. И. В. указу 29 апрѣля 1776 года, послѣдовавшему по представленію Медицинской Коллегіи, на докладѣ Правительствующаго Сената, повелѣно: явившемуся изъ грековъ и экзаминованному Медицинскою Коллегіею въ знаніи пользованія каменной болѣзни и въ производженіи надъ живыми при выниманіи изъ нихъ камней операцій Ивану Венедиктову, къ дальнѣйшему оказанію искусства его и прилежности въ пользованіи сей болѣзни, дать чинъ полеваго лѣкаря и производить жалованье изъ статскихъ доходовъ по 400 рублей; для обученія къ таковому нужному искусству опредѣлить къ нему изъ находящихся въ вѣдомствѣ Медицинской Коллегіи учениковъ двухъ человѣкъ такихъ, которые бы уже довольное знаніе въ анатоміи имѣли, съ жалованьемъ изъ статскихъ же доходовъ по разсмотрѣнію Медицинской Коллегіи, коимъ и назначено при отдачѣ Венедиктову по 120 рублей. Изъ оныхъ данныхъ Венедиктову учениковъ, Петръ Горбатовскій, по экзаменамъ медицинскаго факультета, преуспѣлъ съ желаемою пользою какъ въ анатоміи, хирургіи и въ пользованіи внутреннихъ и наружныхъ болѣзней, а особливо каменной, равномѣрно матеріи медики, такъ что онъ по 1780 годъ, единственно самъ собою, надъ страждущими каменною болѣзнью произвелъ съ успѣхомъ 15 операцій, по каковомъ его совершенномъ во всемъ медико-хирургическомъ практическомъ знаніи награжденъ былъ въ 1771 году подлѣкаремъ, а въ 1779 году лѣкаремъ. Съ производствомъ его въ лѣкари сдѣлано имъ, Горбатовскимъ, въ Курскѣ и въ другихъ лежащихъ около онаго мѣстахъ, благополучно 47 операцій, а всего оныхъ имъ произведено 62. Коллегія, удовлетворяя его успѣхи и знаніе, произвела его нынѣ штабъ-лѣкаремъ. Поелику же онъ состоитъ, на основаніи Высочайшаго о губерніяхъ учрежденія, 3 главы 70 пункта, Курскаго намѣстничества въ городѣ Фатежѣ на лѣкарской ваканціи, и хотя по знанію его можетъ занимать и положенное по штатамъ въ губерніяхъ докторское мѣсто; но въ уваженіе распространенія сей нужной и важной въ произведеніи надъ живыми стражду-

щими каменною болѣзнію операціи, Медицинская Коллегія симъ Правительствующему Сенату представляетъ свое мнѣніе:

«1) Когда его помѣстить на докторское въ Курской, Орловской или Воронежской губерніяхъ мѣсто, гдѣ большею частію находится страждущихъ каменною болѣзнію, то долженъ онъ служить на основаніи о губерніяхъ 1775 года учрежденія не иначе, какъ по контракту, а потому и не можетъ уже упражненъ быть съ желаемымъ успѣхомъ, но вмѣсто того упразднится въ обыкновенномъ лѣченіи и осмотрѣ того только города и уѣзда жителей, гдѣ помѣстится, и не можетъ уже свободно производить операцій, потому что при оныхъ онъ всегда безпрерывно быть долженъ нѣсколько времени, а состоя въ штатѣ, принужденъ будетъ по нарядамъ повсевременно не только въ городѣ, но и по уѣзду ѣздить для разныхъ осмотровъ и оставлять больныхъ безъ призрѣнія, чрезъ что сіе весьма и для медицинскаго факультета и храненія жизни человѣческой нужное искусство можетъ пресѣчься, а паче, что и учитель его Венедиктовъ, по немолодымъ лѣтамъ, время отъ времени ослабѣваетъ, а слабостію и операціи производить не въ силахъ будетъ.

«2) Поелику Медицинская Коллегія съ небольшимъ въ пять лѣтъ пріобрѣла себѣ искуснаго въ вынимaніи камней оператора, который по всѣмъ медико-хирургическимъ наукамъ и практикамъ достигъ штабъ-лѣкарскаго градуса, то и находитъ весьма нужнымъ къ дальнему распространенію его искусства, дабы онъ состоялъ подъ единымъ вѣдѣніемъ Коллегіи и, живучи въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ больше другихъ находится страждущихъ каменною болѣзнію, безпрерывно обучалъ даваемыхъ отъ Коллегіи учениковъ, дабы со временемъ можно было таковыми искусными людьми наполнить всѣ губерніи и распространить сіе искусство сколько можно. Показанный же штабъ-лѣкарь Горбатовскій на вопросъ Коллегіи увѣряетъ, что онъ даваемыхъ ему изъ госпиталей учениковъ, довольно анатомію знающихъ, чрезъ всякіе четыре года можетъ представлять достойными какъ въ лѣченіи страждущихъ каменною болѣзнію, такъ и въ вынимaніи чрезъ производство операціи камней. Къ скорѣйшему же распространенію сего искусства нужно имѣть ему учениковъ всегда при себѣ не больше трехъ человѣкъ, потому что, при произведеніи операціи надъ страждущими каменною болѣзнію, обыкновенно употребляется три человѣка.

«3) Такимъ образомъ, по молодымъ еще штабъ-лѣкаря Горбатовскаго лѣтамъ и по усердству его къ службѣ и обществу, надѣется Медицинская Коллегія чрезъ краткое время имѣть довольно искусныхъ лѣкарей сверхъ обыкновенной ихъ практики и въ лѣченіи страждущихъ каменною болѣз-

нію, и въ произведеніи надъ оными операцій, а оныхъ по искусству не оставитъ распредѣлить по губерніямъ на лѣкарскія и докторскія ваканціи съ такимъ ихъ обязательствомъ, чтобъ и они изъ состоящихъ тамъ учениковъ и подлѣкарей, сверхъ обыкновенной лѣкарской практики, старались совершенно въ лѣченіи и операціи каменною болѣзнію страждущихъ изучать и Коллегію увѣдомлять для перемѣщенія успѣвшихъ въ ономъ въ другія мѣста, чрезъ что нечувствительно сіе рѣдкое искусство и наука распространится по всей Россійской Имперіи.

«4) Для таковой по государству весьма нужной къ спасенію жизни человѣческой науки потребно ежегодно издержки самая малая сумма и не больше 760 рублей, ибо Коллегія полагаетъ упоминаемому штабъ-лѣкарю, въ разсужденіи его всегдашнихъ съ мѣста на мѣсто переѣздовъ, производить Е. И. В. жалованья по 400 рублей, а опредѣленнымъ къ нему ученикамъ, тремъ человѣкамъ, по 120 рублей. Но поелику не имѣетъ она у себя на таковую чрезвычайную и для государства весьма полезную надобность никакой суммы, то во уваженіе сихъ обстоятельствъ не благоволитъ ли Правительствующій Сенатъ испросить у Е. И. В. особливой на то годовой суммы, составляющей всего только 760 рублей, для распространенія таковаго государству полезнаго искусства. 28 сентября 1782 года.»

Сенатъ доложилъ это императрицѣ, и 28 октября послѣдовало высочайшее повелѣніе ассигновать въ ежегодное жалованье штабъ-лѣкарю Горбатовскому по 400 руб., да опредѣленнымъ къ нему тремъ ученикамъ по 120 руб. каждому. Сенатъ объявилъ Коллегіи это распоряженіе 9 ноября 1782 года, прибавивъ, что деньги должны быть ассигнуемы изъ той губерніи, гдѣ Горбатовскій будетъ жить, и изъ ближайшихъ къ той другихъ губерній.

Въ то же время Коллегія назначила къ нему трехъ учениковъ изъ Московскаго генеральнаго госпиталя, обученныхъ уже анатоміи, по выбору самого Горбатовскаго, а именно: *Евстафія Базилевича*, *Семена Краснолюдскаго* и *Никиту Гербанскаго*, а мѣстомъ жительства ему съ учениками назначила Курское намѣстничество.

Прошло два года. Эти молодые люди оказали достаточные успѣхи, и Горбатовскій донесъ Медицинской Коллегіи, что они, «кромѣ дѣланія операцій, успѣли въ чтеніи медицинскихъ книгъ» и потому заслуживаютъ быть допущенными къ подлѣкарскому

экзамену. По этому донесенію Коллегія предписала оператору Курской врачебной управы, штабъ-лѣкарю, надворному совѣтнику Андрею Беккеру, вмѣстѣ съ самимъ Горбатовскимъ, экзаминовать ихъ, и въ ноябрѣ 1784 года произвела всѣхъ въ подлѣкари и оставила ихъ для продолженія науки при Горбатовскомъ, съ прежнимъ жалованьемъ. Но при этомъ она дала знать мѣстной врачебной управѣ, что «впредь, при случаѣ просьбъ ихъ о произведеніи въ лѣкари, не производить дотолѣ, пока не утвердятся наилучше въ лѣкарской наукѣ при госпиталѣ.»

И. П. Венедиктовъ во все это время тоже не оставался безъ дѣла, но большею частію жилъ въ Москвѣ и нерѣдко даже ѣздилъ въ другіе города. Операціи его, по прежнему, были удачны, и между прочимъ, послѣ одной изъ нихъ, сдѣланной у крестьянина графа Шереметева, Сильвестра Овсянникова, онъ получилъ благодарность Медицинской Коллегіи (17 сентября 1786 года), за присылку извлеченнаго при этомъ камня, вмѣстѣ съ описаніемъ величины его и рисункомъ. Камень отличался тѣмъ, что казался составленнымъ изъ угля. Въ это время онъ имѣлъ уже чинъ коллежскаго ассесора и постоянно имѣлъ учениковъ изъ Московскаго госпиталя. Между прочимъ, одинъ изъ нихъ, *Василій Демьянович Кудрицкій*, около этого времени (12 октября 1786) произведенъ по экзамену въ Московскомъ госпиталѣ въ лѣкари и отправленъ въ Новгородсѣверское намѣстничество для лѣченія и операцій надъ больными каменною болѣзнію. Впослѣдствіи Кудрицкій (сынъ священника изъ села Воргла, Нѣжинскаго полка, первоначально учился въ Кіевской духовной академіи и оттуда, 9 марта 1779, поступилъ въ Московскій госпиталь) былъ штабъ-лѣкаремъ и операторомъ каменной болѣзни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уѣзднымъ врачемъ въ Глуховѣ (1799). Еще позднѣе были у Венедиктова учениками *Трофимъ Дмитріевичъ Минаевъ*, родомъ грекъ изъ Македоніи, учившійся сперва въ Московскомъ госпиталѣ (съ 25 ноября 1787 года) и поступившій къ нему 24 января 1790 года, и *Павелъ Кудрицкій*, родственникъ В. Д. Кудрицкаго, поступившій въ Московскій госпиталь 14 января 1790 года. Минаевъ по экзамену получилъ дозволеніе дѣлать операцію каменной болѣзни надъ живыми людьми 10 января 1799 года, съ обязательствомъ однакожъ приглашать врачей для присутствованія при производствѣ операцій. Оба эти

ученика, бывъ у Венедиктова, получали жалованья отъ Коллегіи только по 80 рублей, т. е. по младшему ученическому окладу.

И. П. Венедиктовъ имѣлъ сына *Ивана*, родившагося въ Москвѣ. Когда послѣднему исполнилось 14 лѣтъ отъ роду, Коллегія опредѣлила его при отцѣ «для обученія операціевъ и пользованія каменной болѣзни» лѣкарскимъ ученикомъ, съ жалованьемъ по 120 рублей изъ Московскаго штатнаго казначейства (20 іюня 1793). Родной племянникъ его, *Василій Антоновичъ Венедиктовъ*, также учился въ Московскомъ госпиталѣ (съ 16 февраля 1780), но не посвящалъ себя исключительному изученію каменной болѣзни. Онъ въ послѣдствіи былъ штабъ-лѣкаремъ въ Покровскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи (1799).

Вообще, съ опредѣленія на службу, т. е. съ 1776 по 1790 годъ, И. П. Венедиктовъ сдѣлалъ съ успѣхомъ 116 операцій каменной болѣзни [1]). Въ 1799 году получилъ онъ чинъ надворнаго совѣтника, но жалованье получалъ то же самое, какое опредѣлено было въ 1776 году, не смотря на приблизившуюся старость и увеличившуюся дороговизну жизни въ Москвѣ. Это заставило его написать къ барону А. И. Васильеву слѣдующее письмо (отъ 11 іюня 1800 года):

«Милостивѣйшій государь. Въ 1763 году, навыкнувъ отъ одного изъ родственниковъ моихъ искусству вынимапія камней у страждущихъ сею мучительною болѣзнію, для бо́льшаго усовершенія на основаніяхъ анатоміи и хирургіи, вступилъ я въ 1765 году въ морскую генеральную госпиталь, по долголѣтнемъ въ коей пребываніи и данномъ мнѣ экзаменѣ удостоенъ

---

[1]) Это однакожъ не есть полный счетъ произведенныхъ имъ операцій; по словамъ К. Гильтебрандта Венедиктовъ, въ теченіе 36 лѣтъ, произвелъ до 4000 операцій, и не смотря на грубость оперативныхъ пріемовъ, терялъ не болѣе 4 изъ 100 оперированныхъ. Такого числа одной и той же операціи не сдѣлалъ еще, и съ такимъ успѣхомъ, ни одинъ хирургъ на свѣтѣ. Отъ того Гильтебрандтъ и говоритъ, что Венедиктовъ tanto successu perfecit lithotomiam, ut omnem certe exsuperet admirationem.» И далѣе прибавляетъ: «Tam simplici ac rudi methodo aegros tractans noster Lithotomus, tantum abest, ut nulli veterum vel recentiorum etiam chirurgorum secundus sit, ut potius omnes longissime post se relinquat. Для интересующихся хирургическою исторіею камнесѣченія прибавимъ, что у Гильтебрандта, въ приведенной статьѣ, подробно описанъ способъ производства литотоміи, употреблявшійся Венедиктовымъ, равно какъ нарисованъ тотъ крестообразный столъ (табл. XI), къ которому послѣдній привязывалъ паціентовъ своихъ для производства операціи (только не въ формѣ андреевскаго креста, какъ недавно напечатано было въ *Матеріалахъ для исторіи московскихъ больницъ гражданскаго вѣдомства*.

я отъ Медицинской Коллегіи указа, дозволяющаго мнѣ практику въ цѣлой имперіи. Съ каковымъ успѣхомъ я оную (операцію) произвожу, доказываетъ съ одной стороны высочайшее порученіе съ 1776 года въ Екатерининской больницѣ мнѣ исключительно сей операціи, а съ другой—число излѣченныхъ мною благополучно, которое по сей 1800 годъ простирается до 2300 человѣкъ, едва не изъ всѣхъ губерній ко мнѣ пріѣзжающихъ, между коими многіе были въ глубокой старости, или же казались при послѣднемъ издыханіи.

«Желая быть полезнымъ государству и по смерти моей, не только обучаю я поручаемыхъ отъ генеральной (московской) госпитали учениковъ, изъ которыхъ приготовлены уже 13 человѣкъ операторовъ, отправляющихъ въ разныхъ губернскихъ городахъ, но обучаю теперь и сына, составляющаго все мое наслѣдіе, сему искусству, не щадя ни трудовъ, ни издержекъ.»

«Я получаю до сихъ поръ съ 1776 года изъ статскихъ конторскихъ доходовъ ежегодно по 400 руб., сумму, которая по нынѣшней возвышенности цѣнъ никакъ на мое содержаніе недостаточна.

«Милостивѣйшій Государь. Единожды принявъ правиломъ уважать справедливыя требованія вашихъ подчиненныхъ, удостойте взять и мое въ разсужденіе, а между тѣмъ простите мою смѣлость: я кромѣ васъ никого предстателемъ у трона не имѣю.»

Баронъ Васильевъ передалъ письмо въ Медицинскую Коллегію, которая опредѣленіемъ своимъ 5 мая 1800 года присудила дать ему прибавку жалованья, а именно къ 400 прибавить еще 200 рублей въ годъ.

Возвратимся теперь къ Горбатовскому и его курской школѣ. Послѣдними учениками его были: *Ѳедоръ Григорьевичъ Чернявскій* (сынъ кіевскаго мѣщанина, учившійся въ Кіевской академіи и оттуда поступившій въ Московскую госпитальную школу въ январѣ 1783), *Тимофей (Тимошъ) Добровольскій* (польскій шляхтичъ изъ Чернобиля, пріѣхавшій въ Москву черезъ Черниговъ въ 1785 году, а въ 1786 сентября 3 поступившій ученикомъ въ Московскій госпиталь) и *Иванъ Григорьевичъ Павловъ* (сынъ гардемебельскаго помощника при Московской мастерской оружейной палатѣ); но онъ не докончилъ ихъ спеціальнаго образованія, потому что неожиданно застигнутъ былъ смертью въ началѣ 1787 года.

На его мѣсто въ Курское намѣстничество, «для пользованія каменной болѣзни», опредѣленъ съ разрѣшенія Сената докторъ медицины Вилліамъ Галлидей, съ жалованьемъ по 400 рублей и съ назначеніемъ тремъ оставшимся тамъ ученикамъ Горбатовскаго по 120 рублей.

Докторъ *В. Галлидей (William Halliday)*, англичанинъ, родившійся въ Петербургѣ, сынъ лѣкаря Matthaeas Halliday, принятаго въ русскую службу въ 1753 и въ 1754 опредѣленнаго въ Спб. адмиралтейскій госпиталь, а потомъ уволеннаго отъ службы съ абшитомъ 7 іюня 1756. Галлидей-сынъ учился медицинѣ шесть лѣтъ въ Эдинбургскомъ и Тюбингенскомъ университетахъ, изъ коихъ въ послѣднемъ получилъ докторскій дипломъ 25 іюня 1785, напечатавъ диссертацію: *De investigandae crystalli fodinarum oeconomiae quibusdam periculis*. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ экзаминованъ былъ въ Медицинской Коллегіи 15 сентября 1785 и 18 сентября получилъ право практики, а 11 декабря опредѣленъ на службу докторомъ въ городъ Рыльскъ Курскаго намѣстничества. Тамъ онъ сдѣлался извѣстенъ, какъ хорошій операторъ, орловскому и курскому генералъ-губернатору генералъ-поручику Францу Николаевичу Кличкѣ, по представленію котораго и опредѣленъ Коллегіею (18 марта 1787) на мѣсто умершаго штабъ-лѣкаря Горбатовскаго. Онъ самъ желалъ этого мѣста, но, къ удивленію, не ужился на немъ, можетъ быть потому, что благодѣтель его, Кличка, вскорѣ замѣненъ былъ другимъ генералъ-губернаторомъ. Какъ бы то ни было, но ровно черезъ пять лѣтъ онъ сталъ проситься «за старостію» въ отставку и былъ уволенъ 19 апрѣля 1792 года. Однакожъ онъ, повидимому, не очень былъ старъ. Доказательствомъ служитъ то, что, послѣ увольненія изъ Курска, онъ пріѣхалъ въ Москву и опредѣлился губернскимъ докторомъ Московской губерніи, а потомъ, когда открывались врачебныя управы (черезъ пять лѣтъ послѣ его отставки), онъ просилъ себѣ лучшаго мѣста и былъ опредѣленъ (23 февраля 1797) операторомъ во Владимірскую врачебную управу. Но и это мѣсто не понравилось ему: еще не выѣхавъ, кажется, изъ Москвы, онъ опять подалъ въ отставку и окончательно уволенъ 28 апрѣля 1797 года. Впослѣдствіи онъ былъ докторомъ, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, при оспенномъ домѣ въ С.-Петербургѣ. При немъ былъ тамъ штабъ-лѣкарь

Миннеманъ, служившій при этомъ домѣ 24 года и умершій въ 1796. Сынъ послѣдняго, Илья Миннеманъ *(Elias Matthias Minnemann)*, учился сперва въ Калинковскомъ хирургическомъ институтѣ волонтеромъ (съ 26 іюля 1792 по 12 мая 1796), а потомъ находился при оспенномъ домѣ за лѣкаря. Въ сентябрѣ 1798 года онъ просилъ лѣкарскаго экзамена, но не выдержалъ его и 2 апрѣля 1800 года опредѣленъ волонтеромъ въ Спб. медико-хирургическую академію.

Предъ самымъ увольненіемъ Галлидея изъ Курска, три вышеозначенные ученика Горбатовскаго были экзаминованы, произведены въ лѣкаря и распредѣлены уѣздными лѣкарями: Черлявскій—въ городъ Богатый, Павловъ—въ Бѣлгородъ Курской губерніи, а Добровольскій оставленъ въ Курскѣ. Еще когда Галлидей просился въ отставку, генералъ-губернаторъ Орловскаго и Курскаго намѣстничествъ, генералъ-поручикъ Александръ Андреевичъ Беклешовъ, просилъ Медицинскую Коллегію (28 марта 1792) опредѣлить Добровольскаго на мѣсто Галлидея, «признавая достойнымъ къ заступленію мѣста оператора Галлидея, знающаго съ совершеннымъ искусствомъ какъ производить операціи, такъ и лѣчить каменныя болѣзни, яко человѣка начальствомъ его уже достойнымъ признаннаго и мною въ усердіи и прилежности усмотрѣннаго.» Въ заключеніи этого представленія прибавлена была просьба опредѣлить къ Добровольскому трехъ учениковъ. Коллегія, въ день увольненія Галлидея, утвердила Добровольскаго на его мѣстѣ, съ жалованьемъ по 400 рублей, и назначила ему трехъ учениковъ, съ жалованьемъ по 120 рублей каждому.

Тимофей Добровольскій оправдалъ рекомендацію Беклешова. Онъ вскорѣ сдѣлался знаменитымъ въ своемъ краѣ операторомъ каменной болѣзни и 15 іюля 1798 года произведенъ въ штабъ-лѣкари. Память о немъ живетъ въ Курскѣ еще и въ настоящее время. Но онъ былъ уже послѣднимъ учителемъ по избранной имъ медицинской спеціальности, не пережившей преобразованія Медицинской Коллегіи и госпитальныхъ школъ.

Однакоже послѣднимъ оффиціальнымъ операторомъ каменной болѣзни былъ ученикъ не этой школы. Это былъ подлѣкарь въ Орлѣ, *Савва Гудимъ*, утвержденный въ этомъ званіи (т. е. въ званіи подлѣкаря) 15 января 1789 года изъ тамошнихъ лѣкарскихъ учениковъ. Онъ представилъ (въ 1799 году) Орловской

врачебной управѣ, что болѣе 20 лѣтъ уже «*исцѣляетъ больныхъ каменною болѣзнію*», не только въ этой, но и въ сосѣднихъ губерніяхъ, и всегда съ успѣхомъ. Представленіе было, очевидно, преувеличено и хвастливо, потому что Гудимъ не могъ же не только дѣлать хирургическія операціи, но и лѣчить больныхъ цѣлыя 10 лѣтъ до производства своего въ подлѣкари (потому что это строго было запрещено не только лѣкарскимъ ученикамъ, но и подлѣкарямъ); однакожъ врачебная управа не затруднилась передать дѣло въ Коллегію, которая представила его барону А. И. Васильеву, а тотъ показалъ императору Павлу и — смѣлому Гудиму высочайше повелѣно дать чинъ титулярнаго совѣтника (21 января 1800 года). Гудимъ просилъ также, чтобы его признали оффиціальнымъ операторомъ каменной болѣзни съ соотвѣтственнымъ жалованьемъ: но въ этой просьбѣ было рѣшительно отказано. Однакожъ онъ не отказался отъ этой претензіи и обратился къ тайному совѣтнику Неплюеву съ прошеніемъ на Высочайшее имя и написалъ, что ему нечѣмъ жить и невозможно ѣздить для подаванія помощи больнымъ каменною болѣзнью въ разныхъ уѣздахъ губерніи. Неплюевъ переслалъ прошеніе къ барону Васильеву, который, собравъ кое-какія справки, доложилъ дѣло императору Павлу и 19 мая 1800 года состоялось повелѣніе назначить Гудиму по 200 р. годоваго жалованья изъ медицинскихъ суммъ.

X.

ТРИНА.

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЕ ДѢЛО

1778 года.

«*Указъ Е. И. В. изъ Правительствующаго Сената Медицинской Коллегіи.* По указу Е. И. В., Правительствующій Сенатъ, слушавъ донесеніе юстицъ-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ и изъясненное въ ономъ, присланное къ ней изъ Лифляндскаго Надворнаго Суда, слѣдственное дѣло о маіорѣ Христерѣ Вильгельмѣ Клотъ и женѣ его Елисаветѣ Луизѣ Стернстраль, въ произведенныхъ надъ умершею дѣвкою, называемою Триною, неслыханныхъ мученіяхъ, *приказали*: какъ по тому дѣлу и по прежнимъ свидѣтельскимъ показаніямъ оказалось, что маіорша Клотъ умершей крѣпостной своей дѣвкѣ, которой отъ роду было только десять лѣтъ, за то что она худо шила, обвязала пальцы по концамъ нитками, а обѣ руки паклею, маіоръ же Клотъ, стоя сзади, ухватя оную дѣвку за плечи, держалъ обвитыя такимъ образомъ руки ея надъ горящею лучиною, которую ихъ же служанка, дѣвка Лиза, подставлять должна была, отчего у помянутой дѣвки тѣло на рукахъ прогорѣло до самой кости; маіорша же Клотъ, стоя при томъ съ большою плетью, несчастной оной дѣвкѣ говорила: «Я тебя такимъ способомъ уже научу хорошо шить.» Съ симъ показаніемъ Анны Катерины Бахъ и дѣвки Лизы отвѣтъ свидѣтельницы Анны согласуетъ въ такомъ токмо образѣ, что какъ она, свидѣтельница, осенью 1777 года,

подъ руки умершей Тринѣ горящую лучину поддерживала, то въ то время не всѣ пальцы нитками обвиты и надъ горящею лучиною держимы были, а только указательные; но какъ умершая дѣвка весьма противилась, то маiорша Клотъ перевязала ей большой палецъ паклею и оный сама надъ огнемъ держала, въ которое время Анны Катерины Бахъ при томъ не было, а произвела сiе мученiе въ дѣйство маiорша сама и она, свидѣтельница; впрочемъ слышала де она, что таковое мученiе производимо уже было прежде, при Аннѣ Катеринѣ Бахъ и дѣвкѣ Лизѣ, но безъ нея, свидѣтельницы. А какъ нѣсколько недѣль послѣ того дѣвка Трина опять худо шила, потому что у нея отъ вышеписанной муки пальцы еще не зажили, то маiоръ Клотъ приказалъ ее раздѣть и въ одной рубашкѣ въ вечеру посадя въ погребъ, продержалъ ее тамъ до другаго утра, а потомъ выпустя въ рубашкѣ, билъ плетью; которую муку онъ не однократно повторялъ. Оная дѣвка должна была одинождь въ одной рубашкѣ сидѣть въ погребу цѣлые восемь дней и шить; а хотя она на погребной лѣстницѣ еще ужасно кричала и жаловалась, что ей холодно и что она голодна, однако избавленiя себѣ не получила, но, напротивъ того, маiорша Клотъ и малолѣтная ея дочь дѣвица Остманъ, да самъ маiоръ Клотъ, кричали ей: чтобъ она шитье свое изготовила, показывая ей хлѣбъ и другiе съѣстные припасы сквозь погребныя щели, и когда она просила и кричала, что она весьма голодна, то отвѣтствовано ей было, чтобъ она сперва все данное ей шитье изготовила, а тогда ей и ѣсть дадутъ; почему оная дѣвка Трина принуждена была питаться имѣвшимися въ погребѣ гнилыми кореньями. Сверхъ того, дѣвка Анна, при очной ставкѣ, маiоршѣ Клотъ въ глаза сказала, что она ее, Анну, плетью била за то, что она дѣвкѣ Тринѣ въ погребъ ѣсть приносила; да и кромѣ восьмидневнаго сего въ погребѣ содержанiя сажала Трину почасту на три и четыре дни въ погребъ. Во время восьмидневнаго содержанiя, маiоръ Клотъ, приведши ее изъ погреба въ людскую избу, гдѣ другiе его люди ѣли, привязалъ ей обѣ руки, распяливъ, къ долгому шесту и положилъ ей на одну руку немного масла, а на другую хлѣба, и держа ее, Трину, нѣсколько времени въ такомъ трудномъ положенiи, развязавъ ей руки, билъ плетью и, не давъ ѣсть, отвелъ опять въ погребъ. А какъ оная дѣвка Трина опять худо шила и за то ее не кормили, а она, не смотря на то,

наѣлась, то маіоръ Клотъ, разсердясь, самъ сѣкъ ее розгами до крови, а потомъ горничной дѣвкѣ Аннѣ велѣлъ передъ постелью своею насыпать большую груду соли и помянутую Трину раздѣвъ до нага и связавъ ей назадъ къ затылку руки, къ палкѣ, стянувъ ей притомъ и ноги, такъ что она пошевелиться не могла, положилъ кровью покрытое ея тѣло на соль, къ чему особливо самые большіе куски выбраны были, дабы оные въ раны войдти могли; потомъ онъ, маіоръ Клотъ, легъ въ постелю и оную дѣвку, когда она, будучи такъ размучена, кричала, билъ иногда лежащую плетью; жена жъ его, которая въ то время была больна и въ той же горницѣ на другой постелѣ лежала, примѣтя, что Трина съ соляной груды скатилась, говорила мужу своему: «Богъ вѣдаетъ, что вы такъ въ эту ночь разоспались: развѣ вы не видите, что Трина съ соляной груды скатилась?» почему онъ, пробудясь, началъ опять бить плетью и продолжалъ безчеловѣчіе сіе до самаго утра. Онъ же, маіоръ Клотъ, при помощи горничной дѣвки Анны, неоднократно стягивалъ Тринѣ поясъ такъ крѣпко, что животъ у ней кверху выжать былъ, за то только, что она поясъ, какъ сказывали, носила слабо; потомъ дѣвка Анна, по приказанію маіорши Клотъ, которая при томъ всегда съ плетью стояла, должна была оба поясные конца пришивать большими иглами съ обѣихъ сторонъ къ тѣлу; и какъ двѣ иглы, переломившись, остались въ тѣлѣ, то приказывано было въ разные дни мало по малу вынимать. Сверхъ того маіорша Клотъ дѣвку Анну ударила въ лицо такъ сильно, что у нея изо рта и изъ носа кровь потекла, и сѣкла плетью нещадно за то, что она Трину не довольно иглою колола. По прошествіи же четырехъ часовъ пришитый къ тѣлу поясъ спарывали ножикомъ, а нитки оставались въ тѣлѣ, отъ чего у умершей Трины сдѣлались раны, а на бокахъ разгноились большіе чирьи, которые вылѣчивали соленою водою. А какъ умершая Трина около мартынова дня опять лѣниво шила и безъ позволенія тайно наѣлась, то маіоръ Клотъ въ разныя времена, раздѣвъ ее до рубашки, въ десять часовъ вечера въ темную ночь и стужу, привязалъ самъ къ соснѣ передъ подклѣтомъ, или приказывалъ оное дѣлать ключницѣ Бахъ, грозя ей такимъ же наказаніемъ, буде она того не исполнитъ, и дѣвка Трина стояла въ такомъ положеніи до шестаго часа утра, не могши повернуться никуда, а потомъ, когда горничная дѣвка Анна ее развязала, то

она, отъ холоду омертвѣвъ, безъ памяти головою повалилась на веревку. По приказанію маіорши Клотъ должна была Трина стоять подлѣ стола босыми ногами на большой желѣзной щеткѣ и шить, а двѣ такія же поменьше лежали на столѣ, дабы ей, если обопрется объ столъ, переколоть себѣ руки; а чтобы она на щеткѣ стояла прямо, то привязывали ей къ шеѣ веревку и оную укрѣпляли къ ногѣ противустоящаго стола; когда же она, Трина, терпя таковыя мученія, плакала, то маіорша, озлясь еще больше, неоднократно приказывала дѣвкамъ ноги ея придавливать, такъ что зубцы кривились и окровавлены были, а сама стояла притомъ всегда съ плетью, и дѣвка Анна должна была поставить Трину на колѣни, ноги вдавливать силою, и при сей мукѣ нужды не было, ноги-ли, колѣни или лядвеи на щетку попадали; а когда дѣвка Анна не довольно давила, то маіорша била ее за то безъ пощады. А кровь, которая изъ ногъ вытекала, Трина должна была руками счерпывать и полъ вымывать; ключница Бахъ сама окровавленную щетку очищала, за что маіорша Клотъ, благодаря, ей говорила: «щетка опять стала какъ новая и думать нельзя, чтобъ Трина ее отвѣдала.» Во время помянутой муки маіоръ Клотъ Трину держалъ сзади за плечи крѣпко, и она такимъ образомъ мучима была почти ежедневно, даже еще за день передъ смертью, и притомъ безъ разбору, въ воскресенье и постные дни. Маіорша Клотъ требовала, чтобъ Трина въ одинъ день успѣвала сшить цѣлую мужскую рубашку; а когда она сего не исполнитъ, то она ее, окровавленную днемъ отъ побой и щетокъ, ввечеру приказывала раздѣвать до нага, связывать руки за спину и сажать въ ледникъ, гдѣ она отъ растаеннаго льда въ холодной водѣ по колѣно всю ночь препровождала; когдажъ спать ложилась, то дѣвкамъ Аннѣ и Лизѣ было приказано надѣвать на себя овчинныя шубы на выворотъ и шерстяныя рукавицы на руки, а потомъ издали бренчать мѣднымъ колокольчикомъ, спускаться въ погребъ и несчастную Трину царапать чесалками и щеткою до крови, причемъ ее напередъ стращали, что ночью придетъ чортъ, который ее царапать будетъ. Злосчастная оная дѣвка при таковомъ мученіи ужасно кричала и должна была въ ледникѣ сидѣть до слѣдующаго дня; а дѣвкамъ строго приказано было, чтобъ онѣ ее хорошенько до крови царапали, въ противномъ же случаѣ сами такому наказанію подвергнутся; а дабы Тринѣ тѣмъ вящше

усугубить мученія, то дѣвица Остманъ обрила ей всю голову, такъ что половина головы сзади была расцарапана до крови. Дѣвица Остманъ отъ матери своей, маіорши Клотъ, поставлена была въ чуланѣ, гдѣ молоко держалось, съ тѣмъ, чтобъ она присматривала, чтобы всѣ муки точно исполнены были. И сверхъ того еще нѣкогда ночью вставъ, ключницѣ Бахъ приказывано было идти въ погребъ и смотрѣть, чтобъ дѣвки Трину хорошенько царапали, и какъ означенная ключница идти не хотѣла, то маіорша грозила ей, что она съ нею на другой день также поступитъ, если на Тринѣ рубцовъ не видно будетъ; почему она, боясь такого мученія, хотя къ погребу ходила, но стояла внѣ онаго, поелику ужаснаго крику стерпѣть была не въ состояніи. А дѣвокъ маіорша Клотъ почасту била жестоко плетью, когда онѣ Трину не довольно царапали, которая всегда должна была нагая приходить къ ея постели, и она ее въ то время осматривала. Послѣ того по приказанію маіорши, которая сама при томъ всегда находилась и кричала, чтобъ Трину крѣпче сѣкли, помянутыя дѣвки попеременно розгами сѣкли до крови, а кухарка Лиза между тѣмъ должна была кровавыя раны обливать соленою водою, и потомъ оный несчастный ребенокъ сведенъ былъ нагой на дворъ и поставленъ на протекающемъ подъ мызою за лѣскомъ ручьѣ покрытомъ льдомъ, гдѣ по утру отъ восьми до десяти часовъ простоять и обагренное кровью платье свое мыть принуждена была. А какъ она сего, по причинѣ боли и холоду, исполнить не могла и плакала, то означенныя обѣ дѣвки, будучи тронуты плачемъ, свели ее на кухню, а платье вмѣсто нея сами вымыли, за что маіорша Клотъ, разсердясь, не только обѣихъ дѣвокъ высѣкла плетью, но дѣвку Трину, поставя на щетку на колѣни, давила оныя толь сильно, что зубцы скривились; а какъ ключница Бахъ осмѣлилась за Трину просить, то маіорша Клотъ, въ превеликой ярости, держа въ рукѣ щетку, подошла къ ней и показывая оную, говорила, чтобъ она молчала или она этою щеткою ее такъ накажетъ, что во всю свою жизнь помнить будетъ. Трина съ голоду нѣкогда ѣла сырую муку, которая отъ квашни у печки оставлена была; о чемъ маіорша Клотъ провѣдавъ и взявъ горсть муки, смѣшала съ пескомъ, высыпала на полъ и принудила ее оную муку, подобно собакѣ, слизывать. Тожъ самое сдѣлала она и въ другой разъ; а какъ она въ третій разъ

заставляла и Трина уже лизать не могла, то маіорша сѣкла ее нещадно плетью. Конюхъ Касперъ подъ присягою объявилъ, что онъ Трину, попеременно съ маіоромъ Клотомъ, до крови сѣкалъ и по два раза долженъ былъ ея голову чистить лошадиною скребницею до крови, а потомъ ротъ и руки мыть и стирать золою и соломою, при чемъ какъ маіоръ Клотъ, такъ и жена его сами находились. Также приказано ему было отъ маіорши, растопя смолу, вкладывать въ оную Тринины пальцы; но онъ изъ сожалѣнія, хотя дѣвица Остманъ при томъ смотрѣніе имѣла, бралъ смолу только теплую и обмазывалъ Тринѣ пальцы, которая принуждена была притворно кричать, будто ей весьма больно. А какъ у нея отъ многократныхъ побой и мученій были гніющія раны, отъ которыхъ происходила духота, то маіорша Клотъ утверждала, будто она пускаетъ вѣтры, приказала раздѣть ее до нага и тереть осокою съ пескомъ; дѣвка Лиза должна была обливать ее горячею водою, ключница же Бахъ стоять съ плетью и присматривать, чтобъ сіе два раза исполнено было. Когда дѣвку Трину намѣрены были сѣчь розгами, то маіоръ Клотъ и жена его оную связывали промежъ двухъ стульевъ, такъ что ей пошевелиться было нельзя, а потомъ сѣкли такъ безчеловѣчно, что со стульевъ кровь текла, такъ что уже когда земскій судъ на мызѣ Царнау производилъ осмотръ, то дѣйствительно на разныхъ стульяхъ примѣтилъ кровавыя пятна. Въ нѣкоторый субботній день вечеромъ, когда Трина въ кухнѣ платье свое мыла, приходила туда дѣвица Остманъ и говорила Тринѣ: «что ты тутъ дѣлаешь и выйдешь-ли когда?» А какъ Трина ей отвѣчала, что она платье свое моетъ и скоро будетъ, то та дѣвица отвѣтствовала ей: «развѣ ты уже не довольно долго тутъ стоишь? вотъ я тебя скорѣе прогоню.» Сказавъ сіе, положила желѣзную лопатку въ огонь и раскаливъ ее, устремилась на Трину, которая побѣжала въ покои; но дѣвица Остманъ умышленно сожгла ей щеку, такъ что долгое время послѣ того надлежало ее лѣчить, за что означенная дѣвица и наказана не была. Оная Трина еще за день передъ смертью своею, по приказанію маіора Клота, сѣчена была два раза розгами отъ старосты, и по показанію горничной, дѣвки Анны, стояла на желѣзной щеткѣ въ тотъ самый день, когда Трина умерла. Выползла она по утру на колѣняхъ въ горницу, затѣмъ, что на окровавленныхъ наканунѣ отъ щетки ногахъ ни

стоять ни ходить не могла, и бросившись въ горницу на полъ, лежала при послѣднемъ издыханіи; а какъ горничная дѣвка Анна боярамъ сказала, что Трина лежитъ на полу и не одѣвается, то маіоръ Клотъ, разсердясь и вскочивъ съ постели, вошелъ въ ту горницу, гдѣ она лежала, и сорвавъ со стѣны плеть, ударилъ Трину разъ. Но какъ ключница ему говорила: «къ чему онъ ее бьетъ? она уже умерла», то онъ въ сердцахъ подбѣжавъ къ ней, отвѣчалъ: «то умеръ чортъ. Развѣ умерь?» а потомъ, ударивъ мертвую Трину еще два раза, оттолкнулъ тѣло ея ногою.

«На которыя присяжныя свидѣтельскія показанія и маіоръ Клотъ и жена его отвѣтствовали, что хотя они, правда, изъ показанныхъ мучительствъ нѣкоторыя надъ Триною въ дѣйство и производили, отъ вспыльчивости, по причинѣ непослушанія ея, однако де свидѣтели, особливо ключница Бахъ и дѣвка Анна, оныя въ показаніяхъ своихъ гораздо увеличили, и притомъ о разныхъ обстоятельствахъ показали ложно, ибо де

1) умершей Тринѣ одинъ только разъ конецъ пальца былъ перевязанъ нѣсколько ниткою, потомъ обвернутъ немного льномъ и обожженъ;

2) оная дѣвка Трина никогда осьми дней, по токмо по три и по четыре дни въ погребѣ сиживала, да и никогда столько времени голодомъ морена не была, поелику они хлѣба не запирали и она сама оный брать могла;

3) чтожъ касается до подкладыванія соли, то ключница Бахъ о томъ впервые сама предлагала, и когда маіорша Клотъ на то не соглашалась, то она сказывала, что отъ того вреда не будетъ, ибо она въ Ригѣ таковыя наказанія уже видала;

4) маіорша Клотъ никогда не видала, что при пришиваніи пояса въ тѣлѣ когда бъ ломались иглы и чтобы ключница Бахъ при ней, маіоршѣ, когда переломленную иглу изъ тѣла вытащила, а была то нитка токмо, которую она вытянуть должна была;

5) ни горничная дѣвка Анна, ниже изъ другихъ дѣвокъ ни которая за то бита не была, что яко бы Трину не довольно наказывали;

6) когда Трина къ дереву привязана была, то она была одѣта; тожъ во всю ночь она привязанная не стаивала;

7) приказано не было Трину въ ледникѣ царапать желѣзною щеткою, но токмо чесалками;

8) она, маiорша Клотъ, не приказывала Тринѣ стоять два часа на льду, а велѣла токмо вымыть тамъ платье свое, которое она замочила, и въ то время какъ Трина постель свою омочила, горничная дѣвка Анна совѣтовала ей Трину наказать вѣникомъ и веревкою, говоря, что симъ симпатическимъ способомъ ее отъ того отъучить можно; притомъ дѣвка Трина вечеромъ, когда она шитье кончила, бита не была;

9) при слизываніи муки Трину не сѣкли;

10) она, маiорша, не приказывала дѣвку Трину обварнвать кипяткомъ, а мыть токмо теплою водою;

11) маiорши Клотъ дочь, дѣвица Остманъ, за то что она Тринѣ щеку обожгла каленнымъ желѣзомъ, наказана была отъ вотчима своего маiора Клота розгами;

12) когда дѣвку Трину отъ шеста отвязали, то ее плетью не сѣкли;

13) маiоръ Клотъ лежащую въ горницѣ Трину ударилъ плетью только разъ, не зная, что она была при послѣднемъ издыханіи; наконецъ

14) они, маiоръ Клотъ и жена его, строже обыкновеннаго съ нею, Триною, поступать побуждены были потому, что Трина изъ злости два раза подкладывала на чердакъ огонь и была весьма лѣнива, никакой не наблюдала чистоты, была упряма и великую имѣла склонность къ лакомству.

«Докторъ же *Тейблеръ* и городовой лѣкарь *Тругардъ*, по должности своей производя ранамъ и бою той умершей дѣвки свидѣтельство, хотя и видѣли, что она умерла точно отъ произведеннаго надъ нею мученія, но однакожъ, наровя Клоту въ закрытіи его преступленія, показали ложно, яко бы та дѣвка не отъ побой умерла, а отъ сдѣлавшейся внутри желудка инфламмаціи,—

«то о семъ обстоятельствѣ препоручить разсмотрѣніе Медицинской Коллегіи, съ тѣмъ, чтобъ оная, соображая произведенное надъ дѣвкою Триною безчеловѣчное мученіе, сдѣлала заключеніе, справедливо-ли было помянутыхъ докторовъ и лѣкаря свидѣтельство и показаніе, а потому представила бы Сенату, какому они, за оказанное въ семъ случаѣ противу своей присяги и должности пристрастіе, наказанію достойны. Августа 14 дня 1779 года.

«Подписали: оберъ-секретарь Василій *Крамаренковъ*, секретарь Василій *Матвѣевъ*, регистраторъ Иванъ *Гурьевъ*.»

Получивъ этотъ указъ, Медицинская Коллегія донесла сенату, что, во-первыхъ, въ ея вѣдомствѣ не состоитъ означенныхъ въ этомъ указѣ доктора Тейблера и лѣкаря Тругарда, и во-вторыхъ, въ указѣ не сказано, какое именно сдѣлали они заключеніе о причинѣ смерти несчастной Трины и на чемъ основали его; а потому просила доставить ей судебно-медицинскіе акты объ осмотрѣ и вскрытіи тѣла дѣвки Трины означенными докторами, съ ихъ заключеніями. Сенатъ предписалъ это исполнить юстицъ-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ, которая, 27 сентября того же года, и доставила Медицинской Коллегіи слѣдующіе два акта на нѣмецкомъ языкѣ (Доставленные акты, на нѣмецкомъ языкѣ, были тотчасъ переведены присяжнымъ переводчикомъ Медицинской Коллегіи Иваномъ Леманомъ *(J. C. Lehmann)* и приложены къ дѣлу въ подлинникѣ и въ переводѣ. Здѣсь они приводятся въ русскомъ современномъ переводѣ, потому что Медицинская Коллегія цитовала и изъясняла ихъ порусски).

«Царнау. Апрѣля 12 дня 1778 года.

АНАТОМИЧЕСКОЕ СВИДѢТЕЛЬСТВО

(Sections-Bericht).

1778 года апрѣля 11 дня, по данному мнѣ ордеру, осмотрѣлъ я, нижеподписавшійся, въ присутствіи г. пастора Зандена, также учителя Аллендорфскаго погоста (Allendorffschen Kirchspiel) и двухъ крестьянъ Царновскаго уѣзда (Zarnauschen Gebiete), тѣло умершей въ прошедшемъ 1777 году декабря 24 дня въ селѣ Царнау крѣпостной дѣвки Трины и при осмотрѣ моемъ нашелъ слѣдующее:

I. НА ПОВЕРХНОСТИ ТѢЛА.

Отъ влаги, которая изъ земли въ гробъ прошла, отдѣлялась верхняя кожица отъ всего тѣла при малѣйшемъ до нея прикосновеніи. А какъ исподняя кожа не весьма была подвержена гнилости, то слѣдующіе ясные изъявляла знаки отвнѣ нанесенныхъ поврежденій:

1) Позади лѣваго уха, на одинъ дюймъ выше отростка сосцеобразнаго, видны были три синіе рубца, длиною въ полтора, а шириною въ три четверти дюйма.

2) Вся та лѣвая сторона, отъ верхняго края висковъ до нижняго края нижней челюсти, была синя.

3) На головѣ, гдѣ соединяется швовъ костей боковыхъ со швомъ затылочной кости, видно было безобразное синее пятно, величиною въ ефимокъ.

4) Обѣ лопатки, отъ шеи до послѣднихъ короткихъ ребръ, были сини; такожъ и тѣло отъ плечъ до локтей и отъ крестцовой кости въ обѣ стороны до сгибовъ колѣнъ.

5) На нижнемъ краю лопатки правой стороны были два желтосиніе рубца, изъ которыхъ одинъ величиною въ три дюйма, другой въ $1^3/_4$ дюйма.

6) На правой сторонѣ, полудюймомъ ниже послѣдняго ребра, разстояніемъ на четыре пальца отъ заднихъ отростковъ спинныхъ позвонковъ, были двѣ раны, отдаленныя одна отъ другой на $^3/_4$ дюйма, изъ коихъ при маломъ сжиманіи текла пасока. Одна изъ сихъ ранъ окружностію равна была большой горошинѣ и проходила глубиною на одинъ дюймъ наискось между чревныхъ мышицъ; другая же вдвое была менѣе той, но полудюймомъ была прежней глубже. Однако обѣ сіи раны не проницали сквозь брюшину въ самое дупло брюха.

7) На обѣихъ задницахъ видны были многія дирки (Löcherchen) величиною въ булавочную головку; нѣкоторыя проходили въ тѣло на половину дюйма, а нѣкоторыя на $^1/_8$ дюйма.

8) На обѣихъ сторонахъ подъ бедрами и въ разныхъ мѣстахъ на лядвеяхъ были многія продолговато-круглыя раны различной величины, изъ коихъ самыя большія величиною были въ орѣхъ, а меньшія—въ посредственную горошину.

9) Тѣ части, которыя покрываютъ крестцовую кость и кость называемую os coccygis, изъявляли знаки бывшей на томъ мѣстѣ залѣченной раны, величиною болѣе ефимка.

10) На подошвахъ такіяжъ были дирки, какъ на задницахъ; но на правой ногѣ сіи дирки были изобильнѣе и всю покрывали подошву, а на лѣвой ногѣ онѣ большею частію были подъ пятою. Самая большая изъ сихъ ранъ была подъ большимъ пальцомъ правой ноги и проходила до самой кости.

II. ВНУТРИ ТѢЛА.

Въ желудкѣ и тонкихъ кишкахъ была инфламмація. Въ желудкѣ не болѣе четырехъ столовыхъ ложекъ находилось влажности, которая пахла гнилью и, будучи налита на горячее уголье, не загорѣлась, но кипѣла,

Внутренняя оболочка въ желудкѣ совсѣмъ сгнила. In intestino duodeno, jejuno, ileo et coeco калу было весьма мало; а in intestino colo et recto находилось болѣе калу.

Прочія же внутренности черепа, груди и брюха въ естественномъ были состояніи.

Чаятельно умершая дѣвка имѣла отъ рожденія одиннадцатый годъ.

Для большей довѣренности засвидѣтельствую вышерѣченное, по присяжной должности, своеручнымъ подписаніемъ имени моего. Въ Аллендорфскомъ пасторатѣ. Апрѣля 12 дня 1778 года. Лѣкарь *Михаель Урбанъ* (*M. Urbahn*).»

«*Въ Императорскомъ земскомъ судѣ* (*im Kayserlichen Hofgericht*) *11-го іюля 1778 года.*

«Какъ изъ здѣшняго Императорскаго земскаго суда присланы намъ, нижеподписавшимся, производимыя надъ г. маіоромъ К. В. фонъ Клотомъ (C. W. von Kludt) и женою его, урожденною Е. Л. фонъ-Стернстраль (E. L. von Sternstrahl) судныя дѣла, купно съ анатомическимъ свидѣтельствомъ лѣкаря Михаеля Урбана въ разсужденіи умершей въ селѣ Царнау въ прошедшемъ годѣ декабря 24-го дня дѣвки Трины, и требовано о томъ отъ насъ медицинское основательное мнѣніе, то мы по довольномъ чтеніи и разсужденіи сего дѣла заключили, что изъ показанныхъ въ анатомическомъ свидѣтельствѣ внѣшнихъ поврежденій тѣла ни одно само собою не можетъ почитаться смертельнымъ, но что сдѣлавшаяся въ желудкѣ и въ тонкихъ кишкахъ инфламмація была ближайшею причиною смерти. Чтожъ касается до сгнившей внутренней оболочки желудка, то хотя, повидимому, и кажется, якобы отъ принятаго во внутрь какого-нибудь ѣдкаго тѣла или яда она повредилась; но какъ найденная въ желудкѣ влажность вслѣдствіе анатомическаго свидѣтельства не загорѣлась, но кипѣла, когда оную налили на горящее уголье, и не имѣла запаху, какой ядовитыя вещи, а особенно мышьякъ, испускаютъ, то изъ сей порчи внутренней оболочки желудка заключать надлежитъ, что инфламмація весьма была велика.

«Когдажъ возьмемъ мы въ разсужденіе всѣ показанныя въ дѣлахъ жестокости, надъ умершею дѣвкою чиненныя, то должны признаться, что сильныя и часто повторенныя наказанія, страхъ, наведенный въ погребу, простуды, часто претерпѣнный голодъ и проч. въ десятилѣтнемъ человѣкѣ причинять могутъ разслабленіе силъ тѣлесныхъ, остановленіе крови, судороги и инфламмаціи. А какъ умершая дѣвка часто, и иногда нѣсколько

дней сряду, оставалась безъ пищи, то желудокъ отъ того былъ весьма раздраженъ и сжался, причемъ находящаяся въ желудкѣ влажность сдѣлалась сверхъестественно ѣдкою (das Menstruum ventriculi hat acrimoniam praeternaturalem angenommen), отъ чего внутренняя оболочка желудка болѣе еще раздражена была; а отъ чиненныхъ мученій, особливо простуды и наведеннаго страха, притеченіе соковъ къ раздраженному желудку и къ раздраженнымъ тонкимъ кишкамъ тѣмъ паче умножалось, отъ чего необходимо должно было воспослѣдовать инфламмаціи. Изъ чего явствуетъ, что многія и часто повторяемыя мученія были причиною найденной въ желудкѣ и въ тонкихъ кишкахъ инфламмаціи, отъ которой воспослѣдовала смерть. Рига, іюля 20 го дня 1778 года.

I. C. Teubler, D., польскій надворный совѣтникъ и практикующій въ здѣшнемъ мѣстѣ медикъ.

Anton Truchart, надворный совѣтникъ и первый здѣшній штадтъ-физикъ.»

Разсмотрѣвъ протоколъ судебно-медицинскаго изслѣдованія и приложенное къ нему заключеніе, Медицинская Коллегія представила въ Сенатъ копіи съ нихъ съ русскимъ переводомъ при слѣдующемъ донесеніи отъ 21 октября 1779 года:

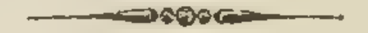
«Государственная Медицинская Коллегія, получивъ изъ Государственной Юстицъ-Коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ сентября 27 дня 1779 года промеморію въ разсужденіи дѣла, касающагося до замученной дѣвки Трины, и при оной промеморіи копіи анатомическаго осмотра, чиненнаго лѣкаремъ Урбаномъ, съ приложеніемъ іюля отъ 20 дня 1778 года мнѣнія доктора Тейблера и лѣкаря Тругарта, усмотрѣла, что докторъ Тейблеръ и лѣкарь Тругартъ вовсе не присутствовали при анатомическомъ осмотрѣ и ранъ не видѣли; а въ мнѣніи своемъ написали, что изо всѣхъ показанныхъ наружныхъ боевыхъ знаковъ ни единой порознь къ смертельнымъ приписаться не можетъ, но что найденная въ желудкѣ и тонкихъ кишкахъ инфламмація дѣйствительная есть причина смерти. Однако, сверхъ того, они въ мнѣніи своемъ изъясняются слѣдующими точно словами:

«Когдажъ возьмемъ мы въ разсужденіе всѣ показанныя въ дѣлахъ жестокости, надъ умершею дѣвкою чиненныя, то должны признаться, что сильныя и часто повторенныя наказанія, причиненное булавками и чесалками мученіе, страхъ наведенный въ погребу, простуды, часто претерпѣнный голодъ и проч. въ десятилѣтнемъ человѣкѣ причинять могутъ разслабленіе силъ тѣлесныхъ, остановленіе крови, судороги, инфламмаціи.

А какъ умершая дѣвка часто, и иногда нѣсколько дней сряду, оставалась безъ пищи, то желудокъ оттого былъ весьма раздраженъ и сжался, при чемъ находящаяся въ желудкѣ влажность сдѣлалась сверхъестественно ѣдкою; отъ чего внутренняя оболочка желудка болѣе еще раздражена была, а отъ чиненныхъ мученій, особливо простуды и наведеннаго страха, притеченіе соковъ къ раздраженному желудку и къ раздраженнымъ тонкимъ кишкамъ тѣмъ паче умножалось, отъ чего необходимо должно было воспослѣдовать инфламмаціи. Изъ чего явствуетъ, что многія и часто повторенныя мученія были причиной найденной въ желудкѣ и въ тонкихъ кишкахъ инфламмаціи, отъ которой воспослѣдовала смерть».

«Изъ сихъ словъ Правительствующій Сенатъ изволитъ усмотрѣть, что помянутый докторъ Тейблеръ и лѣкарь Тругартъ почитаютъ предпріятыя маіоромъ Клотомъ и женою его Стернстраль надъ десятилѣтнею дѣвкою мученія точною причиною смерти ея, Трины, на которое мнѣніе и Государственная Медицинская Коллегія согласна и полагаетъ, что вышеозначенное помянутыхъ доктора и лѣкаря свидѣтельство и показаніе было справедливо и они за оное никакому наказанію неповинны.

«Подписали: президентъ *Алексѣй Ржевскій*, секретарь *Иванъ Хоминскій*.»



XI.

КОНКУРСЪ НА ДОЛЖНОСТЬ ОПЕРАТОРА

ВЪ МОСКОВСКОЙ ГОСПИТАЛЬНОЙ ШКОЛѢ,

1795 ГОДА.

По мысли Петра I учрежденіе большихъ «генеральныхъ» госпиталей должно было имѣть двоякую цѣль: лѣченіе больныхъ и преподаваніе медицины. Такимъ образомъ еще при жизни Петра I учреждены были два сухопутныхъ (въ Москвѣ и С.-Петербургѣ) и три морскихъ «генеральныхъ» госпиталя (въ С.-Петербургѣ, Кронштадтѣ и Ревелѣ). Кажется даже, что онъ имѣлъ намѣреніе открыть еще и большее число большихъ госпиталей, но не успѣлъ привести этого намѣренія въ исполненіе [1]). Еще болѣе: даже и въ тѣхъ госпиталяхъ, которые открыты были при его жизни, онъ не успѣлъ завести медико-хирургическихъ училищъ, кромѣ одного Московскаго. Участникъ и исполнитель его предположеній по этой части, архіатеръ Ив. Лавр. Блюментростъ, уже послѣ его смерти старался привести въ исполненіе

---

[1]) Малые госпитали учреждены были имъ во многихъ другихъ мѣстахъ. Такъ, напримѣръ, еще въ 1722 году существовалъ морской госпиталь въ Казани (лѣкарь Пандерсъ (1722), а потомъ Кудрявцовъ (1726), Фридрихъ Арендтъ (1776)] и въ 1724 году адмиралтейскій же госпиталь въ Тавровѣ [лѣкарь Бартизіусъ (1724), а потомъ Пиретъ (1726)], Медицинскія школы открыты въ С.-Петербургскомъ и Кронштадтскомъ морскихъ госпиталяхъ только въ 1733 году и въ нихъ опредѣлены операторы, студіозы и рисовальные мастера, а въ другихъ госпиталяхъ штатъ ограничивался 1 лѣкаремъ и 2 подлѣкарями.

главную мысль Петра о размноженіи генеральныхъ госпиталей съ ученою цѣлію. Воспользовавшись пересмотромъ штатовъ Адмиралтействъ Коллегіи, онъ составилъ широкій штатъ адмиралтейскихъ госпиталей, который и былъ утвержденъ 20 января 1727 года. По этому штату предположено содержать сперва три «генеральныхъ» адмиралтейскихъ госпиталя: въ Петербургѣ, Кронштадтѣ и Ревелѣ, а потомъ 11 августа того же года прибавленъ еще одинъ генеральный морской госпиталь въ Астрахани. Въ каждомъ изъ нихъ назначено имѣть по одному старшему доктору и по одному главному лѣкарю, съ соотвѣтственнымъ числомъ другихъ чиновъ и лѣкарскихъ учениковъ. Наконецъ въ 1733 году открытъ морской госпиталь въ Архангельскѣ, такъ что съ этого послѣдняго времени считалось въ Россіи 6 морскихъ госпиталей (въ Петербургѣ, Кронштадтѣ, Тавровѣ, Казани, Астрахани и Архангельскѣ), но изъ нихъ «генеральными», т. е. учебными, успѣли сдѣлаться только два (петербургскій и кронштадтскій) и то не раньше 1733 года. Таже мысль о значеніи «генеральныхъ» госпиталей была выражена въ послѣдствіи и въ *Генеральномъ Регламентѣ о госпиталяхъ* (гл. II).

Но ни въ морскихъ, ни въ сухопутныхъ «генеральныхъ» госпиталяхъ, ни при Петрѣ I, ни при ближайшихъ его преемникахъ, не были разграничены въ штатахъ должности врачебныя отъ должностей учебныхъ: одни и тѣ же врачи обязаны были и лѣчить больныхъ и обучать медицинѣ присылаемыхъ имъ учениковъ и подлѣкарей. Вся заботливость правительства ограничивалась тѣмъ, что въ генеральные госпитали назначались такіе доктора и лѣкаря, которые казались болѣе способными исполнять обѣ эти обязанности. Разграниченіе ихъ началось только со времени *Генеральнаго Регламента о госпиталяхъ* (1735), составленнаго архіятеромъ Іог. Бернгардомъ Фишеромъ.

Руководствуясь потребностями времени и средствами къ удовлетворенію ихъ, архіятеръ Фишеръ ограничилъ въ регламентѣ число генеральныхъ госпиталей тремя (двумя въ Петербургѣ— сухопутнымъ и морскимъ — и однимъ (морскимъ) въ Кронштадтѣ [1]), но за то въ этихъ трехъ госпиталяхъ сдѣлалъ попытку

---

[1]) Въ регламентѣ вовсе не упомянутъ Московскій генеральный госпиталь, хоть онъ былъ старше остальныхъ и лучше организованъ. Причиною молчанія о немъ служило вѣроятно то, что онъ находился въ вѣдѣніи Синода, а не

отдѣлить (хоть и не вполнѣ) лѣчебную часть отъ учебной. Тутъ въ первый разъ внесены въ штаты генеральныхъ госпиталей операторъ, рисовальный мастеръ и студіозусъ (учитель латинскаго языка).

Такимъ образомъ въ госпитальномъ штатѣ въ первый разъ явилась должность оператора [1]). Она состояла почти исключительно

архіатера, будучи совершенно независимъ отъ этого послѣдняго, что еще со временъ Блюментроста кололо глаза всѣмъ архіатерамъ. А между тѣмъ упущеніе это имѣло важныя послѣдствія въ томъ отношеніи, что въ штатѣ Московскаго генеральнаго госпиталя не полагалась должность оператора до конца 1756 года, пока П. З. Кондоиди не вошелъ объ этомъ въ Сенатъ съ особымъ представленіемъ. Другая странность въ регламентѣ та, что вовсе не упомянуто въ немъ о генеральныхъ морскихъ госпиталяхъ, учрежденныхъ штатомъ 20 января 1727 года. Это доказываетъ, что означенные госпитали были «генеральными» только на бумагѣ, а не на дѣлѣ.

[1]) De facto должность оператора, какъ отдѣльнаго преподавателя анатоміи и хирургіи въ госпитальныхъ школахъ, существовала задолго до регламента, потому что задолго до того сознана была необходимость ея. Доказательствомъ этого могутъ служить слѣдующіе историческіе факты. Въ 1717 году принятъ въ русскую службу, по контракту на одинъ годъ, съ жалованьемъ по 250 р., лѣкарь Вилимъ Горнъ, «для показанія лѣкарямъ операцій, бандажей, а временемъ и въ анатоміи». Онъ показывалъ свои операціи въ Спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ. Въ 1719 году возобновленъ контрактъ съ нимъ, но уже для опредѣленія его «первымъ надворнымъ лѣкаремъ», съ жалованьемъ по 400 р. въ годъ. Уволенъ отъ службы 13 іюля 1742 года. —Другой примѣръ. Архіатеръ Ригеръ, желая сбыть съ рукъ жившаго при дворѣ при четырехъ императорахъ (Петрѣ I, Екатеринѣ I, Петрѣ II и Аннѣ Ивановнѣ) стараго лѣкаря (но считавшагося главнымъ лѣкаремъ Спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя, съ жалованьемъ по 600 р.) Іоганна Пагенкампфа, объявилъ словесное приказаніе императрицы Анны Ивановны 3 іюля 1732, чтобы онъ отправился въ Московскій генеральный госпиталь въ помощь Бидлоо, «для обученія учениковъ анатоміи и хирургическимъ операціямъ», съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ.— Наконецъ подтвержденіемъ этого можетъ служить и то еще, что въ тотъ самый годъ, когда утвержденъ *Госпитальный Регламентъ*, по пятью мѣсяцами раньше (21 августа 1735), по поводу мѣръ, считавшихся необходимыми къ улучшенію преподаванія въ Московской госпитальной школѣ, ослабѣвшаго въ послѣдніе годы жизни Бидлоо, архіатеръ Фишеръ представилъ императрицѣ обширный докладъ, въ первомъ пунктѣ котораго предлагалось, дабы «въ госпиталѣ два добрые оператора анатомическіе и хирургическіе, каждый по 300 рублевъ годоваго жалованья, содержаны были, изъ которыхъ каждой имѣть будетъ по двадцати по пяти лѣкарскихъ учениковъ обучать (по штатамъ тогдашнихъ генеральныхъ госпиталей полагалось имѣть: въ Московскомъ и Спб. сухопутномъ по 50, а въ Спб. адмиралтейскомъ и Кронштадтскомъ по 20 учениковъ) и для того онымъ надлежитъ въ госпиталѣ жить», а въ четвертомъ пунктѣ сказано: «коль часто возможно чрезъ зиму изъ полиціи мертвыя тѣлеса казненныхъ или другихъ найденныхъ мертвыхъ тѣлесъ подлыхъ-людей въ оную госпиталь

въ преподаваніи подлѣкарямъ и ученикамъ анатоміи и хирургіи и «въ частомъ разобраніи анатомическомъ въ палатѣ, опредѣленной на то въ госпиталѣ», въ присутствіи доктора или главнаго лѣкаря (если это вскрытіе судебное) и подлѣкарей съ учениками. Производство хирургическихъ операцій на живыхъ людяхъ случалось тогда не часто и могло быть предоставляемо какъ оператору, такъ и всякому другому лѣкарю, по назначенію доктора или главнаго лѣкаря (т. е. помощника госпитальнаго старшаго доктора). Наконецъ случалось, что на оператора возлагались учебныя обязанности, совершенно чуждыя его спеціальности; такъ напр. Г. Орреусу предписано было учить своихъ слушателей ботаникѣ и фармакогнозіи: но это бывало рѣдко и совершенно случайно, если только сами операторы не искали лишнихъ должностей изъ-за личныхъ выгодъ (какъ напр. Я. фонъ-Меллепъ, Гамменъ и Пагенкампфъ были въ одно время и операторами въ госпиталяхъ и городовыми акушерами, съ обязанностью обучать акушерокъ повивальному искусству).

Какъ бы то ни было, но должность оператора была исключительно учебная должность. А такъ какъ въ тѣ времена анатомія и хирургія составляли главные и существенные, а иногда даже и единственные предметы медицинскаго учебнаго курса, то званіе оператора пріобрѣтало все бо́льшій и бо́льшій вѣсъ и наконецъ чрезъ десять лѣтъ послѣ изданія регламента о госпиталяхъ вызвало слѣдующій указъ архіятера графа Армана Лестока:

«Понеже вездѣ между учеными людьми, тѣ, кои для обученія какой-либо науки, предпочтеніе имѣютъ передъ тѣми, кои едино практикуютъ

ко анатоміи присыланы да будутъ». Въ тоже время Фишеръ писалъ и въ Синодъ о необходимости имѣть въ Московскомъ госпиталѣ двухъ операторовъ съ полнымъ содержаніемъ, указаннымъ въ выше приведенномъ докладѣ, на счетъ синодальныхъ суммъ (на счетъ которыхъ содержался и весь этотъ госпиталь). Вообще въ этомъ докладѣ и предложеніи Синоду очерчено въ короткихъ словахъ почти все содержаніе будущаго Госпитальнаго Регламента; но при составленіи этого послѣдняго уже убавлено по одному оператору отъ каждаго госпиталя и постановлено имѣть ихъ уже не по два, а по одному. Другая важная особенность въ Регламентѣ та, что, не смотря на подробное изложеніе обязанностей всѣхъ госпитальныхъ чиновъ, въ немъ ни слова не сказано объ обязанностяхъ оператора, въ томъ какъ будто предположеніи, что онѣ достаточно уже опредѣлены давнимъ обычаемъ. А это, въ свою очередь, подтверждаетъ мысль, что значеніе операторовъ, еще до изданія регламента, давно уже опредѣлилось школьнымъ обычаемъ.

по той же наукѣ, и потому профессоры всякаго факультета преимущество и предпочтеніе вездѣ и всегда имѣютъ предъ практикующими докторами въ тѣхъ же факультетахъ; при госпиталяхъ же Е. И. В. находятся операторы для обученія подлѣкарей и учениковъ во анатоміи и хирургіи по Генер. о госпиталяхъ Регламенту: того ради по указу Е. И. В., Е. И. В. дѣйствительный тайный совѣтникъ, первый лейбъ-медикъ, директоръ главный надъ медицинскою канцеляріею и всѣмъ медицинскимъ факультетомъ, рейхсъ-графъ господинъ Лестокъ приказалъ: операторамъ имѣть преимущество и предпочтеніе предъ главными и прочими госпитальными лѣкарями, точію имъ, операторамъ, за тѣмъ въ дѣла главныхъ лѣкарей не мѣшаться, но отправлять порученныя имъ дѣла, и о томъ для вѣдома во всѣ госпитали послать указы. Марта 22 дня 1746 года.

Graf Lestocq.»

Съ тѣхъ поръ операторы сдѣлались непремѣнными членами госпитальныхъ школъ, наравнѣ съ профессорами и даже переименовываемы были въ профессора хирургіи безъ особеннаго экзамена, особенно если были нѣмцы. Только въ рѣдкихъ случаяхъ, по личному и національному предубѣжденію и ненависти нѣмецкихъ представителей медицинской нашей администраціи къ русскимъ, отказывалось иногда русскимъ операторамъ въ нѣкоторыхъ правахъ, существенно присвоенныхъ ихъ званію и закономъ и обычаемъ; но эти случаи бывали рѣдки, какъ явныя злоупотребленія нѣмецкой партіи, ревниво оберегавшей малѣйшія прерогативы корыстнаго своего преобладанія и неразборчивой на средства къ угнетенію русскихъ врачей. Такъ напр. въ позднѣйшее время, Медицинская Коллегія, указомъ 20 марта 1791 года, запретила оператору и профессору хирургіи въ петербургской госпитальной школѣ Я. О. Саполовичу «входить въ экзамены» (съ прочими профессорами) и давать свое мнѣніе объ успѣхахъ своихъ же учениковъ, на томъ лишь основаніи, что онъ считается операторомъ и операторское получаетъ жалованье, хоть и называется профессоромъ, а потомъ вскорѣ сама же принуждена была принять его въ свои члены. Но, повторяемъ, это было національное предубѣжденіе, съ грубою и безсильною злобою брошенное въ лицо человѣку, крѣпко стоявшему на такой высотѣ, на которой мелочная придирчивость къ названію должности не могла ни убавить, ни поколебать заслуженнаго авторитета.

Операторами госпитальныхъ школъ были, въ послѣдовательномъ порядкѣ, слѣдующія лица въ С.-Петербургскомъ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ: лѣкарь Іоганнъ Гюйонъ (*Joh. Guyon*), черезъ два года послѣ опредѣленія въ должность командированный, по случаю военныхъ дѣйствій, къ Азову, штабъ-лѣкаремъ. За отсутствіемъ его, должность оператора исправлялъ лѣкарь, а въ послѣдствіи штабъ-лѣкарь (съ рангомъ капитанъ-поручика арміи) Христофоръ Яковъ фонъ-Мелленъ (*Christopher Jacob von Mellen*), служившій прежде учителемъ госпитальныхъ лѣкарскихъ учениковъ (chirurgus-informator). Въ послѣдствіи, 19 мая 1738, онъ утвержденъ былъ операторомъ, а Гюйонъ опредѣленъ лейбъ-хирургомъ при особѣ принца Гольштейнъ-Готторпскаго (21 февраля 1742) [1]. Я. фонъ-Мелленъ около 28 лѣтъ исполнялъ должность оператора и имѣлъ счастіе дождаться, пока сынъ его сдѣлался докторомъ и преподавателемъ въ томъ же госпиталѣ. Онъ умеръ отъ грудной водянки въ глубокой старости, 15 декабря 1765 года. На его мѣсто опредѣленъ былъ (22 декабря 1765) изъ Москвы, состоявшій при тамошнемъ госпиталѣ сверхъ штата, послѣ возвращенія изъ поѣздки въ Китай, штабъ-лѣкарь Францъ-Лука Елачичъ (*Fr. L. Jaellatschitsch*). Но онъ былъ уже очень старъ и по донесенію доктора Христофора фонъ-Меллена (сына выше названнаго оператора фонъ-Меллена), отъ 21 февраля 1766 года, «глазами слабъ и разъ при обряженіи мертвыхъ тѣлъ обморокъ на него напалъ», а къ тому же попалъ подъ судъ за то, что выдалъ чужую «обсервацію» за свою и тѣмъ обманулъ Коллегію; поэтому онъ не долго оставался операторомъ и 18 декабря 1766 года отрѣшенъ отъ должности [2]. Послѣ него опредѣленъ въ должность оператора (на время) лѣкарь Вильгельмъ Моръ (*Wilh. Mohr*), произведенный 22 мая 1766 года изъ подлѣкарей того же госпиталя. Но онъ былъ болѣе прозекторомъ, чѣмъ операторомъ и не долго занималъ это мѣсто. Послѣ него въ

---

[1] Уже въ чинѣ статскаго совѣтника Гюйонъ получилъ докторскій дипломъ (2 февраля 1758) изъ Кильскаго университета и предъявивъ его архіятеру Я. Монсею, признанъ былъ безъ экзамена докторомъ медицины (7 февраля 1762). Указомъ Петра III, даннымъ Сенату 14 февраля 1762 года, онъ назначенъ лейбъ-медикомъ, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и съ жалованьемъ по 4000 р.

[2] Нѣкоторыя черты изъ біографіи обоихъ этихъ операторовъ напечатаны въ статьѣ: *Первыя акушерскія школы для повивальныхъ бабокъ въ Россіи.*

этомъ госпиталѣ долго не было операторовъ, а подлѣкари и ученики обучаемы были анатоміи и хирургіи операторами Спб. адмиралтейскаго госпиталя, вмѣстѣ съ учениками этого послѣдняго госпиталя. Послѣднимъ операторомъ Спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя былъ штабъ-лѣкарь Дмитрій Павловичъ Моренковъ, опредѣленный въ эту должность въ 1789 году (съ жалованьемъ по 300 рублей въ годъ) и въ слѣдующемъ году перечисленный въ адмиралтейскій госпиталь (см. ниже).

Операторами въ Спб. адмиралтейскомъ (морскомъ) госпиталѣ были: лѣкарь Іог. Балтазаръ Гангартъ (*Joh. Balthasar Hangart*), не имѣвшій, впрочемъ, опредѣленныхъ занятій при госпиталѣ, а состоявшій при Медицинской Канцеляріи (или какъ тогда говорилось: «у физическихъ дѣлъ») помощникомъ штадт-физика Мията. Онъ умеръ въ глубокой старости, ex febre miliari, 17 ноября 1739 года.

Послѣ его смерти архіятеръ І. Б. Фишеръ далъ приказъ, чтобы ученики адмиралтейскаго госпиталя ходили слушать анатомическія лекціи въ генеральный сухопутный госпиталь къ Христоф. Я. фонъ-Меллену (6 іюня 1740), по два раза въ недѣлю. Фонъ-Мелленъ принялъ ихъ, но за чтеніе для нихъ лекцій сталъ просить прибавки жалованья и 11 сентября архіятеръ потребовалъ для него изъ адмиралтейской коллегіи по 150 рублей прибавочнаго жалованья, до опредѣленія въ госпиталь ея особаго Оператора. Адмиралтейская Коллегія дала деньги, но 13 апрѣля 1742 года увѣдомила архіятера, что, по объявленію старшаго доктора адмиралтейскаго госпиталя Іог. Г. Сигезбека, фонъ-Мелленъ не такъ прилежно обучаетъ морскихъ лѣкарскихъ учениковъ, какъ сухопутныхъ, потому что знанія ихъ плохи и лучше бы было опредѣлить къ нимъ особаго оператора. Медицинская Контора произвела слѣдствіе, спросила по этому дѣлу доктора Іог. Г. Сигезбека, главнаго лѣкаря адмиралтейскаго госпиталя Зальцера и самого Я. фонъ-Меллена. Что оказалось по слѣдствію—неизвѣстно; но 28 іюня опредѣлено перевести фонъ-Меллена операторомъ въ адмиралтейскій госпиталь, съ жалованьемъ изъ Адмиралтейской Коллегіи по 306 рублей, съ тѣмъ однакоже, чтобы онъ помогалъ также профессору І. Шрейберу въ обученіи подлѣкарей и учениковъ и сухопутнаго госпиталя, а также и при производствѣ послѣднимъ «хирургическихъ опера-

цій и анатомическихъ дѣйствій», съ прибавкою за это жалованья по 150 р. въ годъ изъ суммъ Медицинской Канцеляріи. Но архіятеръ А. Лестокъ, находившійся въ Москвѣ, не утвердилъ этого опредѣленія медицинской конторы и приказалъ Я. фонъ-Меллену оставаться по прежнему въ сухопутномъ госпиталѣ и получать оттуда по 306 р., а морскихъ учениковъ обучать вмѣстѣ съ І. Шрейберомъ и получать за то дополнительное жалованье по 150 р. изъ Адмиралтейской Коллегіи; а чтобы адмиралтейскій госпиталь не оставался безъ оператора, то Лестокъ приказалъ перевести туда изъ сухопутнаго госпиталя лѣкаря Іог. Христ. Цубера (*Joh. Christian Zuber*), къ должности оператора, но лѣкаремъ же, до пріисканія лучшаго, съ жалованьемъ по 186 р. въ годъ, съ тѣмъ чтобы онъ обучалъ анатоміи учениковъ адмиралтейскаго госпиталя подъ надзоромъ Шрейбера и фонъ-Меллена.

Очевидно, что при опредѣленіи въ госпитальную школу проф. І. Шрейбера занятія Я. фонъ-Меллена должны были измѣниться: онъ сдѣлался прозекторомъ его, хранителемъ анатомическихъ инструментовъ и препаратовъ и въ тоже время оставался операторомъ по званію, т. е. производилъ операціи на живыхъ и мертвыхъ субъектахъ только по указанію и приказанію профессора. Прозекторскую же должность исполнялъ и лѣкарь Іог. Цуберъ. Только въ судебныя вскрытія мертвыхъ тѣлъ, уже производившіяся въ это время, профессоръ Шрейберъ, кажется, не вмѣшивался, потому что онѣ производились операторомъ въ присутствіи старшаго доктора или главнаго лѣкаря.

Но со смертію Шрейбера (умеръ 28 января 1760 года) работа и заботы Я. фонъ-Меллена значительно увеличились, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ еще читать лекціи повивальнымъ бабкамъ или по крайней мѣрѣ истолковывать имъ на русскомъ языкѣ то, что продиктуетъ понѣмецки докторъ «бабичьяго дѣла» А. Линдеманъ, а притомъ сталъ уже старъ и нуждался въ покоѣ. Все это заставило серьозно думать объ опредѣленіи особаго оператора въ адмиралтейскій госпиталь и къ этой должности назначенъ (13 марта 1763) лѣкарь (впослѣдствіи докторъ медицины и московскій штадт-физикъ) Густавъ Орреусъ (*G. Orraeus*), съ жалованьемъ по 300 руб. въ годъ, служившій при медицинской канцеляріи «у физическихъ дѣлъ», причемъ не былъ обиженъ и Я. Фонъ-Мелленъ убавкою жалованья чрезъ опредѣленіе Орреу-

са, такъ какъ правившій должность архіятера докторъ Я. Лерхе назначилъ ему, основываясь на планѣ о рангахъ, по 600 р. жалованья изъ одного сухопутнаго госпиталя (6 октября 1763), «чтобы онъ на старости не получалъ меньше прежняго». Орреусу, кромѣ прямой его должности, между прочимъ вмѣнено было въ обязанность учить подлѣкарей и лѣкарскихъ учениковъ адмиралтейскаго госпиталя «распознаванію травъ и кореньевъ официнальныхъ» и для того «въ свободное время ходить съ ними въ госпитальные огороды и ближнія поля, а временемъ и на Аптекарскій Островъ и въ аптекарскій садъ, изъ коего по требованію его предписано давать по временамъ нужныя травы и растенія отпускать въ госпиталь, причемъ толковать не только ихъ названія, но и лѣкарственное употребленіе и дѣйствіе», а въ награжденіе за это, 17 октября того же года, дано ему 60 рублей. Въ генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ эта обязанность возложена была на госпитальнаго аптекаря Клибера.

Орреусъ работалъ прилежно; но, поссорившись съ Медицинскою Коллегіею за докторскій свой дипломъ [1]), не могъ уже оставаться на службѣ и на его мѣсто назначенъ операторомъ (5 іюня 1769) лѣкарь (впослѣдствіи штабъ-лѣкарь, надворный совѣтникъ и членъ Медицинской Коллегіи) Юрій Гаммень (*Georg Daniel Hammen*), исполнявшій впослѣдствіи также должность городоваго акушера въ Петербургѣ. Онъ считался въ свое время хорошимъ хирургомъ и очень гордился этимъ. Между прочимъ онъ первый припомнилъ Лестоковъ указъ о преимуществѣ операторовъ передъ главными лѣкарями и затѣялъ офиціальный споръ съ штабъ-лѣкаремъ Мих. Геблеромъ о томъ, кому слѣдуетъ выше подписаться на экзаменномъ спискѣ учениковъ, штабъ-лѣкарю или оператору, такъ что Медицинская Коллегія тѣмъ только и прекратила споръ, что предписала каждому изъ нихъ представлять отдѣльные экзаменные списки (1779). Страннѣе всего въ этомъ спорѣ то, что хотя Гаммень и оспоривалъ значеніе штаб-лѣкарства, стараясь унизить его передъ операторствомъ, а между тѣмъ самъ три года спустя, когда былъ уже членомъ Медицинской Коллегіи и имѣлъ чинъ коллежскаго

---

[1]) См. статью: *Первый докторскій дипломъ, полученный по экзамену въ Россіи.*

ассесора, очень добивался его, какъ важной награды за заслуги, и успокоился тогда только, когда произведенъ былъ въ штабъ-лѣкари (6 января 1782) [1]).

Занятія въ коллегіи и по должности городоваго акушера отнимали у Гаммена очень много времени и потому онъ просилъ объ увольненіи его отъ должности оператора и уволенъ 21 декабря 1786, съ сохраненіемъ другихъ должностей. На его мѣсто операторомъ назначенъ (23 декабря) лѣкарь Спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя и прозекторъ госпитальной школы Яковъ Осиповичъ Саполовичъ (въ послѣдствіи штабъ-лѣкарь, профессоръ хирургіи, членъ Медицинской Коллегіи и директоръ Спб. инструментальнаго завода). Онъ имѣлъ званіе «оператора» еще прежде опредѣленія въ эту должность (съ 16 марта 1786) за удачное извлеченіе камней у многихъ больныхъ въ госпиталѣ. Четыре года спустя (6 мая 1790), онъ, «за добропорядочную службу», по предложенію главнаго директора Медицинской Коллегіи Фитингофа, произведенъ «профессоромъ хирургіи» въ обоихъ петербургскихъ госпиталяхъ, съ жалованьемъ по 470 руб. въ годъ.

На вакансію оператора, открывшуюся послѣ утвержденія Я. О. Саполовича профессоромъ хирургіи, перечисленъ изъ сухо-

---

[1]) Около этого времени (7 сентября 1783) прикомандированъ былъ Медицинскою Коллегію къ петербургскимъ госпиталямъ лѣкарь австрійской службы и операторъ Іосифъ Моренгеймъ (*Jos. Mohrenheim*), съ цѣлію читать хирургическія лекціи въ обоихъ здѣшнихъ госпиталяхъ на латинскомъ языкѣ четыре раза въ недѣлю (а для незнающихъ латинскаго языка—на нѣмецкомъ) и дѣлать хирургическія операціи въ госпиталяхъ при всѣхъ медицинскихъ чинахъ, а въ частной практикѣ при тѣхъ подлѣкаряхъ и ученикахъ, кого самъ выберетъ. Распоряженіе это основывалось на томъ, что Моренгеймъ принятъ былъ, по именному указу Екатерины II, въ русскую службу именно для преподаванія хирургіи и акушерства (съ чиномъ надворнаго совѣтника и съ жалованьемъ по 2000 р. въ годъ) въ Калинковскомъ повивальномъ институтѣ, который еще не былъ открытъ, и императрица дала указъ Коллегіи «употребить его покамѣстъ съ пользою, какъ въ разсужденіи лѣченія, такъ и преподаванія лекцій». Но Моренгеймъ рѣшительно отказался отъ всякихъ теоретическихъ лекцій, написавъ, что онъ призванъ только для практики и упражненій и не намѣренъ ничего дѣлать, пока ему не дадутъ нѣсколько палатъ à l'hôpital près de Kalinka. Коллегія не настаивала, но донесла объ этомъ отказѣ Моренгейма Сенату (31 октября 1783), уволила его отъ своей службы и прекратила выдачу отъ себя жалованья ему.

путнаго госпиталя операторъ Дмитрій Павловичъ Моренковъ (съ жалов. по 470 р. въ годъ) и кажется былъ послѣднимъ операторомъ въ петербургскихъ госпитальныхъ школахъ. Онъ уволенъ отъ службы по болѣзни, въ чинѣ колл. ассессора, 24 октября 1797 года, особымъ рескриптомъ императора Павла Петровича на имя барона А. И. Васильева, съ полною пенсіею [1]). Исполненіе операторской должности, послѣ увольненія его, поручено было (2 ноября 1797) адъюнкту анатоміи Петру Андреевичу Загорскому (съ жалованьемъ по 560 р. въ годъ), съ оставленіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ должности адъюнкта.

Съ этого времени должность оператора сдѣлалась уже ненужною; потому что входившія въ составъ ея учебныя обязанности перешли къ профессорамъ и адъюнктамъ анатоміи и хирургіи (и частію къ прозекторамъ) учрежденной въ Петербургѣ медико-хирургической академіи. Правда, она встрѣчалась иногда и при академіи, но уже не съ прежнимъ значеніемъ. Такъ въ 1809 году, по предложенію президента медико-хирургической петербургской академіи, опредѣленъ былъ къ академіи, по найму, операторъ Гриплау «для дѣланія анатомическихъ препаратовъ, лучшаго способа приготовленія ихъ, равно какъ и приведенія въ порядокъ тѣхъ изъ нихъ, кои находятся въ академіи», съ жалованьемъ по 1000 р. въ годъ изъ государственнаго казначейства, «пока въ немъ будетъ настоять надобность для академіи». Но, очевидно, отъ него требовалось больше механическаго мастерства, чѣмъ знаній, а потому академія и не долго чувствовала въ немъ «надобность».

Въ Кронштадтской госпитальной школѣ, открытой въ 1733 году, въ первыя двадцать лѣтъ не было, кажется, особыхъ операторовъ: по крайней мѣрѣ о нихъ не сохранилось въ архивныхъ бумагахъ офиціальныхъ свѣдѣній. Должность учителя анатоміи исполняема была по всей вѣроятности главными лѣкарями, при помощи лѣкарей того же госпиталя. Только съ половины прошлаго столѣтія постоянно уже были опредѣляемы операторы съ штатнымъ содержаніемъ, и первый изъ нихъ былъ лѣкарь

[1]) Въ послѣдствіи Д. П. Моренковъ былъ библіотекаремъ медико-хирургической петербургской академіи и только лѣтомъ 1801 года окончательно уволенъ отъ службы и уѣхалъ на родину въ Малороссію. Помощникомъ его при библіотекѣ былъ лѣкарь С. Ѳ. Гаевскій.

Генрихъ Энгель *(Heinr. Gottlieb Engel)*, въ послѣдствіи (21 декабря 1762) переведенный тѣмъ же званіемъ въ Московскій госпиталь на мѣсто Ф. Л. Елачича, отправленнаго съ гвардіи капитанъ-поручикомъ Кропотовымъ въ Китай. Въ Москвѣ онъ получилъ безъ экзамена дипломъ доктора медицины и исправлялъ должность профессора анатоміи (см. ниже). При переводѣ Энгеля въ Москву, должность оператора въ Кронштадтскомъ госпиталѣ временно поручена была лѣкарю того же госпиталя Ивану Ивановичу Форштейну (*Joh. Forstein*), занимавшему въ послѣдствіи весьма важныя должности по учебной части и бывшему (впрочемъ только номинально) штадт-физикомъ въ С.-Петербургѣ [1]). Однакоже въ этотъ разъ Форштейнъ не долго исправлялъ операторскую должность, потому что на нее скоро опредѣленъ былъ лѣкарь Христіанъ Блокъ (*Chr. Ludwig Block*). Случилось однакоже, что лѣкарь лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Людвигъ Доровіусъ уволенъ за преклонностью лѣтъ отъ службы и командиръ полка, премьеръ-маіоръ графъ Брюсъ, непремѣнно требовалъ, чтобы на его мѣсто опредѣленъ былъ изъ Кронштадта Хр. Блокъ. Медицинская Канцелярія исполнила его просьбу и перевела Блока (19 августа 1763), а исполненіе операторской должности въ Кронштадтскомъ госпиталѣ опять поручено Форштейну. Но и въ этотъ разъ онъ не долго исполнялъ операторскую должность и 31 іюля 1764 года переведенъ лѣкаремъ въ Архангелогородскій пѣхотный полкъ и прослужилъ въ немъ около 10 лѣтъ. Наскучивъ полковою службою, онъ сталъ проситься въ сентябрѣ 1772 года (по обычаю того времени) «на спокойное мѣсто, за слабостью здоровья и долговременностью службы» и переведенъ (24 февраля 1774 г.) опять въ Кронштадтскій адмиралтейскій госпиталь, «для обученія анатоміи и хирургическимъ операціямъ подлѣкарей и учениковъ, за оператора, впредь до усмотрѣнія его трудовъ и способностей», съ жалованьемъ по 306 р. 30 к. въ годъ. Три года спустя онъ утвержденъ былъ въ должности оператора «за долговременную службу» (1777). При учрежденіи Калинковскаго Медико-Хирургическаго Института

---

[1]) Онъ родился въ Финляндіи, въ Або, гдѣ отецъ его былъ пасторомъ, и принятъ лѣкарскимъ ученикомъ въ Спб. генеральный сухопутный госпиталь 23 февраля 1758 года, 28 февраля 1760 произведенъ въ подлѣкари, съ назначеніемъ въ Кронштадтскій госпиталь. Никогда не имѣлъ никакой высшей ученой степени.

(1783), онъ назначенъ туда профессоромъ анатоміи (1784), а потомъ, по смерти Кельхена, опредѣленъ управляющимъ учебною частью этого института (1793) [1]) и наконецъ начначенъ петербургскимъ штадт-физикомъ (1 мая 1799), съ оставленіемъ въ должности при институтѣ, съ жалованьемъ по 1000 р. въ годъ.

Послѣ перевода Форштейна въ Калинковскій институтъ, должность оператора въ Кронштадтскомъ госпиталѣ опять осталась вакантною, потому что не имѣлось достойнаго человѣка для замѣщенія ея. Наконецъ на нее опредѣленъ былъ (18 сентября 1785) лѣкарь морскаго корабельнаго флота швейцарецъ Эммануилъ Бей *(Emm. Louis Bay)*, сперва проэкзаминованный въ анатомическихъ демонстраціяхъ при Спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ въ присутствіи нѣкоторыхъ членовъ Медицинской Коллегіи. Онъ былъ не бойкій анатомъ и хирургъ, но къ счастью въ этомъ и не предстояло большой надобности, потому что годъ спустя, по новому штату Медицинской Коллегіи 15 іюля 1786 года, во всѣ госпитальныя школы назначены были преподавателями особые профессора и въ томъ числѣ въ Кронштадтѣ на кафедру анатоміи докторъ Карлъ Борнъ *(C. Friedrich Born)*, для котораго Бей долженъ былъ служить только прозекторомъ, и притомъ съ помощью исполнявшаго прозекторскую должность лѣкаря Іог. Кёрнера. Въ началѣ 1789 года Бей получилъ извѣстіе о тяжкой болѣзни отца своего въ Бернѣ, просилъ отпуска на 6 мѣсяцовъ въ Швейцарію и уволенъ (5 іюля 1789), а на его мѣсто къ операторской должности опредѣленъ прозекторъ школы лѣкарь Іог. Кернеръ *(Joh. Benjamin Körner)*, [2]). Онъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что въ 1790 году изобрѣлъ какой-то своего рода турникетъ, послалъ рисунокъ его въ Медицинскую Кол-

---

[1]) Послѣ смерти Кельхена, учебною частью института управлялъ нѣкоторое время бывшій ученый секретарь Медицинской Коллегіи докторъ Рейнегсъ, умершій въ 1793. Занявъ должность штадт-физика, П. И. Форштейнъ никогда не исполнялъ ея и только носилъ званіе штадт-физика, а обязанности штадт-физика исполнялъ докторъ Е. Еллизенъ. По правдѣ сказать, онъ не долженъ бы былъ и занимать этого мѣста, потому что за мѣсяцъ до его опредѣленія туда состоялся законъ, запрещавшій давать одному лицу двѣ должности.

[2]) Онъ былъ родомъ изъ Нарвы, сынъ слесаря, учился въ Спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ, куда принятъ ученикомъ 2 октября 1780 года, произведенъ подлѣкаремъ 8 іюня 1783 на корабельный флотъ, а 20 марта 1787 лѣкаремъ и 8 апрѣля того же года назначенъ прозекторомъ въ Кронштадтскую хирургическую школу (съ жалованьемъ по 250 руб.), а потомъ операторомъ (1789).

легію и за это произведенъ (10 февраля 1791) въ штабъ-лѣкари. Послѣ этого онъ не долго оставался при хирургической школѣ и кажется самъ перешелъ на службу обратно на флотъ и состоялъ на кораблѣ «Эмануилъ», гдѣ въ одинъ изъ пріѣздовъ императора Павла Петровича (4 августа 1799) лично произведенъ имъ (вторично?) въ штабъ-лѣкари. При немъ былъ прозекторомъ лѣкарь Семенъ Успенскій, въ послѣдствіи переведенный на прозекторскую должность въ Московскую госпитальную школу (6 сентября 1792).

Послѣ Кернера операторская должность занята была лѣкаремъ Ив. Өедоровичемъ Бушемъ *(Johann Busch)*, который послѣ отставки доктора Борна исполнялъ должность профессора анатоміи, съ прибавочнымъ за то жалованьемъ (всего получалъ въ 1795 году по 820 р. въ годъ). Дальнѣйшая исторія его не принадлежитъ сюда; скажемъ только, что послѣ увольненія изъ Калинковскаго института профессора Іог. Шлейснера *(Johann Heinrich Schleissner)*, И. Ф. Бушъ переведенъ (1797) на его мѣсто въ институтъ, съ прежнимъ операторскимъ жалованьемъ, и здѣсь получилъ званіе профессора (13 сентября 1797), съ которымъ и перешелъ потомъ въ Спб. медико-хирургическую академію.

Операторомъ на его мѣсто въ Кронштадтскій госпиталь переведенъ исправлявшій должность адъюнкта анатоміи и физіологіи при Спб. госпитальномъ училищѣ, штабъ-лѣкарь и прозекторъ Андрей Федоровскій (1797), съ жалованьемъ по должности оператора и съ прибавкою за чтеніе лекцій по 300 р. въ годъ. Черезъ два года онъ произведенъ былъ въ адъюнктъ-профессоры анатоміи (6 сентября 1799) [1]). Онъ былъ послѣднимъ операторомъ-преподавателемъ Кронштадтскаго госпиталя при существованіи въ послѣднемъ хирургической школы и даже пережилъ ее. Послѣ него операторомъ былъ тамъ лѣкарь Готл. Крафтъ *(Gottlieb Ernst Krafft* [2]*)* (1800), но уже не былъ преподавателемъ, потому что школа упразднена въ 1799 году.

---

[1]) Прозекторомъ при немъ въ Кронштадтской школѣ былъ Исай Маляревскій, а помощникомъ прозектора Василій Чебыкинъ, оба весьма дѣльные люди, приготовившіе много препаратовъ.

[2]) Родомъ изъ Риги, сынъ гевенмейстера тамошней портовой таможни, получившій образованіе въ Кронштадтской госпитальной школѣ, куда поступилъ ученикомъ 22 октября 1789.

Въ Московской госпитальной медико-хирургической школѣ, не смотря на давнее существованіе ея, званіе оператора возникло также со времени только *Госпитальнаго Регламента*, между тѣмъ какъ до него обязанности преподаванія анатоміи и хирургіи и анатомическая практика лежали на главныхъ лѣкаряхъ госпиталя. Первымъ операторомъ въ Московскомъ генеральномъ госпиталѣ былъ, какъ уже выше сказано, лѣкарь Іог. Пагенкампфъ, сосланный архіятеромъ Ригеромъ въ Москву въ знакъ немилости, подъ предлогомъ преподаванія анатоміи и хирургическихъ операцій (1732), а послѣ бѣгства изъ Россіи самого Ригера утвержденный тамъ въ должности оператора. Онъ былъ едва ли очень дѣятельнымъ преподавателемъ, потому что часто ѣздилъ въ различныя командировки [1]), а вступивъ въ должность городоваго акушера въ Москвѣ еще менѣе сталъ заниматься обученіемъ госпитальныхъ учениковъ. Наконецъ онъ возвращенъ ко двору съ прежнимъ званіемъ гофъ-хирурга (21 марта 1738). Между тѣмъ госпитальные ученики оставались безъ учителей, потому что, по причинѣ военнаго времени, почти всѣ лѣкаря раскомандированы были изъ госпиталя въ арміи Миниха и Ласси. Такъ напр. главнымъ лѣкаремъ считался штабъ-лѣкарь Кларнеръ, но состоялъ въ арміи (штабъ-лѣкаремъ 3 дивизіи въ арміи Миниха)

---

[1]) Іоганъ Пагенкампфъ пріѣхалъ въ Россію съ отцомъ своимъ (въ послѣдствіи фельд-медикомъ Іог. Пагенкампфомъ) въ 1703 году и въ 1721 вступилъ въ службу гофъ-хирургомъ. Въ 1730 онъ зачисленъ главнымъ лѣкаремъ въ Спб. генеральный сухопутный госпиталь, съ жалованьемъ по 600 р., но все оставался при дворѣ. Наконецъ въ 1732 переведенъ въ Московскій генеральный сухопутный госпиталь «для обученія учениковъ анатоміи и хирургическимъ операціямъ» (съ жалованьемъ по 300 р.) и оставался тамъ до 1738, когда опять возвращенъ ко двору съ прежнимъ званіемъ и жалованьемъ (600 р., съ прибавкою 120 р. на квартиру). Въ бытность въ Москвѣ, онъ въ 1734 году ѣздилъ въ секретную командировку съ капитаномъ Засѣцкимъ въ Нижній-Новгородъ, «для освидѣтельствованія опасныхъ болѣзней въ Козьмодемьянскѣ и Царевококшайскѣ». Въ 1735 онъ опять ѣздилъ съ маіоромъ Шиповымъ для осмотра полковъ, вышедшихъ изъ Персіи, а въ 1737 году—съ русскимъ посольствомъ на конгрессъ съ турками въ Немировѣ. Наконецъ въ 1738 году, за три недѣли до возвращенія ко двору, командированъ былъ на Донъ, въ армію генерала Ласси, вмѣстѣ съ подлѣкарями Горемыкинымъ и Яхонтовымъ. Въ 1745 году, безъ прошенія, отставленъ Лестокомъ отъ придворной службы и поселился въ Москвѣ. Обратившись исключительно къ акушерству, онъ перевелъ съ шведскаго книгу Горна *О бабичьемъ дѣлѣ*, при помощи московскаго профессора Барсова, исправившаго языкъ перевода. Умеръ въ Москвѣ 17 декабря 1765 года.

и даже вовсе не пріѣзжалъ въ Москву. Оставался только лѣкарь Кланке, которому приходилось и управлять госпиталемъ, и лѣчить больныхъ и исправлять операторскую должность. Даже при Московской Медицинской Конторѣ почти не осталось врачей. Тамъ были штадт-физикъ докторъ Іог. Шрейберъ и помощникъ его лѣкарь Г. Бекманъ (*Georg Beckmann*): но Шрейберъ 7 марта 1738 командированъ въ армію Миниха и уѣхалъ, сдавъ дѣла Бекману, съ тѣмъ чтобы послѣдній, въ случаѣ надобности, требовалъ совѣта по управленію медицинскими дѣлами отъ отставнаго доктора Шоберта. Вскорѣ однакожъ и Бекманъ отправленъ въ Изюмъ (Бѣлгородской губерніи), съ дѣйств. стат. сов. Баскаковымъ, для принятія мѣръ противъ чумы, а управленіе медицинскою конторою совсѣмъ поручено Шоберту, съ тѣмъ что если онъ за болѣзнію не въ состояніи будетъ работать, то передалъ бы дѣла ботанику Московскаго медицинскаго огорода (ботаническаго сада), доктору Трауготу Герберу (*Traugott Gerber*), а въ помощь ему, для лѣченія колодниковъ, назначилъ лѣкаря Серебрякова.

При такомъ недостаткѣ медиковъ въ Москвѣ, причиненномъ потребностью ихъ для войскъ, дѣйствовавшихъ противъ турокъ и для принятія мѣръ противъ чумы, Медицинской Канцеляріи, или лучше сказать, архіятеру Фишеру пришла мысль возложить ученіе въ госпитальной школѣ на Тр. Гербера, на томъ основаніи, что «по свидѣтельству лейпцигскаго профессора анатоміи Вальтера, онъ въ анатоміи доброе искусство имѣетъ» и потому «сверхъ должности ботаника при медицинскомъ огородѣ, склонить его операторомъ быть и учениковъ учить», съ добавочнымъ жалованьемъ, положеннымъ оператору (т. е. по 300 р.), на время, пока другой пріисканъ будетъ.

Въ томъ же опредѣленіи Медицинской Канцеляріи (1 іюня 1738) архіятеръ Фишеръ высказалъ другую мысль, которая могла бы принести самые благотворные плоды, еслибъ тотчасъ приведена была въ исполненіе. Она состояла въ томъ, что «какъ нужда настоитъ, то донести въ кабинетъ, чтобы послать въ Парижъ нѣсколькихъ молодыхъ лѣкарей, которые моглибъ тамъ утвердиться, чтобы въ россійскомъ государствѣ операторами быть и другихъ обучать могли». Онъ даже началъ было и дѣло о посылкѣ молодыхъ людей за границу, но не кончилъ его.

И такъ нужда заставила сдѣлать ботаника операторомъ. Герберъ принялъ должность и хорошо ли, дурно ли исправлялъ ее почти цѣлый годъ (до 1 апрѣля 1739) и отказался отъ нея потому только, что синодальная Коллегія экономіи отказалась давать ему за эту должность прибавочное жалованье [1]). Тогда обученіе лѣкарскихъ учениковъ анатоміи и хирургіи поручено Л. Кальдервуду, опредѣленному изъ гофъ-хирурговъ главнымъ лѣкаремъ въ Московскій генеральный госпиталь, при чемъ ему поручено и обученіе учениковъ (1738), до пріисканія оператора.

Лѣкарь Льюисъ Кальдервудъ (*Lewis Calderwood*), шотландецъ, первоначально былъ лѣкаремъ въ гвардейскомъ Преображенскомъ полку, откуда 14 мая 1730 переведенъ ко двору первымъ гофъ-хирургомъ, съ жалованьемъ по 600 руб. Послѣ поступленія въ Московскій госпиталь, онъ едва ли не одинъ преподавалъ весь тогдашній курсъ медицины—хотя, по должности его (главнаго лѣкаря), это и не должно бы входить въ его обязанности — отъ того что старшій докторъ Антонъ Тейльсъ (*Ant. De-Theyls*), преемникъ Бидлоо, вовсе не приготовленъ былъ сдѣлаться учителемъ, да и самъ не желалъ того, по старости лѣтъ. И вѣроятно у Кальдервуда не худо шли дѣла, потому что опредѣливъ его къ должности оператора только на время, до пріисканія другаго, способнаго занять эту должность, его оставили въ этой должности цѣлыя десять лѣтъ [2]). Помощникомъ ему при обученіи служилъ

---

[1]) Тр. Герберъ пріѣхалъ въ Россію изъ Лейпцига и опредѣленъ къ Московскому медицинскому огороду 10 сентября 1734, по капитуляціи на 4 года, съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ и съ казенною квартирою и дровами. Въ 1738 капитуляція возобновлена съ нимъ еще на 3 года.

[2]) Въ архивныхъ дѣлахъ сохранилось нѣсколько судебно-медицинскихъ актовъ, составленныхъ Л. Кальдервудомъ, почти по одному и тому же образцу. Вотъ образчики ихъ:

«Сего 1744 году мая 15 дня прислано было изъ полицеймейстерской канцеляріи второй команды мужеска пола мертвое тѣло въ Московскій генеральный госпиталь для осмотру, которое и осматривано; а по осмотру наономъ тѣлѣ никакихъ наружныхъ и внутреннихъ опасныхъ знаковъ не явилось, точію по всему видно, что удавленъ; и оное тѣло обратно отдано десяцкимъ, 1744 году мая 16 дня. № 211. *Lewis Calderwood*».

Другое тѣло также «было осматривано и опасныхъ знаковъ не явилось, точію по вскрытіи усмотрѣно, что отъ пьянства умре. 1744 году іюля 14. № 284».

О тѣлѣ одной женщины сказано, что опасныхъ знаковъ на немъ никакихъ не было, «точію стара и дряхла, а по вскрытіи усмотрѣно, что печенка попортилась и сердце заросло хрящемъ, отъ чего и умре. 1744 году октября 31 дня. № 432».

землякъ его, англичанинъ, лѣкарь Генр. Скримэоръ *(Henr. Scrimsour)*, опредѣленный въ Московскій госпиталь (Блюментростомъ, 14 мая 1740) лѣкаремъ (съ жалованьемъ по 240 р., къ которому въ 1750 году, по ходатайству Блюментроста, прибавлено еще 60 р.). Но въ 1751 году Скримзоръ произведенъ въ штабъ-лѣкари и отправленъ въ Ригу, къ тамошнимъ армейскимъ полкамъ, и Кальдервудъ опять остался одинъ управлять и руководить школою, пока наконецъ опредѣленъ былъ въ госпиталь доцентомъ докторъ Ад. Винклеръ *(Adolph Bernhard Wincler)*, не долго впрочемъ остававшійся на этомъ мѣстѣ [1]).

Кальдервудъ умеръ 24 іюня 1755 года, исправляя, за отъѣздомъ Блюментроста (также въ это время умершаго въ Петербургѣ), должность старшаго доктора Московскаго госпиталя [2]). На открывшуюся послѣ него вакансію явилось много искателей; но изъ нихъ опредѣленъ былъ главнымъ лѣкаремъ (29 іюля 1755)— лѣкарь Спб. генеральнаго сухопутнаго госпиталя Іог. Гольдманъ *(Johann Goldmann)*, съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ, а вакансія госпитальнаго оператора опять осталась незанятою.

Излагая нужды Московскаго генеральнаго госпиталя, необходимость увеличить его помѣстительность и расширить штатъ, П. З. Кондоиди писалъ 25 мая и 11 сентября 1756 года въ Военную Коллегію и въ Главный Коммиссаріатъ, что въ госпиталѣ нѣкому дѣлать операцій, учить анатоміи и хирургіи и въ тоже время лѣчить больныхъ, и просилъ ассигновать сумму на необходимое число необходимыхъ лицъ, съ тѣмъ, что если сами эти правительственныя мѣста не могутъ дать денегъ, то попросили бы ихъ у Сената. Военная Коллегія отвѣчала, что надобно войдти въ Сенатъ, что Кондоиди и сдѣлалъ, и Сенатъ 24 декабря 1757 года опредѣлилъ: прибавить къ штату Московскаго генеральнаго сухопутнаго госпиталя 1 оператора, 2 лѣкарей и 6 подлѣкарей, съ жалованьемъ и довольствіями отъ коммиссаріата [3]). И только послѣ

---

[1]) Онъ былъ очень вспыльчивъ, часто билъ своими руками и больныхъ и госпитальную прислугу и за это удаленъ изъ госпиталя

[2]) Вдова его, француженка по происхожденію, Евва Ефимовна, получила за службу мужа пожизненную пенсію 1/8 часть его жалованья.

[3]) Въ сенатскомъ указѣ по этому дѣлу Московскій госпиталь названъ «Московскимъ генеральнымъ *сухопутнымъ* госпиталемъ» и съ тѣхъ поръ, по приказанію Кондоиди, сохранилъ это названіе до императора Павла Петровича.

этого, уже на дѣйствительно штатную вакансію оператора, опредѣленъ (25 января 1756) «исправляющимъ должность оператора» возвратившійся изъ поѣздки въ Китай лѣкарь Францъ Лука Елачичъ (о которомъ выше говорено было), съ тѣмъ, что когда окажется способнымъ къ этой должности, то будетъ утвержденъ въ ней. Елачичъ былъ вовсе не способенъ къ этой должности, но за то искателенъ, пронырливъ и не разборчивъ на средства къ достиженію своихъ цѣлей. Онъ съумѣлъ поддѣлаться къ старшему доктору госпиталя Анастасію Ника (*Anastasius Nica*) и тотъ аттестовалъ его достойнымъ операторскаго званія, почему Медицинская Канцелярія и утвердила его операторомъ (22 ноября 1757), поручивъ въ особенности заботиться о составленіи анатомическаго кабинета: «отъ времени до времени стараться ему совокупить всякіе препараты внутреннихъ человѣческихъ частей чрезъ спринцованіе воскомъ, высушеніе и бальзамированіе, также и скелетовъ человѣческихъ мужеска и женска пола и порозно выбѣленныхъ человѣческихъ костей». Къ счастію для Московской школы, именнымъ указомъ 9 октября 1762 онъ опять командированъ былъ въ Китай съ гвардіи капитанъ-поручикомъ Кропотовымъ и по возвращеніи оттуда въ 1764 году уже не могъ получить здѣсь прежней должности и переведенъ въ Петербургъ, гдѣ и кончилъ свою карьеру несовсѣмъ завиднымъ образомъ.

Послѣ него операторомъ назначенъ (21 декабря 1762) изъ Кронштадтскаго адмиралтейскаго госпиталя штабъ-лѣкарь Генрихъ Энгель (*Heinrich Gottlieb Engel*), исправлявшій уже и тамъ операторскую должность.

Генрихъ Энгель, родомъ изъ Мекленбурга, учился медицинѣ въ Спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, куда поступилъ ученикомъ въ 1741 году. Въ 1743 онъ произведенъ подлѣкаремъ въ Астраханскій драгунскій полкъ, а оттуда черезъ десять лѣтъ (1753) переведенъ лѣкаремъ въ Кронштадтскій адмиралтейскій госпиталь и, кромѣ ординаторской должности, преподавалъ ученикамъ тамошней медицинской школы (съ 12 іюля 1754) латинскій языкъ, т. е. замѣнялъ студіоза. 6 мая 1758 года произведенъ въ операторы и потомъ перемѣщенъ на операторскую же должность въ Московскій генеральный госпиталь. Здѣсь получилъ онъ званіе штабъ-лѣкаря и чинъ коллежскаго ассесора. Наконецъ, прослуживъ около 40 лѣтъ, онъ написалъ (12 іюля

1781) слѣдующее прошеніе въ Медицинскую Коллегію: «Въ изслѣдованіи сложенія человѣческаго тѣла и его наружныхъ и внутреннихъ частей упражненіе подало мнѣ случай пріобрѣсть разныя въ томъ примѣчанія и увидѣть на тѣлахъ человѣческихъ такія чрезвычайныя вещи, которыя весьма рѣдко или, сколько мнѣ извѣстно, еще и вовсе не были примѣчены. Изъ числа такихъ рѣдкостей есть та, что я при открытіи одного женскаго тѣла нашелъ, что у него ни наружныхъ, ни внутреннихъ къ плодородію нужныхъ частей не было. Такой неслыханный недостатокъ нашего тѣла я почелъ за нужное всему свѣту особымъ печатнымъ сочиненіемъ сообщить, за которое королевскій Кенигсбергскій университетъ достоинствомъ медицины доктора меня наградилъ». Къ этому прошенію Энгель приложилъ присланный ему изъ Кенигсберга дипломъ и просилъ позволенія называться докторомъ и остаться при прежнемъ мѣстѣ службы. Медицинская Коллегія поручила московскому штадт-физику доктору А. Ф. Шафонскому «имѣть съ нимъ разговоръ о предметахъ, принадлежащихъ до знанія доктора медицины» и въ сентябрѣ 1781 позволила ему называться *докторомъ*. Въ послѣдніе годы жизни Энгель былъ очень дряхлъ и слабъ, такъ что за него читалъ лекціи и исправлялъ операторскую должность прозекторъ Панковскій. Онъ умеръ 11 февраля 1785 года [1]).

На его мѣсто назначенъ (28 февраля тогоже года) операторомъ изъ Кіева, остававшійся тамъ за штатомъ, штабъ-лѣкарь Іог. (Иванъ Дорофеевичъ) Гильтебрандтъ (*Joh. Gottlieb Hiltebrandt*), въ послѣдствіи докторъ медицины и профессоръ хирургіи въ Московской медико-хирургической академіи.

Іог. Гильтебрандтъ родился въ Аренсбургѣ, на островѣ Эзелѣ, и первоначальное образованіе получилъ въ городской приходской школѣ, а оттуда поступилъ въ ученики къ ревельскому городовому лѣкарю Христ. Риттеру (*Andr. Arnold Christoph Ritter*) и черезъ три года ученія произведенъ имъ въ подлѣкари. Тогда онъ отправился искать счастія въ Россію и пріѣхавъ въ Петербургъ,

---

[1]) Сынъ оператора Г. Энгеля, Іоганнъ Энгель, учившійся въ Московской школѣ, былъ въ послѣдствіи прозекторомъ анатоміи при Петербургской госпитальной школѣ, во время преобразованія послѣдней въ медико-хирургическую академію.

принятъ въ службу (6 сентября 1764) подлѣкаремъ въ Спб. генеральный сухопутный госпиталь сверхъ комплекта (до вакансіи), съ жалованьемъ по 10 к. въ день, помѣсячно. Служба эта была, конечно, не привлекательна и неспособна питать большихъ надеждъ, между тѣмъ какъ молодой Гильтебрандтъ только и думалъ, какъ бы составить карьеру. По этому онъ началъ искать другаго, болѣе выгоднаго, мѣста и вскорѣ нашелъ его: черезъ три мѣсяца послѣ поступленія въ госпиталь онъ подалъ прошеніе въ Медицинскую Коллегію объ увольненіи изъ ея вѣдомства отъ службы, для того, что его приглашаетъ къ себѣ «для пользованія домашнихъ своихъ» генералъ-фельдмаршалъ графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, на собственномъ его коштѣ, и былъ уволенъ изъ госпиталя и изъ вѣдомства коллегіи съ абшитомъ (14 декабря 1764).

Долго ли находился Гильтебрандтъ въ этой частной службѣ и почему оставилъ ее — неизвѣстно. Но черезъ двадцать лѣтъ мы встрѣчаемъ его штабъ-лѣкаремъ второй дивизіи подъ командою графа П. А. Румянцова-Задунайскаго, оставшимся при переформированіи арміи въ 1784 году въ Кіевѣ за штатомъ [1]), но съ сильною протекціею. И по этой-то протекціи, едва открылась операторская вакансія въ Москвѣ, онъ опредѣленъ былъ, съ непривычною для тогдашняго времени торопливостью, къ замѣщенію этой вакансіи, такъ что объ этомъ не знала и половина чле-

---

[1]) По росписанію 26 февраля 1784 года, арміи раздѣлены были на 9 весьма неравномѣрныхъ дивизій и 3 отдѣльные корпуса. I дивизія состояла подъ командою генерала-фельдмаршала графа Разумовскаго и квартировала въ Спб. и Псковской губерніяхъ; II дивизія—генерала фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго, въ Малороссійскихъ намѣстничествъ; III дивизія—генерала-фельдмаршала графа Чернышева, въ Московской губерніи; IV дивизія—генерала-фельдмаршала князя Потемкина, въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ и Таврической области; V дивизія—генералъ-аншефа графа Брюса, въ Новгородскомъ намѣстничествѣ, VI дивизія—генерала аншефа графа Салтыкова, во Владимірскомъ и Воронежскомъ намѣстничествахъ; VII дивизія—генералъ-аншефа князя Репнина, въ Смоленскомъ намѣстничествѣ, VIII дивизія—генералъ-аншефа графа Мусина-Пушкина, въ Бѣлорусскихъ намѣстничествахъ. Корпуса: Кавказскій,—подъ командою генералъ поручика Потемкина, причисленъ былъ къ VI дивизіи;—Оренбургскій—подъ командою генералъ-маіора Фиясова и Сибирскій—подъ командою генералъ-поручика Огарева. Въ двухъ послѣднихъ были только по два пѣхотныхъ батальона регулярныхъ войскъ и въ добавокъ къ нимъ въ Оренбургскомъ корпусѣ 3 конныхъ полка, а въ Сибирскомъ—1 драгунскій полкъ.

новъ Коллегіи. Только 10 марта узналъ объ этомъ членъ Коллегіи Ѳ. Т. Тихорскій, подивился поспѣшности опредѣленія и предложилъ, не лучше ли будетъ опредѣлить на это мѣсто прозектора П. О. Панковскаго [1]), извѣстнаго Коллегіи знаніемъ дѣла и уже давно замѣнявшаго часто хворавшаго и дряхлаго Энгеля въ исправленіи операторской должности, тѣмъ болѣе что Гильтебрандтъ вовсе неизвѣстенъ Коллегіи. Перемѣнить опредѣленіе Коллегіи легко было, потому что указъ ея о назначеніи Гильтебрандта не былъ еще отосланъ; но нѣмецкіе члены не согласились на измѣненіе сдѣланнаго опредѣленія. Тогда Тихорскій предложилъ по крайней мѣрѣ потребовать отъ Гильтебрандта хоть какой нибудь препаратъ съ демонстраціею его, какъ недавно еще потребовано это было въ Петербургѣ отъ доктора П. Карпинскаго, прежде чѣмъ опредѣлить его лекціоннымъ докторомъ. На эту уступку Коллегія согласилась, но какъ?—потребовать препаратъ и демонстрацію его отъ Гильтебрандта тогда, когда онъ прибудетъ на мѣсто и вступитъ въ должность, съ тѣмъ чтобы онъ самъ представилъ препаратъ, какой захочетъ, и надлежащую демонстрацію его, какъ будто, въ случаѣ неудовлетворительности результатовъ, Коллегія рѣшилась бы устранить его отъ должности? По этому требованію Гильтебрандтъ представилъ 17 іюня въ Московскую медицинскую контору препаратъ нервовъ и мышицъ глаза съ ихъ толкованіемъ на латинскомъ языкѣ, а московскій штадт-физикъ О. Т. Тимковскій, только что опредѣленный въ эту должность, донесъ 23 іюня, что толкованіе было «добропорядочно.»

Два года спустя послѣ вступленія Гильтебрандта въ должность (21 января 1787), опредѣленъ въ Московскую госпитальную школу профессоромъ анатоміи, физіологіи и хирургіи докторъ Андрей Риндеръ (*Andr. Rinder*), которому и сданы отъ оператора всѣ принадлежности преподаванія (по указу Коллегіи 19 апрѣля 1787), такъ что Гильтебрандтъ остался только при одной госпитальной должности. Но при томъ положеніи, какимъ пользо-

---

[1]) Петръ Онисимовичъ Панковскій, сынъ войсковаго товарища Вороневжской сотни Нѣжинскаго полка, родился въ селѣ Собичѣ и получилъ первоначальное образованіе въ Черниговской коллегіи. Оттуда поступилъ ученикомъ въ Москоскую госпитальную школу (21 октября 1793), служилъ потомъ лѣкаромъ въ арміи и наконецъ прозекторомъ при школѣ. Умеръ въ 1786 году.

вался этотъ послѣдній, Риндеру трудно было удержаться на мѣстѣ. И дѣйствительно, менѣе чѣмъ чрезъ полтора года онъ принужденъ былъ подать въ отставку и уволенъ отъ службы по болѣзни (14 мая 1789), а на его мѣсто назначенъ преподавателемъ анатоміи, физіологіи и хирургіи опять Гильтебрандтъ, съ званіемъ уже профессора и съ исправленіемъ въ тоже время должности оператора, пока на эту послѣднюю должность пріисканъ будетъ достойный человѣкъ, и съ жалованьемъ по 1000 рублей въ годъ.

Дѣла пошли хорошо и, по личному предложенію главнаго директора медицинской коллегіи Фитингофа, Гильтебрандтъ, «по извѣстному отличному его знанію въ медицинѣ и по разнымъ полученнымъ отъ него обсерваціямъ» (изъ которыхъ однакожъ ни одна не названа), произведенъ безъ экзамена въ докторы медицины (13 февраля 1791 года). Вскорѣ послѣ того (5 августа 1791) онъ уволенъ отъ должности оператора, но съ сохраненіемъ всего прежняго жалованья и казенной квартиры, а на эту должность опредѣленъ прозекторъ Московской госпитальной школы В. А. Григоровскій, но съ прозекторскимъ жалованьемъ и съ тѣмъ еще, чтобы до пріисканія прозектора исправлялъ и эту послѣднюю должность, за что положено прибавлять ему по 100 руб. жалованья въ годъ. Скоро пріисканъ былъ и прозекторъ, а именно лѣкарь Кронштадтскаго госпиталя и прозекторъ тамошней школы Семенъ Успенскій (6 сентября 1792), съ жалованьемъ по 250 р. въ годъ.

Но 8 сентября 1794 года умеръ операторъ В. А. Григоровскій [1]) и на мѣсто его явилось такъ много соискателей, что Коллегія затруднилась въ выборѣ достойнѣйшаго и назначила серьозный между ними конкурсъ.

---

[1]) Операторъ Василій Андреевичъ Григоровскій родился въ селѣ Новомлинтѣ Черниговскаго намѣстничества Погорской протопопіи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Сперва онъ учился въ Черниговской коллегіи, а оттуда поступилъ ученикомъ (14 іюля 1782 года) въ медико-хирургическую школу при Спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ и 14 декабря 1783 произведенъ въ подлѣкари, а 30 іюня 1785 въ лѣкари и два года спустя (22 февраля 1787) назначенъ прозекторомъ въ Московскую медико-хирургическую госпитальную школу. Наконецъ 21 декабря 1789 произведенъ въ операторы съ прежнимъ жалованьемъ по 250 р., но зачисленъ на эту должность только 5 августа 1791 года.

Соискателями операторской вакансіи въ Московскомъ генеральномъ госпиталѣ и въ состоявшей при немъ медико-хирургической школѣ явились слѣдующія лица:

а) Лѣкарь Іоганнъ Цемшъ (*Joh. Zemsch*), состоявшій при анатоміи (помощникомъ прозектора) и при студенческой больницѣ Московскаго университета;

б) Штабъ-лѣкарь коллежскій ассесоръ Іоганнъ Браунъ (*Joh. Brown*), исправлявшій должность главнаго лѣкаря Рижскаго полеваго госпиталя;

в) Иностранный докторъ Антонъ Маркусъ (*Ant. Markus*), младшій докторъ Московскаго генеральнаго госпиталя;

г) Штабъ-лѣкарь Кириллъ Андреевскій, состоявшій на службѣ при Московской управѣ благочинія, и

д) Лѣкарь Семенъ Успенскій, прозекторъ анатоміи при Московской госпитальной медико-хирургической школѣ.

Конкурсы на учебныя должности были въ то время большою рѣдкостью и существовали только на бумагѣ (какъ напримѣръ въ «Предварительномъ постановленіи о медицинскихъ школахъ»); не существовало даже подробныхъ инструкцій, ни опытнаго указанія къ производству ихъ; да и само медицинское управленіе (т. е. Медицинская Коллегія), ревнуя о томъ, чтобы все исходило исключительно отъ него, гораздо больше любило жаловать ученыя степени, и съ ними высшее жалованье, чѣмъ предоставлять полученіе ихъ по ученымъ правамъ. Поэтому оно не любило конкурсовъ и подъ разными предлогами устраняло ихъ, какъ, впрочемъ, дѣлаетъ это и теперь, приписывая имъ различныя неудобства, лежащія не въ нихъ, а въ обычной системѣ извращенія всякаго дѣла, не подходящаго подъ желаемую норму.

Такимъ же образомъ и описываемый «операторскій конкурсъ» не былъ и безъ сомнѣнія не могъ быть искреннею процедурою. Произошелъ же онъ случайно, съ цѣлію соблюсти приличія и протянуть дѣло, между тѣмъ какъ въ мысляхъ судей конкурса впередъ уже опредѣлено было, кто будетъ призванъ на хирургическую кафедру, считавшуюся самою завидною и блестящею по большимъ доходамъ, доставляемымъ ею. Дѣло въ томъ, что въ описываемую эпоху всѣми дѣлами Московской медико-хирургической школы вертѣлъ старикъ Іог. Гильтебрандтъ, имѣвшій старинныя большія связи и черезъ нихъ огромное влія-

ніе на товарищей и сослуживцовъ. Ему хотѣлось опредѣлить на мѣсто оператора своего племянника, который однакоже только годъ назадъ поступилъ адъюнктомъ естественной исторіи въ туже школу. Затрудненіе состояло въ томъ, что во-первыхъ не совсѣмъ было ловко перевести такъ скоро молодаго человѣка съ естественной исторіи на хирургію, а во-вторыхъ и самъ претендентъ повидимому не былъ еще готовъ занять операторскую должность. Стало быть оставалось одно изъ двухъ: либо протянуть дѣло, пока переходъ съ одной кафедры на другую (вовсе къ ней не близкую) не будетъ казаться страннымъ, а между тѣмъ дать племяннику время поучиться хирургіи, либо замѣстить операторскую должность такимъ человѣкомъ (всего лучше старичкомъ), который не будетъ для будущаго роднаго хирурга опаснымъ соперникомъ. Поэтому-то въ конкурсѣ явились соискателями не только тѣ, кто самъ искалъ операторскаго мѣста, но и такія лица, которымъ по начальству приказано было принять участіе въ соисканіи операторской должности, какъ увидимъ ниже. Конкурсомъ думали поиграть, а сдѣлать дѣло все-таки по своему: случилось однакоже не такъ, благодаря энергіи нѣкоторыхъ конкуррентовъ, рѣшившихся до послѣдней крайности бороться за свое право.

И такъ на конкурсъ изъявили желаніе пять врачей, или собственно только четыре, а пятый приглашенъ былъ по предписанію Медицинской Коллегіи. Представляемъ здѣсь нѣкоторыя біографическія подробности объ нихъ, могущія послужить разъясненіемъ послѣдующей исторіи этого конкурса.

Іоганнъ Цемшъ, лѣкарь и помощникъ прозектора анатоміи при Московскомъ университетѣ. Онъ былъ сынъ штабъ-лѣкаря Вилима Цемша (*Christian Wil. Zemsch*), родившійся въ Россіи. Учился онъ сперва въ Московскомъ университетѣ (три года) и, получивъ званіе студента, перешелъ, «для окончанія медико-хирургической науки совершенства», въ Московскій генеральный госпиталь волонтеромъ (11 октября 1787), гдѣ произведенъ въ лѣкари (19 апрѣля 1789) и получилъ мѣсто «при анатоміи» въ Московскомъ университетѣ [1]).

---

[1]) Отецъ его, Вилимъ Цемшъ, принятъ въ русскую службу подлѣкаремъ въ 1744 году, и въ 1751 году произведенъ лѣкаремъ въ Рязанскій конно-грена-

Штабъ-лѣкарь коллежскій ассесоръ *Іоганнъ Броунъ*, пруссакъ изъ Эльбинга, получилъ образованіе въ Московской госпитальной школѣ, куда вступилъ ученикомъ 10 августа 1768 года. Черезъ годъ (11 іюня 1769) произведенъ подлѣкаремъ въ госпиталь при крѣпости св. Димитрія, а въ слѣдующемъ году (29 мая 1770) лѣкаремъ и назначенъ въ строившуюся тогда новую крѣпость въ Азовѣ, а оттуда, по распоряженію оберъ-коменданта генералъ-маіора Фохта, на Кубань, для пользованія находившагося при ногайскихъ и татарскихъ ордахъ подполковника Стремоухова. Пробывъ тамъ около девяти лѣтъ, онъ переведенъ, по распоряженію генералъ-аншефа князя Долгорукова, въ Алексѣевскій полкъ, квартировавшій въ Керчь-Еникольѣ. Наконецъ произведенъ въ штабъ-лѣкари (15 марта 1781) и по усиленной просьбѣ опредѣленъ въ Московскій госпиталь на лѣкарскую вакансію (15 мая 1783) и два года спустя (30 сентября 1785) произведенъ въ коллежскіе ассесоры. Должность главнаго лѣкаря въ этомъ госпиталѣ исправлялъ тогда штабъ-лѣкарь Іог. Штелинъ, страдавшій параличемъ, и потому Браунъ исправлялъ около 5 лѣтъ его обязанности, оставаясь однакоже на лѣкарской вакансіи (т. е. съ жалованьемъ по 180 р.). Наконецъ назначенъ главнымъ лѣкаремъ въ Рижскій полевой госпиталь (19 марта 1793), но не то-

---

дерскій полкъ, квартировавшій въ Смоленскѣ. Оттуда онъ переведенъ, «за немаловременную службу» въ Московскій генеральный госпиталь (16 апрѣля 1763), но, не успѣвъ туда пріѣхать, отправленъ въ Сибирь въ командировку, съ коммисіею для установленія ясака, и послѣ сосредоточенія сибирскаго управленія въ Тобольскѣ, по представленію гвардіи секундъ-маіора Щербачева, признанъ тамъ ненужнымъ и отправленъ въ Москву. Пріѣхавъ въ Московскій госпиталь, онъ получилъ порученіе, «сверхъ отправленія должности по регламенту, для вспомоществованія оператору Энгелю въ изготовленіи анатомическихъ препаратовъ къ обученію учениковъ, и въ прочемъ по операторской должности имѣть особливый трудъ ко обученію учениковъ», причемъ положено ему жалованья по штату 180 руб. и за лишній трудъ изъ особыхъ суммъ по 40 р., а всего по 220 руб. въ годъ. Четыре года спустя онъ опять отправленъ въ командировку (31 января 1769), вмѣстѣ съ штабъ-лѣкаремъ Амвросіемъ Берманомъ, при корпусѣ генерала Максима Васильевича Берга въ Крымъ и назначенъ въ Таганрогскую крѣпость въ должность штабъ-лѣкаря, въ которой вскорѣ и утвержденъ. Тамъ онъ прожилъ тоже около 4 лѣтъ, въ званіи штабъ-лѣкаря третьей дивизіи 2 арміи, и пріѣхавъ разъ съ генералъ-поручикомъ Бергомъ въ Петербургъ, выхлопоталъ себѣ спокойное мѣсто при Московскомъ магистратѣ (21 марта 1773) съ жалованьемъ по 244 р. въ годъ, гдѣ и получилъ чинъ коллежскаго ассесора (14 апрѣля 1780).

ропился ѣхать туда, потому что обжился въ Москвѣ, и почти въ то самое время, когда онъ наконецъ собрался въ Ригу, объявленъ конкурсъ на операторскую должность, въ которомъ онъ мимоходомъ и на авось рѣшился принять участіе, чтобы не уѣзжать изъ Москвы и вмѣстѣ не потерять ни одной изъ выгодъ своего положенія.

Докторъ *Антонъ Маркусъ* принятъ въ русскую службу, вмѣстѣ съ многими другими иностранными врачами, чрезъ ганноверскаго лейбъ-медика доктора Іог. Георга Циммермана, 21 апрѣля 1786 года, по контракту, съ жалованьемъ по 500 р. въ годъ изъ кабинета, для службы въ намѣстничествахъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ опредѣленъ (13 іюля того же года), по высочайшему повелѣнію, въ Курское намѣстничество. Онъ однакоже не торопился уѣзжать въ Курскъ, успѣлъ пріобрѣсти расположеніе главнаго директора Медицинской Коллегіи Фитингофа и получилъ отъ него обѣщаніе быть переведеннымъ на болѣе видное мѣсто. И дѣйствительно, едва прошло три года, Фитингофъ объявилъ Медицинской Коллегіи словесное высочайшее повелѣніе (1 января 1791) о переводѣ Маркуса въ Московскій генеральный госпиталь младшимъ докторомъ, въ помощь старшему доктору Іоак. Раушерту, съ прежнимъ жалованьемъ. Переѣхавъ въ Москву, не очень впрочемъ торопливо, докторъ А. Маркусъ, кажется, не очень ревностно принялся за свою должность, такъ что возбудилъ даже административное неудовольствіе, кончившееся жалобою на него въ Коллегію и формальною перепискою (1794), а между тѣмъ искалъ новыхъ должностей, съ штатнымъ по нимъ жалованьемъ. Такъ напримѣръ, по смерти доктора Г. И. Тимченко, онъ просился (въ сентябрѣ 1793 года) на его мѣсто, профессоромъ акушерства въ школѣ повивальныхъ бабокъ, но получилъ отказъ, а должность эта отдана профессору А. М. Шумлянскому.

Прозекторъ Московской госпитальной школы лѣкарь *Семенъ Успенскій* получилъ образованіе въ Кронштадтской госпитальной школѣ, куда вступилъ ученикомъ въ маѣ 1787 года. Два года спустя произведенъ по экзамену подлѣкаремъ (1789) и оставленъ при Кронштадтскомъ же госпиталѣ, а потомъ, во время шведской войны, командированъ на корабельный флотъ и состоялъ на кораблѣ «Всеславъ». По окончаніи этой войны, онъ опять возвра-

тился въ Кронштадтъ, но не на долго: 1 марта 1790 года произведенъ лѣкаремъ и поступилъ на гребной флотъ, на фрегатъ «Александра», съ которымъ и участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. Возвратившись изъ этой командировки, онъ жаловался, что «другіе сотоварищи награждены чинами и выгодными мѣстами, а я безъ всякаго награжденія оставленъ». Медицинская Коллегія обѣщала дать ему спокойное мѣсто, а покамѣстъ опредѣлила прозекторомъ при Кронштадтской госпитальной школѣ (1791), а затѣмъ около года спустя (15 іюля 1792) сдержала было данное обѣщаніе, а именно назначила его городовымъ лѣкаремъ въ Иркутское намѣстничество, увѣдомивъ его въ тоже время, что о назначеніи его донесено уже Сенату, по распоряженію котораго и будутъ ему выданы прогоны на двѣ подводы. Дѣлать нечего—надобно было ѣхать. Но тутъ случилось маленькое затрудненіе, перемѣнившее всю судьбу Успенскаго: Сенатъ не согласился выдать прогоны на двѣ подводы, а приказалъ выдать только на ѳдну. Это обидѣло и Коллегію и Успенскаго: послѣдній отказался ѣхать въ дальнюю Сибирь и просилъ опредѣлить его прозекторомъ въ Московскую госпитальную школу, съ штатнымъ жалованьемъ по 250 р. въ годъ, что Коллегія и исполнила 6 сентября 1792 года. Бывши прозекторомъ въ Московской школѣ, Успенскій послалъ въ Медицинскую Коллегію «обсервацію» свою: *De epilepsia a calculis in plexu choroideo inventis orta*, которая въ послѣдствіи напечатана Віеномъ въ *Observationes medico-chirurgorum Rutheni imperii*, *collectae et in ordinem redactae* a L. M. Vien. *etc. Petropoli, 1805*. Vol. I, n⁰ XXXVII, pag. 216. Въ заглавіи этой статьи Успенскій названъ: protochirurgus, collegiorum assessor ac instituti medico-chirurgici Mosquensis quondam anatomiae professoris adjunctus ac prosector.

Въ этой «обсерваціи» Успенскій говоритъ, что онъ вскрывалъ много труповъ и много собралъ анатомо-патологическихъ наблюденій (multa de re anatomica in adversaria retuli meletemata), но не имѣлъ никогда досуга описать ихъ. Наконецъ описываемый случай встрѣтился ему при судебно-медицинскомъ вскрытіи тѣла крестьянина, умершаго скоропостижно и долго предъ смертью страдавшаго головною болью ex morbo epileptico. При вскрытіи боковыхъ мозговыхъ желудочковъ, у него онъ нашелъ въ клѣтчаткѣ, окружающей хоровидные сосуды, «quatuordecim

corpuscula figura irregulari praedita, magnitudinis milii, lapidum duritiem aemulantia», причемъ «tota plexus choroidei circumferentia pallore quodam praeternaturali suffusa esse videbatur.»

Наконецъ пятымъ конкуррентомъ былъ штабъ-лѣкарь коллежскій ассесоръ *Кириллъ Самойловичъ Андреевскій*, служившій при Московской управѣ благочинія (въ штатѣ Московской полиціи). Онъ былъ сынъ дворянина изъ Кіевскаго намѣстничества и первоначально учился въ Кіевской духовной академіи, а оттуда по приглашенію доктора де-Тейльса поступилъ ученикомъ въ Московскую госпитальную школу (14 февраля 1775), гдѣ по экзамену произведенъ въ подлѣкари (16 октября 1777) и опредѣленъ въ Ингерманландскій карабинерный, а оттуда переведенъ въ Рязанскій карабинерный полкъ (20 іюня 1779); тамъ произведенъ въ лѣкари (15 октября 1782), съ переводомъ въ Томскій пограничный батальонъ Колыванской области и за представленную «обсервацію» и добропорядочную службу произведенъ въ штабъ-лѣкари (9 марта 1786). Жизнь въ отдаленіи отъ родины надоѣла и онъ просилъ отставки и, получивъ ее, пріѣхалъ въ Москву и зачисленъ въ штатъ тамошней управы благочинія (12 марта 1789) и наконецъ 31 декабря 1797 года произведенъ въ коллежскіе ассесоры. Онъ преимущественно занимался хирургіею и въ февралѣ 1786 года представилъ въ Коллегію хирургическую обсервацію, а потомъ нѣсколько подобныхъ обсервацій прислалъ въ сентябрѣ и ноябрѣ 1794 года, въ особенности о костоѣдѣ, вывихахъ и переломахъ, простыхъ и сложныхъ. Поэтому Медицинская Коллегія знала его за дѣльнаго медика и хорошаго хирурга и при открытіи конкурса на операторскую должность сама приказала Медицинской Конторѣ пригласить его къ соисканію этой должности.

И такъ на должность оператора явилась значительная конкуренція. Какъ составилась она—трудно сказать; но можно предполагать, что она приготовлена была искуственно и стороною самимъ старикомъ Гильтебрандтомъ, потому что единственнымъ и самымъ естественнымъ кандидатомъ былъ прозекторъ Успенскій, а его-то Гильтебрандту и хотѣлось устранить во что бы ни стало. Старикъ могъ предполагать, что, при большемъ числѣ кандидатовъ, коллегія предоставитъ выборъ изъ нихъ медицинской конторѣ—вмѣстѣ съ профессорами госпитальной школы, и

такъ какъ всѣ члены медицинской конторы—свои люди, то отъ него одного будетъ зависѣть кого выбрать, чтобы сберечь мѣсто ко своему племяннику. Но вышло не такъ. Медицинская Коллегія, получивъ донесеніе о множествѣ кандидатовъ, изъ которыхъ нѣкоторыхъ сама знала и считала неспособными къ операторской должности, но прямо отказать имъ не могла, по причинѣ сопровождавшихъ просьбы просителей постороннихъ вліятельныхъ ходатайствъ, начала искать средствъ выйдти изъ затрудненія, никого не обидѣвъ и никому прямо не отказавъ, и придумала лучшее для этого средство—конкурсъ. Поэтому она предписала Московской Медицин. Конторѣ «назначить кандидатамъ демонстраціи, ежели пожелаютъ, medullam spinalem cum omnibus ejus nervis и nervum sympathicum magnum, а изъ операцій—fistulam lacrymalem et lithotomiam cum variis earum methodis, и сіе исполнить въ присутствіи почетныхъ членовъ и профессоровъ; притомъ дать знать и штабъ-лѣкарю Кириллѣ Андреевскому, какъ объ операціяхъ его Коллегіи уже извѣстно, не пожелаетъ ли и онъ подвергнуть себя такому же испытанію. Но прежде сего, ежели случатся въ Московскомъ госпиталѣ больные, у которыхъ бы можно дѣлать важныя операціи, то надъ оными велѣть имъ таковыя произвести, и каковы въ объясненіяхъ и въ дѣланіи самыхъ операцій окажутся, за общимъ почетныхъ членовъ и профессоровъ подписаніемъ, прислать въ Коллегію аттестаты».

Этимъ распоряженіемъ Коллегіи разсѣялись всѣ иллюзіи искуственно подготовленныхъ соискателей и они ясно увидѣли, что окольными дорогами не пройдешь. Тогда всѣ они отказались отъ испытанія подъ различными предлогами [1]): остались только Успенскій и Андреевскій. Конкурсъ и начался съ Успенскаго и демонстраціи и операціи его исполнены были въ теченіе первой половины сентября мѣсяца. Когда онѣ кончились, дошло дѣло до

[1]) Іог. Цемшъ, произведенный въ штабъ-лѣкари, вскорѣ послѣ того опредѣленъ къ Московской Медицинской Конторѣ въ должность «переводчика», а потомъ сдѣланъ сверхкомплектнымъ членомъ ея (на мѣсто повышеннаго штабъ-лѣкаря надворнаго совѣтника Дмитрія Павловскаго), съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ (31 августа 1797), переводчикомъ же (или «студентомъ для переводовъ») на его мѣсто принятъ студентъ Московскаго университета Левъ Михайловичъ Аршеневскій (14 декабря 1707), съ жалованьемъ по 100 р. въ годъ (онъ былъ сынъ канцеляриста бывшаго Московскаго суднаго приказа, съ 1788 учился въ Московскомъ университетѣ и произведенъ въ студенты 30 іюня 1795).

Андреевскаго: по наслушавшись и наглядѣвшись, какъ ведено дѣло, онъ не явился къ конкурсу и прислалъ 6 ноября въ Медицинскую Контору рапортъ, съ увѣдомленіемъ, что не можетъ подвергнуться испытанію, потому что «будучи занятъ службою, не имѣетъ времени на анатомическія демонстраціи и для дѣланія ихъ ему очень далеко ѣздить въ госпиталь.»

Медицинская Контора донесла объ этомъ Коллегіи и послѣдняя предписала (19 ноября) не затруднять его ѣздою въ госпиталь и предложить пріѣхать туда только однажды — сдѣлать хирургическія операціи на мертвомъ, а не на живыхъ, а потомъ приготовить дома demonstrationem oculi anatomicam et physiologicam. Андреевскій согласился на это, но—не выдержалъ испытанія и вторично отказался отъ всякаго участія въ конкурсѣ.

Вотъ какъ было дѣло, по собственному рапорту К. С. Андреевскаго въ Московскую Медицинскую Контору отъ 6 марта 1796 года: «сего февраля 6 дня дѣлалъ я при собраніи гг. почетныхъ членовъ и профессоровъ на мертвомъ тѣлѣ литотомическую операцію, при которой старался выполнить весь оный порядокъ, въ надеждѣ и окончить правильнымъ образомъ, тѣмъ паче, что я оную на живомъ человѣкѣ дѣлалъ удачно, о чемъ и Государственной Медицинской Коллегіи не безъизвѣстно; но при публичномъ собраніи, сверхъ чаянія моего, въ должныхъ объясненіяхъ последовало замѣшательство и происшедшія нѣкоторыя упущенія въ самомъ дѣланіи съ признательностію открываю. А какъ при первомъ случаѣ объясненіе и самое дѣланіе всѣмъ моимъ въ мысляхъ приготовленнымъ расположеніямъ противно произошло, то къ исполненію и послѣдняго приступить не могу, и о томъ Государственной Медицинской Коллегіи Конторѣ симъ почтенно репортую.»

Побѣдителемъ остался, стало быть, С. Успенскій. Но признать это противно было всѣмъ планамъ Іог. Гильтебрандта, еще болѣе возненавидѣвшаго Успенскаго со времени конкурса и за мнимое соперничество его съ племянникомъ профессора и за то, что онъ русскій,— и тутъ начался рядъ ухищреній, интригъ и проволочекъ, чтобы не дать Успенскому права самостоятельной хирургической практики. Конкурсъ давно кончился, надобно было представить отчетъ о немъ, а Гильтебрандтъ все медлилъ и раздумывалъ. Наконецъ онъ придумалъ средство: написалъ въ Ме-

дицинскую Коллегію, что у всѣхъ профессоровъ есть адъюнкты, а у него нѣтъ адъюнкта и что онъ проситъ опредѣлить къ этой должности прозектора Семена Успенскаго, вмѣсто того чтобы назначать его операторомъ (19 ноября 1795).

Успенскій, по всей вѣроятности, зналъ объ этихъ интригахъ и сожалѣлъ о томъ, что зналъ объ нихъ. Ему естественно хотѣлось дождаться какого нибудь исхода начатаго дѣла, но не было возможности ускорить его. По крайней мѣрѣ онъ не хотѣлъ быть свидѣтелемъ недостойныхъ интригъ, направленныхъ противъ него, и рѣшился уѣхать изъ Москвы въ 29-дневный отпускъ въ Кронштадтъ: пусть бы рѣшилось дѣло за глаза, все-таки не такъ было бы горько, да и не такъ гадко, чѣмъ смотрѣть на безсовѣстную нѣмецкую махинацію. Къ сожалѣнію, Медицинская Контора не только отказала ему въ отпускѣ изъ Москвы, но даже съ грубостію отказала въ пріемѣ отъ него прошенія объ отпускѣ [1]. Тогда онъ обратился за отпускомъ прямо въ Коллегію и 8 октября 1795 года писалъ: «я оныя демонстраціи и операціи прошедшаго сентября 6, 7, 15 и 16 чиселъ на мертвомъ тѣлѣ и amputationem cruris 20-го на живомъ сдѣлалъ, по сдѣланіи же просилъ о представленіи объ ономъ въ Медицинскую Коллегію, но на то мое прошеніе получилъ въ отвѣтъ, что о семъ представлено прежде быть не можетъ, пока г. штабъ-лѣкарь Андреевскій не сдѣлаетъ помянутыхъ демонстрацій и операцій, хотя онъ и откладываетъ дѣланіе ихъ». Есть вѣроятность полагать, что Іог. Гильтебрандтъ, затягивая дѣло, мѣшалъ Успенскому даже въ полученіи отпуска изъ Медицинской Конторы: онъ боялся, что, по дорогѣ въ Кронштадтъ, Успенскій явится, пожалуй, въ Коллегію, разскажетъ объ его интригахъ и помѣшаетъ ему достигнуть своихъ цѣлей или по крайней мѣрѣ затруднитъ исполненіе ихъ.

Когда въ Коллегію пришло прошеніе Успенскаго объ отпускѣ, и представленіе Гильтебрандта объ опредѣленіи Успенскаго адъюнктомъ, а не операторомъ, она начала догадываться, что дѣло съ конкурсомъ затягивается что-то не спроста. И чтобы покончить его разомъ, она приказала тотчасъ же уволить Успен-

[1]) Надобно прибавить, что онъ просился въ отпускъ въ Кронштадтъ еще 10 іюля и былъ даже уволенъ Коллегіею, но въ то время не успѣлъ уѣхать именно по причинѣ предстоявшаго конкурса.

скаго въ отпускъ, Гильтебрандту въ просьбѣ отказать до времени и потребовать немедленно присылки аттестата объ Успенскомъ касательно произведеннаго ему испытанія.

По этому приказанію, ей представленъ былъ слѣдующій аттестатъ:

«Мы нижеподписавшіеся симъ свидѣтельствуемъ, что по силѣ полученнаго изъ Государственной Медицинской Коллегіи сего іюля отъ 26 дня указа, въ присутствіи нашемъ, находящійся при Московской хирургической школѣ прозекторъ Семенъ Успенскій предписанныя въ указѣ Медицинской Коллегіи анатомическія демонстраціи и препараціи сдѣлалъ изрядно, а хирургическія весьма посредственно, потому что ему изобрѣтеніе въ наукѣ новѣйшее не свѣдуще. Ноября дня 1795 года. Иванъ *Гильтебрандтъ,* Фридрихъ *Стефанъ,* Матвѣй *Пеккенъ.*»

Этотъ аттестатъ не удовлетворилъ Коллегіи, но еще болѣе усилилъ прежнюю догадку о ненормальномъ рѣшеніи конкурса. Чтобы разъяснить ее, она потребовала объясненія у профессоровъ, подписавшихъ аттестатъ, и у самого Успенскаго, а у московскаго штадт-физика Зандена спросила, почему при конкурсѣ не были члены Московской медицинской конторы? Послѣдній тотчасъ же отвѣчалъ, что члены медицинской конторы потому не были при конкурсѣ, что объ нихъ не упомянуто въ указѣ Коллегіи, слѣдовательно они не считали себя обязанными присутствовать при конкурсѣ.

Отвѣты профессоровъ, судей конкурса, написаны не такъ скоро, но за то въ нихъ, противъ воли писавшихъ, проглядываетъ интрига Гильтебрандта, руководившая рѣшеніемъ конкурса и можетъ быть даже впередъ предрѣшившая его.

Такъ, профессоръ Ф. Стефанъ, въ рапортѣ своемъ отъ 13 марта 1796 года, добродушно сознался, что онъ смотрѣлъ на дѣло чужими глазами и хотя считалъ демонстраціи и операціи Успенскаго удовлетворительными, но подписалъ неодобрительный аттестатъ въ угоду Гильтебрандту. «Я съ своей стороны, писалъ онъ, дѣланіемъ операцій и демонстрацій былъ доволенъ, ибо Успенскій, по моему разсужденію, сдѣлалъ хорошо. А что касается до тонкости и самыхъ новѣйшихъ открытій, въономъ долженъ былъ полагаться на профессора хирургіи г. Гильтебрандта. По сдѣланіи приказанныхъ операцій, былъ я послѣ съ г. профессоромъ Гильтебрандтомъ и при дѣланіи имъ (Успенскимъ) ампу-

таціи въ госпиталѣ надъ больнымъ солдатомъ, котораго на прошедшей недѣлѣ нарочно осматривалъ, и нашелъ больнаго совершенно здоровымъ и что операція сдѣлана правильно и хорошо».

Профессора Гильтебрандтъ и Пеккенъ, одинаково ненавидѣвшіе русскихъ и все русское, представили слѣдующее лукавое объясненіе, въ рапортѣ своемъ отъ 18 марта 1796 года:

«Мы имѣемъ честь донести слѣдующее: Описаніе, сдѣланное имъ, Успенскимъ, о слезномъ свищѣ было недовольно ясное и точное, ибо онъ и не говорилъ о многоразличныхъ свищахъ, врачуемыхъ токмо внутренними (?) средствами и въ коихъ рукодѣятельный способъ лѣченія есть ненуженъ и безполезенъ. Въ отношеніи къ операціи упомянулъ онъ токмо о способахъ лѣченія, предлагаемыхъ г. Анеломъ, Меанономъ, Кабанисомъ и Лафоретомъ, не упомянувъ ниже словомъ о превосходныхъ способахъ лѣченія г. Петита, Монро, Потта и Рихтера.

«Приступивъ къ операціи, впустилъ онъ направленный щупъ сквозь носовую полость въ слезной мѣшечекъ и, приподнявъ оный конечностью щупа, сдѣлалъ разрѣзъ въ нижней части слезнаго мѣшечка и въ горизонтальномъ направленіи. Есть ли сіе подражаніе метода г. Лафорета? Тщетность и безполезность рукодѣяній, предлагаемыхъ вышеупомянутыми гг. Анеломъ, Меанономъ, Кабанисомъ и Лафоретомъ, довольно уже доказаны всѣми искусными врачами и лучшими нынѣшними врачебными писателями. Впрочемъ и щупъ, предлагаемый г. Лафоретомъ, рѣдко токмо употребленъ быть можетъ, поелику затвореніе носоваго протока происходитъ чаще всего отъ болѣзней, существующихъ въ мокротной плевѣ носовой полости и щупъ сквозь оный протокъ въ слезной мѣшечекъ никогда безъ великаго поврежденія многихъ сопредѣленныхъ частей впущенъ быть не можетъ. Також де, по мнѣнію нашему и общему всѣхъ писателей согласію, и мѣсто для разсѣка есть неудобное, и произведеніе онаго въ горизонтальномъ направленіи неправильное.

«Извлеченіе камня изъ мочеваго пузыря была вторая операція, ему, Успенскому, Государственною Медицинскою Коллегіею назначенная (?). О писателяхъ и ученыхъ сочиненіяхъ, до сего предмета касающихся, говорилъ онъ весьма мало и кратко и не различалъ отъ фрера Жака фрера Кома, сею операціею прославившагося. О орудіяхъ именуемыхъ бистури каше, о разсѣкательномъ горжеретѣ Гавкинса и поправленіи онаго г. Бромфильдомъ, Монро и Бѣломъ, о полезныхъ изобрѣтеніяхъ г. Лаблана и Камнера, при секціи альты ничего о ея изобрѣтателѣ и о случаѣ ея дѣлать не объявилъ; также не упомянулъ, что пузырь въ сей операціи на-

полненъ быть долженъ и о другихъ многихъ предметахъ, касающихся до правильнаго, искуснаго и благоуспѣшнаго извлеченія камня ни мало прозекторомъ Успенскимъ упомянуто не было.

«По сему мы и заключили, что оный, Успенскій, еще не довольно упражнялся въ чтеніи новыхъ врачебныхъ книгъ, слѣдовательно что ему неизвѣстны многія полезнѣйшія изобрѣтенія, касающіяся до вышеупомянутыхъ ученыхъ предметовъ.»

Медицинская Коллегія послала копію съ этого рапорта къ Успенскому и приказала ему представить на него свое объясненіе. И онъ представилъ слѣдующее

«ОБЪЯСНЕНІЕ»:

«Въ поясненіи на атестатъ о дѣланныхъ мною операціяхъ, Государственной Медицинской Коллегіи между прочимъ представлено:

«*первое*, что я не говорилъ о многоразличныхъ свищахъ, врачуемыхъ внутренними лѣкарствами; не ясное и не точное сдѣлалъ о глазномъ свищѣ описаніе; не говорилъ о способахъ лѣченія гг. Рихтера и Петита;

«*второе*. При дѣланіи литотоміи говорилъ весьма мало и кратко; не различалъ фрера Кома отъ фрера Жака и объ орудіяхъ бистури каше и разсѣкательномъ Гавкинса горжеретѣ;

«*третье*. При секціи альты ничего о ея изобрѣтателѣ, о случаяхъ въ какихъ дѣлается и о ея лѣченіи ничего не говорилъ».

«Кратко на все сіе оной Коллегіи симъ объясниться честь имѣю:

«*На первое*. Отъ Государственной Медицинской Коллегіи предписано мнѣ дѣлать операціи одного глазнаго свища. Въ исполненіе онаго, въ сдѣланномъ мною объономъ изъясненіи слѣдовалъ порядку г. Пленка, который имъ сдѣланъ въ описаніи объ оной болѣзни, въ сочиненіи о глазныхъ болѣзняхъ, дополнивъ оной изъ примѣчаній г. Рихтера, описанныхъ in fasciculo tertio pag. 18, изъ замѣчаній Caroli Christiani Krause in Platneri chirurgiam, сдѣланныхъ въ помянутой хирургіи, стр. 522 и другихъ. Въ дѣланныхъ врачебныхъ показаніяхъ основывался на различныхъ ближайшихъ болѣзненныхъ и случайныхъ причинахъ, производящихъ разновидность оной болѣзни и соотвѣтственно онымъ кратко, чтобы не удалиться отъ своего предмета, упоминалъ я о внутреннихъ лѣкарствахъ, которыми соотвѣтствуется лѣченіе свища и предохраняется возвратъ онаго. По сдѣланіи методомъ г. Лафорета, разрѣзывалъ saccum lacrimalem и въ сдѣланное отверстіе впускалъ зондъ. Слѣдовательно дѣйствіе самое

должно показать, что по образу Петита и Рихтера дѣлана сія операція. О методѣ г. Лафорета и другихъ я ни слова не упоминалъ, что онаго методомъ непремѣнно и всегда должно дѣлать.

«*На второе.* Объ оныхъ не упоминалъ я только потому, что по французски не называлъ. При дѣланіи литотоміи methodo laterali говорилъ довольно о изобрѣтателѣ онаго метода, котораго я называлъ frater Jacobus, а о другомъ, который въ 1748 году изобрѣлъ инструментъ, называемый lithotomus occultus s. scalpellus vagina absconditus, называлъ frater Cosmus (ибо въ латинскихъ писателяхъ они такъ называются), о коихъ въ принадлежащихъ случаяхъ порознь говорилъ, имена ихъ слѣдовательно смѣшивать никакъ не можно. Оным методомъ я не могъ дѣлать, потому что онаго инструмента не имѣлъ, равнымъ образомъ и горжерета Гавкинса, но объ ономъ упоминалъ.

«*На третье.* По сдѣланіи означеннаго метода, приказали мнѣ дѣлать и другими методами, по сдѣланіи коихъ хотѣлъ я дѣлать объ нихъ поясненіе, въ какихъ случаяхъ дѣлаются и о прочемъ: но они оставили меня безъ выслушанія и болѣе продолжать не велѣли. Впрочемъ при общемъ поясненіи литотоміи именовалъ каждый методъ по имени изобрѣтателя, и такъ я оный называлъ: apparatus altus, cystotomia hypogastrica, methodus Franconiana. Методомъ онымъ и сдѣлалъ; слѣдовательно наполненъ въ дѣйствіи быть долженъ былъ пузырь.

«1796 года марта 20 дня. Сіе писалъ прозекторъ *Семенъ Успенскій*».

Объясненіемъ этимъ еще болѣе раскрылось для Коллегіи то, о чемъ она прежде только догадывалась. Ясно ей стало, что Гильтебрандтъ желаетъ просто-на-просто оттереть Успенскаго отъ операторской должности и для того сговорился съ Пеккеномъ до конца вести свою интригу. Оставалось только разузнать, что за причина вызвала всю эту интригу и почему Гильтебрандтъ очень желалъ взять Успенскаго себѣ въ адъюнкты, но не желалъ предоставить ему правъ самостоятельной дѣятельности. Но всѣ эти разузнаванія указали только на то, что Успенскій человѣкъ достойный и хорошій хирургъ, да на то еще, что оба судьи конкурса подговорены были Гильтебрандтомъ говорить и подписывать, что онъ имъ подскажетъ, а не раскрыли основаній недоброжелательства послѣдняго, по той, конечно, причинѣ, что и прежде и послѣ этого случая бывали неудовольствія и озлобленія въ сношеніяхъ вліятельныхъ иностранцевъ въ Россіи съ природными русскими, поводы къ которымъ не легко называть собственнымъ

именемъ, а особенно въ официальной переписке. Поводы эти — желаніе давить и угнетать все туземное русское, и через это поддерживать себя-самихъ на известной высотѣ, а вмѣстѣ вытаскивать родныхъ и земляковъ своихъ на ту же высоту, надъ угнетенными и придавленными русскими.

И такъ, чтобы составить себѣ правильное понятіе объ Успенскомъ, Коллегія опять обратилась (10 апрѣля 1796) къ Московской Медицинской Конторѣ съ вопросомъ: «не производилъ ли прозекторъ Успенскій, кромѣ пробныхъ, другихъ операцій въ Москвѣ и буде производилъ, то какія именно?», а вмѣстѣ спросила о томъ же и госпитальныхъ профессоровъ, съ приказаніемъ доставить ей мнѣніе, какъ о производствѣ Успенскимъ операцій, кромѣ пробныхъ, такъ и объ исходахъ ихъ. Московская Медицинская Контора отвѣтила на это 19 іюня, что Успенскій сдѣлалъ въ госпиталѣ одну ампутацію бедра и еще другую ампутацію (но какую именно—не сказано).

Профессоръ М. Пеккенъ донесъ, что онъ не только ничего не знаетъ о какихъ-либо другихъ операціяхъ Успенскаго, но по болѣзни не присутствовалъ даже и при той amputatio cruris, которую тотъ дѣлалъ для конкурса и о результатахъ ея ничего не знаетъ (При операціи не присутствовалъ, а о достоинствѣ оперотора судилъ: хорошій человѣкъ!).

Профессоръ Іог. Гильтебрандтъ отозвался, что такъ какъ онъ не живетъ въ госпиталѣ, то объ операціяхъ Успенскаго ничего не знаетъ.

Одинъ только профессоръ Фр. Стефанъ опять повторилъ, что Успенскій сдѣлалъ конкурсную операцію «правильно и хорошо».

Такимъ образомъ дѣло стало совсѣмъ ясно. Какъ ни тянули его Московская Медицинская Контора и госпитальные профессора, какъ ни вертѣлись въ отвѣтахъ и отпискахъ, правды нельзя было утаить и Медицинская Коллегія разгадала эту правду. Поэтому, еще не дождавшись всѣхъ отвѣтовъ, которые впрочемъ—какъ можно было предвидѣть—всѣ должны были быть на прежній ладъ, она утвердила Семена Успенскаго (26 мая 1796 года) *операторомъ* Московскаго генеральнаго госпиталя съ штатнымъ жалованьемъ по 300 руб. въ годъ и съ прочими довольствіями отъ госпиталя по регламенту. Этимъ и окончен былъ конкурсъ на замѣщеніе операторской должности.

Въ тоже время Коллегія предоставила профессору Гильтебрандту избрать себѣ прозектора изъ лучшихъ госпитальныхъ лѣкарей и представить на ея утвержденіе. Гильтебрандтъ не воспользовался этимъ дозволеніемъ и не избралъ прозектора, а выбралъ двухъ учениковъ 3 класса изъ госпитальной школы, Ивана Книгина и Ивана Каменскаго, «въ помощь при анатоміи, до приисканія прозектора», которые и утверждены Коллегіею (25 августа 1796) въ этой должности [1]). Черезъ годъ (21 мая 1797) Гильтебрандтъ просилъ Коллегію произвести ихъ въ лѣкари и утвердить Книгина адъюнктомъ анатоміи, а Каменскаго прозекторомъ: но Коллегія постановила 8 іюня 1797 года, что «такъ какъ при Спб. училищѣ сего года генваря 6 дня опредѣленъ адъюнктомъ штабъ-лѣкарь (т. е. человѣкъ опытный и уже послужившій) Петръ Загорскій, то означенныхъ лѣкарскихъ учениковъ Ивана Книгина и Ивана Каменскаго опредѣлить къ анатоміи, съ тѣмъ, что когда съ успѣхомъ будутъ исправлять свою должность, оставлены будутъ кандидатами». Поводомъ къ этому ходатайству профессора Гильтебрандта было то, что эти молодые люди около этого времени доставили «обсервацію» *о сквозной язвѣ желудка (ulcus ventriculi penetrans)* и представили ее въ Коллегію, а послѣдняя, чтобъ удостовѣриться, сами ли они составляли «обсервацію», приказала (23 февраля 1797) имъ защищать ее публично передъ всѣми профессорами школы, что и исполнено 23 мая 1797 «съ отличнымъ успѣхомъ», какъ означено въ одобрительномъ аттестатѣ, выданномъ имъ 27 мая и подписанномъ всѣми профессорами. По представленіи аттестата, Коллегія прислала (15 іюня 1797) молодымъ людямъ «свое одобреніе, съ увѣдомленіемъ, что обсервація причислена къ первому классу [2]).»

---

[1]) Иванъ Дмитріевичъ *Книгинъ*, сынъ діакона въ селѣ Сергіевскомъ (Яковлево тожъ) Орловскаго намѣстничества, учился въ Сѣвской семинаріи, а оттуда поступилъ ученикомъ въ Московскую госпитальную школу 13 октября 1763. Иванъ Петровичъ *Каменскій*, сынъ вахмистра изъ села Надежды, Полтавскаго уѣзда Екатеринославскаго намѣстничества, учился въ Екатеринославской семинаріи, и оттуда поступилъ ученикомъ въ Московскую медицинскую хирургическую школу 24 октября 1763 года. Въ послѣдствіи служилъ штабъ-лѣкаремъ на Черноморскомъ флотѣ, а оттуда переведенъ на Луганскій заводъ.

[2]) По опредѣленію Коллегіи, распубликованному въ общее свѣдѣніе, при самомъ учрежденіи ея, всѣ поступавшія къ ней «обсерваціи» классифицировались по ихъ достоинству. Лучшія изъ нихъ причислялись къ 1 классу и предназна-

Только 26 октября 1797 оба они, уже бывъ кандидатами хирургіи (съ 27 сентября 1797), утверждены *прозекторами*, съ прибавкою жалованья по 70 р. каждому, т. е. съ жалованьемъ каждому по 150 р. въ годъ. Но они не долго оставались на этихъ мѣстахъ, т. е. пока нужны были Гильтебрандту: послѣдній не любилъ Книгина, потому что видѣлъ въ немъ возможнаго соперника племяннику своему Федору Гильтебрандту, а потому не сказалъ ни слова, когда Книгинъ назначенъ былъ лѣкаремъ въ кирасирскій генералъ-маіора Цорна полкъ и только 14 февраля 1799, по настоянію Коллегіи, опять вызванъ къ Московскому госпиталю, для испытанія, не выйдетъ ли изъ него хорошій адъюнктъ анатоміи для госпитальной школы; а Иванъ Каменскій тоже переведенъ (9 ноября 1798) лѣкаремъ въ мушкетерскій Павлицкаго—впослѣдствіи графа Ивелича—полкъ и только 4 апрѣля 1799 года опять возвращенъ къ прозекторской должности, съ жалованьемъ по 250 р. въ годъ. За то, едва успѣлъ Книгинъ уѣхать, какъ проф. Гильтебрандтъ написалъ прямо въ Коллегію (18 апрѣля 1799) длинную бумагу о перечисленіи къ нему (къ кафедрѣ анатоміи и физіологіи) адъюнктомъ племянника его Федора Гильтебрандта, состоявшаго до сихъ поръ адъюнктомъ при кафедрѣ химіи и ботаники, «поелику онъ въ сихъ наукахъ (анатоміи и физіологіи) гораздо лучшіе успѣхи, какъ въ прежнихъ, оказалъ». Коллегія на этотъ разъ отказала, сославшись на то, что для адъюнктуры анатоміи и физіологіи приготовленъ уже лѣкарь Иванъ Книгинъ, и даже сдѣлала выговоръ Гильтебрандту за то, что онъ адресовался прямо въ Коллегію, помимо Московской Медицинской Конторы (5 мая 1799); но Гильтебрандтъ продолжалъ настаивать и въ тоже время давить Книгина, пока послѣдній самъ не отказался отъ предназначеннаго ему мѣста и не уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и опредѣленъ по экзамену адъюнктомъ анатоміи и физіологіи. Такимъ образомъ въ Москвѣ устранено препятствіе къ исполненію желанія Гильтебрандта, и племянникъ его, Федоръ Гильтебрандтъ, опредѣленъ къ нему адъюнктомъ (8 мая 1800), съ жалованьемъ по 500 р. въ годъ [1].

чались къ печати; обсерваціи 2 класса принимались въ уваженіе при производствѣ въ штабъ-лѣкари и при опредѣленіи на высшія должности, а обсерваціи 3 класса оставляемы были безъ употребленія.

[1]) Въ развязкѣ дѣла объ адъюнктурѣ Федора Гельтебрандта *(Justus Fried-*

Изъ этихъ историческихъ фактовъ, быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, видно уже, какъ относился старый Іог. Гильтебрандтъ къ русскимъ людямъ, а особенно осмѣливавшимся стать на дорогѣ ему или роднѣ его. Понятно, что и операторъ Семенъ Успенскій, хоть и одержалъ побѣду надъ противупоставленною

---

rich Jacob Hillebrandt), племянника Іог. Готлиба Гильтебрандта, при кафедрѣ анатоміи и физіологіи въ Московской госпитальной школѣ (а впослѣдствіи профессора хирургіи, на мѣстѣ своего дяди), мы встрѣтили недоумѣніе, котораго не съумѣли разъяснить, а потому и обращаемся съ покорнѣйшею просьбою къ лицамъ, знакомымъ съ описываемой эпохою, а въ особенности къ уважаемымъ профессорамъ, принимавшимъ участіе въ составленіи *Біографическаго словаря профессоровъ Московскаго университета*), за разъясненіемъ этого недоумѣнія. Оно состоитъ вотъ въ чемъ: и въ подлинныхъ бумагахъ Медицинской Коллегіи, и въ біографіи Ѳ. А. Гильтебрандта говорится, что до перемѣщенія этого послѣдняго адъюнктомъ дяди его, къ кафедрѣ анатоміи и физіологіи, онъ былъ адъюнктомъ химіи и ботаники при профессорѣ Фридр. Стефанѣ; между тѣмъ въ это же самое время у профессора Ф. Стефана былъ адъюнктомъ химіи и ботаники Андрей Гильдебрандтъ, опредѣленный въ эту должность 7 декабря 1795, съ жалованьемъ по 300 рублей въ годъ, и окончательно утвержденный въ ней 18 сентября 1796 года. Имя его, какъ адъюнкта химіи и ботаники, встрѣчается даже и позднѣе, по учрежденіи Московской медико-хирургической академіи, именно въ спискѣ преподавателей академіи, приложенномъ къ коллективной просьбѣ ихъ отъ 13 августа 1800 года о назначеніи имъ квартирныхъ денегъ и въ отвѣтномъ рѣшеніи Коллегіи по этому предмету отъ 18 января 1801 года.

По архивнымъ свѣдѣніямъ, Андрей Гильдебрандтъ, иноземецъ, сперва учился фармаціи, именно: опредѣленъ аптекарскимъ ученикомъ 13 февраля 1772 года, произведенъ гезелемъ 9 ноября 1777 года и 16 сентября 1781 уволенъ отъ службы, а потомъ перемѣнилъ карьеру, а именно 18 іюля 1784 поступилъ волонтеромъ въ Московскій генеральный госпиталь (т. е. въ школу его), гдѣ 25 февраля 1787 произведенъ въ лѣкари съ правомъ практики. Послѣ этого только черезъ 9 лѣтъ, именно 3 сентябра 1795 года, профессоръ Фридрихъ Стефанъ писалъ Медицинской Коллегіи, что онъ избралъ себѣ адъюнктомъ къ кафедрѣ химіи и ботаники «вольнопрактикующаго въ Москвѣ лѣкаря Андрея Гильдебрандта, между тѣмъ какъ профессоръ М. Пеккенъ 30 сентября того же года просилъ въ адъюнкты себѣ состоявшаго при Московскомъ университетѣ лѣкаря Ефрема Мухина (къ кафедрѣ патологіи и терапіи). Коллегія предписала сдѣлать имъ надлежащее испытаніе, каждому по своему предмету, а потомъ назначить обоимъ пробныя лекціи. Все это было исполнено и вотъ что донесено объ Андреѣ Гильдебрандтѣ Коллегіи: «Андрей Гильдебрандтъ, по сдѣланномъ нами ему особливомъ испытаніи о врачебной наукѣ, а паче всего химіи и ботаникѣ, въ которыхъ наукахъ онъ съ весьма хорошимъ успѣхомъ упражнялся, говорилъ сего ноября 10 дня публично, въ присутствіи нашемъ и гг. членовъ Медицинской и Госпитальной Конторъ и обучающагося въ здѣшнемъ училищѣ юношества, рѣчь, сочиненную имъ по данному отъ насъ предписанію, на латинскомъ языкѣ: *о устроеніи, сложеніи, питаніи, произрожденіи и раздѣленіи травъ и растеній*,

ему интригою, не могъ оставаться спокойно на мѣстѣ, взятомъ съ боя у врага, бывшаго не очень разборчивымъ на средства къ достиженію своихъ цѣлей. Правда, служба его шла хорошо, держалъ онъ себя безукоризненно, въ доказательство чего можно указать на то, что когда возникъ вопросъ о преобразованіи госпитальной

и потомъ изъ химіи *о воздухѣ*, съ принадлежащими къ тому опытами, *о познаніи качествъ и чистоты онаго*, правильнымъ, порядочнымъ и основательнымъ расположеніемъ мыслей, такожде и яснымъ и точнымъ выраженіемъ онаго удовлетворилъ онъ общему желанію нашему и адъюнктомъ при профессорѣ химіи и ботаники, по мнѣнію нашему, опредѣленъ быть можетъ. Ноября 19 дня 1795, Ив. *Гильтебрандтъ*, Фр. *Стефанъ*, Матвѣй *Пеккенъ*». По этому аттестату Коллегія опредѣлила его (7 декабря 1795) исправляющимъ должность адъюнкта химіи и ботаники, а 18 сентября 1796 утвердила въ должности адъюнкта, съ тѣмъ чтобы онъ и въ больничныхъ палатахъ исправлялъ должность врача, но съ освобожденіемъ отъ дежурства.

И такъ онъ былъ адъюнктомъ при кафедрѣ химіи и ботаники съ 7 декабря 1795 до 1801 года и долѣе. Въ тоже самое время (по словамъ Ф. И. Иноземцева, съ 1795 года) былъ адъюнктомъ при той же кафедрѣ и Федоръ Гильтебрандтъ при томъ же профессорѣ Стефанѣ, «котораго былъ любимымъ ученикомъ» и также «черезъ годъ утвержденъ въ этой должности», а «въ 1799 году ему были поручены двѣ палаты больныхъ въ Московскомъ госпиталѣ». Изъ этого совпаденія дѣлъ слѣдуетъ заключить, что у профессора Ф. Стефана въ одно и тоже время было два адъюнкта—почти однофамильцы (одинъ Гильдебрандтъ, а другой Гильтебрандтъ), съ тою только разницею, что Андрей Гильдебрандтъ зналъ по видимому хорошо химію и ботанику, а Федоръ Гильтебрандтъ, по словамъ роднаго дяди своего, просившаго о перемѣщеніи племянника къ кафедрѣ анатоміи и физіологіи, «въ сихъ наукахъ (анатоміи и физіологіи) гораздо лучшіе успѣхи, какъ въ прежнихъ (химіи и ботаникѣ) оказалъ».

Но не говоря уже о томъ, что не только въ тѣ времена, но и въ нашу эпоху рѣдко случается видѣть при одной кафедрѣ двухъ адъюнктовъ (да еще однофамильцевъ) и стало быть предположеніе это совершенно невѣроятно, есть и еще одно обстоятельство, совершенно опровергающее его. Оно состоитъ въ томъ, что когда шло дѣло о перемѣщеніи адъюнкта Ѳедора Гильтебрандта съ кафедры химіи и ботаники къ кафедрѣ анатоміи и физіологіи, то въ одинъ и тотъ же день, 18 апрѣля 1799 года, Іоганнъ Гильтебрандтъ просилъ Коллегію о перемѣщеніи племянника, а профессоръ Ф. Стефанъ писалъ о замѣщеніи освобождающейся у него (въ случаѣ согласія Коллегіи) вакансіи адъюнкта докторомъ Христіаномъ Шлецеромъ, «ибо онъ не только новую химію весьма твердо знаетъ и въ основаніяхъ ботаники весьма свѣдущъ, но даже подъ моимъ руководствомъ большую часть около Москвы обрѣтающихся растеній знаетъ и находить можетъ», но Коллегія устранила этого кандидата на адъюнктуру подъ тѣмъ предлогомъ, что Шлецеръ натуралистъ, а не медикъ. Стало быть у Стефана не было двухъ адъюнктовъ, иначе зачѣмъ бы ему просить себѣ новаго адъюнкта на мѣсто выбывающаго Ф. Гильтебрандта.

И такъ вопросъ состоитъ въ томъ: два ли это различныхъ лица — Андрей Гильдебрандтъ и Федоръ Гильтебрандтъ, оба бывшіе въ одно время адъюнк-

школы въ академію и главному [1]) доктору госпиталя И. М. Миндереру порученъ былъ временный присмотръ за студентами, до опредѣленія инспектора, онъ назначенъ былъ Коллегіею въ помощники ему (14 іюля 1799); но мелкія интриги и придирчивая злоба нѣмецкой партіи преслѣдовали его на каждомъ шагу. Конечно, эти мелкія преслѣдованія не примѣтны для посторонняго глаза; но тѣмъ-то они и тяжелы, что скрыты, хоть отъ того не менѣе отравляютъ жизнь. Успенскій не выдержалъ этой борьбы, подалъ въ отставку и послѣ увольненія отъ службы (24 ноября 1800 года) уѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, а должность госпитальнаго оператора поручена (7 ноября 1801) профессору хирургіи Московской медико-хирургической академіи надворному совѣтнику Павлу Шумлянскому. Такимъ образомъ онъ былъ послѣднимъ операторомъ Московскаго генеральнаго госпиталя и существовавшей при немъ медико-хирургической школы. (Подлинные документы операторскаго конкурса его цѣлы до сихъ поръ въ архивѣ и находятся въ книгѣ 484 *Дѣлъ Медицинской Коллегіи*, 1795—1797 годовъ).

тами у профессора Ф. Стефана, или не одно ли это и тоже лицо, но подъ различными именами? А если это одно и тоже лицо, то отъ чего оно на каѳедрѣ ботаники называлось Андреемъ, а на каѳедрѣ анатоміи переименовалось Ѳедоромъ? отъ чего въ спискѣ преподавателей 1801 года Андрей Гильдебрандтъ показанъ адъюнктомъ ботаники и химіи? Вопросъ этотъ могутъ рѣшить только московскіе старожилы, къ которымъ мы и обращаемъ его съ нашею покорнѣйшею просьбою о рѣшеніи.

[1]) «Старшіе» доктора госпиталей начали называться «главными» докторами ихъ съ 12 февраля 1799 года, потому что въ этотъ день утвержденъ докладъ Коллегіи (о томъ, что одному лицу не слѣдуетъ занимать двухъ или трехъ должностей), въ которомъ они такъ названы.

2007056338